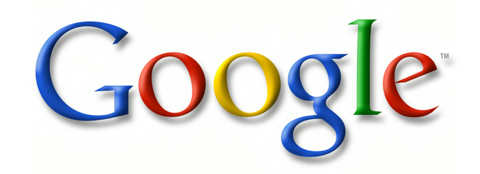


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЗАПИСКИ ДЕРЖАВИНА.

ЗАПИСКИ

ГАВРІИЛА РОМАНОВИЧА

ДЕРЖАВИНА.

1743–1812.

Съ литературными и историческими примѣчаніями

П. И. Бартенева.

Изданіе Русской Бесѣды.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Мясницкой улицѣ.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ Москва. 2 Марта. 1860 года.

Ценсоръ *А Драшусовъ*.

Записки Державина до сихъ поръ были извѣстны, и то болѣе по слухамъ, весьма немногимъ любителямъ отечественной старины. Изрѣдка и глухо упоминалось объ нихъ въ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ, напр. у Пушкина, въ Исторіи Пугачевскаго бунта; но никто изъ писавшихъ о Державинѣ, ни одинъ издатель его сочиненій, не имѣлъ доступа къ его Запискамъ, которыя бережно хранились у его наслѣдниковъ. Нынѣ Записки эти выходятъ въ свѣтъ и дѣлаются вполнѣ доступны для всякаго. Историческая важность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. По занимательности и обилію сообщаемыхъ извѣстій, они могутъ быть поставлены на ряду съ Записками кн. Шаховскаго, кн. Щербатова, княгини Дашковой и Екатерины II-й (*). Пѣвецъ и статсъ-секретарь великой государыни, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей ея царствованія, Державинъ подробно разсказываетъ намъ жизнь свою, и почти черезъ полвѣка послѣ кончины своей является на безпристрастный судъ потомства.

Общій тонъ и характеръ Записокъ Державина выражается въ заглавіи, которое онъ далъ имъ. Это собственно не Записки, въ смыслѣ мемуаровъ, а *Записка изъ извѣстныхъ всѣмъ произшествіевъ и подлинныхъ дѣлъ*, заключаю-

---

(*) Драгоцѣнные отрывки изъ нихъ приведены въ статьѣ г. Пекарскаго о семилѣтней войнѣ, въ Военномъ Сборникѣ 1858 года.

щая въ себѣ жизнь Гаврилы Романовича Державина,— родъ сенатской меморіи или дѣловаго отчета. Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ онъ свою гражданскую и служебную дѣятельность:

За слова—меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ чтитъ.

Но и тутъ обнаружился пылкій нравъ Державина. Положивши себѣ писать о служебномъ поприщѣ, онъ безпрестанно дѣлаетъ отступленія, такъ сказать, проговаривается, и сообщаетъ намъ разнаго рода живыя и занимательныя подробности. Собственное его выраженіе про себя: *горячъ и въ правдѣ чортъ,* могло бы быть поставлено эпиграфомъ къ его Запискамъ.

О литературныхъ занятіяхъ въ Запискахъ говорится весьма мало, потому что все, относящееся до этого предмета, было изложено особо и еще прежде. Исполняя обѣщаніе, данное публикѣ въ 1808 году (въ предисловіи къ Собранію своихъ сочиненій), « показать случаи, для которыхъ что̀ писано и что̀ къ кому относится », Державинъ продиктовалъ племянницѣ своей, Елизаветѣ Николаевнѣ Львовой, извѣстныя *Объясненія,* напечатанныя въ 1831 году Ѳ. П. Львовымъ. Кромѣ того, онъ позволилъ одному изъ близкихъ знакомыхъ своихъ, служившему при немъ въ министерствѣ юстиціи, чиновнику и литератору Ѳ. Н. Остолопову, записать разные его разсказы и отмѣтки о происхожденіи его стиховъ, и такимъ образомъ образовалась книжка, выданная Остолоповымъ въ 1822 году: *Ключъ къ сочиненіямъ Державина.*—Весьма вѣроятно, что самая мысль описать свою жизнь пришла Державину въ то время, какъ онъ диктовалъ Объясненія на сочиненія свои. Ему естественно захотѣлось передать потом-

ству и другую, важнѣйшую, по его понятіямъ, сторону своей дѣятельности; тѣмъ болѣе, что въ это время онъ имѣлъ много досугу, совершенно удалившись отъ государственныхъ дѣлъ.

Записки писаны между 1808 и 1812 годами (стр. 502 текста), на седьмомъ десяткѣ лѣтъ отъ роду. Сочиняя ихъ, Державинъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ предварительныхъ отмѣтокъ, и довѣрялся единственно памяти. Этимъ объясняется неточность и нѣкоторая сбивчивость изложенія: иногда онъ повторяетъ уже сказанное, говоритъ о себѣ то въ третьемъ, то въ первомъ лицѣ, ошибается въ годахъ, не доканчиваетъ рѣчи, и проч. Кажется, онъ даже не выправилъ Записокъ: хотя въ рукописи довольно помарокъ, какъ видно изъ прилагаемаго снимка (соотвѣтствующаго 347 стр. печатнаго текста, начиная съ 14 строки съ низу), но слогъ крайне небреженъ. Въ немъ какъ будто отразилась нѣкоторая, если смѣемъ употребить это выраженіе, шероховатость его характера. Впрочемъ таковы всѣ, доселѣ обнародованныя, прозаическія сочиненія Державина. Сочиняя дѣловыя бумаги, сенатскія меморіи и голоса, Державинъ не успѣлъ выработать себѣ прозаическаго языка.

Подлинная рукопись Записокъ Державина, въ листъ, на толстой синей бумагѣ, въ 1843 году досталась, по смерти жены и единственной наслѣдницы его, бывшему попечителю С.-Петербургскаго университета, извѣстному археологу Константину Михайловичу Бороздину, а отъ сего послѣдняго его дочери, отъ которой и пріобрѣтена Русскою Бесѣдою черезъ посредство Д. В. Полѣнова. Въ печати не сдѣлано никакихъ измѣненій относительно слога, и только исправлены нѣкоторыя явныя ошибки правописанія, да выпущено, по неза-

висящимъ отъ редакціи причинамъ, въ разныхъ мѣстахъ, двадцать пять строкъ, не болѣе.

Что касается до примѣчаній, которыми обставленъ издаваемый нынѣ текстъ Записокъ, то составитель ихъ думаетъ, что они пригодятся біографу Державина. Библіографическій перечень сочиненій Державина прекращенъ на царствованіи Павла, частью потому, что съ этого времени самое изложеніе въ Запискахъ не позволяетъ слѣдить погодно за литературною дѣятельностью Державина, частію же—и главнѣйше—потому, что второе отдѣленіе императорской академіи наукъ обѣщаетъ выдать полное, библіографически-точное, изданіе сочиненій Державина. Имя ученаго, который принялъ на себя труды по этому изданію, служитъ ручательствомъ, что дѣло будетъ исполнено наилучшимъ образомъ.

П. Б.

26 Февраля, 1860 г. Москва.

Въ 1808 году, въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій, Державинъ обѣщалъ публикѣ написать примѣчанія къ нимъ и показать « случаи, для которыхъ что писано и что къ кому относится. » Въ слѣдующемъ году онъ исполнилъ это обѣщаніе и продиктовалъ племянницѣ своей Е. Н. Львовой, когда какое сочиненіе писано, по какому поводу, откуда заимствовано и пр. *Объясненія* эти напечатаны въ 1834 году Ѳ. П. Львовымъ. Но еще прежде, одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Державина, служившій при немъ въ Министерствѣ Юстиціи, самъ любитель словесности и авторъ, Н. Ѳ. Остолоповъ, собралъ записанные имъ разсказы Державина, относившіеся до его сочиненій, и въ 1822 году напечаталъ *Ключь къ сочиненіямъ Державина*. Въ обѣихъ этихъ книгахъ разсѣяно много подробностей о жизни поэта.

По свойству таланта своего Державинъ принадлежитъ къ числу писателей, сочиненія которыхъ самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ ихъ жизнью. Пылкій и впечатлительный, онъ писалъ большею частью по какому нибудь особенному случаю; стихи его наполнены указаніями и намеками на современныя лица, на современныя событія и всего чаще на обстоятельства его собственной жизни. Поэтому, когда онъ диктовалъ примѣчанія къ стихамъ своимъ, ему естественно припоминалось все его прошедшее; и такъ какъ жизнь его почти вся посвящена была, съ одной стороны стихамъ, съ другой службѣ, то объяснивъ первые, онъ захотѣлъ описать и вторую. Это побужденіе было тѣмъ

естественнѣе, что службу свою онъ ставилъ гораздо выше дѣятельности литературной:

За слова—меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ чтитъ.

Такимъ образомъ возникли нынѣ издаваемыя *Записки Державина*, обнимающія жизнь его съ рожденія по 1812 годъ. Въ нихъ почти исключительно изложено гражданское и служебное его поприще, и потому они гораздо важнѣе въ историческомъ, нежели въ литературномъ отношеніи. Державинъ изобразилъ себя, по преимуществу, какъ чиновника, статсъ-секретаря и министра. Его собственное выраженіе о себѣ, что *горячъ и въ правдѣ чортъ*, вполнѣ характеризуетъ эту сторону его дѣятельности.

Къ сожалѣнію Державинъ принялся за свои Записки уже въ преклонныхъ лѣтахъ: онѣ окончены въ 1812 году, когда ему шелъ семидесятый годъ, чѣмъ и объясняется неточность въ нѣкоторыхъ показаніяхъ. Кажется, онъ не успѣлъ выправить, ни даже перечесть Записокъ: такъ можно судить по рукописи, оставшейся въ чернѣ, писанной весьма неразборчиво и со множествомъ помарокъ. Не говоримъ уже о тяжеломъ и безобразномъ слогѣ: въ этомъ отношеніи даже Кантемиръ и Тредьяковскій, въ прозаическихъ сочиненіяхъ своихъ, могутъ быть поставлены выше Державина, который, сочиняя дѣловыя бумаги, Сенатскія меморіи и голоса, не успѣлъ выработать себѣ прозаическаго языка.

Подлинная рукопись *Записокъ*, доставшаяся, по смерти супруги Державина, К. М. Бороздину, пріобрѣтена Русскою Бесѣдою отъ наслѣдниковъ сего послѣдняго. Въ печати не сдѣлано никакихъ измѣненій относительно слога, и только исправлены нѣкоторыя явныя ошибки правописанія.

П. И. Бартеневъ, которому Русская Бесѣда поручила заняться изданіемъ въ свѣтъ Записокъ Державина, обставилъ ихъ примѣчаніями.

ЗАПИСКА

ИЗЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ВСѢМЪ ПРОИЗШЕСТВІЕВЪ И ПОДЛИННЫХЪ ДѢЛЪ,

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ ЖИЗНЬ

Гаврилы Романовича Державина.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Съ рожденія его и воспитанія по вступленіе въ службу.

Бывшій статсъ-секретарь при Императрицѣ Екатеринѣ Второй, сенаторъ и коммерцъ-коллегіи президентъ, потомъ при Императорѣ Павлѣ членъ Верьховнаго Совѣта и государственный казначей, а при Императорѣ Александрѣ министръ юстиціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ родился въ Казанѣ, отъ благородныхъ родителей, въ 1743 году, Іюля 3 числа ([1]). Отецъ его служилъ въ арміи и, получивъ

---

(1) На шестомъ десяткѣ лѣтъ Державинъ въ слѣдующихъ стихахъ вспоминалъ свою Казань:

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей,
И твой по прежнему всегдашній буду житель?
Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть,
Васъ, дубы Камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей священны?

(Изъ стихотворенія *Арфа*)

отъ конскаго удару чахотку, переведенъ въ Оренбургскіе полки [1] преміеръ-маіоромъ; потомъ отставленъ въ 1754 году полковникомъ. Мать его была изъ роду Козловыхъ [2]. Отецъ его имѣлъ за собою, по раздѣлу съ пятерыми братьями, крестьянъ только 10 душъ, а мать 50. При всемъ семъ недостаткѣ были благонравные и добродѣтельные люди. Помянутый сынъ ихъ былъ первымъ отъ ихъ брака; въ младенчествѣ былъ весьма малъ, слабъ и сухъ, такъ что, по тогдашнему въ томъ краю непросвѣщенію и обычаю народному, должно было его запекать въ хлѣбѣ, дабы получилъ онъ сколько нибудь живности. Въ томъ же году [3] отецъ его по коммисіи командированъ былъ къ слѣдствію купцовъ Корякиныхъ въ городъ Яранскъ.—Примѣчанія достойно, что когда въ 44 году явилась большая, весьма извѣстная ученому свѣту комета [4], то при первомъ на нее воззрѣніи младенецъ, указывая на нее перстомъ, первое слово выговорилъ: *Богъ!* [5] Родители съ взаимною нѣжностію старались его воспитывать; однако же, когда въ послѣдующемъ году родился у него братъ, то мать любила болѣе меньшаго [6],

---

Въ примѣчаніи къ послѣднему стиху (у Львова) сказано, что въ Казанскомъ уѣздѣ, въ селѣ *Егорьевѣ*, находится фамильное кладбище Державиныхъ.

Память Державина увѣковѣчена въ Казани, кромѣ извѣстной статуи на дворѣ университетскаго дома (1847), учрежденіемъ стипендіи для трехъ студентовъ (1843), которые содержатся на проценты пожертвованныхъ второю женою его денегъ (8571 р.) и называются *Державинскими пансіонерами*, безъ обязательства служить казнѣ.

(1) Въ Пензенскій пѣхотный полкъ Оренбургскаго корпуса, какъ показано у митроп. Евгенія, въ его Словарѣ свѣтскихъ писателей, ч. 1, стр. 166.

(2) Отецъ ея былъ ротмистромъ, а дѣдъ стольникомъ (см. *Ключь*, Остолопова).

(3) Въ подлинной рукописи слова: *въ томъ же году* написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: *въ 44-мъ году*.

(4) Комета 1744 года принадлежала къ числу наиболѣе замѣчательныхъ. Она отличалась длиннымъ хвостомъ съ шестью загнутыми лучами, и производила сильное впечатлѣніе въ народѣ. Въ Шацкомъ уѣздѣ было даже дѣло по поводу слуховъ о предвѣщаемыхъ будто бы этою кометою бѣдствіяхъ.

(5) *Примѣчаніе Державина.* Два сіи произшествія совершенная были правда, и можетъ быть Провидѣніемъ предсказано чрезъ нихъ было, первымъ: (*т. е. что запекали его въ хлѣбѣ*): трудной путь его жизни, что перешолъ, такъ сказать, чрезъ огонь и воду; вторымъ: что напишетъ оду *Богъ*, которая отъ всѣхъ похваляется.

(6) Этого меньшаго брата, умершаго въ 1770 году, звали Андреемъ (см. біографію Державина у митроп. Евгенія).

а отецъ старшаго, который на четвертомъ году уже умѣлъ читать. За неимѣніемъ въ тогдашнее время въ томъ краю учителей, наученъ отъ церковниковъ читать и писать. Мать однако, имѣя болѣе времени быть дома, когда отецъ отлучался по должностямъ своимъ на службу, старалась пристрастить къ чтенію книгъ духовныхъ, поощряя къ тому награжденіемъ игрушекъ и конфектовъ. Старшій былъ острѣе и расторопнѣе, а меньшій глубокомысленнѣе и медлительнѣе. Въ младенческіе годы прожили они подъ непрестаннымъ присмотромъ родителей нѣсколько въ сказанномъ городѣ Яранскѣ, потомъ въ Ставрополѣ, что̀ близъ Волги, а наконецъ въ Оренбургѣ, гдѣ старшій, при вступленіи въ отроческія лѣта, то есть по седьмому году, по тогдашнимъ законамъ ([1]), явленъ былъ на первой смотръ губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву и отданъ для наученія Нѣмецкаго языка, за неимѣніемъ тамъ другихъ учителей, сосланному за какую-то вину въ каторжную работу, нѣкоторому Іосифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей въ Оренбургѣ, при должностяхъ находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставникъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о ко́ихъ разсказывать здѣсь было бы отвратительно; былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей тверженію наизустъ вокаболъ и разговоровъ, и списываніемъ оныхъ, его Розы рукою прекрасно однако писанныхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, посредствомъ таковаго ученія, разумѣлъ уже здѣсь упомянутой питомецъ по-нѣмецки читать, писать и говорить ([2]), и какъ имѣлъ чрезвычайную

---

(1) О явкѣ недорослей на смотръ было нѣсколько законовъ, начиная съ 1720 года. Подробныя правила по этому предмету всего обстоятельнѣе изложены въ указахъ Анны Ивановны, 9 и 19 Февраля 1737 года; мальчиковъ отъ семилѣтняго возраста велѣно было являть и записывать въ Спб. у Герольдмейстера, а въ Москвѣ и губерніяхъ у губернаторовъ; когда имъ исполнялось 12 лѣтъ, они опять представлялись на нѣкотораго рода экзаменъ въ наукахъ; 16 лѣтъ они уже обязаны были ѣхать въ Петербургъ или въ Москву, для представленія въ Герольдію или въ Сенатъ.

(2) По свидѣтельству И. И. Дмитріева (см. отрывокъ изъ его Записокъ, Москвитянинъ 1842 г. № 1. стр, 160), Державинъ кромѣ Нѣмецкаго не зналъ

къ наукамъ склонность, занимаясь между уроковъ денно и ночно рисованію, но какъ не имѣлъ не токмо учителей, но и хорошихъ рисунковъ, то довольствовался изображеніемъ богатырей, каковые деревянной печати въ Москвѣ на Спасскомъ мосту продаются, раскрашивая ихъ чернилами, простою и жженою вохрою, такъ что всѣ стѣны его комнаты были оными убиты и уклѣены. Въ теченіи сего времени отецъ имѣлъ коммисіи быть при межеваніи нѣкоторыхъ владѣльческихъ земель, то отъ геодезиста, при немъ находящагося, сынъ получилъ охоту къ инженерству. Наконецъ, когда отецъ его въ 1754 году получилъ отставку, для которой ѣздилъ въ Москву, въ бытность въ оной Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, то и сей любимый сынъ его былъ съ нимъ, съ намѣреніемъ, чтобъ записать его въ кадетской корпусъ или въ артиллерію; но какъ для того надобно было ѣхать въ Петербургъ, а дѣла отца его, которыя онъ долженъ былъ кончить въ Москвѣ, паче же недостатокъ, что издержался деньгами, ѣхать ему въ сію новую столицу не дозволили, то возвратился онъ съ деревню съ намѣреніемъ въ будущемъ году непремѣнно записать сына въ помянутыя мѣста. Хотя ему и вызывались нѣкоторыя особы въ Москвѣ принять его въ гвардію; но онъ по недостатку своему на то не могъ согласиться; однако же, по пріѣздѣ въ деревню ([1]), въ томъ же году въ Ноябрѣ мѣсяцѣ скончался, и тѣмъ самымъ пресѣклись желанія отца и сына, чтобы быть послѣднему въ такихъ командахъ, гдѣ бы чему нибудь ему научиться можно было.

И такимъ образомъ мать осталась съ двумя сыновьями и съ дочерью одного году въ крайнемъ сиротствѣ и бѣдно-

---

никакого другаго иностраннаго языка. Въ послѣдствіи, благодаря большой начитанности, онъ познакомился довольно близко съ иностранною словесностью, и въ сочиненіяхъ его есть переводы изъ Греческихъ, Латинскихъ, Итальянскихъ и Французскихъ писателей и подражанія имъ; но все это лишь по Русскимъ и Нѣмецкимъ переводамъ. Вообще въ первую половину прошедшаго вѣка почти исключительнымъ проводникомъ образованности служилъ у насъ Нѣмецкій языкъ; съ царствованія Елисаветы, и особенно при Екатеринѣ, быстро распространяется знаніе и Французскаго языка.

(1) Казанскую (*Ключъ* Остолопова).

сти; ибо, по бытности въ службѣ, самомалѣйшія деревни, и тѣ въ разныхъ губерніяхъ по клочкамъ разбросанныя, будучи неустроенными, никакого доходу не приносили, что даже 15 р. долгу, послѣ отца оставшаго, заплатить не чѣмъ было; притомъ сосѣди иные прикосновенныя къ нимъ земли отняли, а другіе, построивъ мельницы, остальные луга потопили. Должно было съ ними входить въ тяжбу; но какъ не было у сиротъ ни достатку, ни защитника, то обыкновенно въ приказахъ всегда сильная рука перемогала; а для того мать, чтобъ какое гдѣ нибудь отыскать правосудіе, должна была съ малыми своими сыновьями ходить по судьямъ, стоять у нихъ въ переднихъ у дверей по нѣскольку часовъ, дожидаясь ихъ выходу; но когда выходили, то не хотѣлъ никто выслушать ее порядочно; но всѣ съ жестокосердіемъ ее проходили мимо, и она должна была ни съ чѣмъ возвращаться домой со слезами, въ крайней горести и печали, и какъ не могла нигдѣ найти защиты, то и принуждена была лучшія угодья отдать записью купцу Дрябову за 100 рублей въ вѣчную кóртому (1), на которыхъ и построилъ онъ для суконной своей фабрики, въ Казанѣ находящейся, сукно-валельную мельницу, которая и теперь въ деревнѣ Комаровкѣ существуетъ, и которую послѣ, при межеваніи, старшій сынъ, будучи уже одинъ наслѣдникъ, не хотя нарушить слова матери, за нимъ утвердилъ. Таковое страданіе матери отъ неправосудія вѣчно осталось запечатлѣннымъ на его сердцѣ, и онъ, будучи потомъ въ высокихъ достоинствахъ, не могъ сносить равнодушно неправды и притѣсненія вдовъ и сиротъ. При таковыхъ однако напастяхъ мать никогда не забывала о воспитаніи дѣтей своихъ, но прилагала всевозможное попеченіе, какое только возможно было имъ доставить; а для того (2) отдала ихъ въ наученіе, за неимѣніемъ лучшихъ учителей Ариѳметики и Геометріи, сперва гарнизонному

---

(1) Слово *кóртома* доселѣ употребляется по губерніямъ, и преимущественно восточнымъ; оно значитъ *наемъ*: домъ *окортомилъ*—домъ нанялъ; *кортомщикъ*—наемщикъ, жилецъ въ домѣ.

(2) Тутъ слѣдуютъ въ рукописи зачеркнутыя слова: *на другой годъ послѣ смерти мужа ѣздила съ ними въ Москву.*

школьнику Лебедеву, а потомъ Артиллеріи штыкъ-юнкеру Полетаеву; но какъ они и сами въ сихъ наукахъ были мало свѣдущи, ибо какъ Роза Нѣмецкому языку училъ безъ грамматики, такъ и они Ариѳметикѣ и Геометріи безъ доказательствъ и правилъ, то и довольствовались въ Ариѳметикѣ однѣми первыми пятью частями, а въ Геометріи черченію фигуръ, не имѣя понятія, что̀ и для чего надлежитъ.

Когда же большому сыну насталъ 12-й годъ, то мать, дабы исполнить законъ и явить герольдіи въ положенный срокъ дѣтей своихъ, въ 757 году ѣздила въ Москву, желая также, по явкѣ въ оной и по полученіи доказательствъ на дворянство, записать ихъ въ помянутыя мѣста, куда отецъ хотѣлъ; но какъ противъ всякаго чаянія въ герольдіи не могла она объяснить хорошенько роду Державиныхъ, по которымъ городамъ и въ которыхъ годахъ предки ихъ служили, то и произошло затрудненіе; а для того, чтобъ отвратить оное, должно было обратиться къ нѣкоему подполковнику Дятлову, живущему въ Можайскомъ уѣздѣ, произшедшему отъ сестры мужа ея, который, пріѣхавъ въ Москву, доказалъ истинное дворянское произхожденіе явленныхъ недорослей отъ рода Багримы мурзы, выѣхавшаго изъ Золотой Орды при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Темномъ, что̀ явствуетъ въ Бархатной книгѣ вообще съ родами: Нарбековыми, Акинфіевыми, Кеглевыми и прочими ([1]); но какъ на таковое изысканіе древности употреблено много времени, то зимнею порою и не можно уже было доѣхать до Петербурга, а какъ лѣтній путь по недостатку не былъ подъ силу, то и возвратились въ Казань съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ году совершить свое предположеніе.

Поелику же въ 1758 году открылась въ Казанѣ гимназія ([2]), состоящая подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго

---

(1) Въ Бархатной книгѣ (изд. Миллера, 1787, ч. 11, стр. 421) вмѣсто *Золотой орды* названа *Большая орда* и вмѣсто *Кеглевыхъ — Теглевы.* Державинъ обозначилъ эти имена невѣрно, точно такъ какъ выше назвалъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ В. Князя Василія Ивановича Темнаго. — Восточное происхожденіе Державина приводитъ намъ на память, что Пушкинъ былъ правнукъ Араба, что Жуковскій родился отъ Турчанки, и что въ самомъ имени Карамзина слышны восточные звуки (*кара* — черный).

(2) Указъ о Казанской гимназіи выданъ 21 Іюля 1758, а открыта она Веревкинымъ въ началѣ слѣдующаго года.

Университета, то и отложена поѣздка, а записаны дѣти въ сіе училище, въ которомъ преподавалось ученіе языкамъ: Латынскому, Французскому, Нѣмецкому, Ариѳметикѣ, Геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію, подъ дирекціею бывшаго тогда ассесоромъ Михайла Ивановича Веревкина ([1]); однако же, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими правилами какъ и прежде. Болѣе жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить, сколько нибудь, по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизустъ рѣчи; также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ по случаю экзаменовъ; что̀ сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однако же доставило людскость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи. Старшій изъ Державиныхъ оказалъ болѣе способности къ наукамъ до воображенія касающимся, а меньшой къ математическимъ; однако же, во всѣхъ классахъ старшій своею расторопностію блисталъ поверхностью и бралъ предъ меньшимъ преимущество, который казался тупъ и застѣнчивъ. Въ слѣдствіе чего, старшій отличался въ рисованіи, а потому, когда директоръ въ 759 году сбирался главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову дать отчетъ въ успѣхахъ ввѣреннаго ему училища, то и приказалъ отличившимся ученикамъ начертить Геометрію и скопировать карты Казанской губерніи, украсивъ оныя разными фигурами и ландшафтами, дабы тѣмъ дать блескъ

---

(1) *Веревкинъ* (†1795), воспитанникъ Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса, славившійся живостью характера и остроуміемъ, принадлежитъ къ числу плодовитѣйшихъ нашихъ писателей. Онъ напечаталъ болѣе *полутороста томовъ* разныхъ своихъ сочиненій и переводовъ (см. списокъ ихъ въ Москвит. 1842, № 12, стр. 398—402). Въ Октябрѣ 1761 года, по доносу учителей гимназіи Оттенталя и Дювиллара на разные безпорядки, Шуваловъ отставилъ его отъ директорства, и прислалъ на его мѣсто профессора Савича (см. его біографію въ Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета). Но Веревкинъ еще два года оставался въ Казани въ должности губернаторскаго товарища. Ниже Державинъ по старой памяти называетъ его еще директоромъ. Впослѣдствіи они встрѣтились на службѣ во время Пугачевщины у Бибикова и графа Панина: Веревкинъ былъ директоромъ походной канцеляріи графа Панина.

своему старанію о наученіи ввѣреннаго ему благороднаго юношества. Въ числѣ сихъ отличныхъ былъ и старшій Державинъ [1]. Когда же директоръ въ 1760 году изъ Петербурга возвратился, то въ вознагражденіе учениковъ, трудившихся надъ Геометріею, объявилъ каждаго по желанію записанными въ службу въ полки лейбъ-гвардіи солдатами, а Державина въ инженерный корпусъ кондукторомъ, въ слѣдствіе чего и надѣли всѣ принадлежащіе званію каждаго мундиры. Почему Державинъ, при бывшихъ торжествахъ въ гимназіи, и отправлялъ должность артиллериста, бывъ при артиллеріи и при представленіи фейерверковъ.

А когда нужно было, по указу Сената въ томъ же 1760 году снять съ города Чебоксаръ планъ съ различеніемъ домовъ, противъ повелѣнія того правительства не по плану построенныхъ, и отправленъ для того сказанной директоръ Веревкинъ (ибо онъ въ то же время былъ и членъ Губернской Канцеляріи), то за неимѣніемъ тогда въ гимназіи Геометріи учителя, ибо бывшій въ той должности капитанъ Морозовъ умеръ, то и взялъ онъ старшаго Державина вмѣсто инженера съ собою, подчиня ему нѣсколько изъ учениковъ для помощи. Поелику же они всѣ, какъ выше сказано, учились Геометріи безъ правилъ и доказательствъ, и при томъ никогда на практикѣ не бывали, то пріѣхавъ въ городъ, когда должно было снимать оный на планъ, и стали въ пень, тѣмъ паче, что съ ними и астролябіи не было. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ требовали наставленія отъ главнаго командира; но какъ и онъ не весьма далекъ былъ въ математическихъ наукахъ, то и далъ наставленіе весьма странное, или паче весьма смѣшное, приказавъ сдѣлать рамы шириною въ восемь сажень (что̀ была мѣра по Сенатскому указу широты улицы), а длиною въ шестнадцать, и оковавъ оныя связьми желѣзными и цѣпями, носить множествомъ народа вдоль улицы, и когда сквозь которую улицу рама,

---

(1) Въ запискахъ И. И. Дмитріева сказано, что Державинъ обратилъ на себя вниманіе Веревкина, снявши простымъ перомъ съ гравированнаго эстам на портретъ императрицы Елисаветы Петровны, и что Веревкинъ представилъ этотъ портретъ И. И. Шувалову.

не проходя, задѣвала за какой либо домъ, изъ коихъ нѣкоторые были каменные, то записывать въ журналъ, которой домъ сколько не въ мѣру построенъ противъ Сенатскаго положенія; а на воротахъ мѣломъ надписывать: *ломать*. Сіе можетъ быть не непоискуству его, но изъ хитрости приказано было для того, чтобъ народу и хозяевамъ болѣе сдѣлать тревоги; ибо когда съ идущихъ мимо города по Волгѣ судовъ сганиваемы были бурлаки для ношенія помянутыхъ рамъ, то суда остановлялись, а знатные граждане устрашены надписью, что ихъ домы ломать будутъ, то и уважали болѣе давшаго таковое странное повелѣніе. Слѣдовательно и искали чрезъ всякія средства у него милости граждане, чтобъ не ломали ихъ домовъ, а судовые хозяева, чтобъ не возпрещали далѣе ихъ плаванія. Притомъ къ сугубому жителей устрашенію, а особливо богатаго купечества, у которыхъ внутри города построены были кожевенные заводы, вымыслилъ онъ господинъ Веревкинъ средство доказать имъ, что они не токмо дѣлаютъ нечистоту и зловоніе въ городѣ, но и вредъ здравію; то приказалъ онъ, при собраніи чиновниковъ Воеводской Канцеляріи, Магистрата и народа, вынуть у самыхъ заводовъ нѣсколько со дна рѣки грунту, которой ни что иное оказался, какъ коженныя стружки, ольховая и дубовая кора, и положить оныя въ горчаку, а воду налить въ бутылки и тоже самое сдѣлать выше по рѣкѣ, гдѣ никакихъ заводовъ не было, и тотъ вынутой дрязгъ запечатать печатьми его Веревкина, Магистрата и Воеводской Канцеляріи, написавъ на привязанныхъ къ нимъ ерлыкамъ, гдѣ и при комъ именно горшки наполнены и бутыли налиты. Сдѣлавъ сіе, приказалъ горшки и бутыли выставить въ открытыхъ мѣстахъ на солнце, а какъ они простояли такимъ образомъ три дни въ лѣтніе жаркіе дни, то, при собраніи тѣхъ же чиновниковъ и народа, приказалъ распечатать. Натурально, что оказались въ нихъ черви и весьма скверной запахъ. По поводу чего и далъ онъ Воеводской Канцеляріи и Магистрату предложеніе, чтобъ дѣйствіе заводовъ было до указу отъ Сената остановлено, и кожъ бы на нихъ ни подъ какимъ образомъ не дѣлали и въ рѣкѣ не полоскали. Въ слѣдствіе (*чего*) и поставлены были при заводахъ крѣпкіе караулы.

Но какъ отъ того хозяевамъ заводовъ произошелъ крайній убытокъ, что въ чанахъ кожи гнили, мастера и работные люди получать должны были работныя деньги по напрасну, то и старались хозяева производить свое издѣлье тайнымъ образомъ, заставя угрозами или подкупомъ молчать караульщиковъ, въ чемъ и трудности не было, ибо они были не военные люди, а ихъ же сограждане, находившіеся при Воеводской Канцеляріи и Магистратѣ разсыльщиками. Поелику же со стороны г. Веревкина были приставлены тайные лазутчики, то въ одинъ день рано на зарѣ и захвачено было великое множество кожъ, вывезенныхъ изъ чановъ для полосканія на рѣку. Тутъ воевода и бургомистръ должны были прибѣгнуть къ снисхожденію г. ассесора, котораго какъ-то умилостивили, а тѣмъ и кончилась сначала толь страшная коммисія. Державину приказано было планъ города нарочно огромной величины сдѣланной (которой ни въ какой обыкновенной комнатѣ умѣщаться не могъ, а черченъ на подволокѣ однихъ купеческихъ палатъ), не докончивъ, свернувъ и уклавъ его подъ гнетомъ на телѣгу, отвезти въ Казань, что̀ имъ и исполнено.

Въ 1761 году получилъ г. Веревкинъ отъ Главнаго Куратора Ивана Ивановича Шувалова повелѣніе, чтобъ описать развалины древняго Татарскаго, или Золотой орды города, называемаго *Болгары*, лежащаго между рѣкъ Камы и Волги, отъ послѣдней въ 5-ти, а отъ первой въ 50-ти или 60-ти верстахъ (1), и сыскать тамъ какихъ только можно древностей, то есть, монетъ, посуды и прочихъ вещей. Не имѣя способнѣйшихъ къ тому людей, выбралъ онъ изъ учениковъ Гимназіи паки Державина и присовокупя къ нему нѣсколько изъ его товарищей, отправился съ ними въ Іюнѣ или Іюлѣ мѣсяцѣ въ путь. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, наскучилъ, оставилъ Державина, и подчинивъ ему прочихъ, приказалъ доставить къ себѣ въ Казань планъ, съ описаніемъ города и буде что найдется изъ древностей. Державинъ, пробылъ тамъ до глубокой осени, и что могъ, не имѣя самонужнѣйшихъ способовъ, исполнилъ. Описаніе, планъ и виды

(1) Это теперь село Богородицко-Успенское.

развалинъ нѣкоторыхъ строеній, то есть Ханскаго дворца, бани и каланчи, съ подземельными ходами, укрѣпленной желѣзными обручами по повелѣнію Петра Великаго, когда онъ шествовалъ въ Персію, и списки съ надписей гробницъ, также монету мѣдную и нѣсколько серебреной и золотой, кольцы ушныя и наручныя, вырытыя изъ земли дождемъ, урны глиняныя или кувшины, вырытые изъ земли съ углями, собралъ и по возвращеніи въ Казань отдалъ г. Веревкину. Онъ монеты и вещи принялъ, а описаніе, планъ, виды и надписи приказалъ переписать и перерисовать на чисто и принесть къ нему тогда, какъ онъ въ началѣ наступавшаго года по обыкновенію будетъ собираться въ Петербургъ для отданія отчетовъ Главному Куратору объ успѣхахъ въ наукахъ въ Гимназіи; но какъ въ началѣ 1762 года получено горестное извѣстіе о кончинѣ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, то онъ наскоро отправился въ столицу, приказавъ Державину сдѣланное имъ доставить къ нему послѣ.

Скоро потомъ Державинъ получилъ изъ канцеляріи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка паспортъ 1760 года за подписаніемъ лейбъ-гвардіи маіора князя Менщикова, въ которомъ значилось, что онъ отпущенъ для окончанія наукъ до 1762 года. А какъ сей срокъ прошелъ, ибо тогда былъ того года уже Февраль мѣсяцъ, то и долженъ онъ былъ немедленно отправиться къ полку, тѣмъ паче, что не имѣлъ уже никакой себѣ подпоры въ Веревкинѣ, на котораго мѣсто въ директоры Казанской Гимназіи присланъ былъ нѣкто профессоръ Савичь ([1]).

---

(1) Я. К. Гротъ, въ превосходныхъ статьяхъ своихъ (Современникъ 1843, №№ 2, 4, 11 и 12), къ сожалѣнію обнимающихъ лишь первую половину жизни Державина, справедливо замѣтилъ, что недостатокъ первоначальнаго серьознаго образованія значительно восполнялся для Державина разнообразными впечатлѣніями его юности. Въ самомъ дѣлѣ, первые годы Державина прошли въ частыхъ переѣздахъ по огромнымъ пространствамъ Волжскаго края, начиная отъ Яранска (нынѣ юго-западный городъ Вятской губерніи) до Оренбурга и Киргизскихъ владѣній. Великолѣпная степная природа лучше всякаго систематическаго ученія воспитывала въ немъ поэта, и отозвалась потомъ въ широтѣ и смѣлости его художественныхъ пріемовъ.

ГЛАВА II.

Воинская Державина служба до открывшагося въ Имперіи возмущенія.

Въ помянутомъ 1762 году въ Мартѣ мѣсяцѣ прибылъ онъ въ Петербургъ. Представилъ свой паспортъ маіору Текутьеву, бывшему тогда при полку дежурнымъ. Сей чиновникъ былъ человѣкъ доброй, но великой крикунъ, строгой и взыскательной по службѣ. Онъ лишь взглянулъ на паспортъ и увидѣлъ, что просроченъ, захохаталъ и закричалъ: «о братъ! просрочилъ», и приказалъ отвести вѣстовому на полковой дворъ. Привели въ полковую канцелярію и сдѣлали формальной допросъ. Державинъ, хотя былъ тогда не болѣе какъ 18 лѣтъ, однако нашелся и отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, почему присвоилъ его къ себѣ Преображенскій полкъ; ибо никогда желанія его не было служить, по недостатку его, въ гвардіи, а было объявлено отъ него желаніе, чрезъ господина Веревкина, вступить въ артиллерійскій или инженерный корпусъ, изъ которыхъ о принятія въ послѣдній кондукторомъ и былъ отъ него Веревкина удостовѣренъ, и носилъ инженерной мундиръ. По справкѣ въ канцеляріи извѣстно стало, что по списку съ прочими, присланному при сообщеніи отъ Ивана Ивановича Шувалова, записанъ онъ въ Преображенскій полкъ за прилежность и способность къ наукамъ, и отпущенъ для окончанія оныхъ на два года. Но паспортъ лежалъ въ канцеляріи до вступленія на престолъ Императора Петра Третьяго, по повелѣнію котораго велѣно всѣмъ отпускнымъ явиться къ ихъ полкамъ. И какъ посему онъ Державинъ въ просрочкѣ оказался невиннымъ, то и приказано его принять въ третью роту въ рядовые, куды и причисленъ; и какъ не было у него во всемъ городѣ ни одного человѣка знакомыхъ, то поставленъ въ казарму съ даточными солдатами вмѣстѣ съ тремя женатыми и двумя холостыми, и приказано было флигельману учить ружейнымъ пріемамъ и фрунтовой службѣ; и какъ онъ платилъ флигельману за ученье нѣкоторую сумму денегъ, то стара-

ніемъ его и собственною своею расторопностію и силою до того въ экзерціи (*sic*) успѣлъ, что, на случай требованія предъ Императора, изготовленъ былъ съ прочими на показъ; ибо сей Государь великой былъ охотникъ до екзерціи, и самъ почасту роты осматривалъ, какъ (*и*) третью, въ которой князь Трубецкой, фельдмаршалъ, генералъ прокуроръ и подполковникъ гвардіи, числился капитаномъ.

Въ такомъ положеніи бывъ нѣсколько времени, Державинъ вздумалъ, что у него есть вышеписанныя Болгарскія бумаги, которыя приказано было ему представить по командѣ; то онъ, отыскавъ г. Веревкина, принесъ къ нему оныя, а сей представилъ его и съ ними къ главному Куратору Ивану Ивановичу Шувалову. Сей, принявъ его весьма благосклонно, отослалъ въ Академію художествъ къ какому-то чиновнику оной, Евграфу Петровичу Чемезову ([1]), которой, какъ извѣстно всѣмъ, былъ первой того времени славнѣйшій гравирной въ Имперіи художникъ. Сіе было въ великій постъ. Чемезовъ принялъ Державина весьма ласково, хвалилъ его рисунки, которые въ самомъ дѣлѣ были сущая дрянь; но, можетъ быть, для ободренія только молодаго человѣка къ искусствамъ были похваляемы, и приказалъ ему ходить къ себѣ чаще, обѣщавъ ему чрезъ Ивана Ивановича найти средство и путь упражняться въ наукахъ. Но какъ были при Петрѣ Третьемъ безпрестанно ротные и баталіонные строи, и никому никуды изъ роты отлучиться не позволяли, то и не имѣлъ времени Державинъ являться ни въ Шувалову, ни къ Чемезову; а покровителя, чтобъ его кто у ротнаго командира выпрашивалъ, никого не имѣлъ. Въ разсужденіи чего и долженъ былъ, хотя и не хотѣлъ, выкинуть изъ головы науки. Однако, какъ сильную имѣлъ къ нимъ склонность, то не могши упражняться по тѣснотѣ комнаты ни въ рисованіи, ни въ музыкѣ, чтобъ другимъ своимъ компаніонамъ не наскучить, по ночамъ, когда всѣ улягутся, читалъ книги, какія гдѣ достать слу-

(1) Академикъ Чемезовъ (†1765), оставившій нѣсколько превосходныхъ эстамповъ, славился еще необыкновеннымъ, самоучкою пріобрѣтеннымъ искусствомъ рисовать перомъ.

чалось, нѣмецкія и русскія, и маралъ стихи безъ всякихъ правилъ, которые никому не показывалъ, что̀ однако, сколько ни скрывалъ, но не могъ утаить отъ компаніоновъ, а паче отъ ихъ женъ; почему и начали онѣ его просить о написаніи писемъ къ ихъ родственникамъ въ деревни. Державинъ, писавъ просто на крестьянской вкусъ, чрезвычайно имъ тѣмъ угодилъ, и какъ имѣлъ при томъ небольшія деньги, получивъ отъ матери вскорѣ по пріѣздѣ своемъ сто рублей, то и ссужалъ при ихъ нуждахъ по рублю и по два; а чрезъ то пришелъ во всей ротѣ въ такую любовь, что, когда Петръ Третій объявилъ гвардіи походъ въ Данію, то и выбрали они его себѣ артельщикомъ, препоручивъ ему всѣ свои артельныя деньги и закупку нужныхъ вещей и припасовъ для похода. Такимъ образомъ проводилъ онъ свою жизнь между грубыхъ своихъ сотоварищей, ходя безпрестанно не токмо въ строй для обученія экзерциціи, но и во всѣ случающіяся въ ротѣ работы, какъ то: для чищенія каналовъ, для привозки изъ магазина провіанта, на вѣсти къ офицерамъ и на краулы въ полковой дворъ и во дворцы ([1]). 9-го Маія стоялъ на краулѣ въ погребахъ, въ старомъ Зимнемъ дворцѣ (что̀ былъ деревянный, на Мойкѣ, гдѣ нынѣ музыкальной клубъ) и смѣненъ для смотра роты Императоромъ, а скоро послѣ того и всего полка, на Царицыномъ лугу.

Около сего времени, то есть въ Іюнѣ или въ началѣ Іюля мѣсяца, увидѣвъ его въ такомъ уничижительномъ состояніи пасторъ Гельтергофъ, которой за какой-то неважный проступокъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ былъ

---

(1) «Онъ принужденъ былъ пойти на хлѣбъ къ семейному солдату: это значило имѣть съ хозяиномъ общій обѣдъ и ужинъ за условленную цѣну, и жить съ нимъ въ одной свѣтлицѣ, раздѣленной перегородкою. Солдатскія жены, видя его часто съ перомъ или за книгою, возымѣли къ нему особенное уваженіе, и стали поручать ему писать грамотки къ отсутствующимъ роднымъ своимъ. Онъ служилъ имъ нѣсколько мѣсяцевъ безкорыстно перомъ своимъ, но потомъ сдѣлалъ имъ предложеніе, чтобъ онѣ за его имъ услуги уговорили мужей своихъ отправлять въ очередь его ротную службу: стоять за него на ротномъ дворѣ въ караулѣ, ходить за провіантомъ, разгребать снѣгъ около съѣзжей, или усыпать пескомъ учебную площадку. И жены и мужья на то согласились». (Изъ записокъ И. И. Дмитріева).

сосланъ въ Казань и находился въ гимназіи учителемъ, а тогда возвращенъ и Императору былъ знаемъ; то онъ, сожалѣя о его Державина участи, что онъ находится безъ всякаго призрѣнія и обиженъ, что многіе младшіе его солдаты, по рекомендаціямъ своихъ сродниковъ и милостивцевъ, произведены въ капралы, а онъ оставался всегда обойденнымъ, не смотря на то, что его умъ, хорошее поведеніе и расторопность всѣ начальники одобряли, то онъ Гельтергофъ и обѣщалъ его Державина выпросить чрезъ своихъ патроновъ у Императора, какъ знающаго нѣмецкой языкъ въ Голстинскіе офицеры, которыхъ полки или баталіоны квартировали въ Оранбаумѣ. Но благодаря Провидѣніе, сего Гельтергофъ не успѣлъ сдѣлать по наступившей скоро, послѣ 28-го Іюня, извѣстной революціи.

На канунѣ сего дня одинъ пьяной изъ его сотоварищей солдатъ, вышедъ на галлерею, зачалъ говорить, что когда выдетъ полкъ въ Ямскую (разумѣется, въ вышесказанный походъ въ Данію), то мы спросимъ, за чѣмъ и куда насъ ведутъ, оставя нашу матушку Государыню, которой мы ради служить. Таковыхъ рѣчей, въ пьянствѣ и збивчиво выговоренныхъ, Державинъ, не знавъ ни о какомъ заговорѣ, не могъ выразумѣть; тѣмъ паче, что въ то самое время бывшія у него денжонки въ подголовкѣ, когда онъ былъ въ строю, слугою солдата Лыкова, который къ нему недавно въ казарму поставленъ былъ, украдены, то сей неприятной случай сдѣлалъ его совсѣмъ невнимательнымъ къ вещамъ постороннимъ. (Солдаты всей роты, любя Державина, бросились по всѣмъ дорогамъ и скоро поймали вора, который на покупку кибитки и лошадей успѣлъ нѣсколько истратить денегъ). Между тѣмъ въ полночь разнесся слухъ, что гренадерской роты капитана Пассека арестовали ([1]) и посадили на полковомъ дворѣ подъ краулъ; то и собралась было рота во всемъ вооруженіи сама собою, безъ всякаго начальничья приказанія, на ротный плацъ; но, постоявъ нѣсколько во фрунтѣ, разошлась. А

(1) Арестъ П. Б. Пассека, какъ извѣстно, послужилъ главнымъ поводомъ къ ускоренію катастрофы, заставивъ торопиться приверженцевъ Екатерины.

поутру, часу по полуночи въ 8-мъ, увидѣли скачущаго изъ Конной Гвардіи рейтара, который кричалъ, чтобъ шли къ Матушкѣ въ зимній каменной дворецъ ([1]), которой тогда вновь былъ построенъ (въ первой день Святой недѣли Императоръ въ него переѣхалъ). Рота тотчасъ выбѣжала на плацъ. Въ Измайловскомъ полку былъ слышенъ барабанной бой, тревога, и въ городѣ все суматошилось. Едва успѣли офицеры запыхаючись прибѣжать къ ротѣ, изъ которыхъ однако были нѣкоторые равнодушные, будто знали о причинѣ тревоги. Однако всѣ молчали; то рота вся, безъ всякаго отъ нихъ приказанія, съ великимъ устремленіемъ, заряжая ружья, помчалась къ полковому двору. На дорогѣ, въ переулкѣ, идущемъ близь полковаго двора, встрѣтился штабсъ-капитанъ Пиловъ, останавливалъ, но его не послушались и вошли на полковой дворъ. Тутъ нашли маіора Текутьева, въ великой задумчивости ходящаго въ задъ и въ передъ, не говорящаго ни слова. Его спрашивали, куда прикажетъ итти, но онъ ничего не отвѣчалъ, и рота на нѣсколько минутъ пріостановилась. Но усмотря, что по Литейной идущая гарнодерская (*sic*), не взирая на возпрещеніе маіора Воейкова, которой, будучи верхомъ и вынувъ шпагу, бранилъ и рубилъ гранадеръ по ружьямъ и по шапкамъ, вдругъ рыкнувъ бросилась на него съ устремленными штыками, то и нашелся онъ принужденнымъ скакать отъ нихъ во всю мочь; а боясь, чтобъ не захватили его на Семеновскомъ мосту, повернулъ на право и въѣхалъ въ Фонтанку по груди лошади. Тутъ гранодеры отъ него отстали. Такимъ образомъ третья рота, какъ и прочія Преображенскаго полка, по другимъ мостамъ бѣжали, одна за одной, къ Зимнему дворцу. Тамъ нашли Семеновской и Измайловской уже пришедшими, которые окружили дворецъ и выходы всѣ заставили своими краулами. Преображенской полкъ, по подозрѣнію ли, что его любилъ болѣе другихъ Государь, часто обучалъ самъ военной екзерціи, а особливо

---

(1) Это теперешній Зимній дворецъ; старый, о которомъ упомянуто выше, занималъ все пространство на Невскомъ проспектѣ между нынѣшними Полицейскимъ мостомъ и Большою Морскою, по лѣвой рукѣ, ѣдучи отъ Невскаго монастыря.

гранодерскія роты, которыхъ было двѣ, жалуя ихъ нерѣдко по чаркѣ вина, или по старшинству его учрежденія, предъ прочею Гвардіей, поставленъ былъ внутри дворца. Все сіе Державина, какъ молодаго человѣка, весьма удивляло, и онъ потихоньку шелъ по слѣдамъ полка, а пришедъ во дворецъ, сыскалъ свою роту и сталъ по ранжиру въ назначенное ему мѣсто. Тутъ тотчасъ увидѣлъ митрополита Новгородскаго и первенсгвующаго Члена Святѣйшаго Синода, съ Святымъ крестомъ въ рукахъ, который онъ всякому рядовому подносилъ для цѣлованія, и сіе была присяга въ вѣрности службы Императрицѣ, которая уже во дворецъ пріѣхала, будучи препровождена Измайловскимъ полкомъ; ибо изъ Петергофа привезена въ оный была на одноколкѣ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, какъ опослѣ ему о томъ сказывали. День былъ самой ясной, и побывъ въ семъ дворцѣ часу до третьяго или четвертаго по полудни, приведены предъ вышесказанный деревянный дворецъ и поставлены отъ моста вдоль по Мойкѣ. Въ сіе время приходили предъ сей дворецъ многіе и армейскіе полки, примыкали по приведеніи полковниковъ къ присягѣ, по порядку, къ полкамъ Гвардіи, занимая мѣста по улицамъ Морскимъ и прочимъ, даже до Коломны. А простоявъ тутъ часу до восьмаго, девятаго или десятаго, тронулись въ походъ, обыкновеннымъ церемоніальнымъ маршемъ, по взводно, при барабанномъ боѣ, по Петергофской дорогѣ, въ Петергофъ. Императрица сама предводительствовала, въ гвардейскомъ Преображенскомъ мундирѣ, на бѣломъ конѣ, держа въ правой рукѣ обнаженную шпагу ([1]). Княгиня Дашкова также была въ гвардейскомъ

---

(1) Черезъ двадцать лѣтъ Державинъ вспоминалъ этотъ день, и въ обращеніи къ Рафаелю просилъ его такъ изобразить ему Фелицу:

Одѣвъ въ доспѣхи, въ брони златы
И въ мужество ея красы;
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ ней главой кругился,
И бурно бразды опѣнялъ;
Чтобъ Нордъ сѣдый ей удивлялся,
И обладать собой избралъ.

(Шестая строфа въ піесѣ: *Изображеніе Фелицы*).

мундирѣ. Такимъ образомъ маршировали всю ночь. На нѣкоторомъ урочищѣ, не доходя до Стрѣльной, въ полнощь имѣли отдыхъ. Потомъ двигнулись паки въ походъ. Поутру очень рано стали подходить къ Петергофу, гдѣ чрезъ весь звѣринецъ, по косогору, увидѣли по разнымъ мѣстамъ разставленныя заряженныя пушки съ зажженными фитилями, которыя, какъ сказывали послѣ, прикрыты были нѣкоторыми армейскими полками и Голстинскими баталіонами; но всѣ отдались Государынѣ въ плѣнъ, не сдѣлавъ нигдѣ ни единаго выстрѣла. Въ Петергофѣ расположены были полки по саду, даны быки и хлѣбъ, гдѣ, сваривъ кашу, и обѣдали. Послѣ обѣда часу въ 5-мъ увидѣли большую четыремѣстную карету, запряженную больше нежели въ шесть лошадей, съ завѣшенными гардинами, у которой на запяткахъ, на козлахъ и по подножкамъ были гарнодеры же во всемъ вооруженіи; а за ними нѣсколько коннаго конвоя, которые, какъ послѣ всемъ извѣстно стало, отвезли отрекшагося Императора отъ правленія въ Ропшу, мѣстечко, лежащее отъ Петербурга въ 30 верстахъ, къ Выборской сторонѣ. Часу по полудни въ 7-мь часовъ полки изъ Петергофа тронулись въ обратный путь въ Петербургъ; шли всю ночь и часу по полуночи въ 12-мъ прибыли благополучно въ слѣдъ Императрицы въ лѣтній деревянный дворецъ, которой былъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Михайловской. Простоявъ тутъ часа съ два, приведены въ полкъ и распущены по квартирамъ.

День былъ самой красной, жаркой, то съ непривычки молодой мушкатеръ еле живъ дотащилъ ноги. Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь миръ; солдаты и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякіе другіе дорогіе вины и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и бочонки, что̀ у кого случилось. — Въ полночь на другой день съ пьянства Измайловскій полкъ, обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что Императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ препровождаема была въ Зимній дворецъ, собравшись безъ вѣдѣнія командующихъ, приступилъ къ лѣтнему дворцу,

требовалъ, чтобъ Императрица къ нему вышла и увѣрила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошелъ до нихъ слухъ, что она увезена хитростями Прускимъ Королемъ, котораго имя (по бывшей при Императрицѣ Елисаветѣ съ нимъ войнѣ, не смотря на учиненный съ нимъ Петромъ Третьимъ миръ, и что онъ ему былъ другъ) всему Россійскому народу было ненавистно. Ихъ увѣряли дежурные придворные, Иванъ Ивановичь Шуваловъ и подполковникъ ихъ графъ Разумовскій, также и господа Орловы, что Государыня почиваетъ и слава Богу въ вожделѣнномъ здравіи; но они не вѣрили и непремѣнно желали, чтобъ она имъ показалась. Государыня принуждена встать, одѣться въ гвардейской мундиръ и проводить ихъ до ихъ полка. Поутру изданъ былъ манифестъ, въ которомъ хотя съ одной стороны похвалено было ихъ усердіе, но съ другой напоминалась воинская дисциплина, и чтобъ не вѣрили онѝ разсѣваемымъ злонамѣренныхъ людей мятежничьимъ слухамъ, которыми хотятъ возмутить ихъ и общее спокойствіе; въ противномъ случаѣ впредь за непослушаніе они своимъ начальникамъ и всякую подобную дерзость наказаны будутъ по законамъ. За всѣмъ тѣмъ съ того самаго дня пріумножены пикеты, которые въ многомъ числѣ съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями по всѣмъ мостамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были. Въ таковомъ военномъ положеніи находился Петербургъ, а особливо вокругъ дворца, въ которомъ Государыня пребываніе свое имѣла, дней съ 8-мь, то есть по самую кончину Императора.

По водвореніи такимъ образомъ совершенной тишины, объявленъ походъ гвардіи въ Москву для коронаціи Ея Величества, и въ Августѣ мѣсяцѣ Державинъ по паспорту отпущенъ былъ съ тѣмъ, чтобъ явиться къ полку въ первыхъ числахъ Сентября, когда Императрица къ Москвѣ приближаться будетъ. Снабдясь кибитченкой и купя одну лошадь, потащился по тихоньку.

Въ то время спознакомился онъ, или лучше сказать, сдружился, своего же полка изъ дворянъ съ солдатомъ Петромъ Алексѣевичемъ Шишкинымъ, который у него послѣднія день-

ги заимообразно почти всѣ перебралъ (которыя едва ли заплатилъ). Однако съ остальными пріѣхалъ въ Москву, и будучи въ мундирѣ Преображенскомъ, на Голстинской манеръ, кургузомъ, съ золотыми петлицами, съ желтымъ камзоломъ и таковыми же штанами сдѣланномъ, съ Прусскою претолстою косою, дугою выгнутою, и пуклями какъ грибы подлѣ ушей торчащими, изъ густой сальной помады слѣпленными, щеголялъ предъ Московскими жителями, которымъ такой необыкновенной, или лучше странной, нарядъ казался весьма чудеснымъ, такъ что обращалъ на себя глаза глупыхъ; но къ прибытію Императрицы построены стараго покрою Преображенскіе мундиры.—Подъѣзжая къ Москвѣ, въ селѣ Петровскомъ Графа Разумовскаго, нѣсколько дней отдыхала, гдѣ мушкатеръ Державинъ, въ числѣ прочихъ солдатъ, наряженныхъ на краулъ, стоялъ въ саду на ночномъ пикетѣ и спознакомился съ подпоручикомъ Протасовымъ, который послѣ былъ ему пріятелемъ и дядькою у Великаго Князя Александра Павловича. Изъ села Петровскаго (ибо тогда еще подъѣзжачаго подмосковнаго Петровскаго дворца построено не было) ѣздила Государыня нѣсколько разъ инкогнито въ Кремль. Потомъ всенародно имѣла свой торжественный въѣздъ, сквозь построенные парадомъ полки гвардейскіе и армейскіе, подъ пушечными съ Кремля выстрѣлами и восклицаніями народа. 22 число Сентября въ Успенскомъ соборѣ, по обрядамъ благочестивыхъ предковъ своихъ, царей и императоровъ Россійскихъ, короновалась. Тогда отправленъ былъ обыкновенный народный пиръ. Выставлены были на Ивановской Красной площади жареные съ начинкою и съ живностью быки и пущены изъ ренскаго вина фонтаны. Въ вечеру городъ былъ иллюминованъ. Государыня тогда часто присутствовала въ Сенатѣ, который былъ помѣщенъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; проходя въ оной, всегда жаловала чиновныхъ къ рукѣ, котораго счастія, будучи рядовымъ, и Державинъ иногда удостоивался, ни мало не помышляя, что будетъ со временемъ ея статсъ-секретарь и сенаторъ. На зиму Государыня изволила переѣхать въ Головинской дворецъ, чтó былъ въ Нѣмецкой слободѣ. Тутъ однажды, стоя въ будкѣ позадь

дворца къ полю на часахъ, ночью, въ случившуюся жестокую стужу и мятель, чуть было не замерзъ; но пришедшею смѣною отъ того избавленъ. На масляницѣ той зимы былъ тотъ славный народный маскерадъ, въ которомъ на устроенномъ подвижномъ театрѣ, ѣздящемъ по всѣмъ улицамъ, представляемы были разныя того времени страсти, или осмѣянные въ стихахъ и пѣсняхъ пьяницы, карточные игроки, подъячіе и судьи-взяточники и тому подобные порочные люди, —сочиненіе знаменитаго по уму своему актера Ѳедора Григорьевича Волкова и прочихъ забавныхъ стихотворцевъ, какъ-то гг. Сумарокова и Майкова.

Стоялъ онъ Державинъ тогда также сперва съ даточными солдатами на квартирѣ во флигелѣ, въ домѣ гг. Киселевыхъ, который былъ, помнится, на Никитской или Тверской улицѣ. Таковая непріятная жизнь ему наскучила, тѣмъ болѣе, что не могъ онъ удовлетворить склонности своей къ наукамъ; а какъ слышно было тогда, что Иванъ Ивановичь Шуваловъ, бывшій главной Московскаго Университета и Казанской Гимназіи Кураторъ, которому онъ извѣстенъ былъ по поднесеннымъ, какъ выше явствуетъ, Болгарскимъ бумагамъ, (*sic*) то и рѣшился идти къ нему, и просить, чтобъ онъ его взялъ съ собою въ чужіе краи, дабы чему нибудь тамъ научиться. Въ слѣдствіе чего, написавъ къ нему письмо, дѣйствительно пошелъ и подалъ ему оное лично въ прихожей комнатѣ, гдѣ многіе его бѣдные люди и челобитчики ожидали, когда онъ проходилъ ихъ, дабы ѣхать во дворецъ. Онъ остановился, письмо прочелъ и сказалъ, чтобъ онъ побывалъ къ нему въ другое время. Но какъ дошло сіе до тетки его по матери двоюродной, Ѳеклы Савишны Блудовой, жившей тогда въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, бывшемъ на Арбатской улицѣ, женщины по природѣ умной и благочестивой, но по тогдашнему вѣку непросвѣщенной, считающей появившихся тогда въ Москвѣ Масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячь верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни, а Шува́лова признавали за ихъ главнаго начальника; то

она ему, какъ племяннику своему, порученному отъ матери, и дала страшную нагонку, запретя на крѣпко ходить къ Шувалову, подъ угрозою написать къ матери, буде ея не послушаетъ. А какъ воспитанъ онъ былъ въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ, то и было сіе для него жестокимъ пораженіемъ, и онъ уже болѣе не являлся къ своему покровителю; но отправлялъ, какъ выше явствуетъ, на ряду съ прочими солдатами, всѣ возложенныя низкія должности, а между прочимъ разносилъ не рѣдко по офицерамъ отданные въ полкъ съ вечера приказы. А какъ они стояли почти по всей Москвѣ, съ одного края на другомъ, то есть на Никитской, гдѣ рота стояла, на Тверской, на Арбатѣ, на Прѣснѣ, на Ордынкѣ за Москвой-рѣкой, то и должно было идти почти съ полуночи, дабы поспѣть раздать приказы каждому по рукамъ до обѣдни. И какъ въ Москвѣ по пустырямъ, зимнею порою, во время большихъ вьюгъ, бываютъ великіе снѣжные наносы или сугробы, то въ одну ночь, проходя на Прѣсню, потонулъ было въ снѣгу, гдѣ напали собаки и едва не растерзали, отъ которыхъ, вынувъ тесакъ, на силу оборонился. Въ одномъ изъ таковыхъ путешествій случился примѣчательный и въ нынѣшнемъ времени довольно смѣшной анекдотъ. Князь Козловскій ([1]), жившій тогда на Тверской улицѣ, прапорщикъ третьей роты, извѣстный того времени пріятный стихотворецъ, у посѣщавшаго его, или нарочно пріѣхавшаго славнаго стихотворца Василья Ивановича Майкова ([2]), читалъ сочиненную имъ какую-то тра-

---

(1) *Кн. Өедоръ Алексѣевичъ Козловскій*, воспитанникъ Московскаго Университета и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, позднѣе принимавшій участіе въ Коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія. Онъ много переводилъ для театра, оставилъ оригинальную комедію *Одолжавшій любовникъ*, и нѣсколько неконченныхъ піесъ и мелкихъ стихотвореній, разсѣянныхъ по журналамъ. Екатерина посылала его къ Вольтеру съ письмомъ и портретомъ своимъ. Отъ него ждали многаго; но ранняя кончина, 1770 г. (онъ взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ кораблемъ Евстафіемъ въ Чесменской битвѣ) не дала ему исполнить этихъ ожиданій. Ниже Державинъ говоритъ, что сочиненія кн. Козловскаго служили для него образцомъ въ первоначальныхъ его опытахъ.

(2) *Майковъ* (1725—1778), Бригадиръ и Прокуроръ Военной Коллегіи, извѣстный сочинитель *Елисея или Раздраженнаго Вакха*.

гедію ([1]), и какъ приходомъ вѣстоваго Державина чтеніе перервалось, который, отдавъ приказъ, нѣсколько у дверей остановился, желая послушать, то Козловскій, примѣтя, что онъ не идетъ вонъ, сказалъ ему: «Поди, братецъ служивой съ Богомъ, что тебѣ по пусту зѣвать, вѣдь ты ничего не смыслишь»,—и онъ принужденъ былъ выдти.

Наступила весна и лѣто, и хотя многіе, какъ выше явствуетъ, младшіе произведены были, не токмо въ капралы, но и въ унтеръ-офицеры по протекціямъ, а Державинъ безъ протектора всегда оставался рядовымъ; но какъ сталъ приближаться день восшествія Императрицы на престолъ, 1763 году Іюня 28-го дня, а въ такіе торжественные праздники обыкновенно производство по полку нижнихъ чиновъ бывало, то рѣшился онъ прибѣгнуть подъ покровительство маіора своего, графа Алексѣя Григорьевича Орлова. Въ слѣдствіе чего, сочинивъ къ нему письмо, съ прописаніемъ наукъ и службы своей, наименовавъ при томъ и обошедшихъ его сверстниковъ, пошелъ къ нему и подалъ ему письмо, которое прочетши онъ сказалъ: «хорошо, я разсмотрю.» Въ самомъ дѣлѣ и пожалованъ онъ въ наступившій праздникъ въ капралы.

Тогда отпросился въ годовой отпускъ къ матери въ Казань, дабы показаться ей въ новомъ чинѣ. На дорогѣ случилось приключеніе, ничего впрочемъ не значущее, но однако могущее въ крайнее ввергнуть его злополучіе. Прекрасная, молодая благородная дѣвица, имѣвшая любовную связь съ бывшимъ его гимназіи директоромъ, господиномъ Веревкинымъ, который тогда возвращенъ былъ паки на прежнее свое мѣсто, бывъ за чѣмъ-то въ Москвѣ, отправлялась въ Казань, къ своему семейству, сговорилась съ нимъ и еще съ однимъ гвардіи же Преображенскаго полка капраломъ Аристовымъ вмѣстѣ для компаніи ѣхать. Въ дорогѣ, будучи непрестанно вмѣстѣ и обходясь по просту, имѣлъ удачу живостью своею и разговорами ей понравиться такъ, что товарищъ, сколь ни завидовалъ и изъ ревности сколь

---

(1) Можетъ быть, свою неконченную *Сумбеку*, которая, по словамъ Новикова (въ Словарѣ), должна была доставить сочинителю безсмертную славу.

въ лукѣ. Онъ пошелъ за ними и, перешедъ маленькой кустарникъ, увидѣлъ вдругъ стадо дикихъ свиней или кабановъ съ молодыми поросятами. Боровъ матерой, черношерстый, усмотря его, тотчасъ отъ табуна отдѣлился. Глаза его какъ горящіе угли заблистали, щетина на гривѣ дыбомъ поднялась, и изъ пасти бѣлая пѣна потекла струею. Охотникъ, примѣтя опасность, хотѣлъ перескакнуть на другую сторону рѣчки, ибо она была самая крошечная; но не успѣлъ онъ къ ней подойти, какъ увидѣлъ кабана, къ себѣ бѣгущаго, и въ тотъ же мигъ почувствовалъ себя брошеннымъ на нѣсколько шаговъ; а вскоча въ безпамятствѣ на ноги, усмотрѣлъ мелькнувшую кровь на пѣнѣ во рту у звѣря, выпалилъ изъ ружья, имѣющагося у него въ рукахъ, со взведеннымъ куркомъ, на поясовомъ прикладѣ. Вепрь палъ, стремившійся къ нему въ другой разъ, и какъ былъ уже очень близко, то зарядъ, хотя изъ мелкой утиной дроби, но угодя ему прямо въ сердце, повергъ его бездыханна на землю. Побѣдитель хотѣлъ подойти къ врагу своему и осмотрѣть его рану; тогда же самъ, почувствовавъ слабость, упалъ и взглянувъ на лѣвую ногу, увидѣлъ икру почти совсѣмъ отъ берца оторванную и кровь ручьемъ текущую. Не могши далѣе идти къ своей коляскѣ, остался на мѣстѣ, пока козаки, называемые въ томъ краю гулёбщиками или охотники, ѣздящіе по степямъ за кабанами, сайгами и прочими звѣрями, на него наѣхали и, узнавъ отъ него приключеніе, нашли людей съ коляской, которые, поддѣлавъ ось, давно дожидались и не знали гдѣ найти. Нельзя въ семъ случаѣ не признать чудеснаго покровительства Божія. Первое въ томъ, что свирѣпый звѣрь не пересѣкъ страшными своими клыками берца у ноги и жилъ сухихъ близъ лодыжки, а отдѣлилъ только почти съ самаго подколѣна одну отъ кости икру или мягкое мясо. Второе, что ружье, чрезъ которое былъ переброшенъ, упершись дуломъ въ землю, не сдѣлалось неспособнымъ къ выстрѣлу, ибо ложе хотя отъ ствола отломилось, но удержался прикладъ съ замкомъ по самые замочные винты на казенномъ шурупѣ; съ затравки порохъ не ссыпался и произвелъ свое надлежащее дѣйствіе. Третье, что безъ всякаго прицѣленья зарядъ попалъ въ сердце

звѣря, иначе бы легкою раною онъ могъ болѣе разсвирѣпѣть и довершить пагубу. Четвертое, что онъ не разтерзалъ живота, а поразилъ только ногу. Но какъ бы то ни было, благодареніе Промыслу, спасся отъ смерти, и хотя былъ въ Оренбургѣ недѣль съ шесть боленъ, но пособіями губернатора князя Путятина вылѣчился; однако рана совершенно не затворялась цѣлой годъ.

По наступленіи срока отправился въ Петербургъ къ полку. Такимъ же образомъ велъ свою жизнь какъ прежде, упражняяся тихонько отъ товарищей въ чтеніяхъ книгъ и кропаніи стиховъ, стараясь научиться стихотворству изъ книги О поэзіи ([1]), сочиненной господиномъ Третьяковскимъ и изъ прочихъ авторовъ, какъ-то: гг. Ломоносова и Сумарокова. Но болѣе ему другихъ нравился, по легкости слога, помянутой господинъ Козловскій, изъ котораго и научился цензурѣ (*sic*) или раздѣленію александрійскаго ямбическаго стиха на двѣ половины. Въ сіе время написалъ стансы, или пѣсенку похвальную *Наташѣ*, одной прекрасной солдатской дочери, въ сосѣдствѣ въ казармахъ жившей, и отважился показать служившему унтеръ-офицеромъ Сергѣю Васильевичу Неклюдову, котораго черезъ то и брата его Петра Васильевича Неклюдова, бывшаго бомбандирскимъ сержантомъ, пріобрѣлъ пріязнь, а прочихъ своихъ собратій похвалу ([2]). Тогда же шутошные, непристойные, сочиненные имъ стихи на счетъ одного капрала, котораго жену любилъ полковой секретарь, бывшій тогда въ великой силѣ у подполковника графа Бутурлина, надѣлали ему хлопотъ и были причиною ненависти того секретаря, хотя онъ

---

(1) Вѣроятно, Державинъ разумѣетъ здѣсь сочиненіе Третьяковскаго: *Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ.*

(2) Первые литературные опыты Державина были сожжены имъ при проѣздѣ черезъ карантинную заставу, о чемъ самъ онъ ниже разсказываетъ. «Кто бы могъ отгадать, какой былъ первой опытъ творца *Водопада*?—переложеніе въ стихи или лучше сказать на риѳмы площадныхъ прибасокъ на счетъ каждаго гвардейскаго полка! Потомъ онъ обратился уже къ высшему риѳмованію, и переложилъ въ стихи нѣсколько начальныхъ страницъ *Телемака*, съ Русскаго перевода. Когда же узналъ правила поэзіи, то взялъ въ образецъ Ломоносова. Между тѣмъ читалъ въ оригиналѣ Геллетра и Гагедорна.» (Изъ Записокъ И. И. Дмитріева).

прежде его любилъ за нарисованіе весьма искусно перомъ печати съ его гербомъ. Ибо одинъ изъ офицеровъ, имѣя въ карманѣ тѣ стихи, подалъ ихъ вмѣсто приказа гранодерскому капитану поручику Афремову, а тотъ разсказалъ другимъ офицерамъ, то и вышелъ изъ того по всему полку смѣхъ; за что господинъ полковой секретарь молодаго стихотворца гналъ и вычеркивалъ всегда изъ ротнаго списка, поданнаго къ производству въ чины, а по сей причинѣ и служилъ онъ въ капралахъ четыре года, ведя вышеписанную скромную жизнь (1). Онъ стоялъ уже съ своими братьями дворянами, упражняющимися въ карточной игрѣ и прочихъ шалостяхъ, молодымъ людямъ свойственныхъ; то и началъ уже помалу въ нравахъ своихъ развращаться.

Въ семъ промежуткѣ времени едва не случилась съ нимъ незапная страшная смерть. Ходилъ онъ по обыкновенію въ своемъ званіи во всѣ краулы, то въ одномъ изъ оныхъ въ

---

(1) Здѣсь мѣсто привести слѣдующій отрывокъ изъ Записокъ Дмитріева. «Я иду съ нимъ (Державинымъ, который уже былъ статсъ-секретаремъ) по Невской набережной. Чей это великолѣпный домъ? спрашиваетъ онъ меня, проходя мимо дома принцессы Борятинской Голштейнъ-Бекъ. Я сказываю. —Да она въ Италіи, кто же теперь занимаетъ его?—Нанялъ Иванъ Петровичъ Осокинъ.—Осокинъ! подхватилъ онъ, зайдемъ, зайдемъ къ нему!... и съ этимъ словомъ, не ожидая моего согласія, поворотилъ на дворъ, и уже всходитъ на лѣстницу. Мнѣ легко было за нимъ послѣдовать, ибо я давно былъ знакомъ съ Осокинымъ. Хозяинъ изумился, оторопѣлъ, увидя у себя новаго вельможу, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ нигдѣ не встрѣчался. Державинъ бросается цѣловать его, напоминаетъ ему объ ихъ молодости, объ старинномъ знакомствѣ. Хозяинъ же только съ почтительнымъ молчаніемъ или съ короткими отвѣтами кланяется и подноситъ намъ кубки шампанскаго. Чрезъ полчаса мы съ нимъ разстались, и вотъ развязка внезапнаго нашего посѣщенія.»

«Отецъ Осокина имѣлъ суконную фабрику въ Казани; сынъ его въ молодыхъ лѣтахъ, по какимъ-то домашнимъ дѣламъ, жилъ въ Петербургѣ. По склонности своей къ чтенію Русскихъ книгъ, онъ познакомился съ именитыми того времени словесниками: съ піитою и филологомъ Тредьяковскимъ, съ прозаистомъ Кирьякомъ Кондратовичемъ и ихъ учениками. Онъ заводилъ для нихъ пирушки, приглашая всякой разъ и земляка своего Державина, который былъ тогда еще капраломъ. Кандратовичъ привозилъ иногда и дочь свою. Она восхищала хозяина и гостей игрою на гусляхъ и была душою бесѣды. Молодой Осокинъ и самъ стихотворствовалъ Я читалъ его пастушескую пѣсню, отысканную добрымъ Державинымъ въ своихъ бумагахъ.—Поэтъ, разсказывая мнѣ на обратномъ пути объ старинномъ своемъ знакомствѣ, не позабылъ прибавить, что Осокинъ тогда помогалъ ему въ нуждахъ и часто ссужалъ его деньгами.»

Зимнемъ каменномъ дворцѣ, когда онъ еще внутри не весь былъ выстроенъ и въ той половинѣ, гдѣ послѣ былъ придворный театръ, а нынѣ апартаменты вдовствующей Императрицы Маріи Өедоровны, на верху въ одномъ изъ самыхъ вышнихъ ярусовъ, были двое двери: одни въ покой, въ которомъ былъ полъ, а другія въ другой, въ которомъ былъ проломъ до самыхъ нижнихъ погребовъ, наполненныхъ кирпичными обломками; и какъ по лѣности, не токмо офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ, приказано было ему ночью обойти всѣ притоны ([1]) дозоромъ, то онъ пошелъ, взявъ фонарщика или солдата, который несъ фонарь, Казанскаго дворянина знакомаго себѣ, по фамиліи Потапова. Бѣгая по многимъ лѣстницамъ, не дожидаясь освѣщенія проходовъ, пришелъ наконецъ къ вышеписанному мѣсту, и хотѣлъ стремленіе свое продолжать далѣе, но вдругъ услышалъ голосъ Потапова, далеко на низу лѣстницы отъ него отставшаго, которой кричалъ: « Постойте, куды вы такъ бѣжите? » Онъ остановился и лишь только освѣтилъ фонарь, то и увидѣлъ себя на порогѣ, или на краю самой той пропасти, о которой выше сказано. Одинъ мигъ, и едва одни кости его остались бы на семъ свѣтѣ. Онъ перекрестился, воздалъ благодареніе Богу за спасеніе жизни и пошелъ куда было должно.

Въ сихъ годахъ, то есть въ 1765-мъ и въ 1766-мъ году, были два славныя въ Петербургѣ позорища, учрежденныя Императрицею, сколько для увеселенія, столько и для славы народа. Первое, великолѣпный карусель, раздѣленный на четыре кадрили: на Ассирійскую, Турецкую, Славянскую и Римскую, гдѣ дамы на колесницахъ, а кавалеры на прекрасныхъ коняхъ, въ блистательныхъ уборахъ, показывали свое проворство мѣтаніемъ дротиковъ и стрѣльбою въ цѣль изъ пистолетовъ. Подвигоположникомъ былъ украшенный сѣдинами фельдмаршалъ Минихъ, возвращенный тогда изъ ссылки ([2]). Другое, преузорочный подъ Краснымъ Селомъ ла-

1) Т. е. тѣ мѣста, гдѣ стояли караулы.

2) Карусель этотъ или турниръ былъ данъ 14 Іюля 1766 года. Графъ Минихъ былъ *главнымъ судьею*, т. е. раздавалъ призы, произносилъ привѣтственныя рѣчи и пр. Кадрили, изъ которыхъ одну Державинъ невѣрно называетъ Ассирійской вмѣсто Индѣйской, представляли собою четыре народа.

геръ, въ которомъ, какъ сказывали, около 50 тысячь конныхъ и пѣшихъ собрано было войскъ для маневровъ предъ Государынею. Тогда въ придворный театръ впускаемы были безъ всякой платы одни класные обоего пола чины и гвардіи унтеръ-офицеры; а низкіе люди имѣли свой народной театръ на Коммиссаріатской площади, а потомъ изъ карусельнаго зданія, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ большой театръ, на которомъ играли всякіе фарсы и переведенныя изъ Мольера коммедіи.

Въ одинъ изъ сихъ годовъ, по помнится, только что осенью, случилась поносная смертная казнь на Петербургской сторонѣ извѣстному Мировичу. Ему отрублена на эшафотѣ голова. Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и на мосту, необыкшій видѣть смертной казни и ждавшій по чему-то милосердія Государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнулъ и такъ содрогся, что отъ сильнаго движенія мостъ поколебался и перила обвалились ([1]). Въ то время, не знаю по какой надобности, Государыня путешествовала по Остзейскимъ городамъ въ Лифляндіи, какъ то: въ Ригу, въ Ревель и въ прочихъ ([2]). Зимою объявленъ походъ Ея Величества въ Москву ([3]). Державинъ,

---

Праздникъ этотъ, по всему вѣроятію, придуманъ гр. Орловыми, либо въ угоду имъ: Орловы пользовались тогда особенною силою при дворѣ и были отличные наѣздники. — Въ *Запискахъ о жизни Бибикова* (стр. 68) сказано, что Екатерина «назначила сія великолѣпные игры въ намѣреніи нѣсколько отвлечь всеобщее вниманіе отъ неудовольствія и впечатлѣній, произведенныхъ нещастною участью и бѣдственною кончиною бывшаго императора Ивана Антоновича и казнію Мировича и его сообщниковъ».

(1) Мировичь казненъ 15 Сентября 1764 года Въ Запискахъ Порошина, стр. 15: «Когда о совершившейся 15 числа сего мѣсяца надъ бунтовщикомъ Мировичемъ казни изволилъ Его Высочество (В. Кн. Павелъ Петровичь) услышать, то опочивалъ ночью весьма худо»; стр. 53: «Гр. Александръ Сергѣевичь Строгановъ разсказывалъ, съ какою твердостью и съ какимъ благоговѣніемъ злодѣй сей приступалъ къ смерти. Его Превосходительство Никита Ивановичь (Панинъ) изволилъ сказывать о смѣшныхъ и нелѣпыхъ обѣщаніяхъ, которыя онъ Мировичь дѣлалъ Святымъ Угодникамъ, если намѣреніе его кончится удачно.»

(2) Екатерина путешествовала по Остзейскому краю лѣтомъ 1764 года.

(3) Отъѣздъ изъ Петербурга въ Москву по дѣламъ Новаго Уложенія былъ 7 Февраля 1767 года. Вообще числовыя показанія у Державина перепутаны, потому что онъ писалъ на память.

по рекомендаціи вышепомянутаго Петра Васильевича Неклюдова, который пожалованъ около того времени въ полковые секретари, пожалованъ въ фурьеры и командированъ, подъ начальствомъ подпоручика Алексѣя Ивановича Лутовинова, на ямскую подставу для надзиранія исправности наряженныхъ лошадей, изготовленныхъ для шествія Императрицы и всего Ея двора. Сей Лутовиновъ и старшій его братъ капитанъ-поручикъ, Петръ Ивановичь, хотя были умные и весьма расторопные въ своей должности люди, но старшій весьма развращенныхъ нравовъ, которому послѣдуя и младшій нерѣдко упражнялся въ зазорныхъ поступкахъ и въ неблагопристойной жизни, то есть въ пьянствѣ, карточной игрѣ и въ обхожденіи съ непотребными ямскими дѣвками, въ извѣстномъ по распутству селѣ, что̀ нынѣ городъ, Валдаяхъ; ибо младшаго брата станція была въ Яжелобицахъ, а старшаго въ Зимогорьѣ, въ сосѣдствѣ съ Валдаями. Тамъ проводили иногда цѣлыя ночи въ кабакѣ, никого однако постороннихъ кромѣ дѣвокъ не впущая. При всемъ томъ, хотя цѣлую зиму, съ Ноября по послѣднія числа Марта, въ такомъ распутствѣ провели, однако Державина со всѣми принужденіями довести до того не могли, чтобъ онъ когда либо напился пьянымъ ; да и вовсе не токмо вина, но пива и меду не пилъ; въ карты же однако по малу играть началъ, не оставляя упражняться, если только время дозволяло, и въ стихотворствѣ. Тутъ первые написалъ правильные ямбическіе экзаметры на проѣздъ Государыни чрезъ рѣку того селенія Мохость, въ которой иногда находятъ прекрасной жемчугъ [1]. По проѣздѣ всего двора проѣхалъ кабинетъ-министръ Адамъ Васильевичь Олсуфьевъ, велѣлъ, снявъ станціи, слѣдовать всѣмъ гвардейскимъ командамъ къ ихъ полкамъ въ Москву. Ему были принесены жалобы, а особливо на старшаго Лутовинова въ разныхъ безчинствахъ, а особливо въ неотдачѣ ямщикамъ прогонныхъ денегъ, которыя получаемы были изъ кабинета и отъ проѣзжающихъ. Они были промотаны; но у меньшаго Лутовинова, какъ возложено было получать и платить ямщикамъ тѣ прогоны

(1) Стиховъ этихъ не сохранилось.

на унтеръ-офицера Державина, то онъ ихъ, ни мало не удерживая, всегда отдавалъ по рукамъ, кому слѣдовало, и тѣмъ ихъ сберегъ отъ постыдной растраты, а офицера своего отъ суда, которому старшій братъ подвергнутъ:- разжалованъ былъ, наипаче за то, что когда спущены были со станціевъ команды, то поскакали опрометью въ Москву, а особливо двое Лутовиновы. Пріѣхавъ въ село Подсолнечное, гдѣ стоялъ капитанъ Николай Алексѣевичь Булгаковъ, котораго почитали не за весьма разумнаго человѣка, требовали отъ него, будучи въ шумствѣ, на скоро лошадей, но какъ лошади были въ разгонѣ, то они ему не вѣря, приказали ихъ сыскивать по дворамъ; а какъ и тамъ опыхъ не находили, то многіе буяны изъ солдатъ, желая угодить командирамъ, перебили въ избахъ окошки, и разломали ворота, то и вышла отъ сего озарничества жалоба и шумъ. Булгаковъ вступился за свою команду. Онъ и Лутовиновы, наговоря другъ другу обидныхъ и бранныхъ словъ, называя Булгакова дуракомъ, разгорячились, или лучше сказать, вышли хмѣльные изъ разсудка, закричали своимъ командамъ: къ ружью! Булгаковъ также своей. У каждаго было по 25 человѣкъ, которые построились во фрунтъ; имъ приказано было заряжать ружья; но Державинъ, бѣгая между ними, будто для исполненія офицерскихъ приказаній, запрещалъ тихонько, чтобъ они только видъ показывали, а въ самомъ дѣлѣ ружей не заряжали; и какъ было тогда ночное время, то офицеры того не примѣтили, а между тѣмъ подоспѣли лошади и наѣхали другія команды, а именно изъ Крестецъ капитанъ Голохвастовъ, то и успокоилось сіе вздорное междоусобіе.

Въ сіе время досталось Державину при производствѣ въ полку чрезъ чинъ подпрапорщика въ каптенармусы, а Генваря перваго числа 1767 года въ сержанты, ибо, при покровительствѣ полковаго секретаря Неклюдова, его уже не обходили. Съ открытіемъ весны Государыня на судахъ по Волгѣ шествовала въ Казань. На семъ пути, въ сообществѣ своихъ приближенныхъ господъ, трудилась надъ переводомъ Мармонтелева Велизарія. Гвардія возвратилась въ Петербургъ, а Державинъ на нѣкоторое время отпросился, для свиданія

съ матерью и меньшимъ его братомъ, учившимся въ гимназіи при директорствѣ г. Каница, въ Казань, гдѣ потомъ и въ Оренбургской деревнѣ оставшую часть лѣта и осень въ семействѣ своемъ прожилъ. Возвращаясь изъ отпуска, взялъ съ собою и меньшаго его брата изъ гимназіи, которая была тогда подъ вѣдомствомъ директора г. Каница.

Но, пріѣхавъ въ Москву и имѣвъ отъ матери порученіе купить у господъ Таптыковыхъ на Вяткѣ небольшую деревнишку душъ 30, остановился, и какъ за чѣмъ-то совершеніе крѣпости остановилось, то отправилъ въ Петербургъ меньшаго брата, просилъ записать его въ службу помянутаго своего благодѣтеля, полковаго секретаря Неклюдова, и себѣ на два мѣсяца отсрочки, которую и получилъ, а братъ записанъ въ тотъ же Преображенскій полкъ, но только, по склонности его къ математикѣ, въ бомбардирскую роту. И какъ стоялъ онъ тогда у двоюроднаго своего брата, господина Блудова, который и его двоюродной братъ господинъ подпоручикъ Максимовъ, живши въ одномъ съ нимъ домѣ, завели его сперва въ маленькую, а потомъ и въ большую карточную игру, такъ что онъ проигралъ данныя ему отъ матери на покупку деревни деньги. Тогда забылъ о срокѣ, хотѣлъ проигранныя деньги возвратить; но какъ не могъ, то, занявъ у него Блудова, купилъ деревню на свое имя и ему оную, съ присовокупленіемъ материнскаго имѣнія, хотя не имѣлъ на то и права, заложилъ. Попавъ въ такую бѣду, ѣздилъ, такъ сказать, съ отчаянія, день и ночь по трактирамъ искать игры. Спознакомился съ игроками, или лучше съ прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у нихъ научился заговорамъ, какъ новичковъ заводить въ игру, подборамъ картъ, поддѣлкамъ и всякимъ игрецкимъ мошенничествамъ. Но благодареніе Богу, что совѣсть, или лучше сказать молитвы матери никогда его до того не допускали, чтобъ предался онъ въ наглое воровство или въ коварное предательство кого либо изъ своихъ пріятелей, какъ другіе дѣлывали. Но когда и случалось быть въ сообществѣ съ обманщиками, и самому обыгривать на хитрости, какъ и его подобнымъ образомъ обыгривали, но никогда таковой, да и никакой вы-

игрышъ, не служилъ ему въ прокъ; слѣдственно онъ и не могъ сердечно прилѣпиться къ игрѣ, а игралъ по нуждѣ. Когда же не имѣлъ денегъ, то никогда въ долгъ не игралъ, не занималъ оныхъ и не старался какимъ либо переворотомъ отыгриваться или обманами, лжами и пустыми о заплатѣ увѣреніями доставать деньги; но всегда содержалъ слово свое свято, соблюдалъ при всякомъ случаѣ вѣрность, справедливость и пріязнь. Если же и случалось, что не на что, не токмо играть, но и жить, то запершись дома, ѣлъ хлѣбъ сь водою и маралъ стихи при слабомъ иногда свѣтѣ полушечной сальной свѣчки, или при сіяніи солнечномъ сквозь щелки затворенныхъ ставней. Такъ проводилъ онъ несчастливые дни (1). А какъ онъ уже въ такой распутной жизни просрочилъ болѣе полугода, то помянутый его благодѣтель Неклюдовъ (отправляя еще секретарскую должность, хотя былъ уже и капитаномъ поручикомъ) видя, что онъ за срокомъ столь долго проживаетъ въ Москвѣ и слыша, что замотался, то, опасаясь, чтобъ не погибъ, ибо разжалованъ бы былъ по суду въ армейскіе солдаты, сжалился надъ нимъ и безъ всякой его просьбы въ ордерѣ между прочими полковыми дѣлами къ капитану поручику Московской команды Шишкову, приписалъ, что когда сержантъ Державинъ явится, то причислить его къ Московской командѣ, который ордеръ (съ свѣдѣнія или безъ свѣдѣнія объ сей отсрочкѣ, то неизвѣстно), маіоръ Масловъ подписалъ, и былъ спасителемъ погибающаго мотарыги. Онъ, ставъ симъ средствомъ обезпечнымъ отъ несчастія, пробылъ нѣ-

---

(1) *Примѣчаніе Державина.* Въ сіе время, то есть въ 1767 году, открыта въ Москвѣ Государыней Депутатская Законодательная Коммисія, въ которую собраны были со всей имперіи разные народы для подачи своихъ голосовъ. Императрица возвратилась въ Петербургъ, и Коммисія за нею въ сію резиденцію взята. Державинъ, бывъ сержантомъ, былъ въ ней сочинителемъ, но не долго, ибо мать, на короткое время, по нуждамъ своимъ, вызвала его въ отпускъ. Въ короткое послѣ того время, помнится въ началѣ 1769 года, открылась Турецкая война, и депутаты распущены, Коммисія же въ небольшомъ числѣ письмоводцевъ, осталась въ вѣдомствѣ генералъ-прокурора». — Увѣряютъ, что труды этого знаменитаго собранія все же не пропали даромъ, и что въ позднѣйшихъ своихъ указахъ и законахъ Екатерина постоянно справлялась и соображалась съ письменными голосами и мнѣніями бывшихъ депутатовъ. (*Зап. о жизни Бибикова*).

сколько еще мѣсяцовъ въ Москвѣ, велъ жизнь не лучше какъ и прежде; а поелику жилъ онъ въ помянутомъ домѣ Блудова съ сказаннымъ же его родственникомъ Максимовымъ, то и случилось съ нимъ нѣсколько замѣчательныхъ произшествій.

Первое. Хаживала къ нимъ въ домъ въ сосѣдствѣ живущаго приходскаго дьякона дочь, и въ одинъ вечеръ, когда она вышла изъ своего дома, отецъ или матерь, подозрѣвая ее быть въ гостяхъ у сосѣдей, упросили бутошниковъ, чтобъ ее подстерегли, когда отъ нихъ выдетъ. Люди ихъ и Блудова увидѣли, что бутошники позаугольно кого-то дожидаются; спросили ихъ; они отвѣчали грубо, то вышла брань, а потомъ драка; а какъ съ двора сбѣжалось людей болѣе нежели подзорщиковъ было, то первые послѣднихъ и поколотили. Съ досады за таковую неудачу и чтобъ отмстить, залѣзли они въ крапиву на оградѣ церковной, чрезъ которую должна была проходить несчастная грація. Ее подхватили отецъ и мать, мучили плетью и, по наученію полицейскихъ, велѣли ей сказать, что была у сержанта Державина. Довольно сего было для крючковъ, чтобы прицѣпиться. На другой день, когда онъ часу по полудни въ первомъ ѣхалъ изъ Вотчинной Коллегіи, гдѣ былъ по своимъ дѣламъ, въ каретѣ четвернею, и лишь приближился только къ своимъ воротамъ, то вдругъ ударили въ трещетки, окружили карету бутошники, схвативъ лошадей подъ уздцы, и не объявя ничего, повезли чрезъ всю Москву въ полицію. Тамъ посадили его съ прочими арестантами подъ караулъ. Въ такомъ положеніи провелъ онъ сутки. На другой день по утру ввели въ судейскую. Судьи зачали спрашивать и домогаться, чтобъ онъ признался въ зазорномъ съ дѣвкою обхожденіи и на ней женился; но какъ никакихъ доказательствъ, ни письменныхъ, ни свидѣтельскихъ, не могли представить на взводимое на него преступленіе, то, проволочивъ однако съ недѣлю, должны были съ стыдомъ выпустить, сообща однако за извѣстіе въ полковую канцелярію, гдѣ таковому безумству и наглости алгвазиловъ дивились и смѣялись. Вотъ каковы въ то время были полиція и судьи!

Второе. Познакомился съ нимъ въ трактирахъ по игрѣ нѣкто, хотя по роду благородный, знатной фамиліи, но по поступкамъ самый подлый человѣкъ, который содержался въ полиціи за поддѣлку векселей и закладныхъ на весьма большую сумму и подставленіе по себѣ въ поручительство подложной матери, который имѣлъ за собою въ замужествѣ прекрасную иностранку, которая торговала своими прелестями. Въ нее влюбился нѣкто пріѣзжій Пензенской молодой дворянинъ, слабой по уму, но довольно достаточный по имуществу. Она, съ вѣдома, какъ послѣ открылось, мужа, съ нимъ коротко обращалась и его безъ милости обирала, такъ что онъ заложилъ свое и материнское имѣніе и лишился самыхъ необходимо нужныхъ ему вещей. А какъ сей дворянинъ былъ съ Державинымъ хорошій пріятель, то и сжалился онъ на его несчастіе. Въ слѣдствіе чего, будучи въ одинъ день въ компаніи съ мужемъ, слегка далъ ему почуствовать поведеніе жены. Мужъ старался прикрыть ее и оправдать себя своимъ невѣдѣніемъ; и хотя тогда прекратилъ разговоръ шутками, но запечатлѣлъ на сердцѣ своемъ на него злобу за такое чистосердечное остереженіе. Онъ, спустя нѣкоторое время, позвалъ его въ гости къ себѣ на квартиру жены и подъ вечеръ намѣренъ былъ поколотить, а можетъ быть и убить; ибо, когда Державинъ вошелъ въ покои, то увидѣлъ за ширмами двухъ сидящихъ незнакомыхъ, а третьяго лежащаго на постелѣ офицера, котораго разъ видѣлъ въ трактирѣ игравшаго несчастно на билльярдѣ; ибо его на поддѣльные шары обыгривали, что̀ онъ шуткой и замѣтилъ офицеру. Хозяинъ, принявъ гостя сначала ласково, началъ его помалу въ разговорахъ горячить противорѣчіями, потомъ привязываться къ словамъ, напоминая прежде слышанныя имъ, относя ихъ къ обидѣ его и жены; но какъ гость опровергалъ сильными возраженіями свое невинное чистосердечіе; то умышленникъ и началъ кивать головой сидящимъ за ширмами и лежащему на постелѣ, давая имъ знать, чтобъ они начинали свое дѣло. Противъ всякаго чаянія лежащій сказалъ: « Нѣтъ, братъ, онъ правъ, а ты виноватъ, и ежели кто изъ васъ тронетъ его волосомъ, то я вступлюсь за него и переломаю вамъ руки

и ноги»; ибо былъ онъ молодецъ, приземистый борецъ, всѣхъ проворнѣе и сильнѣе и имѣлъ подлѣ себя аршину, то хозяинъ и всѣ прочіе соумышленники удивились и оплѣшали. Это былъ господинъ землемѣръ, недавно пріѣхавшій изъ Саратова, поручикъ Петръ Алексѣевичь Гасвицкой, который съ того времени сдѣлался Державину другомъ.

Третье. Помянутый сродственникъ господина Блудова, Максимовъ, жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, имѣлъ въ Москвѣ великое знакомство, а особливо съ сенатскими чиновниками; ибо имѣлъ по сему правительству дѣла. Онъ имѣлъ свои деревни въ тогдашней Пензенской губерніи, близь села Малыковки, что нынѣ городъ Вольскъ. Къ нему хаживалъ той волости экономической крестьянинъ Иванъ Серебряковъ, содержавшійся въ Сыскномъ Приказѣ, по поводу подаваннаго имъ проекта Императору Петру Третьему о населеніи выходящими изъ Польши раскольниками на мѣстахъ пустопорожнихъ, лежащихъ по рѣкѣ Иргизу, впадающей въ рѣку Волгу. Поелику же онъ Серебряковъ и къ нему приставленные начальники тотъ проэктъ и сдѣланную по оному имъ отъ правительства довѣренность употребили во зло, принимая всякаго рода и господскихъ люцкихъ людей вмѣсто Польскихъ выходцовъ, давали имъ для поселенія по Иргизу билеты; то и было о томъ слѣдствіе, а онъ до окончанія онаго и рѣшительнаго о немъ приговора содержался въ томъ Приказѣ. Извѣстно же было изъ манифеста о Турецкой войнѣ, что Запорожскіе козаки, подъ предводительствомъ атамановъ ихъ, Желѣзняка и Черняя, разграбили Польскую Украйну и разорили за Днѣпромъ Турецкую слободу Балту, отъ чего война началась; то и велѣно было выступившимъ въ походъ войскамъ тѣхъ Запорожцовъ переловить и послать въ Сибирь, что и исполнилъ графъ Петръ Александровичь Румянцовъ. По приводѣ въ Москву нѣкоторыхъ изъ тѣхъ разбойниковъ и главныхъ ихъ предводителей Желѣзняка и Черняя, послѣдній занемогъ, или притворился больнымъ, то до выздоровленія и посаженъ въ тотъ же Сыскной Приказъ, гдѣ содержался Серебряковъ; и какъ они сидѣли въ одномъ покоѣ, то между разговорами разсказалъ Черняй Серебрякову о награблен-

номъ съ его артелью богатствѣ, а можетъ быть и съ прикрасою, что ямы наполнены ими, покрытыя землею, серебренной посудой, и пушки жемчугомъ и червонцами. У Серебрякова на сіе сокровище разгорѣлись зубы. Сообщилъ онъ сіе свѣдѣніе вышесказанному Блудова родственнику, живущему въ одномъ съ Державинымъ домѣ, и прельстилъ его своими разсказами. Сей или оба они вознамѣрились воспользоваться симъ богатствомъ. Для чего Серебряковъ, выпрашиваясь изъ-подъ караула, нерѣдко хаживалъ къ нему, и Державинъ его у него нѣсколько разъ видалъ; но никакъ не участвовалъ въ ихъ умыслѣ, тѣмъ паче, что они, желая одни обогатиться, никогда и не приглашали его къ тому. А какъ имъ не льзя было безъ сообщниковъ сильнѣйшихъ произвести въ дѣйствіе сего своего предпріятія, то и пригласилъ сказанной родственникъ къ сему промыслу довольно значущихъ чиновныхъ людей изъ господъ сенатскихъ и прочихъ благородныхъ людей своихъ пріятелей, чрезъ коихъ бы высвободить Черняя и Серебрякова изъ тюрьмы. Они это сдѣлали такимъ образомъ: составили подложный вексель на Черняя, по которому произвели взысканіе, и какъ находился такой законъ, по коему должно было изъ всѣхъ правительствъ по требованіямъ посылать въ Магистратъ колодниковъ для уплаты ихъ долговъ ихъ заимодавцамъ, а изъ Магистрата дозволялось отпускать ихъ въ баню, въ церковь и къ родственникамъ подъ присмотромъ; — сего довольно крючкотворцамъ. Черняй отпущенъ въ баню подъ надзираніемъ одного гарнизоннаго солдата; на Царицыной площади отбитъ незнаемыми людьми; а Серебрякова выпросилъ подъ свое поручительство помянутый господина Блудова родственникъ. Сія побочная исторія введена здѣсь для того, что послѣ откроется оной связь съ коммисіею, по возмущенію Пугачева бывшей, въ которой употребленъ былъ Державинъ.

Наконецъ, кратко сказать, онъ, проживая въ Москвѣ съ знакомыми таковаго разбора людьми, чрезвычайно наскучилъ или лучше сказать возгнушавшись самъ собою, взялъ у пріятеля матери своей 50 руб., который прошенъ былъ отъ нея ссудить въ крайней его нуждѣ, бросился опро-

метью въ сани и поскакалъ безъ оглядокъ въ Петербургъ. Сіе было въ Мартѣ мѣсяцѣ 1770 года, когда уже началось открываться въ Москвѣ моровое повѣтріе. Въ Твери удержалъ было его нѣкто изъ прежнихъ его пріятелей, человѣкъ распутной жизни, но кое-какъ отъ него отдѣлался, издержавъ всѣ свои денжонки. На дорогѣ занялъ у ѣдущаго изъ Астрахани садоваго ученика съ виноградными къ двору лозами 50 руб. и тѣ въ Новгородскомъ трактирѣ проигралъ. Остался у него только рубль одинъ крестовикъ, полученный имъ отъ матери, который онъ во все теченіе своей жизни сберегъ. Подъѣзжая къ Петербургу въ 1770 году, какъ уже тогда моровое повѣтріе распространялось, нашелъ на Ижорѣ или Тоснѣ заставу карантинную, на которой должно было прожить двѣ недѣли. Это показалось долго; да и жить за неимѣніемъ денегъ было нечѣмъ, то старался упросить карантиннаго начальника о скорѣйшемъ пропускѣ, доказывая, что онъ человѣкъ небогатый, платья у него никакого нѣтъ, которое бы окуривать и провѣтривать должно было; но какъ былъ у него одинъ сундукъ съ бумагами, то и находили его препятствіемъ; онъ, чтобы избавиться отъ онаго, сжегъ при караульныхъ совсѣмъ тѣмъ, чтò въ немъ ни было и преобратя бумаги въ пепелъ, принесъ на жертву Плутону все, чтò во всю молодость свою чрезъ 25-ть лѣтъ намаралъ, какъ то: переводы съ Нѣмецкаго языка и свои собственныя сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ. Хороши ли они, или дурны были, того теперь сказать не можно; но изъ близкихъ его пріятелей кто читалъ, а собливо *Христіанина въ уединеніи, Захарія*, весьма хвалили. ([1]).

---

(1) Тутъ же конечно сожжены были и стихи его на Сумарокова, написанные въ началѣ 1770 года, когда происходила извѣстная ссора Сумарокова съ театральною Дирекціею и Московскимъ главно-командующимъ гр. Салтыковымъ. Раздраженый трагикъ написалъ эпиграмму на Москвичей. Державинъ пародировалъ ее, распустилъ свои стихи по городу, и между тѣмъ какъ Сумароковъ отыскивалъ сочинителя, тотъ ѣздилъ къ нему, даже обѣдалъ у него и забавлялся его наступленіемъ (Записки Дмитріева). Собственно къ этому времени, т. е. по переѣздѣ въ Петербургъ, относятся первые сохранившіеся стихи Державина. Именно отъ 1770 года осталось пять небольшихъ піесъ:

1. *Объявленіе въ любви* II, 112 (ссылки на Смирдинское изданіе 1831 г. въ 2 частяхъ).

Пріѣхавъ, какъ выше сказано, въ Петербургъ съ однимъ рублемъ, благословеніемъ матери, занялъ на прожитокъ 80 рублей у Григорья Никифоровича Киселева, давнишняго своего пріятеля, Казанскаго помѣщика, съ которымъ учились вмѣстѣ въ гимназіи, служили въ полку и гуляли на подставахъ. Тутъ брата своего засталъ уже бомбардиромъ или мушкетерскимъ капраломъ, но больнымъ въ чахоткѣ, что, бывъ на ученьѣ, отъ усильнаго поворачиванія пушки надорвался, вспотѣлъ и пошедъ домой простудился, отъ чего пришла сперва лихорадка, отъ которой лѣчился извѣстнымъ славнымъ шарлатаномъ Ерофеичемъ, вылѣчившимъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова отъ весьма опасной болѣзни, отъ котораго всѣ лучшіе доктора отказались. Выпивъ нѣсколько пріемовъ настояннаго съ какими-то кореньями питья, сталъ кашлять кровью и получилъ выше объявленную неизлѣчимую болѣзнь. Видя его весьма въ короткое время изсохнувшимъ, отпросилъ въ отпускъ къ матери въ Казань, гдѣ онъ подъ ея призоромъ, болѣе 20 лѣтъ отъ рожденія своего, кончилъ жизнь и погребенъ на Проломной улицѣ, у церкви Вознесенія Господня.

Оставшись послѣ брата, на занятыя у Киселева деньги выигралъ сотни двѣ рублей у помянутаго выше господина Протасова, заплатилъ долгъ и пробавлялся кое-какъ, имѣя наи-

---

2. *Пламидѣ*, II, 113.
3. *Нинѣ* (изъ Клопштока) II, 114.
4. *Всемилѣ* II, 115.
5. *Изъ Сафо* (по переложенію Буало). II, 143.

Всѣ онѣ любовнаго содержанія; во второй и третьей уже видны пріемы истиннаго таланта. — Тогдашнюю жизнь свою Державинъ вспоминалъ потомъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Бывало подъ чужимъ нарядомъ,
Съ красоткой чернобровой рядомъ,
Иль съ бѣленькой, сидя со мной,
Ты въ шашки, то въ картежъ играешь,
Прекрасною твоей рукой
Туза червоннаго вскрываешь,
Сердечной твой тѣмъ кажешь взглядъ,
Я къ кралѣ короля бросаю,
И ферзь къ ладьѣ я придвигаю,
Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ.

(Изъ піесы *Счастье*, 19 строфа).

болѣе обхожденіе съ нимъ, съ Петромъ Васильевичемъ Неклюдовымъ и съ капитаномъ Александромъ Васильевичемъ Толстымъ, у котораго тогда и въ 10 ротѣ находился. Сіи трое честные и почтенные люди его крайне полюбили за нѣкоторыя его способности, что онъ изрядно рисовалъ или, лучше сказать, копировалъ перомъ съ гравированныхъ славнѣйшихъ мастеровъ эстамповъ, такъ искусно, что съ печатными не можно было узнать рисованныхъ имъ картинъ. Болѣе же всего нравился онъ имъ за нѣкоторое искусство въ составленіи всякаго рода писемъ. Писанныя имъ къ Императрицѣ, для всякаго рода людей притѣсненныхъ, обиженныхъ и бѣдныхъ всегда имѣли желаемый успѣхъ и извлекали у нея щедроты. Случалось, обработывалъ онъ приказныя и полковыя дѣла, и доклады иногда къ престолу, и любовныя письма для Неклюдова, когда влюбленъ былъ въ дѣвицу Ивашеву, на которой послѣ и женился, хотя отецъ сперва тому и противился.

Въ 1771 году переведенъ въ 16 роту, въ которой отправлялъ фельдфебельскую должность въ самой ея точности и исправности; такъ что, когда назначенъ былъ въ томъ лѣтѣ лагерь подъ Краснымъ Кабачкомъ, то капитанъ Василей Васильевичь Корсаковъ, никогда не служившій въ арміи и нимало несвѣдущій военныхъ движеній, возложилъ все свое упованіе на фельдфебеля, ибо и офицеры были столько же свѣдущи въ томъ какъ и онъ, или по крайней мѣрѣ люди изнѣженные или лѣнивые, что не хотѣли заниматься своею должностію: такова была тогда служба; но какъ и онъ ничего не зналъ и не знали, какъ въ лагерь вступить, то и принужденъ былъ у солдатъ, недавно написанныхъ въ гвардію изъ армейскихъ полковъ, учиться, а чтобъ не стыдно было, то вставая на зарѣ, собиралъ роту и разставя колья, назначалъ имъ лагерныя улицы и входы и вводилъ въ нихъ по взводно или пошеренжно людей. А какъ лагерь благополучно отстояли и на полковомъ смотрѣ никакого безпорядку не случилось, то и болѣе заслужилъ уваженія отъ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которые избрали его въ хозяины и препоручили сложенную ими компаніонскую сумму. По выходѣ изъ лагеря, въ Сентябрѣ, какъ надобно было къ приближающемуся новому

году атестовать изъ унтеръ-офицеровъ въ офицеры, что̀ тогда происходило чрезъ собраніе ротныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ, то не льзя было не отдать справедливости по службѣ, по поведенію и по честности фельдфебелю. Однакоже полковой адьютантъ Желтухинъ, имѣя меньшаго брата сержантомъ, младшимъ Державина, за которымъ ему не могло достаться въ офицеры и желая какъ можно патянуть, придирался всячески къ фельдфебелю, и въ одинъ разъ, что минуту послѣ его пріѣзду на полковой дворъ пришелъ за приказомъ, поставилъ его подъ ружье, желая тѣмъ представить его неисправнымъ въ должности и обнесть у маіора Маслова, котораго онъ былъ любимецъ и дѣлалъ изъ него, что̀ хотѣлъ, который уже былъ направленъ, что Державина за бѣдностію въ гвардіи офицеры не производить, а выпустить въ армейскіе офицеры. Однако же, какъ офицеры знали его способности, а особливо помянутые Неклюдовъ, Протасовъ и Толстой, которые были уже капитанами изъ лучшихъ и маіоромъ уважаемы, наотрѣзъ въ собраніи сказали, что ежели Державинъ не атестуется, то они никого другихъ атестовать не могутъ. И такъ онъ въ началѣ 1772 года, Генваря 1-го дня, произведенъ гвардіи прапорщикомъ въ ту же 16 роту, въ которой служилъ фельдфебелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдность его великимъ была препятствіемъ носить званіе гвардіи офицера съ пристойностію; особливо тогда болѣе даже, нежели нынѣ, предпочитались блескъ богатства и знатность, нежели скромныя достоинства и ревность къ службѣ. Но какъ бы то ни было, ссудою изъ полку сукна, позументу и прочихъ вещей на счетъ жалованья (ибо тогда изъ полковой экономической суммы всегда комисаромъ запасалось оныхъ довольное количество) обмундировался онъ; продавъ сержантскій мундиръ, купилъ Аглинскіе сапоги и небольшую занявъ сумму и ветхую каретишку въ долгъ у господъ Окуневыхъ, исправился всѣмъ нужнымъ. Жилъ онъ тогда въ маленькихъ деревянныхъ покоїчикахъ, на Литейной, въ домѣ господина Удолова, хотя бѣдно, однако же порядочно, устраняясь отъ всякаго развратнаго сообщества; ибо имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою. Какъ былъ очень къ ней при-

вязанъ, а она не отпускала его отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ онъ по малу свое поведеніе; обращался между тѣмъ, гдѣ случай дозволялъ, съ честными людьми и въ игрѣ, по необходимости для прожитку, но благопристойно ([1]). Изъ офицеровъ пріязнь его тогда была наиболѣе съ поручикомъ Алексѣемъ Николаевичемъ Масловымъ, которой также имѣлъ интригу съ одною довольно чиновною дамою. Сей Масловъ былъ человѣкъ довольно умный, честный и съ нарочитыми въ словесности, а особливо во Французкомъ языкѣ, свѣдѣніями; но при всемъ томъ вѣтреный и мотъ, который ввелъ Державина въ большіе хлопоты, какъ о томъ ниже увидимъ

Въ семъ году около осени случилось замѣчательное происшествіе. Въ одинъ годъ, помнится, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, отданъ приказъ, чтобъ выводить роты на большое парадное мѣсто въ три часа по утру. Прапорщикъ Державинъ пріѣхалъ на ротный плацъ въ назначенное время. Къ удивленію не нашелъ тамъ не токмо капитана, но никого изъ офицеровъ, кромѣ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ; фельдфебель отрепортовалъ ему, что всѣ больны. И такъ, когда пришла пора, онъ долженъ вести одинъ людей на полковое парадное мѣсто. Тамъ нашелъ маіора Маслова, и прочія роты начали собираться. Когда построились, сказано было: «къ ногѣ положи», и ученья никакого не было. Такимъ образомъ прождали съ 3-хъ часовъ до 9-хъ часа въ великомъ безмолвіи, недоумѣвая, что бы это значило. Наконецъ отъ стороны слободъ, что на Пескахъ, услышали звукъ цѣпей. Потомъ показались взводы солдатъ въ синихъ мундирахъ. Это была Семеновская рота. Приказано было полку сдѣлать карре, въ которой,

---

(1) Къ этому 1772 году относятся три піесы Державина:

6. Первая его торжественная ода: *На побѣды Екатерины II надъ Турками*, I, 700 сухая и напыщенная

7. Стихотвореніе *Пени*, II, 144 написанное по просьбѣ одной дамы къ измѣнившему ей другу (тоже слабое).

8. Переведенное съ нѣмецкаго сочиненіе Овидія: *Ироида или письмо Вивлиды къ Кавну*. Послѣдняя піеса напечатана въ второй части Петерб. журнала *Старина* и *Новизна*, изд. В. Рубана. (См. статью Я. К. Грота во 2 № Современника 1845 года, стр. 152).

къ ужасу всѣхъ, введенъ въ изнуренномъ видѣ и блѣдный унтеръ-офицеръ Оловянишниковъ, и съ нимъ 12 человѣкъ лучшихъ гранодеръ. Прочтенъ указъ Императрицы и приговоръ преступниковъ. Они умышляли на Ея жизнь. Имъ учинена торговая казнь; одѣли въ рогожное рубище и тутъ же, посажавъ въ подвезенныя кибитки, отвезли въ ссылку въ Сибирь. Жалко было и ужасно видѣть терзаніе ихъ катомъ, но ужаснѣе того мысль, какъ могъ благородный человѣкъ навлечь на себя такое бѣдствіе. Однако же таковыхъ умышленій на Императрицу было не одно сіе (окромѣ возмущенія злодѣя Пугачева, которое будетъ ниже нѣсколько обстоятельнѣе описано, потому что въ усмиреніи онаго участвовалъ и Державинъ,) и именно гласныя, не говоря о невышедшихъ наружу: скоро по коронаціи въ Москвѣ Хрущевы и Жилинскій; по возвращеніи въ Петербургъ Озеровскій и Жилинскій: первые ошельмованы на эшафотѣ переломленіемъ шпагъ и разосланы на житье по ихъ деревнямъ, вторые въ каторжную работу въ Сибирь, а Пугачевской успокоенъ съ большимъ кровопролитіемъ въ междоусобной брани.

ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Съ помянутаго ([1]) *возмущенія по вступленіе Державина въ статскую службу.*

Причины сего возмущенія, крывшіяся въ Яицкомъ или нынѣшнемъ Уральскомъ городкѣ, здѣсь не описываются, потому что извѣстны они будутъ по историческимъ извѣстіямъ. Начну тѣмъ, что во время брачнаго торжества Великаго Князя Павла Петровича съ Великою Княжною Натальею Алексѣевною, въ 1773 году, въ Сентябрѣ ([2]), стали разноситься по народу слухи о появившемся въ Оренбургской губерніи разбойникѣ, для поимки коего того краю посланы гарнизонныя и прочія команды, а какъ нѣсколько молва замолка, то и думали, что неспокойство утушено. Но вдругъ во дворцѣ, на балѣ, въ Андрѣевъ день, то есть 30 Ноября ([3]),

---

(1) Т. е. Пугачевскаго.

(2) 29 Сентября, въ С. Петербургѣ.—Первое появленіе Самозванца относится къ серединѣ этого мѣсяца.—В. Кн. Павлу Петровичу исполнилось тогда 19 лѣтъ; было отпраздновано его совершеннолѣтіе, и слѣдовательно онъ имѣлъ полную возможность принять правленіе. Съ этихъ поръ Императрица Екатерина могла опираться исключительно на славу своего царствованія, на свою несомнѣнную преданность благу отечества и на любовь народную. Именно такъ она и понимала свое положеніе. Это видно между прочимъ изъ одного ея отзыва Храповицкому (См. его Записки): сравнивая свое восшествіе на престолъ съ восшествіемъ императрицы Елизаветы Петровны, Екатерина замѣтила, что общій голосъ народа и общая нужда, а не желаніе отдѣльныхъ лицъ, призвали ее царствовать.

(3) Здѣсь, кажется, неточность: рескриптъ, повелѣвавшій Бибикову идти противъ Пугачева, подписанъ 29 Ноября 1773 года (См. Записки о жизни Бибикова, стр. 277), въ одинъ день съ пространнымъ манифестомъ, о которомъ говорится ниже и который Бибиковъ повезъ съ собою. Манифестъ этотъ послѣ публикованъ отъ 23 Декабря. (См. тамъ же, стр. 290 и въ Москвит. 1845 г., IX, *Письма Екатерины* къ кн. М. Н. Волконскому, письмо 1-е, примѣч. 1-е).

Государыня, подошедъ къ генералъ-аншефу, измайловскаго полку маіору, Александру Ильичу Бибикову (которому предъ тѣмъ наскоро было велѣно отправиться въ главную армію подъ начальство графа Петра Александровича Румянцова, съ которымъ тогда былъ онъ не весьма въ пріязни), объявила о возмущеніи, приказавъ ему ѣхать для возстановленія спокойствія въ помянутой губерніи. Бибиковъ былъ смѣлъ, остръ и забавенъ, пропѣлъ ей Русскую пѣсню: «Нашъ сарафанъ вездѣ пригожается.» Это значило то, что онъ туда и сюда былъ безпрестанно въ важныя дѣла употребляемъ безъ отличныхъ какихъ либо выгодъ; а напротивъ того, отъ Румянцова и графа Чернышева, управляющаго Военною Коллегіею, иногда былъ и притѣсняемъ ([1]) Въ слѣдствіе чего на другой день были къ нему наряжены въ ассистенты или помощники многіе гвардіи офицеры по его выбору, ему знакомые, а именно: изъ Преображенскаго полку Кологривовъ, изъ Семеновскаго Мавринъ и Горчаковъ, изъ

---

(1) А. И. Бибиковъ принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ и при томъ самымъ чистымъ дѣятелямъ Екатерининскаго вѣка. Онъ былъ настоящій, безкорыстный слуга Отечества, и провелъ большую часть жизни, исполняя важныя и трудныя порученія правительства. Такъ онъ былъ душою Комиссіи о Сочиненіи Новаго Уложенія. Довѣріе, которымъ онъ пользовался, дѣлаетъ великую честь Екатеринѣ, потому что онъ не любилъ льстить ей и всегда отличался смѣлостью сужденій. Онъ былъ ровесникъ Государынѣ; имъ обоимъ тогда шелъ 45-й годъ. Причины временной немилости, которой онъ подвергся и которая состояла въ томъ, что его назначили корпуснымъ командиромъ къ давнему его непріятелю Румянцову, тогда какъ передъ тѣмъ онъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ Русскихъ полковъ въ Польшѣ и дѣйствовалъ почти независимо отъ Военной Коллегіи (см. письмо его къ Н. И. Панину въ приложеніяхъ къ біографіи гр. Моркова. Рус. Бесѣда 1857, IV), въ точности неизвѣстны. Говорятъ, что ему повредилъ кто-то изъ вельможъ, должно быть Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, управлявшій Военной Коллегіей. Екатерина посылала его противъ Пугачева между прочимъ потому, что восточный край былъ довольно извѣстенъ Бибикову: онъ имѣлъ помѣстья въ Костромской губерніи, за десять лѣтъ передъ тѣмъ усмирилъ такъ называемую дубинщину и возстаніе заводскихъ крестьянъ въ Казанской губерніи и на границахъ Сибири, при чемъ показалъ умѣренность и умѣнье обходиться съ простымъ народомъ, и наконецъ плавалъ съ Екатериною по Волгѣ въ 1767 году.— Вотъ подлинныя слова пѣсни, которыя онъ сказалъ Екатеринѣ:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкою лежишь.

Измайловскаго Лунинъ и Собакинъ, и данъ указъ въ Военную Коллегію объ отрядѣ въ его команду войскъ ([1]).

Державинъ узналъ сіе, и какъ имѣлъ всегда желаніе употребленъ быть въ войнѣ или въ какомъ либо отличномъ порученіи; даже повергался иногда въ меланхолію, что не имѣлъ къ тому средства и удобства, ибо во время посылки на флотѣ командъ въ Архипелагъ не находился въ Петербургѣ, а въ армію ѣхать волонтеромъ не имѣлъ достатку, ибо гвардію тогда обыкновеннымъ порядкомъ на войну, какъ прочіе армейскіе полки, не употребляли, кромѣ вышеозначенной экспедиціи на флотѣ; и такъ вздумалъ открывшимся случаемъ воспользоваться. Въ слѣдствіе чего, хотя ему генералъ Бибиковъ ни мало не былъ знакомъ, но онъ рѣшился ѣхать къ нему и безъ рекомендаціи, слышавъ, что онъ человѣкъ разумный и могшій скоро проникать людей. Пріѣхавъ, открылъ ему свое желаніе, сказавъ, что слышалъ по народному слуху о поѣздкѣ его въ какую-то секретную коммиссію въ Казань; а какъ онъ въ семъ городѣ родился и ту сторону довольно знаетъ, то не можетъ ли онъ быть съ пользою въ семъ дѣлѣ употребленнымъ? Бибиковъ отвѣтствовалъ, что онъ уже взялъ гвардіи офицеровъ, ему людей извѣстныхъ, и для того сожалѣетъ онъ, что не можетъ исполнить его просьбы. Но какъ Державинъ остался у него еще на нѣсколько (*времени*) и не поѣхалъ скоро, то вступя съ нимъ въ разговоръ, былъ имъ доволенъ, однако же никакого не сдѣлалъ обѣщанія. Простясь, съ огорченіемъ отъ него поѣхалъ; но въ полковомъ приказѣ въ вечеру съ удовольствіемъ увидѣлъ, что по Высочайшему повелѣнію велѣно ему явиться къ генералу Бибикову. Онъ сіе исполнилъ и получилъ приказаніе чрезъ три дни быть къ отъѣзду готовымъ.

Въ сіе время, какъ онъ стоялъ въ домѣ помянутой госпожи, его пріятельницы ([2]), къ которой почасту пріѣзжали изъ деревни съ Ладожскаго канала ея люди, по которому ка-

---

(1) Въ Запискахъ о жизни Бибикова (стр. 301) показаны еще въ числѣ состоявшихъ при Бибиковѣ офицеровъ—кн. Волхонскій и Р. А. Кошелевъ.

(2) См. главу или отдѣленіе 2-е, стр. 46.

налу расположенъ былъ на зимнихъ квартирахъ Владимирской гренадерской полкъ, то одинъ изъ ея людей, проѣзжая рано по утру чрезъ селеніе, называемое Киболъ, ночевалъ на постояломъ дворѣ и слышалъ, когда укладывались гренадеры на ямскія подводы для походу въ Казань, что гренадеры ропщутъ, что вызвали ихъ изъ арміи для торжества при свадьбѣ Великаго Князя Павла Петровича съ Великою Княжною Натальею Алексѣевною, какъ выше сказано бывшаго въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, и не дали имъ при такомъ торжествѣ ниже по чаркѣ вина, а заставили бить сваи на рѣкѣ Невѣ, какъ строилась дворцовая набережная; то они отъ такой худой жизни и положатъ ружья предъ тѣмъ Царемъ, который, какъ слышно, появился въ низовыхъ краяхъ, кто бы таковъ онъ ни былъ. Таковая болтовня низкихъ людей, хотя великаго уваженія не заслуживала, однако при обстоятельствахъ внутренней крамолы не должна была быть пропущена безъ замѣчанія. Державинъ сіе пересказалъ генералу Бибикову. Онъ сперва счелъ за вздоръ; но потомъ, одумавшись, велѣлъ къ себѣ часу по полуночи во второмъ, когда всѣ въ городѣ угомонятся, представить человѣка, который слышалъ тѣ разговоры. Сіе исполнено. Онъ спрошенъ былъ: знаетъ ли онъ имена тѣхъ гренадеръ, которые вышесказанныя рѣчи говорили; а какъ служитель отозвался, что онъ ихъ не знаетъ, а проѣздомъ слышалъ разговоръ, но въ лицо узнать ихъ можетъ; то Бибиковъ и не зналъ что дѣлать; ибо уже полкъ съ квартиръ выступилъ нѣсколько дней; и какъ отправленъ на почтовыхъ, то и возвращать его было не удобно; а по незнанію именъ заговорщиковъ, однихъ ихъ потребовать было не можно. Въ разсужденіи чего былъ въ недоумѣніи; однако приказалъ Державину въ вечеру къ себѣ пріѣзжать. По пріѣздѣ сказалъ, что онъ съ полковникомъ того полку, княземъ Одоевскимъ, говорилъ, но онъ увѣрялъ, что гренадеры съ крайнимъ усердіемъ, какъ ему отъ ротныхъ командировъ донесено было, въ походъ выступили. Державинъ возразилъ: весьма бы было отъ стороны полковника и офицеровъ оплошно, ежели бы они, слыша намѣреніе къ измѣнѣ, не взяли надлежащихъ мѣръ и ему не донесли, развѣ и сами были умышленники;

но этого предполагать не можно. Генералъ замолчалъ; сказалъ, что хорошо, утро вечера мудренѣе. Опослѣ извѣстно стало, что онъ тогда же писалъ секретно по дорогѣ къ губернаторамъ Новгородскому, Тверскому, Московскому, Володимирскому и Нижегородскому, чтобъ они, во время проходу полковъ въ Казань мимо ихъ губерній, а особливо гренадерскаго Владимирскаго, по дорожнымъ кабакамъ, приставили надежныхъ людей, которые бы подслушивали, чтò служивые между собою говорятъ во время ихъ попоекъ. Сіе распоряженіе имѣло свой успѣхъ; ибо по пріѣздѣ въ Казань получилъ онъ донесеніе отъ Нижегородскаго губернатора Ступишина ([1]), что дѣйствительно между рядовыми солдатами существуетъ заговоръ положить во время сраженія предъ бунтовщиками ружья; изъ которыхъ главные схвачены, суждены и тогда же жестоко наказаны. Сіе подало поводъ генералу взять предосторожность, о которой ниже увидимъ. Но возвратимся въ Петербургъ.

Хотя Державинъ весьма на легкѣ, въ нагольной овчинной шубѣ, купленной имъ за 3 р., отправился въ Москву, но генералъ Бибиковъ перегналъ его ([2]): пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, пріѣхалъ въ Казань Декабря 25-го числа, то есть, въ самый день Рождества Христова. Прочіе офицеры, на передъ уже пріѣхавшіе и открывшіе по повелѣнію генерала засѣданіе Секретной Коммисіи, по случаю тогда праздника, какъ люди достаточные, имѣвшіе знакомыхъ множество, а иные и сродственниковъ, занялись разными увеселеніями; но Державинъ, пробывъ съ матерью уединенно въ домѣ, старался отъ крестьянъ пріѣзжихъ изъ деревнишекъ своихъ, которыя лежали по тракту къ Оренбургу, узнать о движеніяхъ непріятельскихъ или о колебаніи народномъ; ибо извѣстно было, что до пріѣзда Бибикова многіе дворяне и граждане разъѣхались было изъ города; но съ прибытіемъ его паки

---

(1) И. В. Ступишинъ упомянутъ въ числѣ лицъ, показавшихъ особенное усердіе Екатеринѣ при ея восшествіи на престолъ; онъ получилъ за то въ награду 600 душъ крестьянъ. См. С. Петербургскія Вѣдомости 1762 г. № 64.

(2) Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 9 Декабря, въ Москву пріѣхалъ 13-го и пробылъ тамъ четверо сутокъ. (Зап. о ж. Биб.) Можетъ быть, Бибиковъ дожидался въ Москвѣ, пока напечатаютъ манифестъ церковными буквами.

возвратились ([1]). Собравъ таковыя, сколько можно по обстоятельнѣе, извѣстія, 28 числа на вечеръ пріѣхалъ къ генералу, когда у него никого не было. Онъ по обыкновенію спрашивалъ о новостяхъ. Сей пересказалъ ему слышанное, что верстахъ уже въ 60 разъѣзжаютъ толпы вооруженныхъ Татаръ и всякая злодѣйская сволочь, присовокупя, по чистосердечію своему и пылкости своей, собственныя разсужденія, что надобно дѣлать какія нибудь движенія, ибо отъ бездѣйствія городъ находится въ унывіи. Генералъ съ сердцемъ возразилъ: « Я знаю это; но что дѣлать? войска еще не пришли » (которыя изъ Польши, изъ бывшихъ противъ конфедератовъ и прочихъ отдаленныхъ мѣстъ ожидаемы были). Державинъ смѣло повторилъ: какъ бы то ни было, есть ли войска, или нѣтъ, но надобно дѣйствовать. Генералъ, не говоря ни слова, схватя его за руку, повелъ въ кабинетъ и тамъ показалъ ему отъ Симбирскаго воеводы рапортъ, что 25 числа, то есть, въ Рождество Христово, толпа злодѣйская, подъ предводительствомъ атамана Арапова, взошла въ городъ Самару и тамошними священнослужителями и гражданами встрѣчена со крестами, со звономъ, съ хлѣбомъ и солью. Державинъ то же говорилъ: надобно дѣйствовать. Генералъ задумавшись ходилъ взадъ и впередъ и потомъ, не говоря ни слова, отпустилъ его домой. По утру рано ([2]) слышитъ отъ полиціи повѣстку, чтобъ собирались въ соборъ всѣ граждане, и потомъ часу въ 10-мъ позывъ въ большой соборной колоколъ. При великомъ стеченіи народа и всего знатнѣйшаго общества, читанъ былъ манифестъ, печатанный въ Московской типографіи церковною печатью, въ которомъ объявлялось о наименовавшемся Императоромъ Петромъ III-мъ Емелькѣ Пугачевѣ, и что гене-

(1) Положеніе, въ которомъ Бибиковъ и Державинъ застали дѣла, было такое: Пугачевъ одну за другою забралъ цѣлый рядъ крѣпостей на Общемъ Сырту отъ Яицкаго городка до Оренбурга и держалъ въ осадѣ два послѣдніе, весьма важные пункты. Его разъѣзды появлялись по всей лѣвой сторонѣ Волги. Войска правительства до сихъ поръ не имѣли вовсе успѣха; Карръ бѣжалъ отъ страха, полковникъ Чернышевъ убитъ, Фрейманъ терпѣлъ неудачи. Губернаторы совершенно растерялись.

(2) Въ Запискахъ о жизни Бибикова сказано, что это происходило въ новый 1774 годъ.

ралъ-аншефу Бибикову поручено истребленіе того бунта, и потому всѣ команды, для того отправленныя, военныя и гражданскія, и Секретная Коммисія, составленная изъ гвардіи офицеровъ, отданы въ полную власть его. По отслуженіи молебна объ успѣхѣ оружія, приглашены были въ квартиру главнокомандующаго преосвященный Веніаминъ и все благородное собраніе. Тутъ Бибиковъ, подойдя къ Державину, тихо сказалъ: « Вы отправляетесь въ Самару; возьмите сей часъ въ канцеляріи бумаги и ступайте.» Выговоря сіе, смотрѣлъ пристально въ глаза, можетъ быть, хотѣлъ проникнуть, таковъ ли онъ рьянъ на дѣлѣ, какъ на словахъ. Державинъ, сіе примѣтя, сообразился, что неужели онъ его посылаетъ прямо въ руки злодѣямъ, нашелся и отвѣчалъ: готовъ. Взялъ туже минуту изъ канцеляріи запечатанные пакеты, которые надписаны *по секрету*, и велѣно было ихъ открыть по удаленіи отъ Казани 30 верстъ; простился съ матерью и не сказавъ, куда ѣдетъ, поскакалъ.

Отъѣхавъ 30 верстъ, открылъ конверты, нашелъ въ нихъ два ордера на имя его. 1-й) повелѣвающій ему ѣхать въ Симбирскъ и найти идущія изъ Польши около тѣхъ мѣстъ 22-ю и 24-ю легкія полевыя команды; о марширующихъ изъ Бѣлорусіи 23-й и 25-й, буде можно, развѣдать, гдѣ онѣ и скоро ли будутъ, а равно о и генералъ-маіорѣ Мансуровѣ (1); также и о изъ Сызрани командированныхъ Бахмутскихъ гусаръ трехъ стахъ человѣкахъ, на которыхъ и сдѣлать примѣчанія, надежны ли они, въ какомъ находятся состояніи и исправности и каковыхъ имѣютъ офицеровъ. Возвратясь, къ нему о всемъ томъ донесть. Сія посылка, какъ думать должно, произошла изъ вышесказанной осторожности, ибо до того времени посланныя гарнизонныя команды всѣ почти клали предъ злодѣями оружіе, что изъ обстоятельной исторіи о семъ возмущеніи будетъ видно; а при томъ, что генералъ хотѣлъ, можетъ быть, испытать назойливаго офицера. 2-й) ордеръ предписывалъ ему, когда городъ Самара посланными нашими командами занятъ, а злодѣи выгнаны будутъ, то найти, кто изъ жи-

---

(1) Мансуровъ, по распоряженію Бибикова, долженъ былъ защищать такъ называвшуюся тогда Самарскую линію.

телей первые были начальники и уговорители народа къ выходу на встрѣчу злодѣямъ со крестами и со звономъ, и чрезъ кого отправленъ благодарный молебенъ, и чтобъ виновнѣйшихъ въ умышленномъ преступленіи, заковавъ, отправить къ нему; а которые отъ проста то учинили, тѣхъ распросы представить къ нему на разсмотрѣніе, а иныхъ для страха на площади наказать плетьми.

Проѣзжая по дорогѣ, примѣтилъ въ народѣ духъ злоумышленія, такъ что не хотѣли ему индѣ давать и лошадей, которыхъ онъ, приставя иногда пистолетъ къ горлу старосты, принужденъ былъ домогаться. Не доѣзжая до Симбирска верстъ 5-ти, примѣтилъ онъ поселянъ, съ праздными повозками, по продажѣ ихъ продуктовъ, изъ города ѣдущихъ; желалъ отъ нихъ узнать, не находится ли тамъ какихъ командъ нашихъ или непріятельскихъ; ибо легко и послѣднія съ 25-го по 30-е число, по не весьма далекому разстоянію отъ Самары, занять сей городъ могли; то и приказывалъ бывшему съ нимъ и стоявшему на запяткахъ человѣку Блудова одного изъ мужиковъ остановить; но какъ онъ былъ человѣкъ весьма вялой и непроворной (ибо его собственные люди, скачучи изъ Петербурга, отбили ноги и занемогли) то и не могъ сей разгильдяй исполнить ему повелѣннаго. Для того онъ, положа человѣка въ повозку на мѣсто свое, самъ сталъ на запятки, и притворясь дремлющимъ, схватилъ незапно одного мужика, которому сдѣлавъ распросы, узналъ, что въ Симбирскѣ есть военные люди, но того никакъ не могъ добиться, наши или непріятельскіе, и опасаясь, чтобъ самому не въѣхать въ руки послѣднихъ, не зналъ что дѣлать; тѣмъ паче когда услышалъ, что войска не въ обыкновенныхъ солдатскихъ мундирахъ, а въ Русскомъ платьѣ и собирали по городу шубы; но заключалъ только потому, что не злодѣи, когда узналъ, что у всѣхъ солдатъ ружья съ штыками, каковыхъ у сволочи быть не могло; то и рѣшился ѣхать въ городъ. Это было уже часу въ 10-мъ ночи. Воевода объявилъ, что подполковникъ Гриневъ, съ 22-й легкою полевою командою, часа съ два выступилъ изъ города по Самарской дорогѣ, для соединенія съ маіоромъ Муфелемъ съ 24-ю командою, который чаятельно близъ или

уже вступилъ въ Самару. Соединясь съ Гриневымъ, слѣдовали къ сему городу. Нашли уже оной Муфелемъ занятымъ. Онъ имѣлъ съ толпою Арапова, по большей части состоявшей изъ Ставропольскихъ Калмыковъ и отставныхъ солдатъ, сраженіе. У него убито ядромъ изъ поставленной на берегу пушки драгунъ только 3 человѣка; но онъ побилъ множество, взялъ 9 городскихъ чугунныхъ пушекъ, выгналъ изъ Самары и прогналъ въ городъ Алексѣевскъ, лежащій отъ Самары въ 25 верстахъ, злодѣйскую толпу, которая была въ нѣсколькихъ тысячахъ.

Здѣсь влагается подлинной журналъ съ дополненіемъ подробныхъ примѣчаній на нѣкоторыя сокращенныя обстоятельства. (1)

Журналъ, веденный во время Пугачевскаго бунта.

1773. *Декабрь.* По прибытіи его высокопревосходительства покойнаго г-на генералъ-аншефа Александръ Ильича Бибикова въ Казань Декабря 25-го, командированъ былъ онъ, по занятіи злодѣями города Самары, онаго жъ мѣсяца 29 дня, въ сей городъ. Посылка его въ сію экспедицію слѣдующаго была содержанія. Даны были ему два ордера; первой въ той силѣ, чтобъ, соединившись съ командами господъ подполковниковъ Муфеля, либо Гринева, и по выгнаніи злодѣевъ изъ сего города, изслѣдовать тамошнихъ жителей, для чего они бунтовщиковъ встрѣтили со крестами, и нѣтъ ли какой у нихъ связи съ злодѣями и единомыслія? Второй ордеръ секретной, которой повелѣвалъ, чтобъ онъ узналъ, каковы вышеупомянутые командиры, ихъ офицеры и солдаты; ибо они ему (*т. е. Бибикову*) до тѣхъ поръ были не извѣстны. А какъ еще изъ нашихъ начальниковъ никто бунтовщиковъ тогда не разбивалъ; того ради, какъ видится, и нужно было ему знать, можетъ ли онъ до прибытія туда г-на генералъ-маіора Мансурова на нихъ въ занятіи Самарской линіи положиться? Г. Муфель предъ пріѣздомъ Дер-

---

(1) Въ подлинной рукописи этотъ журналъ писанъ рукою переписчика, съ небольшими поправками и добавленіями собственной руки Державина.

жавина освободилъ Самару; слѣдовательно дѣйствіемъ своимъ уже и оказалъ себя, и ему Державину, кромѣ что съ почтеніемъ умолчать о немъ, писать было нечего. Впрочемъ, донеся Бибикову отъ 3-го Генваря о соединеніи съ Гриневымъ, отъ 5-го Генваря 1774 года донесъ, въ какихъ обстоятельствахъ онъ Державинъ наѣхалъ Самару, то есть: о образѣ мыслей народа, совѣта, бургомистра, протопопа и первостатейныхъ людей, о посланіи нарочныхъ въ приближившуюся толпу злодѣйскую, о поощреніи къ укрѣпленію народнаго легкомыслія священными обрядами духовныхъ, какъ то: крестною и со звономъ встрѣчею безъ всякаго принужденія; о служеніи благодарныхъ за злодѣевъ молебновъ и о прочемъ; и также, что хотя всѣ тамо бывшіе священники соблазнительнымъ своимъ примѣромъ заслуживали тотчасъ быть отосланными въ Секретную Коммисію; но вдругъ оторвать ихъ всѣхъ отъ церквей почиталъ онъ, въ тогдашнихъ обстоятельствъ, за дѣло весьма щекотливое; ибо злодѣи, разсѣевая въ пользу свою всякія ухищренныя плевелы, могли бы, обративъ сіе, сказать, что чрезъ оное мы притѣсняемъ вѣру; почему и просилъ онъ генерала Бибикова, чтобъ прислать сперва въ Самару священниковъ новыхъ и занять церкви; а потомъ уже старыхъ, куда надлежитъ, отослать. На сіе получилъ онъ отъ 10-го того жъ мѣсяца апробацію и благодарность, какъ равно и за сіе: чтобъ увидѣть въ прямомъ дѣлѣ г-на подполковника Гринева ([1]), его офицеровъ и команду, то при предпринимаемой экспедиціи выгнать толпу злодѣйскую изъ крѣпости Алексѣевской ([2]), донесъ онъ,

(1) Имя Гринева увѣковѣчено Пушкинымъ въ *Капитанской дочкѣ*. Повѣсть эта, какъ извѣстно, лучше всякихъ историческихъ описаній, изображаетъ Пугачевщину. Вѣрный своему обыкновенію, Пушкинъ взялъ основу этого произведенія изъ событія дѣйствительнаго. Гриневъ былъ подозрѣваемъ въ сношеніяхъ съ Самозванцемъ, и не столько тотъ, о которомъ говоритъ здѣсь Державинъ, какъ одинъ поручикъ. Въ *Допросахъ Пугачеву* (Чтеніе въ обществѣ Исторіи и Древностей кн. 2, стр. 43) читаемъ: «По предложенію одного солдата посылалъ злодѣй ложный свой указъ къ поручику Алексѣю Матвѣеву сыну Гриневу. Сей солдатъ сказывалъ, что онъ съ Гриневымъ весьма знакомъ, одобрялъ злодѣю онаго поручика и обнадеживалъ, что будетъ къ Самозванцу преклоненъ. На сіе посланіе никакого отвѣту не было.»

2) По направленію отъ Самары вялзъ къ Уральску (тогдашнему Яицкому городку), въ нынѣшнемъ Бузулуцкомъ уѣздѣ.

что хочу быть на сраженіи самъ; ибо казалось ему, что о чемъ должно доносить начальнику, то должно доносить вѣрно; а потому и сказать ему о г-нѣ Гриневѣ и его командѣ ничего обстоятельнаго было бы не можно, когда бы онъ отъ сраженія себя уволилъ. Почему, оставя на нѣсколько дней въ Самарѣ допрашивать жителей, былъ онъ въ дѣйствіи; а по разбитіи злодѣевъ и выгнаніи изъ помянутой Алексѣевской крѣпости, рапортовалъ, что̀ по его разсужденію къ чести сего офицера и его подкамандующихъ служить могло. Здѣсь должно примѣтить, что пригородокъ Алексѣевскій населенъ почти весь отставными гвардейскими солдатами, изъ которыхъ нѣкоторые были въ Невскомъ монастырѣ на погребеніи Императора Петра III ([1]); то въ страхъ другимъ ихъ собратіямъ за ихъ глупость, что они повѣрили ложной разгласкѣ самозванца, на оградѣ церковной при собраніи народа пересѣкъ плетьми, по словесному приказанію Бибикова, который послѣ подтвержденъ ордеромъ его отъ 10 числа тогожъ мѣсяца ([2]).

1774 *Мѣсяцъ Генварь.* Изъ подъ Алексѣевской ходилъ онъ съ нимъ же господиномъ Гриневымъ подъ селеніе Красной Яръ за Калмыками (куда на дорогѣ проѣзжая городъ Ставрополь, попался въ руки бунтующихъ Калмыковъ, которые, въѣхавъ ночью въ городъ, увезли съ собою воеводу и всѣхъ начальниковъ; продѣвъ имъ въ ноздри кольца, въ степи перекололи), гдѣ писано было отъ него къ нимъ Калмыкамъ увѣщательное письмо и по переводѣ на ихъ языкъ къ нимъ послано ([3]). Оное послѣ представлено было имъ г.

---

(1) У Пугачева было найдено въ послѣдствіи Голштинское знамя. Оно могло достаться ему не иначе, какъ изъ Петербурга. Екатерина приказывала строго розыскать, какъ онъ получилъ это знамя. Но къ чему повели эти розыски, мы не знаемъ. «Хорошо было бы — писала она кн. Волхонскому — если бы вы открыли источникъ, какимъ образомъ сіе знамя дошло до Пугачева; ибо вывели бъ много плутней наружу.» (Москв. 1845, IX, стр. 50).

(2) Отъ 1773 года остались двѣ оды Державина:

9. *На восшествіе на престолъ Екатерины.*

10. *На бракосочетаніе В. Князя Павла Петровича.* Обѣ не вошли въ собраніе его сочиненій (см. статью Я. К. Грота, Соврем. 1845, № 2, стр. 132).

(3) Здѣсь приложить въ ремаркѣ то письмо. *Примѣчаніе Державина.* Письма этого мы не могли найти. — Красный Яръ, можетъ быть, нынѣшнее

Бибикову, а отъ него Ея Величеству, за которое въ собственноручномъ письмѣ Ея Величества къ генералу изъявлена была Высочайшая апробація (1).

По возвращеніи изъ сего похода въ Самару, изслѣдовалъ онъ тамошнихъ жителей и въ силу вышеупомянутаго ордера, самыхъ винныхъ послалъ въ Секретную Коммиссію, а которые не столько виноваты были, тѣхъ до резолюціи оставилъ въ семъ городѣ. Дождавшися же прибытія его превосходительства г-на генералъ-маіора Мансурова, отправился онъ въ Казань, и учиненные имъ въ Самарѣ допросы поднесъ его высокопревосходительству, за что̀ и изъявлено было ему отъ него удовольствіе.

Непріятную сію коммисію долженъ онъ былъ отправлять безъ всякаго письмоводца и даже писца, самъ наединѣ испытывая преступниковъ и писавъ ихъ показанія, въ которыхъ они многія непристойныя рѣчи изрыгали на Высочайшую власть, которыхъ никому изъ постороннихъ повѣрить и оглашать было не должно. Въ семъ мѣсяцѣ, въ бытность его въ Казани, при главнокомандующемъ, поручено было ему съ рапортовъ частныхъ командировъ и съ донесеній партикулярныхъ людей собирать по алфавиту имена начальниковъ злодѣйскихъ, съ краткимъ объясненіемъ произведенія каждаго злодѣйства, что̀ который и гдѣ сдѣлалъ; для того, чтобы послѣ кто не могъ ускользнуть отъ правосудія, и дѣла каждаго по алфавиту скорѣе бъ видѣть было можно, и кто кѣмъ разграбленъ или убитъ. При семъ тогда же поручено было ему написаніе журнала, какъ входящимъ къ г. Бибикову Высочайшимъ повелѣніямъ, манифестамъ, отъ коллегіи указамъ и отъ нижнихъ мѣстъ рапортамъ, извѣстіямъ и объявленіямъ, такъ равно и изходящимъ отъ него приказаніямъ, распоряженіямъ и частнымъ ордерамъ, словомъ описаніе всей связи дѣлъ, начатыхъ тогда къ искорененію Пугачева и его скопищъ. А равно возло-

---

село на лѣвомъ берегу Волги, въ Нѣмецкихъ колоніяхъ, недалеко отъ Саратова. Но въ такомъ случаѣ Державину не за чѣмъ было проѣзжать Приволжскій Ставрополь.

(1) Тутъ въ первый разъ Императрица могла обратить вниманіе на Державина.

жено было на него и возбужденіе дворянства и гражданъ къ составленію воинскихъ ополченій улановъ, гусаръ, что̀ было съ успѣхомъ и исполнено. Журнала имъ было только сдѣлано начало, а именно описаны только тѣ извѣстія, которыя сначала бунта отъ разныхъ мѣстъ присланы были къ Казанскому губернатору Фонъ-Бранту и къ прочимъ бывшимъ до г. Бибикова командирамъ, такъ и то, какъ отправился онъ г. Бибиковъ изъ Петербурга, какія получилъ отъ Императрицы повелѣнія, и что̀ на дорогѣ до пріѣзду въ Казань въ Декабрѣ мѣсяцѣ онъ распоряжалъ.

Февраль. Перваго числа сего мѣсяца полученъ отъ Ея Величества генераломъ Бибиковымъ собственноручной рескриптъ, въ которомъ изъявлено было Высочайшее благоволеніе за желаніе составить сказанное ополченіе: именовала себя Ея Величество Казанскою помѣщицею. Для ознаменованія благодарности дворянства Государынѣ за Высочайшую Ея милость, что объявила себя ихъ гражданкою, Державинъ написалъ рѣчь, которая и читана была въ дворянскомъ собраніи передъ портретомъ Ея Величества предводителемъ дворянства Уковымъ, которая здѣсь въ ремаркѣ помѣщается ([1]), равно и по поводу оной присланная отъ Ея Величества похвальная грамота отъ 24 Февраля Казанскому дворянству, купечеству и другимъ состояніямъ, которую велѣно сохранять въ архивахъ.

Мартъ. Въ семъ мѣсяцѣ бывшій монастырскій слуга, Малыковскій житель, Иванъ Серебряковъ, о которомъ выше сказано, явясь по сказанному знакомству ([2]) къ Державину,

---

(1) Рѣчь эта остается въ рукописи. Остолоповъ (срт. 3) говоритъ, что въ ней Державинъ не забылъ упомянуть о притѣсненіи бѣдныхъ людей сильными. У Пушкина сказано, что рѣчь эту произносилъ предводитель Макаровъ, а въ Запискахъ о жизни Бибикова — дворянинъ Бестужевъ. Тогда же прочитано было и отправлено къ Екатеринѣ благодарственное высокопарное письмо отъ имени дворянства, напечатанное въ Записк. о ж. Биб. Пушкинъ перепечаталъ его (въ 5-мъ примѣч. къ 4-й главѣ своей Исторіи Пугачев. бунта) и, вѣроятно по недосмотру, приписалъ его Державину. Если бы Державинъ дѣйствительно былъ его сочинителемъ, то конечно упомянулъ бы о томъ здѣсь.

(2) См. 2-ю главу Записокъ, стр. 41.

привезъ на имя его высокопревосходительства доношеніе слѣдующаго содержанія. Что 772 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ экономическій крестьянинъ Иванъ Фадѣевъ, бывши на Иргизѣ въ раскольнической Мечетной Слободѣ для покупки рыбы, слышалъ въ домѣ жителя той слободы, Степана Косова, отъ какого-то къ нему Косову пріѣзжаго человѣка такія рѣчи: « Яицкіе-де казаки согласились идти въ Турецкую съ нимъ область, только-де, не побивъ въ Яикѣ всѣхъ военныхъ людей, не выдутъ » По сему, какъ пишетъ въ доношеніи своемъ Серебряковъ, услыша онъ сіе отъ Фадѣева, будучи самъ боленъ, призвалъ къ себѣ надежнаго себѣ пріятеля дворцоваго крестьянина Трофима Герасимова и просилъ его съѣздить въ вышеупомянутую Мечетную Слободу и у друзей его развѣдать, отъ кого такія пронеслися рѣчи? Почему Герасимовъ ѣздилъ, и о томъ, стоявшемъ въ квартирѣ Косова, пріѣзжемъ человѣкѣ распрашивалъ. А по пріязни ему, той же слободы житель Семенъ Филиповъ сказалъ, что тотъ пріѣзжій человѣкъ—вышедшій изъ за границы раскольникъ и называется Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, которой-де, по позволенію дворцоваго Малыковскаго управителя Познякова глядитъ и осматриваетъ здѣсь для селидьбы своей мѣсто; а также онъ Филиповъ подтвердилъ Герасимову вышеупомянутыя дурныя разглашенія. Почему Герасимовъ счелъ за нужное того пришлеца сыскать; а какъ его уже въ той Мечетной Слободѣ не было, но по извѣстіямъ поѣхалъ въ село Малыковку на базаръ, то Герасимовъ, бросившись туда, нашелъ его квартиру у экономическаго крестьянина, раскольника Максима Васильева и велѣлъ за нимъ присматривать, а самъ о немъ объявилъ бывшему о моровомъ повѣтріи смотрителю тоя же волости, дворцовому крестьянину Ивану Вавилину сыну Расторгуеву, которой съ прописаніемъ его же Герасимова рапорта и представилъ при письменномъ доношеніи Малыковскимъ управительскимъ дѣламъ, гдѣ и допрашиванъ; а по допросѣ отосланъ въ Симбирскъ, и оттуда въ Казань.

Прописавъ все вышеписанное въ доношеніи своемъ, Серебряковъ просилъ его высокопревосходительство и въ дру-

гой разъ позволить ему усердіе стараться съ Герасимовымъ о поимкѣ того Пугачева, приводя въ резонъ, что какъ де нынѣ войски для истребленія сего изверга пришли, то и должно надѣяться, что толпа его будетъ разбита, почему онъ злодѣй и найдется необходимымъ искать своего убѣжища тайно, а сего де ему лучше найти не можно, какъ на Иргизѣ, или Узеняхъ, у его друзей раскольниковъ. Къ произведенію сего предпріятія требовалъ Серебряковъ въ собственное его расположеніе многихъ средствъ, а между прочимъ и вышеупомянутаго офицера Максимова, который взялъ его изъ Сыскнаго Приказа на свое поручительство, яко знающаго тотъ край и народа склонности. Бибиковъ приказалъ его представить предъ себя секретно, ночью, когда у него никого не было; и выслушавъ его Серебрякова, на единѣ въ кабинетѣ, сказалъ Державину: « Это птица залетная и говоритъ много дѣльнаго ; но какъ ты его представилъ, то и долженъ съ нимъ возиться, а Максимову его я не повѣрю. » Въ слѣдствіе чего и приказалъ съ нимъ готовиться къ отъѣзду въ Саратовъ, а до возвращенія его начало помянутаго журнала и алфабета оставить въ своей канцеляріи, снабдивъ на другой день, то есть 6 Марта, тайнымъ наставленіемъ въ такой силѣ: Чтобъ онъ, прикрывъ подобіе правды подъ нѣкоторыми другими видами, ѣхалъ въ тотъ край, а въ самомъ дѣлѣ, яко въ гнѣздѣ раскольничей сволочи, Иргизѣ, Малыковкѣ и Узеняхъ, стерегъ бы Пугачева, ежели бы онъ по разбитіи толпы своей захотѣлъ тамъ укрыться; для того замѣтить его доброжелателей и быть могущее его пристанище; обѣщать извѣстныя и другія какія награжденія за его поимку; скрытно приготовить къ тому таковыхъ людей, чтобъ извѣстностію всего дѣла не уничтожить; до наступленія къ поимкѣ случаю, для нужныхъ развѣдываній, посылать въ толпу его подлазчиковъ; извѣстія тѣ доносить его высокопревосходительству и генераламъ князю Голицыну (1) и Мансурову; о секретныхъ дѣлахъ

---

(1) Этотъ кн. Голицынъ, Петръ Михайловичъ (1738 — 1775), сынъ Петровскаго ген. адмирала Мих. Мих. младшаго, въ ранней молодости былъ пріятелемъ, и потомъ, кажется, невольнымъ соперникомъ И. И. Шувалова (см. Зап. Поро-

писать цыфромъ, для чего ключь, данной тогда симъ генераламъ, и ему Державину повѣренъ (на дачу подлазчикамъ дано ему денегъ на первой случай не весьма великая сумма, но писано къ сосѣднимъ губернаторамъ и воеводамъ, чтобъ оказывать всякую ему помощь); для доворенности къ себѣ людей, имѣть ему съ ними поступку скромную; наблюдать образъ мыслей; проповѣдывать милосердіе человѣколюбивой Императрицы, а паче тѣмъ, кто раскается; обличать въ разсужденіяхъ обманы Пугачева и его сообщниковъ; наконецъ для благопоспѣшности его поручены ему въ команду вышепомянутые Серебряковъ и Герасимовъ, яко люди не безъ проворства и знающіе тамошнія обстоятельства; но болѣе все возлагалось на его ревность и разсужденіе; повѣренную ему сію коммисію содержать тайно. При семъ наставленіи повѣрены ему отъ г. Бибикова кредитивы къ Астраханскому губернатору Кречетникову ([1]), которой пребываніе свое тогда имѣлъ въ Саратовѣ; въ Симбирскую Провинціальную Канцелярію и къ Малыковскимъ дворцовымъ и экономическимъ дѣламъ, въ которыхъ давалось имъ всѣмъ знать, что онъ посланъ въ слѣдствіе имяннаго Ея Величества Высочайшаго повелѣнія; а потому, чтобъ всякая ему, по требованію его, даваема была безъ отлагательства помощь.

10 числа тогожъ мѣсяца пріѣхалъ онъ въ село въ Малыковку, что нынѣ городъ Вольскъ, гдѣ того же дня пріискалъ стараніемъ Серебрякова и Герасимова надежнаго, по ихъ увѣренію, человѣка, дворцоваго крестьянина Василія Григорьева сына Дюпина для привозу съ Иргизу старца раскольничьяго Іева, на котораго всѣ опи трое надежду

шина. стр. 72); служилъ при Бибиковѣ въ Польшѣ и теперь пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ прямо изъ Петербурга. Ему поручено было охранять дорогу отъ Казани къ Оренбургу, подъ которымъ тогда стоялъ Самозванецъ. Ниже мы увидимъ, что онъ оказывалъ расположеніе и покровительство Державину.—«Кн. Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и красавецъ. Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балѣ (въ 1775) и сказала: Какъ онъ хорошъ! настоящая куколка. Это слово его погубило. Шепелевъ (въ послѣдствіи женатый на одной изъ племянницъ кн. Потемкина) вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ его, сказываютъ, измѣннически. Молва обвиняла Потемкина...» Изъ неизданныхъ примѣчаній Пушкина къ Ист. Пугачев. бунта.

(1) Брату извѣстнаго полководца и генералъ-губернатора.

полагали, что онъ и прежде на Государеву службу вызывался самъ и можетъ исполнить возложенное на него дѣло. По чему тотъ старецъ къ нему 12 числа и привезенъ. Онъ, извѣдавъ изъ словъ его способности, а паче положась на тѣхъ, которые его представляли, назначилъ идти съ вышеписаннымъ Дюпинымъ лазутчиками и велѣлъ исполнить слѣдующее: Развѣдать, въ какомъ состояніи подлинно Яикъ (что нынѣ городъ Уральскъ), отдать отъ него коменданту письмо, и отъ него обратно, ежели можно, доставить къ нему; потомъ идти въ толпу Пугачева подъ Оренбургъ и тамъ развѣдать, сколько у него въ толпѣ людей, артиллеріи, пороху, снарядовъ и провіанту, и отъ куда онъ всё сіе получаетъ? Ежели его разобьютъ, куда онъ намѣренъ бѣжать? Какое у него согласіе съ Башкирцами, Киргизцами, Калмыками, и нѣтъ ли переписки съ какими другими отечеству нашему непріятелями? Стараться развѣдать, ежели можно, всю его злодѣйскую диспозицію, и о томъ, что̀ паче ко вреду нашему служить будетъ, давать знать нашимъ командамъ? Не можно-ли будетъ куда его заманить съ малымъ числомъ людей, давъ знать напередъ нашимъ, дабы его живаго схватить можно было? Ежели его живаго достать не можно, то его убить; а между тѣмъ въ главнѣйшихъ его вперить несогласіе, дабы тѣмъ можно было разсѣять толпу его и вооружить другъ на друга. Стараться извѣдать и дать знать, что, ежели убитъ будетъ, не будетъ ли у сволочи новаго еще злодѣя, называемаго Царемъ? Одинъ ли онъ называется симъ именемъ, или многіе принимаютъ на себя сіе названіе? Какъ его народъ почитаетъ, за дѣйствительнаго ли покойнаго Государя, или знаютъ, что онъ подлинно Пугачевъ, но только изъ грубыя склонности къ бунту и разбою не хотятъ отъ него отстать? Какая у него связь и распорядокъ? Какое дѣйствіе производятъ Ея Величества манифесты и въ толпу его достигшія наши побѣды? Онъ предполагалъ, что сей старецъ все сіе тѣмъ паче надежнѣе исполнитъ, что Пугачевъ, во время бытія своего на Иргизѣ, былъ ему знакомъ; а что онъ вѣрно положенное на него исполнитъ, то ручались за него Серебряковъ и Герасимовъ; а паче потверждалъ то Дюпинъ, который самъ

съ нимъ шелъ, оставляя у себя домъ, жену и дѣтей, будучи при томъ обнадеженъ, что, ежели онъ на сей службѣ будетъ убитъ, то оставшіе сыновья его не будутъ отдаваемы въ рекруты. Но чтобы сокрыть прямое ихъ пришествіе на Яикъ (Уралъ), то научилъ ихъ злодѣямъ разсказывать, что яко бы за то, что Пугачевъ въ скитахъ у нихъ бывалъ и имъ знакомъ, присланы скоро ихъ будутъ поймать и казнить смертію; почему де отъ такого страха они, оставя свои жилища, пришли сюда, и желаютъ у нихъ служить. Но чтобъ оные посланные, въ случаѣ ихъ невѣрности, и въ другомъ видѣ были полезны, то насказалъ онъ имъ, что пріѣхалъ въ Малыковку (Вольскъ) для встрѣчи четырехъ полковъ гусаръ, ѣдущихъ изъ Астрахани, для которыхъ подрядилъ провіантъ, давъ небольшіе задатки. Сіе разглашать велѣлъ съ намѣреніемъ, котораго никому не открылъ, чтобъ, въ случаѣ предпріятія злодѣйскаго, устремиться по Иргизу къ Волгѣ, гдѣ никакихъ войскъ не было, удержать впаденіе ихъ во внутренность Имперіи, какъ то на Малыковку, Свіяжскъ, Симбирскъ, Пензу и далѣе, и сдѣлать тѣмъ диверсію или удержать ихъ нѣсколько ходъ до прибытія на Яикъ генерала Мансурова и прочихъ войскъ,—въ чемъ истинная была цѣль его Державина, которая ему и удалась, какъ то изъ послѣдствія видно будетъ.

Такимъ образомъ онъ сихъ лазутчиковъ на Яикъ отправилъ, давъ имъ потребное число денегъ, и первымъ его рапортомъ изъ Малыковки донесъ г. Бибикову, какъ и о томъ, что велѣлъ онъ быть Серебрякову и Герасимову безотлучно на Иргизѣ, стараясь пріобрѣсть себѣ болѣе друзей и примѣчать за тѣми, которые подозрительны; слышать и видѣть всё и на проѣздахъ отъ Яика къ Иргизскимъ селеніямъ учредить надежныхъ за деньги присмотрщиковъ, дабы отъ злодѣевъ не было подсыльныхъ, какъ для народнаго возмущенія, такъ и для развѣдыванія; а паче, какъ уже тогда ожидать должно было, что скоро достигнутъ вѣрныя войска до главнаго скопища злодѣйскаго, то по разбитіи его, къ содѣйствію ему Державину порученнаго дѣла, не прибѣжитъ ли Пугачевъ крыться въ запримѣченныхъ ими мѣстахъ? Въ семъ же рапортѣ донесъ, что поѣхалъ онъ въ Саратовъ для отдачи

его г. Бибикова къ Астраханскому губернатору вышеупомянутаго письма о чиненіи ему помощи. На сей рапортъ получилъ отъ 21 дня того же мѣсяца изъ Кичуйскаго фельдмаица (1) г. Бибикова отвѣтъ, въ которомъ на первой случай за сдѣланныя его распоряженія изъявлялъ онъ ему особливое удовольствіе; и тутъ же увѣдомлялъ, что по рапортамъ генерала князя Голицына надѣется, что корпусъ подъ его предводительствомъ къ 25 числу прибудетъ подъ Оренбургъ.

На рапортъ, что онъ былъ въ Саратовѣ и отдалъ губернатору его г. Бибикова повелѣніе, что тамъ нашелъ довольное число войскъ; что получилъ рапортъ съ Иргиза отъ Серебрякова, якобы Пугачевъ, будучи на Яикѣ, обнародовалъ свой манифестъ, призывавшій Киргизцевъ къ себѣ въ помощь, обѣщалъ за то Яицкую степь до Волги; что отъ сего, а паче отъ пролитія съ Яику въ провинціи по Иргизу злодѣевъ, Астраханской губернаторъ, бывшій тогда въ Саратовѣ, полагалъ себя имѣть безсильнымъ, требовалъ отъ г. Бибикова себѣ подкрѣпленія, что примѣтилъ я нѣкоторыхъ подозрительныхъ людей въ Малыковкѣ; что ихъ оставляю до времени безъ тревоги, дабы не открыть себя; что образъ мыслей народныхъ былъ со стороны глупыхъ колеблющій въ пользу злодѣя; а кто поразумнѣе, тотъ казался преданнымъ законной своей власти; что къ лучшему его содѣйствію осмѣливался онъ спросить объ успѣхахъ нашихъ корпусовъ; что не приказано ли будетъ, въ случаѣ надобности, брать изъ Саратова имѣющіяся при Конторѣ Опекунства Иностранныхъ (2) роты, которыя были не въ губернаторскомъ вѣдомствѣ; что напослѣдокъ пребываніе свое имѣетъ онъ въ Колоніяхъ подъ разными видами, дабы,

(1) Бибиковъ до половины Марта оставался въ Казани и оттуда распоряжалъ военными дѣйствіями. Кичуй—село на границахъ Мензелинскаго и Бугульминскаго уѣздовъ.

(2) Иностранные поселенцы, вызванные манифестомъ 4 Декабря 1762 г., управлялись находившейся въ Петербургѣ *Канцеляріею Опекунства Иностранныхъ*. Эта канцелярія состояла на одинаковыхъ правахъ съ остальными государственными Коллегіями. Президентомъ ея былъ самъ графъ Гр. Гр. Орловъ. Въ Саратовѣ имѣлась Контора этой Канцеляріи, тоже неподчиненная Губернатору. (См. указъ 22 Іюля 1763 года, въ Полн. Собр. Законовъ).

живши въ одномъ мѣстѣ, не подать толковъ, — на сіе отъ 31 дня получилъ онъ ордеръ весьма благоволительный. Тамъ извѣстился онъ, что 22 числа злодѣй генераломъ Голицынымъ подъ Татищевой ([1]) разбитъ; что пробирался на Переволоцкую крѣпость. При семъ пріобщено было отверстое предложеніе въ Опекунскую Контору о дачѣ по нуждамъ его командъ, и приказывалось у нихъ быть командиру; но чтобъ онъ поступалъ по сообщеніямъ его Державина.

Апрѣль. На вѣсть отъ лазутчиковъ съ Иргиза, что есть съ Яику подсыльные злодѣи, шатающіеся на хуторахъ, которые отъ селеній лежатъ не далѣе 60 верстъ, просилъ онъ губернатора Астраханскаго 30-ти человѣкъ козаковъ; но онъ отъ 3 числа въ томъ ему отказалъ, описывая, что злодѣй разбитъ совершенно, и что онъ послалъ поймать его къ Яику казаковъ, для чего и дать ему таковыхъ не можетъ, указывая при томъ на Шевичевы ескадроны ([2]), которые имѣли ордеръ поспѣшать къ главнымъ корпусамъ. Послѣ чего требовалъ онъ отъ Малыковскихъ управителей чрезъ Серебрякова и Герасимова надежныхъ людей. Дворцовой управитель Шишковской ([3]) тотчасъ съ своей стороны нарядилъ, а казначей Тишинъ прислалъ сообщеніе, что онъ въ невѣдомую посылку людей безъ экономическаго правленія не дастъ, тѣмъ паче, что Серебряковъ требовался по прежнимъ его дѣламъ въ Юстицію, у котораго, яко у человѣка подозрительнаго, люди подъ присмотромъ быть не могутъ. Отказъ его посланъ въ оригиналѣ къ главнокомандующему. На сіе отъ 9-го числа присланъ ордеръ отъ имени г. Бибикова, подписанный генераломъ Ларіоновымъ, съ оговоркою, что самъ его высокопревосходительство за болѣзнію подписать не могъ. Тутъ же давалось знать, что Пугачевъ ушелъ въ Башкирію къ старшинѣ Кинзею, который всячес-

---

(1) Пораженіе, нанесенное Пугачеву подъ Татищевой, составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи этой войны. Оренбургъ освобожденъ, и дѣла вдругъ приняли самый благопріятный видъ, но не на долго.

(2) Это Сербскіе гусары изъ Екатеринославской губерніи. Шевичъ, сподвижникъ Суворова, убитъ подъ Лейпцигомъ въ 1813 году.

(3) Можетъ быть, родственникъ извѣстнаго Степана Ивановича, который тогда уже былъ въ силѣ и участвовалъ потомъ въ допросахъ Пугачеву.

ки намѣренъ пробираться на Яикъ; то чтобъ употребить сей случай въ пользу.

Въ такомъ случаѣ, вѣдая, что Пугачевъ хочетъ пробираться на Яикъ, гдѣ еще у него сообщниковъ было довольно; для того чтобъ сдѣлать отвращеніе могущему его быть вліянію по Иргизу къ Волгѣ во внутреннія провинціи и прикрыть колоніи, просилъ Державинъ Опекунскую Контору о присылкѣ къ нему команды подъ видомъ авангарда идущихъ якобы войскъ отъ Астрахани, которыхъ и поставить въ крайней колоніи Шафгаузенѣ. Опослѣ видно будетъ, что сіе было весьма полезно. Контора команду прислала, съ начальникомъ ея артиллеріи капитаномъ Ельчинымъ, съ двумя пушками; но козаковъ не прислала, отзываясь на отдачу всѣхъ у ней находящихся губернатору. По неоднократной онаго просьбѣ, чтобъ приказалъ, какъ выше значитъ, посланнымъ отъ него къ Яику козакамъ присовокупиться къ военной командѣ подъ команду Ельчина, для того, что имъ на Яикъ еще никакъ, за наполняющими его злодѣями, вступить было не можно, и что они стоя на Ирзизѣ праздно, дѣлаютъ страхъ могущимъ придти съ Яику злодѣйскимъ подлазчикамъ, которые нужны и которыхъ стерегутъ отъ него поставленные тайно, а когда будетъ надобно военное дѣйствіе, то они вмѣстѣ съ военной командой отъ колоній на Иргизъ подвинуться могутъ,—но въ томъ отъ 17-го числа того же мѣсяца отказано.

Посланный съ Иргиза отъ Державина одинъ изъ подзорщиковъ, а потомъ и представленные ему, 19-го числа съ Яика пойманные ушлецы возвѣстили ему, что, хотя идетъ на выручку Яика генералъ Мансуровъ, но, за разлитіемъ сильныхъ водъ, скоро онаго достичь не можетъ. Для чего, пославъ ихъ обстоятельные допросы къ г. Бибикову (о смерти котораго еще не зналъ), донесъ ему: по обстоятельстамъ извѣстно, что злодѣй удалился въ Башкирію, что ежели и возвратится къ Иргизу, то не скоро; слѣдовательно нѣтъ нужды тайно его стеречь; для чего и взялъ онъ смѣлость сикурсировать помянутою Опекунскою Командою въ Яикѣ коменданта Симонова съ его командами, умирающаго съ голоду и неимѣющаго уже снарядовъ, чрезъ что ежели онъ

не предваритъ генерала Мансурова и сдѣлаетъ тщетный маршъ, то изъ сего никакого зла не послѣдуетъ; что снабдилъ его изъ усердія провіантомъ вышеписанный поручикъ Максимовъ, а снарядами Опекунская Контора; губернаторъ же отвѣчалъ, что на Яикъ идти не надо, въ чемъ онъ и былъ справедливъ, ибо еще тогда было не извѣстно, что скоро придетъ г. Мансуровъ; а какъ отъ Иргиза разлитія водъ не было, то 21 числа и выступила команда. На пути получилъ Державинъ письмо отъ генерала Мансурова съ прежде упомянутымъ посыланнымъ лазутчикомъ старцемъ Іевомъ отъ 17 числа, въ которомъ увѣдомлялъ, что онъ Яикъ освободилъ. По извѣстію сему Державинъ маршъ свой къ сему городу остановилъ. Іевъ его увѣрялъ, что онъ, бывъ злодѣями подозрѣваемъ, сидѣлъ подъ стражею, а Дюпина, съ письмомъ отъ него посланнаго, будто убили; но послѣ носился слухъ, что сами они, пришедъ въ канцелярію къ женѣ Пугачева Устиньѣ, объявили о своей посылкѣ и письмо къ Симонову открыли, чтò и нужно было, ибо симъ удержано стремленіе злодѣевъ отъ впаденія во внутрь Имперіи, какъ ниже о томъ увидимъ.—На рапортъ о маршѣ къ Яику и о посланныхъ двухъ Татарахъ въ толпу злодѣя, которые и до днесь пропали безъ вѣсти, получилъ онъ ордеръ отъ князя Щербатова отъ 2 Маія. Симъ увѣдомлялся, что Александръ Ильичь скончался ([1]), что онъ принялъ и

---

(1) Бибиковъ умеръ 9 Апрѣля 1774 года въ городѣ Бугульмѣ, Смерть его въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ поразила всю Россію. Для Державина она была и личнымъ несчастіемъ, ибо, нѣтъ сомнѣнія, что Бибиковъ, уже оцѣнившій его усердіе, повелъ бы его дальше на службѣ. Горесть свою Державинъ излилъ въ написанной нѣсколько позже *Одѣ на смерть Бибикова*, первомъ у него стихотвореніи этого рода, въ которомъ, при напыщенности нѣкоторыхъ фразъ, все таки высказывается истинное, неподдѣльное чувство. Ода эта замѣчательна еще и потому, что Державинъ написалъ ее бѣлыми стихами, почитая украшеніе риемы неумѣстнымъ въ столь печальномъ случаѣ. (См. статью Я. К. Грота въ Соврем. 1843, № 2)

Не показать мое искусство,
Я здѣсь тебѣ стихи пою,
И риемъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ.
Но благодарности лишь знакъ....
Желаю только, чтобъ сказали:

воинскую команду и Коммиссію Секретную въ свое распоряженіе; что, разсмотрѣвъ, производствомъ его былъ доволенъ; и Яицкое предпріятіе одобрилъ, рекомендовавъ примѣчать на пролѣзшую близь Ельшанки партію сволочи, повелѣвая, что ежели появится въ степяхъ между Волги и Яика, то чтобъ открытымъ образомъ онъ Державинъ дѣлалъ надъ нею поискъ, не опасаясь, что Пугачевъ придетъ тайно укрываться на Иргизѣ; увѣдомляя, что онъ окруженъ

« Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
Что пишетъ ей свои стихи. »

Державинъ навсегда сохранилъ о Бибиковѣ признательное воспоминаніе, и лѣтъ черезъ тридцать, когда сынъ Бибикова, сенаторъ Александръ Александровичь, вздумалъ описать жизнь отца, онъ прислалъ къ нему слѣдующую записку о немъ:

« Посвятивъ краткую, но наполненную славными дѣяніями жизнь свою на службу отечеству, Александръ Ильичь Бибиковъ по всей справедливости заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ воспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его память. »

«Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной сего примѣрнаго государственнаго человѣка, всякой легко усмотритъ необыкновенныя его способности, мужество, предусмотрѣніе, предпріимчивость и расторопность; такъ что онъ во всѣхъ родахъ налагаемыхъ на него должностей, съ отличіемъ и достовѣрностію былъ употребляемъ; вездѣ показалъ искусство свое и ревность, не токмо прежде, въ царствованіе Императрицы Елисаветы, но и во многихъ порученіяхъ отъ Екатерины Великой, ознаменованныя успѣхами. Онъ былъ хорошій генералъ, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ проницательный, справедливый и честный: тонкій политикъ, одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но всегда благороднымъ. Сердце доброе его готово было къ услугамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже и съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользъ; твердый нравъ вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный, доставлялъ ему отъ всѣхъ довѣренность, въ которой онъ былъ непоколебимъ; любилъ словесность и самъ весьма хорошо писалъ на природномъ языкѣ, зналъ Нѣмецкій и Французскій и не задолго предъ смертію выучилъ и Англинскій; умѣлъ выбирать людей; былъ доступенъ и благопривѣтливъ всякому, но зналъ однако важною своею поступью, соединенною съ пріятностію, держать подчиненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи. Важность не удаляла въ немъ веселія, а простота не унижала важности. Всякій нижній и вышній чиновникъ его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ къ защитѣ престола и къ спасенію отечества соверша, кончиною своею увѣнчалъ добродѣтельную жизнь, къ сожалѣнію всей Имперіи тогда пресѣкшуюся. » (См. Записки о жизни Бибикова, стр. 5—7.). — И между тѣмъ въ Запискахъ своихъ, какъ читатели видѣли, Державинъ очень мало говоритъ о Бибиковѣ; это отъ того, что онъ положилъ себѣ представить въ этихъ Запискахъ отчетъ о своей преимущественно служебной дѣятельности.

деташаментами на Вэяно-Петровскихъ заводахъ, откуда безъ пораженія выдти не можетъ и путь къ Иргизу ему вездѣ прегражденъ.

Май. Между тѣмъ какъ Державинъ вопрошалъ генерала Мансурова, не надобенъ ли изготовленный для Яика провіантъ и спаряды, и нѣтъ ли нужды быть Опекунской Командѣ на Иргизѣ (ибо тогда тайными присмотрщиками, какъ генералъ Щербатовъ предписывалъ, какъ выше явствуетъ, стеречь Пугачева уже было не для чего), приведенъ былъ къ нему выбѣжавшій изъ степи Яицкой извѣстный по дѣламъ Тайной Канцеляріи подъ именемъ Мамаева злодѣй. По притворству руки его, въ короткомъ распросѣ показался онъ подозрителенъ; для чего, не откроетъ ли чего важнѣйшаго, распрашиванъ подробнѣе; и тогда насказалъ онъ множество ужасныхъ обстоятельствъ, по которымъ, чтобъ не упустить минуты опаснаго времени, предпринято было съ естафетомъ прямо донести въ Петербургъ; но какъ послѣ многими разнорѣчіями открылся и въ томъ не основательнымъ, что̀ наконецъ и правда была, то, чтобъ не сдѣлать пустой тревоги, въ Петербургъ увѣдомленіе отмѣнено, а отослалъ его Державинъ князю Щербатову, по принятіи имъ начальства и надъ Секретною Коммиссіею; донося, что чистосердечія его открыть не могъ, ибо сперва ни о какихъ почти особенныхъ злодѣйствахъ не говорилъ, потомъ сталъ объявлять наиужаснѣйшія, а наконецъ сталъ казаться сумазброднымъ, безъ всякихъ пристрастныхъ распросовъ.

Тогда же просился Державинъ о увольненіи себя съ его поста, для того, что по удаленіи въ Башкирію Пугачева, по ввѣренной ему коммиссіи онъ ничѣмъ дѣйствовать не могъ. Касательно Мамаева увѣдомленъ отъ 10 числа, что сей злодѣй отданъ въ Секретную Коммиссію; а объ увольненіи его Державина Ея Величество указать соизволила не перемѣнять диспозиціи покойнаго Бибикова и для того, чтобъ Державинъ на постѣ своемъ былъ безотлучнымъ; ибо усматривался тутъ быть нужнымъ, а именно рекомендовалось ему отъ Малыковки по Иргизу Опекунскою Командою учредить посты, усиля ихъ частію марширующими тогда мимо Денисовскаго полку ко-

занами. Въ самъ же мѣсяцѣ, а именно отъ 2 числа, получилъ Державинъ изъ Оренбурга отъ князя Голицына ордеръ съ приложеніемъ злодѣйскаго доклада къ Самозванцу отъ Яицкаго старшины Толкачова, коимъ просилъ онъ, чтобъ дозволено ему было для склоненія Иргизскихъ жителей и прочихъ за Волгой лежащихъ провинцій и для собранія провіанта идти съ ополченіемъ въ ту сторону. Въ слѣдствіе чего генералъ Голицынъ приказывалъ ему Державину брать отъ того предосторожность, которая, какъ выше видно, предварительно уже до пришествія въ Яикъ генерала Мансурова была принята; ибо отъ стоящихъ при Шафгаузенѣ Опекунскихъ Командъ, съ Апрѣля еще мѣсяца, простерся слухъ, что около колоній есть войска.—Сего же мѣсяца, въ первыхъ числахъ, отъ генерала Мансурова получилъ Державинъ на вопросъ его отвѣтъ, что Опекунская Команда на Иргизѣ не надобна, но провіантъ и снаряды доставить высланному для того нарочно изъ Яика до Иргизскихъ мостовъ офицеру, что́ чрезъ капитана Ельчина исполнено. — Между тѣмъ, какъ съ форпостовъ, такъ и отъ генерала Мансурова, извѣщалось, что Ставропольскіе Калмыки, скитаясь по степямъ, прорывались чрезъ Самарскую линію, желая проѣхать въ Башкирію; но будучи тамъ разбиты, большею частію обратились къ Иргизу, за которыми, хотя командированъ подполковникъ Муфель, однако приказывалось и Державину воспрепятствовать ихъ предпріятію; а паче, чтобъ закрыть колоніи. Но, какъ выше видно, что Опекунская Команда была на Иргизѣ, то и была къ тому готова. Капитанъ Ельчинъ, хотя и имѣлъ вмѣсто конницы (то есть Донскихъ Денисовскихъ козаковъ, за переправою изъ за Волги не поспѣвшихъ) собранныхъ Державинымъ Малыковскихъ крестьянъ, но какъ при первомъ разѣ къ битвѣ были они не привыкши, да и капитанъ Ельчинъ не столь храбро поступалъ какъ должно, что не въ помѣрную даль, растрѣлялъ по пусту два комплекта зарядовъ и требовалъ оныхъ присылки, то пораженія ихъ и покоренія къ законной власти сдѣлать не могъ; но довольствовался только отпужаніемъ ихъ отъ Иргиза. Когда жъ Муфель подоспѣлъ, то Ельчину сообщено Державинымъ, чтобы подвинуться къ

Волгѣ и застановить колоніи. Тогда же получилъ онъ ордеръ, чтобъ Денисовскихъ козаковъ наипоспѣшно командировать къ Оренбургу; а отъ 27-го числа отъ генерала князя Щербатова за военныя распоряженія благодарность, и что Калмыцкій бунтовщикъ Дербетевъ деташаментомъ отъ Муфеля истребленъ, и что за продолжающимся въ Башкиріи бунтомъ взято изъ Яика нѣкоторое число войскъ; а на мѣсто ихъ приказано подвинуться на Иргизъ, съ 300 Малороссійскими козаками, маіору Черносвитову, и велѣно ему въ нуждахъ исполнять сообщенія Державина. Сего же мѣсяца, отъ 21 числа, полученъ ордеръ отъ г. Казанскаго губернатора Фонъ-Бранта, въ коемъ увѣдомлялся Державинъ, что Секретная Казанская Коммиссія и спокойствіе его губерніи ввѣрено его попеченію, и хотя долженъ онъ Державинъ, по смерти генерала Бибикова, о всемъ доносить генералу Щербатову, однако чтобъ не преминулъ онъ его Казанскаго губернатора, по довѣренности ему и Оренбургской Коммиссіи, о всемъ рапортовать. По сему и не зналъ Державинъ, у кого онъ состоитъ въ совершенномъ подначальствѣ, а для того и предпріялъ исполнять всякое предписаніе, лишь бы па пользу было службы.

Іюнь. Въ семъ мѣсяцѣ дано ему знать отъ генерала Мансурова, что съ Малороссійскими казаками маіоръ Черносвитовъ откомандированъ въ Оренбургъ. На рапортъ его, что какъ сторона Иргиза была тогда спокойна, а о Пугачевѣ и слуху не было, то ни военнаго по разнымъ ордерамъ, ни по тайному его наставленію ему дѣла нѣтъ, получилъ онъ отъ 12-го числа сего мѣсяца отъ генерала Щербатова предписаніе, въ которомъ возвѣщалось ему, что усилившійся было Пугачевъ генераломъ Декалонгомъ 21 дня Маія подъ крѣпостью ([1]), а на другой день подполковникомъ Михельсономъ совершенно разбитъ, ушедши только съ восемью человѣками въ Исецкую провинцію, или въ Башкирію, пропалъ безъ вѣсти. Для того повелѣвалось, по тайнымъ паки

---

(1) Въ подлинной рукописи названіе крѣпости пропущено. Это была крѣпость Троицкая, нынѣ городъ Троицкъ, въ землѣ Оренбургскаго казачьяго войска.

учрежденіямъ, взять наблюденіе, въ чаяніи, что онъ придетъ одинъ укрываться на Иргизѣ или Узеняхъ. Здѣсь должно напомянуть, что Опекунская Команда, по совершенному въ той странѣ спокойствію, возвращена въ Саратовъ.

Сего мѣсяца полученъ Державинымъ указъ изъ Казанской Секретной Коммиссіи, въ которомъ вопрошался онъ, почему и на какомъ основаніи имѣетъ у себя Малыковскаго экономическаго крестьянина Ивана Серебрякова, содержавшагося въ Сыскномъ Приказѣ и взятаго на поруки порутчикомъ Максимовымъ, до котораго, въ слѣдствіе именнаго указа, имѣетъ Юстицъ Коллегія дѣло и уже многократно изъ Симбирской канцеляріи его къ себѣ требовала? Изъ сего заключилъ Державинъ, что Секретная Коммиссія никакого о его посылкѣ свѣдѣнія не имѣла; ибо главнымъ основаніемъ оной былъ сей Серебряковъ, потому что онъ, знавъ прилѣпленіе Иргизскихъ раскольниковъ къ Пугачеву, мыслилъ, что ему по разбитіи его на первой случай броситься не куды, какъ въ кутуки и ухожи на сей рѣкѣ и Узеняхъ имѣющіеся, къ друзьямъ его; въ разсужденіи чего подалъ доношеніе покойному Бибикову, прося, чтобъ онъ употребилъ его туда для надзиранія; по чему онъ подъ руководствомъ Державина, съ товарищемъ его Трофимомъ Герасимовымъ и посланъ, и находились оба главными лазутчиками. Сіи всѣ обстоятельства донесены были Казанской Секретной Коммиссіи. Но по обнаруженію опослѣ всѣхъ обстоятельствъ, здѣсь чистосердечно сказать должно, что, когда Серебрякову и Максимову не удалось вышеозначенныхъ въ Польшѣ и Крыму награбленыхъ кладовъ отыскать, ибо всѣ тѣ области, какъ военной театръ противъ Турковъ, заняты были войсками, и не можно имъ было безъ подозрѣнія на себя, шатаясь въ степяхъ, искать кладовъ, то они предводителя ихъ Черняя отпустили или куда дѣвали не извѣстно, сами удалились на свои жилища; но какъ возмущеніе Пугачева открылось, и не знали еще за подлинно, кто онъ таковъ, то и думали, что былъ то Черняй, содержавшійся въ Сыскномъ Приказѣ разбойникъ, ушедшій и взятой на поручительство Максимовымъ, то и стали ихъ сыскивать обоихъ, а они чтобъ укрыться отъ бѣды, а можетъ быть и сдѣлать

выслугу, поимкою въ самомъ дѣлѣ бунтовщика и тѣмъ загладить свое преступленіе, кинулись по Московскому знакомству къ Державину, а сей, какъ выше явствуетъ, представилъ Серебрякова къ Бибикову, который и опредѣленъ въ лазутчики съ Трофимомъ Герасимовымъ подъ надзираніемъ Державина.

Въ ономъ же мѣсяцѣ, отъ 28 числа, увѣдомленъ Державинъ былъ отъ генерала Мансурова съ Яика, что онъ имѣетъ свѣдѣніе о нападеніи Киргизкайсаковъ на Иргизскія селенія, то чтобъ онъ имѣлъ осторожность; однако бъ не производилъ народнаго волнованія, ибо чаялъ онъ, что сіе не основательно. Въ семъ мѣсяцѣ явился къ нему Малыковскій дворцовой крестьянинъ Василій Ивановъ сынъ Поповъ, который объявилъ якобы злодѣя Пугачева письмо, во время бытія его въ Симбирскѣ писанное на Иргизъ къ раскольничьему старцу Филарету, и донесъ также, что будто слышалъ онъ между разговорами Саратовскихъ Покровскихъ Малороссіянъ, что они имѣютъ умыслъ, собравшись на Узеняхъ, проѣхать къ Пугачеву въ Башкирію. Письмо, съ обстоятельнымъ Попова распросомъ, тотчасъ отослано къ князю Щербатову для препровожденія его куда слѣдуетъ въ Секретныя Коммиссіи; а о доносимомъ Малороссіянъ умыслѣ, за отбытностію изъ Саратова Астраханскаго губернатора, писано къ старшему начальнику въ семъ городѣ бригадиру Лодыженскому, чтобъ приказано было за ними примѣчать, для чего и Поповъ туда для показанія тѣхъ, отъ кого онъ умыслъ слышалъ, посланъ.—Съ Иргиза въ то же время рапортовано Державину было, что нѣсколько Малороссіянъ, подшатнувшись къ селеніямъ, жаловались на ограбленіе ихъ Калмыками, и спрашивали, далеко ли располагаются наши команды? Сіе призналось и генераломъ Мансуровымъ за ложную отъ нихъ выдумку, чтобъ чрезъ то развѣдать, гдѣ можно имъ будетъ ускользнуть между нашихъ войскъ; ибо уже Калмыки давно были изъ сихъ мѣстъ совсѣмъ истреблены.

Іюль. Ордерами, какъ отъ Казанскаго губернатора, такъ и отъ князя Щербатова, увѣдомленъ былъ Державинъ, что злодѣй, овладѣвъ пригородкомъ Осою, набралъ суда и

стремится Камою внизъ, желая, якобы по извѣстіямъ, пробраться къ Иргизу, для чего и предписывалось взять предосторожность, учредя, какъ на сухомъ пути имѣющимися на Иргизѣ 200-ми Донскими козаками заставу, такъ и приготовить, сколько можно, вооруженныхъ судовъ для возпрепятствованія стремленія его по Волгѣ. Суда были приготовлены, и для вооруженія ихъ взяты у Малыковскихъ обывателей нѣсколько фальконетовъ; къ содѣйствію же ихъ требовалъ отъ Опекунской Конторы ея Артиллерійскихъ ротъ; но въ томъ отказано, потому что сама Контора имѣла въ нихъ нужду, по нѣкоторымъ безпокойнымъ мыслямъ колонистовъ. Сіе конторское увѣдомленіе послано подлинникомъ къ генералу князю Щербатову и донесено при томъ, что водянаго ополченія не будетъ, потому что за случившимся 13 числа пожаромъ вся Малыковка и изготовленныя суда и снасти сгорѣли, и что по доносу Попова о Малороссіянахъ, какъ еще никакого свѣдѣнія изъ Саратова нѣтъ, то и почитаетъ оный едвали основательнымъ; но чтобъ удостовѣриться въ томъ заподлинно, поѣхалъ онъ самъ въ сей городъ.

По прибытіи нашелъ, что бригадиръ Лодыжинскій дѣло сіе поручилъ правящему воеводскую и комендантскую должность полковнику Бошняку; а онъ, нарядивъ вѣдѣнія своего Саратовскихъ козаковъ, далъ въ команду тому доносщику Попову, которые и зачали грабить домы Малороссіянъ; между тѣмъ, забравъ ихъ всѣхъ, посадили въ одно мѣсто, которые въ одно слово и заперлись, что они ничего и ни про какой умыслъ съ Поповымъ не говаривали; и что онъ наклепалъ на нихъ то напрасно. По сей причинѣ Поповъ, по недоказательству его своего доноса, а паче по обличенію его съ козаками грабежа Малороссіянъ, отосланъ самъ подъ стражу въ Воеводскую канцелярію. Въ сіе время, то есть 16 числа Іюля, получилъ Державинъ изъ Сызранской канцеляріи извѣстіе, что Казань, по приближеніи злодѣйскихъ полчищъ, выжжена; о семъ донесъ онъ тотчасъ чрезъ нарочнаго въ Яикъ генералу Мансурову и получилъ отвѣтъ, что ежели въ краю Саратова будетъ настоять опасность, то онъ не умедля прибудетъ самъ съ своимъ деташаментомъ,

Того жъ 16 числа вышеписанное о Казани извѣстіе объявилъ Державинъ Саратовскимъ начальникамъ, бригадиру Лодыжинскому и полковнику Бошняку. Почему они 21 числа въ Опекунской Конторѣ, сдѣлавъ собраніе, пригласили къ тому и Державина. Тутъ сдѣлано было опредѣленіе, чтобъ, для безопасности казеннаго, церковнаго и частнаго имущества, женскаго пола и людей невоенныхъ, сдѣлать укрѣпленіе около провіантскаго опекунскаго магазина, въ которомъ сложено было 25000 (*кулей*) ржаной муки, яко въ мѣстѣ по имуществу казеннаго интереса и по мѣстоположенію важномъ и оставить въ немъ небольшой гарнизонъ, подъ начальствомъ коменданта Бошняка съ 14-ю чугунными пушками и мортирою. Прочимъ же войскамъ, то есть двумъ Артиллерійскимъ ротамъ съ Саратова и Донскимъ козакамъ съ четырмя мѣдными полевыми единорогами, подъ предводительствомъ Артиллерійскаго маіора Семяжи, идти на встрѣчу злодѣю, ежели онъ наклонится къ сторонѣ Саратова; ибо тогда уже получено было извѣстіе, что онъ переплылъ у Кокшайска Волгу и находился близъ Курмыша. Сіе опредѣленіе Державинъ при рапортѣ своемъ отослалъ къ князю Щербатову, донося при томъ, что являющіяся между начальниками разныхъ командъ разногласія требуютъ одного командира. На что въ отвѣтъ того же мѣсяца и получилъ отъ него ордеръ, въ которомъ сказано было, что будетъ надъ Саратовымъ главной командиръ генералъ Мансуровъ.

Но въ то же время дошло повелѣніе отъ генерала маіора Потемкина (1), въ которомъ возвѣщалось, что онъ по Высочайшему именному Ея Императорскаго Величества указу опредѣленъ непосредственнымъ начальникомъ Оренбургской и Казанской Секретныхъ Коммиссій, и чтобъ Державинъ о ввѣренномъ ему порученіи, на какомъ оно основаніи производилось, и чтó онъ по оному произвелъ, рапортовалъ его наискорѣе. Чтобъ исполнить оное какъ можно скорѣе,

---

(1) Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ (†1796), впослѣдствіи графъ, троюродный братъ Свѣтлѣйшаго, который тогда начиналъ входить въ силу. Онъ оставилъ *Исторію о Пугачевѣ*, которая до сихъ поръ не издана.

поѣхалъ онъ изъ Саратова обратно въ Малыковку, ибо письменныя его дѣла оставались тогда въ семъ селѣ, такъ же чтобъ и приготовить къ пришествію злодѣя крестьянъ вооруженныхъ, ибо ему желалось, когда будетъ злодѣй имѣть дѣло съ Саратовскими войсками, тобъ тѣми крестьянами, при вѣрныхъ его лазутчикахъ, заставя проѣзды, схватить его; потому что ухищреніе его, или лучше сказать трусость по многимъ разбитіямъ извѣстны уже были, что во время сраженія всегда онъ удалялся и когда усматривалъ толпы его опрокинутыми, то съ малымъ числомъ своихъ приближенныхъ предавался въ бѣгство то въ ту, то въ другую сторону и, остановясь гдѣ либо въ отдаленныхъ мѣстахъ, набиралъ или накоплялъ новыя толпы безсмысленной сволочи. Въ сей проѣздъ въ Малыковку Державинъ получилъ отъ генерала Потемкина вторичный ордеръ, которымъ увѣдомлялся онъ, что производство его коммиссіи получилъ отъ генерала князя Щербатова и, разбиравъ оное, нашелъ связь въ дѣлахъ; чѣмъ бывъ доволенъ, изъявилъ ему свое удовольствіе и предписалъ, что, какъ время настало настоящему его подвигу, тобъ онъ не жалѣлъ ни труда, ни денегъ, если обстоятельство потребуетъ оныхъ, и что онъ на него Державина полагаетъ всю надежду. Сіе самое побудило его горячѣе вмѣшаться послѣ въ Саратовскія обстоятельства. Въ то же самое время дошелъ къ нему и князя Щербатова ордеръ, въ которомъ извѣщался онъ Державинъ, что дѣла его коммиссіи отдалъ сей князь генералу Потемкину и его самаго въ совершенную его команду, изъявляя ему благодарность за все время пребыванія подъ его начальствомъ.

Въ теченіи же сего времени, какъ выше значитъ, пришедшіе двѣсти человѣкъ съ Иргиза Донскихъ козаковъ, долженствующіе расположиться по ордеру генерала Щербатова въ Сызрани, пришли, и какъ предписано было ему, по обстоятельствамъ, близъ Малыковки къ Волгѣ ими распоряжать; то, понеже не извѣстно еще было, на Сызрань ли, Малыковку, или Саратовъ устремится злодѣй съ своими полчищами, то, чтобъ отъ Сызрани до Саратова имѣть въ примѣчаніи все разстояніе, и велѣлъ онъ ста чело-

вѣкамъ около Сызрани, а ста около Малыковки дѣлать ихъ разъѣзды. Такимъ образомъ, какъ все исправилъ, что потребно было въ Малыковкѣ, отправился онъ паки въ Саратовъ, дабы согласно и съ его стороны чѣмъ можно содѣйствовать опредѣленію начальниковъ сего города; ибо и онъ по желанію ихъ подписался подъ онымъ.

Августъ. Прибывъ въ оный городъ, не нашелъ онъ никакой готовности ни въ разсужденіи ретраншамента, ни въ разсужденіи войскъ, коими положено было встрѣтить, чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше, злодѣя, вступившаго, по извѣстіямъ отъ 1-го числа мѣсяца, уже въ городъ Пензу. Въ слѣдствіе чего не однократно Саратовскому коменданту Бошняку словесно и письменно напоминалъ, чтобъ исполнено было общее опредѣленіе, которому онъ разными своими каверзами препятствовалъ; но какъ, не взирая ни на что, успѣховъ не предвидѣлось, то обо всѣхъ разстроенныхъ обстоятельствахъ, происходившихъ въ Саратовѣ, не удерживая, рапортовалъ онъ начальника своего генерала Потемкина; отъ него получалъ предписанія, которыя какъ одобривали его Саратовскимъ начальникамъ представленія, такъ и повелѣвалось Высочайшимъ именемъ Ея Величества коменданту объявить, что онъ по всей строгости законовъ судимъ будетъ, ежели не исполнитъ благоучрежденнаго пріуготовленія, на которое въ общемъ опредѣленіи онъ согласился и подписалъ оное. По многимъ однако прошедшимъ днямъ ничего не было предпринято, и наконецъ, по сильномъ убѣжденіи бригадира Лодыженскаго и прочихъ, рѣшился онъ на пожарищѣ города Саратова (ибо и онъ недавно выгорѣлъ), хотя на мѣстѣ къ оборонѣ неудобномъ, которымъ командовали горы, сдѣлать укрѣпленіе. Сіе было сегодни, а завтра, взявъ другія мысли, объявилъ, что для очистки мѣста или эспланады никакъ нѣкоторыхъ начавшихся послѣ пожару новыхъ строеній ломать и приготовленныхъ бревенъ отобрать не позволитъ, слѣдовательно и укрѣпленіе дѣлать не будетъ; ибо де жители ропщутъ ([1]). Дабы основательно узнать, былъ ли

(1) По этому случаю Державинъ написалъ Бошняку слѣдующее отношеніе.

таковой ропотъ отъ гражданъ, вошелъ Державинъ въ магистратъ, собралъ присутствующихъ и велѣлъ записать въ журналѣ, что ежели кто покажетъ недоброжелательство къ исполненію общественнаго спасительнаго приговора въ толь критическихъ обстоятельствахъ, тотъ признанъ будетъ за подозрительнаго человѣка и скованный отошлется въ Секрет-

---

« Изъ Саратова, отъ 30 Іюля 1774 года.

Высокоблагородному и Высокопочтенному г. города Саратова коменданту и правящему въ ономъ городѣ воеводскую должность.

Милостивый государь мой! Когда вамъ его превосходительство, г. Астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то черезъ сіе имѣю честь Вашему Высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ Его Высокопревосходительства покойнаго г. генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, въ слѣдствіе имяннаго Ея Импер. Величества Высоч. повелѣнія по секретной коммиссіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все; а какъ по обстоятельствамъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, сего мѣсяца 16 числа пріѣхалъ я въ Саратовъ и требовалъ, чтобъ въ семъ городѣ была отъ онаго злодѣя взята предосторожность, въ слѣдствіе чего 24 числа, при общемъ собраніи нашемъ въ Конторѣ Опекунства Иностранныхъ, и сдѣлано опредѣленіе, по которому всѣ, согласясь, и подписались, чтобъ около магазиновъ и въ мѣстѣ найденомъ за способное Его Высокородіемъ г. ст. сов. М. М. Лодыженскимъ, яко служащимъ штабъ-офицеромъ въ Инженерномъ Корпусѣ, сдѣлать для защищенія людей и казеннаго имущества полевое укрѣпленіе и прочія готовности, что въ томъ опредѣленіи именно значитъ, которое опредѣленіе при рапортѣ моемъ послано уже главнокомандующимъ куда надлежитъ, да и чаять должно было, что все въ вышеупомянутомъ опредѣленіи написанное уже исполнено. А какъ сего 30 числа, прибывъ я паки въ Саратовъ, не только по тому опредѣленію какую готовность нашелъ, но ниже какой не принято предосторожности; а какъ изъ рапорта вашего Конторѣ Опекунства Иностранныхъ вижу я, что вы отъ своего опредѣленія отступились, и ретраншемента, прожектированнаго Его Высокородіемъ с. сов. М. М. Лодыженскимъ, дѣлать не хотите, но желаете пропустя столь долгое время, не зная совсѣмъ правилъ военной архитектуры, дѣлать около почтоваго жительства города Саратова валъ, не разсудя ниже мѣста способности лежащаго подъ высокою горою, отрѣзаннаго отъ воды и столь обширнаго, что ниже 3,000 регулярнаго войска и великою артиллеріей защищать невозможно, пріемля только въ непреклонное себѣ правило, что вы яко комендантъ—города и въ немъ церквей Божіихъ покинуть не можете: то на сіе, окромѣ всѣхъ гг. штабъ и обер-офицеровъ, находящихся здѣсь, согласныхъ со мною, объяснить вамъ имѣю, что комендантъ ввѣренной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленную и довольную людьми и потребностьми къ защищенію оной; а ежели всего она не имѣетъ, такъ какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное наименованіе города, то долженъ находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ

ную Коммиссію. Граждане по сему тотчасъ собрались, оказали ревностное желаніе къ работамъ и дѣйствительно день одинъ дѣлали около провіантскихъ магазейновъ ретраншаментъ. Однако на другой день комендантъ, по упорству своему, призвавъ полицеймейстера, приказалъ объявить жителямъ, что они на работу не наряжаются; а ежели кто хочетъ по собственной своей волѣ, тотъ можетъ работать. Легкомысленный народъ радъ былъ такой поблажкѣ, а изъ сего произошла и у благоразумнѣйшихъ колебленность мыслей, дурныя разгласки, и работа вовсе остановилась. Зачинщики и буяны изъ подлой черни, оказавшіе духъ Возмущенія, поименно требовались Державинымъ отъ Воеводской Канцеляріи по силѣ секретнаго его наставленія; однако они не были къ нему присланы.

Получая жъ извѣстія часъ отъ часу хуже, и что уже злодѣй около Петровскаго ([1]), а не видя никакого приготовленія въ Саратовѣ къ низложенію ихъ и опасаясь, чтобъ имѣвшимися въ семъ городѣ пушками и порохомъ они не усилились, и

военной архитектуры мѣстѣ, и въ немъ имѣть отъ непріятеля оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія въ ретраншементѣ, а съ прочими силами идти на встрѣчу злодѣю, то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя на встрѣчу злодѣю, защищать будете? Это никому непонятно. Да и какое вы, не зная инженернаго искусства, лучше укрѣпленіе сдѣлать хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно. Церкви же Божіи защитить конечно должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь, а утвари оныхъ церквей въ томъ ретраншементѣ помѣстить можете. На сіе все прошу Ваше Высокоблаг. скорѣйше мнѣ дать отвѣтъ, для донесенія Его Превосходительству, г. генералъ маіору и кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику Высоч. Ея Величества власти, присланному нынѣ по коммиссіи бунтовщика Пугачева именнымъ Ея Им. В. Высоч. повелѣніемъ. Мы же, находящіеся здѣсь штабъ и оберъ-офицеры, пріемлемъ всю тягость законовъ на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемый вами крѣпостью Саратовской, и за лучшее почтете едиными силами и нераздѣльно сдѣлать намъ вышеозначенный ретраншаментъ, такъ и поражать злодѣевъ, приказавъ нынѣ же всему вами собранному народу дѣлать прожектированное г. с. сов. Лодыженскимъ укрѣпленіе, въ чемъ во всемъ при васъ же и купцы здѣшняго города давно уже согласились.» (изъ Исторіи Пугачевскаго бунта, А. С. Пушкина, во 2-мъ приложеніи № 5).

(1) Разстояніе отъ города Петровска до Саратова около 140 верстъ.

чтобъ взволновавшійся тамъ народъ сколько можно укротить, а паче, чтобъ открыть силы злодѣйскія, предлагалъ онъ послать отрядъ. Но какъ предводительствовать онымъ никто отъ начальниковъ не выбирался и не вызывалося никого къ тому своею охотою, то и принялъ онъ на себя совершить сіе предпріятіе. На сіе согласились; вслѣдствіе чего и взялъ онъ на скоро изъ Опекунской Конторы подъ командою есаула Фомина сто человѣкъ Донскихъ козаковъ, дабы предупредить на Петровскъ злодѣйское нападеніе. Съ вечера послалъ напередъ команду, приказавъ по станціямъ приготовить лошадей, подъ присмотромъ на каждой одного козака; ночью написалъ о всемъ въ подробности генералу Потемкину рапортъ и по утру рано поѣхалъ, взявъ съ собою по охотѣ подполковника Польской службы Федора Гогеля, жившаго въ колоніяхъ съ братомъ его Григоріемъ Гогелемъ который былъ послѣ въ Опекунскомъ Совѣтѣ въ Москвѣ начальникомъ. Тутъ привидѣлось ему на басню похожее видѣніе, котораго онъ тогда никому не объявлялъ, дабы не привесть болѣе въ робость. А именно: когда онъ разговаривалъ, стоя среди покоя въ квартирѣ своей, съ помянутымъ бригадиромъ Лодыженскимъ, съ секретаремъ Петромъ Ивановичемъ Новосильцовымъ, который послѣ былъ сенаторъ и съ названнымъ его братомъ Николаемъ Яковлевичемъ Сербѣевымъ, то, взглянувъ нечаянно въ боковое маленькое крестьянское окно, увидѣлъ изъ него выставившуюся голову остова (скелета) бѣлую, подобно какъ бы изъ тумана составленную, которая, вытараща глаза, казалось, хлопала зубами. Сіе онъ хотя въ мысляхъ своихъ принялъ за худое предвѣщаніе; но однако же въ предпріятый свой путь безъ всякаго отлагательства поѣхалъ. Не доѣзжая до Петровска верстъ пять, принудилъ ѣдущаго на встрѣчу крестьянина угрозою пистолетомъ открыть вѣрное извѣстіе, что Пугачевъ вступилъ уже въ городъ; въ разсужденіи чего и посылалъ онъ ѣдущаго въ ординарцахъ козака, чтобъ онъ возвратилъ команду, находящуюся въ нѣкоторомъ растояніи впереди. Гогель отсовѣтовалъ послать козака, а поѣхалъ самъ. Державинъ же съ письменнымъ увѣдомленіемъ отправилъ между тѣмъ лазутчика къ графу Меллину, идущему съ его отря-

домъ въ слѣдъ за толпою; но только лишь успѣлъ отправить лазутчика, увидѣлъ скачущаго во всю мочь Гогеля и за нимъ есаула Фомина, которые кричали, что козаки измѣнили и предались Пугачеву, покушались ихъ поймать и съ нимъ отвесть въ толпу злодѣйскую; но Фоминъ, проникнувъ ихъ умыслъ, остерегъ Гогеля и по быстротѣ ихъ лошадей къ Державину ускакали. Пугачевъ самъ съ нѣкоторыми его доброхотами въ слѣдъ за ними скакалъ; но порознь къ нимъ, имѣющимъ въ рукахъ пистолеты, приближиться не осмѣливались. И такъ ихъ и Державина злодѣю поймать не удалось, хотя онъ чрезъ нѣсколько верстъ былъ у нихъ въ виду. И какъ наступила ночь, и они на станціи перемѣнили лошадей, то и огретировались благополучно.

Въ Саратовѣ по прежнему, не токмо не нашли никакой готовности, но ниже около онаго обыкновенныхъ пикетовъ. Донеся о всемъ случившемся начальникамъ сего города, предлагалъ Державинъ послѣднія свои мысли, чтобъ, въ разсужденіи всеобщаго въ городѣ страха и безпорядка, сдѣлать хотя изъ самыхъ помянутыхъ мучныхъ кулей защиту, то есть на первый случай хотя грудной оплотъ, подъ обороною пушекъ и въ немъ, ежели не пойдутъ сами же на непріятеля наступательно отсидѣться до прибытія деташаментовъ Муфеля и графа Меллина; но однако и сего не сдѣлано. Хотя Державинъ еще дни за три до сего имѣлъ, по жалобѣ коменданта, отъ губернатора Астраханскаго предписаніе, что естьли онъ воинскую какую команду у себя имѣетъ, но не оставался бы при защитѣ Саратова, а ѣхалъ бы на Иргизъ, яко въ мѣсто, которое по разсужденію его было единственной его постъ; однако, нося имя офицера, Державинъ за не приличное почелъ отъ опасностей отдаляться и для того, какъ выше объяснено, ѣздилъ въ Петровскъ, имѣлъ наблюденіе относительно приближенія злодѣя и обстоятельствъ города, дабы доносить о всемъ Потемкину и тотчасъ главнокомандующему по силѣ инструкціи. (1) Въ слѣдствіе чего при самомъ наступленіи злодѣя на

(1) Державинъ писалъ Бошняку: «*I. Изъ Саратова, отъ 3 Августа*

сей городъ, бывъ безъ всякой для него помощи, выпросилъ въ команду себѣ одну находящуюся безъ капитана роту; но какъ до пришествія непріятеля часовъ за 15-ть получилъ письменное отъ главнаго своего лазутчика Гарасимова ([1]) увѣдомленіе, что собранные по повелѣнію его Малыковскіе крестьяне, находившіеся уже въ 20 верстахъ отъ города, прослышавъ, что Донскіе козаки подъ Петровскомъ предались злодѣямъ, то, получивъ развратныя мысли, не хотѣли безъ личнаго его присутствія итти, то и требовали, что, ежели онъ живъ, пріѣхалъ бы къ нимъ самъ и провелъ ихъ къ Саратову. Объявивъ сіе лазутчиково увѣдомленіе бригадиру, сказалъ, что онъ ѣдетъ за показанною нуждою изъ Саратова. Но какъ по нагорной сторонѣ проѣхать уже, за взбунтовавшимися жительствами, было опасно, то и взялъ онъ путь луговою стороною. Будучи же задержанъ, за недачею подводъ въ слободѣ Малороссійской ночь цѣлую, и за написаніемъ рапорта генералу Потемкину о своемъ выѣздѣ изъ Саратова, не успѣлъ присоединиться къ тѣмъ собраннымъ крестьянамъ; получилъ извѣстіе, что злодѣй къ городу пришелъ, и они уже отъ онаго отрѣзаны, а наконецъ, когда чрезъ нѣсколько часовъ получилъ извѣстіе, что 6 числа

1774 года. Г. Полковнику и Саратовскому Коменданту, Лейбъ-Гвардіи отъ поручика и коммиссіонера Державина. Сообщеніе. Сего Августа 3-го сообщеніе ваше получилъ и при немъ съ ордеру Его Превосходительства П. Н Кречетникова къ вамъ копію. На сіе Вашему Высокоблагородію сказать имѣю, что Его Превосходительство г. Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ то преминовать изволилъ, что ему Его Высокопревосходительство покойный г. Генералъ-Аншефъ и Кавалеръ А. И. Бибиковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что въ слѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, я посланъ въ сію область, и предписано ему было во всѣхъ моихъ просьбахъ вспомоществовать. Но какъ Его Превосходительству о существѣ всей моей коммиссіи и ея потребностяхъ знать не дано, но рѣка Иргизъ не есть единственный мой постъ, и что не по пустому требовалъ я въ бытность Его Превосходительства въ Саратовѣ отъ Конторы Опекунства Иностранныхъ команду, то апробовано отъ высшихъ моихъ начальниковъ мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ, въ самомъ его оригиналѣ, Его Превосходительству поднесть можете.» (Изъ 2-го Приложенія къ Исторіи Пугачевскаго бунта, А. С. Пушкина, № 5).

(1) См. выше, стр. 62.

Саратовъ взятъ [1], то и принужденъ былъ распустить крестьянъ, опасаясь, чтобъ они не присоединились къ злодѣю. Исполнивъ сіе, пробылъ послѣ взятія Саратовскаго не въ дальномъ отъ онаго разстояніи въ колоніяхъ еще почти два дни, дабы посылая колонистовъ освѣдомиться точно о поворотахъ злодѣя, на Яикъ ли онъ пойдетъ или внизъ по Волгѣ? 8 число около полудни получилъ извѣстіе, что одинъ злодѣйской полковникъ съ своею толпою переправился чрезъ Волгу на луговыя колоніи, набралъ въ Екатеринштатѣ колонистовъ, публиковалъ соблазнительное объявленіе о вольности, о награжденіи колонистовъ, и отрядилъ для поисковъ Державина нарочныхъ изъ тѣхъ самыхъ, которые отъ него для развѣдыванія за деньги были посланы. За Державина обѣщано было 10,000 рублей. Главнымъ между сими разбойниками былъ его гусаръ изъ Польскихъ конфедератовъ, въ Казанѣ нанятой, который подъ Петровскимъ въ кибиткѣ его съ ружьями и пистолетами былъ захваченъ, и онъ то самой договорился за означенную сумму его привесть Пугачеву. Наконецъ, не получая ни отъ кого отъ лазутчиковъ никакого свѣдѣнія, не зналъ куды ѣхать, послалъ егеря капитана Вильгельма, коммисара колоніи Шафгаузена, Ивана, у котораго стоялъ, и сей прискакавъ сказалъ, что его Державина ищутъ, и партія злодѣевъ въ пяти уже верстахъ, остановясь въ ближайшей колоніи, завтракаетъ. По сему то уже извѣстію, что злодѣи приближаются и что защититься было не кѣмъ, ретировался онъ одинъ скакать на той самой лошади, на которой егерь прискакалъ, до ближайшаго города Сызраня, лежащаго въ разстояніи 90 верстъ, куды, сколько извѣстно ему было, шелъ съ деташаментомъ своимъ генералъ Мансуровъ, и гдѣ на дорогѣ по Иргизу поставленъ былъ отъ него изъ крестьянъ караулъ въ 200 человѣкъ. Перемѣняя лошадь, примѣтилъ онъ въ тѣхъ караульныхъ духъ буйства, отъ того, какъ опослѣ извѣстно учинилось, что они уже знали о завладѣніи злодѣями Саратова, то ихъ и хотѣли схватя увезть въ скопище

---

(1) Бошнякъ успѣлъ спасти казну и канцелярскія дѣла и показалъ личную храбрость, отбиваясь отъ непріятеля (Ист. Пуг. бунта, Пушкина, гл. VIII).

разбойниковъ; но Державинъ всегда оборачивался къ нимъ лицемъ, имѣя на пистолетѣ руку, заткнутомъ за патронташемъ, и когда его стали они перевозить чрезъ Волгу, то онъ, прислонясь къ борту, не оборачивался къ нимъ задомъ и не спускалъ съ нихъ глазъ, а какъ всякой изъ нихъ жалѣлъ своего лба, то онъ и спасся, скочивъ проворно къ парому, коль скоро къ берегу приткнулись, ушелъ въ селеніе князя Голицына. Въ семъ мѣстѣ отправилъ онъ человѣка госпожи Кариной, прозваніемъ Былинка, человѣка весьма смѣлаго и проворнаго, въ толпу Пугачева, который брался его убить; но какъ онъ, преслѣдуемъ отъ Михельсона, далеко находился, то и не могъ онъ попасть въ его полчище, а освободилъ только отъ его сообщниковъ 4 человѣкъ дворянъ, къ смерти ими приготовленныхъ. (1)

Въ семъ же мѣсяцѣ, когда приближился бунтовщикъ къ Саратову, посланъ былъ отъ Державина часто упоминаемый Серебряковъ къ генералу Мансурову, съ прошеніемъ о скорѣйшемъ его поспѣшеніи на помощь сему городу; но на дорогѣ на Иргизской степи неизвѣстными людьми и съ сыномъ его убитъ; а тѣмъ самымъ и прекратились всѣ требованія у Юстицъ Конторы по вышеописанному въ Москвѣ его съ Черняемъ уходу; что̀ не токмо поручику Максимову, но и многимъ господамъ сенатскимъ и прочимъ надѣлало бы много хлопотъ.

По прибытіи 10 числа въ Сызрань, донесъ Державинъ генералу Мансурову о всѣмъ происходившемъ въ Саратовѣ, и куда злодѣй пріялъ свой путь; но онъ, имѣя у себя весьма слабой деташаментъ, состоящій наиболѣе изъ ненадежныхъ Яицкихъ козаковъ, воспріявшихъ паки вѣрноподданическую службу, былъ не рѣшителенъ идти быстрѣе къ Саратову, а нѣсколько медля, дожидался свиданія съ генераломъ княземъ Голицынымъ въ назначенномъ мѣстѣ, а именно въ селѣ Колодцѣ, гдѣ для подробнѣйшаго объясненія Дер-

---

(1) Кромѣ Державина, другой Русскій поэтъ, тогда шестилѣтній ребенокъ, Иванъ Андреевичъ Крыловъ, жившій съ матерью въ Оренбургѣ, былъ также обреченъ на гибель. Пугачевъ былъ озлобленъ на отца его, храбраго капитана, который дѣлалъ безпрестанныя вылазки изъ осажденнаго Яицкаго Городка; онъ поклялся повѣсить не только его, но и все его семейство. Освобожденіе Оренбурга спасло маленькаго Крылова.

жавинъ остался при Голицинѣ, который склонялъ свой маршъ къ Пензѣ; а Мансуровъ пошелъ на лѣво по берегу рѣки Волги.

Между тѣмъ какъ Державинъ, находясь при князѣ, дожидался на рапортъ свой отъ начальника Секретной Коммисіи генерала Потемкина предписанія, куда ему слѣдовать, дошли извѣстія, что Киргизъ Кайсаки опустошаютъ селенія Иргизскія, а паче иностранныя колоніи, и какъ деташементъ сего генерала былъ и самъ по себѣ не великъ и раскомандированъ на успокоеніе Симбирской и Пензенской провинціи, то въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ и нечѣмъ было помочь Иргизу и колоніямъ. Державинъ между тѣмъ, доколѣ получилъ отъ Потемкина распоряженіе о своемъ порученіи, вызвался крестьянами прогнать Киргизъ Кайсаковъ, лишь бы малое дано ему было военными людьми подкрѣпленіе. Голицынъ сіе предположеніе охотно принялъ, отрядилъ 25 человѣкъ вышеупомянутыхъ отставныхъ Бахмутскихъ гусаръ и одну полковую пушку. Едва Державинъ отошелъ съ симъ отрядомъ верстъ 40, то получилъ отъ Голицына съ нарочнымъ унтеръ офицеромъ ордеръ, повелѣвающій идти обратно. Причиною тому было то, что тотъ унтеръ офицеръ, бывъ захваченъ толпою и убѣжавъ изъ нея, объявилъ Голицыну, что она находится недалѣе какъ верстахъ въ 50-ти и состоитъ изъ 4000 человѣкъ подъ предводительствомъ нѣкоего разбойника Воронова, называющагося Пугачевскимъ генераломъ; то князь и убоялся, чтобъ Державинъ съ толь малою командою не былъ жертвою сего злодѣя. Но онъ, разспрося основательно того унтеръ офицера, узналъ, что то мятежническое скопище поспѣшаетъ въ соединеніе съ Пугачевымъ, бѣгущимъ отъ Михельсона къ Царицыну; слѣдовательно безпрестанно удаляется отъ Голицына и не посмѣетъ на него возвратиться; а потому, наклонясь въ лѣво къ Сызрани, и нѣтъ опасности пройти на Сосновку и Малыковку къ Иргизу и колоніямъ. Въ слѣдствіе чего, изъявя въ репортѣ князю свое мнѣніе, рѣшился продолжать свой путь, на которомъ, по повелѣнію сего начальника, въ томъ селеніи, гдѣ схватили курьера нашего и отвезли злодѣямъ, старосту, давшаго на то приказаніе, для устрашенія народа,

повѣсилъ и еще другаго, причинившаго въ Сосновкѣ возмущеніе ([1]). Но, не доѣзжая еще до той ставки, на ночлегѣ въ одномъ жительствѣ произошла тревога, нѣкоторымъ образомъ пустая, но могла быть и не безважною, ежели бы не было сдѣлано заблаговременно распоряженія. Когда пришелъ онъ въ то селеніе, то учредилъ при въѣздахъ изъ крестьянъ караулъ, каждый подъ начальствомъ гусара, пушку, заряженную картечью поставилъ въ удобномъ мѣстѣ подъ защитою 6 человѣкъ спѣшившихся съ заряженными карабинами гусаръ; прочимъ при осѣдланныхъ коняхъ велѣлъ ложиться спать, а самъ легъ подлѣ пушки. Въ полночь услышалъ съ одного притина скачущаго крестьянина, кричащаго: злодѣи! злодѣи! Всѣ пришли въ крайнюю робость и смятеніе. Державинъ велѣлъ коннымъ гусарамъ сѣсть на коней, пѣшимъ приготовиться, самъ же взялъ фитиль, сталъ у пушки, дожидаясь нападенія; но послѣ извѣстно стало, что обыкновенные разбойники, разграбя одного управителя графа Чернышева, хотѣли въ томъ селеніи пристать; но когда ихъ на форпостѣ окликали, то они, не отвѣчавъ, побѣжали въ лѣсъ, изъ коего вышли, а часовой ихъ испугавшись поскакалъ въ селеніе и встревожилъ оное.

Сентябрь. Пріѣхавъ въ Малыковку, нашелъ оную въ крайнемъ безпокойствѣ по причинѣ въ ней причиненныхъ злодѣями бѣдствій. Когда онъ, будучи въ Шафгаузенѣ, получилъ отъ егеря извѣстіе, что по завладѣніи Саратова отряжена толпа его сыскивать и уже приближались, то онъ послалъ повелѣніе въ Малыковку къ бывшему тамъ экономическому казначею Тишину, дворцовому управителю Шишковскому и къ унтеръ офицеру Саратовскихъ артиллерійскихъ ротъ съ 20-ю фузелерами, бывшими у него на караулѣ, чтобъ они, поелику уже Саратовъ злодѣями занятъ и могутъ они свободно напасть и на Малыковку, то чтобъ помянутые чиновники и унтеръ офицеръ старались спасти дворцовую эконо-

---

(1) «И. И Дмитріевъ увѣрялъ (*конечно въ шутку*), что Державинъ повѣсилъ сихъ двухъ мужиковъ болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости». (Изъ неизданныхъ примѣчаній Пушкина къ Исторіи Пугачев. бунта).

мическую казну и его секретныя бумаги, удалясь на какой либо на Волгѣ близь находящійся островокъ, окопались и сидѣли тамъ; а въ случаѣ нападенія, оборонялись бы до прихода нашихъ войскъ. Они точно то исполнили, взявъ съ собою женъ и именитыхъ надежныхъ поселянъ; дѣтей же своихъ малолѣтныхъ экономическая козначейша Тишина, опасаясь, что они будутъ въ сокрытіи на островѣ плакать и злодѣй услышитъ, нарядя въ крестьянскія замаранныя рубашенки, оставила съ ихъ кормилицами и нянькою у надежныхъ крестьянъ. На другой день рано, пріѣхавъ изъ разбойниковъ двое, объявили, что они изъ арміи Батюшки; народъ въ мигъ сбѣжался, принялъ ихъ съ радостію, и они такъ напились, что легли близь кружала въ растяжку. Обыватели поставили вкругъ ихъ караулъ, и ночь прошла въ глубокой тишинѣ и спокойствіи. Г-жа Тишина скучилась по дѣтяхъ, и по великому въ селѣ безмолвію подумала, что въономъ изъ непріятеля никого нѣтъ; уговорила мужа на утренней зарѣ съѣздить и посмотрѣть дѣтей. Сѣли въ лодку, заклались травою и съ помощію двухъ гребцовъ и кормщика благополучно приплыли къ берегу. Тутъ кормщикъ измѣня сказалъ о нихъ злодѣямъ, едва съ похмѣлья проснувшимся. Они тотчасъ схватили мужа и жену; мучили, неистово наругавшись надъ нею, допросились о дѣтяхъ, которыхъ едва сыскали и принесли, то схватя за ноги разможжили объ уголъ головы младенцевъ; а казначея, раздѣвъ, повѣсили на мачтахъ и потомъ разстрѣлявъ, уѣхали. А какъ послѣ того никакихъ скопищъ злодѣйскихъ въ Малыковку не пріѣзжало, то унтеръ офицеръ съ солдатами изъ засады выѣхали, казну и письменныя дѣла уложили въ свои мѣста. Но какъ слышно стало, что Державинъ отъ Голицына идетъ съ командою, то обыватели, чувствуя свою вину, что двумъ пьянымъ бездѣльникамъ учинили предательство, схватили тѣхъ варваровъ, которые погубили съ семействомъ Тишина, посадили подъ караулъ. Державинъ не медля учинилъ имъ допросы и нашелъ, что 4 человѣка главные были изъ измѣнниковъ, изъ коихъ одинъ укрылся; то остальныхъ, по данной ему отъ генералитетовъ власти, опредѣлилъ на смерть; и чтобъ боль-

ше устрашить колеблющуюся чернь и привесть въ повиновеніе, приказалъ на другой день въ назначенномъ часу всѣмъ обывателямъ, мужескому и женскому полу, выходить на лежащую близь самаго села Соколину гору; священнослужителямъ отъ всѣхъ церквей, которыхъ было семь, облачаться въ ризы; на злодѣевъ, приговоренныхъ къ смерти, надѣть саваны. Заряженную пушку картечами и фузелеровъ 20 человѣкъ при унтеръ офицерѣ поставилъ задомъ къ крутому берегу Волги, на который взойти было трудно. Гусарамъ приказалъ съ обнаженными саблями разъѣзжать около селенія и не пускать никого изъ онаго съ приказаніемъ, кто будетъ бѣжать, тѣхъ не щадя рубить. Учредя такимъ образомъ, повелъ съ зажженными свѣчами и съ колокольнымъ звономъ чрезъ всё село преступниковъ на мѣсто казни. Сіе такъ сбѣжавшійся народъ всего села и изъ окружныхъ деревень устрашило, что хотя было ихъ нѣсколько тысячъ, но такая была тишина, что не смѣлъ никто рта разинуть. Симъ воспользуясь, сказанныхъ главнѣйшихъ злодѣевъ, прочтя приговоръ, приказалъ повѣсить и 200 человѣкъ бывшихъ на Иргизскомъ караулѣ, которые его хотѣли поймавъ отвести къ Пугачеву, пересѣчь плѣтьми. Сіе все совершили, и самую должность палачей, не иные кто, какъ тѣже самые поселяне, которые были обвиняемы въ измѣнѣ. Державинъ же только расхаживалъ между ними и причитывалъ, чтобъ они впредь вѣрны были Государынѣ, которой присягали. Народъ весь, ставши на колѣни, кричалъ: виноваты и ради служить вѣрою и правдою. Тогда же приказано было до 1000 человѣкъ конныхъ вооруженныхъ набрать ратниковъ и 100 телѣгъ съ провіантомъ. Въ одни сутки все то исполнено; 700 исправныхъ конниковъ явилось передъ нимъ съ сказаннымъ обозомъ изъ ста телѣгъ.

Съ симъ отрядомъ по извѣстіямъ, что Киргизъ Кайсаки въ разныхъ мѣстахъ чинятъ нападеніе на колоніи и разоряютъ ихъ до основанія, такъ что не успѣешь обратиться въ одну сторону, уже слышишь совершающееся бѣдствіе въ другой, 1-го числа сего мѣсяца, переправясь чрезъ Волгу, учинилъ онъ распоряженіе: 1) отобравъ 200 человѣкъ раздѣлилъ ихъ на 4 форпоста, поставилъ на 100 верстахъ,

отъ Шафгаузена до Екатериненштата по 50 человѣкъ на каждомъ, подчинилъ комисарамъ колоній, съ таковымъ приказаніемъ, чтобъ они въ каждой колоніи, собравъ колонистовъ, могущихъ какимъ ни есть оружіемъ обороняться, учредили напереди ихъ на пригоркахъ маяки съ караульными посмѣнно день и ночь, человѣка по 3, и коль скоро гдѣ завидятся на степи Киргизцы, то чтобы къ тому маяку, который зажженъ, сбирались съ той и другой стороны по 50 человѣкъ помянутыхъ вооруженныхъ крестьянъ и колонистовъ, сколько гдѣ собрано будетъ; а какъ таковымъ распоряженіемъ могло составляться па каждомъ форпостѣ до 200 человѣкъ вооруженныхъ людей, то и учинились колоніи на луговой сторонѣ Волги защищены безопаснымъ кордономъ. II) Поелику отъ Волги къ Яику, куды ему въ погонь за Киргизцами слѣдовать надлежало, лежитъ степь ровная, съ небольшими въ иныхъ только мѣстахъ наволоками или пригорками, то отъ нечаяннаго нападенія не привыкшіе къ строю крестьяне, чтобъ не пришли въ замѣшательство и робость, то изъ ста телѣгъ съ провіантомъ построилъ онъ вагенбургъ, въ средину коего поставилъ 100 человѣкъ съ долгими пиками, а 400 остальныхъ, раздѣля на два эскадрона и разочтя на плутонги, изъ гусаръ назначилъ между ими офицеровъ и унтеръ офицеровъ; поставилъ на флигеляхъ въ передней шеренгѣ пушку, подъ прикрытіемъ 20 фузелеръ, составилъ свою армію и пошелъ прямо чрезъ степь къ Узенямъ, по сакмѣ или дорогѣ, пробитой прошедшими съ плѣномъ Киргизцами. Маршируя въ такомъ порядкѣ всѣмъ вагенбургомъ и имѣя по флигелямъ конницу, около недѣли, усмотрѣли передовые, или фланкёры въ долинѣ, на вершинахъ малой рѣки Керамана, ополченную непріятеля великую толпу, которая съ плѣнными людьми и съ великимъ множествомъ у колонистовъ и Иргизскихъ поселянъ отогнаннымъ скотомъ казалась страшною громадою; но коль скоро съ наволока показались передніе шеренги, красные мундиры, и съ боковъ, во флангъ сей толпы, стала заѣзжать конная рать подъ предводительствомъ гусаръ, то варвары дрогнули и, ударясь въ бѣгство во всѣ стороны, оставили плѣнъ. Переколото однако на

мѣстѣ ихъ 50, взято въ плѣнъ 6 человѣкъ, въ томъ числѣ два молодыхъ султана или султанскихъ дѣтей; колонистовъ отбито обоего пола 800, прочихъ Русскихъ поселянъ съ 700, всего около 1500, да скота нѣсколько тысячъ. Разбойниковъ толпа была не малая, по увѣренію плѣнныхъ около 2,000 человѣкъ. За сей подвигъ получилъ Державинъ отъ князя Голицына, его въ сію экспедицію отрядить согласившагося, благодарный ордеръ слѣдующаго содержанія ([1]).

По учиненіи сего не могъ онъ глубже въ степь простираться за остальными плѣнниками, которыхъ увели Киргизцы до 200 человѣкъ, потому что тѣ, которые отбиты, были такъ изнурены и измучены, что его слишкомъ обременяли; а паче, что какъ ихъ должно было всѣхъ кормить, то и запасъ сильно истощился, а потому, довольствуясь симъ успѣхомъ, пошелъ на ближайшую колонію Тоикошуравиль называемую, гдѣ и отдалъ весь плѣнъ съ имуществомъ и со скотомъ комисару Польской службы подполковнику Григорію Гогелю; а Опекунской Конторѣ далъ знать о дальнѣйшемъ объономъ попеченіи и получилъ отъ нея въ принятіи плѣнныхъ и скота квитанцію.

Послѣ сего съ нѣкоторою частію вооруженныхъ крестьянъ, которыхъ у него въ семъ походѣ и всего было 500, учинилъ прикрытія въ нужныхъ мѣстахъ колоніямъ, и возстановя въ нихъ прежній порядокъ, хотѣлъ было еще идти для поисковъ хищническихъ Киргизскихъ партій и отнять у нихъ оставшихся еще нѣсколько колонистовъ, которыхъ они въ первыхъ набѣгахъ схватя увели въ свои кочевья; но будучи какъ ордеромъ генерала князя Голицына, такъ и чрезъ Яицкаго старшину маіора Бородина, Трубчевскимъ комендантомъ увѣдомленъ, что Пугачевъ, по разбитіи его подъ Чернымъ Яромъ Михельсономъ, бросился на луговую сторону Волги и пробирается на Узень, коего онъ съ своею командою посланъ преслѣдовать; для того, когда Державинъ не имѣлъ еще извѣстія, что князь съ своимъ деташе-

---

(1) Выписать его изъ книги подлинникомъ. *Примѣчаніе Державина* Этого ордера къ подлинной рукописи Записокъ не приложено.

ментомъ пришелъ на Иргизъ, то, чтобъ занять сей проходъ, учредивъ, какъ выше сказано, въ пристойныхъ мѣстахъ, по колоніямъ посты, отправился на рѣку оную; а тамъ и нашелъ сего генерала. Поелику же наступило самое то время, что ему Державину надлежало исправлять порученную ему г. Бибиковымъ коммисію; потому, что Пугачевъ находился безсильнымъ и въ самыхъ тѣхъ областяхъ, которыя наблюденію Державина ввѣрены, то и не нашелъ онъ другаго средства, какъ выбравъ понадежнѣе изъ бывшихъ съ нимъ вооруженныхъ Малыковскихъ крестьянъ сто человѣкъ, взявъ у нихъ женъ и дѣтей для вѣрности въ залогъ, обѣщавъ награжденіе и давъ самымъ дѣломъ каждому по пяти рублей, послалъ подъ тѣмъ видомъ, что якобы ѣздятъ они за Киргизцами, а въ самомъ дѣлѣ, естьли можно будетъ, присоединясь къ злодѣйской скитающейся толпѣ, поймать самозванца. Сіе его предпріятіе опробовалъ и князь Голицынъ. Крестьяне наряжены; но дабы придать болѣе отряду важности и вперенным въ мысли ихъ ужасомъ отвратить отъ малѣйшаго покушенія къ измѣнѣ, приказалъ онъ собраться имъ въ полночь въ лѣсу, на назначенномъ мѣстѣ, гдѣ, поставя въ ихъ кругъ священника съ Евангеліемъ на налоѣ, привелъ къ присягѣ, и повѣсилъ изъ тѣхъ убійцъ казначея Тишина, которые укрылись было отъ казни, надъ прочими совершенной въ Малыковкѣ; далъ наставленіе, чтобъ они живаго или мертваго привезли къ нему Пугачева, за что̀ они всѣ единогласно взялись и въ томъ присягали. По окончаніи сего обряда они тотчасъ отправились въ степь подъ начальствомъ одного выбраннаго изъ нихъ же старшины ([1]). Между тѣмъ князь съ своимъ деташементомъ пошелъ отъ Иргиза ближе къ Яицкой крѣпости, а Державинъ съ остальными крестьянами на сей рѣкѣ остался.

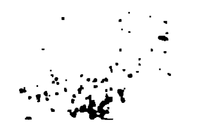
Нѣсколько дней спустя, возвратился отрядъ его и привезъ съ собою заводскаго служителя Мельникова, бывшаго въ толпѣ злодѣйской полковникомъ, находившагося при Пугачевѣ. Сей въ допросѣ показалъ, что убѣжалъ отъ него, когда его сообщникъ Твороговъ и про-

---

(1) Оставить мѣсто на имя. *Примѣч. Державина.*

чіе на ночлегѣ при рѣкѣ Узеняхъ схватили и увезли въ Яицкій городъ къ находящемуся тамъ въ Секретной Коммисіи гвардіи офицеру Маврину; что посланные крестьяне днемъ только однимъ не успѣли къ тому ночлегу, такъ что разведенный на немъ огонь еще совсѣмъ не погасъ и нѣсколько головней курилось. Державинъ въ тотъ же часъ отправилъ его подъ крѣпкимъ карауломъ къ Голицыну, яко близь его находящемуся военному генералу и донесъ также о поимкѣ самозванца въ Казань генералу Потемкину; самъ же на нѣсколько дней остался на мѣстѣ, пока не получилъ отъ разныхъ отъ него разосланныхъ лазутчиковъ подтвердительныя о томъ же извѣстія. Князь Голицынъ, разпрося присланнаго отъ Державина бродягу Мельникова, послалъ тогда же съ нимъ радостнымъ извѣстіемъ о поимкѣ Самозванца подполковника Пушкина въ Пензу къ находившемуся тамъ, принявшему тогда полную команду надъ всѣми войсками, посланными на истребленіе бунта, къ генералу-аншефу графу Петру Ивановичу Панину [1]. Сей Пушкинъ, по повелѣнію князя, просилъ Державина сказать ему чистосердечно, не далъ ли онъ о сей поимкѣ злодѣя извѣстія ему главнокомандующему прежде его, или кому другому изъ генераловъ. Державинъ сказалъ, что онъ рапортовалъ только тѣмъ, кого должно по командѣ; а именно: по воинской его Голицына, а по секретной генерала Потемкина, предоставивъ къ главному начальству дать свѣдѣніе имъ самимъ: чѣмъ и былъ онъ доволенъ, полагая, что посланный къ Потемкину курьеръ въ Казань, сдѣлавъ крюкъ нѣсколько сотъ верстъ на право, не могъ достигнуть прежде въ Петербургъ, чѣмъ прямою дорогою чрезъ Пензу отъ графа Панина; но какъ Державинъ, пославъ своего курьера въ Казань чрезъ Сызрань, написалъ въ его подорожной, для ободренія селеній, пребывавшихъ отъ возмущенія въ ужасѣ по дорогѣ лежащихъ, то Сызранскій воевода, увидя толь благопріятное извѣстіе, увѣдомилъ о томъ графа Петра Ивановича, и какъ сіе увѣдомленіе дошло до графа прежде привезеннаго под-

(1) Указъ, которымъ гр. Панинъ назначался главнокомандующимъ, подписанъ 29 Іюля 1774 года.



полковникомъ Пушкинымъ, то и встала на Державина буря.

Таковое спутанное обстоятельство раздражало чрезмѣрно честолюбиваго военноначальника. Графъ Панинъ подумалъ, что въ угожденіе Потемкину, которому сродственникъ былъ князь Потемкинъ, тогдашній любимецъ Императрицы, съ умыслу умедлилъ донесеніе и тѣмъ главное начальство его презрѣно, и доставлена честь перваго извѣстія о поимкѣ злодѣя имъ Потемкинымъ, а не ему, какъ по порядку службы слѣдовало. Хотя посланный изъ Казани отъ генерала Потемкина курьеромъ маіоръ Бушуевъ, пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ отправленнаго отъ Панина изъ Пензы князя Лобанова Ростовскаго, но доколѣ сего въ послѣдствіе не объяснялось, то графъ Панинъ пребывалъ въ чрезвычайномъ на Державина бѣшенствѣ и въ пылу своего гнѣва, придравшись къ безпорядкамъ Саратовскимъ, почитая виновникомъ оныхъ Державина, требовалъ отъ него отъ 27 Сентября отвѣта чрезъ генерала Мансурова, какимъ образомъ не случился онъ быть при нападеніи на Саратовъ, какъ на постѣ его, гдѣ съ командою пребываніе его требовалось? когда, за сколько времени отъ того нападенія, и куды отлучался? (1) Хотя вмѣсто наградъ за ревностную службу, таковое повелѣніе было крайне обидно; но отвѣчать было на оное не трудно, потому что у него Державина не было никакихъ военныхъ людей подъ командою, и отлучился онъ изъ Саратова предъ нападеніемъ злодѣевъ, не по собственному своему желанію и не по трусости, но по обстоятельствамъ выше описаннымъ и не туда, куда прочіе военные начальники, Бошнякъ, и прочіе по способности плыли въ низъ Волгою рѣкою въ Царицынъ на судахъ, убѣжали подъ

---

(1) Позднѣе, отъ 20 Ноября, Екатерина писала гр. Панину: «Касательно до дѣла поручика Державина и Саратовскаго коменданта, нашла я, что вашъ отвѣтъ, сдѣланный Державину, и правила, изъ которыхъ оный истекаетъ, суть таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей къ службѣ ожидать надлежало, и сей отвѣтъ таковъ хорошъ и полезенъ быть можетъ сему молодому человѣку, что конечно образъ мысли его исправить, буде природное въ немъ здравое разсужденіе есть. Саратовскаго коменданта поведеніе, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставляю безъ взысканія.» (См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1838 г. кн. 2, стр. 53).

защиту того города коменданта Цвиленева; но въ мятущіяся внутреннія селенія, дабы распустить собранныхъ тамъ имъ крестьянъ, могущихъ усилить толпы злодѣйскія и оборонить, если можно будетъ колоніи, что̀ имъ, какъ выше видно, удачно и исполнено. А какъ таковой рапортъ или отвѣтъ, отъ 5 числа Октября 1774 года посланный по пылкому свойству Державина, былъ довольно смѣлъ и неуступчивъ, такъ что онъ надѣялся на правоту свою, требовалъ суда: то и получилъ отъ него графа Панина отъ 12 числа того же мѣсяца престранный весьма велерѣчивый ордеръ, которымъ онъ, хотя показывалъ свое неудовольствіе и насмѣхался, что не имъ Державинымъ Пугачевъ пойманъ; однако наконецъ заключилъ точно сими словами: «Впрочемъ будьте увѣрены, что все сіе изъ меня извлекло усердіе къ людямъ, имѣющимъ природныя дарованія, какими васъ Творецъ вселенной наградилъ, по истинному желанію обращать ихъ въ прямую пользу служенія владѣющей нашей великой Государыни и отечеству и по той искренности, съ которою я пребыть желаю, какъ и теперь съ почтеніемъ есмь вашего благородія вѣрной слуга графъ Петръ Панинъ.» Сей ордеръ, частію грозный и частію снисходительный, внушилъ желаніе молодому чувствительному къ чести офицеру ѣхать къ графу самому и, лично съ нимъ объяснившись, разсѣять и малѣйшее въ немъ невыгодное о себѣ заключеніе; а какъ онъ имѣлъ уже повелѣніе отъ непосредственнаго своего по Секретной Коммисіи начальника генерала Потемкина ѣхать къ нему въ Казань, то и употребилъ сей случай къ исполненію своего намѣренія, хотя могъ и миновать Симбирскъ, въ которомъ тогда графъ Панинъ находился.

Подъѣзжая къ сему городу рано поутру, при выѣздѣ изъ подгородныхъ слободъ, встрѣтилъ сего пышнаго генерала, съ великимъ поѣздомъ ѣдущаго на охоту. Поелику жъ онъ по осеннему холодному времени сверхъ мундира былъ въ простомъ тулупѣ, то и не хотѣлъ въ семъ безпорядкѣ ему показаться; уклонился съ дороги и, по минованіи свиты, пріѣхалъ въ Симбирскъ. Тамъ нашелъ князя Голицына, который чрезвычайно удивился, увидя, что маленькій офицеръ пріѣхалъ самъ собою, такъ сказать, на вольную страсть,

къ раздраженному, гордому и полномочному начальнику. «Какъ, спросилъ онъ, вы здѣсь, за чѣмъ?» Державинъ отвѣчалъ, что ѣдетъ въ Казань по предписанію Потемкина, но разсудилъ главнокомандующему засвидѣтельствовать свое почтеніе. «Да знаете ли вы, возразилъ князь, что онъ, недѣли съ двѣ, публично за столомъ, болѣе не говоритъ ничего, какъ дожидается отъ Государыни повелѣнія повѣсить васъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ?» Державинъ отвѣчалъ: ежели онъ виноватъ, то отъ гнѣва царскаго нигдѣ уйти не можно. «Хорошо, сказалъ князь; но, я васъ любя, не совѣтую къ нему являться, а поѣзжайте въ Казань къ Потемкину и ищите его покровительства».—«Нѣтъ я хочу видѣть графа», отвѣтствовалъ Державинъ.—Въ продолженіе таковыхъ и прочихъ разговоровъ наступилъ вечеръ, и скоро сказали, что графъ съ охоты пріѣхалъ. Пошли въ главную квартиру. Державинъ, вошедши въ комнату, подошелъ къ графу и объявилъ, кто онъ таковъ, и что, проѣзжая мимо по предписанію генерала Потемкина, заѣхалъ къ его сіятельству засвидѣтельствовать его почтеніе. Графъ, ничего другаго не говоря, спросилъ гордо: видѣлъ ли онъ Пугачева? Державинъ съ почтеніемъ: Видѣлъ на конѣ подъ Петровскимъ. Графъ, отворотясь къ Михельсону: прикажи привесть Емельку. Чрезъ нѣсколько минутъ представленъ Самозванецъ, въ тяжкихъ оковахъ по рукамъ и по ногамъ, въ замасляномъ, поношенномъ, скверномъ широкомъ тулупѣ. Лишь пришелъ, то и сталъ предъ графомъ на колѣни. Лицемъ онъ былъ кругловатъ, волосы и борода окомелкомъ, черные, склоченные; росту средняго, глаза большіе, черные на соловомъ лазурѣ, какъ на бѣльмахъ. Отъ роду 35 или 40 лѣтъ (1). Графъ спросилъ: Здоровъ ли Емелька?—«Ночи не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство».—«Надѣйся на милосердіе Государыни», и съ симъ словомъ приказалъ его отвести обратно туда, гдѣ содержался (2). Сіе было

---

(1) Пугачеву, по собственному его показанію, было тогда 32 года (см. Допросы его въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Д.. 1859, № 2.)

(2) *Примѣчаніе Державина.* Сказываютъ, при первомъ свиданіи, какъ представленъ онъ былъ сему главному военачальнику въ семъ же городѣ, привезенный съ Яику въ клѣткѣ генераломъ Суворовымъ, то когда графъ

сдѣлано для того, сколько по обстоятельствамъ догадаться можно было, что графъ весьма превозносился тѣмъ, что Самозванецъ у него въ рукахъ, и велѣвъ его представить, хотѣлъ какъ бы тѣмъ укорить Державина, что онъ со всѣми своими усиліями и ревностію не поймалъ сего злодѣя. Но какъ бы то ни было, тотчасъ послѣ сей сцены графъ и всѣ за нимъ пошли ужинать. Державинъ разсудилъ, что онъ гвардіи офицеръ и имѣлъ счастіе бывать за столомъ съ Императрицею, то безъ особаго приглашенія съ прочими штабъ и оберъ-офицерами осмѣлился сѣсть. Въ началѣ почти ужина графъ, окинувъ взоромъ сидящихъ, увидѣлъ и Державина, нахмурился и заморгавъ по привычкѣ своей глазами, вышелъ изъ стола, сказавъ, что онъ позабылъ было отправить курьера къ Государынѣ. На другой день до разсвѣту Державинъ, пришедъ въ квартиру главнокомандующаго, просилъ камердинера доложить о приходѣ своемъ его сіятельству, сказавъ, что онъ имѣетъ нужду. Отвѣтствовано, чтобъ подождалъ. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, около обѣденъ, графъ вышелъ изъ кабинета въ пріемную галлерею, гдѣ уже было нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ; и онъ былъ въ сѣроватомъ атласномъ, широкомъ шлафрокѣ, французскомъ большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами. Прошедъ нѣсколько разъ вдоль галлереи, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, не удостоилъ и взгляда дожидающагося его гвардіи офицера. Сей, когда полководецъ проходилъ мимо, подошедши къ нему съ почтеніемъ, взялъ его за руку и остановя сказалъ: « Я имѣлъ несчастіе получить вашего сіятельства неудовольственный ордеръ; беру смѣлость объясниться ». Таковая смѣлая поступь графа удивила. Онъ остановился и велѣлъ идти за собою. Проходя чрезъ нѣсколько комнатъ въ кабинетъ и вошедши въ оный, гнѣвно дѣлалъ ему выговоръ, и между прочимъ, что онъ въ Саратовѣ съ комендантомъ Бошнякомъ, предъ нашествіемъ на сей городъ злодѣевъ, обходился неуважительно и даже въ одинъ

надменно спросилъ: какъ смѣлъ онъ поднять оружіе противъ его? — « Что дѣлать, ваше сіятельство, когда уже воевалъ противу государыни! » Графъ не вытерпѣлъ и вырвалъ у него нѣсколько волосовъ изъ бороды.

разъ выгналъ его отъ себя, сказавъ, чтобъ онъ, во исполненіе общественнаго и собственнаго его приговора, не препятствовалъ дѣлать гражданамъ предположеннаго укрѣпленія, и шелъ бы туда, гдѣ ему долгъ и честь быть повелѣваютъ. Офицеръ, выслушавъ съ подобострастіемъ окрикъ генерала, сказалъ, что « это все правда, ваше сіятельство, я виноватъ пылкимъ моимъ характеромъ, но не ревностною службою. Кто бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ на покоѣ и изъ особливой любви къ отечеству и приверженности къ высочайшей службѣ всемилостивѣйшей Государыни, приняли на себя въ толь опасное время предводить войсками противъ злѣйшихъ враговъ и не щадя своей жизни. Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя, внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города ». Сіе или сему подобное, когда съ чувствительностію выговорено было, то у сего надменнаго и вмѣстѣ великодушнаго генерала вдругъ покатились ручьемъ изъ глазъ слезы. Онъ сказалъ: « Садись, мой другъ, я твой покровитель ». Съ словомъ симъ вошедъ камердинеръ доложилъ, что генералы пришли и желаютъ его видѣть. Тотчасъ отворились двери. Вошли князь Голицынъ, Огаревъ, Чорба, Михельсонъ и прочіе, изъ коихъ первый, какъ принималъ участіе въ Державинѣ, то при самомъ входѣ и бросилъ на него глаза, желая знать, что̀ съ нимъ произошло. Сей веселымъ видомъ отвѣтствовалъ, что гроза прошла безвредно. Разговоръ начался объ охотѣ; графъ хвалился, что была успѣшна. Державинъ, дабы удостовѣрить слышателей о своей невинности и о благопріятномъ къ нему расположеніи начальника, не смотря на произнесенныя имъ недавно на него при многолюдствѣ грозы, вступя въ разговоръ объ охотѣ, сказалъ съ усмѣшкою графу, что онъ смѣетъ успѣхъ оный приписать себѣ! « Какъ? » съ любопытствомъ спросилъ графъ.—« По русской пословицѣ, ваше сіятельство, отвѣтствовалъ поручикъ: какова встрѣча, такова и охота. Я при самомъ выѣздѣ изъ города васъ встрѣтилъ и сердцемъ пожелалъ вамъ удачливой охоты. » Графъ, засмѣявшись, поблагодарилъ, и когда одѣлся, по выходѣ изъ кабинета, пригласилъ къ обѣду. За столомъ показалъ ему мѣсто про-

тивъ себя, говорилъ почти съ нимъ однимъ, расказывая, какимъ образомъ Московское дворянство въ собраніи своемъ для пріятія мѣръ къ защитѣ отъ мятежниковъ сей столицы, когда назначался въ предводители войскъ графъ Петръ Борисовичь Шереметевъ, то мало или почти никого не вооружили людей своихъ по примѣру Казанскаго дворянства; а когда его графа наименовали въ вожди, почти ничего не жалѣли. Словомъ Державинъ примѣтилъ сильное любочестіе и непомѣрное тщеславіе сего впрочемъ честнаго и любезнаго начальника; но сею слабостію его, какъ будетъ ниже видно, не умѣлъ или не хотѣлъ воспользоваться. По окончаніи обѣда графъ пошелъ отдыхать. Въ шесть часовъ послѣ полудни, какъ бывало обыкновенно при дворцѣ Екатерины, генералитетъ и штабъ офицеры къ нему собрались. Графъ опять вступилъ въ пространный разговоръ съ Державинымъ и занималъ его онымъ болѣе получаса, разсказывая про Прусскую семилѣтнюю войну, въ которую онъ служилъ еще полковникомъ и наконецъ про Турецкую и болѣе всего о взятіи Бендеръ подъ его предводительствомъ въ 1770 году, чѣмъ онъ весьма превозносился, твердя непрестанно, что молодымъ людямъ весьма во всѣхъ дѣлахъ нужна практика, какъ и вышеупомяный его ордеръ отъ 5 Октября симъ выраженіемъ былъ наполненъ. Потомъ сѣлъ за карточной столъ съ Голицынымъ, Михельсономъ и еще съ кѣмъ то, составя вистъ, игру тогда бывшую уже въ модѣ. Тутъ Державинъ сдѣлалъ великую глупость. Ему не разсудилось, въ угодность главнокомандующаго, стоя попусту зѣвать, для чего, подошедши къ нему сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Казань къ генералу Потемкину, то не угодно ли будетъ чего приказать. Сіе такъ тронуло графа, что виденъ былъ гнѣвъ на лицѣ его, и онъ, отворотясь, холодно сказалъ: нѣтъ. Но естьли бъ нѣсколько при квартирѣ его былъ и поласкалъ его самолюбіе, какъ прочіе, то бы, судя по снисходительному его съ нимъ обращенію, уважительнымъ разговорамъ, могъ надѣяться всего отъ него добраго; но незнаніе свѣта сдѣлало ему сего сильнаго человѣка изъ покровителя страшнымъ врагомъ, что въ послѣдствіи усмотрится.

Пріѣхавъ въ Казань, нашелъ также и генерала Потемки-

на себѣ не благопріятнымъ за то, для чего онъ на вышеписанные вопросы отвѣчалъ рапортомъ графу и заѣзжалъ къ нему представляться въ Симбирскъ: судя, что Державинъ у него былъ въ непосредственной командѣ, то и долженъ былъ чрезъ него послать ему и Голицыну рапорты и самъ собою лично имъ не представляться. Державину сего въ голову не приходило, и доднесь онъ не понимаетъ, справедливо ли сіе обвиненіе; но какъ бы то ни было, генералъ Потемкинъ очень сухо съ нимъ обошелся и не принялъ на счетъ свой тѣхъ пяти сотъ рублей, которые даны были Малыковскимъ крестьянамъ, посыланнымъ на Узени за Пугачевымъ, привезшимъ первую вѣдомость о его поимкѣ. Державинъ сказалъ, что для него все равно, онъ или князь Голицынъ приметъ на счетъ экстраординарныхъ своихъ суммъ сіи деньги, и въ тоже время показалъ ему сего князя ордеръ, велѣвшаго изъ дворцовыхъ Малыковскихъ доходовъ на счетъ его экстраординарной суммы употребить тѣ 500 рублей. Сей ордеръ выпросилъ Державинъ у князя Голицына не по какой надобности, ибо онъ по открытому отношенію съ прописомъ имяннаго указа покойнымъ генераломъ Бибиковымъ ко всѣмъ управителямъ, воеводамъ и губернаторамъ, могъ брать вездѣ деньги, сколько бы ему ни понадобилось; но единственно изъ хитрой осторожности, для того что, ежели бы помянутые Малыковскіе крестьяне 500 человѣкъ не съ тѣмъ намѣреніемъ къ Пугачеву присоединились, чтобъ находящагося его въ безсиліи съ малымъ числомъ его сообщниковъ на Узеняхъ поймать, но въ самомъ бы дѣлѣ измѣнили и умножили собою толпу его, то чтобы ему не быть въ отвѣтѣ, какъ за издержаніе, такъ и за произведеніе въ дѣйство сей стратижемы. Но какъ генералъ князь Голицынъ объ оной зналъ и позволилъ взять деньги, то и упала бы неудача въ несчастномъ случаѣ болѣе на генерала, нежели на офицера. Такимъ образомъ, хотя вывернулся Державинъ изъ сей прицѣпки съ честію, но случившееся небольшое любовное соперничество, въ которомъ, казалось, одною прекрасною дамою офицеръ предпочитаемъ былъ генералу, то и умножилась между ими остуда, для чего и командированъ былъ первый послѣднимъ паки на Иргизъ, яко бы для сыс-

ку въ тамошнихъ скитахъ помянутаго раскольничьяго старца Филарета, который, по показанію нѣкоторыхъ сообщниковъ Пугачева, благословилъ яко бы его на принятіе имени императорскаго. А какъ сіе было уже въ Ноябрѣ, то сбирающійся офицеръ въ новую коммисію, ѣздя въ суетахъ по городу, по неосторожности простудился и получилъ сильную горячку, отъ которой едва не умеръ. ([1])

Въ продолженіи оной генералъ Потемкинъ отозванъ въ Москву для дослѣдованія въ Тайной Канцеляріи привезенныхъ туда злодѣевъ, и имѣлъ онъ непріятность, что не предполагая

---

(1) Къ 1774 году относятся слѣдующія сочиненія Державина:

11. *Ода на день рожденія Ея Величества, сочиненная во время войны и бунта, 1774 года*. II, 773.

12. *Ода на смерть генералъ-аншефа Бибикова*. I,479.

13. *Ода на ласкательство*. II,750 (прозаическій переводъ оды Фридриха Великаго—La flatterie.)

14. *Ода на порицаніе*. II, 754 (тоже переводъ въ прозѣ оды Фридриха Великаго—A la Calomnie.)

15. *Ода на постоянство*. II, 759 (въ прозѣ переводъ Фридриховой оды—La fermeté).

16. *Ода къ Мовтерпію, жизнь есть сонъ*. II,762 (прозаическій переводъ Фридрихова посланія къ астроному Мопертюи)

17. *Ода на великость*. II, 765, (Въ стихахъ, произведеніе оригинальное; изъ послѣднихъ двухъ строфъ видно, что оно написано, когда Пугачевскій бунтъ кончился).

18. *Ода на знатность*. II, 770 (это первоначальная редакція знаменитой оды *Вельможа*. Державинъ удержалъ изъ нея впослѣдствіи только *четыре* стиха).

Всѣ эти восемь піесъ Державинъ потомъ собралъ вмѣстѣ, и въ 1777 году напечаталъ безъ своего имени въ Спб., въ типогр. Академіи наукъ (въ мал. осьмушку, 38 стр.) подъ названіемъ *Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 года*. Гдѣ именно эта гора Читалагай, намъ не удалось узнать. *Объясненія* Львова помѣщаютъ ее неопредѣленно въ Саратовскихъ колоніяхъ, а И. И. Дмитріевъ посреди Уфимскихъ степей. Можно даже предполагать, не выдумалъ ли Державинъ это названіе просто *для* куріозу, ради заманчивости заглавія. Въ одномъ примѣчаніи къ Одѣ на смерть Бибикова (Штукинское изданіе, стр. 388) говорится: « Сочинитель былъ въ то время въ пустыняхъ нѣкоторыхъ тружениковъ, которые, въ знакъ своего сокрушенія, надѣли на себя волосяныя рубахи, сіе есть вретище, и сочния постъ, молили о душѣ его » (*т. е. Бибикова*). —Остолоповъ (стр. 13) прибавляетъ, что Фридриховы оды переведены Державинымъ изъ книги *Безпечный философъ*.

Кромѣ этихъ одъ Державинъ написалъ еще во время Пугачевскаго бунта неизданную *Эпистолу къ генералу Михельсону на защищеніе Казани*, (статья Я. К. Грота, въ Совр. 1845, № 2 стр. 180).

какой либо злобы, а болѣе отъ неискусства въ производствѣ сего рода дѣлъ или изъ неосторожности оклеветанный имъ Императрицѣ Митрополитъ Веніаминъ оправдался, который уже былъ у него яко изобличенный свидѣтелями измѣнникъ, что будто во время нападенія злодѣйскаго на Казань присылалъ къ нему (*т. е. Пугачеву*) съ келейникомъ своимъ на умилостивленіе или для спасенія жизни своей подарки; содержанъ подъ крѣпкимъ карауломъ, къ которому не приказано было никого не пускать и ни съ кѣмъ не переписываться. Но сей хитрый пастырь умѣлъ отправить чрезъ отверстіе нужнаго мѣста тайнымъ образомъ приверженнаго къ себѣ служителя съ письмомъ въ Петербургъ, и по оному сей первосвященникъ явился невиннымъ, такъ что за его претерпѣніе напасти сей Императрица благоволила наградить его бриліантовымъ крестомъ на клобукѣ, и онъ торжественно, при собраніи множества народа, имѣлъ удовольствіе въ соборной церкви слышать всемилостивѣйшій рескриптъ Государыни, объявляющій его невинность и служить благодарственный за здравіе Ея Величества молебенъ.

Но при всей невзгодѣ генерала Потемкина, Державинъ, по выздоровленіи своемъ, не отпущенъ былъ имъ въ Москву, какъ прочіе его сотоварищи гвардіи офицеры, бывшіе въ Секретной Коммиссіи; но велѣно ему было, какъ выше сказано, для поиску Филарета ѣхать въ Саратовъ и въ прочія близь Иргиза лежащія области. Такимъ образомъ онъ пробылъ всю весну и небольшую часть лѣта 1775 года въ колоніяхъ праздно [1], потому что для поиску Филарета отправлены были уже гласно отъ графа Панина военныя команды, и слѣдовательно тайный его поискъ въ той странѣ едва ли былъ и нуженъ. Въ Іюнѣ получилъ онъ отъ того генерала Потемкина, яко начальника Секретной Коммиссіи, ордеръ, повелѣвающій ему явиться къ полку, который находился, какъ и весь дворъ, давно уже въ Москвѣ. Но прежде прибытія Государыни въ сію столицу совершена была уже

(1) Вѣроятно въ это именно время, на досугѣ, и написана большая часть Читалагайскихъ одъ. Державинъ, относя ихъ вообще ко времени Пугачевщины, могъ потомъ невѣрно помѣтить ихъ 1774-мъ годомъ.

публичная казнь Самозванцу съ нѣкоторыми его главными сообщниками, Перфильевымъ и прочими. Державинъ долженъ былъ пріѣхать въ Москву непремѣнно къ торжеству Турецкаго мира ([1]). И такъ, не медля болѣе на своемъ пепелищѣ, ибо домъ его въ Казани и деревни были до основанія раззорены, простясь съ престарѣлою и сокрушенною печальми матерью, которая при нападеніи на сей городъ, яко жертва уже на смерть приготовленная, претерпѣла мучительный плѣнъ, пустился въ свой путь, получа нѣсколько денегъ за проданной изъ Оренбургской деревни Малыковскимъ крестьянамъ хлѣбъ. Проѣзжая мимо Свіяжска, воевода онаго города, Афанасій Ивановичь Чириковъ, показалъ ему отъ бывшаго въ Сенатѣ герольдмейстеромъ князя Михайла Михайловича Щербатова ([2]) письмо, въ которомъ онъ къ нему пишетъ: «Когда будетъ проѣзжать мимо васъ нѣкто гвардіи офицеръ Державинъ, находящійся теперь въ вашемъ краю, то скажите ему отъ меня, чтобъ увидѣлся со мною въ домѣ моемъ, когда пріѣдетъ въ Москву». Таковое чудное приглашеніе удивило. Не можно было изъ него ничего основательнаго заключить, ибо князь Щербатовъ совсѣмъ Державину знакомъ не былъ и никакой съ нимъ связи и переписки не имѣлъ. Что бы ни было, онъ рѣшился съ нимъ видѣться.—Но по пріѣздѣ въ Москву, нашелъ полковыя обстоятельства для себя сколько новыя, столько же и непріятныя, ибо прежніе начальники всѣ перемѣнились: командовали полкомъ князь Потемкинъ и маіоръ Толстой ([3]), которые не были знакомы. И первый изъ нихъ, можетъ, по холоднымъ отзывамъ генерала Потемкина, а второй по навѣтамъ любимца его офицера Цурикова, который прежде еще командировки Державина въ сію экспедицію былъ съ нимъ въ ссорѣ, то и принятъ онъ маіоромъ былъ безъ всякаго вниманія, и велѣно его было числить при полку просто, какъ бы явившагося изъ отпуска или изъ какой незначущей

---

(1) Торжество это происходило 10 Іюля 1775 года.

(2) Извѣстнаго историка (1733—1790).

(3) Өедоръ Матвѣевичь, женатъ на Натальѣ Өедоровнѣ Лопухиной, которая была внучатной племянницей царицы Прасковьи Өедоровны.

посылки. Сіе крайне раздражило служившаго съ ревностію въ опасныхъ подвигахъ молодаго офицера и заслуживавшаго отъ многихъ генераловъ и отъ самаго Потемкина въ многихъ ордерахъ и письмахъ чрезвычайную похвалу, такъ что многіе изъ нихъ обѣщались его представить прямо къ Высочайшему престолу; но какъ пришло къ исполненію обѣщаній, то и спрятались они съ своими протекціями, или не хотѣли, или не могли ничего въ пользу его сдѣлать, въ томъ числѣ и князь Голицынъ. Напротивъ того, на другой день былъ наряженъ во дворецъ на краулъ. И какъ въ небытность его, командою любимца Императрицы графа, что̀ послѣ былъ княземъ, Григорія Александровича Потемкина, строевый порядокъ въ полку перемѣнился, то онъ, ничего не зная о томъ, и сдѣлалъ ошибку, а именно: какъ должно было по новому введенію командовать взводу просто: «въ право заходи», онъ по прежнему сказалъ: «лѣвой стой, правой заходи»; то и встала бѣда, которая тѣмъ болѣе сочтена непростительною, что рота, наряженная на краулъ, была на щегольство княземъ Потемкинымъ по его вкусу въ новой мундиръ одѣта, и предъ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ Задунайскимъ, пріѣхавшимъ тогда въ Москву для торжества мира, смотрѣвшимъ изъ дворцовыхъ оконъ, должна была заходить по взводно. За сію невинную ошибку, когда выступилъ полкъ въ лагерь на Ходынку, безочередно проступившійся офицеръ наряженъ на палочной краулъ. Сіе наипаче поразило честолюбивую его душу, когда представлялъ онъ себѣ, что давно ли ввѣрено ему было толь важное порученіе, въ которомъ могъ онъ двигать чрезъ свои сообщенія корпусами генераловъ, брать деньги въ городахъ, сколько хотѣлъ, посылать лазутчиковъ, казнить смертію, возпрепятствовалъ злодѣямъ пробраться по Иргизу во внутреннія, неограждениыя никѣмъ провинціи, и защитилъ, такъ сказать, своимъ однимъ лицомъ отъ расхищенія Киргизцами всѣ иностранныя колоніи, на луговой сторонѣ Волги лежащія, чѣмъ совокупно спасъ паки и Имперію и славу Государыни Императрицы, которая, выписавъ ихъ изъ чужихъ земель, приняла подъ свое покровительство и обѣщала устроить ихъ блаженство прочнѣе, нежели въ ихъ отечествѣ. Но за все сіе

вмѣсто награды получилъ уничиженіе предъ своими собратіями гвардіи офицерами, которые награждены были деревнями, а онъ не только оставленъ безъ всякаго уваженія, но, какъ негодяй, наряженъ былъ на палочной краулъ.

Таковыми чувствами возмятенный, вспомнилъ онъ о письмѣ князя Щербатова, показанномъ ему Чириковымъ въ Свіяжскѣ; полетѣлъ къ нему узнать причину его непонятнаго приглашенія. Пріѣхавъ, сказалъ кто таковъ, и что онъ ожидаетъ его сіятельства приказанія. Князь сказалъ, что ничего не имѣетъ и не можетъ ему приказать; но только, получивъ отъ Государыни его реляціи для сохраненія въ Архивѣ съ прочими произшествіями прошедшаго вѣка ([1]), желалъ его лично узнать; дополня, что онъ ему сдѣлаетъ честь своимъ знакомствомъ, предлагая къ услугамъ нѣсколько покоевъ въ его домѣ, и что ему только нужно. « Но при всемъ томъ, продолжалъ князь, вы несчастливы. Графъ Петръ Ивановичь Панинъ — страшный вашъ гонитель. При мнѣ у Императрицы за столомъ описывалъ онъ васъ весьма черными красками, называя васъ дерзкимъ, коварнымъ и тому подобное ». Какъ громъ поразило сіе Державина. Онъ сказалъ князю: «Когда ваше сіятельство столько ко мнѣ милостивы, что откровенно наименовали мнѣ моего недоброхота, толь сильнаго человѣка, то покажите мнѣ способы оправдать меня противъ онаго въ мысляхъ моей Всемилостивѣйшей Государыни ». — « Нѣтъ, сударь, я не въ силахъ подать вамъ какой либо помощи; графъ Панинъ нынѣ при дворѣ въ великой силѣ, и я ему противуборствовать никакъ не могу. » — « Чтожъ мнѣ дѣлать? » спросилъ огорченный. — « Что вамъ угодно. Я только вашъ искренній доброжелатель. » — Съ симъ они растались. Пріѣхавъ на квартиру и размысля непріязнь къ себѣ сильныхъ людей и не имѣя ни единой подпоры, пролилъ горькія слезы и не зналъ что дѣлать. А паче по тѣснымъ своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, что не токмо не имѣлъ чѣмъ жить, но при пожалованіи его въ офицеры, когда хорошій его пріятель поручикъ Алексѣй Николаевичь Ма-

(1) Кн. Щербатовъ писалъ въ это время, по порученію Императрицы, свою *Россійскую Исторію*.

словъ одолжилъ его нѣкоторыми нужными вещами, и онъ, по дружеской своей съ нимъ связи, обязанъ былъ по возможности своей ему служить, то онъ уговорилъ его поручиться за него въ Дворянскомъ банкѣ въ нарочито знатной суммѣ, увѣривъ вѣрною въ срокъ заплатою, а какъ по существующимъ тогдашнимъ законамъ можно было знаменитымъ людямъ ручаться за кого либо и безъ залоговъ недвижимаго имѣнія, ибо материнское достаточное имѣніе заложено было беззаконно въ Коммерческій банкъ отцемъ его полковникомъ Николаемъ Ивановичемъ Масловымъ, то въ Дворянскій банкъ его не принимали. Державинъ, поѣхавъ для усмиренія бунта, въ продолженіи слишкомъ двухъ лѣтъ не видавъ Маслова, думалъ, что онъ, заплатя свой долгъ, освободилъ его изъ подпоручительства; но тутъ, къ умноженію его горести, узналъ, что пріятель его поручикъ Масловъ такъ замотался, что не токмо не платилъ процентовъ въ банкъ за занятую сумму, но, бывъ отставленнымъ подполковникомъ, въ уклоненіе отъ платежа другихъ долговъ, бѣжалъ въ Сибирь и проживалъ въ безвѣстіи, такъ что, не будучи сысканъ, обратилъ банковое взысканіе на поручителя по себѣ Державина. И какъ у него собственнаго имѣнія кромѣ самомалѣйшаго не было, а которое и было, то безъ раздѣла съ матерью закладывать было его не можно, то и обвиненъ онъ былъ въ подложномъ ручательствѣ, а между тѣмъ для сохраненія казеннаго интереса велѣно было какое гдѣ только нашлось, взять и материнское имѣніе въ присмотръ правительствомъ. Словомъ, кромѣ сокрушенія сердечнаго, которое онъ причинилъ симъ поступкомъ матери, со всѣхъ сторонъ разверста была предъ нимъ бездна погибели [1].

---

(1) И. И. Дмитріевъ въ Запискахъ своихъ передаетъ слѣдующій случай, о которомъ онъ слышалъ отъ Елиз. Вас. Херасковой, жены извѣстнаго стихотворца, и который дополняетъ новою подробностью собственный разсказъ Державина о тогдашней его Московской жизни:

«Въ 775-мъ году, когда дворъ находился въ Москвѣ, у Хераскова былъ обѣдъ. Между прочими гостями находился Иванъ Перфильевичь Елагинъ, извѣстный по двору и литературѣ. За столомъ вспоминали объ одахъ, вышедшихъ на случай прибытія Императрицы. Началась всѣмъ имъ оцѣнка, большею частью не въ пользу лирикамъ. Но всѣхъ болѣе критикована была ода *какого-то* Державина. Это были точныя слова критика. Хозяйка толкаетъ

Но при всемъ томъ онъ не потерялъ духа, а возвергнувъ печаль свою на Бога, рѣшился дѣйствовать отважнѣе. Въ слѣдствіе чего просилъ маіора Толстова представить его подполковнику своему, тогдашнему графу, что̀ былъ послѣ княземъ, Григорію Александровичу Потемкину; но какъ онъ отъ сего отговорился, то и написалъ онъ отъ 11 Іюля къ подполковнику письмо такого содержанія: что во весь продолжающійся мятежъ былъ онъ въ опасныхъ подвигахъ, не имѣя у себя помощниковъ, что воспретилъ злодѣямъ пробраться во внутреннія провинціи, что спасъ колоніи отъ Киргизъ Кайсаковъ, что остался одинъ не награжденнымъ противъ своихъ сверстниковъ, не сравненно менѣе его трудившихся и тому подобное, и для того просилъ, ежели онъ въ чемъ виновенъ, то не терпѣть его въ службѣ съ собой въ одномъ полку, а ежели онъ служилъ какъ должно ревностному офицеру, то не оставить его безъ награжденія, тѣмъ болѣе, что онъ лишился въ семъ мятежѣ и собственности своей въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ. Письмо сіе взявъ съ собою, поѣхалъ онъ на Черную Грязь или въ подмосковную деревню князя Кантемира, которую недавно Государыня купила и изволила тамъ жить въ маленькомъ домикѣ, не болѣе какъ изъ 6 комнатъ состоящемъ, въ коемъ помѣщался и Потемкинъ. По обыкновенію при дверяхъ сего вельможи нашелъ онъ ка-

---

Елагина въ ногу. Онъ не догадывается и продолжаетъ говорить объ одѣ. Державинъ, бывшій тогда уже гвардіи офицеромъ, молчитъ на концѣ стола, и весь рдѣетъ. Обѣдъ кончился. Елагинъ смутился, узнавъ свою неосторожность. Хозяева ищутъ Державина, но уже простылъ и слѣдъ его.

Проходитъ день, два, три. Державинъ, противъ обыкновенія своего, не показывается Херасковымъ. Между тѣмъ какъ они тужатъ и собираются навѣстить оскорбленнаго поэта, Державинъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ входитъ въ гостиную: обрадованные хозяева удвоили къ нему ласку свою, и спрашиваютъ его, отчего они такъ долго съ нимъ не видались? — «Два дня сидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, отвѣчалъ онъ, и все горевалъ объ моей одѣ; въ первую ночь даже не смыкалъ глазъ моихъ; а сегодня рѣшился ѣхать къ Елагину, заявить себя сочинителемъ осмѣянной имъ оды и показать ему, что и дурной лирикъ можетъ быть человѣкомъ порядочнымъ и заслужить его вниманіе. Такъ и сдѣлалъ. Елагинъ былъ растроганъ, осыпалъ меня ласками, упросилъ остаться обѣдать, и я прямо оттуда къ вамъ.» (Москв. 1842, № 1, стр. 162—163).

меръ-лакея стоящаго, который воспрещалъ входъ въ уборную, гдѣ ему волосы чесали. Камеръ-лакей не хотѣлъ пустить, но онъ смѣло вошелъ, сказавъ: «Гдѣ офицеръ идетъ къ своему подполковнику, тамъ онъ препятствовать не можетъ». Сказавъ свое имя и гдѣ былъ въ откомандировкѣ, подалъ письмо. Князь прочетши сказалъ, что доложитъ Государынѣ. Чрезъ нѣсколько дней, когда онъ у себя его между прочими увидѣлъ, то сказалъ, что Ея Величеству докладывалъ, и Всемилостивѣйшая Государыня приказала его наградить, что̀ и послѣдуетъ Августа 6, т. е. въ день Преображенія Господня, когда изволитъ въ столицѣ удостоить обѣденнымъ столомъ штабъ и оберъ-офицеровъ полку Преображенскаго. Наконецъ пришелъ день Преображенія; угащиваны столомъ на Черной Грязи, а не въ Москвѣ, и награжденія никакого не вышло. Чрезъ нѣсколько дней еще попытался напомянуть любимцу; но онъ уже отъ него съ негодованіемъ отскочивъ ушелъ къ Императрицѣ. А между тѣмъ въ теченіе сего время просилъ онъ князя Голицына, чтобъ заплатили ему изъ провіантскихъ суммъ по счету деньги за продовольствіе войскъ провіантомъ и фуражемъ, слѣдовавшихъ зимой къ осажденному Оренбургу, которыя подъ предводительствомъ подполковника Мильховича въ числѣ 40,000 подводъ, везшихъ провіантъ, фуражъ и прочіе припасы, жили у него въ Оренбургской деревнѣ, яко въ съѣзжемъ мѣстѣ недѣли съ двѣ, съѣли весь хлѣбъ молоченной и немолоченной, солому и сѣно, скотъ и птицъ, и даже обожгли дворы и разорили крестьянъ до основанія, побравъ у нихъ одежду и все имущество. Слѣдовало заплатить ему. Надлежало бъ по крайнѣй мѣрѣ тысячь до 25; но онъ съ великимъ трудомъ исходатайствовалъ у того князя квитанцію только на 7000, и то изъ особливаго къ нему благорасположенія сего военачальника. А какъ получено тогда изъ Петербурга отъ пріятеля извѣстіе, что по поручительству въ Дворянскомъ банкѣ за Маслова, когда имѣніе сего нашлось заложеннымъ отцемъ его въ Коммерческомъ банкѣ, опредѣляется описать въ казну все, гдѣ найдется, имѣніе его Державина и самаго его требовать лично къ отвѣту; то оставя все исканіе наградъ, отпросился въ отпускъ и поскакалъ, въ

исходѣ Сентября, въ Петербургъ, дабы банковыхъ судей, которыхъ Масловъ, занимая деньги, умѣлъ задобрить и сдѣлать къ себѣ снисходительными, упросить быть и къ нему Державину нестрогими, помедля вышесказаннымъ опредѣленіемъ, дабы онъ имѣлъ время гдѣ либо просить о свободѣ изъ несправедливаго залога отца жены его Маслова имѣнія и объ отдачѣ онаго за сына подъ залогъ Дворянскаго банка, чрезъ что́ бы ему отъ поручительства избавиться (1).

Пріѣхавъ въ Петербургъ, отъ 5-го числа письменно еще напомнилъ князю Потемкину о исходатайствованіи ему обѣщанной за службу награды; но какъ на то и другое потребно было время и сильное покровительство, дабы утруждать Государыню Императрицу, то, до прибытія двора изъ Москвы, нечего было другаго дѣлать, какъ просьбами судей удерживать въ недѣйствіи банковое дѣло. Надобно было между тѣмъ по приличію гвардіи офицеру снабдить себя всѣмъ нужнымъ, какъ то: бѣльемъ, платьемъ, экипажемъ и прочимъ, то и нашелся въ необходимости издерживать тѣ 7 тысячь рублей, которыя по квитанціи князя Голицына изъ провіантской канцеляріи получилъ. Тѣмъ паче на сіе рѣшился, что далеко бы недостало сей суммы на уплату долга Маслова, и что льстился надеждою о свободѣ его собственнаго имѣнія. Въ полученіи оныхъ денегъ помогъ ему Александръ Васильевичъ Храповицкій (2), бывшій тогда еще секретаремъ при генералѣ прокурорѣ князѣ Вяземскомъ. Отъ покупки сказанныхъ вещей и заплаты отъ собственнаго въ банкѣ долгу болѣе 2000, осталось изъ 7 тысячь только 50 рублей. Куды ихъ потянуть? Рѣшился поискать счастія въ игрѣ, которою въ то время славился лейбъ гвардіи Семеновскаго полку капитанъ Никифоръ Михайловичъ Жедринской. Поѣхалъ къ нему, и такъ случилось, что въ первой вечеръ выигралъ у него на тѣ остальныя 50 руб. до 8000 р., потомъ еще болѣе у графа Матвѣя Федоровича Апраксина и у прочихъ

---

(1) Дѣло о залогѣ Масловымъ имѣнія такъ спутанно изложено, что мы не могли его разобрать; вѣроятно въ подлинной рукописи Державина какой нибудь пропускъ или описка.

(2) 1749—1801.

въ короткое время до 40,000 рублей. Сіе было въ Октябрѣ 1775 года. Но такое счастіе продолжалось не болѣе какъ мѣсяцъ, а именно, до возвращенія только двора изъ Москвы; когда же пріѣхалъ, и можно бы было выиграть несравненно превосходныя суммы, тогда фортуна перемѣнилась.

Въ 1776 году скончалась Великая Княгиня Наталья Алексѣевна ([1]), и Державинъ въ Невскомъ монастырѣ былъ при погребеніи тѣла ея на караулѣ, будучи уже поручикомъ съ 1774-го Іюня 28 дня. Имѣлъ несчастіе первую обиду снести (а въ послѣдствіи и многія) отъ графа Заводовскаго, который тогда еще былъ не болѣе какъ полковникомъ, но статсъ секретаремъ и любимцемъ Императрицы ([2]), при случаѣ томъ, когда хотѣлъ Державинъ подать чрезъ него прошеніе Государынѣ о упомянутомъ Масловскомъ банковомъ дѣлѣ, чтобъ освободить имѣніе Алексѣя Маслова изъ несправедливаго залога отца его. Но какъ онъ Державинъ былъ, то господинъ Завадовскій не токмо не вошелъ въ существо просьбы, не помогъ ему; но при самой подачѣ письма, наговоривъ множество грубостей, выслалъ его отъ себя. Что сему причиною было, не извѣстно; кажется ничто другое, какъ неожиданное и непомѣрное возвышеніе его фортуны. А какъ около сего же времени, то есть въ половинѣ 1776 года, случилось, что князь Потемкинъ, бывшій любимецъ, взялъ при дворѣ въ немилость и долженъ былъ проживать нѣсколько мѣсяцовъ въ Новѣгородѣ, отъ чего фаворитъ его маіоръ Федоръ Матвѣевичь Толстой, бывъ въ крайнемъ огорченіи, спѣсь свою умѣрилъ, то Державинъ, при случаѣ наряда роты по обыкновенію въ Петергофъ для караула къ Петрову дню, выпросился у него въ сію командировку; ибо считалась оная за милость. При баталіонѣ гвардіи, наря-

(1) 16 Апрѣля.

(2) Г. Петръ Васильевичь Завадовскій (1738—1812), бывшій до конца жизни непріятелемъ Державину, жилъ нѣкогда, также какъ и Безбородко, въ домѣ у Малороссійскаго гетмана гр. К. Г. Разумовскаго, и служилъ потомъ въ канцеляріи Румянцова. Его случай при дворѣ продолжался не долго, но онъ успѣлъ пріобрѣсти значеніе на обыкновенной службѣ и въ послѣдствіи, при Александрѣ, былъ первымъ министромъ просвѣщенія. Ниже увидимъ, какъ Державинъ сталкивался съ нимъ на разныхъ путяхъ, и всегда враждебно.

женномъ для сего краула, былъ командированъ Измайловскаго полку маіоръ Федоръ Яковлевичь Олсуфьевъ (1), самой человѣкъ добрый и честный, любилъ, сколько и гдѣ возможно, оказывать благотвореніе. Державинъ, потерявъ всю надежду на Потемкина, выпросилъ у сего Олсуфьева дозволеніе подать къ Императрицѣ прошеніе о своей наградѣ. Онъ ему позволилъ. Письмо было слово отъ слова слѣдующаго содержанія:

« Всемилостивѣйшая Государыня! Ежели и самая жертва жизни ничто иное есть, какъ только долгъ Государю и отечеству, то никогда и не помышлялъ я, чтобъ малѣйшіе мои труды, въ прошедшее мятежное безпокойство, заслуживали какое либо себѣ уваженіе. Но когда, Всемилостивѣйшая Государыня, великой прозорливости Вашего Императорскаго Величества праведно показалось воззрѣть на трудившихся въ то же время, и по особливой матерней щедротѣ получили товарищи мои, бывшіе со мною въ одной коммиссіи Лунинъ, Мавринъ, Собакинъ и Горчаковъ, по желанію, награжденія, остался я одинъ ненагражденнымъ. Чувствуя всю тягость несчастія быть лишеннымъ милости славящейся Государыни щедротами въ свѣтѣ и сравнивъ себя, можетъ быть по легкомыслію, съ ними, нахожу, что я странствовалъ годъ цѣлой въ гнѣздѣ бунтовщиковъ, былъ въ опасностяхъ, проѣзжалъ средь ихъ, имѣя въ прикрытіе свое одну свою голову, не такъ какъ они города и войска, во все сіе время не имѣлъ у себя ниже въ письмѣ помощника, а исполнялъ тоже что они; сверхъ того, когда еще войска не пошли и къ Оренбургу, я былъ отъ покойнаго генерала Бибикова. посланъ съ секретными наставленіями о наблюденіи за самыми войсками, идущими для очищенія Самарской линіи; былъ въ сраженіяхъ и возвратяся заслужилъ похвалу. Потомъ, находясь при немъ съ мѣсяцъ, имѣлъ важную повѣренность сочинять журналъ всѣмъ къ нему присланнымъ повелѣніямъ, репортамъ и отъ него даннымъ диспозиціямъ. А когда вой-

---

(1) Двоюродный племянникъ извѣстнаго статсъ-секретаря Адама Васильевича Олсуфьева, управлявшаго въ то время собственной канцеляріей императрицы Екатерины II-й.

ска пошли къ Оренбургу, то я же опять долженъ былъ, запечатавъ начатой мною журналъ, ѣхать въ новую посылку на рѣку Иргизъ. Тамъ будучи, сдѣлалъ чрезъ посланныхъ отъ меня лазутчиковъ злодѣямъ диверсію пробраться отъ Уральскаго городка по Иргизу на заволжскія провинціи, гдѣ въ защиту ихъ никакихъ войскъ не было. Свидѣтельствую сіе злодѣйскимъ письмомъ, присланнымъ ко мнѣ уже послѣ, въ осторожность, отъ генерала князя Голицына. Послѣ того воспрепятствовалъ вытребованными командами бѣжавшимъ отъ Самарской линіи Ставропольскимъ Калмыкамъ разорять Иргизскія селенія и скрыться за предѣлы государства, что̀ свидѣтельствую ордерами генерала князя Щербатова. Напослѣдокъ удержать отъ несогласія начальниковъ погибающій Саратовъ, сколько моего усердія показалъ, то самое событіе оправдало, когда по упадку духа и по разврату робкихъ сердецъ не слѣдовали первымъ зрѣлымъ положеніемъ, которыя я предлагалъ и подтвердилъ, и что при семъ несчастномъ случаѣ, не выступая изъ своей должности, не бралъ на себя ничего лишняго, на то имѣя одобреніе генераловъ Потемкина, князя Щербатова и Голицына; и что я не долженъ причитаться отъ паденія Саратова къ тѣмъ разсѣяннымъ, которые, оставя посты свои, довольными войсками подкрѣпленные, явились въ Царицынѣ; но и въ самыхъ крутизнахъ несчастія, подвергаясь явнымъ опасностямъ, былъ почти два раза въ рукахъ Пугачева; для точнаго извѣстія о его оборотахъ, пробылъ нѣсколько дней еще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самое жесточайшее зло существовало и донеся о всемъ, о чѣмъ только нужно было, близь находящимся генераламъ, напослѣдокъ во время всемѣстнаго злоключенія, когда по нагорной сторонѣ Волги жительства бунтовали, а по луговой разсыпавшіеся Киргизъ Кайсаки разсхищали иностранныя колоніи и былъ Саратовъ вторично въ опасности, то я, собравъ крестьянъ, вооружилъ ихъ и оградилъ тѣ колоніи кордономъ, а остальными моими людьми преслѣдовавъ хищниковъ Кайсаковъ, въ степи разбилъ, побилъ, нѣсколько взялъ живыхъ и избавилъ изъ ихъ плѣна однихъ колонистовъ около 1000 человѣкъ, чему имѣю свидѣтельство благодарный ордеръ князя Голицына.

Въ самой же поимкѣ Самозванца, ежели я не имѣлъ чрезъ посланныхъ моихъ людей счастія, то и никто не можетъ тѣмъ похвалиться; но первое извѣстіе, что онъ пойманъ, я первой всюду далъ знять, за что многіе получили чины. Имѣвъ кредитивы отъ покойнаго генерала Бибикова, не употребилъ ихъ во зло и не болѣе издержалъ денегъ въ продолженіи всей моей коммиссіи 600 рублей; доставилъ нужныхъ людей Секретной Коммиссіи, и уповаю, во всей тамошней области никакихъ не съищется на меня жалобъ. Между тѣмъ во все то время, отдавая спасенныя мною имѣнія ихъ владѣльцамъ, какъ то немалое количество казенныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ денегъ и скота, принадлежащаго колоніямъ, на что имѣю квитанціи, лишился я всего собственнаго моего имущества въ Оренбургскомъ уѣздѣ и въ Казани, даже мать моя претерпѣла злодѣйскій плѣнъ. Попросить же щедротъ Вашего Императорскаго Величества, чтобъ взять изъ учрежденныхъ въ губерніяхъ банковъ денегъ, не могъ, ибо имѣніе мое заложено въ С. Петербургскомъ банкѣ.

Всѣ сіи произшествія сравнивъ съ дѣяніями товарищей моихъ, вижу, Всемилостивѣйшая Государыня, что я несчастливъ. Прошлаго года въ Москвѣ принималъ я смѣлость просить его свѣтлость князя Григорія Александровича Потемкина, яко главнаго моего начальника, заступить меня ходатайствомъ своимъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и получилъ отзывъ, что Вы, Всемилостивѣйшая Государыня, не оставите воззрѣть на мое посильное усердіе, изъявить Монаршее благоволеніе, наградить меня, почему и приказалъ мнѣ его свѣтлость ожидать онаго. Теперь наступилъ тому другой годъ; надежда моя изчезла, и я забытъ. Представляется мнѣ, что не нахожусь ли за что подъ гнѣвомъ человѣколюбивой и справедливой монархини. Мысль сія меня умерщвляетъ, Государыня! Ежели я преступникъ, да не попуститъ вины моей или заслуги болѣе долготерпѣніе Твое безъ воздаянія. »

Письмо сіе подано въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ Петергофѣ въ присутствіи тамо Императрицы ея статсъ секретарю и полковнику, что былъ послѣ графомъ и княземъ, Александру

Андрѣевичу Безбородкѣ (1), съ приложеніемъ всѣхъ документовъ, на которые въ немъ была ссылка. По возвращеніи двора въ Петербургъ, господинъ Безбородко объявилъ просителю, что воспослѣдовало на оное Ея Величества благоволеніе, и сказалъ бы онъ, какого награжденія желаетъ. Сей отвѣчалъ, что не можетъ назначить и опредѣлять мѣры щедротъ Всемилостивѣйшей Государыни; но когда удостоена Ея благоволенія его служба, то послѣ того уже ничего не желаетъ и будетъ всѣмъ доволенъ, чтó ни будетъ ему пожаловано; ибо по жребію, чрезъ игру вышесказанной фортуны, не имѣлъ уже онъ такой нужды какъ прежде, заплатя долгъ въ банкъ за Маслова до 20.000 рублей и исправясь съ избыткомъ, не только всѣмъ нужнымъ, но и вещами, прихоти его удовлетворяющими, такъ что между своими собратіями и одѣтъ лучше другихъ былъ, и жизнь велъ пріятную, не уступая самымъ богачамъ. Въ сіе время коротко спознакомился съ Алексѣемъ Петровичемъ Мельгуновымъ (2), Степаномъ Васильевичемъ Перфильевымъ, съ княземъ Александромъ Ивановичемъ Мещерскимъ (3), съ Сергѣемъ Васильевичемъ

(1) 1746—1799. Безбородко, будущій главный государственный дѣлецъ, съ которымъ Державинъ находился потомъ въ постоянныхъ и ближайшихъ сношеніяхъ по службѣ, въ это время только что входилъ въ силу. Годъ тому назадъ онъ пріѣхалъ въ Москву на торжество Турецкаго мира. Рекомендованный Румянцовымъ, канцеляріею котораго онъ завѣдывалъ во время войны, и стариннымъ другомъ Екатерины гр. Кир. Гр. Разумовскимъ, въ домѣ котораго, вмѣстѣ съ другими Малороссіянами, онъ жилъ въ первой молодости, Безбородко поступилъ къ Государынѣ для принятія прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя.

(2) Род. около 1725 г. ум. 1788. Д. тайный совѣтникъ и сенаторъ Московскаго департамента. Въ это время онъ занималъ должность президента Камеръ-коллегіи, завѣдывалъ казенными винокуренными заводами и былъ близокъ съ Потемкинымъ. Державинъ могъ коротко познакомиться съ нимъ между прочимъ и по тому, что Мельгуновъ во всю свою жизнь любилъ исторію, древности, словесность и всякое просвѣщеніе. Онъ былъ другъ Ивана Ивановича Шувалова, чрезъ него разбогатѣлъ и дошелъ до большихъ чиновъ еще въ царствованія Елизаветы и Петра III. Екатерина не очень его жаловала, потому что онъ нѣкогда, при Елизаветѣ, держалъ сторону В. Князя Петра Ѳедоровича и былъ орудіемъ враговъ ея, Шуваловыхъ. Кромѣ того Мельгуновъ считался мартинистомъ, и вѣроятно въ его домѣ или обществѣ Державина приглашали участвовать въ Масонскихъ ложахъ, отъ чего онъ всегда отказывался. (См. Объясненія, Львова, II, 35.).

(3) Державинъ обезсмертилъ имена этихъ друзей своихъ одою на смерть втораго изъ нихъ:

Бекленишевымъ ([1]) и прочими довольно знатными господами, ведущими жизнь веселую и даже роскошную. Сіе продолжалось до Ноября мѣсяца того 1776 года ([2]); а какъ возвра-

---

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?...
Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ конечно.

Генералъ маіоръ Перфильевъ нѣкогда состоялъ кавалеромъ при В. К. Павлѣ Петровичѣ, во время его воспитанія: о немъ упоминается, въ Запискахъ Порошина.—Кн. Мещерскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ президентъ, Петербургскаго магистрата, потомъ главный судья Таможенной Канцеляріи, славился широкою жизнію и хлѣбосольствомъ. Перфильевъ и Мещерскій были большіе друзья между собою. Это представители тогдашняго сибаритства.

(1) Беклемишевъ служилъ въ это время вицепрезидентомъ Коммерцъ-коллегіи (См. Россійск. Родословную книгу кн. П. В. Долгорукова, ч. IV, стр. 285).— Державинъ, вѣроятно, сблизился со всѣми этими людьми по Масловскому дѣлу въ банкѣ.

(2) Въ этомъ 1776 году Державинъ написалъ:

19. *Петру Великому*, I, 456. Въ этой піесѣ замѣчательны стихи:

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.
Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ:
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.

Въ послѣднемъ стихѣ очевидный намекъ на тогдашнее положеніе Державина. По какой то, намъ непонятной причинѣ эта піеса часто пѣлась въ Масонскихъ ложахъ. (см. у Львова, II, 35).

20. *Монументъ Петра Великаго*, I, 454. Съ намеками на то, что сила царей состоитъ исключительно въ любви подданныхъ и съ приглашеніемъ царямъ — подражать Петру:

Пускай въ подсолнечную трубитъ
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ;
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги—прахъ.

Обѣ эти піесы написаны по тому случаю, что въ это время отливалась знаменитая Фальконетова статуя Петра великаго.

21. *Пикники*, II, 96. (Пѣсня, сочиненная для пировъ и загородныхъ прогулокъ у А. П. Мельгунова. У него была дача на такъ называемомъ Мишиномъ острову, см. Записки Порошина, стр. 342).

22. Первоначальная редакція піесы: *Успокоенное невѣріе* I, 48

тился тогда изъ Новагорода посредствомъ письма своего къ Императрицѣ, поданнаго княземъ Вяземскимъ, князь Потемкинъ ([1]), то въ одинъ день, въ Декабрѣ уже мѣсяцѣ, когда наряженъ былъ онъ Державинъ во дворецъ на краулъ и съ ротою стоялъ во фронтѣ по Миліонной улицѣ, то чрезъ ординарца позванъ былъ къ князю. Допущенъ будучи въ кабинетъ, нашелъ его сидящаго въ креслахъ и кусающаго по привычкѣ ногти. Коль скоро его князь увидѣлъ, то по нѣкоторомъ молчаніи спросилъ, чего вы хотите. Державинъ, не могши скоро догадаться, доложилъ, что онъ не понимаетъ, о чемъ его свѣтлость спрашиваетъ. «Государыня приказала спросить, сказалъ онъ, чего вы по прошенію вашему за службу свою желаете?»—«Я уже имѣлъ счастіе чрезъ господина Безбородку отозваться, что я ничего не желаю, коль скоро служба моя благоугодною Ея Величеству показалась».—«Вы должны непремѣнно сказать,» возразилъ вельможа. «Когда такъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ отозвался проситель: за производство дѣлъ по Секретной Коммисіи желаю быть награжденнымъ деревнями равно съ сверстниками моими, гвардіи офицерами; а за спасеніе колоній по собственному моему подвигу, какъ за военное дѣйствіе, чиномъ полковника.»—«Хорошо,» князь отозвался, «вы получите.» Съ симъ словомъ лишь только вышелъ изъ дверей, встрѣтилъ его неблагопріятельствующій маіоръ

(это стихотвореніе сдѣлало Державина извѣстнымъ между тогдашними литераторами и любителями словесности. Онъ сочинилъ его послѣ чтенія разныхъ иностранныхъ книгъ и выразилъ въ немъ свой переходъ отъ неопредѣленныхъ теорій къ положительнымъ и яснымъ правиламъ религіи, которымъ и оставался вѣренъ во всю жизнь. Послѣ Читалагайскихъ одъ, переведенныхъ изъ сочиненій Фридриха Великаго, это вторая попытка Державина излагать въ стихахъ философическіе предметы. Вѣнцомъ этого направленія была ода *Богъ.*)

Около этого же времени, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ перевелъ двѣ пѣсни тогда только что вышедшей Клопштоковой Мессіады; но рукопись затерялась у директора академіи наукъ Домашнева, которому была отдана на прочтеніе.

(1) Объ этой отлучкѣ Потемкина ничего не было извѣстно по обнародованнымъ доселѣ извѣстіямъ о немъ.

Толстой, и съ удивленіемъ спросилъ: « Что вы здѣсь дѣлаете?» — « Былъ позванъ княземъ объявить мое желаніе по повелѣнію Государыни,» и словомъ, пересказалъ ему все безъ утайки. Онъ выслушавъ, тотчасъ пошелъ къ князю. Вышедши чрезъ четверть часа отъ него, сказалъ: «Вдругъ быть полковникомъ всѣмъ покажется много; подождите до новаго года; вамъ по старшинству достанется въ капитаны-поручики, тогда и можете уже быть выпущены полковникомъ.» Нечего было другаго дѣлать, какъ ждать. Вотъ наступилъ и новой 1777 годъ, и конфирмованъ поднесенный отъ полку докладъ, въ которомъ пожалованъ я въ бомбардирскіе поручики, что̀ тоже какъ и капитанъ-поручикъ; потомъ и Генварь прошелъ, а объ обѣщанной наградѣ и слуху не было. Принужденъ былъ еще толкаться у князя въ передней. Наконецъ въ Февралѣ, проходя толпу просителей въ его пріемной залѣ, ѣдучи прогуливаться и увидѣвъ Державина, сказалъ правителю его канцеляріи, бывшему тогда подполковнику Ковалинскому ([1]), сквозь зубовъ: « Напиши о немъ докладную записку. » Ковалинскій, не знавъ содержанія дѣла, не зналъ что писать, просилъ самаго просителя, чтобъ онъ написалъ. Сей изготовилъ по самой справедливости, ознаменовалъ при томъ желаніе произвесть полковникомъ въ армію ([2]). Чрезъ нѣсколько дней увидясь, сказалъ, что князь не апробовалъ его записки, потому только, что маіоръ Толстой внушалъ ему, что вы въ военную службу не способны, то и велѣлъ заготовить записку другую о выпускѣ васъ въ статскую службу. Державинъ представлялъ ему, что онъ за военные подвиги представляется къ награжденію и не хочетъ быть статскимъ

---

(1) Михаилъ Ивановичь Ковалинскій, Малороссъ, ученикъ и другъ знаменитаго Сковороды, путешествовавшій по Европѣ въ должности наставника при гр. Алексѣѣ Кириловичѣ Разумовскомъ, правилъ потомъ Рязанскимъ намѣстничествомъ, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ кураторомъ Московскаго Университета. Мѣсто его при Потемкинѣ—занялъ его непріятель Турчаниновъ, сдѣлавшійся потомъ статсъ-секретаремъ.

(2) Любопытно замѣтить, сколько разъ судьба отклоняла Державина отъ будущаго его поприща, и какъ до сихъ поръ обильна была случайностями и внезапными переходами жизнь его.

чиновникомъ, просилъ еще доложить князю и объяснить желаніе его въ военную службу; но какъ некому было подкрѣпить сего его исканія, ибо никого не имѣлъ себѣ близкихъ къ сему полномочному военному начальнику пріятелей, то князь и по второму докладу, какъ Ковалинскій сказывалъ, на выпускъ его въ армію не согласился. А для того и принужденъ онъ былъ, хотя съ огорченіемъ, вступить на совсѣмъ для него новое поприще.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Съ окончанія военной прехожденіе статской службы, въ среднихъ чинахъ, по отставку (Съ Февр. 1777 по Май 1784).

15 числа сего Февраля даны Правительствующему Сенату два указа, изъ коихъ однимъ пожалованъ онъ въ коллежскіе совѣтники и велѣно дать ему мѣсто по его способности, другимъ пожаловано ему 300 душъ въ Бѣлорусской губерніи, на которыя приказано заготовить грамоту и поднесть къ Высочайшему подписанію ([1]). Очутясь въ статской службѣ, должно было искать знакомства между знатными людьми, могущими доставить мѣсто въ оной. Скоро чрезъ семейство господъ Окуневыхъ, изъ коихъ старшій братъ тогда вы-

(1) Державинъ благодарилъ Екатерину за эти милости и тогда же напечаталъ особою тетрадкою, безыменно:

23. *Письмо къ императрицѣ или изліяніе благодарнаго сердца* (у Остолоп., стр. 13; въ собраніе сочиненій не вошло).

Въ исходѣ того же 1777 года, въ одно время съ Читалагайскими одами, онъ напечаталъ еще брошюру, тоже безыменно:

24. *Епистола Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Шувалову, на прибытіе его изъ чужихъ краевъ въ С. Петербургъ, 1777 года Сентября 17 дня.* Въ слѣдующемъ году, будучи въ Казани, Державинъ передѣлалъ ее, какъ кажется, распространилъ и вновь напечаталъ въ Августовской книжкѣ С. Петербургскаго Вѣстника 1779 года, откуда она перешла только въ одно первое, Московское собраніе его сочиненій (1798). Эта эпистола весьма замѣчательна по независимости и смѣлости сужденій и самыхъ похвалъ: въ ней уже подробно и рѣзко излагается мнѣніе Державина объ обязанностяхъ вельможи. Онъ написалъ ее тотчасъ по возвращеніи Шувалова изъ за границы, и еще въ Октябрѣ посылалъ въ журналъ Новикова *Утренній Свѣтъ*; но тамъ ея не приняли, быть можетъ потому, что Шуваловъ слылъ послѣдователемъ энциклопедистовъ, т. е. принадлежалъ къ противоположному направленію. (См. статью Я. К. Грота, въ Соврем. 1845, № 4, стр. 42.). Къ этому же времени относится:

25. Переводъ въ прозѣ идилліи Клейста *Иринъ*, помѣщенный въ Октябрьской книжкѣ *Утренняго Свѣта*. (См. статью Я. К. Грота, въ Совр. 1845 г. № 11, стр. 114).

далъ дочь свою за князя Урусова, двоюроднаго брата генералъ прокурорши княгини Елены Никитишны Вяземской, спознакомился съ домомъ сего сильнаго вельможи, могущаго раздавать статскія мѣста, будучи позванъ къ нему на свадебный балъ (1). Съ сихъ поръ часто у него бывалъ, и про-

---

(1) *Кн. Александръ Алексѣевичь Вяземскій* (род. 3 Авг. 1727, ум. 8 Янв. 1793) имѣлъ большое вліяніе на судьбу Державина, и потому нѣсколько словъ о немъ будутъ не лишними здѣсь. Онъ воспитывался въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ въ одно время съ Херасковымъ и Елагинымъ и пріобрѣлъ тамъ основательныя познанія въ Нѣмецкомъ языкѣ. Происходя отъ древняго и знатнаго, но захудалаго рода, Вяземскій возвысился, благодаря собственному труду: отецъ его былъ только флотскимъ лейтенантомъ. Еще въ ранней молодости, въ Семилѣтнюю войну, обнаружились способности его къ службѣ, преимущественно по исполнительной части: ему давали тогда какія то тайныя порученія, исполненіе которыхъ сопряжено было даже съ опасностью жизни (см Словарь Бант. Каменскаго). Потомъ онъ служилъ квартирмейстеромъ и въ 1763 г. усмирилъ возстаніе крестьянъ на Сибирскихъ заводахъ. Екатерина рано отгадала въ немъ необыкновенно точнаго и смышленнаго исполнителя, и не усомнилась дать ему одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей—генералъ-прокурора въ Сенатѣ. При этомъ она написала ему свое знаменитое, нынѣ обнародованное *Секретнѣйшее наставленіе* — памятникъ ея правительственной прозорливости, практической мудрости и довѣрія къ Вяземскому. «Увижу я отъ васъ вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе, тогда вы ласкать себя можете получить отъ меня повѣренность безпредѣльную... Надѣюсь вамъ опытами доказать, что и у двора люди съ этими качествами живутъ благополучно». Назначеніе Вяземскаго въ генералъ-прокурорскую должность долго удивляло современниковъ. Въ дневникѣ Порошина (17 Нояб. 1765) читаемъ: «Никита Ивановичь (Панинъ) изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ г. прокурорѣ кн. Вяземскомъ и удивляться, какъ фортуна его въ это мѣсто поставила; упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе». «Ваше величество дѣлаете чудеса, говаривалъ потомъ Румянцевъ Екатеринѣ, изъ обыкновеннаго квартирмейстера у васъ вышелъ государственный человѣкъ.» 29 лѣтъ сряду, почти во все продолженіе Екатеринина царствованія, черезъ руки Вяземскаго проходили всѣ внутреннія дѣла Россіи. Екатерина видимо гордилась имъ, какъ своимъ созданіемъ, привыкла къ нему и не покидала до самой его смерти.—Общественное положеніе свое кн. Вяземскій упрочилъ, породнившись съ однимъ изъ знатнѣйшихъ въ то время домовъ, съ кн. Трубецкими. Онъ женился на кн. *Еленѣ Никитишнѣ* (род. 27 Дек. 1745, ум. 14 Окт. 1832), второй дочери бывшаго при Елизаветѣ ген. прокуроромъ князя Никиты Юрьевича Трубецкаго. (Онъ былъ еще живъ, когда Вяземскій получилъ ген. прокурорскую должность). Силу Вяземскаго при дворѣ конечно поддерживала старшая сестра Елены Никитишны, Анна Нарышкина, близкая и давняя пріятельница Екатерины, жившая въ самомъ дворцѣ. Кромѣ того его шуринъ, кн. Юрій Никитичь Трубецкой былъ женатъ на гр. Дарьѣ Алексѣевнѣ Румянцевой, сестрѣ Задунайскаго и графини П. А. Брюсъ, тоже весьма при-

водя съ нимъ дни, забывая время въ карточной, тогда бывшей въ модѣ, игрѣ въ вистъ, хотя никогда въ ней ни счастливо, ни несчастно играть не умѣлъ, но платилъ всегда проигранныя деньги исправно и съ веселымъ духомъ; потому наиболѣе, что князь велъ игру съ малочиновными и небогатыми людьми весьма умѣренную. Таковымъ поступкомъ, всегда благороднымъ и смѣлымъ, понравился ему, пріобрѣлъ его благоволеніе; при всемъ томъ съ Февраля по Августъ не могъ быть никуды помѣщеннымъ. А какъ очистилось тогда Сената въ первомъ департаментѣ экзекуторское мѣсто, которое предъ тѣмъ занималъ отецъ новобрачной, господинъ Окуневъ, получа выгоднѣйшее съ чиномъ статскаго совѣтника, при строеніи церкви Невскаго монастыря, Державинъ, пріѣхавъ въ одинъ день поутру рано на дачу генералъ прокурора, лежащую на взморьѣ близъ Екатерингофа, нашелъ его чешущимъ волосы и бѣдную старуху, стоящую у дверей. Подшедши просилъ его о помѣщеніи на порозжую ваканцію. Онъ, не отвѣчавъ ни слова, приказалъ ему принять отъ той престарѣлой женщины бумагу, ею державмую, и прочетши про себя, сказать ему ея содержаніе. Онъ прочелъ, пересказалъ, и князь, взявъ у него, ее собственнымъ обозрѣніемъ повѣрилъ, положилъ предъ себя на столикъ и на него взглянувъ, сказалъ: «Вы получите желаемое вами мѣсто», и тотъ же день, поѣхавъ въ Сенатъ, далъ о томъ предложеніе. Должность сія, по отступленіи отъ инструкціи Петра Великаго, хотя была тогда уже не весьма важная, однако довольно видная. Отправляя ее, скоро пріобрѣлъ онъ знакомство всѣхъ господъ сенаторовъ и значущихъ людей въ семъ карьерѣ, а особливо бывая всякой день въ домѣ генерала прокурора. Княгиня собствен-

ближенной къ Екатеринѣ. — Съ кн. Урусовыми Вяземскіе были въ родствѣ потому, что родная по матери тетка Елены Никитишны, Ирина Даниловна, была за мужемъ за кн. Сергѣемъ Васил. Урусовымъ. Первому сближенію Вяземскаго съ Державинымъ могло содѣйствовать московское знакомство послѣдняго съ Херасковымъ, сводныцъ по матери братомъ кн. Елены Никитишны. Впослѣдствіи отношенія совершенно измѣнились; но на сколько чистой правды въ отзывахъ Державина о своемъ начальникѣ, теперь еще рѣшить трудно. Подробная біографія кн. Вяземскаго была бы существеннымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической и юридической литературы.

ною своего персоною была благосклонна, и мысли ея были выдать за него въ замужество сестру свою двоюродную княжну Катерину Сергѣевну Урусову, славную стихотворицу того времени (1), такъ что объ этомъ ему нѣкоторые ближніе къ ней люди и говорили; но онъ, имѣя прежнія связи, отшутился отъ сего предложенія, сказавъ, что она пишетъ стихи, да и я мараю, то мы все забудемъ, что и щей сварить некому будетъ. Словомъ онъ былъ нѣкотораго рода любимцемъ сего весьма уважаемаго дома. Съ княземъ повечерамъ для забавы иногда игралъ въ карты; а иногда читалъ ему книги, большею частію романы, за которыми нерѣдко и чтецъ и слушатель дремали. Для княгини писалъ стихи похвальные въ честь ея супруга, хотя насчетъ ея страсти и привязанности къ нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать другъ другу свободу.

Въ семъ году, около Мая мѣсяца, случилось съ нимъ нѣсколько сначала забавное приключеніе, но послѣ важное, которое перемѣнило его жизнь. Меньшій изъ братьевъ Окуневыхъ поссорился, бывъ на конскомъ бѣгу, съ вышеупомянутымъ Алексанромъ Васильевичемъ Храповицкимъ, бывшимъ тогда при генералѣ прокурорѣ сенатскимъ оберъ прокуроромъ въ великой силѣ. Они ударили другъ друга хлыстиками, и наговоривъ множество грубыхъ словъ, рѣшились ссору свою удовлетворить поединкомъ. Окуневъ, прискакавъ къ Державину, просилъ его быть съ его стороны секундантомъ, говоря, что отъ Храповицкаго будетъ служившій тогда въ Сенатѣ секретаремъ, что̀ нынѣ директоръ Дворянскаго Банка, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Семеновичъ Хвостовъ (2). Что дѣлать?

---

(1) См. перечень трудовъ ея въ Молвѣ 1837 г., № 34. Въ это самое время она напечатала свои *Ироиды, музамъ посвященныя* (Спб. 1777). Позднѣе, въ 1811 г., встрѣчаемъ ее почетнымъ членомъ Бесѣды Люб. Русскаго Слова. Она такъ и осталась незамужнею.

(2) *Александръ Семеновичъ Хвостовъ* († 1820), въ молодости ѣздившій при посольствѣ въ Царьградъ и потомъ дослужившійся до большихъ чиновъ, былъ извѣстенъ какъ остроумнѣйшій собесѣдникъ. Въ 1811 году онъ былъ предсѣдателемъ 3-го разряда въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова. Отъ него осталось нѣсколько переводовъ и стихотвореній. Всего болѣе славилась его

Съ одной стороны короткая пріязнь препятствовала отъ сего посредничества отказаться, съ другой соперничество противъ любимца главнаго своего начальника, къ которому едва только сталъ входить въ милость, ввергало его въ сильное недоумѣніе. Далъ слово Окуневу съ тѣмъ, что ежели оберъ прокуроръ перваго департамента, Рязановъ у котораго онъ въ непосредственной состоялъ командѣ, который тоже былъ любимецъ генерала-прокурора и сей какъ Державинъ, по нѣкоторымъ связямъ въ короткой пріязни, не попротивурѣчитъ сему посредничеству; а ежели сей того не одобритъ, то онъ уговоритъ друга своего вышеупомянутаго Гасвицкаго (1), который былъ тогда уже маіоромъ. Съ таковымъ предпріятіемъ поѣхалъ онъ тотчасъ къ господину Рязанову, его не нашелъ дома: сказали, что онъ обѣдаетъ у господина Тредіяковскаго, бывшаго тогда старшаго члена Герольдіи, который по сей части былъ весьма значущій человѣкъ. Хотя сей жилъ на Васильевскомъ острову, но онъ и туда поѣхалъ. Уже былъ вечеръ. При самомъ входѣ въ покой встрѣчается съ нимъ бывшая кормилица Великаго Князя Павла Петровича, который былъ послѣ Императоромъ, г-жа Бастидонова съ дочерью своею дѣвицею лѣтъ 17-ти, поразительной для него красоты, а какъ онъ ее видѣлъ въ первой разъ въ домѣ господина Козодавлева (2), служившаго тогда во второмъ Сената депар-

---

шуточная ода—*къ безсмертію* (напеч. въ X части Собесѣдника, въ 1783 г., стр. 165):

Хочу къ безсмертью пріютиться,
Нанять у славы уголокъ;
Сквозь кучу рифмачей пробиться,
Связать изъ мыслей узелокъ....
Хочу проселочной дорогой
На долгихъ ѣхать на Парнассъ и пр.

Нѣсколько любопытныхъ свѣденій о Хвостовѣ можно найти въ Раутѣ 1834 г., изд. Н. В. Сушкова, въ статьѣ о Храповицкомъ.

(1) См. главу 2-ю, стр. 41.

(2) *Осипъ Петровичъ Козодавлевъ*, бывшій при Александрѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, учился вмѣстѣ съ Радищевымъ въ Лейпцигѣ. Онъ написалъ комедіи *Перстень* (1780) и *Нашла коса на камень* (1781), не имѣвшія успѣха. Кн. Дашкова говоритъ, что много статей и стиховъ его находится въ *Собесѣдникѣ*, печатаніемъ котораго онъ, кажется, завѣдывалъ. За-

таментѣ екзекуторомъ же, смотрѣвшаго съ нимъ вмѣстѣ на Литейной шествіе духовной процессіи въ Невской монастырь, бываемой ежегодно Августа 30 дня въ день Александра Невскаго: тогда она уже ему понравилась, но только примѣчалъ нѣкоторую блѣдность въ лицѣ, а потомъ въ другой разъ въ театрѣ неожиданно она его изумила; то тутъ въ третій разъ, когда она остановилась въ передней съ матерью ожидая, когда подадутъ карету, не вытерпѣлъ уже онъ и сказалъ разговаривавшему съ нимъ Рязанову о томъ, за чѣмъ пріѣхалъ, что онъ на сей дѣвушкѣ, когда она пойдетъ за него, женится. Сей засмѣялся, сочтя таковую скорую рѣшительность за шутку.—Разговоръ кончился; матерь съ дочерью уѣхали, но послѣдняя осталась неизгладимою въ сердцѣ. Хотя дуель, по несысканію Гасвицкаго, остался на его отвѣтѣ. Должно было выѣхать въ Екатерингофъ, на другой день въ назначенномъ часу. Когда шли въ лѣсъ съ секундантами соперники, то послѣдніе, не будучи отважными забіяками, скоро примирены были первыми безъ кровопролитія; и когда враги между собою цѣловались, то Хвостовъ сказалъ, что должно было хотя немножко поцарапаться, дабы не было стыдно. Державинъ отвѣчалъ, что никакого въ томъ стыда, когда безъ бою помирились. Хвостовъ спорилъ, и слово за слово дошло было у посредниковъ до драки: обнажили шпаги и стали въ позитуру, будучи по поясъ въ снѣгу; но тутъ опрометью вышедшій только изъ бани разгорѣвшійся какъ пламень Гасвицкой съ разнаго рода орудіями, съ палашами, саблями, тесаками и проч. бросившись между рыцарей, отважно пресѣкъ битву, едва ли быть могущую тоже смертоносною. Тутъ зашли въ трактиръ, выпили по чашкѣ чаю, а охотники пуншу, кончили страшную войну съ обоюднымъ тріумфомъ. И какъ среди бурнаго сего происшествія не вышла красавица изъ па-

---

нимаясь по порученію кн. Дашковой академическимъ изданіемъ сочиненій Ломоносова (6 т, 1784—1787), Козодавлевъ позволялъ себѣ исправлять слогъ его; по этому случаю А. С. Хвостовъ написалъ на него эпиграмму (См. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858 г. статью о Радищевѣ, въ 23 № стр. 400). Козодавлевъ слылъ человѣкомъ довольно тупымъ. Ниже читатели увидятъ, какъ отзывался о немъ Державинъ.

мяти у Державина, то, поѣхавъ съ Гасвицкимъ домой, открылся ему дорогою о любви своей и просилъ его быть между собою уже и побѣдительницею его посредникомъ; то есть на другой день въ объявленной при дворѣ маскерадъ, закрывшись масками, вмѣстѣ съ нимъ поискать дѣвицу, которая ему нравится и безпристрастными дружескими глазами ее посмотрѣть. Такъ и сдѣлали. Любовникъ тотчасъ увидѣлъ и съ восторгомъ громко воскликнулъ: «вотъ она!» такъ, что мать и дочь на нихъ пристально посмотрѣли. Во весь маскарадъ, слѣдуя по пятамъ за ними, примѣчали поведеніе особливо молодой красавицы, и съ кѣмъ она и какъ обращается. Увидѣли знакомство степенное и поступь дѣвушки во всякомъ случаѣ скромною и благородною, такъ что при малѣйшемъ пристальномъ на нее незнакомомъ взглядѣ, лице ея покрывалось милою, розовою стыдливостію. Вздохи уже изъ груди вырывались у влюбившагося экзекутора; а его товарищъ, человѣкъ простой, впрочемъ умной и прямодушный, ихъ одобрилъ. За чѣмъ дѣло стало? Державинъ уже имѣлъ нѣкоторое состояніе, какъ то: Государынею пожалованы 300 душъ, и дѣло о беззаконномъ залогѣ Масловымъ-отцемъ сыновняго имѣнія, по поручителевой просьбѣ и старанію въ Сенатѣ, а паче по покровительству генералъ прокурора, рѣшено такимъ образомъ, что выкуплено изъ казны отъ коммерческаго залога: велѣно въ удовлетвореніе истцовъ продать съ публичнаго торга, по которому и досталось покупкою Державину, а онъ скупилъ претензіи протчихъ и и замѣня свою внесъ всѣ обязательства вмѣсто наличныхъ денегъ, и сына-Маслова деревни въ Рязанской губерніи въ Михайловскомъ уѣздѣ,село Никольское съ деревнею,изъ коихъ выключа отцу на 7 часть, остальныхъ получилъ 300 душъ. И такъ составилось за нимъ съ материнскими и отцовскими и на его имя въ Москвѣ купленными около 1000 душъ, то и взялъ онъ намѣреніе порядочнымъ жить домомъ, а потому и рѣшился твердо въ мысляхъ своихъ жениться. Въ слѣдствіе чего и разсказалъ будто шуткою своимъ пріятелямъ, что онъ влюбленъ, называя избранную имъ невѣсту, ея именемъ. Въ первый день послѣ маскерада, то есть въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста, обѣдая у ге-

нералъ прокурора, зашла рѣчь за столомъ о волокитствахъ, бываемыхъ во время карнавала, а особливо въ маскерадахъ; Алексанръ Семеновичь Хвостовъ вынесъ на него прошедшаго дня шашни. Князь спросилъ, правда ли то, что́ про него говорятъ. Онъ сказалъ: правда. Кто такая красавица, которая столь скоропостижно плѣнила? Онъ назвалъ фамилію.

Петръ Ивановичь Кириловъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, правящій тогда Ассигнаціоннымъ Банкомъ, обѣдавъ вмѣстѣ, слышалъ сей шутливый разговоръ, и когда встали изъ за стола, то отведши на сторону любовника: «слушай, братецъ, не хорошо шутить на счетъ честнаго семейства. Сей домъ мнѣ коротко знакомъ; покойный отецъ дѣвушки, о коей рѣчь идетъ, мнѣ былъ другъ, онъ былъ любимый камердинеръ Императора Петра III-го, и она воспитывалась вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, котораго и называется молочною сестрою, да и мать ея то же мнѣ пріятельница; то шутить при мнѣ на счетъ сей дѣвицы я тебѣ не позволю. »—« Да я не шучу — отвѣтствовалъ Державинъ — я поистинѣ смертельно влюбленъ. »—« Когда такъ, сказалъ Кириловъ, что̀ ты хочешь дѣлать? »—« Искать знакомства и сватать. »—«Я тебѣ могу симъ служить. » А потому и положили на другой же день въ вечеру, будто ненарочно, заѣхать въ домъ Бастидоновой, что̀ и исполнено. Кириловъ, пріѣхавъ, рекомендовалъ пріятеля, сказавъ, что проѣзжая мимо, захотѣлось ему напиться чаю; то онъ и упросилъ, показывая на пріѣхавшаго войти къ нимъ съ собою. По обыкновенныхъ учтивостяхъ сѣли, и дожидаясь чаю, вступили въ общій, общежитейскій разговоръ, въ который иногда, съ великою скромностію, вмѣшивалась и красавица, вязавъ чулокъ. Любовникъ жадными очами пожиралъ всѣ пріятности его обворожившія и осматривалъ компату, приборъ, одежду и весь бытъ хозяевъ. Между тѣмъ, какъ дѣвка, встрѣтившая ихъ въ сѣняхъ съ сальною свѣчею въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, съ босыми ногами, тутъ уже подносила имъ чай, дѣлалъ примѣчанія свои на образъ мыслей матери и дочери, на опрятство и чистоту въ платьѣ, особливо послѣдней, и заключилъ, что, хотя они

люди простые и небогатые, но честные и благочестивые и хорошихъ нравовъ и поведенія; а притомъ дочь не безъ ума и не безъ ловкости, пріятная въ обращеніи, а потому она и не по одному прелестному виду, но и по здравому разсужденію ему понравилась, а болѣе еще тѣмъ, что сидѣла за работою и не была ни минуты праздною, какъ другія ея сестры непрестанно говорятъ и хохочутъ, кого либо пересуживаютъ, желая показать остроту свою и умѣнье жить въ большомъ свѣтѣ. Словомъ, онъ думалъ, что ежели на ной женится, то будетъ счастливымъ. Посидѣвъ такимъ образомъ часа два, поѣхали домой, прося позволенія и впредь къ нимъ быть въѣзжу новому знакомому. Дорогою спросилъ Кириловъ Державина о расположеніи его сердца. Онъ подтвердилъ страсть свою и просилъ убѣдительно сдѣлать настоятельное предложеніе матери и дочери. Онъ на другой же день то исполнилъ. Мать съ перваго разу не могла рѣшиться, а просила нѣсколько дней сроку, по обыкновенію распросить о женихѣ у своихъ пріятелей. Экзекуторъ втораго департамента Сената, Иванъ Васильевичь Еворской былъ также короткій пріятель дому Бастидоновыхъ. Женихъ, увидясь съ нимъ въ семъ правительствѣ, просилъ и его подкрѣпить свое предложеніе, отъ котораго и получилъ обѣщаніе; а между тѣмъ какъ мать распрашивала, Еворскій сбирался съ своей стороны ѣхать къ матери и дочери, дабы уговорить ихъ на согласіе. Женихъ, проѣзжая мимо ихъ дому, увидѣлъ подъ окошкомъ сидящую невѣсту, и имѣя позволеніе навѣщать ихъ, рѣшился заѣхать. Вошедши въ комнату, нашелъ ее одну, хотѣлъ узнать собственно ея мысли въ разсужденіи его, почитая для себя недостаточнымъ пользоваться однимъ согласіемъ матери. А для того, подошедши поцѣловалъ по обыкновенію руку и сѣлъ подлѣ нея. Потомъ, не упуская времени, спросилъ, извѣстна ли она чрезъ Кирилова о исканіи его? Матушка ея сказывала, она отвѣчала. Что она думаетъ? «Отъ нея зависитъ.»—«Но ежели отъ васъ, могу ли я надѣяться?»—Вы мнѣ не противны, сказала красавица въ полголоса закраснѣвшись. Тогда женихъ, бросясь на колѣна, цѣловалъ ея руку. Между тѣмъ Еворскій входитъ въ двери, удивляется и говоритъ: «Ба,

ба! и безъ меня дѣло обошлось! гдѣ матушка?» Она, отвѣчала невѣста, поѣхала развѣдать о Гаврилѣ Романовичѣ.» — «О чемъ развѣдывать, я его знаю, да и вы, какъ вижу, рѣшились въ его пользу, то, кажется, дѣло и сдѣлано.» Пріѣхала мать, и сдѣлали помолвку, но на сговоръ настоящій еще она не осмѣлилась рѣшиться безъ соизволенія его высочества наслѣдника Великаго Князя, котораго почитала дочери отцемъ и своимъ сыномъ. Чрезъ нѣсколько дней дала знать, что государь Великій Князь жениха велѣлъ къ себѣ представить. Ласково на единѣ принялъ въ кабинетѣ мать и зятя, обѣщавъ хорошее приданое, какъ скоро въ силахъ будетъ. Скоро, по прошествіи великаго поста, то есть 18 Апрѣля 1778 года, совершенъ бракъ (1).

---

(1) Первая жена Державина, Екатерина Яковлевна, оставила въ своихъ современникахъ самое свѣтлое воспоминаніе. Въ Запискахъ Дмитріева сказано о ней: «Съ пригожествомъ лица она соединяла образованный умъ и прекрасныя качества души, такъ сказать любивой и возвышенной. Она плѣнялась всѣмъ изящнымъ и не могла скрывать отвращенія своего отъ всего низкаго..... Воспитаніе ея было самое обыкновенное, какое получали тогда въ приватныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но она, по выходѣ въ замужство, пристрастилась къ лучшимъ сочиненіямъ французской и отечественной словесности. Въ обществѣ друзей своего супруга она пріобрѣла вѣрный вкусъ и здравое сужденіе о красотахъ и недостаткахъ сочиненія, отъ нихъ же, а болѣе отъ Н. А. Львова и А. Н. Оленина, получила основательныя свѣденія въ музыкѣ и архитектурѣ.» Кромѣ того, она умѣла рисовать и была искусная рукодѣльница: такъ напр. вышивала узоры по соломѣ и соломенными обоями убрала одну комнату въ своемъ домѣ.—По случаю помолвки своей, весною 1778 г., Державинъ написалъ къ ней стихотвореніе, подъ заглавіемъ;

26. *Невѣстѣ*, II, 147 (напечатанное только въ 1808 г.):

Какъ по челу власы ты разсыпаешь черны,
Румяная заря глядитъ изъ темныхъ тучъ,
И понтъ какъ голубой пронзаетъ звѣздный лучъ,
Такъ сердца глубину провидитъ взглядъ твой скромный.
Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой проводитъ время!
Счастливѣе того, кто нравится тебѣ:
Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя.

Черты лица показывали ея южное происхожденіе. По свидѣтельству Дмитріева, отецъ ея былъ родомъ Португалецъ. Вѣроятно онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать счастія вмѣстѣ со всякаго званія людьми, окружавшими Петра III, когда онъ былъ В. Княземъ. Близость Бастидоновыхъ къ Петру III и В. К. Павлу Петровичу, кажется, набрасывала на нихъ нѣкоторую тѣнь въ

Того же года въ Августѣ выпросился въ отпускъ на 4 мѣсяца, дабы показать новобрачную матери своей, жившей тогда въ Казанѣ. ([1]) Тамъ будучи, по уваженію знакомства своего въ Сенатѣ, кончилъ миролюбно сороколѣтнюю фамильную тяжбу матери своей съ сосѣдственнымъ помѣщи-

---

глазахъ Екатерины. Государыня, повидимому, не совсѣмъ жаловала тещу Державина; въ Запискахъ Храповицкаго читаемъ: «*13 Февраля 1792 г.* Сказали мнѣ послѣ доклада Державина, что онъ ходитъ съ такими просьбами, какими бабы разжалобили тещу и жену его.—*11 Марта*: говорено мнѣ о Державинѣ по случаю просьбы купца Милютина, гдѣ ссылается на просьбу Державину поданную, что Державинъ принимаетъ всѣ прошенія о деньгахъ, готовъ принять на милліонъ. Это работа его тещи. Говорено съ жаромъ.—*21 Апрѣля*: По просьбѣ Елмановой велѣно ей сказать: j'ai un coeur de roche и спросить Державина, не знакома ли ему? Теща его всѣхъ просительницъ знаетъ.»

(1) Изъ Казани, по хозяйственнымъ дѣламъ, Державинъ ѣздилъ одинъ въ Оренбургскую свою деревню. Когда онъ ѣхалъ назадъ къ женѣ и матери, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1778 г., рѣка Кама разлилась, и ему пришлось ждать переѣзда (Льв. III, 38). По этому случаю онъ тогда же сочинилъ:

27. *Пѣсенку отсутствующаго мужа* II, 148 (напечатана въ Февр. кн. Спб. Вѣстника 1779 г., въ собраніе сочиненій перешла подъ заглавіемъ *Препятствіе къ свиданію съ супругой*).

Къ тому же 1778 г., нѣсколько раньше, относятся піесы:

28. *На освященіе Каменноостровскаго Инвалиднаго дома* I, 127. Каменный островъ принадлежалъ тогда, если не ошибаемся, В. Кн. Павлу Петровичу, на молочной сестрѣ котораго женился Державинъ и въ честь котораго написалъ эти стихи. Любопытно замѣтить, что они появились въ печати не раньше какъ по воцареніи Павла, въ первомъ собраніи сочиненій Державина, въ 1798 г. Видно, похвалы, обращенныя исключительно къ В. Князю и Марьѣ Ѳеодоровнѣ, считались не совсѣмъ умѣстными въ царствованіе Екатерины.

29. *Кружка*, II, 116 (напеч. въ Сентябр. книжкѣ Спб. Вѣстника 1780 г.; получила большую извѣстность и положена на музыку придворнымъ гуслистомъ Трутовскимъ.

Съ 1778 г. по 1782-й Державинъ постоянно печатаетъ свои стихи въ Спб. Вѣстникѣ, ежемѣсячномъ журналѣ, который, судя по именамъ подписчиковъ, печатавшимся въ концѣ книжекъ, былъ очень распространенъ въ высшихъ и среднихъ классахъ общества. Обыкновенно считаютъ издателемъ Спб. Вѣстника Григорья Леонтьевича Брайко, чиновника Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; но его имя встрѣчается также въ числѣ подписчиковъ (Іюньская кн. 1778 г., стр. 496). Въ Некрологѣ Державина (Сынъ Отеч. 1816, ч. 31, стр. 76) сказано, что въ Вѣстникѣ напечатано и нѣсколько прозаическихъ піесъ его, но какія, мы не знаемъ.

30. *Идиллія на маскарадѣ, бывшій въ селѣ Александровскомъ у князя Вяземскаго* (въ собраніе сочиненій не вошла и, кажется, не была напечатана вовсе. Указана и отнесена къ этому году въ Некрологѣ Державина.

комъ Андрѣемъ Яковлевичемъ Чемодуровымъ, отъ котораго возвратилъ насильно отнятыя отцемъ его нѣсколько семействъ съ ихъ дѣтьми, уступя многочисленный денежный искъ; заложивъ, пріобрѣлъ себѣ 80 крестьянъ, а на другой годъ доставилъ ему свойственникъ его, бывшій въ Екатеринославлѣ губернаторомъ Иванъ Максимовичь Синельниковъ на Днѣпрѣ землю 6 тысячь десятинъ съ населенными на ней Запорожцами 130 душъ; ибо тогда по данной власти Государынею князю Потемкину, а отъ него губернаторамъ раздавать Крымскія и Днѣпровскія новопріобрѣтенныя земли изъ населенія ихъ безденежно; съ которыми при наступившей тогда скоро новой ревизіи и очутилось за нимъ въ теченіи двухъ годовъ около 1200 душъ; но болѣе уже въ продолженіе всей службы при занимаемыхъ мѣстахъ и многихъ способахъ не прибавлялось.

По возвращеніи изъ отпуска, вступилъ онъ въ прежнюю свою экзекуторскую должность и былъ въ оной по Декабрь 1780 года. Въ теченіи сихъ годовъ случились два замѣчательныя произшествія.

1) Въ 1779 году перестроенъ былъ подъ смотрѣніемъ его Сенатъ, а особливо зала общаго собранія, украшенная червленнымъ бархатнымъ занавѣсомъ съ золотыми фрижетами и кистями и лѣпными барельефами, которыхъ описаніе находится въ VIII части его сочиненій ([1]). Но большій барельефъ, бывшій на каминѣ, представляющій эпоху учрежденія губерній, въ царствованіе Павла перваго, не извѣстно для чего, бывшимъ тогда генералъ прокуроромъ княземъ Куракинымъ изломанъ, и какіе пашелъ барельефы. Между прочими фигурами была изображена скульпторомъ Ращетомъ Истина нагая, и стоялъ тотъ барельефъ къ лицу сенаторовъ присутствующихъ за столомъ; то когда изготовлена была

(1) Описаціе это осталось въ рукописи вмѣстѣ съ другими прозаическими статьями, которыя Державинъ хотѣлъ напечатать, но не успѣлъ. Сочиненій его вышло при немъ всего *пять* частей, Спб. 1808—1816 Въ предисловіи къ первой части онъ самъ говоритъ, что сочиненія его «со временемъ и еще дополнятся, и нѣсколькими частями вновь, прозою и стихами, преумножены быть могутъ.»

та зала и генералъ прокуроръ князь Вяземскій осматривалъ оную, то увидѣвъ обнаженную Истину, сказалъ экзекутору: «вели ее, братъ, нѣсколько прикрыть.» ([1]) И подлинно съ тѣхъ почти поръ стали болѣе прикрывать правду въ правительствѣ, потому что князь Потемкинъ, будучи человѣкѣ сильный и властительный, не весьма любилъ повиноваться законамъ, а дѣлалъ все по своему самонравію. Нашелъ чрезъ бывшаго прежде Курки любимца его Фалѣева ([2]) согласить князя Вяземскаго на свою сторону чрезъ отданныя ему на Днѣпрѣ въ бывшей Запорожской Сѣчѣ знатныя земли съ населенными Запорожцами болѣе 2000 душъ, которыя проданы княземъ еврею Штиглицу, не смотря на законы, что жидамъ деревни покупать запрещено ([3]).

II) Въ 1780 году, будучи въ Петербургѣ, Австрійскій императоръ Іосифъ подъ чужимъ именемъ посѣщалъ Сенатъ

---

(1) Въ Объясненіяхъ Львова (II, 10,) сказано, что большой барельефъ на каминѣ изображалъ Истину, Человѣколюбіе и Совѣсть, которыхъ Минерва вводитъ въ храмъ Правосудія; на нихъ сходитъ сіяніе и лучами поражаетъ Злость и Ябеду. Барельефъ этотъ былъ придуманъ пріятелемъ Державина, Н. А. Львовымъ.—Рашетъ, почетный профессоръ Берлинской Академіи, былъ тогда модельнымъ мастеромъ Императорской фарфоровой фабрики (см. Москов. Вѣдом. 1785 г., № 8).

(2) Полковникъ Фалѣевъ пользовался особенною довѣренностью Потемкина и завѣдывалъ всею хозяйственною частью по устройству Черноморскаго флота. (см. статьи Висковатова: *Свѣденія о Потемкинѣ*, въ Рус. Вѣстникѣ 1841 года).

(3) Установившіяся домашнія и общественныя отношенія и счастливая семейная жизнь сообщили новое направленіе литературному таланту Державина. Съ этого собственно времени начинается самостоятельная эпоха его поэтической дѣятельности и открывается цѣлый рядъ стихотвореній, которыми обезсмертилось его имя. Въ 1779 году Державинъ печатаетъ ихъ въ томъ же Спб. Вѣстникѣ, именно:

31. Въ Сентябрѣ *Ода на смерть князя Мещерскаго*, I, 152 (это первоначальная редакція, озаглавленная такъ: *Ода на смерть К. М. къ****).

32. Въ Октябрѣ *Ода Ключь* I, 182 (тоже первон. редакція; воспѣвается ключь въ подмосковномъ селѣ Хераскова, Гребеневѣ, гдѣ Державинъ вѣроятно былъ проѣздомъ изъ Казани въ Петербургъ. Тогда только что вышла Россіяда, а за годъ передъ тѣмъ Херасковъ назначенъ изъ директоровъ кураторомъ Московскаго Университета).

33 Въ Декабрѣ *Стихи на рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока Декабря въ 12 надесять день, въ который солнце начинаетъ возвратъ свой отъ зимы на лѣто*, II. 9. Это уже третья редакція; первыя двѣ Державинъ самъ уничтожилъ, будучи недоволенъ ими.

и вступя въ залу общаго обшанія, распрося о производимыхъ въ ней государственныхъ дѣлахъ, сказалъ сопровождавшему его экзекутору: «Подлинно въ пространной толь Имперіи можетъ совѣтъ сей служить великимъ пособіемъ Императрицѣ» ([1]).

Въ исходѣ того 1780 года учреждена Экспедиція о государственныхъ доходахъ, подъ вѣдомствомъ того генералъ прокурора, яко государственнаго казначея. Она раздѣлилась на 4 части: на I) приходную, на II) расходную, на III) счетную и IV) недоимочную; въ каждой было

Кромѣ того въ Февр. книжкѣ Вѣстника этого года помѣщено собраніе надписей, числомъ 16, которыя, по вѣроятному предположенію Я. К. Грота, всѣ принадлежать Державину, такъ какъ одна изъ нихъ вошла потомъ въ собраніе его сочиненій, именно:

34. *Къ портрету Кн. Кантемира* I. 703. (въ Вѣстникѣ 2 стихами больше).

(1) Къ этому 1780 году относятся слѣдующія стихотворенія Державина:

35. *Ода на всевысочайшее Ея Импер. Величества отсутствіе изъ С. Петербурга въ Бѣлорускія губерніи, во время открытія намѣстничества въ столицѣ сей и въ небытность въ оной ихъ Имп. Высочествъ; сочиненная 1780 г., Мая 20*, I, 367 (напечатана тогда же въ Спб. Вѣстникѣ, въ Майской книжкѣ. Тутъ же напечатаны двѣ надписи и стихи, *На возвращеніе мое въ Петербургъ*, которые, по предположенію Я. К. Грота, должны также принадлежать Державину.

36. *Ода къ сосѣду моему господину N.* I, 194 (въ Август. книжкѣ Спб. Вѣстника. Это первоначальная редакція извѣстныхъ стиховъ къ Курскому купцу и славному откупщику Мих. Серг. Голикову, впослѣдствіи передѣланныхъ. Державинъ жилъ тогда на Сѣнной площади.

37. *Пѣсенка* въ 3 строфахъ, не вошедшая въ собранія сочиненій Державина, въ той же Август. книжкѣ Спб. Вѣстника. Несомнѣнная принадлежность ея Державину указана Я. К. Гротомъ. Вотъ первая строфа:

Цари! вы свѣтомъ обладайте,
Мнѣ не завидна ваша часть,
Сто кратъ мнѣ лестнѣе, вы знайте,
Надъ нѣжнымъ сердцемъ сладка власть;
Деритесь, славтесь, устрашайте,
А я подъ тѣнью миртъ стою
И *Катеньку* мою пою.

38. *Счастливое семейство* I, 38. Подражаніе 127 псалму (напечатано въ первый разъ въ собраніи сочиненій. Державинъ написалъ эти стихи на оборотѣ листа, на которомъ жена его нарисовала въ силуетахъ все семейство Александра Андрѣевича Ржевскаго. Ржевскій († 1804) и первая

по 3 совѣтника и по одному предсѣдателю. Во вторую изъ экзекуторовъ тѣмъ же коллежскимъ совѣтникомъ переведенъ и Державинъ. Предсѣдательствующій былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ оберъ секретарей Сената г. Еремѣевъ, человѣкъ уже престарѣлый. Совѣтниками: г. Саблуковъ, отставной бригадиръ изъ Гвардіи, (что̀ нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ) и коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Бутурлинъ; а какъ первый по старости лѣтъ своихъ, по незнанію административной или управительной части или лучше по робости своего характера, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ все въ званіи канцелярскаго служителя, а другой по дворской службѣ, что былъ камеръ пажемъ, а потомъ въ Гвардіи, а третій то есть Бутурлинъ, какъ былъ вовсе неспособенъ къ дѣламъ и человѣкъ любящій праздную жизнь, игрокъ и гуляка, но приняли въ Экспедицію, потому что Ивану Перфильевичу Елагину зять, то и полагали всю обязанность сей экспедиціи на Державина, хоть такъ же какъ и они мало свѣдущаго гражданскія дѣла, а особливо часть казеннаго управленія. Но какъ онъ былъ предпріимчивъ, смѣлъ и расторопенъ и въ Экспедиціи уже поручилъ ему генералъ прокуроръ слѣдствіе надъ сенатскими секретарями, что они лѣнились ходить на дежурство свое и медлили производствомъ дѣлъ по ихъ частямъ, то и почитался уже нѣкоторымъ образомъ дѣльцомъ, болѣе своихъ товарищей.

Въ слѣдствіе чего, когда нужно было написать должность Экспедиціи о государственныхъ доходахъ, то князь, разсуждая о томъ, обращалъ свои взоры на господъ

жена его Александра Ѳедотовна, сестра фельдмаршала Каменскаго, оба занимались литературою. (см. Словарь Св. Пис. митр. Евгенія).

39. *Ода Преложеніе 81 псалма* I, 55. Это первоначальная, весьма еще слабая, редакція знаменитой обличительной піесы *Властителямъ и судіямъ*, которая впослѣдствіи надѣлала столько хлопотъ Державину. Ноябрьская книжка С. Вѣстника, гдѣ онъ помѣстилъ ее, была вновь перепечатана ради этихъ стиховъ; но выдранные листы уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ библіотекѣ М. Н. Лонгинова.

40. *Вѣръ* II, 136, анакреонтическая піеса.

Васильева ([1]) и Храповицкаго, кои послѣ были, первой самъ государственнымъ казначеемъ, а второй статсъ секретаремъ и наконецъ сенаторомъ; но они, можетъ быть, чтобъ привести въ замѣшательство новаго дѣльца или по какой другой причинѣ, указавъ на него, отозвались отъ сего труда, сказавъ, что они и безъ того обременены дѣлами, а онъ свободнѣе ихъ и написать можетъ. Хотя сіе князю было не пріятно, ибо онъ не надѣялся, чтобъ несвѣдущій законовъ могъ написать правила казеннаго управленія, требующія великаго предусмотрѣнія, осторожности и точности, но однако приказалъ. Что дѣлать? должно исполнить волю начальника; а какъ не хотѣлъ предъ ними уклоняться и испрашивать у нихъ мыслей и наставленія; то собравъ всѣ указы, на коихъ основаны были Камеръ и Ревизіонъ Коллегіи, Статсъ-конторы и самыя вновь учрежденныя Экспедиціи, приступилъ къ работѣ, а чтобъ неразбивали его плана и мыслей, заперся и не велѣлъ себя сказывать никому дома. Поелику ему была дика и не понятна, почти матерія, то маралъ, перемѣнялъ и наконецъ чрезъ двѣ недѣли составилъ кое какъ цѣлую книгу безъ всякой постороннейпомощи, представилъ начальнику, а сей, собравъ всѣ Экспедиціи, велѣлъ предъ нимъ прочесть; но какъ никто не говорилъ ни хорошаго, ни худаго, то князь, желая слышать справедливое сужденіе, морщился, сердился, привязывался, и наконецъ принялся поправлять самъ единственно вступленіе или изложеніе причинъ названнаго имъ начертанія должности Экспедиціи о государственныхъ доходахъ, полагая, что безъ онаго никакимъ образомъ не можно будетъ управлять казною государственною, давая разумѣть, что наказъ или полную инструкцію сама Императрица издать изволитъ. Товарищи думали, что безъ нихъ не обойдется, что не удостоится конфирмаціи сіе начертаніе и что ихъ будутъ передѣлать оное упрашивать; однако, къ великому ихъ удивленію, чрезъ графа Безбородку полу—

(1) Алексѣй Ивановичь Васильевъ, непріятель Державина, впослѣдствіи графъ (1742—1807) былъ женатъ на кн. Варварѣ Сергѣевнѣ Урусовой (1751—1831), которая была двоюродной сестрою княгини Е. Н. Вяземской.

чилъ князь Высочайшую конфирмацію, что по оному велѣно было поступать. Хотя должно было по листамъ скрѣпить и справить или констрасигнировать сію книгу Державину, яко писавшему оную, но присвоилъ сію честь Храповицкій, въ какомъ видѣ должна она и по нынѣ существовать въ Экспедиціи о государственныхъ доходахъ и есть оной правиломъ, ибо не слышно, чтобъ дана ей была какая новая инструкція. Хотя множество было труда при разсмотрѣніи вѣдомости, при посылкѣ примѣчаніевъ на оныя и разсигнаціи суммъ, при предложеніи князя въ казенныя палаты, такъ что собраны были со всей имперіи вице-губернаторы для науки казеннаго управленія и повѣрки окладныхъ доходовъ; однако 1781 годъ прошелъ благополучно, кромѣ что живучи на дачѣ князя Вяземскаго, называемой Мурзинкѣ, вмѣстѣ съ господиномъ Васильевымъ, Державинъ на верху, а послѣдній на низу, въ одинъ день согласились съ нимъ и прочіе его родственники на Невѣ купаться, то хотѣвъ князя Урусова ([1]) поучить плавать, утонулъ было, ибо сей спустился схватя его поперегъ за руки, стащилъ его въ глубину, такъ что былъ уже на днѣ; но не потерявъ духа, толкнулъ ногой въ землю и выплывъ вытащилъ князя.

1782 года 28 числа Іюня, то есть въ день возшествія Императрицы на престолъ, получилъ Державинъ чрезъ 6 лѣтъ чинъ статскаго совѣтника. Какъ надобно было по мѣсячнымъ вѣдомостямъ повѣрить высылку прошлаго года суммъ опредѣленнымъ мѣстамъ, то есть въ коммиссаріатъ,

---

(1) Кн. Никита Сергѣевичъ Урусовъ, двоюродный братъ княгини Вяземской, женатъ былъ на Прасковьѣ Степановнѣ Кологривовой, урожд. Ржевской. Можетъ быть, отсюда знакомство и дружба Державина съ Ржевскими.

Къ 1781 г. относятся слѣд. стихотворенія Державина:

41. Въ Генв. книжкѣ Спб. Вѣстника *Ода на новый годъ*, I, 420. (Державинъ описываетъ своя желанія и восхваляетъ умѣренность; изъ нѣкоторыхъ стиховъ видно, что онъ уже занимался одами *Богъ* и *Фелица*).

42. *Диѳирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ*, сочиненъ *1781 г.* I, 432 (напеч. въ первый разъ въ Собесѣдникѣ 1783, кн. I. Въ собраніяхъ сочиненій эти стихи названы *На выздоровленіе Мецената*. т. е. И. И. Шувалова. Хвалить Шувалова Державинъ могъ совершенно безкорыстно, потому что временщикъ Елизаветинскихъ временъ, хотя и занималъ мѣсто обер-камергера при дворѣ Екатерины, но вовсе не былъ въ силѣ).

провіантскую (sic), адмиралтейству и прочимъ (получали они тѣ суммы изъ казенныхъ палатъ, откуда были имъ назначены, безъ сношенія съ которыми не можно было знать о исправности казеннаго управленія всей имперіи); но какъ на сіе требовалось великаго труда, а г. Бутурлинъ былъ лѣнивъ, гуляка и мало зналъ дѣла, то онъ и спорилъ, что сего не надобно. хотя доходили слухи, что казенныя палаты, вмѣсто отсылки денегъ въ повелѣнныя мѣста, раздавая ихъ въ проценты, пользовались ими и заставляли ихъ терпѣть нужду или. когда они изварачивались заимствуя изъ другихъ суммъ, то запутывались въ дѣлахъ своихъ и разчетахъ;—то Державинъ и настоялъ, чтобъ не запускать мѣсячныхъ вѣдомостей, а сноситься съ тѣми мѣстами, какъ наискорѣе, тѣмъ лучше. Но Бутурлинъ не хотѣлъ, говоря, что при годовыхъ только отчетахъ такая повѣрка нужна. Положили, чтобъ ихъ споръ рѣшилъ князь; а какъ докладной день для Экспедиціи о государственныхъ доходахъ была назначена у него середа, то и отложилъ ѣхать къ нему на дачу въ Александровское до сего дня; но Бутурлинъ забѣжалъ къ нему прежде и, пересказавъ споръ ихъ по своему, оклеветалъ чѣмъ то своего противоборца; а какъ онъ пріѣхалъ въ назначенный день и сталъ подносить къ подписанію бумаги, то князь и началъ къ онымъ придираться, не смотря на то, что онѣ были уже обработаны или лучше сказать списки съ тѣхъ циркулярныхъ предложеній о помѣщеніи на порожнія мѣста пенсіонеровъ, которыхъ большая часть уже въ казенныя палаты была разослана; то Державинъ и сталъ тѣмъ оправдываться. Бутурлинъ, тутъ же стоя, началъ потакать начальнику и подъяривать его на товарища, хотя самъ ничего не писалъ и не умѣлъ писать; то Державинъ, вознегодовавъ на такую подлость, сунулъ въ сердцахъ Бутурлину въ руки бумаги, сказавъ: пишите же вы сами, коли умѣете лучше; отошелъ въ сторону. Сіе начальникъ принялъ своей особѣ за неуваженіе. На другой день присылаетъ къ Державину г. Васильева, который именемъ князя говоритъ, что онъ приказалъ ему подать объ отставкѣ прошеніе, и что онъ имъ не доволенъ и служить съ нимъ не можетъ. Сей отвѣчалъ,

что онъ исполнитъ его приказаніе. Сіе было въ Августѣ 1783 года, въ субботу. Князь обыкновенно ѣздилъ съ докладами къ Императрицѣ въ Царское село по воскресеньямъ и возвращался (разумѣется, когда онъ жилъ на дачѣ въ помянутомъ Александровскѣ) по понедѣльникамъ ввечеру. Державинъ дожидался его на Мурзинкѣ у Васильева; то коль скоро онъ пріѣхалъ и сѣлъ въ кресла окруженный его семействомъ и многими его прихлебателями, впадшій въ неудовольствіе совѣтникъ вошелъ и съ благородною твердостью духа сказалъ: «Ваше Сіятельство чрезъ г. Васильева изволили мнѣ приказать подать челобитную въ отставку; вотъ она; а что изъявили свое неудовольствіе на мою службу, то какъ вы сами недавно одобрили меня предъ Ея Величествомъ и исходатайствовали мнѣ чинъ статскаго совѣтника за мои труды и способности, то предоставляю вамъ въ нынѣшней обидѣ моей дать отчетъ Тому, предъ Кѣмъ открыты будутъ нѣкогда совѣсти наши». — Сказавъ сіе, не дождавшись отвѣта, вышелъ вонъ. Глубокая тишина сдѣлалась въ комнатѣ, между множества людей. Княгиня зачала первая говорить: «Онъ правъ передъ тобою, князь», пересказавъ ему дошедшій до нея споръ, бывшій въ Экспедиціи съ Бутурлинымъ, котораго онъ до того времени не зналъ. Державинъ между тѣмъ шелъ съ двора передъ окошками дома, то князь, увидя его, сказалъ: «Конечно онъ пѣшъ!», приказалъ подать ему скорѣе чью нибудь карету. Но сей поблагодаря не принялъ оную, пошелъ на Мурзинку, лежащую отъ Александровскаго въ двухъ верстахъ, гдѣ его дожидалась жена; а какъ Васильевъ, будучи у князя, тогда же прислалъ человѣка съ тѣмъ, чтобъ они его дождались и не ѣздили въ городъ, а потому и остались они до 12 часа ночи, обыкновеннаго, когда всякой день пріятели, родня или лучше ласкатели сего вельможи, отъ него разъѣзжались. Васильевъ пріѣхавъ, разсказалъ все вышеписанное, примолвя, что князь раскаевается въ своемъ противъ него несправедливомъ поступкѣ, и желаетъ, чтобъ онъ у него остался по прежнему; но только съ тѣмъ, чтобъ онъ Державинъ сдѣлалъ на другой день видъ, якобы у него хочетъ просить прощенія въ своей горячности и

позвалъ бы его при случившихся посѣтителяхъ въ кабинетъ будто для объясненія, дабы скрыть отъ публики, что былъ начальникъ виноватъ, а не подчиненный въ сей исторіи. Обиженный, подумавъ и вспомня пословицу, чтобъ съ сильнымъ не бороться, а съ богатымъ не тягаться, согласился исполнить волю пославшаго г. Васильева. Дорогою, ѣхавъ съ женою въ каретѣ, раздумалъ, что ему предлежитъ еще кончить распрю съ Бутурлинымъ, полагая, что онъ, будучи человѣкъ благородный, вызоветъ его на дуель за презрительный съ нимъ поступокъ при отдачѣ ему съ грубостію бумагъ; спросилъ ее, какъ она о томъ думаетъ, отказаться ли какою нибудь пристойною уловкою и тѣмъ навлечь на себя нѣкоторыя отъ прощалыгъ насмѣшки, что храбръ на перѣ, а трусъ на шпагѣ? Она, задумавшись нѣсколько, пролила ручьями слезы и сказала: «дерись,— а ежели онъ тебя убьетъ, то я ему, знаю какъ, отомщу». На другой день, поѣхавъ въ Александровское и приноровивъ такъ послѣ обѣда, что много еще было у генерала прокурора гостей, подошедъ къ нему, просилъ, чтобъ онъ позволилъ съ нимъ ему въ кабинетѣ объясниться. Онъ улыбнувшись сказалъ: «Пожалуй, мой другъ, изволь». Въ кабинетѣ поговоривъ совсѣмъ о другомъ, ничего не значущемъ, вышли подобру и поздорову, какъ будто ничего между ими не было, и паки благосклонное обхожденіе начальника съ подчиненнымъ возобновилось; но недолго продолжалось.

Приближилось время, что надобно было на наступившій годъ дѣлать разсигнацію суммамъ и посылать по губерніямъ росписаніе, что откуда и куда высылалось денегъ въ теченіи онаго. Это былъ Октябрь мѣсяцъ. Заступившій въ прошедшемъ году мѣсто управляющаго по кончинѣ Еремѣева дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Сергѣй Ивановичь Вяземскій, (1) ближній свойственникъ генералу прокурору, хотя по слабости своей ничего не могъ дѣлать и не

---

(1) Это былъ опять родственникъ по женѣ. Мать Сергѣя Ивановича Вяземскаго (†1813), кн. Татьяна Даниловна и мать генералъ прокурорши кн. Анна Даниловна Друцкія (послѣдняя въ первомъ бракѣ Хераскова) были родныя сестры.

дѣлалъ, но тутъ объявилъ приказаніе, чтобъ новаго росписація и табели для поднесенія Императрицѣ не сочинять, а довольствоваться тѣмъ и другою прошлаго года. «Какъ это можно? возразилъ Державинъ, когда едва окончена тогда новая ревизія, когда на душу оброку съ казенныхъ крестьянъ и нѣсколько копѣекъ на владѣльческія!» (sic) — «Нѣтъ, ничего, говорилъ предсѣдательствующій, генералъ прокуроръ такъ приказалъ».—«Мудрено это приказаніе, возражалъ совѣтникъ, я не вѣрю, ибо не вижу тому причины». «Вѣдомостей нѣтъ, изъ чего сочинять новую табель», продолжалъ родственникъ вельможи.—«Не правда, вѣдомости есть», и стоялъ въ томъ твердо Державинъ. «Нѣтъ,—да и кромѣ того князь такъ велѣлъ». «Извольте, но запишите въ журналъ начальничье приказаніе, чтобъ послѣ намъ не отвѣтствовать, когда не будутъ готовы росписаніе и табель», сказалъ Державинъ, и тѣмъ споръ кончился. Поѣхавъ же домой, размышлялъ онъ: какъ нѣтъ вѣдомостей? какъ вновь прибавившійся доходъ отъ новой ревизіи и отъ новыхъ налоговъ скрыть, и какъ обнесть предъ Императрицею вице-губернаторовъ и всѣхъ начальниковъ губерній, что будто они не исполняли своей обязанности, и какъ лжи такъ и обмана Государыни причина? Не могъ того проникнуть, а для того и рѣшился на всякой случай изготовить примѣрное извлеченіе по губерніямъ доходовъ; по одной изъ мѣсячныхъ, по другой изъ третныхъ вѣдомостей, по третей изъ окладныхъ книгъ или годовыхъ отчетовъ или ревизскихъ сказокъ, словомъ изъ свѣдѣній, откуда какія вступили; ибо росписаніе и табель всегда дѣлать, какъ выше сказано, примѣнился, то и не было нужды въ строгой точности. Въ слѣдствіе чего и забралъ безъ дальней огласки у столоначальниковъ тѣ бумаги, какія у кого нашлись, сказался больнымъ и составилъ по всему государству недѣли въ двѣ правила, объясняющія доходы. Надобно знать, что около сего времени, то есть въ 1782 и 1783 годахъ, не былъ уже къ нему такъ благорасположенъ генералъ прокуроръ, какъ прежде; сколько по причинѣ вышеписанной исторіи, а наиболѣе по огласившейся уже тогда его одѣ Фелицѣ, которую дворъ от-

личнымъ образомъ принялъ и о коей, а равно и о прочихъ его стихотвореніяхъ, пространныя примѣчанія тоже выписывалъ въ свое время. Въ одинъ день, когда авторъ обѣдалъ у сего своего начальника, принесенъ ему почталіономъ бумажный свитокъ съ надписью: «Изъ Оренбурга отъ Киргизской Царевны Мурзѣ Державину». Онъ удивился и, распечатавъ, нашелъ въ немъ золотую прекрасную, осыпанную бриліантами, табакерку и въ ней 500 червонныхъ. Не могъ и не долженъ онъ былъ принять ее тайно, не объявивъ начальнику, чтобъ не подать подозрѣнія во взяткахъ, а для того, подошедъ къ нему, показалъ. Онъ, взглянувъ сперва гнѣвно, проворчалъ: «Что за подарки отъ Киргизцевъ?» потомъ, усмотрѣвъ модную Французскую работу, съ язвительною усмѣшкою сказалъ: «Хорошо, братецъ, вижу и поздравляю;» но съ того времени закралась въ его сердце ненависть и злоба, такъ что равнодушно съ новопрославившимся стихотворцемъ говорить не могъ, привязывался во всякомъ случаѣ къ нему, не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы не способны ни къ какому дѣлу (1). Все сіе снесено было съ терпѣніемъ, сколько можно, близь двухъ годовъ. И такъ, когда въ одинъ докладной день, въ присутствіи всѣхъ

---

(1) Отъ 1782 г. осталась только одна піеса Державина, но это была *Фелица*, I, 330, памятникъ столько же литературный, какъ и историческій. Она появилась въ первой книжкѣ Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова (1783) подъ слѣд. заглавіемъ:

43 *Ода къ премудрой Киргизкайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведена съ Арабскаго языка 1782 года.* Въ выноскѣ было сказано: «Хотя имя сочинителя намъ и не извѣстно, но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на Россійскомъ языкѣ.» Подробности о ея происхожденіи и напечатаніи изложены въ *Объясненіяхъ* Львова. См. также статью Я. К. Грота въ Современ. 1843, № 11: *Фелица и Собесѣдникъ Люб. Р. Слова.* Кн. Дашкова въ Запискахъ своихъ говоритъ, что кн. Вяземскій въ каждой сатирической піесѣ Собесѣдника видѣлъ намеки на себя и на свою жену. — Съ этихъ поръ начинается близкое знакомство Державина съ кн. Дашковой, которой онъ былъ нуженъ, потому что стихи его составляли лучшее украшеніе Собесѣдника. Въ 1783 г. онъ помѣстилъ тамъ кромѣ прежнихъ, вновь передѣланныхъ піесъ (На выздоровленіе Мецената, Ода на новый годъ, Къ сосѣду моему Г...., На смерть Мещерскаго, На рожд. порф. отрока,

членовъ Экспедиціи, представилъ онъ тѣ правила, сказавъ сердитому на него вельможѣ: «Вы изволили приказать записать въ журналъ, что новаго росписанія и табели не сочинять, а поднести старыя. Сіе исполнено. Но думая, чтобъ за то не подвергнуться гнѣву Монаршему, не только намъ, но и Вашему Сіятельству, я осмѣлился сочинить правила, изъ коихъ изволите увидѣть, что можно показать и новое состояніе государственной казны».—Съ симъ словомъ, вмѣсто благодарности за предостереженіе и труды, воспылала никѣмъ неожидаемая страшная буря.—«Вотъ, вскрикнулъ онъ, новый государственный казначей, вотъ умникъ. Извольте же, сударь, отвѣчать, когда не будетъ доставать суммы противъ табели на новые расходы по указамъ Императрицы». Съ чуствительнымъ огорченіемъ, такъ что пролились изъ глазъ слезы, пріявъ сей выговоръ, совѣтникъ сказалъ: «Много мнѣ дѣлать изволите чести, Ваше Сіятельство, почитая меня быть достойнымъ государственнымъ казначеемъ; но ежели вы изволите сумнѣваться въ сихъ правилахъ, то когда не столь важныя дѣла приказано разсматривать въ общемъ собраніи всѣхъ экспедицій, не угодно ли приказать оныя разсмотрѣвъ подать вамъ репортъ. Ежели я написалъ бредъ, тогда меня уже и обвиняйте.»—«Хорошо, сказалъ раздраженный вельможа предстоящимъ чиновникамъ, разсмотрите и подайте мнѣ рапортъ», увѣренъ бу-

---

На отсутствіе Ея В. въ Бѣлоруссію, Успокоенное невѣріе, Ключь) слѣдующія вновь написанныя піесы:

44. *Благодарность къ Фелицѣ* I, 361. (во 2-й книжкѣ):

Когда отъ должности случится
И мнѣ свободный часъ имѣть,
Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты,
Тогда ко мнѣ пріидутъ музы,
И лирой возгласишься Ты.

45. *Ода великому боярину и воеводѣ Рѣшемыслу, писанная подражаніемъ одѣ къ Фелицѣ 1783 году.* I, 642. (въ 6-й кн. Собесѣдника); написано, по просьбѣ кн. Дашковой, въ похвалу Потемкина, съ которымъ Державинъ тогда еще не былъ знакомъ. Подписано: *Сочинялъ З.....* Державинъ до сихъ еще не объявлялъ печатно своего имени ни подъ однимъ стихотвореніемъ, хотя послѣ Фелицы имя его славилось повсюду.

Въ 1783 г. основана Россійская Академія, подъ президенствомъ кн. Дашковой, и въ первомъ засѣданіи 21 Окт. въ числѣ членовъ видимъ Державина.

дучи, что найдутъ они какую нибудь нелѣпицу. Тотчасъ сдѣлали собраніе, наистрожайше разсматривали, и сколь ни покушались опровергнуть свѣдѣнія, изъ коихъ заимствовано количество суммъ, но единогласно наконецъ всѣ 20 человѣкъ управляющихъ и совѣтниковъ подали рапортъ, что новую табель составить и поднесть Ея Величеству можно, по которой нашлось болѣе противъ прошлаго году доходовъ 8.000.000. Не льзя изобразить, какая фурія представилась на лицѣ начальника, какъ онъ прочелъ сей актъ; но, не сказавъ ни слова, отвелъ на сторону сперва помянутаго родственника своего князя Вяземскаго и пошепталъ ему что-то на ухо, а потомъ и Васильева, который также ему былъ свойственникъ, будучи женатъ на сестрѣ двоюродной княгини его супруги.

Державинъ, увидѣвъ худую награду за его труды, рѣшился оставить службу. Въ слѣдствіе чего тотъ же часъ, вышедши въ экспедиціонную комнату, гдѣ случился служившій тогда тамъ же совѣтникомъ князь Куракинъ, что̀ при Императорѣ Павлѣ былъ генералъ прокуроромъ, сказалъ ему, что онъ болѣе служить съ ними не намѣренъ и потому, сѣвъ за столъ, тутъ же написалъ къ князю письмо, просясь у него, для поправленія растроеннаго хозяйства своего на два года, а ежели сего сдѣлать не можно, то и совсѣмъ въ отставку. Письмо сіе отдавъ, для поднесенія князю, секретарю, ушелъ домой. Сказавшись больнымъ, не выходилъ изъ комнаты, и чрезъ нѣсколько дней явился къ нему господинъ Васильевъ, который зачалъ заговаривать опять о примиреніи, но не такъ уже чистосердечно, и дружески, какъ прежде, а нѣкоторымъ образомъ изъявляя неудовольствіе и какъ угрожая, сказавъ между прочимъ, что письмо его лежитъ предъ княземъ на столѣ и что онъ не хочетъ по немъ докладывать Государынѣ, а велѣлъ формальную подать просьбу чрезъ Герольдію въ Сенатъ. Это означало не милость; или, какъ исторія сія разнеслась по городу и дошла до свѣдѣнія Императрицы со всѣми подробностями, чрезъ графа Безбородку или Воронцова ([1]), которые были

(1) Графа Александра Романовича, брата кн. Дашковой и друга ея.

тогда противной ему партіи, то и боялся онъ докладывать самъ. Державинъ предчувствовалъ, что не льзя тамъ ему ужиться, гдѣ не любятъ правды; не согласился на примиреніе и чтобъ еще остаться, думая, что рано или поздно опять выдетъ исторія, когда надобно будетъ обманывать Императрицу; ибо онъ тогда узналъ, что для того не хотѣлъ открыть точнаго доходу, чтобы держать себя болѣе во уваженіи, когда при нуждѣ въ деньгахъ онъ отзовется по табели неимѣніемъ оныхъ, но послѣ будто особымъ своимъ изобрѣтеніемъ и радѣніемъ найдетъ оныя кое какъ и удовлетворитъ требованіе двора. Такъ же какъ власть генералъ прокурора нѣсколько уменьшилась учрежденіемъ о управленіи губерній, что намѣстникъ или генералъ губернаторъ могли входить прямо иногда съ докладами своими къ престолу и поступали иногда противъ его желанія, то внушеніемъ о недоставленіи вѣдомостей изъ губерній чрезъ подлинную табель отъ экспедиціи и могъ онъ какъ бы стороною представить нерадѣніе или вовсе невѣденіе должности начальниковъ губерніи, и что онъ одинъ только печется и несетъ труды за всѣхъ; а потому они и не нужны столько какъ онъ одинъ; слѣдовательно и служба его болѣе. Вотъ хитрость, изъ коей произошла непріятность начальника на ревностнаго и справедливаго исполнителя должности его; а для того онъ и сказалъ на отрѣзъ г. Васильеву, что онъ у его сіятельства подъ начальствомъ служить не можетъ, исполнитъ его повелѣніе и подастъ просьбу объ отставкѣ въ Герольдію, что̀ немедленно и учинилъ. Сенатъ, согласно законамъ, поднесъ докладъ Императрицѣ, въ коемъ присудилъ, по выслугѣ его въ чинѣ статскаго совѣтника года, наградить его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. А какъ Императрица знала его сколько по сочиненіямъ, столько и по ревностной службѣ его въ минувшемъ мятежѣ и въ Экспедиціи, что онъ обнаружилъ прямо государственный доходъ, то Высочайше и конфирмованъ докладъ Сената 15 Февраля 1784 года; отозвалась по выслушаніи онаго Безбородкѣ: « Скажите ему, что я его имѣю на замѣчаніи. Пусть теперь отдохнетъ; а какъ надобно будетъ, то я его позову ».

Отправивъ весь свой домашній бытъ зимнимъ путемъ до Твери, а оттуда на судахъ по Волгѣ въ Казань къ матери, прожилъ онъ въ Петербургѣ еще нѣсколько, искавъ занять валовую сумму до 18 т. р. на разплату мелочныхъ долговъ, кои его обременяли, и безъ удовлетворенія которыхъ не могъ онъ выѣхать изъ столицы. Въ теченіи Февраля и Марта вздумалъ онъ съѣздить въ Бѣлорусскія деревни, дабы, не видавъ ихъ никогда, осмотрѣть, сдѣлать какія бы распоряженія или прямо сказать, какъ они были оброчныя, хозяйства никакого въ нихъ не было, то уединясь отъ городскаго разсѣянія, докончить въ нихъ въ уединеніи начатую имъ еще въ 1780 году въ бытность въ дворцѣ у всенощной, въ день свѣтлаго воскресенья, оду Богъ. А потому согласивъ жену на столько съ нимъ разстаться, отправился въ путь. Но доѣхавъ до Нарвы, примѣтя, что дорога начала портиться, и что въ деревнѣ въ крестьянскихъ избахъ не ловко будетъ ему заняться сочиненіемъ, то, оставя повозку и съ людьми на ямскомъ постояломъ дворѣ, нанялъ въ городѣ у одной престарѣлой Нѣмки небольшой покойчикъ съ тѣмъ, чтобы она ему и кушать приготовляла, докончилъ ту оду и еще также прежде начатую подъ названіемъ Видѣніе Мурзы. Проживъ въ семъ городкѣ не съ большимъ недѣлю, возвратился въ Петербургъ. Отдалъ въ мѣсячное изданіе подъ названіемъ Собесѣдникъ напечатать помянутую оду Богъ, какъ и прочіе его сочиненія напечатаны были въ томъ журналѣ, который начало свое возымѣлъ, какъ и самая Россійская Академія, отъ вышепоказанной оды Фелицѣ, о коей въ особыхъ примѣчаніяхъ на всѣ его сочиненія подробно изъяснено будетъ ([1]). Сыскавъ же нужныя деньги у

---

(1) Къ 1784 г. относятся слѣд. стихотворенія Державина:

46 *Ода на присоединеніе безъ военныхъ дѣйствій къ Россійской державѣ Таврическихъ и Кавказскихъ областей или на учиненный договорами съ Отоманскою Портою миръ 1784 года.* I, 371. (Напечат. въ XI й кн. Собесѣдника; въ собраніяхъ озаглавлена *На пріобрѣтеніе Крыма.* Написана безъ риѳмъ, съ слѣд. предисловіемъ: «Господа издатели! Не безъ извѣстно, что древніе писали стихи свои безъ риѳмъ, чему и новѣйшіе лучшіе авторы иностранные подражали и подражаютъ. Для опыта, покажется ли и нашей почтенной публикѣ сей образъ на нашемъ языкѣ стихотворства, и можно ли продолжать оный,

господъ Еропкиныхъ, готовъ былъ со всѣмъ отправиться; но вдругъ получилъ изъ Царскаго Села чрезъ графа Безбородку извѣстіе, что Государыня назначаетъ его губернаторомъ въ Олонецъ, которую губернію въ томъ году должно было вновь открыть, то и потребовалось его согласіе. Будучи у Императрицы въ хорошемъ мнѣніи, не благоразсудилъ было не согласиться на Ея волю. Но какъ онъ отправилъ уже весь свой экипажъ въ Казань, и престарѣлая мать давно ожидала его къ ней прибытія; то и просилъ онъ на нѣкоторое время отпуска. Данъ оный ему до Декабря, то есть до того времени, когда назначено открыть губернію. А потому и послѣдовалъ объ опредѣленіи его въ губернаторы въ Олонецъ указъ 20 Маія 1784 года. Генералъ прокуроръ, получивъ его, сказалъ любимцамъ своимъ около его стоящимъ, завидущимъ счастію ихъ сотоварища, что развѣ по его носу полѣзутъ черви, нежели Державинъ просидитъ долго губернаторомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Съ опредѣленія его въ губернаторы до удаленія его отъ онаго званія и возведенія въ вышніе государственные чины и должности.

Опредѣленный въ Олонецъ губернаторомъ, поѣхалъ онъ въ Казань, но матери уже не засталъ въ живыхъ. За три дни до пріѣзда его она скончалась ([1]). Оплакавъ ея смерть,

написана сія ода, которая, ежели будетъ достойна, прошу напечатать; пребываю и протчая.»)

47. *Богъ*, I, 1 (въ XIII кн. Собесѣдника). См. подробности у Львова.

48. *Видѣніе Мурзы* I, 374. (Начата еще 9 Мая 1783.; какъ показано въ Объясненіяхъ Львова; но напечатана не ранѣе 1791 г. въ первой книжкѣ Московскаго Журнала, изд. Карамзина. Послѣдніе два стиха принадлежатъ И. И. Дмитріеву.)

(1) Говоря о добросердечіи Державина, И. И. Дмитріевъ въ Запискахъ своихъ разсказываетъ слѣдующее: «Жена, мужъ (*т. е. Державины*) и я сидѣли въ его кабинетѣ. Они между собою говорили объ домашнихъ дѣлахъ, объ старинѣ; дошли наконецъ до Казани, отчизны поэта. Екатерина Яков-

поѣхалъ онъ въ Оренбургскую свою деревню, дабы показать ее женѣ своей, какъ по дорогѣ лежащія Рязанскую и Казанскую онъ ей показывалъ; поживъ въ ней неболѣе трехъ дней, предпринялъ возвращеніе въ Петербургъ. На дорогѣ случилось несчастіе, что кучеръ, взъѣхавъ нечаянно на косорогъ, опрокинулъ коляску: жена жестоко разбила високъ о хрустальный стаканъ, въ сумкѣ коляски находившійся; съ тѣхъ поръ она до безумія стала бояться скорой ѣзды въ каретахъ, когда напротивъ того прежде любила скакать во всю пору. Пріѣхавъ въ Петербургъ, надобно было на заведеніе дома губернаторскаго и на заплату Еропкинымъ, (*sic*) хотя для перваго пожаловано было Государынею двѣ тысячи, но для втораго просилъ въ банкѣ графа Завадовскаго; хотя обнадежилъ, прошеніе подано, и выдача по немъ главнымъ судьею была помѣчена, но Державинъ, когда прося его въ разговорахъ проговорился, что деньги ему уже назначены, то онъ такъ разсердился, что отказалъ и помѣту на прошеніи о выдачѣ приказалъ отрѣзать. Таковая поступка сего вельможи ознаменовала къ нему его неблагорасположеніе, какъ и предъ тѣмъ года за три, когда онъ принялъ правленіе банка отъ графа Брюса, который Державину обѣщалъ выдать деньги подъ Малороссійское имѣніе, закладываемое гвардіи офицеромъ Мордвиновымъ, сторговавшимъ у него вещи бриліантовыя и золотыя, взятыя въ приданое за женою на 8000 рублей и въ надеждѣ таковаго обѣщанія, Державинъ далъ тому Мордвинову тѣ вещи на вексель на самое короткое время;—но когда графъ Завадовскій вступилъ на мѣсто Брюса, то безъ всякой причины въ выдачѣ той суммы отказалъ; чрезъ что едва не поте-

левна вспоминала покойную свекровь свою, начала хвалить ея добрыя качества, ея къ нимъ горячность, наконецъ стала тужить, для чего они откладывали свиданіе съ нею, когда она въ послѣднемъ письмѣ своемъ такъ убѣдительно просила ихъ пріѣхать—навсегда съ нею проститься. Поэтъ вздохнулъ и сказалъ женѣ: «Я все откладывалъ, въ ожиданіи мѣста (губернаторскаго); думалъ, уже получа его, испросить отпускъ и съѣздить въ Казань». При этомъ словѣ оба стали обвинять себя въ честолюбіи, хвалить покойницу и оба заплакали. Я съ умиленіемъ смотрѣлъ на эту добросердечную чету. Молодая супруга, и чидес т.лѣтній супругъ оплакиваютъ, одна свекровь, другой мать—и чрезъ нѣсколько лѣтъ по ея смерти.»

рялъ оную, ибо хотя и получилъ, но чрезъ нѣсколько лѣтъ по малому количеству. Сіе маловажное произшествіе для того только здѣсь упомянуто, что въ теченіе всей своей жизни графъ Завадовскій, гдѣ только случай оказывался, всегда не благопріятствовалъ Державину, какъ о томъ изъ послѣдствій видно будетъ.

Но какъ настало время непремѣнно ѣхать въ Олонецъ и новый губернаторъ, бывъ представленъ на аудіенцію Императрицѣ, откланялся уже ей въ кабинетѣ, то, занявъ деньги у банкировъ по 14 процентовъ, закупилъ, что̀ ему было нужно для заведенія своего и поѣхалъ.

По прибытіи въ Петрозаводскъ, губернскій городъ Олонецкой губерніи, нашелъ уже тамъ генералъ губернатора, господина генералъ-поручика и кавалера Тимоѳея Ивановича Тутолмина ([1]). Поелику вещи нужныя Державину, какъ то и домашнія мебели, отправленныя съ осени водою, уже привезены были и снабденъ ими губернаторскій домъ и даже присутственныя мѣста, ибо тамъ ничего не было, какъ равно привезъ съ собою и канцелярскихъ служителей, а между прочими и секретаря Грибовскаго ([2]) (который послѣ замѣча-

---

(1) *Т. И. Тутолминъ* (1740—1809) учился въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ и, служа въ Семилѣтней и первой Турецкой войнахъ, пользовался расположеніемъ гр. Румянцева. Въ 1775 г. Екатерина назначила его вице-губернаторомъ, а потомъ правителемъ новооткрытаго Тверскаго Намѣстничества. Тогдашній начальникъ Тутолмина, гр. Сиверсъ отзывался о немъ Государынѣ съ большими похвалами: см. Des Grafen Sievers Denkwürdigkeiten, ч. II, 378. Позднѣе Тутолминъ переведенъ былъ губернаторомъ въ Екатеринославль, а оттуда, въ 1784 г, генералъ губернаторомъ Олонецкимъ и Архангельскимъ. Въ этой послѣдней должности онъ оставался до 1789 г.; потомъ правилъ попеременно присоединенными отъ Польши губерніями, и наконецъ съ 1806 по 1809 г. былъ Московскимъ Главнокомандующимъ. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, Тутолминъ умѣлъ красно и остро говорить и славился любезностью въ обществѣ. Вполнѣ ли справедливъ *Державинъ* въ своихъ отзывахъ о немъ, мы пока не можемъ повѣрить. Тутолминъ былъ ученикъ гр. Сиверса, слѣд. охотникъ до всякаго рода преобразованій и проектовъ. Участвуя въ открытіи перваго намѣстничества (Тверскаго), онъ могъ считать себя непогрѣшительнымъ по этой части. Сверхъ того Державинъ, напечатавъ стихи *Рѣшемыслу*, нѣкоторымъ образомъ заявлялъ себя приверженцемъ Потемкина, котораго терпѣть не могли гр. Сиверсъ и Тутолминъ.

(2) *Адріанъ Моисѣевичъ Грибовскій* (1766—1833), родомъ Малороссъ, воспитанникъ Московскаго Университета, поступилъ на службу къ Державину

тельную ролю играть будетъ); то при обыкновенныхъ духовныхъ церемоніяхъ и торжествѣ въ домѣ генералъ губернатора и открыта была губернія въ исходѣ Декабря (1784) и присутственныя мѣста начали свое дѣйствіе. Съ первыхъ дней намѣстникъ и губернаторъ дружны были, всякій день другъ друга посѣщали, а особливо послѣдній перваго, хотя онъ во всѣхъ случаяхъ оказывалъ почти несносную гордость и превозношеніе, но какъ это было не въ должности, то и подлаживалъ его правитель губерніи, сколько возмогъ и сколь личное уваженіе требовало. Но когда онъ прислалъ въ Губернское Правленіе при своемъ предложеніи цѣлую книгу законовъ, имъ написанныхъ и императорскою властію не утвержденныхъ, требуя, чтобы они въ томъ Правленіи, въ Палатахъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ непремѣнно исполняемы были; но какъ они во многихъ мѣстахъ съ сусуществующими коренными законами и самою естественною связію дѣлъ не токмо не сообразны, но даже и неудобоисполнительны были; напримѣръ: приказалъ экономіи директору подавать себѣ годовыя вѣдомости, сколько въ каждомъ мѣстѣ десятинъ лѣсовъ засажено или посѣяно, а какъ намѣстнику положеніе извѣстно, что Олонецкая губернія наполнена непроходимыми тундрами и лѣсами, то въ таковомъ разводѣ лѣсовъ никакой нужды не настояло, и едва ли впредь о томъ пещися доведется надобность; словомъ, удивясь таковой дичи и грубому дерзновенію, усумнился Державинъ принять тѣ законы къ исполненію, а для того пошелъ къ нему въ домъ, взявъ съ собою печатной указъ, состоявшійся въ 1780 году, въ которомъ воспрещалось на—

въ этомъ самомъ 1784 г. изъ Комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, куда ему открыли доступъ его начитанность и познанія во Французскомъ языкѣ (онъ тогда же напечаталъ нѣсколько переводовъ). Ниже читатели увидятъ непріятное происшествіе, случившееся съ Грибовскимъ на службѣ въ Олонецкѣ. Тѣмъ не менѣе онъ оставался съ Державинымъ въ отношеніяхъ довольно дружественныхъ, и впослѣдствіи они вели между собою частую переписку. Служба при Потемкинѣ въ Яссахъ открыла Грибовскому дорогу къ возвышенію: по смерти Потемкина онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ дѣльцевъ при кн. Зубовѣ, и въ 1795 г. занялъ статсъ секретарскую должность. Грибовскій оставилъ любопытнѣйшіе мемуары, показывающіе его умъ и наблюдательность; отрывки изъ нихъ напечатаны въ Москвитянинѣ 1847 г. №. 2-й, стр. 65—129.

мѣстникамъ ни на одну черту не прибавлять своихъ законовъ и исполнять въ точности императорскою только властію изданныхъ; ежели жъ въ новыхъ каковыхъ установленіяхъ необходимая нужда окажется, то представлять Сенату, а онъ уже исходатайствуетъ Ея священную волю. Прочетши сей законъ, намѣстникъ затрясся и поблѣднѣвъ сказалъ, надѣясь на благорасположеніе къ себѣ и на ненависть ко мнѣ князя Вяземскаго: « Я пошлю къ генералу прокурору курьера, и что̀ онъ мнѣ скажетъ, такъ и сдѣлаемъ ». Чрезъ нѣсколько дней показалъ онъ Державину письмо князя Вяземскаго, который ему отвѣчалъ: « Чего, любезный другъ, въ законахъ нѣтъ, того и исполнять не можно ». Послѣ того получилъ отъ него письмо, въ слѣдствіе котораго сказалъ Державину, чтобъ онъ пересмотрѣлъ тѣ присланные имъ законы и которые не противны учрежденію и регламентамъ, тѣ бы принялъ къ исполненію, а которые противны, тѣ оставилъ безъ исполненія, что̀ Державинъ исполнилъ: пересмотрѣлъ обязанность Губернскаго Правленія и несходственное съ учрежденіемъ и другими законами отвергъ, а о прочихъ сказалъ въ опредѣленіи, учиненномъ въ Правленіи, чтобъ присутственныя мѣста, подчиненные Губернскому Правленію и палаты каждое по своей должности поступали бы по законамъ, и въ случаѣ невозможности, чрезъ стряпчихъ и прокуроровъ учиня замѣчаніе, представили бы куды слѣдуетъ. Такъ и сдѣлано. Такимъ образомъ и пошло кое какъ теченіе дѣлъ. Намѣстникъ казался довольно друженъ; всякой вечеръ и съ женами бывали вмѣстѣ на вечеринкахъ другъ у друга. Но спустя нѣсколько времени, обьявилъ онъ, что хочетъ осматривать присутственныя мѣста въ разсужденіи канцелярскаго порядка и теченія самыхъ дѣлъ. На другой день и дѣйствительно приступилъ къ свидѣтельству. Началъ съ Губернскаго Правленія. По глупому честолюбію его и чрезвычайному тщеславію желалось ему, чтобъ была встрѣча ему сдѣлана такъ сказать императорская, то есть, чтобъ онъ встрѣченъ былъ губернаторомъ и всѣми присутствующими чинами на крыльцѣ; но Державинъ принялъ его точно по регламенту, то есть всталъ и съ совѣтниками съ мѣста, показавъ ему президент-

скія кресла, самъ сѣлъ по правую сторону на стулѣ. Намѣстникъ дѣлалъ разные вопросы и привязывался къ учрежденному порядку, то есть, къ заведеннымъ записнымъ книгамъ и прочему, даже къ мебелямъ; но какъ на первое отвѣтствовано было согласно съ законами, на второе, что для мебели суммы онъ отъ него намѣстника не получалъ, а ежели которыя и есть мебели, то его Державина собственныя; ибо онъ изъ особливаго усердія къ службѣ, думая заслужить похвалу, подурачился и купивъ на нарочитую сумму мебели въ Петебургѣ, то есть столовъ, стульевъ и шкафовъ, отправилъ еще осенью водою въ Петрозаводскъ, чѣмъ и наполнены были не только Губернское Правленіе, но и прочія губернскія и нижнія мѣста. Словомъ, намѣстникъ не могъ ни къ чему дѣльно учинить привязки, выѣхалъ изъ Правленія для освидѣтельствованія палаты и другихъ мѣстъ. Державинъ не почелъ за нужное провожать его туда, тѣмъ болѣе представлять ему тѣ мѣста; ибо онѣ учреждены были подъ собственнымъ распоряженіемъ самаго генералъ губернатора, то губернаторъ и не вправѣ почелъ себя представлять то, чтó не онъ учреждалъ, тѣмъ паче таковыя намѣстниковы постановленія, которыя противны были законамъ. Сіе было ему также не пріятно. Въ слѣдствіе чего, когда онъ пріѣхалъ къ нему на обыкновенную ввечеру бесѣду, то онъ между разговорами, при многихъ прочихъ чиновникахъ, выхвалялъ палаты, а особливо казенную и уголовную, которыя хотя по собственымъ его прежнимъ отзывамъ и по бумагамъ были крайне не исправны; особливо же относилъ неудовольствіе свое на нижнія присутственныя мѣста, подчиненныя Губернскому Правленію, говоря, что какъ они зависятъ отъ губернатора, то и долженъ довести недѣятельность ихъ до Высочайшаго свѣденія Императрицы. Губернаторъ его также въ общемъ разговорѣ спросилъ: «Чѣмъ же онъ не доволенъ тѣми мѣстами?»—«Не исполненіемъ его учрежденій,» онъ отвѣтствовалъ. Губернаторъ сказалъ, что онъ намѣстникъ былъ самъ въ Губернскомъ Правленіи, слѣдовательно и зависѣли отъ него, яко отъ президента губернскаго правленія, всякія поправки подчиненныхъ ему мѣстъ (*sic*); и

что онъ непремѣнно будетъ жаловаться Ея Величеству на губернатора, не только не помогавшаго ему въ веденіи его благоучрежденій, но расположеннаго противъ оныхъ. Державинъ сказалъ, что готовъ отвѣтствовать на все то, чтó ему доносить угодно будетъ; но какъ это было между дружескихъ разговоровъ, то и не думалъ, чтобъ имѣло впередъ такое послѣдствіе. На канунѣ далъ знать объ отъѣздѣ своемъ въ столицу Губернскому Правленію, а какъ губернаторъ пріѣхалъ къ нему съ прочими чиновниками проститься и принять приказаніе, то онъ важнымъ и надменнымъ образомъ предъ всѣми сдѣлавъ ему выговоръ, за его яко бы неисправность, сказалъ, что онъ донесетъ о томъ Ея Величеству. Державинъ учтиво отвѣчалъ то же чтó прежде, что онъ будетъ отвѣтствовать.

Въ слѣдствіе чего, когда выѣхалъ намѣстникъ изъ границъ губерніи, то онъ далъ Губернскому Правленію предложеніе, въ которомъ сказалъ, что онъ по учрежденію о губерніяхъ въ небытность генералъ губернатора, по губернаторскому наказу 1764 года, намѣренъ лично освидѣтельствовать всѣ присутственныя мѣста и палаты относительно ихъ обрядовъ и теченія дѣлъ, дабы быть въ состояніи отвѣтствовать, когда по жалобѣ намѣстника на него послѣдуетъ отъ высшей власти неудовольствіе или какое взысканіе. Почему чрезъ нѣсколько дней и дѣйствительно всѣ палаты и губернскія присутственныя мѣста свидѣтельствовалъ и записалъ въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ всё то чтó нашелъ, отъ чего и не могли отрѣщися присутствующіе, ибо журналы подписаны были ихъ руками. Само по себѣ открылось великое неустройство и несогласица съ существовавшими законами и регламентами, по коимъ мѣста должны были отправлять ихъ должности, ибо они поступали не по законамъ, а по новымъ постановленіямъ намѣстника. Словомъ обнаружилось не токмо наглое своевольство и отступленіе намѣстника отъ законовъ, но сумозбродство и нелѣпица, чего исполнить было не можно, или по крайности безполезно. Напримѣръ: предписалъ онъ въ должность экономіи директора, чтобъ сажать и сѣять всякой годъ поселянамъ лѣса; но какъ въ Олонецкой губерніи, почти по всѣмъ уѣздамъ

11

были непроходимые лѣса, то сіе учрежденіе, годное на Екатеринославскую губернію, для которой въ бытность его тамъ губернаторомъ было оно написано, совсѣмъ не годилось для Олонецкой. Также и по другимъ палатамъ и судамъ такія были табели и предписанія, что болѣе смѣха, нежели какого либо уваженія достойны. Они всѣ описаны въ особыхъ примѣчаніяхъ, о которыхъ ниже упомянется и коихъ копія находится въ Законодательной Коммисіи для нужныхъ соображеній при написаніи законовъ. Однимъ словомъ установлены такіе между прочимъ сборы и подати, о коихъ въ правилахъ казеннаго управленія ниже однимъ словомъ не упоминалось. Все сіе сдѣлано было имъ не изъ чего другаго, какъ изъ тщеславія и подлаго угожденія. Изъ тщеславія, что онъ одинъ способенъ былъ начертать канцелярской порядокъ, о коемъ предъ тѣмъ Императрица предписала господину Завадовскому съ приданными ему помощниками; изъ угожденія, что примѣтилъ онъ въ проэктѣ новаго уложенія Императрицы нѣкоторыя предполагаемыя Ею подати, о коихъ никакаго еще указа издано не было: хотя проэктъ уложенія за дѣйствительной законъ почитать было не велѣно, кромѣ нѣкоторыхъ статей, относящихъ до уголовныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ; но по онымъ намѣстникъ сей присвоилъ уже себѣ такую власть, чего ни въ старыхъ законахъ, ни въ проэктѣ не было и быть не могло, для того что самъ онъ былъ производителемъ дѣлъ, судіею, оберегателемъ и исполнителемъ, что̀ на черныхъ его опредѣленіяхъ палатскимъ *(т. е. чиновникамъ)* самымъ дѣломъ изобличилось. Таковыя сумазбродства, записанныя въ журналахъ каждаго правительства и суда, Державинъ приказалъ въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ взнесть тогда же въ Губернское Правленіе, а подлинныя впредь для справокъ оставить у себя, что̀ всѣми присутственными мѣстами и исполнено. Тогда Державинъ, прописавъ выговоръ, сдѣланный ему за неисправность намѣстникомъ, сославшись на сіи канцелярскіе акты, послалъ донесеніе къ Императрицѣ съ нарочнымъ бывшимъ въ Правленіи экзекуторомъ, что̀ послѣ былъ губернаторомъ въ Выборгѣ, г. Еминымъ (1), испрашивая

(1) Кажется, это былъ д. ст. сов. *Николай Ѳедоровичъ Еминъ*, сынъ

повелѣнія, что̀ ея величеству будетъ угодно сдѣлать съ тѣми журналами и по какимъ законамъ поступать, по намѣстниковымъ *ли*, или по генералъ-губернаторскимъ? Формальнаго отвѣту не было; но извѣстно послѣ стало, что намѣстникъ былъ лично призванъ предъ Императрицу, гдѣ ему прочтено было донесеніе губернаторское, и онъ долженъ былъ на колѣняхъ просить милости.

Съ Марта мѣсяца (1785), когда намѣстникъ отправился въ столицу, лѣто цѣлое прошло въ безъизвѣстіи, чѣмъ рѣшится или рѣшилось произшествіе между губернатора и намѣстника. Между тѣмъ зачали оказываться неудовольствія намѣстника и разныя притѣсненія и подыски на губернатора. Въ угодность генералъ прокурора и генералъ губернатора, привязываясь къ губернатору, прокуроры и стряпчіе всякой день входили съ дѣльными и недѣльными доносами и протестами въ Правленіе.

Между прочими, коихъ всѣхъ описывать было бъ пространно и ненужно, поданъ былъ протестъ отъ прокурора въ медленномъ яко бы теченіи дѣлъ. Сіе было одно пресмѣшное о медвѣдѣ. Надобно его описать основательнѣе, дабы представить живѣе всю глупость и мерзость пристрастія. По отъѣздѣ намѣстника скоро и братъ его двоюродный полковникъ Николай Тутолминъ, бывшій предсѣдателемъ въ Верхнемъ въ Земскомъ Судѣ, отпущенъ былъ въ отпускъ на 4 мѣсяца. На Ѳоминой недѣли того суда засѣдатель Молчинъ шелъ въ свое мѣсто мимо губернаторскаго дома по утру; къ нему присталъ, или онъ изъ шутки заманилъ съ собою жившаго въ домѣ губернатора у ассесора Аверина медвѣженка, которой былъ весьма ручепъ и за всякимъ ходилъ, кто только его приласкивалъ. Приведши его въ судъ, отворилъ двери и сказалъ прочимъ своимъ сочленамъ шутя: «вотъ вамъ, братцы, новой засѣдатель, Михаила Ивановичь Медвѣдевъ.» Посмѣялись и тотъ часъ

славнаго своими похожденіями автора *Пути ко Спасенію*, Ѳедора Емина. Никол. Ѳедор. Еминъ также писалъ много стиховъ (см. о немъ въ Словарѣ. Св. пис. митр. Евгенія). Державинъ ниже говоритъ, что Еминъ, по его приказанію, сочинилъ описаніе Лапландіи.

выгнали вонъ безъ всякаго послѣдствія. Молчинъ, вышедши изъ присутствія въ обыкновенный часъ, зашелъ къ губернатору обѣдать, пересказалъ ему за смѣшную новость сіе глупое произшествіе. Губернаторъ, посмѣявшись, сказалъ, что дурно такъ шутить въ присутственныхъ мѣстахъ, и что ежели до него дойдетъ формою, то ему сильный сдѣлаетъ напрягай. Прошелъ мѣсяцъ или болѣе, ничего слышно не было. Напослѣдокъ дошли до него слухи изъ Петербурга, что нѣкто Шишковъ, засѣдатель того же суда, въ угожденіе намѣстника, довелъ ему исторію сію съ разными нелѣпыми прикрасами, а именно, будто медвѣженокъ, по приказанію губернатора, въ насмѣшку предсѣдателя Тутолмина (худо грамоти знающаго) приведенъ былъ нарочно Молчинымъ въ судъ, гдѣ и посаженъ на предсѣдательскія кресла, а секретарь подносилъ ему для скрѣпы листъ бѣлой бумаги, къ которому намаравъ лапу чернилами медвѣженка, прикладывали, и будто какъ прочіе члены стали на сіе негодовать, приказывая сторожу медвѣженка выгнать, то Молчинъ кричалъ: «Не трогайте, медвѣженокъ губернаторской.» Хотя очевидна была таковая или тому подобная нелѣпица всякому, но какъ генералъ прокурору и генералъ губернатору она была благоугодна, то разсказывали ее за удивительную новость по домамъ и толковали весьма для Державина невыгодно; видно и сдѣланъ былъ планъ въ Петербургѣ, какимъ образомъ клевету сію произвесть самимъ дѣломъ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда предсѣдатель Тутолминъ возвратился изъ Петербурга къ своему мѣсту, то, не явившись къ губернатору, въ первое свое присутствіе въ судѣ, сдѣлалъ журналъ о семъ произшествіи по объявленію ему яко бы отъ присутствующихъ. Услышавъ о семъ, губернаторъ посылалъ къ нему, чтобъ онъ прежде съ нимъ объяснился, нежели начиналъ дѣло на бумагѣ, болѣе смѣха нежели уваженія достойное. Онъ сіе пренебрегъ и вошелъ рапортомъ въ Губернское Правленіе, выводя обиду ему и непочтеніе присутственному мѣсту, просилъ во удовлетвореніе его съ кѣмъ слѣдуетъ поступить по законамъ. Губернаторъ, получа такой странной рапортъ, примѣтя въ немъ, что будто о какомъ государственномъ дѣлѣ донесено во извѣстіе и

намѣстнику, то чтобъ не столкнуться съ нимъ въ резолюціяхъ, медлилъ нѣсколько своимъ положеніемъ, дабы увидѣвъ, что прикажетъ намѣстникъ, то и исполнить. Но какъ отъ него также никакого рѣшенія не выходило, то прокуроръ и вошелъ съ протестомъ, что дѣла медлятъ, указывая на помянутый рапортъ Верхняго Земскаго Суда. Губернаторъ, видя, что къ нему привязываются всякими вздорами, далъ резолюцію, чтобъ, призвавъ намѣстника Тутолмина въ Губернское Правленіе, поручить ему сдѣлать выговоръ засѣдателю Молчину за таковой его неуважительный поступокъ мѣсту и рекомендовать впредь членамъ суда быть осторожнѣе, чтобъ они при таковыхъ случаяхъ, гдѣ окажется какой безпорядокъ, шумъ или неуваженіе мѣсту, поступали по генеральному регламенту, взыскивая тотчасъ штрафъ съ виновнаго, не выходя изъ присутствія. Намѣстникъ, получа таковую резолюцію, и какъ она ему не понравилась, то будто не видалъ ея, а по рапорту суда предложилъ Губернскому Правленію отдать Молчина подъ уголовной судъ. Державинъ, получа оное, сказалъ, что онъ по силѣ учрежденія перемѣнить опредѣленія Губернскаго Правленія не можетъ, а предоставляетъ намѣстнику по его должности рапортовать на него Сенату. Губернской прокуроръ и намѣстникъ одинъ съ протестомъ, а другой съ формальною жалобою отнеслись сему правительству. Генералъ прокуроръ радъ былъ таковымъ бумагамъ; подходя къ сенаторамъ, говорилъ всякому его тономъ: « вотъ, милостивцы, смотрите, что нашъ умница стихотворецъ дѣлаетъ, медвѣдей предсѣдателями. » Какъ извѣстно, что Сенатъ былъ тогда въ крайнемъ порабощеніи генералъ прокурора, и что много также и намѣстники уважались, то и натурально, что строгій послѣдовалъ указъ къ Державину, которымъ требовалось отъ него отвѣта, какъ бы по какому государственному дѣлу. Ежели бы не было опасности отъ тѣхъ, кто судитъ, то никакой не было трудности отвѣтствовать на вздоръ, который самъ по себѣ былъ ничтоженъ и доказывалъ только пристрастіе и недоброхотство генералъ прокурора и намѣстника; но какъ толь сильныхъ враговъ не льзя было не остерегаться, то Державинъ заградилъ имъ уста, сказавъ между прочимъ въ

своемъ отвѣтѣ, что въ просвѣщенный вѣкъ Екатерины не могъ онъ подумать, что почлось ему въ обвиненіе, когда онъ не почелъ страннаго сего случая за важное дѣло и не велѣлъ произвесть по оному слѣдствіе, какъ по уголовному преступленію, а только словесный сдѣлалъ виновному выговоръ, ибо даже думалъ непристойнымъ подъ именемъ Екатерины посылать въ судъ указъ о присутствіи въ судѣ медвѣдя, чего не было и быть не могло. Какъ бы то ни было, только Сенатъ, потолковавъ отвѣтъ, положилъ его, какъ называется, въ долгій ящикъ подъ красное сукно.— Множество было подобныхъ придирокъ, но всѣ предъ невинностью и правотою, подъ щитомъ Екатерины, не взирая на недоброхотство Вяземскаго и Тутолмина, изчезли. Державинъ былъ переведенъ въ лучшую Тамбовскую губернію.

Въ исходѣ однако лѣтнихъ мѣсяцевъ, чтобъ какъ нибудь очернить Державина и доказать неуваженіе его къ начальству и непослушность, Тутолминъ сдѣлалъ ему такія порученія, которыя съ одной стороны были не нужны, а съ другой въ исполненіи почти не возможны. Въ исходѣ Августа прислалъ онъ повелѣніе осмотрѣть губернію и открыть городъ Кемь, лежащій при заливѣ Бѣлаго Моря, недалеко отъ Соловецкаго монастыря. Это почти было невозможное дѣло, потому что въ Олонецкой губерніи, по чрезвычайно обширнымъ болотамъ и тундрамъ, лѣтнимъ временемъ проѣзду нѣтъ, а ѣздятъ зимою, и то только гусемъ; въ Кемь же только можно попасть изъ города Суммъ на судахъ, когда молебщики въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ ѣздятъ для моленья въ Соловецкій монастырь, а въ Августѣ и прочіе осенніе мѣсяцы, когда начинаются сильныя противныя погоды, никто добровольно, кромѣ рыбаковъ въ рыбачьихъ лодкахъ, не ѣздятъ. Но Державинъ, не взирая на сіи препятствія, дабы доказать всегдашнюю свою готовность къ службѣ, предпринялъ исполнить повелѣніе намѣстника, и дѣйствительно исполнилъ, хотя съ невѣроятною почти трудностью, объѣздя болѣе 1500 верстъ, то верхомъ на крестьянскихъ лошадяхъ по горамъ и топямъ, то въ челночкахъ по озерамъ и рѣкамъ, гдѣ не токмо суда, но и порядочныя лодки проѣзжать не

могутъ [1]. Пріѣхавъ въ Кемь, не нашелъ тутъ не токмо присутственныхъ мѣстъ, ни штатной команды, но ниже одного подъячаго, хотя намѣстникъ его увѣрилъ, что онъ все нужное найдетъ тамъ готовымъ. Изъ сего понятенъ былъ, можно сказать, злодѣйской умыслъ намѣстника, потому что, ежели бъ Державинъ не поѣхалъ, то бы онъ сказалъ, что онъ не послушенъ начальству или по трусости не способенъ къ службѣ; въ противномъ случаѣ онъ почти увѣренъ былъ, что благополучно не можетъ совершить сего опаснаго путешествія, что̀ и сдѣлалось было самымъ дѣломъ, какъ ниже увидимъ. Но Божій промыслъ, противъ злыхъ намѣреній человѣческихъ, дѣлаетъ, что̀ Ему угодно. Державинъ, пріѣхавъ въ Кемь, видѣлъ, что не льзя открывать города, когда никого нѣтъ. Однако, чтобъ исполнить повелѣніе начальника, онъ велѣлъ сыскать священника, котораго чрезъ два дни насилу нашли на островахъ на сѣнокосѣ, велѣлъ ему отслужить обѣдню и потомъ молебенъ съ освященіемъ воды, обойти со крестами селеніе и окропя святою водою, назвать по Высочайшей волѣ городомъ *Кемью*, о чемъ оставилъ священнику письменное объявленіе, приказавъ о томъ по его командѣ отрепортовать Синоду, а самъ такой же рапортъ послалъ въ Сенатъ. Возвращаясь, хотѣлъ было заѣхать въ Соловецкій монастырь, который лежитъ отъ Кеми верстахъ въ 60; но съ одной стороны, какъ монастырь Соловецкій Архангельской губерніи, то не хотѣлъ онъ безъ позволенія выѣхать изъ своей, а съ другой, какъ поднялся противной вѣтеръ, и былъ онъ въ шести-весельной рыбацкой (*лодкѣ*), въ которой противъ погоды плыть по морю никакимъ образомъ было не можно, то и приказалъ направлять свою лодку по погодѣ, и какъ уже день склонялся на вечеръ, надобно было доѣхать за свѣтло до синѣющихся впереди каменныхъ пустыхъ острововъ или морскихъ кургановъ. Но востала страшная буря, молнія и громъ, такъ что не льзя было безъ освѣщенія молніи и

---

(1) Въ этотъ объѣздъ Олонецкой губерніи, картины сѣверной природы, и особенно тамошнихъ водопадовъ, безъ сомнѣнія обогатили воображеніе Державина.

различать совсѣмъ предметовъ, то и проѣхали было совсѣмъ назначенные къ отдохновенію своему острава; но лоцманъ по домёкамъ узналъ, что тѣ острова въ правѣ, и что почти ихъ проѣзжаемъ. Ежели къ островамъ, то вѣтеръ будетъ боковой или, какъ мореходцы называютъ, бедевенъ, а ежели прямо по вѣтру, то можетъ легко замчать въ средину Бѣлаго моря, или въ самой Океанъ. Державинъ приказалъ держать къ островамъ въ право. Лишь руль повернули, паруса упали, лодка покосилась на бокъ, то и захлебнулись было волнами, и неминуемо было потонули; но Богъ чудныъ (*образомъ*) спасъ погибающихъ. Державинъ, хотя никогда не бывалъ на морѣ, но не оробѣлъ и не потерялъ духу, когда бывшіе съ нимъ экзекуторъ, вышепомянутый Эминъ, и секретарь Грибовскій, который послѣ былъ статсъ секретаремъ при Императрицѣ, за мертво почти безъ чувствъ лежали; да и самые гребцы, какъ были Лапландцы, неискусные мореходцы, оцѣпенѣли, такъ сказать, и были недвижимы, то одна секунда и валъ надобны были къ погребенію всѣхъ въ морской безднѣ. Въ самое сіе мгновеніе Державинъ вскочилъ, закричалъ на гребцовъ, чтобъ не робѣли, подняли веслы, на которыя лодка нѣсколько оперлась, и вдругъ очутилась за камнемъ, который волнамъ воспрепятствовалъ ее залить. Таковымъ, можно сказать, чудомъ спаслись отъ потопленія, и Державинъ тогда въ умѣ своемъ подумалъ, что знать онъ еще Промысломъ оставленъ для чего нибудь на семъ свѣтѣ. Въ память сего послѣ написалъ онъ оду, подъ названіемъ *Буря* (1), которая напечатана въ первой части его сочиненій.

---

(1) Эта ода (I, 231), написана въ 1794 году:

Судно, по морю носимо,
Рѣетъ между черныхъ волнъ;
Бѣлы горы идутъ мимо:
Въ шумѣ ихъ надеждъ я полнъ.
Кто изъ тучь бѣгущій пламень
Гаситъ надъ моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челнъ заводитъ мой?
Ты, Творецъ, Господь всесильный, *и проч.*

Переночевавъ на сихъ островахъ, или, лучше сказать, пустыхъ камняхъ, по утру, хотя также не безъ опасности, но пріѣхали благополучно въ городъ Онегу Архангельской губерніи; отъ туда же сухимъ путемъ въ городъ Каргополь, который есть наилучшій въ Олонецкой губерніи, какъ хлѣбопашествомъ, такъ и торговлею.

Возвратился изъ сего путешествія въ исходѣ Сентября, и скоро послѣ того получилъ указъ о перемѣщеніи въ Тамбовскую губернію. Но какъ надобно было Олонецкую такъ сдать, или къ сдачѣ приготовить, чтобъ послѣ, а особливо по недоброжелательству намѣстника прицѣпокъ или взысканія не было; то осмотрѣлъ Державинъ вновь подчиненныя Губернскому Правленію мѣста и, все, что̀ не исправно, исправилъ, и какъ между прочимъ Приказъ Общественнаго Призрѣнія въ особливой былъ зависимости губернатора, то, осматривая оный, примѣтилъ въ поданной денежной вѣдомости отъ помянутаго секретаря Грибовскаго, который отправлялъ должность казначея, что итоги не вѣрны, то онъ приказалъ повѣрить одному изъ засѣдателей, который донесъ о дѣйствительной невѣрности и явное сумнѣніе въ нецѣлости казны. Онъ приказалъ сличить съ документами, по которымъ нашлось, что по опредѣленіямъ, подписаннымъ однимъ губернаторомъ безъ совѣтниковъ, выдано денегъ купцамъ заимообразно безъ росписки ихъ въ шнуровыхъ книгахъ 7000 р., то въ самомъ дѣлѣ не достало наличныхъ болѣе 1000 р. Таковое открытіе потому болѣе было важно, что намѣстникъ всякими бездѣлицами подыскивался подъ губернаторомъ, то и легко могъ сказать, что̀ онъ самъ похитилъ деньги, ибо опредѣленія на выдачу ихъ подписаны были одною его рукою, а росписокъ отъ пріемщиковъ въ полученіи денегъ не было. При томъ зналъ Державинъ, что въ угожденіе намѣстника прокуроръ и стряпчіе, да и прочіе чины, того и смотрѣли, чтобъ что нибудь на него донесть, то и надобно было исправить сей безпорядокъ такъ искусно и безъ канцелярскаго производства, чтобъ зажать ротъ всѣмъ, восхотѣвшимъ поступить на какое либо шиканство и ябеду. А потому призвалъ онъ къ себѣ Грибовскаго и лицо на лицо пріятельскимъ увѣщаніемъ извлекъ

изъ него искреннее признаніе въ тратѣ казенныхъ денегъ. Онъ сказалъ, что проигралъ ихъ въ карты, ведя игру съ вице-губернаторомъ,. съ губернскимъ прокуроромъ и съ Уголовной Палаты предсѣдателемъ, которые были всѣ любимцы намѣстнику. О розданныхъ купцамъ деньгахъ объяснилъ, что для того подписаны однимъ губернаторомъ опредѣленія, что онъ у купцовъ просилъ денегъ изъ занимаемыхъ ими суммъ, но какъ они на то не согласились иначе какъ взять безъ росписки, а когда заплатятъ, то тогда уже росписаться въ книгахъ, что̀ онъ и сдѣлалъ, а для того и не подавалъ къ прочимъ членамъ къ подпискѣ опредѣленій, чтобъ они при выдачѣ денегъ не потребовали къ своему усмотрѣнію ихъ росписокъ въ книгѣ. Онъ велѣлъ ему искреннее сіе признаніе положить на бумагу въ видѣ письма къ губернатору, въ которомъ онъ, во всѣхъ своихъ шалостяхъ, раскаявшись, чистосердечно признался, написалъ по именамъ, кому что̀ проигралъ. Получивъ таковую бумагу, Державинъ тотъ часъ пригласилъ къ себѣ вице-губернатора, и какъ уже былъ часъ 7-й вечера, то его весьма таковое необыкновенное приглашеніе удивило. Сначала, разговаривая о постороннихъ матеріяхъ, губернаторъ въ видѣ дружеской откровенности объявилъ ему несчастіе, случившееся въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, и требовалъ его совѣта, что ему дѣлать. Вице-губернаторъ, услышавъ сіе, принялъ важный видъ, сталъ вычислять многія свои замѣчанія на счетъ неосторожности губернаторской, что Грибовскій не стоилъ его довѣренности и тому подобное, и что надобно съ нимъ поступить по всей строгости закона и совсѣмъ тѣмъ, кто съ нимъ былъ соучастникъ. Тогда губернаторъ просилъ его, чтобъ онъ лежащую на столѣ бумагу прочелъ, и тогда бы далъ ему свой совѣтъ, что дѣлать. Вицъ-губернаторъ взялъ письмо и, коль скоро увидѣлъ свое имя между игроками, то сначала взбѣсился, потомъ оробѣлъ и въ крайнемъ замѣшательствѣ уѣхалъ домой. Того только и было надобно, чтобъ, увидя себя замѣшаннымъ, не предпринялъ какихъ съ его стороны доносовъ или другихъ шикановъ. Тоже сдѣлано съ прокуроромъ и съ предсѣдателемъ Палаты. Всѣ они перетру-

сились, кромѣ, что прокуроръ началъ было крючьками вывертываться и каверзить. Между мѣмъ губернаторъ послалъ по купцовъ, которые взяли казенныя деньги не росписавшись въ книгахъ, представилъ имъ ихъ дурный поступокъ во всей ясности, и сказалъ, что отошлетъ онъ ихъ тотчасъ въ Уголовную Палату, коль скоро не роспишутся въ книгахъ. Они то безъ всякаго прекословія исполнили. Тысячу рублей Державинъ взнесъ свою; книги исправили и вѣдомости сочинили по документамъ, какъ быть имъ должно. Ко времени присутствія прокуроръ принесъ въ правленіе протестъ, въ которомъ изъяснялъ, что губернаторомъ былъ призыванъ въ необыкновенное время ночью, гдѣ ему показана бумага, въ которой умышленно замѣшанъ въ карточной игрѣ. Совѣтники сего протеста не приняли, сказавъ, чтобъ онъ самъ отдалъ его губернатору; онъ и дѣйствительно то сдѣлалъ, но губернаторъ принялъ его съ смѣхомъ, сказавъ, что онъ всё затѣваетъ пустое, что онъ его никогда къ себѣ не призывалъ и деньги никакія въ приказахъ не пропадали, въ удостовѣреніе чего поручаетъ ему самому освидѣтельствовать денежную казну и книги по документамъ. Прокуроръ удивился, сходилъ въ Приказъ и, нашедъ все въ цѣлости и въ порядкѣ, возвратился. Губернаторъ, изодравъ его протестъ, возвратилъ ему какъ сонную грезу, и приказавъ подать шампанскаго, всѣмъ тутъ бывшимъ и прокурору поднесъ по рюмкѣ, выпивалъ самъ и отправился въ Петербургъ, оставя благополучно навсегда Олонецкую губернію и не сдѣлавъ никого несчастливымъ и не заведя никакого дѣла (1).

Въ Олонецкой губерніи сдѣланы Державинымъ нѣкоторыя распоряженія и сочиненія, заслуживающія нѣкоторое вниманіе:

I-е. Секретное распоряженіе для Земской Полиціи о недопущеніи раскольниковъ сожигать самихъ себя, какъ прежде часто то они изъ бѣсновѣрства чинили.

---

(1) Въ Петрозаводскѣ до сихъ поръ показываютъ небольшой одноэтажный сѣренькій домикъ, въ которомъ жилъ губернаторъ Державинъ: домикъ этотъ находится на углу Англійской улицы, возлѣ дома Присутственныхъ мѣстъ (см. Вѣд. Спб. Полиціи, 1853 г., № 54).

II-е. Уставъ о раздачѣ Лапланцамъ хлѣба заимообразно изъ заведеннаго для нихъ магазейна суммою въ 60,000 рублей, которыя деньги и хлѣбъ, по непорядочной раздачѣ, почти были всѣ пропадшими.

III-е. Установленіе пограничной таможенной стражи между Россіею и Шведскою Лапландіею, при которомъ случаѣ по приказанію губернатора и описаніе самой Лапландіи сочинено екзекуторомъ Еминымъ.

IV-е. Установленіе больницы на 40 человѣкъ подъ вѣдомствомъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, при открытіи и освященіи которой говорена была рѣчь соборнымъ священникомъ Іоанномъ, сочиненная губернаторомъ за неимѣніемъ ученыхъ духовныхъ. Сія рѣчь принята съ похвалою и напечатана въ публичныхъ вѣдомостяхъ, которая впредь помѣстится между прозаическими сочиненіями Державина (1).

---

(1) Собранія прозаическихъ сочиненій Державина не имѣется, и рѣчь эта оставалась до сихъ поръ въ неизвѣстности. Перепечатываемъ ее изъ 60 № Московскихъ вѣдомостей 1785 года; она помѣщена при извѣстіи объ открытіи въ Петрозаводскѣ больницы (на 25 кроватей безплатно, и на 5 за умѣренную плату). Больница открыта 28 Іюня, въ день возшествія на престолъ Государыни. Любопытно видѣть, какъ Державинъ подлаживался подъ церковный тонъ.

«Чтенное Евангеліе возвѣстило намъ, человѣколюбивые слушатели, что въ Іерусалимѣ предъ купелію овчію, человѣкъ, одержимый недугомъ тридцать восемь лѣтъ, лежалъ и не имѣлъ благодѣтеля, кгобъ ввергъ его въ купель исцѣленія. Россія отъ временъ князя Рюрика, около тысячи лѣтъ, прославлялася великими монархами; но кто былъ, иже въ очахъ премудрости, иже въ царствіи велій нареченъ? Кто былъ, по словамъ Христа Спасителя, оный блаженнѣйшій, егда сотвори обѣдъ, или вечерю, и не зва друговъ своихъ, братію свою, сродниковъ своихъ и сосѣдовъ богатыхъ; но угощалъ бѣдныхъ и болящихъ, яже не имуще что воздать ему. Отецъ Отечества, Великій Петръ, воздвигъ больницы въ градахъ, полкахъ и флотѣ. Онъ успѣлъ исцѣлить и успокоить героевъ, собравшихъ лавры па главу его; но дальныя намѣренія для пользы Его смерть пресѣкла. Оставалось довершить недоконченное. А въ семъ состояніи можно по справедливости уподобить было Россію оному Евангельскому больному, не имущему благодѣтеля. Она безъ общаго Попечителя, скорбями сокрушенна, простирая къ небу руки, взывала: Господи! человѣка не имамъ, да вважетъ мя въ купель. Но въ сей день услышана молитва ея, воцарилася *Екатерина* Вторая; сошелъ къ намъ съ небесъ тотъ благотворный Ангелъ, который возмущалъ и освящалъ воды Силуамскія. Среди цвѣтущихъ градовъ, среди звуковъ побѣдоносваго оружія, среди торжествъ законодательства, среди фиміамовъ благочестія, раздается нынѣ повсюду гласъ Милосердія: Возстани немоществующій, возми одръ твой и ходи!

И се уже мы созерцаемъ событіе гласа сего, вводятся въ притворъ сей, въ

V-е. Основательное примѣчаніе съ подведеніемъ на всякую статью законовъ на вводимый обрядъ намѣстниковъ, на случай, ежели бъ Императрицѣ угодно было приказать рапортъ губернатора разсмотрѣть судомъ, которое примѣчаніе находится и теперь въ Коммиссіи сочиненія Уложенія.

Наконецъ пресѣчено родъ крестьянскаго возмущенія, произшедшаго по поводу приказовъ економіи директора Ушакова, якобы по указу 1783 года, которымъ велѣно надѣлить крестьянъ равными участками, разумѣется, пустопорожнихъ земель; но онъ вмѣсто того велѣлъ пахотныя отбиравъ у однихъ, давать другимъ; а какъ въ Олонецкой губерніи обработованіе земель весьма дорого становится по непроходимымъ почти болотамъ, дремучимъ лѣсамъ и по чрезвычайной завалкѣ каменьями, то лишающіеся удобренной пахоты и произвели не токмо всеобщій ропотъ, но и самое другъ на друга возстаніе.

сію врачебницу, больные неимущіе; *Екатерина* отверзаетъ имъ покровъ свой; Она между неизчетными о блаженствѣ нашемъ попеченіями печется и о здравіи убогихъ, ввергаетъ ихъ въ купель исцѣленія, и никто не воззоветъ уже: человѣка не имамъ! Имѣешь ты теперь, страждущее человѣчество, общаго о тебѣ попечителя, общаго благотворителя въ неизчерпаемомъ милосердіи Помазанницы Вышняго. Въ семъ домѣ, щедротою Ея устроенномъ, Она тебя призритъ, насытитъ, исцѣлитъ и успокоитъ; здѣсь ты забудешь скорби твои, здѣсь, буде восхощешь, можешь сложить съ себя всѣ твои недуги душевные и тѣлесные; ты, который получишь уврачеванія, обязуешься быть благодарнымъ, славить Бога и возсылать къ Нему теплыя молитвы твои за безцѣнное здравіе твоей Благодѣтельницы и тѣмъ спастися; а ты, который видишь безвозмездныя щедроты Ея, изливаемыя на братію твою, долженъ уразумѣть, сколько ты щастливъ! Ты имѣешь рѣдкій случай научиться любви къ ближнему, быть къ нему сострадательну, быть благотворну и милостями твоими уподобиться твоей Обладательницѣ, уподобиться милостивому твоему Богу Христу Спасителю. О человѣкъ! здѣсь опытъ души твоей, здѣсь предстоитъ предъ тобой олтарь, на которомъ никто не можетъ священнодѣйствовать, кромѣ одной добродѣтели; но я вижу, благочестивое собраніе, сила человѣколюбія проницаетъ сердца ваши; сострадательное умиленіе къ ближнему написано на очахъ вашихъ и росоподобныя сладкія капли любви Христіанской готовы низпасть и устремиться по ланитамъ вашимъ. Радуйтеся! вы услышите божественный оный гласъ: Пріидите благословенни отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте ми ясти, возжадахся, и напоисте мя, страненъ бѣхъ, и введосте мене, нагъ и одѣясте мя, боленъ и посѣтисте мене, въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ Аминь.»

Словомъ, Державинъ, пробывъ съ открытія сей губерніи, то есть съ Декабря мѣсяца 1784 году, оставилъ оную въ Октябрѣ того же года *(т. е. 1785 года, къ которому относится все вышеписанное)* отправился въ Петербургъ ([1]). Пробывъ въ ономъ до Марта, поѣхалъ въ нововвѣренную ему Тамбовскую губернію, прекратя нѣкоторыя дурныя на него внушенія Императрицѣ, отъ извѣстныхъ его недоброжелателей и ихъ пріятелей дошедшія чрезъ Александра Петровича Ермолова ([2]), бывшаго тогда въ особенной довѣренности, и также неудовольствіе отъ князя Потемкина, по жалобамъ славнаго тогда раскольничья настоятеля Выгорѣцкой пустыни Андрѣя Семенова за то, что губернаторъ приказалъ земской полиціи лично осматривать пашпорты всѣхъ проживающихъ людей, большею частію бѣглыхъ; но какъ князь услышалъ обьясненіе и правоту онаго, то и перемѣнилъ неудовольствіе въ благорасположеніе къ Державину.

По пріѣздѣ въ Тамбовъ, въ исходѣ Марта или въ началѣ Апрѣля (1786), нашелъ сію губернію, по бывшемъ губернаторѣ Макаровѣ, всѣмъ извѣстномъ человѣкѣ слабомъ, въ крайнемъ разстройствѣ. Сначала съ генералъ-губернаторомъ графомъ Гудовичемъ ([3]) весьма было согласно, и онъ губернаторомъ весьма былъ доволенъ, какъ по отправленію его настоящей должности, такъ и по приласканію общества и его самаго: когда онъ лѣтомъ посѣтилъ Тамбовъ, въ честь

---

(1) Къ пребыванію въ Петрозаводскѣ, т. е. 1785 году, относится только одно стихотвореніе Державина:

49. *Уповающему на свою силу, I, 37* (Переложеніе 146 псалма; оно содержитъ въ себѣ намеки на Тутолмина; напечатано, въ первомъ собраніи сочиненій).

(2) Случай Ермолова продолжался съ Февраля 1785г. по Іюль 1786 г.

(3) *Генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичь Гудовичь* (1741 — 1821), братъ любимца и одного изъ немногихъ приверженцевъ Петра III-го, Андрея Васильевича, получилъ извѣстность и дошелъ до большихъ чиновъ, проведя большую часть жизни въ военной службѣ. Управленіе внутренними дѣлами, кажется, было ему не по нраву. Въ должности Рязанскаго и Тамбовскаго намѣстника онъ пробылъ съ Апрѣля 1785 по первые мѣсяцы 1789 г. Онъ отличался въ Персидскую войну, и потомъ, съ 1809 по 1812 г. былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Онъ оставилъ довольно пространную записку о своей службѣ, но съ подробностями, преимущественно военными. Записка эта напечатана въ первой книжкѣ Русскаго Вѣстника 1841 года.

его былъ устроенъ праздникъ, который описанъ въ 4 части сочиненій Державина ([1]). Таковые были въ продолженіи лѣта, осени и зимы и даже въ наступающемъ году; но они не токмо служили къ одному увеселенію, но и къ образованію общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, такъ было грубо и необходительно, что ни одѣться, ни войти, ни обращенія, какъ должно благородному человѣку, не умѣли, или рѣдкіе изъ нихъ, которые жили только въ столицахъ. Для того у губернатора въ домѣ были всякое воскресенье собранія, небольшіе балы, а по четвергамъ концерты, въ торжественные же, а особливо въ государственные праздники — театральныя представленія, изъ охотниковъ, благородныхъ молодыхъ людей обоего пола составленныя. Но не токмо одно увеселеніе, но и самые классы для молодаго юношества были учреждены поденно въ домѣ губернатора, такимъ образомъ, чтобъ преподаваніе ученія дешевле стоило и способнѣе и заманчивѣе было для молодыхъ людей. Напримѣръ: для танцовальнаго класса назначено было два дни въ недѣлю послѣ обѣда, въ которое съѣзжались молодые люди, желающіе танцовать учиться. Они платили танцмейстеру и его дочери, которые нарочно для того выписаны были изъ столицы и жили въ домѣ губернатора, по полтинѣ только съ человѣка за два часа, вмѣсто того, что танцмейстейръ не бралъ менѣе двухъ рублей, когда бъ онъ ѣздилъ къ каждому въ домъ. Такое жъ было установленіе и для классовъ граматики, ариѳметики и геометріи, для которыхъ приглашены были за умѣренныя цѣны учители изъ народныхъ училищъ, у которыхъ считалось за непристойное брать уроки дѣвицамъ въ публичной школѣ. Дѣти и учители были обласканы, довольствованы всякой разъ чаемъ и

---

(1) Это было 30) *Торжество восшествія на престолъ императрицы Екатерины, отправленное въ Тамбовѣ губернаторомъ Державинымъ, въ его домѣ, 28 Іюня 1786 г.* (II, 217). Хоръ дѣтей подошелъ къ Гудовичу съ дубовымъ вѣнкомъ и цвѣтами и благодарилъ его «за оказанныя обществу благодѣянія.» На одной изъ картинъ, представлявшей Аполлона и относившейся къ Гудовичу, была надпись: *Торжествуемъ приходъ своего благотворителя.* На картинѣ, посвященной императрицѣ, было надписано: *Тебя мы не боимся.*

всѣмъ нужнымъ, чтò ихъ чрезвычайно и утѣшало и ободряло соревнованіемъ другъ противъ друга. Тутъ рисовали и шили которыя повзрослѣе дѣвицы для себя театральное и нарядное платье по разнымъ модамъ и костюмамъ, также учились представлять разныя роли. Сіе все было дѣло губернаторши, которая была какъ въ обращеніи, такъ и во всемъ въ томъ великая искусница и сама ихъ обучала. Сіе дѣлало всякой день людство въ домѣ губернатора и такъ привязало къ губернаторшѣ все общество, а особливо дѣтей, что они почитали за чрезвычайное себѣ наказаніе, ежели когда кого изъ нихъ не возмутъ родители къ губернатору. Не смотря на то, чрезвычайная сохранялась всегда пристойность, порядокъ и уваженіе къ старшимъ и почтеннымъ людямъ. О семъ долгое время сохранялась да и по нынѣ сохраняется память въ тамошнемъ краю. Да и можно видѣть изъ пролога на открытіе театра и народнаго училища, въ помянутой же части напечатанныхъ ([1]). Но губернаторъ въ сіи увеселенія почти не мѣшался, и они ему ни мало не препятствовали въ отправленіи его должности, о которой онъ безпрестанно пекся, а о увеселеніяхъ, такъ же какъ и посторонніе, тогда только узнавалъ, когда ему въ кабинетъ приносили билетъ и клали предъ него на столъ. Сіе его неусыпное занятіе должностію обнаруживалось скорымъ и правосуднымъ теченіемъ дѣлъ и полицейскою бдительностію по всѣмъ частямъ управы благочинія, что также всѣмъ не токмо тогда было извѣстно, но и до нынѣ многимъ памятно. Сверхъ того, сколько могъ, онъ вспомоществовалъ и просвѣщенію заведеніемъ типографіи, гдѣ довольное число печаталось книгъ, переведенныхъ тамошнимъ дворянствомъ, а особливо Елизаветою Корниловною Ниловою ([2]). Печатались

---

(1) 51) *Прологъ въ одномъ дѣйствіи съ музыкою, на открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища, представленный благороднымъ обществомъ въ день тезоименитства императрицы Екатерины II, на театрѣ въ домѣ губернатора Державина 1786 Ноября* 24, II, 223.

(2) Переводы Е. К. Ниловой: съ Французскаго *Графъ Вальмонтъ или заблужденія разсудка* и съ Нѣмецкаго *Приключенія Эдуарда Вальсона* были напечатаны въ Тамбовѣ и имѣли не одно изданіе (См. въ спискѣ Русскихъ писательницъ, Молва 1837 г. № 28—33).

также и для поспѣшности дѣлъ публикаціи и указы, которые нужны были къ скорѣйшему по губерніи свѣдѣнію; были также учреждены и губернскія газеты для извѣстія о проѣзжихъ чрезъ губернію именитыхъ людяхъ и командахъ и о цѣнахъ товаровъ, а особливо базарныхъ хлѣба, гдѣ, когда и по какой цѣнѣ продавался Сіе особливо полезно было для казны, при случаѣ заготовленія большаго количества провіанта; ибо провіантскимъ коммиссіонерамъ не можно было возвышать чрезвычайнымъ образомъ цѣнъ, противъ тѣхъ которыя обьявлены были въ губернскихъ печатныхъ вѣдомостяхъ, сочиняемыхъ дворянскими предводителями каждаго уѣзда подъ смотрѣніемъ одного надежнаго чиновника, живущаго въ губернскомъ городѣ при губернаторѣ, который и изъ другихъ рукъ также получалъ тайныя для повѣрки свѣдѣнія. Словомъ: въ 1786 и 1787 году все шло въ крайнемъ порядкѣ, тишинѣ и согласіи между начальниками.

Въ послѣднемъ изъ сихъ годовъ открыто народное училище, которое принесло большую честь губернатору, какъ извѣстною рѣчью, говоренною однодворцемъ Захаровымъ, (sic) сочиненною губернаторомъ по поводу тому, что преосвященный былъ тогда человѣкъ неученой и при немъ таковыхъ людей не было, кто бы могъ сочинить на тогдашній случай приличную проповѣдь. О сей рѣчи не излишне думается сообщить особливой анекдотъ. Вотъ онъ. Хаживалъ къ губернатору изъ города Козлова однодворецъ Захарьинъ, которой принашивалъ ему сочиненія своего стихи, большею частію заимствованные изъ Священнаго Писанія. Въ нихъ былъ виденъ парочитый природный даръ, но ни тонкости мыслей, ни вкуса, ни познанія не имѣлъ; онъ ему иногда читывалъ свои стихи, то по способности сей хотѣлъ его помѣстить въ какую либо должность въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Въ сіе время, то есть въ Августѣ 1786 года, полученъ именной указъ, коимъ непременно велѣно было открыть подъ вѣдомствомъ Приказа Общественнаго Призрѣнія народное училище, 22 числа Сентября, то есть въ день коронованія Императрицы. День приближался. Надобно было по обыкновенію при открытіи училища говорить

рѣчь или проповѣдь. Онъ сообщилъ о семъ преосвященному Ѳеодосію, который былъ человѣкъ и неученой, и больной, то онъ отказался. Губернаторъ убѣждалъ, чтобъ онъ приказалъ своему хотя проповѣднику то исполнить; но и въ томъ не успѣлъ; ибо тотъ проповѣдникъ былъ дьякономъ, не взирая на то, хоть безъ всякихъ талантовъ, но человѣкъ притомъ невоздержный и на тотъ разъ пилъ запоемъ. Губернаторъ послалъ въ городъ Ломовъ къ архимандриту, человѣку ученому, которой, хотя по духовному правительству принадлежалъ Тамбовской епархіи, но по Губернскому Правленію Пензенской губерніи ([1]). Сей обѣщалъ пріѣхать, но дня за три до назначеннаго дня прислалъ курьера съ отказомъ, сказавъ тому причину, что Пензенской губернаторъ требуетъ его въ Пензу для сей же надобности. Получа сіе, Державинъ не зналъ, что дѣлать; а какъ прилучился у него помянутый однодворецъ Захарьинъ, то онъ и вызвался, что онъ напишетъ рѣчь, когда ему то будетъ позволено. Губернаторъ посмѣялся такому предложенію, зная его къ тому недостатокъ, но хотѣлъ видѣть, что будетъ это за рѣчь. Сказавъ ему свои мысли, какого содержанія она быть долженствуетъ, приказалъ, когда напишетъ въ чернѣ, то чтобъ показалъ ему. Сей въ самомъ дѣлѣ на другой день поутру очень рано явился съ своимъ сочиненіемъ. Сіе было сущій вздоръ, ни складу, ни ладу не имѣющій. Онъ ему, сдѣлавъ свои замѣчанія, велѣлъ передѣлать и принести въ тотъ же день въ вечеру. Онъ исполнилъ; но и по вторичномъ прочтеніи нашлась самая таже нелѣпица. И такъ видя, что изъ однодворцовыхъ собственныхъ мыслей и трудовъ ничего путнаго не выдетъ, а рѣчь непремѣнно имѣть хотѣлъ, то и приказалъ онъ ему придти къ себѣ въ кабинетъ въ наступившій день до свѣту. Онъ въ назначенный часъ явился. Державинъ, посадя его, велѣлъ ему подъ диктатурою своею писать рѣчь по собственному своему расположенію и мыслямъ, которыя онъ въ теченіи дня въ головѣ своей собралъ и расположилъ въ надлежащій порядокъ. Но какъ одно-

---

(1) Тамбовскіе архіереи титуловались тогда Тамбовскими и Пензенскими. Городъ Ломовъ нынѣ упраздненъ.

дворцу не было приличнаго мѣста гдѣ бы ему ту рѣчь по состоянію его сказать можно было; ибо въ церкви не льзя, для того, что онъ былъ не церковнослужитель; въ школѣ также не вмѣстно, ибо не былъ ни учитель и ни почему не принадлежалъ къ чиновникамъ сего заведенія. А для того выдумалъ, чтобъ онъ на такомъ мѣстѣ сказалъ ее, которое можетъ принадлежать всему народу. Въ слѣдствіе чего приказалъ ему переписать ее на бѣло и на другой день, то есть на канунѣ уже праздника, тоже по утру рано явиться къ нему въ кабинетъ. По исполненіи сего, пересмотрѣвъ и переправивъ еще, приказалъ ему, чтобъ, когда процессія духовная будетъ возвращаться послѣ освященія училища въ соборъ, то чтобъ онъ, остановя ее, начиналъ свою рѣчь, которая начиналась такимъ образомъ: « Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего » и проч. Сіе въ точности такъ было исполнено. Когда преосвященный со всѣмъ своимъ духовнымъ причетомъ, отслужа молебенъ и окропя святою водою классы, хотѣлъ съ собраніемъ всѣхъ чиновъ выдти изъ училища, то однодворецъ остановилъ его вышеписаннымъ началомъ рѣчи; и губернаторъ тотчасъ подвинулъ ихъ въ училище, гдѣ уже и говорена была рѣчь передъ портретомъ Императрицы порядочно; но при томъ мѣстѣ, гдѣ онъ предавалъ въ покровительство Государынѣ сына своего, жена его, стоявшая за нимъ съ малолѣтнымъ его младенцемъ, отдала ему онаго, а онъ положилъ его предъ потретомъ, говоря со слезами тѣ слова, которыя тамъ написаны. Сіе трогательное дѣйствіе такъ поразило всѣхъ зрителей, что никто не могъ удержаться отъ сладостныхъ слезъ, въ благодарность просвѣтительницѣ народа проліянныхъ, и надавали столько оратору денегъ, что онъ нѣсколько недѣль съ пріятелями своими не сходилъ съ кабака, ибо также любилъ куликать. Рѣчь сія послана была къ намѣстнику и оттоль натурально въ Петербургъ къ Императрицѣ, гдѣ привела Государыню столько въ умиленіе, что она отъ удовольствія пролила слезы и вообще такое произвела во всѣхъ удивленіе, что присланъ былъ отъ графа Безбородки курьеръ, и именемъ Императрицы приказано было однодворца въ Петербургъ;

ибо тотчасъ усумнились, какимъ образомъ можно было простому мужику имѣть такія чувства и свѣдѣнія, каковыя въ той рѣчи оказались, и каковыхъ отъ лучшихъ риторовъ ожидать только можно. Сіе происшествіе, а при томъ и успѣхи, тотчасъ показавшіеся отъ ученія, какъ то между прочимъ на примѣръ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ появилось во всемъ Тамбовѣ въ церквахъ Италіанское пѣніе (sic). Это было сдѣлано такъ, что одинъ придворный искусный пѣвецъ, спадшій съ голоса, служилъ секретаремъ въ Нижней Расправѣ и въ состояніи былъ учить классъ вокальной музыкѣ. А какъ извѣстно, что купечество въ Россіи вездѣ охотники до духовнаго пѣнія, то губернаторъ, прибавя сказанному секретарю нѣсколько жалованія изъ Приказа Общественнаго призрѣнія къ получаемому имъ изъ Разправы, велѣлъ учредить пѣвческій классъ по воскресеньямъ для охотниковъ, то тотчасъ и загремѣла по городу вокальная музыка. Забавно и пріятно видѣть, когда слышишь вдругъ человѣкъ 400 дѣтей, смотрящихъ на одну черную доску и тянущихъ одну ноту. А какъ и другія науки, какъ то ариѳметика, чтеніе и писаніе прекраснѣе показались по городу, и сенаторы графъ Воронцовъ и Нарышкинъ, въ началѣ 1787 года осматривавшіе губернію, подтвердили народную похвалу Императрицѣ относительно правосудія, успѣшнаго теченія дѣлъ, безопасности, продовольствія народнаго и торговли, также пріятныхъ собраній и увеселеній, такъ что начало знатное дворянство не токмо въ губернскомъ городѣ часто съѣжаться, но и строить порядочные домы для ихъ всегдашняго житья, переѣзжая даже изъ Москвы; то все сіе и возродило въ намѣстникѣ нѣкоторую зависть. Сіе прежде всего примѣтно стало изъ того, что онъ зачиналъ къ себѣ требовать и брать артистовъ противъ воли губернатора и ихъ самихъ въ Рязань для устройства тамъ театра и прочихъ увеселеній, какъ то машиниста, живописца и балетмейстера, которыхъ губернаторъ стараніемъ своимъ выписалъ и содержалъ разными вымышленными имъ безъ ущерба казны и чьей либо тягости способами, какъ то выше явствуетъ.

Но въ теченіе сего же года открылось уже явное намѣстника неудовольствіе противъ губернатора. Причина бы-

ла тому слѣдующая. Въ исходѣ того 1787 года должны быть по губерніямъ въ казенныхъ палатахъ торги на винный откупъ. Въ законѣ было сказано, что Казенная Палата, постановивъ на мѣрѣ съ откупщикомъ кондиціи, прежде заключенія контракта, отошлетъ ихъ на уваженіе Губернскаго Правленія, генералъ губернатора и Сената. Тамбовская Казенная Палата, сдѣлавъ торги, сколько по слуху въ городѣ извѣстно было, съ ненадежными людьми и съ уменьшеніемъ сложности 20,000 ведеръ вина, что̀ дѣлало въ годъ казнѣ убытку 30,000 и въ 4 года 120,000 рублей послала къ намѣстнику, а въ Губернское Правленіе не присылала. Губернаторъ ждалъ, что̀ изъ сего будетъ и говорилъ словесно вице-губернатору (человѣку жадному къ интересу и, можно сказать, криводушному подьячему), но онъ отыгривался разными увертками, упираясь впрочемъ на то, что отослалъ къ намѣстнику и, когда отъ него получитъ, тогда сообщитъ Правленію. Надобно знать, что намѣстникъ сей или генералъ губернаторъ былъ, какъ выше сказано, человѣкъ весьма слабый, или, по просту сказать, дуракъ, набитый барскою пышностію, что зять графа Разумовскаго ([1]), и дѣлъ, особливо же статскихъ, ни мало не разумѣющій. Онъ былъ водимъ его секретаремъ г. Лабою, который послѣ былъ генералъ провіантмейстеромъ: человѣкъ проворный, умѣющій вкрадываться и подольщаться къ разнаго характера людямъ. Ушаковъ вице-губернаторъ съ нимъ сдружился, а можетъ быть и раздѣлялъ съ нимъ и съ сенатскими оберъ секретарями или повыше съ кѣмъ тѣ 120,000 рублей, которыя съ уменьшеніемъ сложности изъ казны украли. Такимъ образомъ какъ они на хищеніе царскаго интереса сладились, то и присланы кондиціи въ Правленіе на канунѣ новаго года съ таковымъ требованіемъ, чтобъ Правленіе, съ началомъ онаго, немедленно допустило новыхъ откупщиковъ до содержанія откупа. Губернаторъ, примѣтя козни, что ежели не допустить, то откупщики войдутъ съ претензіею и начтутъ многія суммы, которыя падутъ на счетъ губернатора, а ежели допуститъ, то будетъ

---

(1) Гудовичъ былъ женатъ на гр. Прасковьѣ Кириловнѣ Разумовской.

соучастникъ ущерба интереса; а потому и далъ онъ резолюцію, что какъ по наступившему времени къ отдачѣ новымъ откупщикамъ откупу некогда уже сбирать справокъ о залогахъ, представленныхъ отъ откупщиковъ и о ихъ благонадежности, а господинъ генералъ-губернаторъ уже нашелъ ихъ достаточными и уважилъ, то Губернское Правленіе, не входя ни въ какое за симъ новое разсмотрѣніе, яко главнаго начальника губерніи, относится къ нему и ждетъ его предписанія, которое послѣдовало. Откупъ отданъ, и Сенату, съ прописаніемъ всего происшествія, отрапортовано. Едва прошло мѣсяца два откупа, вступилъ въ Правленіе на главнаго откупщика, купца Тамбовскаго, Матвѣя Бородина, вексель не на весьма важную сумму, помнится тысячи на три. Правленіе, по законному порядку, предписало комендангу съ Бородина ту сумму требовать. Онъ отозвался неимѣніемъ денегъ; предписано въ домѣ описать имѣніе; но онаго ничего не нашлось, слѣдовательно и объявленный имъ подъ откупъ капиталъ, какъ и у прочихъ его соучастниковъ, по справкамъ оказался подложный, то есть выставленъ на одной бумагѣ, а въ существѣ своемъ пустой, никакого достоинства не имѣющій. Въ такомъ случаѣ, чтобъ Правленію самому не подпасть подъ взысканіе, когда откупщики не будутъ взносить откупной суммы, какъ уже и дѣйствительно недоимки накопляться стали, губернаторъ приказалъ, на основаніи учрежденія о управленіи губерніями, губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчему взнесть искъ; что исполнено, и жалоба его отправлена въ Сенатъ. Вотъ симъ то и возгорѣлась уже явная злоба намѣстника противъ губернатора. Между тѣмъ случилось еще происшествіе, достойное примѣчанія, которое ознаменовалось совершеннымъ подъискомъ и гоненіемъ губернатора.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ (1788), 24 числа, т. е. на канунѣ Благовѣщенія, явился къ губернатору Воронежскій купецъ Гарденинъ съ открытымъ ордеромъ ко всѣмъ губернаторамъ отъ главнокомандующаго въ арміи князя Потемкина Таврическаго, которымъ препоручалось имъ помогать ему Гарденину, яко провіантскому коммиссіонеру, въ покупкѣ и до-

ставкѣ провіанту на армію, предводительствуемую имъ противъ Отоманской Порты, въ которой крайній былъ недостакокъ, такъ что по зимѣ еще съ Моздоцкой линіи и прочихъ мѣстъ дивизіонные командиры писали къ губернатору и просили его пріискать купить хлѣба; но какъ въ томъ году въ Тамбовской губерніи, да и въ прочихъ смежныхъ, родился хлѣбъ худо, то и не могъ онъ удовлетворить требованію ихъ. Гарденинъ, сверхъ помянутаго ордера, представилъ еще открытый указъ изъ Сената Казеннымъ Палатамъ, чтобъ ассигнованныя на воинской департаментъ суммы отпустили ему Гарденину безъ задержанія; обьявивъ при томъ словесно, что прислано и приторговано имъ хлѣба потребное число по рѣкѣ Воронѣ у разныхъ помѣщиковъ и отдано имъ задатку 50,000 р. съ тѣмъ, чтобъ при вскрытіи рѣки и при нагрузкѣ въ суда хлѣба, заплатить имъ остальную сумму; а ежели не заплатитъ, то съ нихъ поставки хлѣба не взыскивать и взятыхъ въ задатокъ денегъ не требовать. Поелику было то время, что скоро рѣка вскроется, то и просилъ онъ, чтобъ изъ ассигнованныхъ на военный департаментъ за прошлый и за настоящій годъ суммъ были потребныя ему деньги выданы, иначе же, когда упустится пора, то армія подвергнется крайнему бѣдствію. Губернаторъ (Державинъ), какъ деньги въ Казенной Палатѣ, препроводилъ его къ вице-губернатоту, чтобъ онъ отъ него деньги требовалъ. Гарденинъ возвратился и обьявилъ, что вицъ-губернаторъ отказалъ ему въ деньгахъ, сказавъ, что будто въ Палатѣ провіантскихъ суммъ нѣтъ. Губернаторъ вторично отослалъ его при секретарѣ Савицкомъ (что нынѣ вице-губернаторомъ въ Новѣ-городѣ), и велѣлъ просить его, чтобъ онъ удовольствовалъ коммиссіонера, ежели провіантскихъ и коммисаріатскихъ денегъ нѣтъ, хотя изъ другихъ суммъ, которыя опослѣ замѣнитъ, ибо государственная нужда, не теряя времени, того требуетъ, дабы не поморить арміи. Вице-губернаторъ, надѣясь на покровительство князя Вяземскаго яко генералъ прокурора и государственнаго казначея, и также и на генерала губернатора, отвѣтствовалъ съ грубостію, что у него денегъ нѣтъ, и сверхъ того, дабы оказать губернатору больше не-

уваженія и пресѣчь совсѣмъ надежду Гарденину безъ подарковъ получить ему деньги, поѣхалъ на винный Липецкій винокуренный заводъ, якобы для осмотру его годности, по сенатскому указу. Гарденинъ въ отчаяніи прибѣгнулъ паки къ губернатору. Тогда онъ приказалъ войти къ себѣ съ письменнымъ прошеніемъ съ прописаніемъ всѣхъ вышеописанныхъ обстоятельствъ и отказовъ вице-губернаторскихъ. Въ слѣдствіе чего, призвавъ къ себѣ казенныхъ дѣлъ стряпчаго, вѣлѣлъ ему подать себѣ вѣдомости о суммахъ, какія находятся въ Казенной Палатѣ наличными и куда какія ассигнованы суммы. Стряпчій отвѣтствовалъ, что губернскій казначей и прочіе члены Палаты той вѣдомости ему безъ вице губернатора не даютъ. Тогда онъ, по силѣ учрежденія о губерніяхъ, яко хозяинъ губерніи, далъ ордеръ коменданту, придавъ ему въ помощь для лучшаго соблюденія порядка совѣтника Правленія и секретаря, которымъ велѣлъ казну въ Губернскомъ Казначействѣ освидѣтельствовать и подать Губернскому Правленію рапортъ, сколько какихъ суммъ на лицо находится въ ономъ. А какъ предвидѣлъ онъ, что таковой его, хотя законный и должный, но рѣшительный поступокъ, отъ его недоброжелателей подвергнется разнымъ прицѣпкамъ и осужденію, то и далъ онъ подробное наставленіе своимъ коммисіонерамъ какъ поступать при свидѣтельствѣ казны, наблюдая возможную осторожность и порядокъ, то есть, что записывать всякій свой шагъ, по точной силѣ должности казначея, въ журналъ вообще съ тѣми чиновниками, которые отъ стороны Казенной Палаты при томъ свидѣтельствѣ находиться будутъ. Все сіе сохранено, и поданъ рапортъ въ Губернское Правленіе; но какъ свидѣтельство происходило по документамъ и по книгамъ нѣсколько дней, то натурально о выдачѣ денегъ Гарденину посланъ прежде рапортъ въ Сенатъ, а о свидѣтельствѣ послѣ, въ которомъ прописаны всѣ безпорядки и неустройство по казенной части: то есть Ассигнаціоннаго банка суммы болѣе 150,000 рублей валялись вовсе безъ записки, изъ коихъ, носился слухъ, раздаваны вице-губернаторомъ въ займы казенныя деньги безъ процентовъ и безъ залоговъ, кому хотѣлъ, также не-

окладные доходы, какъ то: за гербовую бумагу, за паспорты, сбирались безъ записки въ приходъ; провіантскихъ и коммисаріатскихъ суммъ было на лицо, не извѣстно по чему удержанныхъ и не высланныхъ въ мѣста, куда ассигнованы, около 200,000 т. е. несравненно болѣе чѣмъ Гарденинъ требовалъ; словомъ почти вся записная книга была бѣлая, документы разбросаны или и совсѣмъ растеряны, и неизвѣстныя какія-то деньги нашлись у присяжныхъ по коробкамъ, такъ что оказывалось въ растерѣ или похищеніи казенныхъ денегъ болѣе 500,000 рублей. Все сіе записано съ журналъ подлинно собственными руками, какъ коммисіонеровъ губернатора, такъ и губернскимъ и уѣзднымъ казначеемъ и стряпчимъ, безъ всякаго противурѣчія или жалобъ на какое либо притѣсненіе; и тогда же отрепортовано съ нарочными Сенату, и намѣстнику дано знать. Поелику же сіе происходило передъ страстною недѣлею, а по воскресеньямъ всегда собирались къ губернатору на вечеръ чиновники и ихъ жены, то въ вербное воскресенье, собравшись онѣ въ домъ губернатора, начали между собою переговаривать, что якобы свидѣтельство комендантъ и его помощники учинили подложное, притѣснительное и оклеветали Казенную Палату въ безпорядкахъ, коихъ совсѣмъ не было, а напротивъ того она нашлась въ наилучшей исправности, о чемъ Казенная Палата, сдѣлавъ опредѣленіе, послала съ нарочнымъ же рапортъ отъ себя Сенату. Сіе услышавъ губернаторша отъ женщинъ, сказала мужу. Онъ тотчасъ призвалъ къ себѣ губернскаго прокурора и спросилъ, извѣстенъ ли онъ и правда ли, что Казенная Палата сдѣлала опредѣленіе въ опроверженіе Губернскаго Правленія и послала рапортъ, якобы о лживомъ свидѣтельствѣ. Прокуроръ отвѣчалъ: правда. « Для чего вы не соблюли свою должность, въ учрежденіи вамъ предписанную, гдѣ вамъ велѣно доносить Губернскому Правленію не токмо о всѣхъ произшествіяхъ, но и о слухахъ и о ропотѣ народномъ? а вы, видя и пропуская опредѣленіе Палаты о беззаконныхъ поступкахъ коменданта и прочихъ коммиссіонеровъ, не донесли Правленію, которое могло свои взять мѣры и чрезъ изслѣдованіе открыть истину. Что подумаетъ Се-

натъ? Кому ему вѣрить, Правленію или Палатѣ?» Губернскій прокуроръ, услышавъ сіе, струсилъ, поблѣднѣлъ и затрясся. Губернаторъ безъ обиняковъ сказалъ ему, что, ежели онъ не исполнитъ своей должности по точной силѣ учрежденія, то онъ прямо принужденъ будетъ донести о всѣхъ беззаконныхъ произшествіяхъ Императрицѣ. Прокуроръ на другой день, то есть въ страстный понедѣльникъ, хотя день неприсутственный, но какъ по важному дѣлу, подалъ рапортъ Губернскому Правленію. Губернаторъ, принявъ оный, далъ резолюцію пригласить, какъ по экстренному дѣлу, предсѣдателей Палатъ, при нихъ, призвавъ всѣхъ чиновниковъ, казначеевъ и присяжныхъ, бывшихъ при свидѣтельствѣ казны въ Казначействѣ, спросить ихъ, какимъ образомъ дѣлано было притѣсненіе и угрозы присяжнымъ и прочимъ чинамъ комендантомъ и прочими коммиссіонерами. Предсѣдатели Уголовной и Гражданской Палатъ, двое Чичериныхъ, прибыли, а Казенной Палаты, какъ выше явствуетъ, вицъ-губернаторъ былъ на Липецкихъ заводахъ, то вмѣсто его пришелъ Экономіи директоръ Аничковъ. Скоро потомъ представлены казначей и присяжные, которые тайно пріѣхавшимъ изъ Липецка вице губернаторомъ и его сообщникомъ Экономіи директоромъ настроены, что на вопросъ въ Правленіи губернаторомъ, кѣмъ вы были принуждены при свидѣтельствѣ казны показывать неисправности Казначейства и похищеніе казны, въ одинъ голосъ всѣ отвѣтствовали: Комендантомъ. Какъ?—Онъ приказалъ изъ насъ одному присяжному, у котораго въ коробкѣ заперты были казенныя деньги: «ну поскорѣе отпирай и вынимай что у тебя тамъ есть,» толкнувъ притомъ тростнымъ набалдашникомъ въ спину. «Болѣе жъ никакого принужденія и устращиванія не было?» «Нѣтъ», отвѣчали. Сіи показанія записаны въ журналѣ Правленія и спрашиваны еще, не имѣютъ ли чего въ оправданіе свое сказать; но никто ничего не говорилъ, а всѣ были безгласны. Все сіе въ присутствіи всего собранія записано и репортовано Сенату и сообщено генералъ губернатору къ свѣдѣнію, который съ своей стороны послалъ жалобу въ оное правительство, что якобы губернаторъ его обидилъ между прочимъ и созывалъ изъ палатъ

въ Правленіе предсѣдателей, ссылаясь но учрежденіе, которымъ одному ему предоставлено право сзывать Палаты, при случаяхъ заключенія на новые законы. Сенатъ по первому рапорту о выдачѣ Гарденину денегъ сдѣлалъ губернатору строгой выговоръ, что якобы онъ вмѣшивался въ управленіе казенной части, которая непосредственно зависила отъ государственнаго казначея или князя Вяземскаго, не смотря на то, что онъ его ассигнацію приказалъ выполнить, велѣвъ отдать Гарденину деньги, ассигнованныя на провіантской департаментъ. По второму рапорту о свидѣтельствѣ денегъ въ Палагѣ и о произшедшемъ между Казенною Палатою и Правленіемъ несогласіи, велѣлъ на мѣстѣ генералъ губернатору безпорядокъ исправить, а пониженную сложность, не смотря на толь явной и умышленной ущербъ интереса по откупу, утвердилъ безъ всякаго изслѣдованія, не уважа никакихъ доводовъ казеннаго стряпчаго. Генералъ Губернаторъ, пріѣхавъ самъ для исполненія сенатскаго указа, что̀ сдѣлалъ, губернатору осталось неизвѣстнымъ, ибо онъ о семъ ни однимъ словомъ съ нимъ не объяснялся; а между тѣмъ въ Августѣ мѣсяцѣ, по случаю нечаянно объявленной войны съ Швеціею, какъ приказано было добровольно отданныхъ владѣльцами въ солдаты людей принимать, но на одежду и содержаніе ихъ денегъ не ассигновано, то губернаторъ требовалъ отъ намѣстника разрѣшенія, изъ какихъ суммъ оныя взять, ибо получивъ недавно указъ Сената не касаться казенной части, не смѣлъ самъ собою заимствовать оныхъ изъ коммиссаріатскихъ суммъ. Генералъ Губернаторъ отдѣлывался отъ письменной резолюціи, словесно приказывая взять изъ коммисаріатской суммы и намѣренъ былъ уѣхать изъ Тамбова въ Рязань, дабы необходимую выдачу изъ Казначейства на сію потребу денегъ обратить паки на губернатора и тѣмъ снова поджечь Вяземскаго, якобы въ присвоеніи имъ его должности. Но губренаторъ остерегся, требовалъ письменной резолюціи, или звалъ намѣстника въ Правленіе, дабы тамъ въ общемъ присутствіи сдѣлать по сему экстренному случаю положеніе; но онъ на сіе крайне разсердился, съ азартомъ кричалъ, что онъ понуждать его идти въ Правленіе не мо-

жетъ, что онъ долженъ исполнять всѣ его повелѣнія безпрекословно, какъ бы Императорскаго Величества, что онъ ничто иное, какъ его совѣтникъ; но губернаторъ говорилъ, что онъ правитель губерніи, а не совѣтникъ. Словомъ произошелъ между ними довольно горячій разговоръ; но никакой непристойности не было, и генералъ губернаторъ съ тѣмъ изъ Тамбова уѣхалъ, оставивъ наборъ людей, обмундированіе и продовольствіе ихъ на попеченіе губернатора.

Въ Сентябрѣ полученъ указъ изъ Сената, послѣдовавшій по жалобѣ намѣстника, въ коемъ многія глупыя небылицы и скаредныя клеветы на Державина написаны были. Между прочимъ, что будто онъ его за воротъ тащилъ въ Правленіе, что будто въ присутствіи его въ Правленіи сдѣланныя имъ распоряженія не исполнялъ, что накопилъ недоимки и другія всякія нелѣпицы, но ни одного истиннаго и уваженія достойнаго проступка или дѣла не сказалъ. Губернатору не трудно было на такой сумбуръ отвѣтствовать и опровергнуть лжи прямымъ дѣломъ. Но какъ зналъ онъ канцелярскій обрядъ, что не на справкахъ основанные отвѣты подлежатъ сумнѣнію и что начальничьи донесенія болѣе возымѣютъ вѣсу, нежели его отвѣты, то отлучивъ его отъ должности предадутъ дѣло въ Сенатъ къ законному сужденію, а Сенатъ нѣсколько лѣтъ будетъ собирать справки, которыя въ угодность генералъ губернатора будутъ такія, какія ему только будетъ угодны; словомъ, ежели не обвинятъ, то вѣчно просудятъ, чего имъ только и хотѣлось, дабы не допущать Державина въ столицу, или лучше до лицезрѣнія Императрицы; ибо таковъ есть законъ: кто подъ судомъ, то не допущается къ двору. Державинъ, все сіе предвидѣвъ, взялъ мѣры, дабы отвратить отъ себя толь злобно ухищренную напасть. Онъ, не объявя указа въ Правленіи, призвалъ къ себѣ секретарей и приказалъ имъ якобы по другой какой надобности, справиться о всемъ о томъ, о чемъ требуетъ съ него Сенатъ отвѣта, каждому по своей Экспедиціи и за подписаніемъ ихъ и совѣтниковъ по ихъ частямъ внести къ нему въ канцелярію. Они сіе исполнили, и совѣтники, не знавъ что по поводу сенатскаго указа тѣ справки требованы, подписали, а губернскій прокуроръ про-

пустилъ, не сдѣлавъ никакого возраженія. Тогда губернаторъ объявилъ Правленію сенатской указъ и тотъ же часъ, основавъ на тѣхъ справкахъ свой отвѣтъ, отправилъ въ Сенатъ. Прокуроръ и Совѣтники, бывши преданы изъ трусости къ намѣстнику, увидѣли, что сплошали, не затруднивъ справокъ. Первой изъ нихъ послалъ нарочнаго къ генералъ губернатору съ извѣстіемъ, что губернаторъ требуетъ справокъ противъ сенатскаго указа, получилъ съ тѣмъ же посланнымъ предписаніе, чтобъ никакъ не давать справокъ; но было уже поздно. Гудовичъ, будучи о семъ извѣщенъ, послалъ въ Сенатъ жалобу на Державина, говоря, что онъ подъ видомъ справокъ отдалъ якобы его подъ судъ Губернскому Правленію. Ему больно было, что справками обнаружились его лжи и черной души клевета; на примѣръ, онъ доносилъ Сенату, что губернаторъ въ присутствіи его въ Губернскомъ Правленіи сдѣланныхъ имъ распоряженій не исполнялъ: по справкамъ открылось, что онъ съ самаго своего пожалованія въ Тамбовскіе намѣстники въ Правленіи ни разу не бывалъ и распоряженій никакихъ не дѣлалъ. Что недоимокъ не взыскивалъ: оказалось, что никогда оныхъ такъ мало не было. Что́ же касалось до того, что будто за воротъ тащилъ въ Правленіе, то толь грубую ложь никакое безстыдное свидѣтельство подкрѣпить не могло; ибо надобно было, чтобъ кто нибудь ихъ рознялъ, и тому подобное. Сенатъ, получивъ вторую жалобу, хотя не могъ почесть ее за основательную; но, по убѣжденію генералъ прокурора Вяземскаго, а паче бывшаго тогда въ великой силѣ по связи съ графомъ Безбородкою графа Петра Васильевича Завадовскаго, который Гудовичу былъ не токмо землякъ и родственникъ по дому графа Разумовскаго, но и старинный другъ, опредѣлилъ, не дождавшись на указъ отъ Державина отвѣта, поднести Ея Величеству докладъ, въ которомъ почелъ ему то въ вину, что онъ долго якобы отвѣта не присылалъ, не смотря на то, что въ законахъ опредѣленнаго на отвѣты срока еще не прошло, и что не токмо третичнаго, но и вторичнаго побудительнаго указа къ нему послано не было. Графъ Завадовскій потрудился самъ написать докладъ, въ которомъ показалъ искусство свое въ

словоизобрѣтеніи, что выдумалъ, на обвиненіе Державина, особливо не слыханное ни въ какой юриспруденціи слово, а именно, что онъ *упослѣживаетъ отвѣтами*, и для того предать его суду. Императрица, получивъ таковой явно пристрастный докладъ, безъ отвѣта обвиняющій Державина, проникла на него гоненіе, и для того, положивъ его предъ собою, оставила безъ конфирмаціи. Между тѣмъ Державинъ въ узаконенный срокъ прислалъ отвѣтъ; но его Сенату не докладывали, а читали тайно по кабинетамъ и увидѣвъ гонимаго во всемъ невинность, положили безгласнымъ подъ красное сукно, вымышляя между тѣмъ способы и разныя козни, чѣмъ бы обвинить Державина и подвигнуть на него гнѣвъ Императрицы. Прошло мѣсяца съ два, что дѣло оставалось безъ всякаго движенія, и всѣ думали, что Императрица взяла сторону Державина, и ему ничего не будетъ. Но въ Ноябрѣ мѣсяцѣ насталъ срокъ къ новому выбору судей. Намѣстникъ пріѣхалъ, и дворяне съѣхались. Губернаторъ, получая о томъ ежедневно рапорты, пришелъ къ нему въ день балтированія и съ должною учтивостію спрашивалъ его, что̀ онъ ему по сему случаю прикажетъ. Онъ съ презрѣніемъ ему отвѣчалъ: « ничего. ».—« Въ обрядѣ выборовъ и на него возложена должность. »—« Мнѣ вы ни на что не надобны. » Губернаторъ, поклонясь, вышелъ вонъ и тотъ же часъ прислалъ къ нему рапортъ, съ прописаніемъ, что онъ у него спросилъ его повелѣнія, но онъ его безъ всякой причины удалилъ отъ выборовъ, то ежели что случится въ продолженіи оныхъ несогласное съ законами, то чтобъ уже онъ самъ за то изволилъ отвѣтствовать. Сія намѣстника такъ сказать письменная явка наиболѣе раздражила. Онъ послалъ къ графу Безбородку убѣдительное партикулярное письмо, написавъ въ немъ личное оскорбленіе и всякія нестерпимыя нелѣпости на губернатора, прося, чтобы онъ удаленъ бы изъ губерніи, описывая, что и при настоящемъ выборѣ дворянъ онъ дѣлаетъ затрудненіе и замѣшательство. Графъ Безбородко по тому письму докладывалъ, и тогда-то уже вышла конфирмація Императрицы на вышепомянутый сенатскій докладъ, въ которой сказано, чтобъ удаля Державина изъ Тамбовской губерніи, взять съ него

отвѣты, которые разсмотрѣть въ Москвѣ въ 6-мъ Сената департаментѣ.—Возрадовались всѣ его гонители, и вмѣсто того, чтобъ справедливый Сенатъ и истинный защитникъ невинности долженъ былъ сказать и войти съ докладомъ, что отвѣты уже Державинымъ присланы и какъ въ нихъ не находится никакой вины его, то предать Ея Величества благосоизволенію; напротивъ тотчасъ препроводили въ Москву, опасаясь допустить оклеветаннаго въ Петербургъ, чтобъ какъ либо присутствіемъ своимъ въ семъ городѣ не открылъ своей невинности, ибо письменныхъ жалобъ его не боялись, потому что они, проходя чрезъ руки статсъ-секретарей и почтъ-директора, пріятелей и приверженцевъ ихъ, не могли никакъ проникнуть до Императрицы. Словомъ Державинъ былъ въ крайнемъ со всѣхъ сторонъ угнѣтеніи, ибо Вяземскаго и Безбородкина партія, то есть Сенатъ, генералъ прокуроръ, генералъ губернаторъ и статсъ секретари, всѣ были противъ него. Хотя на князя Потемкина, по случаю помоществованія арміи хлѣбомъ чрезъ Гарденина и благосклоннаго расположенія Василія Степановича Попова, правителя его канцеляріи, и была нѣкоторая надежда; но какъ оные три сильные вельможи, Потемкинъ, Безбородка и Вяземскій, у коихъ были въ рукахъ бразды царственнаго правленія, чтобъ не мѣшать другъ другу, составили тогда между собою тріумвиратъ, любимецъ же Императрицы графъ Мамоновъ (1) ни съ какой стороны не былъ знакомъ Державину, то и былъ онъ въ бездиѣ погибели, изъ коей, казалось, никоимъ образомъ выйти ему не можно было. Но невинность его и Богъ противное учинили, какъ то ниже увидимъ.

Такимъ онъ образомъ долженъ былъ, противъ желанія всѣхъ благомыслящихъ, въ исходѣ 1788 года оставить Тамбовскую губернію, въ которой онъ много полезнаго сдѣлалъ, какъ то:

1. Написалъ топографію губерніи.

2. Учредилъ въ Губернскомъ Правленіи порядокъ для сокращенія производства, котораго прежде не было, такъ

---

(1) Случай гр. *Александра Матвеевича Мамонова* продолжался съ Іюля 1786 г. по Іюль 1789 г.

что раздѣля по совѣтникамъ дѣла на экспедиціи, завелъ три журнала, изъ коихъ два для совѣтниковъ, а третій для себя: въ первыхъ двухъ совѣтники должны были писать резолюціи кратко своими руками, по подобнымъ дѣламъ, каковыя уже губернаторомъ и Правленіемъ опробованы были; а въ третьемъ губернаторъ самъ по каковымъ еще прежде положенія не было. Симъ сокращалось время и производство, ибо вмѣсто одной выходило три резолюціи, однако основательныя и согласныя съ законами. Сіи три докладные реестры съ резолюціями совѣтниковъ и губернатора составляли каждаго дня журналъ Правленія, который подписывали подъ каждой статьей по своимъ частямъ совѣтники, а наконецъ губернаторъ. А какъ дѣла были разобраны по матеріямъ и вносились въ докладной реестръ одно за однимъ того же роду, то написавъ на первое резолюцію, сочиненную опробованнымъ прежде таковымъ же, послѣдующія совѣтникъ разрѣшалъ однимъ словомъ: то же, то же.

3. Подобно сему сокращены и исполнены были самымъ дѣломъ, а не на одной только бумагѣ, губернскія публикаціи, которыхъ, какъ извѣстно, во всякомъ правленіи отъ почты до почты вступаетъ великое множество. Сіе сдѣлано было такъ. Учрежденъ былъ особой столъ съ однимъ столоначальникомъ и двумя писцами. Они должны были изъ всѣхъ сообщеній, требующихъ обнародованія, составлять еженедѣльной реестръ, изображая въ немъ кратко, о чемъ, откуда публикуетъ. Въ пятницу по реестру сему докладывалось Правленію, на которомъ однимъ словомъ отмѣчалъ совѣтникъ: *публиковать*. Въ субботу и воскресенье всѣ статьи публикаціи на одномъ большемъ листу, подобномъ табели, которую можно къ стѣнѣ прибить, печатывались въ типографіи. Въ понедѣльникъ листы сіи приносились въ Правленіе, которые при краткихъ печатныхъ указахъ, прежде уже изготовленныхъ, посылались городничимъ съ таковымъ только изъясненіемъ, что посылается столько экземпляровъ. Городничій долженъ былъ оные экземпряры раздать по присутственнымъ мѣстамъ, и въ Нижній Земскій Судъ съ бо̀льшимъ оныхъ количествомъ; Нижній Земскій, приложа при каждомъ экзем-

пляръ по нѣскольку листовъ бѣлой бумаги, отсылалъ съ статными драгунами въ четыре конца своего уѣзда до первыхъ земскихъ избъ, гдѣ земскій писарь на бѣлой бумагѣ отмѣтивъ, что публикацію видѣлъ, отсылаетъ съ ходакомъ уже до второй земской избы, и такъ далѣе. По огласкѣ во всемъ уѣздѣ возвращались экземпляры съ подписанными листами въ Земскій Судъ и прибивались къ стѣнамъ по церквамъ, базарамъ и ярмаркамъ, къ свѣдѣнію всего парода. Такимъ образомъ въ весьма короткое время извѣщалась вся губернія самымъ дѣломъ, а не на письмѣ только, о разрѣшеніи и запрещеніи имѣнія, о подрядахъ и откупахъ, о бѣглыхъ рекрутахъ и о прочемъ, о чемъ неточныя публикаціи производятъ въ дѣлахъ нетокмо замѣшательство и затрудненіе, но и самыя злоупотребленія. Сему подобный для скорѣйшаго отправленія дѣлъ учредилъ онъ распорядокъ въ перепискѣ съ подчиненными мѣстами Губернскаго Правленія: приказалъ присылать обыкновенныя вѣдомости о доимкахъ, о хлѣбномъ урожаѣ и о прочемъ въ пакетахъ въ полъ листа, о дѣлахъ, которыя требуютъ резолюціи или предписанія Правленія, въ четверть листа, а рапорты о полученіи указовъ въ осьмую долю листа, чѣмъ сокращалось весьма теченіе дѣлъ; ибо закопами предписано судьямъ самимъ разпечатывать пакеты и помѣчать число на полученныхъ бумагахъ, то и выходила пеминуемая медленность и для совѣтниковъ великой трудъ, что они должны были каждый пакетъ распечать, прочесть бумагу, помѣтить въ вѣдомости и за извѣстіе отдать секретарямъ; но когда пакеты были разняты, то дежурный секретарь по наружной ихъ формѣ, не разпечатывая, разбиралъ и требующіе резолюціи клалъ передъ судей, вѣдомости раздавалъ секретарямъ по экспедиціямъ, а репорты о полученіи указовъ въ регистратуру прямо для записки въ регистратуру, не взнося всѣхъ оныхъ въ докладные реэстры, чемъ соблюдались вышеписанные законы и несравненно дѣла ускорялись; ибо пустыя бумаги не обременяли дѣлопроизводителя.

4. Вѣдомости, получаемыя изъ Казенной Палаты о полученіи доходовъ и о недоимкахъ, а равно и изъ судебныхъ мѣстъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ, согласно за-

конамъ и учрежденію, приказалъ присылать только въ два срока, а не нѣсколько разъ, какъ и когда кому вздумалось, и дѣлалъ по нимъ градской и сельской полиціи только два раза въ годъ предписаніе, штрафуя неисправныхъ безъ лицепріятія, чѣмъ и трудъ облегчался и исполненіе чинилось дѣйствительнѣе, какъ по запутанности дѣлъ частыя, но слабыя предписанія.

5. По казенной части въ сборѣ податей и свидѣтельствъ казны на основаніи законовъ такое сдѣлалъ по зависящимъ отъ Губернскаго Правленія мѣстамъ распоряженіе, что и по нынѣ Государственное Казначейство, при ревизованіи счетовъ, руководствуется онымъ.

6. Разобралъ по точной силѣ законовъ вины преступниковъ, содержащихся безъ всякаго прежде различія въ тюрьмахъ, сдѣлавъ распоряженіе, кого отпустить на росписки и поручительство, кого содержать строже, кого слабѣе, разсадя ихъ всѣхъ по особымъ каморамъ, по мѣрѣ ихъ винъ и преступленій; и перестроя изъ старыхъ строеній съ пособіемъ суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія благоучрежденный тюремный домъ съ кухнею, лазаретомъ, приказалъ въ немъ содержать возможную чистоту и порядокъ, чего прежде не было, а содержали въ одной такъ сказать ямѣ, огороженной полисадникомъ, по нѣскольку сотъ колодниковъ, которые съ голоду, съ стужи и духоты помирали, безъ всякаго о нихъ попеченія.

7. Учредилъ типографію, въ которой печатались не токмо указы сенатскіе, но и прочія скораго исполненія требующія предписанія Губернскаго Правленія, а также и губернскія вѣдомости о цѣнахъ хлѣба, чѣмъ обуздывалось своевольство и злоупотребленіе провіантскихъ коммиссіонеровъ, и о прочемъ къ свѣдѣнію обывателей нужномъ.

8. Изслѣдованы препятствія и затрудненія судовому ходу по рѣкѣ Цнѣ, по коему суда назадъ отъ Рыбной не возвращались и къ облегченію плаванія придуманы средства съ описаніемъ сего въ подробности и съ приложеніемъ плановъ и смѣтъ, препровождены къ намѣстнику, а отъ него Императрицѣ. Но какъ князь Вяземскій, управлявшій государ-

ственною казною, не доброхотствовалъ Державину; то, по бывшей тогда съ Турками войнѣ, отговорился неимѣніемъ денегъ, требуемыхъ на все то исправленіе, не болѣе 20,000 рублей. Слышно однако было, что правительство водяной коммуникаціи то описаніе, планы и смѣты успѣшнаго плаванія судовъ, отъ Морши до Рыбинска и обратно, одобрило; но что изъ того вышло, не извѣстно.

9. Купилъ по препорученію Императрицы для запаснаго Петербургскаго хлѣбнаго магазейна муки около 100,000 кулей, которой обошелся съ поставкою дешевле провіантскаго вѣдомства 15 копѣйками, изъ чего видно, чтобъ могъ положить себѣ въ карманъ безъ всякой опасности до 10,000 рублей.

10. Открылъ убивство въ Темниковѣ княгини Девлеткильдеевой племянникомъ ея Богдановымъ, которое совершилось, такъ сказать, съ свѣдѣнія городничаго и прочихъ земскихъ чиновниковъ. Исправилъ дороги, пріумножилъ доходы Приказа Общественнаго Призрѣнія въ годъ до 40 тысячь рублей (1).

---

(1) Къ двумъ послѣднимъ годамъ Тамбовской жизни Державина, т. е. къ 1787 и 1788 годамъ, относятся слѣдующія стихотворенія его:

52) *На смерть графини Румянцевой* I, 427. (Гр. М. А. Румянцева, мать Задунайскаго, скончалась 4 Мая 1788 года. Эти стихи Державинъ отправилъ къ княгинѣ Дашковой).

53) *Осень во время осады Очакова* I, 422. (Написано въ 1788 году и послано къ племянницѣ кн. Потемкина, Варварѣ Васильевнѣ Голицыной, которая тогда жила недалеко отъ Тамбова, въ селѣ своемъ Зубриловкѣ, а сама занималась словесностью и даже напечатала въ Тамбовѣ одну книгу своего перевода).

Тогда же Державинъ сдѣлалъ вторую попытку напечатать свое стихотвореніе *Властителямъ и судіямъ*, которое семь лѣтъ тому назадъ было выдрано изъ С. Петербургскаго Вѣстника (см. выше, стр. 135). Онъ послалъ эти стихи въ Петербургъ, въ журналъ Ѳ. Туманскаго *Зеркало Свѣта*, гдѣ они и напечатаны въ Январьской книжкѣ 1787 года. Это уже вторая, болѣе сильная редакція, съ прибавкою новой строфы. Позднѣе Державинъ еще разъ передѣлалъ ее. Весьма любопытно сравнить три редакціи.—Державинъ ничего не говоритъ о своихъ разъѣздахъ по Тамбовской губерніи; но память о его пріѣздѣ въ городъ Липецкъ (тогда еще просто заводъ) доселѣ сохранилась тамъ. Онъ останавливался въ домѣ П. Т. Бурцова. Дочь сего послѣдняго до сихъ поръ помнитъ, какъ онъ ласково обращался съ жителями и бралъ сторону бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Но не смотря на всѣ сіи попеченія и заботы о благосостояніи ввѣренной губерніи, Державинъ, по злобѣ сильныхъ его недоброжелателей, отлученъ изъ Тамбова и явился въ Москвѣ къ суду 6-го Сената Департамента, по вышесказанному доносу намѣстника, отправя жену свою къ матери ея въ Петербургъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

По отлученіи отъ губернаторства до опредѣленія въ Статсъ-Секретари, и потомъ въ Сенаторы, и въ разныя министерскія должности. (1788 — 1792).

Пріѣхавъ въ Москву, помнится, въ Рождественскій постъ (1788 г.), явился въ Сенатъ, нашелъ дѣло еще недокладываннымъ. Сколько ни просилъ о томъ; но все отлагали день за день, отговариваясь, что сенаторъ князь Петръ Михайловичь Волконскій за болѣзнію не въѣзжаетъ въ присутствіе. Надобно знать, что сей князь Волконскій родня князя Вяземскаго, и былъ предъ тѣмъ оберъ прокуроромъ при Московскихъ Сената департаментахъ, то и находился у всѣхъ, по тѣмъ связямъ, какъ у большихъ, такъ и малыхъ чиновъ сенаторскихъ, въ великомъ уваженіи. Никто противъ его не смѣлъ говорить, и оберъ прокуроръ князь Гагаринъ ([1]), отъ котораго зависѣло приказать предложить дѣло къ слушанію, сколько былъ ни прошенъ, ничего не предпринималъ. Протекло ужъ 6 мѣсяцовъ. Державинъ шатался по Москвѣ праздно. Видя, что такая проволочка единственно происходитъ изъ угожденія князя Вяземскаго; потому, что не находя его ни въ чемъ виннымъ, отдаляли оправданіе, дабы не подпасть самимъ подъ гнѣвъ Императрицы. Наконецъ онъ нерѣшимостію наскучилъ и какъ въѣзжъ былъ въ домъ князя Волконскаго и довольно ему знакомъ, ведя съ нимъ въ

---

(1) *Гаврила Петровичь Гагаринъ* (1743 — 1808). Онъ дослужился до чина дѣйств тайн. совѣтника и имѣлъ андреевскій и владимірскій ордена первой степени, и былъ при Александрѣ министромъ коммерціи. Возвышеніе его особенно содѣйствовало то, что, въ царствованіе Павла, сынъ его Павель Гавриловичь былъ женатъ на знаменитой княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной.

бытность его въ Петербургѣ хлѣбъ и соль, то, пріѣхавъ въ одинъ день къ нему, просилъ съ нимъ переговору въ его кабинетѣ. Князь не могъ отъ сего отговориться. Державинъ началъ ему говорить: «Вы, слава Богу, князь, сколько я вижу, здоровы, но въ Сенатъ въѣзжать не изволите, хотя тамъ мое дѣло уже съ полгода единственно за неприсутствіемъ вашимъ не докладываетя. Я увѣренъ въ вашемъ добромъ сердцѣ и въ благорасположеніи ко мнѣ; но вы дѣлаете сіе мнѣ притѣсненіе изъ угожденія только князю Александру Алексѣевичу, то я увѣряю Ваше Сіятельство, что ежели будете длить и не рѣшите мое дѣло такъ или сякъ, я истребую моего оправданія, ибо увѣренъ въ моей невинности; то принужденымъ найдусь принесть жалобу Императрицѣ, въ которой изображу всѣ причины притѣсненія моего генералъ прокуроромъ, какъ равно и состояніе управляемаго имъ Государственнаго Казначейства самовластно и въ противность законовъ, какъ онъ раздаетъ жалованье и пенсіоны, кому хочетъ, безъ указовъ Ея Величества, какъ утаиваетъ доходы, дабы въ случаѣ требованія на нужныя издержки показать выслугу предъ Государынею, нашедши якобы своимъ усердіемъ и особымъ распоряженіемъ деньги, которыхъ въ виду не было, или совсѣмъ оныя небреженіемъ другихъ чиновниковъ пропадали, и тому подобное; словомъ всѣ опишу подробности, ибо, бывъ совѣтникомъ государственныхъ доходовъ, всѣ крючки и норы знаю, гдѣ скрываются, и по переводамъ суммъ въ чужіе края умышленно государственные ресурсы къ пользѣ частныхъ людей, прислуживавшихъ его сіятельству; коротко, хотя буду десять лѣтъ подъ слѣдствіемъ и въ бѣдствіи, но представлю нелживую картину худаго его казною управленія и злоупотребленія сдѣланной ему Высочайшей довѣренности. То не введите меня въ грѣхъ и не заставьте быть доносчикомъ противу моей воли, рѣшите мое дѣло, какъ хотите, а тамъ Богъ съ вами, будьте благополучны.» Князь Волконскій почувствовалъ мои справедливыя жалобы, обѣщалъ выѣхать въ Сенатъ, что и дѣйствительно въ первый понедѣльникъ исполнилъ, и дѣло мое, яко на справкахъ основанное и ясно доказанное, въ одно присутствіе кончено. — Хотя Казенная Палата и самъ

генералъ губернаторъ изобличены въ небреженіи ихъ должностей, а губернаторъ напротивъ того найденъ ни въ чемъ невиноватымъ; но о нихъ ничего не сказано, а о немъ, что какъ де онъ за справки, требованныя имъ изъ Губернскаго Правленія противъ генералъ губернатора, удаленъ отъ должности. то и быть тому такъ. Свѣдавъ таковое кривое и темное рѣшеніе, Державинъ, не имѣвъ его въ рукахъ формально, не могъ противъ онаго никакого дѣлать возраженія; ибо тогда не было еще того узаконенія, какъ нынѣ, чтобъ по слѣдственнымъ дѣламъ объявлять подсудимымъ открыто рѣшительныя опредѣленія и давать имъ двѣ недѣли сроку на написаніе возраженія, буде дѣло рѣшено несправедливо и незаконно. Державинъ не зналъ, что въ семъ утѣснительномъ положеніи дѣлать и какъ отвратить предъ Императрицею сіе маловажное само по себѣ беззаконное опредѣленіе Сената. И такъ принужденъ былъ дать чрезъ одного стряпчаго оберъ секретарю 2000 рублей за то, чтобъ только позволилъ копію списать съ того рѣшительнаго опредѣленія. дабы, прибѣгнувъ къ Императрицѣ съ просьбою, въ чемъ противъ онаго не ошибиться; и также оберъ прокурора князя Гаврилу Петровича Гагарина упросилъ, чтобъ ему объявлено было въ Сенатѣ, что дѣло его рѣшено и до него болѣе никакого дѣла нѣтъ, дабы могъ онъ уже свободно ѣхать въ Петербургъ. При семъ случаѣ, къ чести должно сказать Графа Петра Ивановича Панина, который, какъ выше явствуетъ, по Пугачевскому Саратовскому произшествію былъ къ нему недоброжелателенъ и его гналъ, но когда пріѣхалъ въ Москву и былъ у него, то онъ его принялъ благосклонно и оказалъ ему вспомоществованіе по сему дѣлу, заступивъ у князя Гагарина, какъ и въ семъ случаѣ, дабы объявленіемъ въ Сенатѣ неимѣнія до него ни какого касательства учинить его отъѣздъ въ Петербургъ свободнымъ. Таковая благосклонность, думаю я. единственно отъ добраго его и сострадательнаго сердца происходила, а другіе полагаютъ, что онъ князя Вяземскаго по давнишней ссорѣ его съ нимъ въ Сенатѣ не любилъ и всѣ дѣла его опорочивалъ, будучи всякой день, такъ сказать, поджигаемъ

противъ него Александромъ Ивановичемъ Глѣбовымъ ([1]), бывшимъ предъ Вяземскимъ генералъ прокуроромъ, Петромъ Петровичемъ Моисѣевымъ, отставнымъ вице-президентомъ Камеръ-Коллегіи, Соляной Канцеляріи совѣтникомъ Шапкинымъ и господиномъ Князевымъ, бывшимъ главнымъ судьею въ Межевой Канцеляріи, которые всѣ жаловались на явное гоненіе князя Вяземскаго, и потому худое расположеніе графа Панина противъ его поддерживали. По симъ обстоятельствамъ и Державинъ съ сими извѣстными въ государствѣ дѣльными людьми, въ бытность его въ Москвѣ, коротко познакомился. Они прочитывали ему всѣ ихъ дѣла и объясненія, какъ бы требуя его одобренія, въ которыхъ, по справедливости сказать, много было основательнаго ума и остроты, а паче свѣденія въ законахъ; но недоставало мягкости въ нравахъ и пріятности въ объясненіяхъ, особливо слогъ былъ кудреватъ и надмѣру плодовитъ, Шапкина дерзокъ и даже обиденъ, Князева крючковатъ, двусмысленъ, наполненъ софизмами или несправедливыми заключеніями; Глѣбова сухъ, напыщенъ и никакихъ отличныхъ мыслей въ себѣ не представляющій, такъ что я удивлялся разности противъ манифеста 1762 года о возшествіи на престолъ Императрицы Екатерины второй, который ему приписывали и въ которомъ въ великой краткости много силы и политичныхъ причинъ къ стати на тотъ случай, для удостовѣренія простаго народа, сказанныхъ ([2]). Какъ бы то ни было, но Державинъ, по своей ли невинности и по Божьему къ нему благоволенію, похвалиться можетъ, что изъ всѣхъ

---

(1) *Александръ Ивановичъ Глѣбовъ* (1718 — 1790) былъ изъ духовнаго званія. Онъ во второмъ бракѣ женился на Марьѣ Симоновнѣ Чоглоковой, урожд. Гендриковой, двоюродной сестрѣ Императрицы Екатерины, и черезъ это, а равно и черезъ покровительство Шуваловыхъ, быстро возвысился, такъ что при Петрѣ III игралъ значительную роль. Екатерина скоро смѣнила его съ генералъ прокурорской должности княземъ Вяземскимъ. Въ *секретнѣйшемъ наставленіи* сему послѣднему сказано, что Глѣбовъ, служа при гр. П. И. Шуваловѣ, напитался *дурными принципіями*. По обычаю тогдашнихъ опальныхъ людей, онъ переѣхалъ жить въ Москву.

(2) Манифестъ этотъ, по болѣе общему и болѣе вѣрному преданію, писанъ тогдашнимъ адъюнктомъ Академіи Наукъ, Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ.

вышепрописанныхъ острыхъ и дѣльныхъ головъ, извѣстныхъ всему государству, одинъ, не токмо не вредимъ, но еще съ честію вырвался изъ когтей князя Вяземскаго (1).

Пріѣхавъ въ Петербургъ, какъ къ генералъ прокурору, къ первому къ нему явился на дачѣ въ селѣ Александровскомъ. Принятъ былъ, что̀ называется съ пересемениваніемъ или съ смятеніемъ совѣсти, очень ласково. Онъ говорилъ ему: « Ну, любезный другъ, теперь лучше, какъ съ гуся вода»; ибо вся цѣль была, сколько извѣстно, его и прочаго дѣловаго министерства, чтобъ, обходясь съ Державинымъ ласково, не допустить его въ службу, дабы не мѣшалъ имъ самовластвовать. Но онъ не то думалъ; онъ хотѣлъ дока-

---

(1) Къ Московской жизни Державина, т. е. къ концу 1788 и началу 1789 года относятся слѣдующія стихотворенія его:

54. *Побѣдителю* I, 33. Это подражаніе 90 псалму написано въ 1788 г. вскорѣ послѣ взятія Очакова, и по свидѣтельству Остолопова, отправлено тогда же къ кн. Потемкину, безъ имени сочинителя. Восхваляется благочестіе Потемкина.—1789 года.

55. *Величество Божіе* I, 13. (Псаломъ 103).

56. *На счастіе* I, 172. Сатирическая піеса. Живя въ Москвѣ, Державинъ конечно бывалъ у Херасковыхъ; но съ Новиковымъ и со всѣмъ кружкомъ его, онъ, кажется, никогда не сближался, и вовсе не сочувствовалъ дѣятельности мартинистовъ. Въ этой піесѣ къ нимъ относится стихъ: *Мартышки въ воздухъ явились*. Обращаясь къ счастію, Державинъ говоритъ

Бывало ты меня къ боярамъ
Въ любовь введешь; беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры,
И жаждутъ слова моего;
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю никого. ..
Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ;
Не страстны мной, какъ прежде, музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ....
Но на софахъ ли ты пуховыхъ,
Въ рощахъ ли миртовыхъ, лавровыхъ,
Иль въ золотой живешь странѣ:
Внемли, шепни твоимъ любимцамъ,
Вельможамъ, королямъ и принцамъ:
Спокойствіе мое во мнѣ!

зать Императрицѣ и государству, что онъ способенъ къ дѣламъ и не повиненъ руками, чистъ сердцемъ и вѣренъ въ возложенныхъ на него должностяхъ. Въ слѣдствіе сего и послалъ онъ чрезъ почту къ Императрицѣ письмо, въ которомъ объяснилъ, что по жалобамъ на него генералъ губернатора, чрезъ Сенатъ присланнымъ, онъ принесъ свои оправданія, и надѣется, что не найдется виноватымъ; но по неизвѣстнымъ ему оклеветаніямъ, въ которыхъ отъ него никакого отвѣта требовано не было, онъ сумнѣвается въ заключеніи Сената: можетъ быть, не поставлено ли ему въ вину, что онъ бралъ противъ доносовъ на него генералъ-губернатора изъ Губернскаго Правленія справки, то онъ ссылается на законы, которые запрещаютъ безъ справокъ дѣла производить, а потому и требовалъ оныхъ, дабы безсумнительно обьяснить истину. Почему и просилъ, чтобъ приказала Государыня, при докладѣ Сената, прочесть и сіе его объясненіе. Письмо дошло до Императрицы. Скоро послѣ того узналъ онъ, что графъ Безбородка объявилъ Сенату словесное Ея Величества повелѣніе, чтобъ считать дѣло рѣшеннымъ; а найденъ ли онъ виннымъ или нѣтъ, того не сказано, и приказано ему тогда же явиться къ двору. Статсъ-секретарь, Александръ Васильевичъ Храповицкій, объявилъ ему Высочайшее благоволеніе, что Она автора Фелицы обвинить не можетъ, а гофъ-маршалу, чтобъ представленъ онъ былъ Ея Величеству. Удостоясь со благоговѣніемъ лобызать руку Монархини и обѣдавъ съ нею за однимъ столомъ въ Царскомъ Селѣ, возвращаясь въ Петербургъ, размышлялъ онъ самъ въ себѣ, что̀ онъ такое? Виноватъ или не виноватъ, въ службѣ, или не въ службѣ? А потому и рѣшился еще писать къ Императрицѣ и дѣйствительно то исполнилъ, изобразя въ письмѣ своемъ объявленіе Храповицкимъ о невинности его и благодареніе за правосудіе, прося не изъ корыстолюбія, но чтобъ въ правительствѣ извѣстно было его оправданіе, по указу 1726 года, остановленнаго у него заслуженнаго жалованья и чтобъ впредь до опредѣленія къ должности производить; а также и просилъ у Ея Величества аудіенціи, для личнаго съ нею

обьясненія по дѣламъ губерніи ([1]). Дни чрезъ два или три получилъ чрезъ г. Храповицкаго повелѣніе въ наступающую среду быть въ 9 часовъ въ Царское Село для представленія Ея Величеству. И дѣйствительно, въ назначенный день и часъ явился. Храповицкій сказалъ мнѣ, чтобъ я шелъ въ покои и приказалъ камердинеру доложить о себѣ Государынѣ. Тотчасъ позванъ былъ въ кабинетъ. Пришедъ въ перламутовую залу, разсудилъ за благо тутъ на столѣ оставить имѣющуюся со мною большую переплетенную книгу, въ которой находились подлинникомъ всѣ письма и предложенія г. Гудовича, которыми онъ склонялъ губернатора или оставить безъ изслѣдованія расхищенія казны, или слабо преслѣдовать уголовныя преступленія, или прикрыть безпорядки и неправосудіе судебныхъ мѣстъ подъ видомъ добродушія, говоря апостольское слово: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ, приписывая личному негодованію и мести кого либо, особливо защищая шалости любимца своего, Экономіи директора Аничкова, по собственной ли своей глупости, или по коварному перетолкованію вице губернатора Ушакова или правителя его канцеляріи Лабы, о томъ мнѣ неизвѣстно; представя себѣ, что весьма странно покажется Императрицѣ увидѣть меня къ себѣ пришедшаго съ такою большою книгою. Коль скоро я въ кабинетъ вошелъ, то, пожаловавъ поцѣловать руку, спросила, какую я имѣю до нея нужду? Державинъ отвѣтствовалъ, благодарить за правосудіе и объясниться по дѣламъ губерніи. Она отозвалась: «за первое благодарить не за что, я исполнила мой долгъ, а о второмъ, для чего вы въ отвѣтахъ вашихъ не говорили?» Державинъ донесъ, что противно было бы то законамъ, которые повелѣваютъ отвѣтствовать только на то, о чемъ спрашиваютъ, а о постороннихъ вещахъ изъяснять или доносить особо. «Для чего же вы не объясняли?» — «Я просилъ для объясненія чрезъ генералъ прокурора, но получилъ отъ него отзывъ, чтобъ просилъ по командѣ, т. е. чрезъ генералъ губернатора, но какъ я имѣю объяснить его непорядки и не-

---

(1) Какъ это, такъ и вышеупомянутое, посланное по почтѣ, письма Державина къ Императрицѣ остаются въ рукописи.

соотвѣтвенные поступки законамъ, въ ущербъ интересовъ Вашего Величества, то и не могъ у него проситься.» ([1])—«Хорошо, изволила возразить Императрица; но не имѣете ли вы чего въ нравѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?»—«Я не знаю, Государыня! сказалъ смѣло Державинъ, имѣю ли какую строптивость въ нравѣ моемъ, но только то могу сказать, что знать я умѣю повиноваться законамъ, когда, будучи бѣдный дворянинъ и безъ всякаго покровительства, дослужился до такого чина, что мнѣ ввѣрялися въ управленіе губерніи, въ которыхъ на меня ни отъ кого жалобъ не было.»—«Но для чего, подхватила Императрица, не поладили вы съ Тутолминымъ?»—«Для того, что онъ принуждалъ управлять губерніею по написанному имъ самопроизвольно начертанію, противному законамъ; а какъ я присягалъ исполнять только законы самодержавной власти, а не чьи другіе, то я не могъ никого признать надъ собою Императора, кромѣ Вашего Величества.»—«Для чего же не ужился съ Вяземскимъ?» Державинъ не хотѣлъ разсказывать всего вышеписаннаго относительно несохраненія и безпорядковъ въ управленіи казенномъ, дабы не показаться доносителемъ, но отвѣчалъ кратко: «Государыня! Вамъ извѣстно, что я написалъ оду Фелицѣ. Его Сіятельству она не понравилась. Онъ началъ насмѣхаться надо мною явно, ругать и гнать, придираться ко всякой бездѣлицѣ, то я ничего другаго не сдѣлалъ, какъ просилъ о увольненіи изъ службы и по милости Вашей отставленъ.»—«Что жъ за причина несогласія съ Гудовичемъ?»—«Интересъ Вашего Величества, о чемъ я беру дерзновеніе обьяснить Вашему Величеству и ежели угодно, то сей часъ представлю цѣлую книгу, которую я оставилъ тамъ»—«Нѣтъ, она сказала, послѣ.» Тутъ подалъ ей Дерввинъ краткую записку всѣмъ тѣмъ интереснымъ дѣламъ, о

---

(1) Въ обьясненіяхъ Львова (II, 23) этотъ разговоръ переданъ нѣсколько иначе. Послѣ возраженія Державина, что онъ не могъ помѣстить письменнаго представленія о безпорядкахъ въ Тамбовской губерніи въ своихъ оправдательныхъ отвѣтахъ Сенату, Екатерина спросила его: «Для чего же ты прежде о томъ мнѣ писалъ?» —«Писалъ потому, что генералъ прокуроръ приказалъ мнѣ проситься въ Петербургъ чрезъ генералъ губернатора (Гудовича), а какъ онъ мнѣ непріятель, то я поступить такимъ образомъ не могъ».

коихъ мѣсяцовъ 6 онъ представленіе сдѣлалъ Сенату, но никакой резолюціи не получилъ, какъ то: объ отдачѣ въ кортому оброчныхъ статей Казенною Палатою менѣе четверти полушки десятину земли, противъ всѣхъ законовъ, на 10 лѣтъ, что̀ составляло нѣсколько сотъ тысячь рублей ущерба казеннаго; о продажѣ съ свѣдѣнія Казенной Палаты соляными приставами соли пудъ, вмѣсто 40 копѣекъ, по 2 рубли; о позволеніи ею же, Палатою, виннымъ откупщикамъ сверхъ контракта многихъ винныхъ выставокъ по деревнямъ, отъ чего народъ пропился и пришелъ въ раззореніе, и о многомъ прочемъ достойномъ уваженія. Императрица, принявъ ту записку, сказала, что она прикажетъ въ Сенатѣ привесть тѣ дѣла въ движеніе. Между тѣмъ пожаловавъ руку, дополнила, что она прикажетъ удовлетворить его жалованіемъ и дастъ мѣсто. На другой день въ самомъ дѣлѣ вышелъ указъ, которымъ велѣно Державину выдать заслуженное жалованье и впредь производить до опредѣленія къ мѣсту (1). Сіе Вяземскаго какъ громъ поразило, и онъ занемогъ параличемъ. Державинъ, однако, по старому знакомству, какъ бы ничего не примѣчая, ѣздилъ изрѣдка въ домъ его и былъ довольно принятъ ласково. Сіе продолжалось нѣсколько мѣсяцовъ и хотя по воскресеньямъ пріѣзжалъ онъ ко двору, но какъ не было у него никого предстателя, который бы напомнилъ Императрицѣ объ обѣщанномъ мѣстѣ, то и сталъ онъ какъ бы забвеннымъ.

Въ такомъ случаѣ не оставалось ему ничего другаго дѣлать, какъ искать входу къ любимцу Государыни и чрезъ него искать себѣ покровительства! Въ то время, по отставкѣ Мамонова, вступилъ на его мѣсто молодой конной гвардіи

---

(1) А. В. Храповицкій 1 Августа 1789 года отмѣтилъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «Провелъ Державина въ Китайскую *(т. е. комнату)* и ждалъ въ Ліонской.» «Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être trop content de ma conversation» «Велѣно выдать не полученное имъ жалованье, а гр. Безбородка прибавилъ въ указѣ, чтобъ и впредь производить оное до опредѣленія къ мѣсту»

офицеръ Платонъ Александровичь Зубовъ ([1]), который никакъ съ нимъ не былъ знакомъ; ибо когда онъ служилъ въ гвардіи, тогда еще сей дитя фортуны былъ малолѣтенъ и бѣгалъ съ своимъ семействомъ туда и сюда, отъ Пугачева укрываясь.—Но что дѣлать? надобно было сыскивать случаю съ нимъ познакомиться, какъ трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у Императрицы. Такимъ образомъ ходя нѣсколько, не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту. Въ слѣдствіе чего написалъ онъ оду Изображеніе Фелицы, и къ 22 числу Сентября, т. е. ко дню Коронованія Императрицы, передалъ чрезъ Эмина, который въ Олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду. Это было въ 1789 году. Съ тѣхъ поръ онъ сему царедворцу сталъ знакомъ; но кромѣ ласковаго обращенія никакой отъ него помощи себѣ не видалъ. Однако одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія; и сверхъ того и Императрица приказала приглашать его въ Эрмитажъ и прочія домашнія игры, какъ то на святки, когда они наступали, и прочія собранія. Въ домѣ Вяземскаго былъ такъ принятъ хорошо; но какъ братъ фаворитовъ, то есть, Дмитрій Александровичь Зубовъ, сговорилъ на меньшой дочери Вяземскаго ([2]), и Державинъ пріѣхалъ его поздравить, то княгиня, принявъ холодно, показала ему спину. Сіе значило то, что какъ они сдѣлались, чрезъ сговоръ дочери, съ любимцемъ Императрицы въ свойствѣ, то и не опасались уже, чтобъ

---

(1) 1767—1822. Ему тогда было всего 22 года. Случай его начался въ Іюлѣ 1789 года и продолжался по кончину Екатерины.

(2) Княжнѣ Прасковьѣ Александровнѣ (1772—1835); она потомъ дѣйствительно вышла за Д. А. Зубова. (1764—1836), который былъ старшій братъ фавориту.

Державинъ у него могъ чѣмъ ихъ повредить. Чрезъ сей низкой поступокъ княгини, такъ ему домъ ихъ омерзѣлъ, что онъ въ сердцѣ своемъ положилъ никогда къ нимъ не ѣздить, что̀ и въ самомъ дѣлѣ исполнилъ по самую князя кончину ([1]).

Между тѣмъ познакомился онъ съ отцемъ фаворита Александромъ Николаевичемъ Зубовымъ ([2]), который, помнится, изъ коллежскихъ или изъ статскихъ совѣтниковъ сдѣланъ оберъ прокуроромъ Сената перваго департамента, и могъ бы сдѣлать съ нимъ короткую связь по дѣламъ, въ которыхъ онъ хотя былъ свѣдущъ, но въ обрядахъ сенатскихъ и производствѣ письмоводства необыченъ; но примѣтивъ въ немъ, при его натуральномъ разумѣ и довѣренности двора, непомѣрную алчность къ наживѣ, такъ что онъ хотѣлъ употребить его къ своду и передачѣ взятокъ, непримѣтнымъ образомъ отъ короткости съ нимъ удалялся и въ разговорахъ давалъ чувствовать благородство своихъ мыслей и безкорыстіе. Сіе сдѣлало между ими нѣкоторую холодность, однако не переставалъ онъ посѣщать сына и отца, а наиболѣе перваго. Княгиня Дашкова, по старому знакомству чрезъ первую оду Фелицѣ напечатанную въ Собесѣдникѣ, также автора какъ и прежде благосклонно принимала и говорила Императрицѣ много о немъ хорошаго, твердя безпрестанно съ похвалою о вновь сочиненной имъ одѣ Изображеніе Фелицы, чѣмъ вперила ей мысли взять его къ себѣ въ статсъ секретари или лучше для описанія ея славнаго Царствованія. Сіе княгиня Державину и многимъ своимъ знакомымъ, по склонности ея къ велерѣчію и тщеславію, что она много можетъ у Императрицы, сама разказывала. Таковое хвастовство не могло не дойти до двора и было, можетъ, причиною, что Державинъ болѣе двухъ годовъ еще послѣ того не былъ принятъ въ службу, а особливо на рекомендованный постъ княгинею Дашковою, потому ли, что любимецъ

(1) Тѣмъ не менѣе въ 1791 г. Державинъ написалъ стихи въ честь князя и княгини Вяземскихъ, которые тогда праздновали годовщину своего супружества.

(2) 1727—1795.

Зубовъ, кромѣ своего одобренія, никого не хотѣлъ допускать сблизиться съ Императрицею, или что отецъ его, узнавъ безкорыстный нравъ Державина, не присовѣтывалъ ему возвесть его на толь видный постъ, гдѣ можетъ онъ быть противоборникомъ его корыстолюбію, что опослѣ и случилось, какъ ниже увидимъ (1).

Въ 1789 или въ 1790 году въ Сентябрѣ, по заключеніи мира съ Шведами (2), надобно было, по болѣзни генералъ прокурора Вяземскаго, старшему оберъ прокурору Өедору Михайловичу Колокольцеву (3) говорить публично предъ Императрицею, сѣдящею на тронѣ отъ лица Сената, рѣчь. Онъ, по знакомству, отнесся къ Державину, который ему и сочинилъ оную; но чтобъ быть благонадежнѣе въ благосклонномъ ея принятіи Императрицею, показалъ заблаговременно ея любимцу. Сей, прочетши предъ Нею, былъ рѣчью доволенъ. Но Колокольцовъ, неизвѣстно по какой причинѣ, сказался больнымъ или въ самомъ дѣлѣ занемогъ, такъ что должно было по немъ старшему оберъ прокурору взять на себя сію церемонію. По немъ старшій былъ оберъ прокуроръ Петръ Ва-

---

(1) Въ 1789 году, по переѣздѣ въ Петербургъ, Державинъ написалъ:

57. *Истинное счастіе* I, 32 (изъ Псалма I-го, переложено съ Нѣмецкаго Мендельзонова перевода).

58. *Праведный судья* I, 30 (изъ Псалма 100-го: Державинъ въ въ этихъ стихахъ чертитъ программу будущей своей дѣятельности;.

59. *Изображеніе Фелицы* I, 399. (не совсѣмъ удавшееся подражаніе *Одѣ къ Фелицѣ*.)

60. *Кантата* I, 660. (Похвала Екатеринѣ, написанная по случаю посѣщенія ею фрейлины Анны Степановны Протасовой.)

61. *Философы, пьяный и трезвый*, II, 93 (Діалогъ. Трезвый между прочимъ, говоритъ:

Когда судьба тебѣ судьею
Въ судахъ велѣла засѣдать:
Вертѣться нужды нѣтъ душею,
Когда не хочешь взятокъ брать.
Какъ можно такъ и сякъ судить,
Закономъ правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судьѣ злодѣемъ страшно быть.)

(2) Миръ съ Швеціею заключенъ 3 Августа 1790 г.

(3) Отецъ Екатерины Өедоровны Муравьевой. Державинъ въ послѣдствіи подшутилъ надъ нимъ въ стихотвореніи *Мельникъ* (II, 78)

сильевичь Неклюдовъ, который, по связи съ графомъ Заводовскимъ, прибѣгнулъ къ нему съ просьбою о сочиненіи рѣчи, и дѣйствительно оную читалъ въ собраніи предъ Императрицею, а Державина сочиненіе осталось неупотребленнымъ, которое между прозаическихъ его письменъ со временемъ будетъ напечатано (1). Державинъ однако же въ то время написалъ оду, напечатанную въ первой части, подъ именемъ на Шведской миръ. Въ Ноябрѣ или Декабрѣ мѣсяцѣ сего года взятъ Измаилъ (2). Съ извѣстіемъ симъ фельдмаршалъ князь Потемкинъ прислалъ ко двору, чтобъ болѣе угодить Императрицѣ, брата любимцова, Валеріана Александровича Зубова, что послѣ былъ графомъ и генералъ аншефомъ. (3) Въ самое то время случился въ комнатахъ фаворита и Державинъ. Онъ, въ первомъ восторгѣ о сей побѣдѣ, далъ слово радостному вѣстнику написать оду, которую и написалъ подъ названіемъ *На взятіе Измаила*. Она напечатана въ 1-ой части его сочиненій. Ода сія не токмо Императрицѣ, ея любимцу, но и всѣмъ понравилась, слѣдствіемъ сего было то, что онъ получилъ въ подарокъ отъ государыни богатую осыпанную бриліантами табакерку, и былъ принимаемъ при дворѣ еще милостивѣе. Государыня, увидѣвъ его при дворѣ въ первой разъ по напечатаніи сего сочиненія, подошла къ нему, и съ усмѣшкою сказала: « Я не знала по сіе время, что труба ваша стольже громка, какъ и лира пріятна. »—Князь Потемкинъ, пріѣхавъ изъ арміи, сталъ къ автору необыкновенно ласкаться и чрезъ Василья Степановича (4) приказывалъ, что хочетъ съ нимъ покороче познакомиться. Въ слѣдствіе чего Державинъ сталъ въѣзжъ къ князю Потемкину. Однажды, призвавъ его въ свой кабинетъ, отдалъ письмо принца Делиня, писанное къ нему на Французскомъ языкѣ, прося оное перевесть на Русскій. Державинъ отговаривался незнаніемъ перваго; но

---

(1) Рѣчь эта такъ и осталась ненапечатанною, и собранія прозаическихъ піесъ Державина доселѣ не выходило.

(2) Суворовъ взялъ Измаильскую крѣпость 11 Декабря 1790 года.

(3) 1771—1804, младшій братъ фаворита. Державинъ высоко цѣнилъ его храбрость и добродушный нравъ.

(4) т. е. Попова, бывшаго главнымъ секретаремъ Потемкина.

князь сказалъ: «нѣтъ, братецъ, я знаю, что ты переведешь.»— Принялъ и съ пособіемъ жены своей перевелъ, чѣмъ казался быть довольнымъ и благодарилъ ([1]).

Въ теченіи сего времени случилась между княземъ Потемкинымъ и любимцомъ графомъ Зубовымъ пріятная для Державина исторія, въ которую онъ нечаяннымъ образомъ сталъ замѣшанъ. Въ одно время, при множествѣ предстоящихъ предъ княземъ поклонниковъ, вбѣжалъ какъ бѣшеный, нѣкто отставной провіантскаго штата маіоръ Бехтѣевъ и закричалъ громко: « Помилуйте, Ваша Свѣтлость, обороните отъ Александра Николаевича Зубова, который, надѣясь на своего сына, ограбилъ меня. » Князь, увидѣвъ толь азартнаго человѣка, произносящаго дерзкую жалобу на человѣка, приближеннаго ко двору, и изъ осторожности, или можетъ быть, чтобъ не произнесъ еще какихъ язвительныхъ словъ на толь знаменитаго обидчика, или, чтобъ не подать поводу мыслить о не весьма хорошемъ его расположеніи къ фавориту (ибо между ими не хорошо было), всталъ стремительно съ мѣста и, взявъ Бехтѣева за руку, увелъ къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ съ добрые полчаса бывъ на единѣ, что они говорили, неизвѣстно. Но только когда вышли, то, спустя нѣсколько, стали предстоящіе пошептывать, что старикъ Зубовъ отнялъ у Бехтѣева наглымъ образомъ деревню; что не смотря на случай отдадимъ грабителя подъ судъ.

---

(1) Къ 1790 году относятся слѣд. стихотворенія Державина:

62. *На коварство Французскаго возмущенія и въ честь кн. Пожарскаго* I, 436.
63. *На Шведскій миръ* I, 382 (напечатано особыми листками).
64. *Хоры на Шведскій миръ* I, 604.
65. *На взятіе Измаила* I, 383.

Въ Сентябрѣ этого года сосланъ въ Сибирь Радищевъ. Державинъ написалъ по этому случаю:

Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь смѣла, дерзка и сумазбродна,
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: вирь, вирь!
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь.

Самъ Радищевъ разсказывалъ, что Державинъ поднесъ Екатеринѣ присланный ему экземпляръ *Путешествія*, отмѣтивъ карандашемъ важнѣйшія мѣста. Такъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ сынъ Радищева (см. Русскій Вѣстн. 1858 г. № 23, стр. 430)

Въ продолженіи дня говорили о семъ во всѣхъ знатныхъ домахъ, какъ то у графовъ Безбородки, Воронцова, князя Вяземскаго и прочихъ для того, что отецъ фаворитовъ своимъ надмѣннымъ и мздоимнымъ поведеніемъ уже всѣмъ становится несносенъ. На другой же день по утру явился Бехтѣевъ къ Державину и сталъ усильно просить, чтобъ онъ былъ съ его стороны въ Совѣстномъ Судѣ посредникомъ, въ который онъ подалъ на старика Зубова прошеніе. Державинъ, сколько могъ, отговаривался отъ сей чести, извиняясь, что онъ не можетъ итти противъ отца того, который оказываетъ ему свое благорасположеніе. Но Бехтѣевъ настоялъ въ своемъ исканіи, ссылаясь на учрежденіе о губерніяхъ, въ которомъ именно воспрещено отказываться отъ посредничества въ Совѣстномъ Судѣ. Державинъ не зналъ, что̀ дѣлать, выпросилъ сроку до завтра, поѣхалъ къ молодому Зубову; разсказавъ ему все произшествіе, бывшее у князя Потемкина, слухи городскіе и просьбу Бехтѣева, желалъ отъ него узнать, что̀ ему дѣлать и какъ поступать въ семъ щекотливомъ обстоятельствѣ; ибо съ одной стороны не позволяетъ ему законъ отказываться отъ посредничества, а съ другой непріятно ему противъ родителя его противуборствовать, который никакимъ образомъ не можетъ быть правымъ. Изъяснилъ ему существо дѣла. Оно состояло въ слѣдующемъ. «Бехтѣевъ въ Володимірскомъ уѣздѣ, въ сосѣдствѣ съ вашими деревнями, заложивъ въ Воспитательномъ Домѣ 600 душъ за 40,000 рублей, просрочилъ. Батюшка вашъ, безъ всякаго права и противъ законовъ Воспитательнаго Дома, по единственному своему могуществу, взнесъ безъ довѣренности Бехтѣева деньги и, выкупя чужое имѣніе, предъявилъ закладную въ Гражданскую Палату, которая тожъ безъ всякаго разбирательства и права, укрѣпя имѣніе за взносчикомъ денегъ, сообщила Намѣстническому Правленію, а сіе ввело его въ дѣйствительное владѣніе, а Бехтѣева съ семействомъ выгнало изъ дому, отнявъ все его въ немъ и движимое имѣніе въ пользу батюшки вашего.» Молодой вельможа, выслушавъ сіе съ смущеніемъ, нѣсколько минутъ молчалъ, а потомъ сквозь зубовъ сказалъ: «не можно ли безъ дальной огласки миролюбіемъ кончить сію тяжбу?»

Державинъ Бехтѣеву предложилъ, и онъ согласился, только, чтобъ возвращена была ему деревня. Но старый Зубовъ иначе на миръ не шелъ, какъ бы ему жь Бехтѣевъ заплатилъ якобы убытковъ шестнадцать тысячь рублей; а какъ сіе совсѣмъ было несправедливо и стыдно было ихъ требовать съ Бехтѣева, то молодой обѣщалъ отдать свои, только чтобъ отцу не сказывать. Но съ симъ вмѣстѣ объ этомъ замолчалъ; ибо, какъ слышно было, что старикъ его переувѣрилъ было въ своей правости. Бехтѣевъ наступилъ на Державина, какъ на посредника, чтобъ кончить скорѣе дѣло, грозя Императрицѣ подать письмо, чего недоброжелатели Зубова только и ждали,—подвергнуть его отвѣту. Державинъ сталъ убѣдительно говорить любимцу Императрицы противъ отца его, что, можетъ быть, было и не весьма пріятно; однакоже убѣдилъ молодой Зубовъ стараго, и дѣло чрезъ записи кончено миролюбіемъ. Сего никогда не могъ простить жадный корыстолюбецъ Державину; но ничего не могъ ему сдѣлать, хотя бы и желалъ, какъ по покровительству сына, такъ и Потемкина, который въ сіе время весьма былъ хорошъ къ автору торжественныхъ хоровъ для праздника взятія Измаила, отправленнаго имъ въ Таврическомъ его домѣ, который, по его кончинѣ, переименованъ дворцомъ. Словомъ, Потемкинъ въ сіе время за Державинымъ, такъ сказать, волочился, желая отъ него похвальныхъ себѣ стиховъ; спрашивалъ, чрезъ г. Попова, чего онъ желаетъ? Но съ другой стороны молодой Зубовъ, фаворитъ Императрицы, призвавъ его въ одинъ день къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ ему отъ имени Государыни, чтобъ онъ писалъ для князя, что онъ прикажетъ; но отнюдь бы отъ него ничего не принималъ и не просилъ, что онъ и безъ него все имѣть будетъ, прибавя, что Императрица назначила его быть при себѣ статсъ-секретаремъ по военной части. Надобно знать, что въ сіе время крылося какое то тайное въ сердцѣ Императрицы подозрѣніе противъ сего фельдмаршала; по истиннымъ политическимъ, какимъ замѣченнымъ отъ двора причинамъ, или по недоброжелательству Зубова, какъ носился слухъ тогда, что князь, поѣхавъ изъ арміи, сказалъ своимъ приближеннымъ, что онъ нездоровъ и ѣдетъ въ

Петербургъ *зубы дергать*. Сіе дошло до молодаго вельможи и подкрѣплено было, сколько извѣстно, разными внушеніями истиннаго сокрушителя Измаила, пріѣхавшаго тогда изъ арміи. Великій Суворовъ, но, какъ человѣкъ со слабостьми и съ честолюбіемъ, изъ зависти, или изъ истинной ревности къ благу отечества, но только примѣтно было, что шелъ тайно противъ неискуснаго своего фельдмаршала, которому со всѣмъ своимъ искусствомъ, долженъ былъ единственно по волѣ самодержавной власти, повиноваться ([1]). Державинъ въ таковыхъ мудреныхъ обстоятельствахъ не зналъ, что дѣлать, и на которую сторону искренно предаться, ибо отъ обоихъ былъ ласкаемъ.

Въ свѣтлой праздникъ Христова Воскресенья, какъ обыкновенно и нынѣ бываетъ съѣздъ къ вечернѣ, послѣ которой Императрица жаловала дамъ къ рукѣ въ присутствіи всего двора и имѣющихъ къ оному въѣздъ кавалеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и Державинъ. Вышедъ изъ церкви, повела Она всѣхъ за собою въ эрмитажъ. Лишь только вошли въ залу и сдѣлали по обыкновенію кругъ, то Императрица, съ свойственнымъ ей величественнымъ видомъ, прямо подошла къ

---

(1) Суворовъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Зубовыми и въ родствѣ. Дочь его, знаменитая Наташа (1775—1844) была за мужемъ за гр. Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ (1763—1805), старшимъ братомъ фаворита. Зубовы были для Суворова надежною защитою при дворѣ. Это видно между прочимъ изъ записокъ о немъ П. Н. Ивашева, бывшаго начальникомъ его штаба. (Отеч. Зап. 1841, Январь). Ивашевъ разсказываетъ странный случай, доселѣ не объясненный біографами великаго полководца. «На дорогѣ въ Петербургъ изъ Бѣлоруссіи, пишетъ Ивашевъ, имѣлъ неосторожность пересказать Суворову вѣсть, совершенно ложную. Онъ выслушалъ разсказъ съ примѣтнымъ огорченіемъ и опасаясь, чтобы не послѣдовало чего либо подобнаго, написалъ своеручныя письма: одно къ князю Зубову, другое къ зятю своему графу Н. А. Зубову, призвалъ меня, и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ поручилъ мнѣ, сколь возможно, скорѣе доставить его письма по принадлежности и съ отвѣтами встрѣтить его до Нарвы. Сими слухами графъ (*т. е Суворовъ*) до того былъ раздраженъ, что поручилъ словесно сказать обоимъ Зубовымъ: если эти слухи справедливы, то для него и собственная пуля не страшнѣе непріятельской. Неожиданное появленіе этихъ письменныхъ и словесныхъ депешей встревожило Зубовыхъ; чрезъ нѣсколько часовъ я былъ отправленъ съ убѣдительными увѣреніями въ противномъ. Отвѣты обоихъ Зубовыхъ совершенно успокоили героя.» Чего опасался Суворовъ, мы не знаемъ. Разсказъ относится къ первой половинѣ Декабря 1795 года.

Державину и велѣла ему за собою итти. Онъ и всѣ удивилися, недоумѣвая, чтò сіе значитъ. Пришедъ въ отдаленныя эрмитажа комнаты, остановилась въ той, гдѣ стоятъ нынѣ бюсты Румянцова, Суворова, Чичагова и прочихъ; начала приказывать тихо, какъ бы какую тайну, чтобъ онъ сочинилъ Чичагову (1) надпись на случай мужественнаго его отраженія въ прошедшемъ году въ Ревелѣ сильнѣйшаго въ три раза противъ Россійскаго, флота Шведскаго, которая была бъ сколько возможно кратка, и непремѣнно помѣщены бы были въ ней слова сего мореходца. Когда она ему сказала, что идетъ сильный флотъ Шведской противъ нашего Ревельскаго, посылая его онымъ командовать, то онъ ей отвѣчалъ равнодушно: *Богъ милостивъ, не проглотитъ*. Это ей понравилось. Приказавъ сдѣлать его бюстъ, желала, чтобъ на ономъ надпись именно изъ тѣхъ словъ состояла. Державинъ, принявъ повелѣніе, не могъ однако отгадать, къ чему было такое ничего незначущее порученіе и что при толь великомъ собраніи отведенъ былъ таинственно съ важностію въ толь отдаленные чертоги, тѣмъ паче, что на другой день, истоща всѣ силы свои и въ поэзіи искусство, принесъ онъ сорокъ надписей и представилъ чрезъ любимца Государынѣ, но ни одна изъ нихъ ею не апробована; а написала она сама прозою, которую и нынѣ можно видѣть на бюстѣ Чичагова. Опослѣ сіе объяснилось и было ничто иное, какъ поддраживаніе или толчекъ Потемкину, что Императрица, противъ его воли, хотѣла сдѣлать своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ Державина и для того его толь отличительно показала публикѣ. Князь, узнавъ сіе, не вышелъ въ собраніе и, по обыкновенію его, сказавшись больнымъ, перевязалъ себѣ голову платкомъ и легъ въ постелю. Однако же, въ исходѣ Ѳоминой недѣли, то есть 28-го Апрѣля, далъ извѣстный великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ своемъ домѣ, гдѣ

---

(1) Адмиралъ *Василій Яковлевичъ Чичаговъ*. (1726—1809). Подвигъ его, о которомъ говорится ниже, совершенъ 2 Мая 1790 года. Бант. Каменскій относитъ знаменитыя слова Чичагова къ самому сраженію въ Ревельскомъ рейдѣ. Чичаговъ получилъ орденъ Св. Георгія перваго класса и слишкомъ двѣ тысячи крестьянъ въ Бѣлоруссіи.

Императрица со всею Высочайшею Фамиліею при великолѣпнѣйшемъ собраніи присутствовала. Тамъ были пѣты вышепомянутые сочиненные Державинымъ хоры, которыми бывъ хозяинъ доволенъ, благодарилъ автора и пригласилъ его къ себѣ обѣдать, который обѣщалъ сочинить ему описаніе того праздника. Безъ сумнѣнія князь ожидалъ себѣ въ томъ описаніи великихъ похвалъ, или, лучше сказать, обыкновенной отъ стихотворцевъ сильнымъ людямъ лести. Въ слѣдствіе чего въ Маѣ или въ началѣ Іюня, какъ жилъ князь въ лѣтнемъ дворцѣ, когда Державинъ по утру принесъ ему то описаніе, просилъ Василія Степановича доложить ему объ ономъ, князь приказалъ его просить къ себѣ въ кабинетъ. Стихотворецъ вошелъ, подалъ тетрадь, а князь, весьма учтиво поблагодаря его, просилъ остаться у себя обѣдать, приказавъ тогда же нарочно готовить столъ. Державинъ пошелъ въ канцелярію къ Попову, дожидался— не прикажетъ-ли чего князь; гдѣ свободный имѣлъ случай и довольно время объяснить, что мало въ томъ описаніи на лицо князя похвалъ; но скрылъ прямую тому причину, боясь неудовольствія отъ двора, а сказалъ, что какъ отъ князя онъ ни какихъ еще благодѣяній личныхъ не имѣлъ, а коротко великихъ его качествъ не знаетъ, то и опасался быть причтенъ въ число подлыхъ и низкихъ ласкателей, каковымъ никто не даетъ истиннаго вѣроятія; а потому и разсудилъ отнесть всѣ похвалы только къ Императрицѣ и всему Русскому народу, яко при его общественномъ торжествѣ, такъ какъ и въ одѣ. «На взятіе Измаила»; но ежели князь приметъ сіе благосклонно и позволитъ впредь короче узнать его превосходныя качества, то онъ обѣщалъ превознести его, сколько его дарованія достанетъ. Но таковое извиненіе мало въ пользу автора послужило; ибо князь когда прочелъ описаніе, и увидѣлъ, что въ немъ отдана равная съ нимъ честь Румянцову и Орлову, его соперникамъ ([1]), то съ бранью выскочилъ изъ своей спальни,

(1) Создалъ Румянцовъ по степямъ,
Подвигъ ходящи съ громомъ грады:
Крылаты Этны по морямъ
Текли съ Орловымъ до Эллады.

приказалъ подать коляску и, не смотря на шедшую бурю, громъ и молнію, ускакалъ Богъ знаетъ куды. Всѣ пришли въ смятеніе, столы разобрали и обѣдъ изчезъ. Державинъ сказалъ о семъ Зубову и не оставилъ однако въ первое воскресенье, при переѣздѣ князя въ Таврическій его домъ, засвидѣтельствовать ему своего почтенія. Онъ принялъ его холодно, однако не сердито. Князю при дворѣ тогда очень было плохо. Злоязычники говорили, что будто онъ часто пьянъ напивается, а иногда какъ бы сходитъ съ ума; заѣзжая къ женщинамъ, почти съ нимъ не знакомымъ, говоритъ не связно всякую нелѣпицу. Но Державинъ, не смотря на то, и къ Зубову и къ нему ѣздилъ. Въ сіе время безъ его согласія княземъ Репнинымъ съ Турками миръ заключенъ. Это его больше убило. Передъ отъѣздомъ въ армію, когда онъ былъ уже на пути въ Царскомъ Селѣ, по пріѣздѣ съ нимъ откланялся. Спрашивалъ еще Поповъ Державина, чтобъ онъ открылся, не желаетъ ли онъ чего—князь все сдѣлаетъ; но онъ, хотя имѣлъ великую во всемъ тогда нужду, по обстоятельствамъ, которыя ниже объяснятся, однако слышавъ запрещеніе, чрезъ Зубова любимца, Императрицы, ни о чемъ его не просить, сказалъ, что ему ничего не надобно. Князь, получивъ такой отзывъ, позвалъ его къ себѣ въ спальню, посадилъ на единѣ съ собою на софу и, увѣривъ въ своемъ къ нему благорасположеніи, съ нимъ простился.

Должно справедливость отдать князю Потемкину, что онъ имѣлъ сердце весьма доброе и былъ человѣкъ отлично великодушный. Шутки въ одѣ Фелицѣ на счетъ вельможъ, а болѣе на его вмѣщенныя, которыя Императрица, замѣтя карандашемъ, разослала въ печатныхъ экземплярахъ по приличію къ каждому, его ни мало не тронули или покрайней мѣрѣ не обнаружили его гнѣвныхъ душевныхъ расположеній, не такъ какъ прочихъ господъ, которые за то сочинителя возненавидѣли и злобно гнали; но напротивъ того, онъ оказалъ ему доброхотство и желалъ, какъ кажется, всѣмъ сердцемъ благотворить, ежелибъ вышеписанныя дворскія обстоятельства не воспрепятствовали. Вопреки тому, по отъѣздѣ князя въ армію, любимецъ Императрицы, графъ Зубовъ, хотя безпрестанно ласкалъ автора, и со дня на день

манилъ и питалъ въ немъ надежду получить какое либо мѣсто, но чрезъ все лѣто ничего не вышло, хотя не рѣдко открывалъ онъ ему тѣсныя свои обстоятельства, что почти жить было не чѣмъ: ибо предъ отъѣздомъ его изъ Тамбова, когда закупленнаго имъ для С. Петербургскихъ запасныхъ магазейновъ вышеупомянутаго хлѣба не достало у поставщиковъ, при отдачѣ въ тѣ магазейны 4000 кулей, и Петръ Ивановичь Новосильцовъ, управляющій тѣми магазейнами, отсрочилъ поставщикамъ тотъ недостатокъ доставить на будущее лѣто, то Державинъ, получа отъ него о томъ сообщеніе, хотя не имѣлъ обязанности вступаться въ его новое распоряженіе, ибо хлѣбъ былъ отправленъ на судахъ подъ присмотромъ 12 человѣкъ военнослужителей и офицера, и наблюденіемъ всѣхъ градскихъ и сельскихъ полицій чрезъ губерніи, которыя проходилъ, по увѣдомленію о томъ генералъ губернаторамъ, то и не можно было не дойти до С Петербурга не въ цѣлости, и дѣйствительно онъ дошелъ, но былъ розданъ Новосильцовымъ частнымъ людямъ по причинѣ тѣми же поставщиками ихъ растеряннаго хлѣба, какъ то самому ему господину Новосильцеву 1000, графу Воронцову 1000, Арбеневу 1000, г-ну Львову 600, г. Дьякову 400; но Державинъ, не входя въ изслѣдованіе тѣхъ истинныхъ причинъ недостатка казеннаго, ибо о немъ не былъ въ свое время увѣдомленъ, а узналъ опослѣ, то единственно по сообщенію г. Новосильцова, сдѣлалъ новое обязательство съ тѣмъ поставщикомъ на поставку недостающихъ 4000 кулей съ залогомъ одного помѣщика 250 душъ, о которыхъ по справкамъ въ Гражданской и Казенной Палатѣ и Нижняго Земскаго и самаго Губернскаго Правленія оказалось, что дѣйствительно состоятъ за тѣмъ помѣщикомъ въ безспорномъ владѣніи и никакихъ на немъ ни казенныхъ, ни партикулярныхъ недоимокъ нѣтъ; но какъ поставщикъ по собственному своему плутовству, или по чьему либо вымыслу, чтобъ процентовъ (1) къ бывшему губернатору Державину, и на другой годъ того хлѣба въ С. Петербургскій магазейнъ не доставилъ, то по предложенію Гудовича и обратили на несчастное Правленіе то взысканіе, на счетъ его Державина, якобы за неосто-

(1) Такъ въ подлинникѣ; вѣроятно ошибка, вмѣсто: *придраться.*

рожный его поступокъ, что взялъ невѣрный по поставщикѣ залогъ, найдя что сказанныя 250 душъ арестованы будто прежде были по вексельному на того помѣщика иску. А потому, приторговавъ хлѣбъ вмѣсто 415 к. по 1 рублю четверть, наложили на все его Державина имѣніе арестъ и велѣно продать съ публичнаго торгу. Симъ ябедническимъ и коварнымъ поступкомъ привели его въ крайнее разстройство, такъ что онъ лишился всѣхъ оборотовъ, продавъ предъ тѣмъ по самокрайнѣйшимъ нуждамъ, живя безъ дѣла, въ Петербургѣ, въ Рязани и на Вяткѣ около 150 душъ.— Сколько онъ ни просилъ Зубова и прочихъ, а особливо казавшихся ему истинными пріятелями, помянутаго г. Новосильцова и г. Терскаго, чтобъ они при докладѣ письма его Императрицѣ объяснили по справедливости дѣло и невинное его страданіе; но никто ничѣмъ ему не помогъ; а напротивъ, сколько онъ могъ примѣтить, обращали все въ шутку и въ смѣхъ, говоря, что вотъ тебѣ выслуга и дешевѣйшая закупка хлѣба, чѣмъ вѣдомства провіантскаго. Видя, что лишается безвинно имѣнія, ибо когда кого угнетаютъ, то при аукціонной продажѣ отдаютъ обыкновенно за безцѣнокъ имѣніе, кому хотятъ. Сколько догадываться можно было, метили они на Оренбургскую деревню Державина, которая единственная почти была его кормилица; ее тотчасъ описали. Истоща всѣ способы, какъ спастись отъ сей напасти, пріѣхалъ онъ наконецъ къ г. Еремѣеву, оберъ секретарю 1-го Департамента, у котораго было дѣло. Сколь ни объяснялъ ему свою невинность, но ничто его не могло привести на истинный путь. Можетъ быть онъ не смѣлъ обратиться на оный, что по недоброхотству генералъ прокурора и Заводовскаго, всѣ сенаторы были на противной сторонѣ. Упросилъ однако, чтобъ примолвилъ въ опредѣленіи одно слово — купить хлѣбъ на счетъ Державина *и скрѣпившихъ съ нимъ опредѣленіе* въ Губернскомъ Правленіи, а какъ не токмо крѣпилъ опредѣленіе, но и справками очищалъ совѣтникъ Савостьяновъ, у кого по экспедиціи было то дѣло, то симъ однимъ изреченіемъ какъ рукой снято несправедливое взысканіе. Савостьяновъ не захотѣлъ безвинно быть участникомъ въ платежѣ онаго; тотчасъ нашелся и залогъ благо-

надеженъ, и поставщикъ въ состояніи самъ заплатить казенную претензію. Такимъ образомъ отдѣлался Державинъ отъ приготовленнаго ему канцелярскими крючками раззоренія, безъ всякаго вспомоществованія, казавшагося ему покровителемъ любимца Императрицы, который хотя по волѣ ея дѣлалъ ему нѣкоторыя порученія, а именно по недостатку казны—какимъ образомъ безъ тягости народной умножить государственный доходъ, или занять у частныхъ людей до нѣсколько милліоновъ ([1]) на необходимо нужные расходы; но не смотря на то, казалось Державину, что непріятна ему и самая піитическая его слава; ибо часто желалъ онъ стравливать или ссорить съ нимъ помянутаго г. Емина, который, какъ извѣстно, также писалъ стихи. Онъ былъ до того дерзокъ, что въ глазахъ фаворита не токмо смѣялся, но даже порицалъ его стихи, а особливо оду «На взятіе Измаила», говоря, что она груба, безъ смысла и безъ вкусу. Вельможа, съ удовольствіемъ улыбаясь, то слушалъ, а Державинъ равнодушно отвѣчалъ, что онъ ни въ чемъ не споритъ; но чтобъ узнать, кто изъ нихъ искуснѣе въ стихотворствѣ, то проситъ позволенія напечатать особо, на свой коштъ, на одной сторонѣ листа его критику, а на другой свою оду, и предать на разсужденіе публики — кому отдадутъ преимущество, говорилъ онъ, тотъ и выиграетъ тяжбу. Но Еминъ не согласился. Какъ бы то ни было, но только, не смотря на благоволеніе любимца Императрицы, Державинъ шатался по площади, проживая въ Петербургѣ безъ всякаго дѣла.

Но вдругъ неожиданно получаетъ рескриптъ Императрицы, которымъ повелѣвалось ему приложенное на Высочайшее имя прошеніе Венеціанскаго посланника, графа Моценига, на государственнаго банкира Сутерланда разсмотрѣть и, собравъ по оному нужныя справки, доложить Ея Вели-

(1) О семъ поднесенъ былъ Державинымъ проэктъ Ея Величеству подъ названіемъ патріотическаго банка, но неизвѣстно, что̀ по немъ сдѣлано; кажется, не изъ него ли послѣ явились извѣстныя облигаціи, ибо предполагалось заложенными въ банкѣ дворянскими имѣніями обнадеживать заемъ сего банка; облигаціи его закладывать подъ откупа и подряды и выкупать ими дворянскія въ частныхъ банкахъ имѣнія. *Примѣчаніе Державина.*

честву. Претензія его въ томъ состояла, что Сутерландъ имѣлъ съ нимъ торговыя сношенія и, получивъ отъ него товары изъ Италіи, употреблялъ ихъ не такъ, какъ должно, и причинилъ ему чрезъ то убытку до 120,000 рублей; о чемъ хотя и относился онъ въ Комерцъ и Иностранную Коллегію, но оныя ему, какъ и все Министерство, никакого удовлетворенія не сдѣлали, то и просилъ онъ, чтобъ Ея Величество, изъ особливаго благоволенія за его вѣрную службу Россійскому двору, приказала сіе дѣло разсмотрѣть дѣйствительному статскому совѣтнику Державину, и Ея Величеству доложить. Сколько опослѣ извѣстно стало, то на сіе настроила его графа Моценига княгиня Дашкова изъ какихъ то собственныхъ своихъ корыстныхъ разсчетовъ, безъ которыхъ она ничего и ни для кого не дѣлала. Въ собраніи справокъ изъ многихъ мѣстъ по сему дѣлу и въ разсмотрѣніи оныхъ прошло нѣсколько мѣсяцовъ или лучше цѣлое лѣто. Въ теченіи сего времени, то есть въ Октябрѣ мѣсяцѣ, получено извѣстіе изъ арміи, что князь Потемкинъ, окончивавшій поставленный на мѣрѣ княземъ Рѣпнинымъ съ Турками миръ, скончался ([1]). Сіе какъ громомъ всѣхъ поразило, а особливо Императрицу, которая чрезвычайно о семъ присноименномъ талантами и слабостями вельможи соболѣзновала, и не нашли способнѣе человѣка послать на конгрессъ въ Яссы для заключенія мира, какъ графа, а потомъ князя, бывшаго Александра Андрѣевича Безбородку, которому приказала кабинетскія свои дѣла сдать молодому своему любимцу графу Зубову. Державинъ посѣщалъ всякой день его; въ надеждѣ быть употреблену въ дѣла, на вѣрное ласкался имѣть какую нибудь изъ оныхъ, и по статской части, которыхъ превеликое множество недокладыванныхъ перешло отъ Безбородки къ Зубову. Но ожиданіе было тщетное, и дѣла валялись безъ разсмотрѣнія, и ему фаворитъ не говорилъ ни слова, какъ будто никакого обѣщанія ему отъ Государыни объявлено не было.

Въ одинъ день, какъ онъ къ нему обыкновенно пришелъ, спрашивалъ, какъ бы изъ любопытства, молодой государ-

---

(1) 5 Октября 1791 г.

ственный человѣкъ: можно ли нерѣшенныя дѣла изъ одной губерніи по подозрѣніямъ переносить въ другія? Державинъ, не знавъ причины вопроса, отвѣчалъ: нѣтъ, потому что въ учрежденіи имменно запрещено изъ одного Губернскаго Правленія или Палаты, или какого либо суда дѣла нерѣшенныя переносить въ другія губерніи, да и нужды въ томъ, по состоянію 1762 года апелляціоннаго указа, никакой быть не можетъ: ибо всякой недовольный имѣетъ право переносить свое дѣло по апелляціи изъ Нижняго Суда въ Верхній, доводя ихъ до самаго Сената; а потому всякое подозрѣніе и незаконность рѣшеній уничтожаются сами по себѣ, если не въ среднихъ мѣстахъ, то въ сказанномъ верховномъ правительствѣ; когда же еще апелляціоннаго указа не было, то тяжущіеся по необходимой нуждѣ отъ утѣсненія губернатора или судей, или по ябедѣ, дабы болѣе запутать, переводили дѣла изъ воеводскихъ, провинціальныхъ и губернскихъ канцелярій въ подобныя имъ мѣста другихъ губерній. Спрашивающій, получивъ полный отвѣтъ, замолчалъ и завелъ другую рѣчь. Въ первое послѣ того воскресенье слышно стало по городу, что когда оберъ прокуроръ Ѳедоръ Михайловичь Колокольцовъ, за болѣзнію Вяземскаго правя по старшинству генералъ прокурорскую должность, былъ по обыкновенію въ уборной для поднесенія Ея Величеству прошедшей недѣли сенатскихъ меморій, то она, вышедъ изъ спальни, прямо съ гнѣвомъ устремилась на него и, схватя его за Владимірскій крестъ, спрашивала, какъ онъ смѣлъ коверкать Ея учрежденіе. Онъ отъ ужаса помертвѣлъ и не зналъ, что̀ отвѣтствовать; наконецъ, сколько нибудь собравшись съ духомъ, промолвилъ: «Что такое, Государыня! я не знаю.»—«Какъ не знаешь? Я усмотрѣла изъ меморіи, что переводятся у васъ въ Сенатѣ во 2 Департаментѣ, гдѣ ты оберъ прокуроръ, нерѣшенныя дѣла изъ одной губерніи въ другую; а именно слѣдственное дѣло помѣщика Ярославова переведено изъ Ярославской губерніи въ Нижегородскую; а въ учрежденіи моемъ запрещено, то для чего это?»—«Такихъ Государыня и много дѣлъ.»—«Какъ много? Вотъ вы какъ мои законы исполняете! Подай мнѣ сейчасъ рапортъ, какія именно дѣла переведены?» Съ трепетомъ бѣдный оберъ

прокуроръ едва живъ изъ покоя вышелъ. Въ слѣдствіе сего окрика того же дня ввечеру наперсникъ Государыни, призвавъ Державина къ себѣ, объявилъ ему, что Императрица опредѣляетъ его къ себѣ для принятія прошеній и дѣлаетъ своимъ статсъ секретаремъ, поручаетъ ему наблюденіе за сенатскими меморіями, чтобъ онъ по нихъ докладывалъ ей, когда усмотритъ какое незаконное Сената рѣшеніе. На другой день, то есть 12-го Декабря 1791 году, и дѣйствительно состоялся указъ. Но предъ тѣмъ еще за долго имѣлъ онъ позволеніе доложить Государынѣ по вышеупомянутому дѣлу графа Моценига, и дѣйствительно нѣсколько разъ докладывалъ; но какъ со стороны Сутерланда было все министерство, потому что всѣ были ему должны деньгами, какъ о томъ ниже яснѣе увидимъ, то Императрица и отсылала разъ 6-ть съ нерѣшимостію докладчика, говоря, что онъ еще въ дѣлахъ новъ. Вмѣсто того, хотя видѣла правду Моценига, но не хотѣла огорчить всѣхъ ближнихъ ея вельможъ ([1]).

---

(1) Въ 1791 г., до опредѣленія въ статс-секретарскую должность, Державинъ написалъ:

66) *Любителю художествъ*. 1,653. (написано на день рожденія гр. А. С. Строгонова, 3 Января. Тутъ посреди крайне плохихъ стиховъ превосходная строфа—описаніе Аполлона Бельведерскаго: *Наполнилъ грудь восторгъ священный*.

67) *Анакреонъ въ собраніи* II, 46 (воспѣваются красавицы собравшіяся на праздникъ Потемкина въ Таврическомъ дворцѣ).

68) *Описаніе торжества, бывшаго по случаю взятія города Измаила, въ домѣ ген. фельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго, близъ конной гвардіи, въ присутствіи Императрицы Екатерины II, 1791 г. Апрѣля 28*. II, 239. Самое описаніе въ прозѣ, но съ стихотворными вставками. Тутъ также удивительная смѣсь напыщенности съ превосходными стихами, въ родѣ *Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами* и пр.

69) *Прогулка въ Царскомъ Селѣ*. I, 483. (Въ концѣ обращеніе къ Карамзину:

И мы, сидя при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынъ,
Пой, Карамзинъ! и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьинъ.

Карамзинъ въ это время только что выпустилъ въ свѣтъ *Письма Русскаго путешественника* и издавалъ свой *Московскій Журналъ*, въ которомъ Державинъ помѣщалъ большую часть тогдашнихъ стихотвореній своихъ).

Лишь только онъ явился къ своей должности, то Государыня, призвавъ его къ себѣ въ спальну, въ коей она съ 7-го часа утра обыкновенно занималась работою, подала кипу бумагъ и сказала: тутъ ты увидишь рапортъ оберъ-прокурора Колокольцова и при немъ выписку изъ дѣлъ, которыя переведены въ другія губерніи, то сдѣлай примѣчанія, согласно ли они съ учрежденіемъ моимъ переведены и законно ли рѣшены?—Пріѣхавъ домой, потребовалъ къ себѣ секретарей тѣхъ Сената Департаментовъ съ тѣми дѣлами, которыя по экстракту значились. Колокольцовъ, по обязанности генералъ прокурора, долженъ бы былъ и другихъ Департаментовъ коснуться; но онъ только очистилъ свой одинъ, то есть 2-ой, показавъ въ немъ только 9 дѣлъ, а о другихъ умолчалъ. По разнесшемуся слуху объ опредѣленіи Державина въ сію должность, какъ сбѣжалось къ нему множество канцелярскихъ служителей, просящихся въ его канцелярію, то онъ, дабы испытать ихъ способности, принесенныя къ нему дѣла сенатскими секретарями, роздалъ появившемся къ нему кандидатамъ каждому по одному дѣлу, съ таковымъ приказаніемъ, чтобъ они сдѣлали соображеніе, подчеркнувъ строки несправедливыхъ рѣшеній, а на полѣ показали тѣ законы, противъ которыхъ учинена гдѣ погрѣшность, и доставили бы ему непремѣнно завтрѣ по утру. Желаніе опредѣлиться и ревность показать свою способность и знаніе столько въ нихъ подѣйствовали, что они до свѣту на другой день къ нему явились, всякій съ своимъ соображеніемъ. Державинъ до 9 часовъ успѣлъ ихъ пересмотрѣть, свѣрить съ документами, а они всякій свое на бѣло переписали, то въ положенный часъ и явился онъ ко двору. Государыня, выслушавъ, приказала написать указъ въ Сенатъ съ выго-

---

70) *Родственное праздество на брачное воспоминаніе кн. Александра Алексѣевича и княгини Елены Никитичны Вяземскихъ*, представленное *невзначай семейством Алексѣя Ивановича Васильева въ селѣ Александровскомъ, въ саду, 18 Іюля 1791 г.* II, 273.

71) *Памятникъ Герою*, I, 648 (написано въ честь кн. Н В. Репнина, который тогда прославился побѣдами надъ Турками).

72) *Водопадъ*, I, 460. Написано въ память Потемкина.

воромъ о несоблюденіи законовъ, кои въ соображеніяхъ были примѣчены. Но Державинъ, опасаясь, чтобъ, критикуя Сенатъ, не попасть при первомъ случаѣ самому въ дураки, просилъ Государыню, чтобъ она по новости и по неискусству его въ законахъ, уволила его отъ толь скораго исполненія ея воли, а ежели угодно ей будетъ, то приказала бы прежде Совѣту разсмотрѣть его соображенія, правильно ли онъ и по точной ли силѣ законовъ сдѣлалъ свое заключеніе. Императрица изволила одобрить сіе мнѣніе и велѣла всѣ бумаги и соображенія отнести въ Совѣтъ (1). Совѣтъ, по разсмотрѣніи тѣхъ соображеній, обратилъ къ ея Величеству оныя съ таковымъ своимъ мнѣніемъ, что они съ законами согласны; тогда она приказала заготовить проэктъ выше сказаннаго указа и поднесть ей на апробацію. Державинъ не замедлилъ исполнить Высочайшую волю. Сіе было уже въ началѣ 1792 года (2). Въ проэктѣ указа написанъ былъ строгій выговоръ за неисполненіе законовъ, съ изображеніемъ точныхъ словъ на

---

(1) Въ сіе время случилось произшествіе, достойное замѣчанія, изъ котораго заключить должно было, что Державину много есть при дворѣ тайныхъ непріятелей. Государыня призываетъ его къ себѣ и съ гнѣвомъ спрашиваетъ: чтò онъ говорилъ Храповицкому, когда вышелъ отъ нея съ рапортомъ и меморіями, поданными отъ Колокольцова? Онъ отвѣчалъ: ничего, какъ только, когда Храповицкій спросилъ, чтò за бумаги, то онъ сказалъ, что меморіи сенатскія, которыя Государыня приказала ему разсмотрѣть. Какъ же, она продолжала, въ иностранныхъ вѣдомостяхъ напечатано, что я тебѣ отдала во власть Сенатъ. Не знаю, Государыня, отъ чего такую небылицу иностранные пишуть, я никакой съ ними связи не имѣлъ. —А! понимаю я, примолвила она, знаю я, отъ коль сіе пронстекаетъ. Здѣсь видно нельзя на ухо пошептать, чтобъ не ясно стало. Опослѣ извѣстно стало, что г. Тарсуковъ не любилъ Державина, сказанныя ему отъ Храповицкаго слова прикрасилъ и передалъ иностраннымъ. *Примѣчаніе Державина.*

(2) Къ этому 1792 году относятся слѣд. стихотворенія:

73. *На умѣренность* I, 188.

74. *Ко второму сосѣду* (Гарновскому) I, 276.

75. *На рожденіе В. Кн. Ольги Павловны* I, 486.

76. *Къ Калліопѣ* I, 637 (написано въ Октябрѣ по случаю пріѣзда В. Кн. Елизаветы Алексѣевны).

77. *Амуръ и Псишея* II, (по случаю сговора Александра Павловича съ Елизаветою Алексѣевной).

78. *Колесница* I, 255 (начато по поводу событій во Франціи; окончено уже въ 1804 году, когда пришло извѣстіе о смерти герцога Ангіенскаго; говорится объ ослабленіи власти).

таковые случаи, находящихся въ указахъ Петра Великаго, который повелѣвалось общему Сената собранію прочесть огласительно, призвавъ предъ себя второй Сената Департаментъ, въ которомъ показанныя въ экстрактѣ дѣла рѣшены были, а сверхъ того съ оберегателей законовъ, какъ–то съ генералъ губернаторовъ, прокуроровъ и стряпчихъ повелѣвалось взять отвѣты, для чего они, по силѣ генеральнаго Регламента, не доводили до свѣденія Императорскаго Величества беззаконныя рѣшенія Сената, всякой по своему начальству. Императрица, выслушавъ проэктъ, была имъ довольна; но подумавъ сказала: « Ежели вмѣшали уже Совѣтъ въ сіе дѣло, то отнеси въ оный и сію бумагу. Посмотримъ, что онъ скажетъ? » Повелѣніе исполнено. Совѣтъ заключилъ, что милосердые Ея Величества законы ни кого не дозволяютъ обвинять безъ отвѣтовъ. Не угодно ли будетъ приказать съ производителей дѣлъ взять оные? Монархиня на сіе положеніе Совѣта согласилась. Державинъ долженъ былъ написать другой указъ, которымъ требовалось противъ соображенія отвѣтовъ съ генералъ прокурора князя Вяземскаго, съ оберъ прокурора Колокольцова, оберъ секретарей Цыгарева и Аникѣевскаго. Отвѣты поданы: генералъ прокурора извиненіе болѣзнію; оберъ прокуроръ признавалъ свою вину, плакалъ и ублажалъ самымъ низкимъ и трогательнымъ образомъ милосердую монархиню и матерь отечества, прося о прощеніи; оберъ секретарей: Цыгаревъ такъ и сякъ канцелярскими оборотами оправдывался, а Ананьевскій, поелику у него было дѣло тяжебное и никакой важности въ себѣ не заключавшее, говорилъ довольно свободно. Императрица, выслушавъ сіи отвѣты, а особливо Колокольцова, сказала, что онъ «какъ баба плачетъ, мнѣ его слезы не нужны; времени долго давали, что мнѣ съ ними дѣлать? » А наконецъ, взглянувъ на докладчика, спросила: « Что ты молчишь? » Онъ отвѣчалъ: « Государыня! Законы Ваши говорятъ за себя сами, а милосердію вашему предѣла я предположить не могу. » — « Хорошо жъ отнеси еще въ Совѣтъ и сіи отвѣты; пусть онъ мнѣ скажетъ на нихъ свое мнѣніе. » Совѣтъ отозвался, что благости и милосердія ея онъ устранять не можетъ,

что̀ угодно ей съ виновными, то пусть прикажетъ сдѣлать. Тогда она приказала на чисто переписать указъ и принесть ей для подписанія. Принявъ же оный, положила предъ собою въ кабинетѣ на столѣ, который и по нынѣ остался въ молчаніи, потому что въ пересылкѣ въ Совѣтомъ прошло много времени; наговоры старика Зубова поведеніемъ его обезсилили, гнѣвъ ея умягчился, и пріѣздомъ графа Безбородки дворскія обстоятельства совсѣмъ перемѣнились, такъ что замѣчанныя дѣла въ соображеніи одно по одному, безъ всякаго выговору Сенату, особыми именными указами приведены въ порядокъ. Подобно тому и вниманіе Государыни на примѣчанія, дѣланныя Державинымъ по меморіямъ Сената, по которымъ онъ каждую недѣлю ей докладывалъ, часъ отъ часу ослабѣло. Приказала не утруждать ея, а говорить прежде съ оберъ прокуроромъ ([1]). Въ слѣдствіе чего всякую субботу послѣ обѣда должны были они являться къ Державину, какъ бы на лекцію, и выслушивать его на резолюціи Сената замѣчанія; не исключался изъ сего и самый фаворитовъ отецъ, перваго Департамента оберъ прокуроръ Зубовъ. Но и сіе продолжалось нѣсколько только мѣсяцовъ; стали сенаторы и оберъ прокуроры роптать, что они подъ мушгукомъ Державина. Государыня сама почувствовала, что она связала руки у вышняго своего правительства, ибо резолюціи Сената, въ меморіи вносимыя, не есть еще дѣйствительныя его рѣшенія или приговоры, ибо ихъ нѣсколько разъ законы перемѣнять дозволяли, а потому и сіе Императрица отмѣнила, а приказала только при себѣ Державину замѣчать ошибки Сената, на случай ежели къ ней поднесется отъ него какой рѣшительный докладъ съ важными погрѣшностями, или она особо прикажетъ подать ей замѣчанія, тогда ей по нимъ докладывать. Такимъ образомъ сила Державина по сенатскимъ дѣламъ, которой, можетъ быть, ни одинъ изъ статсъ секретарей, по сей

---

(1) Въ Запискахъ Храповицкаго, подъ 2 числомъ Февраля мѣсяца 1792 года, отмѣчено: «Какъ то не въ добрый часъ Державинъ докладывалъ. Онъ со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ. Онъ такъ новъ, что ходитъ съ дѣлами, до меня не принадлежащими.»

установленной формѣ отъ Императрицы, ни прежде ни послѣ, не имѣлъ, ибо въ ней соединялась власть генералъ прокурора и докладчика, тотчасъ умалилась; однако же какъ онъ о чемъ докладывалъ, самъ писалъ по тому указы, а не другіе, какъ у Терскаго, Безбородки, и, безъ истребованія справокъ изъ Сената за руками секретарей. докладныхъ записокъ не сочинялъ, то чрезвычайно это дѣлопроизводителямъ сего вышняго правительства было не пріятно, и они чрезъ генералъ прокурора и прочихъ министровъ весьма домогались, чтобъ ему справокъ не давать; но какъ сіе въ коренныхъ законахъ установлено было, чтобъ безъ справокъ ничего не дѣлать, то всѣ ихъ прекословія были тщетны. Сначала Императрица часто допущала Державина къ себѣ съ докладомъ и разговаривала о политическихъ произшествіяхъ, каковымъ хотѣлъ было онъ вести подневную записку; но поелику дѣла у него были всѣ роду непріятнаго, то есть прошенія на неправосудіе, награды за заслуги, и милости по бѣдности; а блистательныя политическія, то есть о военныхъ пріобрѣтеніяхъ, о постройкѣ новыхъ городовъ, о выгодахъ торговли и прочемъ, что ее увеселяли болѣе дѣла прочихъ статсъ секретарей, то и стала его рѣдко призывать, такъ что иногда онъ недѣли предъ нею не былъ, и потому журналъ свой писать оставилъ; словомъ: примѣтно было, что душа ея болѣе занята была военною славою и замыслами политическими, такъ что иногда не понимала она, что̀ читано было ей въ запискахъ дѣлъ гражданскихъ; но какъ имѣла необыкновенную остроту разума и великій навыкъ, то тотчасъ спохватывалась и давала резолюціи покрайней мѣрѣ иногда нѣсколько (1) основательныя, однако же сносныя, какъ то: съ кѣмъ либо снестись, переписать и тому подобныя. Вырывались также иногда у нея незапно рѣчи, глубину души ея обнаружившія. На примѣръ: *ежелибъ я правила 200 лѣтъ, то бы конечно вся Европа подвержена бъ была Россійскому скипетру*. Или: *я не умру безъ того, пока не выгоню Турковъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая, и съ Индіей не осную торговлю*. Или: *кто далъ какъ не я почувствовать*

(1) Вѣроятно слѣдуетъ читать: *не столько, или нисколько не.*

Французамъ право человѣка. Я теперь вяжу узелки ([1]), *пусть ихъ развяжутъ*. Случалось, что заводила рѣчь и о стихахъ докладчика, и неоднократно, такъ сказать, прашивала его, чтобъ онъ писалъ въ родѣ оды Фелицѣ. Онъ ей обѣщалъ и нѣсколько разъ принимался, запираясь по недѣлѣ дома; но ничего написать не могъ, не будучи возбужденъ какимъ либо патріотическимъ славнымъ подвигомъ; но о семъ обьяснится ниже. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть, что въ Маіѣ мѣсяцѣ 1792 года, когда напомянулъ ей Державинъ о нерѣшенномъ дѣлѣ Моценига, сказала: «Охъ, ужъ ты мнѣ съ твоимъ Моценигомъ, пу помири ихъ.»—Чтò и исполнено. Моценигъ радъ весьма былъ, что получилъ вмѣсто претензіи своей 120,000 хотя 40-т. рублей, ибо видѣлъ, что все пропадало.

Тогда же поручено Державину въ разсмотрѣніе славное дѣло генералъ поручика и Сибирскаго генералъ губернатора Якобія въ намѣреніи его возмутить Китай противъ Россіи. Дѣло было огромное, 2 Сената Департаментъ занимался имъ по утру и послѣ обѣда, оставя прочія производства, всего болѣе 7 лѣтъ. Привезено въ Царское Село въ трехъ кибиткахъ, нагруженныхъ сверха до низу бумагами и отдано было сперва, по повелѣнію Государыни, Василію Степановичу Попову; но отъ него вдругъ неизвѣстно почему приказано было принять Державину. Сей занимался онымъ цѣлый годъ и, сообразя всѣ обстоятельства въ подробности съ законами, сочинилъ изъ сенатскаго экстракта, въ 3000 листовъ состоящаго, для удобнѣшаго выслушанія Государыни, одинъ сокращенный экстрактъ на 250 листахъ и двѣ докладныя записки, одну на 15, а другую кратчайшую на 2-хъ листахъ. Доложилъ Государынѣ, что дѣло готово. Она приказала доложить и весьма удивилась, когда цѣлая шеринга гайдуковъ и лакеевъ внесли ей въ Кабинетъ превеликія кипы бумагъ. «Чтó такое, спросила она, зачѣмъ сюда такую бездну?» Покрайней мѣрѣ для народа, Государыня, отвѣчалъ Державинъ. «Ну положите, коль такъ,»

---

(1) Она обыкновенно, когда слушала дѣла, то вязала чулки или какіе-то шнурки съ узелками. *Примѣчаніе Державина.*

отозвалась съ нѣкоторымъ родомъ неудовольствія. Заняли нѣсколько столовъ. «Читай.»—«Что прикажете, экстрактъ сенатскій, или мой, или которую изъ докладныхъ записокъ?» «Читай самую кратчайшую.» Тогда прочтена ей короткая на двухъ листахъ. Выслушавъ и увидя, что Якобій оправдывается, проговорила, какъ бы изъявляя сумнѣніе на невѣрность записки: «Я не такія пространныя дѣла подлинникомъ читала, и выслушивала, то прочитай мнѣ весь экстрактъ сенатскій, начинай завтра. Я назначаю тебѣ всякій день для того послѣ обѣда два часа, 5-й и 6-й.» Надобно здѣсь примѣтить, что дѣло сіе, нѣсколько лѣтъ въ Сенатѣ слушанное, ни въ 2 Департаментѣ, ни въ общемъ собраніи, единогласнаго рѣшенія не достигло, но за разными голосами внесено къ Императрицѣ со всѣми бумагами, какъ то: журналами, мнѣніями, рапортами, а потому и было толь обширно. Такимъ образомъ слушаніе сего дѣла продолжалось всякій день по два часа. 4 мѣсяца, съ Маія по Августъ, а со всѣмъ кончилось Ноября 9 дня. Мы скажемъ для любопытныхъ существо сего дѣла и окончаніе онаго ниже; а теперь продолжимъ теченіе произшествій по порядку касательно только до Державина. Онъ во время доклада сего дѣла сблизился было весьма съ Императрицею по случаю иногда разсужденій о разныхъ вещахъ; напримѣръ, когда полученъ трактатъ 1793 года съ Польшею, то она съ восторгомъ сказала: «Поздравь меня съ толь выгоднымъ для Россіи постановленіемъ.» Державинъ, поклонившись, сказалъ: «счастливы Вы, Государыня, что не было въ Польшѣ такихъ твердыхъ вельможъ, каковъ былъ Филаретъ; они бы умерли, а такого постыднаго мира не подписали.» Ей это понравилось. Она улыбнулась и съ тѣхъ поръ примѣтнымъ образомъ стала отличать его, такъ что въ публичныхъ собраніяхъ, въ саду иногда, сажала его подлѣ себя на канапе, шептала на ухо ничего незначущія слова, показывая будто говоритъ о какихъ важныхъ дѣлахъ. Что это значило? Державинъ самъ не зналъ; но по соображенію съ случившимся тогда же разговоромъ графа Безбородки, который былъ княземъ послѣ, имѣлъ онъ поводъ думать, не имѣла ли Императрица, примѣтя твердый характеръ его, намѣреніе поручить ему нѣкотораго важнаго

намѣренія касательно наслѣдія послѣ ея трона. Графъ Безбородка, выпросясь въ отпускъ въ Москву и откланявшись съ Императрицею, вышедъ изъ кабинета ея, зазвалъ Державина въ темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что Императрица приказала ему отдать нѣкоторыя секретныя бумаги, касательныя до Великаго Князя, то какъ пришлетъ онъ къ нему послѣ обѣда, чтобъ пожаловалъ и принялъ у него; но неизвѣстно для чего, никого не приславъ, уѣхалъ въ Москву, и съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слыхалъ о тѣхъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые тонкіе царедворцы, что онѣ тѣ самыя были, за открытіе которыхъ, по вступленіи на престолъ Императора Павла I, осыпанъ онъ отъ него благодѣяніями и пожалованъ княземъ. Впрочемъ съ достовѣрностію о семъ здѣсь говорить не можно, и другіе люди, имѣющіе лучшія основанія, о томъ всю правду откроютъ свѣту. Обратимся къ Державину. Онъ такимъ Императрицы уваженіемъ, которое обращало на него глаза завистливыхъ придворныхъ, пользовался не долго. 15-го Іюля, читавъ дѣло Якобія по наступленіи 7 часа, въ который обыкновенно Государыня хаживала съ придворными въ Царскомъ селѣ въ саду прогуливаться, вышелъ изъ кабинета въ свою комнату, дабы отправить нѣкоторыя ея повелѣнія по прочимъ дѣламъ, по коимъ онъ докладывалъ, и, окончивъ оныя, пошелъ въ садъ, дабы имѣть участіе въ прогулкѣ. Статсъ секретарь Петръ Ивановичъ Турчаниновъ ([1]), встрѣтя его, говорилъ: «Государыня нынче скучна, и придворные какъ то никакихъ не заводятъ игръ; пожалуй, братецъ, пойдемъ и заведемъ хотя горелки.» Державинъ послушался. Довелось ему съ своею парою ловить двухъ великихъ князей, Александра и Константина Павловичевъ; онъ погнался за Александромъ и догоняя его на скользкомъ лугу, покатомъ къ пруду, упалъ и такъ сильно ударился о землю, что сдѣлался блѣденъ какъ мертвецъ.—Онъ вывихнулъ въ плечѣ изъ состава

(1) По преданію, Турчаниновъ, былъ изъ крещеныхъ Евреевъ. Онъ служилъ сначала при Потемкинѣ.

лѣвую руку. Великій князь и прочіе придворные побѣжали къ нему и, поднявъ едва живаго, отвели его въ его комнату. Хотя вправили руку, но онъ не могъ одѣться и долженъ былъ оставаться дома, обыкновенныхъ 6 недѣль, пока нѣсколько рука въ составѣ своемъ не затвердѣла. Въ сіе то время недоброжелатели умѣли такъ расположить противъ его Императрицу, что онъ по выздоровленіи, когда явился къ ней, то нашелъ ее уже совсѣмъ перемѣнившеюся. — При продолженіи Якобіева дѣла, вспыхивала, возражала на его примѣчанія, и въ одинъ разъ съ гнѣвомъ спросила, кто ему приказалъ и какъ онъ смѣлъ съ соображеніемъ прочихъ подобныхъ рѣшенныхъ дѣлъ Сенатомъ выводить невинность Якобія. Онъ твердо ей отвѣтствовалъ: «Справедливость и ваша слава, Государыня, чтобъ не погрѣшила чѣмъ въ правосудіи.» Она закраснѣлась и выслала его вонъ, какъ и нерѣдко то въ продолженіи сего дѣла случалось. Въ одинъ день, когда она приказала ему послѣ обѣда быть къ себѣ, это было въ Октябрѣ мѣсяцѣ, случилось чрезвычайно холодная буря, снѣгъ и дождь, и когда онъ, пріѣхавъ въ назначенный часъ, велѣлъ ей доложить, она чрезъ камердинера Тюльпина сказала: «удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортани не захватитъ», и приказала ѣхать домой. Словомъ, какъ ни удаляла она рѣшенія дѣла; но какъ не запретила продолжать оное, то наконецъ приказала заготовить проэктъ указа; по представленіи котораго приказала просмотрѣть Безбородкѣ, хотя оный, равно графъ Воронцовъ и господинъ Трощинскій были въ семъ дѣлѣ замѣшаны по извѣтамъ доносителя, о коемъ ниже скажемъ, якобы въ присылкѣ имъ Якобіемъ богатыхъ подарковъ, состоящихъ въ дорогихъ мѣхахъ.—Указъ переписанъ на бѣло и поднесенъ для подписанія. Но они, написавъ его, велѣли Безбородкѣ показать Терскому и Шишковскому, открытымъ образомъ и сильно бравшимъ сторону князя Вяземскаго противъ Якобія, не найдутъ ли они въ немъ чего несправедливаго. Безбородко низкимъ почелъ для себя просмотрѣнный имъ указъ представлять якобы на апробацію Терскому и Шишковскому, которые сами никогда указовъ не писали и по дѣламъ имъ докладываемымъ, а всегда относились о томъ къ Безбородкѣ, который умѣлъ

такъ вкрасться въ довѣренность Императрицы, что подъ видомъ хорошаго слуги по всѣмъ почти частямъ, писывалъ указы, кромѣ, какъ выше значится, Державина, за что онъ къ нему и не весьма благорасположенъ былъ. Безбородка не исполнилъ самъ сего Императрицына приказанія, а поручилъ Державину, который, разсудя, что честолюбивые перекоры въ такомъ случаѣ не токмо не умѣстны, но и погрѣшительны, когда должно оправдать невиннаго, а вмѣсто того продолженіемъ времени угнетаютъ его участь, и тѣмъ самымъ, такъ сказать, умерщвляютъ безчеловѣчно. Въ слѣдствіе чего Державинъ показалъ указъ Терскому и Шишковскому и объявилъ имъ Высочайшее повелѣніе, чтобъ они, узнавъ дѣло, особливо Шишковскій, который, по особому именному указу, былъ блюстителемъ при слушаніи его во 2-мъ Сената Департаментѣ, сказали свое мнѣніе на указъ. Шишковскій былъ въ отличной довѣренности у Императрицы и у Вяземскаго по дѣламъ Тайной Канцеляріи; какъ и сіе дѣло слѣдовано было прежде Сената въ страшномъ ономъ судилищѣ, въ разсужденіи якобы возмущенія Якобіемъ Китайцевъ; то взявъ на себя важный и присвоенный имъ, какъ всѣмъ извѣстно, таинственный, грозный тонъ, началъ придираться къ мелочамъ и толковать, якобы въ указѣ не соблюдена должная справедливость. «Слушай, Степанъ Ивановичь, сказалъ ему неустрашимо Державинъ, ты меня не собьешь съ пути мнимою тобою чрезвычайною къ тебѣ довѣренностію Императрицы и будто она желаетъ по извѣстнымъ тебѣ одному причинамъ осудить невиннаго. Нѣтъ, ты лучше мнѣ скажи, какую ты и отъ кого имѣлъ власть выставлять своею рукою примѣчанія, которыя на дѣлѣ видны, осуждающія строжае нежели существо дѣла и законы, обвиняемаго; и тѣмъ совращая сенаторовъ съ стези истинной, замѣшалъ такъ дѣло, что нѣсколько лѣтъ имъ занимались и поднесли къ Императрицѣ нерѣшеннымъ.» Шишковскій затрясся, поблѣднѣлъ и замолчалъ, а Терскій, будучи хитрѣе, увидя таковое неробкое противорѣчіе, сказалъ, что онъ въ указѣ ничего не находитъ справедливости противнаго, съ чѣмъ и Шишковскій согласяся просилъ донести Императрицѣ, что они предъ правосудіемъ и милосердіемъ

ея благоговѣютъ; но какъ Державинъ при семъ щекотливомъ случаѣ нѣсколько оплошалъ и не поступилъ канцелярскимъ порядкомъ, не сдѣлалъ журнала и не далъ имъ подписать онаго, а доложилъ словесно отзывъ ихъ Императрицѣ, то сами они собою или по ихъ еще какимъ побочными дорогами внушеніямъ, не подписавъ указа, отдали было еще оный на просмотрѣніе генералъ прокурора Самойлова; но къ счастію Якобія, что Державинъ, шедши къ Государынѣ въ послѣдній разъ съ указомъ, зашелъ къ ея фавориту и, прочетши ему оный, объявилъ всѣ обстоятельства, то когда отдавала она его Самойлову, вошелъ въ кабинетъ Зубовъ и спросилъ, что за бумагу она ему отдала, и когда услышалъ, что указъ о Якобіи, то донесъ, что и онъ видѣлъ и не примѣтилъ ничего сумнительнаго. Тогда Императрица, подписавъ оный, отдала генералъ прокурору уже для исполненія. Должно здѣсь объяснить, что дѣло сіе приняло совершенное окончаніе, тогда какъ уже былъ Державинъ сенаторомъ, слишкомъ два мѣсяца, то есть, какъ выше явствуетъ, 9 Ноября.

Источникъ и существо его были слѣдующія: въ 1783 году генералъ поручикъ Якобій былъ пожалованъ Сибирскимъ генералъ губернаторомъ. По связи Сената съ должностію его, необходимо было ему спознакомиться съ генералъ прокуромъ и пріобрѣсть его къ себѣ благорасположеніе, что̀ онъ и учинилъ. Бывъ всякой день въ домѣ, обласканъ былъ княгинею и прочими живущими у князя, между коими понравилась ему дочь вышеупомянутаго оберъ прокурора, что̀ былъ послѣ сенаторомъ, Ивана Гавриловича Рязанова, которая, какъ говорили злоязычники, была въ любовной связи съ княземъ и вѣроятно съ согласія княгини. Она, примѣтивъ сіе, сказала супругу. Рады были такому жениху и стали принимать его еще дружественнѣе, довели до настоящаго сватовства: уже женихъ невѣсту дарилъ браліантами. Искреннею ли любовію плѣненъ былъ генералъ губернаторъ къ сей дѣвицѣ, или только *(чтобъ)* чрезъ нее получить всѣ требованія и прихоти свои отъ генералъ прокурора, какъ то опредѣлять въ мѣста кого куда хотѣлъ, давать чины своимъ приверженцамъ и прочее; но

сіе очень много значило, а особливо въ такомъ отдаленіи, каковъ пространный Сибирскій край. Всѣ думали, что онъ женившись уже отправится къ своей должности. Ожидали только докладу Императрицы; но наканунѣ онаго любимецъ ея бывшій тогда, Александръ Дмитріевичь Ланской, призываетъ его къ себѣ, спрашиваетъ о справедливости разнесшагося слуха и запрещаетъ именемъ Императрицы совершать сіе супружество, а напротивъ того, объявляетъ ея волю, чтобъ онъ поскорѣе ѣхалъ въ назначенное ему мѣсто и открывалъ въ Иркутскѣ губернію по образу ея учрежденія. Къ сему враждующая противъ князя Вяземскаго партія графовъ Безбородка, Воронцова и прочіе прибавили, будто Императрица проговорила: «Я не хочу, чтобъ князь Вяземскій выдавалъ свою Рязанову за Якобія и за ней жаловалъ ему въ приданое Сибирь.» Можетъ быть, подъ симъ она разумѣла, что если будутъ въ тѣсномъ и столь короткомъ между собою союзѣ генералъ прокуроръ съ генералъ губернаторомъ, то цѣлый край, столь обширный и отдаленный, будетъ въ совершенномъ ихъ порабощеніи, и правды уже тамъ не учинятъ. Она, зная ихъ характеры, можетъ быть, была и права. Какъ бы то ни было, но Якобій, пріѣхавъ изъ дворца, сталъ спѣшить отъѣздомъ и говорить, что ему никакъ прежде онаго брака совершить не можно, и что онъ, обозрѣвъ и открывъ губернію, не умедлитъ, по обыкновенію другихъ генералъ губернаторовъ, пріѣхать къ Императрицѣ о томъ съ рапортомъ, и тогда непремѣнно женится. Хотя непріятно сіе было всему дому к. Вяземскаго; но нечего было дѣлать. Якобій отправился. Годъ прошелъ. Онъ обозрѣлъ и открылъ губернію; но самъ не пріѣхалъ, по волѣ ли то Императрицы, или самъ собою, и прислалъ только рапортъ, что за нѣкоторыми важными причинами быть скоро въ столицу не можетъ, для того и невѣстѣ отказалъ. Это было громомъ столь знаменитому дому и поруганіемъ, какъ ему, такъ и сговоренной дѣвицѣ. Получа сіе извѣстіе, князь, сказываютъ, проговорился, что онъ живъ не будетъ, ежели не отомститъ такую наглую обиду. Кто у нихъ по справедливости виноватъ, Богъ знаетъ. Самъ ли собою это сдѣлалъ Якобій, или во угожденіе дво-

ра; но, имѣя великую душу, кажется бы нашелъ средство иначе поступить. Съ другой стороны, столь низку быть генералъ прокурору, какъ ниже увидимъ, не простительно. Какъ бы то ни было, только чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ разрыва свадьбы, то есть въ 1785 году, нѣкто, помнится, титулярный или надворный совѣтникъ Парфентьевъ, бывшій у Якобія въ канцеляріи, между канцелярскими служителями, и по неудовольствію отъ него вышедшій въ отставку, прислалъ къ Мамонову, бывшему тогда любимцемъ Императрицы, недоброжелательствовавшему Безбородкѣ и всей его партіи, слѣдовательно и Якобію, или къ кому другому, но только не къ Вяземскому, доносъ на Иркутскаго генералъ губернатора, въ которомъ взводилъ на него многія вины, какъ то, самовластіе въ переводѣ съ мѣста на мѣсто чиновниковъ, въ отдачѣ ихъ несправедливо подъ судъ и прочіе пристрастные поступки, кромѣ взятокъ и корыстолюбія; но главнѣйшіе и важнѣйшіе изъ нихъ были два дѣла подъ названіемъ *Иркутскаго* и *Баргузинскаго*. Первое изъ нихъ, что якобы желалъ онъ возмутить противъ Россія Китайцевъ, дабы, заведши войну, пріобрѣсть къ себѣ больше отъ Императрицы уваженія, и сіе доказывалъ онъ письмомъ секретаря Якобіева Осипнина къ пограничному Петропавловской крѣпости коменданту Алексѣеву. Второе въ закупкѣ съ ущербомъ казны па Сибирскій корпусъ провіанта. Доносъ сей доведенъ до рукъ Императрицы. Его слишкомъ Мамоновъ и Вяземской уважили, и хотя послѣдній изъ хитрости, чтобъ отдалить отъ себя всякое подозрѣніе, отъ производства дѣла отказался; но однако же оно, какъ бы великой тайности подлежащее, поручено для изслѣдованія тайной Канцеляріи: то есть Шешковскому. Тотъ доносчика Парфентьева и прочихъ допрашивалъ, а Якобію, вызвавъ его изъ губерніи, не допустивъ до двора ([1]), задавали въ Петербургѣ противъ доносовъ вопросные пункты, которые и

---

(1) Въ Запискахъ Храповицкаго отмѣчено. 7 Іюня 1788 г: «Пріѣхалъ Якобій прямо въ Царское Село; но не велѣно его представлять, пока не оправдается.» 9 Іюня: «Приказано сказать графу А. А. Безбородкѣ данный приказъ о Якобіи; послѣ чего спрашивали, что онъ отвѣчалъ. «Слышу—Такъ.»

преданы были сужденію Сената, какъ выше явствуетъ, подъ надзрѣніемъ Шишковскаго. Сіи вопросы и на нихъ отвѣты, равно и сенатское положеніе, какъ выше явствуетъ, чрезъ четыре мѣсяца Государыня всякій день прочитывала; а какъ Державинъ въ примѣчаніяхъ своихъ оказалъ свое сумнѣніе, почему Сенатъ привязывался только къ письму Осинина, писанному имъ къ коменданту Алексѣеву, въ которомъ Осининъ раскаявшись, себя зарѣзалъ, говоря, что Якобій о томъ не зналъ и ни въ чемъ невиноватъ; а напротивъ того о подлинномъ секретномъ ордерѣ, данномъ Якобіемъ нѣкоторому Персіянину Юсупову, что онъ подговаривалъ къ намъ отъ Китайцевъ бѣжать Мунчаловъ, и о второмъ данномъ коменданту Алескѣеву, чтобъ онъ былъ остороженъ и въ случаѣ нападенія отъ Китайцовъ защищалъ бы крѣпость военною рукою, Якобій ни однимъ словомъ спрашиванъ не былъ, какъ онъ смѣлъ и отъ кого имѣлъ повелѣніе, давать такія подчиненнымъ своимъ повелѣнія, которыя могли возмутить спокойныхъ въ сосѣдствѣ Китайцовъ, то Государыня вспомнивъ, какъ сказала', отъ кого имѣлъ повелѣніе? Я ему секретно приказывала, сперва словесно въ эрмитажѣ; а потомъ, помнится мнѣ, я дала указъ о томъ Иностранной Коллегіи, по той причинѣ, что какъ Китайцы переманили отъ меня Астраханскихъ къ себѣ Калмыковъ, то я хотѣла тѣмъ же имъ заплатить, подговоря Мунчаловъ. По справкѣ дѣйствительно нашелся въ Иностранной Коллегіи тотъ указъ. Но Якобій о немъ молчалъ, потому что онъ былъ секретный; а по какому поводу даны были Юсупову и Алексѣеву помянутыя нарушавшія спокойствіе сосѣдей повелѣнія, о томъ Сенатъ, съ умысломъ или по недогадкѣ Якобія, не спрашивалъ, а привязывался только къ письму Осинина, писанному къ Алексѣеву, по вѣтренности ли или по невѣдѣнію того Императрицына повелѣнія, что бы при заведеніи войны начальникъ его, слѣдовательно и онъ, могли какое либо получить за свои труды награжденіе. Словомъ, Императрица, бывъ доказана о невинности Якобія въ семъ важномъ пунктѣ и о некорыствованіи его при закупкѣ въ Баргузинѣ провіанта, который закупленъ провіантскимъ и отъ него посланнымъ чинов-

никомъ, *признать невинными*, резолюцію свою въ кратцѣ собственною своею рукою написала; коими именно словами начатъ укорительный указъ Сенату, что онъ занимался столько лѣтъ сущими и ничего незначущими сплетнями. За нѣкоторыя же небольшія погрѣшности и слабость въ отправленіи должности, по стоявшему тогда милостивому манифесту, учиненъ Якобію выговоръ, а Парфентьевъ за смуту и клеветы, хотя строжайшему по законамъ подлежалъ наказанію, но по милосердію, или паче по прозорливости, откуда и отъ кого проистекла сія смута, лишенъ чиновъ, и велѣно ему не въѣзжать ни въ которую изъ столицъ, жить въ уѣздныхъ городахъ. Вотъ чѣмъ кончилось сіе огромное, или лучше сказать, по пусту шумное дѣло. Вяземскій, не мѣшаясь въ него, умѣлъ такъ искусно стороною дѣйствовать, что весь Сенатъ былъ на его сторонѣ, кромѣ сенаторовъ Федора Ивановича Глѣбова ([1]) и Алексѣя Васильевича Нарышкина, изъ коихъ первый не соглашался съ нѣкоторыми чрезвычайно строгими заключеніями на счетъ обвиняемаго, послѣдній вовсе противное далъ мнѣніе, которымъ оправдывалъ Якобія, но хотя имѣлъ онъ благородныя чувствованія и чистое о дѣлѣ понятіе, но, по не упражненію въ канцелярскомъ слогѣ или по скорости, написалъ голосъ свой едва вразумительно или почти не понятно, то и подверженъ былъ не токмо смѣху, но самому отъ Вяземскаго по канцелярскому обряду неуваженію, такъ что по обнесенію его Императрицѣ Мамоновымъ въ пристрастіи къ партіи Безбородки, Воронцова и Якобія, принужденъ былъ выпроситься въ отпускъ и оставить вовсе службу, уѣхавъ въ чужіе края.

Вмѣстѣ съ симъ тогда же почти окончены Державинымъ не менше важныя два дѣла, а именно: коммисаріатское и банкирское. Коммисаріатское, начавшееся съ 1775-го или 1776 года во время самой большой силы князя Потемкина, когда происходили на Санктпетербургской винный откупъ торги. Сей всемогущій любимецъ, взявъ подъ покровительство свое купца Логинова, выпросилъ ему подъ свое поручи-

---

(1) Родоначальникъ Глѣбовыхъ—Стрѣшневыхъ.

тельство безъ всякихъ залоговъ у Государыни отдать Петербургскій откупъ безъ переторжки съ тѣмъ, что онъ, по окончаніи откупа, по совѣсти объявитъ всю свою прибыль, полученную имъ сверхъ сложности, на которую торговались. Но какъ у Логинова не было наличныхъ денегъ, чѣмъ вступить въ откупъ, то и взялъ, онъ заимообразно тайнымъ образомъ въ Москвѣ изъ коммисаріатскихъ суммъ, чрезъ казначея Руднева, казенныхъ денегъ 400,000 руб. съ тѣмъ, что изъ первой выручки по откупу взнесетъ оныя обратно въ казну; не помню чрезъ кого и, кажется, чрезъ нѣкоего коммисаріатскаго же вѣдомства чиновника Выродова, учинилось сіе извѣстнымъ, и пошло слѣдствіе. Князь Потемкинъ подъ рукою и по связи съ нимъ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, бывшій генералъ коммисаромъ, съ котораго, можетъ быть, согласія и деньги Рудневымъ Логинову выданы, покровительствовалъ или проволачивалъ всевозможнымъ образомъ сіе дѣло, такъ что, хотя Глѣбовъ пожалованъ около того времени, или яснѣе сказать, отлученъ отъ коммиссаріата въ Смоленскіе генералъ губернаторы, смѣненъ и отданъ подъ слѣдствіе, по настоянію генералъ прокурора князя Вяземскаго; но совсѣмъ тѣмъ Логиновъ, требованный къ очнымъ ставкамъ противъ Руднева, хотя всѣмъ былъ видѣнъ проживающимъ въ Петербургѣ, но не сысканъ и не представленъ въ Москву около 20 лѣтъ. Между тѣмъ вскорѣ по взятіи откупа, Логиновъ поссорился съ товарищемъ своимъ купцомъ Савинымъ и заплатя ему нѣкоторую сумму, обѣщавъ изъ прибыли еще наградить, оттеръ отъ откупа. Савинъ былъ тѣмъ не доволенъ, завелъ дѣло, которое по сильной сторонѣ Логинова, тянулось по 1792 годъ въ Петербургскомъ Надворномъ Судѣ, такъ что не могъ рѣшенія дождаться. По сей причинѣ подалъ онъ къ Державину на Высочайшее имя письмо—доносъ, въ которомъ жаловался, что Логиновъ по окончаніи откупа его обидѣлъ и не открылъ прямой сложности правительству и не взнесъ обѣщанной имъ въ казну изъ прибыли десятой доли на богоугодныя дѣла, а вмѣсто того сдѣлалъ только народный извѣстный праздникъ въ зимнее время, въ Воронцовскомъ домѣ, въ которомъ перепоилъ народъ до пьяна, такъ что нѣсколько сотъ человѣкъ по

мерзло, что и была самая правда: полиція подобрала мертвыхъ тѣлъ по утру, какъ достовѣрно тогда увѣряли, до 400 человѣкъ ([1]). Государыня, выслушавъ сіе Савина прошеніе, приказала Державину призвать Логинова къ себѣ, и велѣть ему, чтобъ онъ по совѣсти объявилъ ей всю сложность вина и прибыль настоящую свою отъ того. Логиновъ, хотя князь Потемкинъ, могущій его покровитель, уже тогда не существовалъ въ живыхъ, но надѣялся на приверженцевъ и на родню сего вельможи, бывшихъ ему пріятелями, такъ спѣсиво принялъ повелѣніе Императрицы, что не хотѣлъ почти отвѣчать порядочно Державину, сказавъ: «онъ не вѣритъ, чтобъ такое повелѣніе дала Государыня, которая царствуетъ по законамъ. Когда дѣло по доносу Савина производится въ Надворномъ Судѣ, то оно тамъ и въ прочихъ учрежденныхъ вышнихъ судахъ своимъ порядкомъ и окончиться долженствуетъ, а принуждать его къ какому то еще совѣстному признанію въ прибыляхъ его послѣ того, какъ уже онъ сдѣлалъ изъ нихъ казнѣ пожертвованіе, давъ народу публичный праздникъ, не думаетъ онъ, чтобъ воля была на то Императрицы.» Державинъ, услышавъ такой высокомѣрной сего откупщика отвѣтъ, тотчасъ написалъ на бумагѣ высочайшее повелѣніе и отдавъ ему, велѣлъ на оное отвѣтствовать письменно же, и о семъ тогда же донесъ Государынѣ, которая отозвалась съ неудовольствіемъ: «хорошо, посмотримъ. Я укрощу спѣсь.»— Черезъ нѣсколько дёнъ отдала Императрица Державину письмо его Логинова, въ которомъ жаловался онъ ей на

---

(1) По случаю праздника, даннаго Логиновымъ, въ то время ходили слѣдующіе стихи, неизвѣстнаго намъ сочинителя:

Недавно Логиновъ для черни сдѣлалъ пиръ,
Которому во вѣкъ дивиться будетъ міръ.
Какъ отъ сего себѣ онъ ожидалъ награду
Что глупыхъ примапилъ къ тому людей громаду,
И утопилъ въ винѣ, и въ пивѣ, и въ меду
И заморозилъ ихъ, какъ рапушку на льду.
Похвастать онъ хотѣлъ веселыми часами,
Но будетъ вспоминать отъ совѣсти слезами.
Вотъ чудо Логиновъ какое сотворилъ,
Отъ пьяныхъ онъ нажилъ и пьяныхъ поморилъ.

призывъ его къ нему несообразный, съ законами, на принужденіе и тому подобное, указывая все то съ своими разсужденіями. При отдачѣ письма сказала: «когда́ такъ, то производи жъ дѣло по законамъ и надзирай по всѣмъ мѣстамъ за нимъ. Я тебя дѣлаю моимъ стряпчимъ и ни на комъ какъ на тебѣ взыщу несправедливое его рѣшеніе.» Получа таковое повелѣніе, призвавъ къ себѣ казенныхъ дѣлъ стряпчаго, велѣлъ ему принесть изъ дѣла обстоятельную записку, далъ ему наставленіе понуждать Судъ, потомъ Палату и предостерегать пользу казенную. Такимъ образомъ довелъ въ Сенатъ и до общаго собранія; а когда уже былъ сенаторомъ, подалъ свой голосъ, прочетши оный напередъ Императрицѣ, противъ всего Сената, который ему благопріятствовалъ, какъ и бывшій тогда уже генералъ прокуроръ графъ Самойловъ по родству съ покойнымъ княземъ Потемкинымъ, защищалъ, сколько могъ, его приверженца; но ничто не помогло. Вся канцелярская крючкотворная дружина противъ истины, защищаемой Державнымъ законами, не устояла, и единогласно опредѣлено съ Логинова по симъ двумъ дѣламъ, то есть по коммисаріатскому и откупному, взыскать въ казну болѣе двухъ миліоновъ рублей, которыхъ нѣкоторая часть и взыскана; а остальныя уже при Императорѣ Александрѣ, по стряпнѣ Новосильцова или лучше секретаря его Дружинина, за алтыны прощены. Для любопытныхъ нужнымъ почитается присовокупить, что въ то время какъ Логиновъ подавалъ жалобу Императрицѣ на Державина, служащій у него въ канцеляріи надворнымъ совѣтникомъ Николай Петровичъ Рязановъ, что̀ послѣ въ 1803 году объѣзжалъ около свѣта на корабляхъ Американской компаніи Надеждѣ и Невѣ и былъ отправленъ въ качествѣ посланника къ Японскому Императору, принесъ въ чернѣ руки Василія Степановича Попова то самое письмо, которымъ Логиновъ жаловался на Державина, выданное ему по дружбѣ отъ одного канцелярскаго служителя, служащаго въ канцеляріи Попова, дабы тѣмъ умножить трудность успѣха сего дѣла, когда таковые Логинову находятся защитники; но Державинъ, подумавъ, что писать для пріятелей своихъ всѣмъ запрещать было бы тиранническое правленіе и что сдѣлаетъ симъ только г. По-

пову вредъ, когда онъ подпадетъ чрезъ то письмо подъ гнѣвъ у Императрицы, а казна не получитъ никакой отъ того прибыли, ибо не письмо или кто оное писалъ, но содержаніе онаго, обвиняетъ или оправдываетъ просителя; а потому не принявъ онаго, велѣлъ отнести къ тому, отъ кого получилъ оное, примолвя, что онъ такими низкими средствами не выслуживается; о чемъ никогда и господину Попову не сказывалъ.

Банкирское жъ дѣло было слѣдующаго содержанія. Банкиръ Сутерландъ былъ со всѣми вельможами въ великой связи, потому что онъ имъ ссужалъ казенныя деньги, которыя онъ принималъ изъ Государственнаго Казначейства, для перевода въ чужіе краи, по случающимся тамъ министерскимъ надобностямъ. Такихъ суммъ считалося по Казначейству переведенными въ Англію до 6,000,000 гульденовъ, что̀ сдѣлаетъ на наши деньги до 2 милліоновъ рублей; но какъ министръ оттуда донесъ Императрицѣ, что онъ повелѣнія ея выполнить не могъ по неполученію имъ денегъ, справились въ Казначействѣ, и оказалось, что Сутерланду, чрезъ уполномоченнаго его повѣреннаго Диго, деньги отданы. Справились по книгамъ Сутерланда, нашли, что отъ него въ Англію еще не переведены; требовали, чтобъ тотчасъ перевелъ; но онъ, не имѣя денегъ, объявилъ себя банкротомъ. Императрица приказала о семъ банкротствѣ изслѣдовать и поручила то служившему въ 3 Экспедиціи о Государственныхъ Доходахъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Васильеву, генералъ провіантмейстеру Петру Ивановичу Новосильцову и статсъ секретарю Державину ([1]). Они открыли, что всѣ казенныя деньги у Сутерланда перебраны были заимообразно по роспискамъ и безъ росписокъ самыми знатными ближними, окружающими Императрицу, боярами, какъ то: княземъ Потемкинымъ, княземъ Вяземскимъ, графомъ Безбородкою, вице-канцлеромъ Остерманомъ, Морковымъ и прочими, даже и Великимъ Княземъ

(1) Храповицкій, въ Запискахъ своихъ, отмѣтилъ 5 Апрѣля 1792 года: «подписанъ указъ, чтобъ Васильеву, Державину и Новосильцову ревизовать Сутерландову контору. Державинъ прибавленъ Зубовымъ.»

Павломъ Петровичемъ, которыя ему не заплатили, а сверхъ того и самъ онъ употребилъ знатныя суммы на свои надобности. Князь Вяземскій, графъ Безбородка тотчасъ свой долгъ взнесли, а прочіе сказали, что воля Государынина, они со временемъ заплатятъ, а теперь у нихъ денегъ нѣтъ. Государыня велѣла поступить по законамъ. Сутерландъ отравилъ себя ядомъ, контора запечатана, и велѣно ее помянутымъ тремъ чиновникамъ съ самаго ея начала счесть. По счетамъ между прочимъ оказалось, что въ прошломъ году выдано одному стряпчему по дѣлу съ графомъ Моценигомъ 15.000 рублей; но послику то дѣло, какъ выше явствуетъ, разсматривалъ одинъ Державинъ, что при немъ даже по бытности его въ отставкѣ тогда и секретаря никакого не было, слѣдовательно тѣ деньги дошли до него. Такъ и товарищи его хотя не говорили явно, но ужимками своими дали ему то знать. Онъ симъ обидился. Просилъ Государыню, чтобъ приказала изслѣдовать. Она, помолчавъ съ нѣкоторымъ родомъ неуваженія, сказала: «Ну что слѣдовать? Вѣдь это и вездѣ водится.» Державина сіе поразило, и онъ на тотъ разъ снесъ сей холодный, обидный ему отвѣтъ; но когда поднесъ по приказанію ея сочиненную имъ вѣдомость, кто именно и сколько денегъ разобралъ, то убѣдительно просилъ, чтобъ велѣла строго спросить, для кого онъ тѣ деньги взялъ и ежели не себѣ, то кому ихъ отдалъ, за что и кому именно? Съ трудомъ Императрица дала на то свое соизволеніе, приказавъ однако никому иному, а ему же Державину того стряпчаго спросить. Когда Державинъ пріѣхалъ въ домъ стряпчаго, и по именному повелѣнію попросилъ его, то онъ оробѣвъ, никакого отвѣту не далъ, говоря, что онъ въ замѣшательствѣ не можетъ припомнить; просилъ, чтобъ ему до утра отсрочено было. Державинъ не смѣлъ употребить строгаго домогательства, далъ до утра сроку. Стряпчій письменно показалъ, что далъ 5000 р. генералъ маіору Степану Васильевичу Перфильеву, а остальныя племяннику графа Николая Ивановича Салтыкова, Петру Николаевичу Голицыну, зайчикомъ прозывавшемуся, заимообразно, за то, чтобъ по знакомству съ нимъ Державина, они просили его, о благосклонности и покро-

вительствѣ Сутерланду. Кончено было сіе дѣло тѣмъ, что съ него стряпчаго и съ прочихъ, которые забирали изъ конторы у Сутерланда деньги, потому что они казенныя, велѣно было взыскать, и ежели у нихъ наличныхъ нѣтъ, то изъ ихъ имѣнія, гдѣ какое находится, кромѣ Цесаревича и князя Потемкина, которыя велѣно было принять на счетъ казны.—Взысканіе то поручено было чрезъ Сенатъ сдѣлать государственному казначею и генералъ прокурору графу Самойлову; ибо онъ обоими тѣми важными постами управлялъ, но взыскано ли все, что̀ изъ казны расхищено, не извѣстно.

Между тѣмъ при производствѣ сего дѣла случился довольно любопытный анекдотъ, который не должно изъ виду выпустить. По окончаніи Якобіева дѣла, которымъ Государыня сначала была недовольна, и, какъ выше видно, всячески отъ рѣшенія его уклонялась, дабы стыдно ей не было, что она столь неосторожно строгое завела изслѣдованіе по пустякамъ, какъ сама о томъ въ указѣ своемъ сказала; но когда чрезъ оберъ полиціймейстера Глазова, услышала молву народную, что ее до небесъ превозносили за оказанное ею правосудіе и милосердіе при рѣшеніи сего дѣла, то была очень довольна и, призвавъ Державина къ себѣ, который уже былъ сенаторомъ, изъявила ему за трудъ его свое удовольствіе. Онъ при семъ случаѣ спросилъ, прикажетъ ли она ему окончить помянутое Сутерландово дѣло, которое уже давно (*sic*), а также и прочія, или сдать ихъ не докладывая преемнику его Трощинскому. Она спросила: « да гдѣ Сутерландово дѣло? » Здѣсь. « Взнеси его сюда и положи вотъ тутъ на столикѣ, а послѣ обѣда, въ извѣстный часъ, пріѣзжай и доложи. » Она была тогда въ своемъ кабинетѣ, гдѣ, по обыкновенію, сидя за большимъ письменнымъ своимъ столомъ, занималась сочиненіемъ Россійской исторіи. Державинъ, взявъ изъ секретарской въ салфеткѣ, завязанное Сутерландово дѣло, взнесъ въ кабинетъ и положилъ предъ ея лицомъ, на тотъ самый столикъ, на который она его положить приказала, откланялся и спокойно пріѣхалъ домой. Послѣ онъ узналъ, какъ сказывалъ Храповицкій, что часъ спустя по выѣздѣ его, кончивъ свою работу, по-

дошла она къ тому столику и, развязавъ салфетку, увидѣла въ ней кипу бумагъ, вспыхнула, велѣла кликнуть Храповицкаго и съ чрезвычайнымъ гнѣвомъ спрашивала Храповицкаго, что это за бумаги? Онъ не знаетъ, а видѣлъ, что ихъ Державинъ принесъ. « Державинъ! » вскричала она грозно, « такъ онъ меня еще хочетъ столько же мучить какъ и Якобіевскимъ дѣломъ. Нѣтъ! Я покажу ему, что онъ меня за носъ не поведетъ. Пусть его придетъ сюды. » Словомъ, много говорила гнѣвнаго, а по какой причинѣ, никому неизвѣстно; догадывались однако тонкіе царедворцы: помечталось ей, что будто Державинъ, не смотря на то, что пожалованъ въ сенаторы, хотѣлъ, подъ видомъ окончанія всѣхъ бывшихъ у него не рѣшенныхъ дѣлъ, при ней, противъ воли ея, удерживаться, отправляя вмѣстѣ сенаторскую и статсъ-секретарскую должность, что было противъ ея правилъ. И такъ Державинъ, не зная ничего о всемъ вышепроисходящемъ, въ назначенный часъ, приходитъ въ секретарскую, находитъ тутъ камердинеровъ, странными лицами на него смотрящихъ, приказываетъ доложить; велятъ ждать. Наконецъ выходитъ отъ Государыни графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, который тогда былъ въ Синодѣ оберъ прокуроромъ, который обошелся съ нимъ также весьма сухо. Призываютъ къ Государынѣ изъ другой комнаты Василія Степановича Попова, который тамъ ожидалъ ея повелѣнія. Лишь только онъ входитъ, велятъ ему садиться по старому на стулъ и зовутъ въ ту же минуту Державина; чего никогда ни съ кѣмъ не бывало, что при свидѣтельствѣ третьяго, неучаствующаго въ томъ дѣлѣ, кто либо докладывалъ. Державинъ входитъ, видитъ Государыню въ чрезвычайномъ гнѣвѣ, такъ что лицо пылаетъ огнемъ, скулы трясутся. Тихимъ, но грознымъ голосомъ говоритъ: « докладывай. » Державинъ спрашиваетъ—по краткой или пространной запискѣ докладывать? « По краткой », отвѣчала. Онъ зачалъ читать; она почти не внимала, безпрестанно поглядывая на Попова. Державинъ, не зная ни чему этому никакой причины, равнодушно кончилъ и, вставъ съ стула, вопросилъ, что приказать изволитъ? Она снисходительнѣе прежняго сказала: « Я ничего не поняла, приходи

завтра и прочти мнѣ пространную записку.» Такимъ образомъ сіе странное присутствіе кончилось. Послѣ господинъ Поповъ сказывалъ: она, призвавъ его скоро послѣ обѣда, жаловалась ему, что будто Державинъ не токмо грубитъ ей, но и бранится при докладахъ, то призвала его быть свидѣтелемъ; но какъ никогда этого не было и быть не могло, то клеветами какое взведенное или что другое, чѣмъ приведена она была на него въ раздраженіе, кончилось ничѣмъ. На другой день, въ слѣдствіе приказанія ея, съ тѣмъ же дѣломъ въ обыкновенный часъ пріѣхалъ, принятъ былъ милостиво и даже извинилась, что вчерась горячо поступила, примолвя, что ты самъ горячь, все споришь со мною.»—«О чемъ мнѣ, Государыня, спорить, я только читаю, что въ дѣлѣ есть, и я не виноватъ, что такія непріятныя дѣла вамъ долженъ докладывать.»—«Ну полно, не сердись, прости меня. Читай, что ты принесъ.» Тогда началъ читать пространную записку и реэстръ, кѣмъ сколько казенныхъ денегъ изъ кассы у Сутерланда забрано. Первый явился князь Потемкинъ, который взялъ 800,000 р.. Извинивъ, что онъ многія надобности имѣлъ по службѣ и не рѣдко издерживалъ свои деньги, приказала принять на счетъ свой Государственному Казначейству. Иные приказала взыскать, другіе небольшіе простить долги; но когда дошло до Великаго Князя Павла Петровича, то, перемѣнивъ тонъ, зачала жаловаться, что онъ мотаетъ, строитъ такія безпрестанно строенія, въ которыхъ нужды нѣтъ; «не знаю, что съ нимъ дѣлать,» и такія продолжая съ неудовольствіемъ подобныя рѣчи, ждала какъ бы на нихъ согласія; но Державинъ, не умѣя играть роли хитраго царедворца, потупя глаза, не говорилъ ни слова. Она, видя то, спросила: «что ты молчишь?» Тогда онъ ей тихо проговорилъ, что Наслѣдника съ Императрицею судить не можетъ, и закрылъ бумагу. Съ симъ словомъ она вспыхнула, закраснѣлась и закричала: «поди вонъ.» Онъ вышелъ въ крайнемъ смущеніи, не зная, что дѣлать, рѣшился зайти въ комнату къ фавориту. «Вступитесь хоть вы за меня, Платонъ Александровичь, сказалъ онъ ему съ преисполненнымъ горести духомъ; поручаютъ мнѣ непріятныя дѣла, и что я докладываю всю истину,

какова она въ бумагахъ, то Государыня гнѣвается, и теперь по Сутерландову банкротству такъ раздражилась, что выгнала отъ себя вонъ. Я ли виноватъ что ее обворовываютъ? да я и не напрашивался не токмо на это, но ни на какія дѣла, но мнѣ ихъ поручаютъ, а Государыня на меня гнѣвается, будто я тому причиною.» Онъ его успокоилъ и, знать, что тотъ же вечеръ говорилъ, что на другой день, выслушавъ порядочно всѣ бумаги, дала резолюцію, чтобъ, какъ выше сказано, генералъ прокуроръ и государственный казначей предложили Сенату взыскать деньги съ кого слѣдуетъ по законамъ. Тѣмъ дѣло сіе и кончилось. Надобно примѣтить, что подобныя непріятныя дѣла, можетъ быть, и съ умыслу, какъ старшій между статсъ секретарями, графъ Безбородка всегда сообщалъ Державину, подъ видомъ, что онъ прочихъ справедливѣе, дѣльнѣе и прилежнѣе; а самою вещію, какъ онъ имъ всѣмъ ревностію и правдою своею былъ непріятенъ или, лучше сказать, опасенъ, то чтобъ онъ наскучилъ Императрицѣ, и остудился въ ея мысляхъ; что совершенно и сдѣлалось, а особливо когда графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ съ своей стороны хитрыми ужимками и внушеніями, какъ графъ Дмитрій Александровичъ (1) по дружбѣ сказывалъ Державину, сдѣлалъ о немъ какія-то непріятныя впечатлѣнія Императрицѣ, такъ же съ другой стороны и прежде бывшая его большая пріятельница княгиня Дашкова: первый за то, что по вступившему на имя Императрицы одного Донскаго чиновника доносу, приказалъ онъ взять изъ Военной Коллегіи справки, въ которой былъ Салтыковъ президентомъ, о чрезвычайныхъ злоупотребленіяхъ той Коллегіи, что за деньги производились неслужащіе малолѣтки и разночинцы въ оберъ-офицеры и тѣмъ отнимали линію у достойныхъ заслуженныхъ унтеръ офицеровъ и козаковъ; вторая, что по просьбѣ на высочайшее имя бывшаго при Академіи Наукъ извѣстнаго механика Кулибина, докладывалъ онъ Государынѣ, не спросясь съ нею, поелику она была той Академіи директоромъ, и того Кулибина за какую то неисполненную ей услугу не жало-

---

(1) Зубовъ.

вала и даже гнала, и выпросилъ ему къ получаемому имъ жалованью 300 рублевъ, въ сравненіе съ профессорами, еще 1500 рублей и казенную квартиру, а также по ходатайству ея за нѣкоторыхъ людей, не испросилъ имъ за какія-то поднесенныя ими художественныя бездѣлки подарковъ и награжденій; хотя это и не относилось прямо до его обязанности, но должно было испрашивать чрезъ любимца; она такъ разсердилась, что пріѣхавшему ему въ праздничный день съ визитомъ вмѣстѣ съ женою наговорила, по вспыльчивому ея или лучше сумасшедшему нраву, премножество грубостей, даже на счетъ Императрицы, что она подписываетъ такіе указы, которыхъ сама не знаетъ и тому подобное, такъ что онъ не вытерпѣлъ, уѣхалъ и съ тѣхъ поръ былъ съ нею незнакомъ; а она, какъ боялась, чтобъ онъ не довелъ до свѣденія Государыни говореннаго ею на ея счетъ, то забѣжавъ сколько извѣстно было чрезъ Марью Савишну Перекусихину, приближеннѣйшую къ Государынѣ даму, и брата фаворитова графа Валеріана Александровича, и наболтала какіе то вздоры, которымъ хотя въ полной мѣрѣ и не повѣрили, но поселила въ сердцѣ остуду, которая примѣчена была Державинымъ по самую ея кончину. Можетъ быть и за то, что онъ по желанію ея, видя дворскія хитрости и безпрестанные себѣ толчки не собрался съ духомъ и не могъ такихъ ей тонкихъ писать похвалъ, каковы въ одѣ Фелицѣ и тому подобныхъ сочиненіяхъ, которыя имъ писаны не въ бытность его еще при дворѣ: ибо изъ далека тѣ предметы, которые ему казались божественными и приводили духъ его въ воспламененіе, явились ему, при приближеніи къ двору, весьма человѣческими и даже недостойными великой Екатерины, то и охладѣлъ такъ его духъ, что онъ почти ничего не могъ написать горячимъ чистымъ сердцемъ въ похвалу ея. На примѣръ, я скажу, что она управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ. Вотъ тому доказательство:

1-е. Будучи позванъ въ одинъ разъ Державинъ съ дѣломъ въ кабинетъ, послѣ бывшаго тамъ г. Терскаго, нашелъ ее ропщущею. « Какъ, говорила она, въ Псковѣ продается

соль по 2 рубли пудъ, слышалъ ли ты?»—«Нѣтъ, Государыня.»—«Развѣдай же пожалуй.»—«Слышу.» У меня на сихъ дняхъ оттуда пріѣхалъ родственникъ; это былъ Николай Петровичь Яхонтовъ, который дѣйствительно сказалъ про многія злоупотребленія, Казенною Палатою чинимыя чрезъ одного откупщика Городецкаго, и о дороговизнѣ соли. Державинъ донесъ о всемъ томъ на другой день Императрицѣ. Она приказала ему написать его рукою записку отъ его имени, родомъ доноса, и препроводить оную для изслѣдованія къ генералъ губернатору, находившемуся тогда въ Петербургѣ, Осипу Андрѣевичу Игельштрому ([1]) —«Нѣтъ Государыня, Державинъ ей сказалъ: я вамъ не доносилъ самъ отъ себя, а вы изволили приказать развѣдать, и я что̀ слышалъ, то вамъ и доложилъ.»—«Хорошо, сказала, напиши какъ знаешь.» Но едва успѣлъ онъ отъ нея выйти, то позвала она къ себѣ статсъ же секретаря Петра Ивановича Турчанинова, который отъ нея возвратясь съ приказаніемъ ея, или самъ отъ себя, на ухо шепнулъ ему, что приказала она увѣдомить о дошедшемъ до нея слухѣ Ивана Ивановича Кушелева, ([2]) свояка тамошняго вице-губернатора Брылкина, который былъ женатъ на родной сестрѣ покойнаго бывшаго ея фаворита, Александра Дмитріевича Ланскаго, дабы онъ послалъ къ Брылкину нарочнаго и остерегъ его, чтобъ онъ взялъ свои мѣры, когда генералъ губернаторъ прикажетъ о томъ слѣдовать. Тогда же, по ея приказанію, графъ Петръ Васильевичь Заводовскій посылалъ какого-то отъ себя регистратора въ Псковъ, якобы развѣдать подъ рукою о томъ злоупотребленіи, который, возвратясь, донесъ, что ничего нѣтъ, и что то пустая нанесена клевета на Казенную Палату и на вице-губернатора, и для того кажется и никакого слѣдствія не было. Спустя нѣсколько времени, Государыня, призвавъ къ себѣ Державина въ ка-

---

(1) *Оттонъ-Генрихъ Игельштромъ*, по происхожденію Шведъ (1737—1823), военный человѣкъ и дипломатъ, правившій попеременно нѣсколькими губерніями, особенно извѣстенъ, какъ главнокомандующій Русскихъ войскъ въ Польшѣ въ 1794 году.

(1) Который былъ кавалеромъ при Великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, а потомъ сенаторомъ. *Примѣчаніе Державина.*

бинетъ, ему же голову вымыла, что онъ такіе до нея доводитъ слухи и тѣмъ ее безпокоитъ; а потому, чтобъ онъ и былъ впередъ осмотрительнѣе.

2-е. Нѣкто Корабейниковъ, Московскій купецъ, подалъ ей чрезъ фаворита Зубова письмо, въ которомъ изъяснялъ, что тамошній Совѣстный Судъ, въ угодность губернатора Лопухина, покровительствовавшаго Московскаго же купца Николая Роговикова ([1]), который послѣ былъ государственный банкиръ, отнялъ у него собственный въ упомянутой столицѣ домъ, совсѣмъ его къ Суду не призывая. По справкѣ оказалось, что Совѣстный Судъ, принявъ отъ кого то просьбу на Роговикова, въ завладѣніи якобы имъ того дома, опредѣлилъ представить тяжущимся сторонамъ посредниковъ, которые положили тотъ домъ отдать Роговикову, хотя онъ былъ Корабейникова и ни по чему ни Роговикову, ни вымышленному его сопернику не принадлежалъ. Корабейниковъ вошелъ въ тотъ Судъ съ просьбою, доказывая, что домъ его, а не тѣхъ, которые о немъ вымышленную тяжбу имѣли. Совѣстный Судъ отвѣтствовалъ, что онъ Корабейниковъ къ нему прежде не прибѣгалъ, то онъ не зная, что домъ его, и отдалъ тому, кому посредники приговорили. Онъ другую подалъ просьбу изъявляя, что онъ прибѣгаетъ къ разбирательству Суда сего; ему отвѣтствовано, что уже поздо, что онъ собственныхъ своихъ рѣшеній не перерѣшиваетъ. Корабейниковъ прибѣгъ къ Императрицѣ. Она отослала просьбу его на разсмотрѣніе Сената 2 Департамента; сей разсматривая нашелъ дѣйствительно, какъ выше явствуетъ, что Совѣстный Судъ отдалъ чужой домъ Роговикову. А какъ по сенатскимъ опредѣленіямъ обыкновенно докладывалъ генералъ рекетмейстеръ Терскій, человѣкъ, хотя умный и дѣла знавшій, но хитрый и совершенный подьячій, готовый всегда угождать сторонѣ сильной; поелику же Безбородка былъ связанъ по любовной интригѣ съ женою Лопухина, котораго былъ приверженецъ Роговяковъ, то натурально Терскій и покривилъ вѣсы правосудія на сторону послѣдняго. Поелику онъ зналъ совершенно нравъ Госуда-

---

(1) Этотъ Роговиковъ—тесть Д. А. Фонъ Визина.

рыни, что она чрезвычайно самолюбива, и учрежденіе свое о губерніяхъ почитала выше всѣхъ въ свѣтѣ законовъ, и что вопреки онаго волосомъ никому прикоснуться не позволяла, 'то онъ, принесши докладъ Сената къ Императрицѣ, ничего другаго ей не сталъ объяснять, какъ только сказалъ: « вашъ Правительствующій Сенатъ, въ противность Вашего Величества учрежденія, отставилъ Совѣстнаго Суда рѣшеніе, на мнѣніи обѣихъ тяжущихся сторонъ основанное. » Довольно было сего. Государыня разгнѣвалась и подписала на докладѣ Сената; « быть по мнѣнію посредниковъ. » Корабейниковъ на сіе самое прибѣгалъ со вторичною просьбою или лучше на Царицу жаловался Императрицѣ. И сія то самая просьба отдана чрезъ Зубова Державину для справедливѣйшаго и строжайшаго разсмотрѣнія и доклада Ея Величеству. Онъ докладывалъ съ объясненіемъ всѣхъ вышеизображенныхъ обстоятельствъ. Она возразила: « да вѣдь посредники рѣшили. »—« Правда, посредники, но подложные, а посредники Корабейникова тутъ совсѣмъ не были », Она разсердилась и, подумавъ нѣсколько, сказала: « что жъ дѣлать? *Я самодержавна.* »

3-е. Сидѣлъ Державинъ въ одно время въ Царскомъ Селѣ въ комнатѣ у помянутой госпожи Перекусихиной, и вдругъ услышался въ комнатѣ шумъ. Зовутъ Турчанинова; не успѣлъ онъ войти, Державина, который, пришедъ, увидѣлъ Императрицу въ чрезвычайномъ гнѣвѣ выступившую, такъ сказать, изъ себя. Она кричала, засучивъ руки: « какъ Сенатъ идетъ противъ моихъ учрежденій, я ему покажу себя. » Державинъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Она тотчасъ спохватилась, (какъ и нѣсколько разъ подобное случалось) и понизивъ голосъ, сказала: « Сенатъ по извѣстному тебѣ Ярославову дѣлу нападаетъ на Ярославскаго генералъ губернатора Кашкина. »—« Да вѣдь это дѣло, Государыня, отвѣтствовалъ Державинъ, нѣсколько разъ разсматривано было въ Совѣтѣ. » (Это то самое, за которое, какъ выше видно, браны были отвѣты съ генералъ прокурора, оберъ прокурора и оберъ секретарей.) « Какъ въ Совѣтѣ? » возразила она.—« Такъ, Государыня! » Она, тотъ часъ утихнувъ и перемѣня лице, сказала; « Поди за мной. » Вошедши въ

кабинетъ, сѣла за свой письменный столъ, приказала сыскать дѣло.—« Да что, развѣ ты оправдываешь Ярославова,» (помѣщика, который подозрѣваемъ былъ въ веденіи разбоя одного мѣщанскаго дома людьми его и въ пріемѣ воровскихъ вещей). « Нѣтъ, Государыня, Державинъ сказалъ, я его не оправдываю; но генералъ губернаторъ, въ противность законовъ вашихъ, вторичными допросами, подъ истязаніемъ людей его, извлекъ отъ нихъ противныя первымъ показанія, по которымъ его теперь и дѣлаютъ участникомъ того разбоя. »—« Хорошо жъ, сказала она снисходительно, скажи Терскому, чтобъ онъ не писалъ того указа, который я ему приказала; а доложилъ бы мнѣ, завтра, какъ пріѣдемъ въ Петербургъ.» (ибо она въ тотъ день отъѣзжала изъ села Царскаго въ сію столицу). Державинъ, вышедши изъ кабинета, нашелъ Терскаго за перегородкою въ секретарской, пишущаго тотъ указъ. Онъ объявилъ ему повелѣнія Императрицы, говоря, чтобъ онъ былъ остороженъ по дѣлу, которое по его соображеніямъ нѣсколько разъ было смотрѣно въ Совѣтѣ. По утру, на другой день, въ Петербургѣ, встрѣтясь въ секретарской съ Терскимъ, по его вопросамъ объяснилъ ему нѣкоторыя подробности. Терскій позванъ былъ къ Государынѣ и, вышедъ оттуда, сказалъ, что Государыня приказала отнесть дѣло въ Совѣтъ, что и сама она, призвавъ Державина къ себѣ, подтвердила. Терскій, побывавъ въ Совѣтѣ, поднесъ ей проектъ сказаннаго указа на апробацію. Она, апробовавъ, призвала опять Державина и сказала, что она по мнѣнію Совѣта дала указъ Сенату. Державинъ натурально предполагалъ, что Совѣтъ противъ прежнихъ своихъ неоднократныхъ заключеній, по соображеніямъ, Державинымъ учиненнымъ и имъ самимъ утвержденнымъ, криводушничать не будетъ и что указъ въ точной силѣ ихъ г. Терскимъ написанъ; но какъ онъ удивился, пріѣхавъ домой, увидя безъ памяти прискакавшаго къ себѣ оберъ-секретаря Ананьевскаго, который спрашивалъ, что имъ дѣлать. « Прежде за то съ насъ брали отвѣты, что мы не по точной силѣ учрежденія и прочихъ законовъ дѣлали предписанія по Ярославову дѣлу. Мы, давъ отвѣты, исправились и поступили какъ должно; но нынѣ по жалобѣ генералъ губернатора

по тому же самому дѣлу, послѣдовалъ именный указъ совсѣмъ въ отмѣну перваго.» Тутъ Державинъ увидѣлъ, что Терскій Государыню обманулъ, донеся ей, что Совѣтъ апробовалъ писанный имъ указъ, яко согласный первому. Поѣхалъ къ Зубову, объяснилъ ему, въ чемъ были подьяческіе крючки Терскаго и неразуміе или неправомысліе Совѣта, коимъ онъ покровительствовалъ генералъ губернатора, угнѣтавшаго чрезъ мѣру Ярославова. Зубовъ слегка объяснилъ каверзы сіи Императрицѣ, и тотъ же день посланъ къ Кашкину указъ, чтобъ онъ не въѣзжалъ въ Ярославскую губернію, гдѣ то дѣло производилось, до рѣшенія онаго въ Палатѣ Уголовнаго Суда, или лучше, до отсылки онаго на ревизію въ Сенатъ, въ тѣхъ мысляхъ, что онъ, не будучи лично въ Ярославлѣ, не осмѣлится письменно дѣлать какихъ либо внушеній судьямъ на пагубу Ярославова; но вышесказаннаго указа, даннаго Сенату, не отмѣнила. Однако же таковая предосторожность отъ гоненія генералъ губернатора не спасла бы Ярославова, ежели бъ дѣло, по разногласію втораго Департамента, не вошло въ разсмотрѣніе общаго собранія при Императорѣ Павлѣ первомъ, и бѣдный Ярославовъ вѣрно бы былъ посланъ, яко разбойникъ, или содержатель разбойниковъ на каторгу, ежелибъ Державинъ, будучи уже сенаторомъ, не присутствовалъ по сему дѣлу въ общемъ собраніи и не далъ защитительнаго своего мнѣнія Ярославову, на что и прочіе гг. сенаторы всѣ согласились.

4-е. На первой недѣлѣ великаго поста, послѣ говѣнья и причастія Императрицы и всего двора, призвала она къ себѣ Державина въ кабинетъ и приказала ему, чтобъ онъ объявилъ ея волю третьяго Сената Департамента (*sic*) Голохвастову, дабы нѣкоему Польскому знатному магнату Потоцкому, принесшему въ Сенатъ жалобу на генералъ губернатора Пассека удовольствіе дѣлано не было, для того, что онъ идетъ противъ ея и каверзитъ по дѣламъ политическимъ. Сіе было исполнено. Въ Сенатѣ было ему отказано; онъ подалъ на него жалобу къ Императрицѣ, и оная ему отдана съ надписью.

Вотъ, какъ выше сказано, она царствовала политично, наблюдая свои выгоды, или поблажая своимъ вельможамъ,

дабы по маловажнымъ проступкамъ или пристрастіямъ не раздражить ихъ и противъ себя не поставить. Напротивъ того, кажется, была она милосерда и снисходительна къ слабостямъ людскимъ, избавляя ихъ отъ пороковъ и угнетенія сильныхъ, не всегда строгостью законовъ, но особымъ материнскимъ о нихъ попеченіемъ, а особливо умѣла выигрывать сердца и ими управлять, какъ хотѣла. Часто случалось, что разсердится и выгонитъ отъ себя Державина, и онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ, зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить, и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ всю свою досаду и сдѣлается по прежнему чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула, и въ изступленіи сказалъ: « Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня наложилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ вами не говорить; но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня, что хотите.» Она засмѣялась и сказала: «Неужто это правда?» Умѣла также притворяться и обладать собою въ совершенствѣ, а равно и снисходить слабостямъ людскимъ и защищать безсильныхъ отъ сильныхъ людей. Скажемъ нѣсколько примѣровъ.

I-е. Видѣли выше, какъ она наказала Парфентьева, доносителя на Якобія.

II-е. Нѣкоторыя благородныя бѣдныя дѣвицы, жившія въ Москвѣ, писали Государынѣ чрезъ почту, что генералъ губернаторъ князь Прозоровскій не сдѣлалъ по ихъ дѣламъ, въ судахъ производившимся, не токмо никакого пособія, но и выгналъ ихъ отъ себя съ грубостію. Она, отдавъ письмо Терскому, велѣла справиться и взять съ князя объясненіе. Терскій то исполнилъ. Генералъ губернатору показалось то обидно; онъ оказалъ свое неудовольствіе губернатору Архарову и прочимъ чиновникамъ полиціи; а какъ они жили въ бѣдной хижинѣ, а можетъ быть и поведеніе не очень хорошее имѣли, то полиція и стала имъ дѣлать разныя прицѣпки, сыскивала ихъ и тому

подобное. Старшая изъ нихъ пожаловалось Государынѣ, описавъ квартиру, гдѣ она отъ гоненія укрывается и столь убѣдительно разжалобила ее, что въ одинъ день часу въ 12-мъ, когда она начала въ бриліантовой палатѣ убираться, приходитъ дежурный лакей и зоветъ къ ней Державина. Онъ входитъ, видитъ ее въ пудреной бѣлой рубашкѣ съ распущенными сѣдыми волосами, пылающую гнѣвомъ. «Возьми, говоритъ, отдавая письмо, я вижу этихъ бѣдныхъ сиротъ, угнѣтаемыхъ за то, что они пожаловались на главнокомандующаго, то губернаторъ и вся полиція на нихъ возстали, отыщи ихъ и представь ко мнѣ, но такъ, чтобъ того начальство тамошнее не знало.» Принявъ повелѣніе, Державинъ потребовалъ нужное число изъ кабинета денегъ, далъ ордеръ, съ прописаніемъ имяннаго повелѣнія, находящемуся въ его канцеляріи при письменныхъ дѣлахъ подполковнику Рязанову, тому самому, о которомъ вышеупомянуто, чтобъ онъ увезъ ихъ тайно изъ Москвы и представилъ къ нему. Рязановъ, остановясь въ трактирѣ, нашелъ, по описанію въ письмѣ той дѣвицы, бѣдную хижину, вошелъ къ ней и объявилъ ей ордеръ Державина. Она испугавшись, думая, что это подосланъ лазутчикъ отъ Архарова, дабы схватить ее и увезти куда въ ссылку, бросилась изъ комнаты и побѣжала по улицѣ, въ домъ нѣкоего бригадира князя Голицына, въ сосѣдствѣ живущаго, Рязановъ за ней, и когда вбѣжалъ на дворъ, то окружило его великое множество людей, почтя его недобрымъ человѣкомъ, съ какимъ нибудь дурнымъ намѣреніемъ за ней прибѣжавшимъ. Онъ принужденъ былъ сказать, чтобъ его представили князю, хозяину дома; и, попрося его къ нему въ уединенное мѣсто, объявилъ ему ордеръ. Онъ, не зная руки Державина, сначала было не повѣрилъ; но Рязановъ нашелся сказать ему: «Когда вы не вѣрите, то оставьте меня у васъ въ домѣ; а сами извольте взять и отвезть сію госпожу къ пославшему меня.» Тотъ симъ отвѣтомъ бывъ убѣжденъ, не спорилъ болѣе, и выдалъ дѣвицу, которую благополучно довезъ онъ до Петербурга. Державинъ о привозѣ доложилъ Императрицѣ. Она приказала нѣсколько ее подержать у себя и посмотрѣть ея поведеніе; а какъ оное и потомъ, послѣ

пріѣхавшей сестры ея, не слишкомъ оказалось невиннымъ, то Государыня, приказавъ имъ выдать на приданое 3000 рублей, приказала ихъ отправить обратно въ Москву. Подобныя происшествія, происходящія отъ слабостей, не рѣдко случались, какъ то жаловались иногда на увозъ дочерей, на соблазнъ ихъ самихъ матерьми, то она приказывала подъ рукою освѣдомляться. Когда открывалось, что дѣвушка по согласію своему давала увозить себя и прельщать молодымъ людямъ, то она, не подвергая огласительному стыду и строгости законовъ, матерински всегда умѣла обиды и раздоры прекращать семейнымъ миролюбіемъ, приказавъ удовлетворять богатымъ бѣдныхъ.

Какъ равно обремененнымъ долгами отъ мздоимныхъ ростовщиковъ и грабителей помогала. Напримѣръ: нѣкто Каировъ, служившій въ Преображенскомъ полку офицеромъ, по молодости своей, вошелъ въ ухищренное знакомство нѣкотораго офицера того же полку, казавшагося ему пріятелемъ, который прежде былъ полковымъ коммисаромъ и истратилъ много казенныхъ денегъ на свои надобности, а какъ пришло время къ смѣнѣ, то онъ уговорилъ его принять сію должность и домогся своимъ проныретвомъ, что прочіе его собратія къ тому его выбрали достойнымъ. Натурально, вмѣсто того, чтобъ сдать казну наличными деньгами, онъ отдалъ росписками и векселями своими. Въ продолженіи же тѣ суммы выигралъ въ карты, росписки возвратилъ, и Каировъ замѣнилъ ихъ своими. Когдажъ пришло къ сдачѣ, и новый коммисаръ бумагъ за наличныя деньги не принялъ, то, избѣгая военнаго суда, Каировъ былъ долженъ занять въ банкѣ подъ закладъ своего и матерняго имѣнія, назвавъ оное своимъ, а какъ и тѣхъ суммъ не достало, то за чрезвычайные проценты у нѣкоего немилосердаго лихоимца Тарабаровскаго подъ закладъ тогожъ имѣнія, хотя Тарабаровскій это зналъ, но какъ имѣніе стоило несравненно болѣе занятыхъ суммъ изъ банка, то, притворясь будто не знавшимъ подлога и будто по добродушію не хотя безпокоить заимщика и подвергать его строгости закона, ждалъ до того времени, какъ банкъ, описавъ имѣніе, выбралъ долгъ свой изъ доходовъ; и когда уже оставалось только заплатить

600 рублей, Тарабаровскій возсталь съ своимъ требованіемъ, чтобъ коль скоро имѣніе освободится отъ залога банковаго, то записать оное, по тогдашнимъ законамъ, уже въ потомственное владѣніе за себя. Между тѣмъ Капровъ съ отчаянія спился и умеръ. Мать, при жизни сына, не хотя его подвергать строгости законовъ за учиненные имъ подлоги, выгнана будучи изъ имѣнія, по описи онаго банкомъ, шаталась по Петербургу съ дочерью невѣстою 12 лѣтъ, кормясь доброхотнымъ подаяніемъ и прося милости у Тарабаровскаго; но имѣя жестокое и жадное къ интересу сердце, (онъ) никакъ не хотѣлъ и думать, чтобъ ей сдѣлать какое снисхожденіе, дожидался только, когда остальные 600 рублей въ банкъ взнесены будутъ. Старуха прибѣгнула чрезъ Державина къ Императрицѣ. Она, вникнувъ во всѣ подробности жалкаго состоянія сиротъ Капровыхъ, приказала Тарабаровскаго призвать совѣстному судьѣ г. Сенатору Ржевскому, и убѣдить его, что (бъ) онъ взялъ только двойной капиталъ по уставу Управы Благочинія, а не по вексельному праву, считая процентъ на процентъ въ нѣсколько кратъ больше. Тарабаровскій, видя предъ собою такую посредницу, хотя не хотѣлъ, но долженъ былъ согласиться; поелику же и двойнаго капитала Капровой по ея бѣдности не чѣмъ было заплатить, то велѣла банковому директору г. Завадовскому вновь подъ тоже имѣніе выдать безъ очереди потребную сумму. И такъ извлекла сиротъ Капровыхъ единымъ своимъ милосердіемъ изъ бездны золъ, въ которой они погибали.

Подобными дѣлами хотя угождалъ Державинъ Императрицѣ, но правдою своею часто наскучивалъ, и какъ она говаривала пословицу: *Живи и жить давай другимъ*, и такъ поступала, то онъ на рожденіе Царицы Гремиславы Л. А. Нарышкину въ одѣ сказалъ:

Но только не на счетъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго;

а когда происходилъ Польши раздѣлъ и выбита такая была медаль, на которой на одной сторонѣ представлена колючая

съ шишками роза, а на другой портретъ ея, то потому ли, или по недоброжелательнымъ наговорамъ безпрестаннымъ, и что правда наскучила, 8 Сентября, въ день торжества мира съ Турками, хотя Державинъ провозглашалъ съ трона публично награжденія отличившимся въ сію войну чиновникамъ нѣсколькими тысячими душами; но ему за всѣ труды при разобраніи помянутыхъ важныхъ и интересныхъ дѣлъ ниже одной души и ни полушки денегъ въ награжденіе не дано, а пожалованъ онъ въ сенаторы въ Межевой Департаментъ, и между прочимъ почтенъ такъ сказать брошеннымъ на достойныхъ и недостойныхъ: надѣтъ и на него крестъ св. Владиміра 2 степени. Но предъ тѣмъ не за долго имѣлъ онъ всю надежду получить нѣчто отличительное, потому что въ одинъ день по утру пріѣзжаетъ къ нему отъ любимца Зубова ѣздовой съ краткою отъ него записочкою, чтобъ онъ какъ можно скорѣе къ нему пріѣхалъ. Онъ принялъ только лишь лекарство, то и отвѣчалъ, что въ тотъ часъ не можетъ къ нему быть, а пріѣдетъ послѣ обѣда, коль скоро можно будетъ; и дѣйствительно, часу въ пятомъ пополудни, пріѣхалъ. Любимецъ, заведши его въ спальну за ширмы, на единѣ говорилъ ему, что Государыня, по долговременной неизлечимой болѣзни Вяземскаго, рѣшилась новаго сдѣлать генералъ прокурора, съ тѣмъ, чтобъ, противъ должностей несшихся настоящимъ генералъ прокуроромъ уменьшить оныхъ нѣсколько, то приказала его Державина спросить, кому бъ онъ думалъ повѣрить сей важный постъ? Въ продолженіи сего разговора фаворитъ пристально глядѣлъ въ глаза ему, какъ бы вызывая, чтобъ онъ его попросилъ о томъ; но Державинъ сначала и въ продолженіи всей своей службы имѣлъ себѣ въ непремѣнное правило, чтобъ никогда, никого, ни о чемъ не просить, и ни на что не напрашиваться, и напротивъ ни отъ чего не отказываться, и когда какое поручатъ служеніе, исполнять оное со всею вѣрностію и честію, по правдѣ и по законамъ, сколько его силъ достанетъ, основывая то правило на священномъ писаніи: что никто же пріиметъ честь токмо званный отъ Бога, и что пастырь добрый не прелазитъ чрезъ ограду, но входитъ дверью и пасетъ повѣренныхъ ему овецъ, полагая

за нихъ свою душу; и что, когда его на что призовутъ, то невидимо самъ Богъ поможетъ ему исполнить самыя труднѣйшія дѣла съ успѣхомъ и легкостію; а когда онъ чего происками своими доможется, то обязанъ будетъ все бремя переносить на собственныхъ своихъ плечахъ; поелику же нѣтъ человѣка безъ слабостей и безъ недостатковъ, то и никогда не осмѣливался онъ надѣяться на свои собственныя способности, какъ то умъ, свѣдѣнія и прочее; вопреки же тому, когда ему приказывала вышняя власть что либо производить, по ея собственному, а не по его желанію, то онъ дѣйствовалъ тогда ни на кого не смотря, смѣло и рѣшительно со всею возможною силою, увѣренъ будучи, что Богу это надобно, хотя ему многіе друзья его, не зная его правила, часто говаривали, что не надобно дѣлъ постороннихъ кромѣ своихъ принимать на сердце; онъ же, какъ извѣстно всѣмъ коротко его знающимъ, о своихъ дѣлахъ не заботился и не радѣлъ, а хлопоталъ и ссорился всегда за казенныя и за чужія, ему по должности порученныя. Словомъ, онъ удержался отъ просьбы мѣста генералъ прокурорскаго, хотя оное ему болѣе другихъ принадлежало (¹); потому что онъ, дѣлая замѣчанія на меморіи сенатскія и давая совѣты оберъ прокурорамъ, правилъ, такъ сказать, Сенатомъ около двухъ годовъ; но какъ бы то ни было, когда увидѣлъ любимецъ Государыни, что онъ отмалчивается, и не сдѣлалъ никакого назначенія кого избрать, то сказалъ ему, чтобъ онъ завтра къ нему пріѣхалъ поранѣе, дабы еще о семъ поговорить. Онъ въ 9 часу пріѣхалъ; но фаворитъ ему объявилъ, что уже выбранъ Государынею генералъ прокуроръ графъ Самойловъ, находившійся тогда въ Петербургѣ безъ всякаго дѣла. Державинъ отвѣтствовалъ: «Хорошо, воля Государыни.» Тутъ тотчасъ позвали его къ Императрицѣ, которая сказала ему: «Дѣлалъ ли ты примѣчанія на меморіи Сената, которыя я тебѣ приказала?»—«Дѣлалъ, Го-

(1) Въ объясненіяхъ Львова (I, 33) упомянуто, что еще до этого разговора съ Зубовымъ, сама Императрица, однажды во время доклада, сказала Державину: «нѣтъ, надобенъ мнѣ новый генералъ прокуроръ,» и съ этими словами, быстро взглянувъ на него, прекратила разговоръ.

сударыня» —«Подай же ихъ мнѣ завтра посмотрѣть». Что онъ исполнилъ. На другой день съ апробаціею своею возвратила она ихъ ему, сказавъ: «Отдай Самойлову, и скажи ему моимъ именемъ, чтобъ она поступалъ по нихъ.» Послѣ того, позвавъ Самойлова, приказала ему, чтобъ онъ по сомнительнымъ и важнымъ дѣламъ совѣтывался со мною и поступалъ по моимъ наставленіямъ, что Самойловъ самъ, вышедъ отъ Государыни, тогда же Державину объявилъ. Тогда о пожалованіи его генералъ прокуроромъ вышелъ указъ, и онъ въ достоинствѣ сего чиновника въ мирное торжество съ Турками читалъ уже рѣчь публично благодарную отъ лица Сената передъ трономъ, когда Державинъ, какъ выше явствуетъ, стоя на тронѣ близь Государыни, провозглашалъ ея милости.

Въ первый день присутствія читана была та рѣчь въ Сенатѣ, и разсуждаемо было, чѣмъ возблагодарить и увѣковѣчить Императрицыно попеченіе о благѣ Ея Имперіи, какъ то за разширеніе предѣловъ, за законы и прочее. Одни говорили, что надобно повторить и поднести вновь тѣ титла, которыя были подносимы при открытіи коммисіи новаго уложенія, но ею не приняты; другіе поставить статую, и тому подобное; но, какъ при жизни Государей учиненныя имъ таковыя почести почитаются въ потомствѣ ласкательствомъ, то Державинъ говорилъ, что со вступленія ея на престолъ изъ всѣхъ указовъ и учрежденій, ею изданныхъ, сдѣлать кратчайшую выписку, изъ коей бы только видны были всѣ ея труды, попеченіе и предусмотрѣніе о благѣ Имперіи, и, дополняя оную безпрестанно новыми ея подвигами, хранить въ нарочномъ устроенномъ для того ковчегѣ, дабы со временемъ могли они служить истиннымъ основаніемъ исторіи, изъ самыхъ дѣлъ ея почерпнутой, а не изъ народныхъ преданій и часто ложно разсѣваемыхъ и нелѣпыхъ басней. На этомъ всѣ остановились сенаторы; но не извѣстно почему, замолчано и никакого даже разсужденія въ журналѣ того дня не записано; видно то ей не угодно было, хотя въ скорѣ послѣ того Державинъ самъ имѣлъ случай съ ней объясняться, и она съ улыбкою выслушивала его разсужденія. На другой день послѣ присутствія долгомъ пріялъ чрезъ

любимца изъявить благодарность свою Императрицѣ, что она его возвела въ такое важное достоинство; а какъ Сенатъ доведенъ наперсниками и прочими ея приближенными вельможами, или лучше, ею самою, можно выговорить, до крайняго униженія, или презрѣнія, то Зубовъ весьма удивился, когда Державинъ благодарилъ ее за то, что онъ сдѣланъ сенаторомъ. « Неужто доволенъ? » спросилъ онъ его. « Какъ же, отвѣчалъ онъ, не быть довольну сей монаршей милостію бѣдному дворянину, безъ всякаго покровительства служившему, съ самаго солдатства, что онъ посаженъ на стулъ сенаторскій Россійской Имперіи. Чего еще мнѣ болѣе? Ежели жъ его сочлены почитаются, можетъ быть, кѣмъ ничтожными, то онъ себѣ уваженіе всемѣрно сыщетъ.» Не знаю, пересказалъ ли Зубовъ сіе Государынѣ, но только онъ во все служеніе свое въ семъ правительствѣ поступалъ по правдѣ и по законамъ. Сіе множество голосовъ его показываетъ, съ которыми иногда бывъ противъ, но послѣ цѣлый Сенатъ принужденъ былъ соглашаться, а изъ сего выходили иногда примѣчанія заслуживающіе анекдоты, на примѣръ:

1. Нѣкто молодая дѣвица, помнится, Безобразова, подала Государынѣ письмо, въ которомъ жаловалась на дядю своего Жукова, что онъ другаго ея дядю, отставнаго полковника Жукова жъ, держитъ подъ видомъ дурачества въ своей опекѣ, владѣя его имѣніемъ; онъ отнюдь не дуракъ, но самъ собою жить и управлять имѣніемъ своимъ, какъ и прочіе, можетъ. Государыня, по указу Петра Великаго 1722 году, приказала сего Жукова освидѣтельствовать, подлинно ли онъ дуракъ, въ Сенатѣ; а какъ племянница имѣла покровительство приближенныхъ къ двору министровъ, то натурально и сенаторы тянули на ту же сторону, а особливо старшій тогда во 2-мъ Департаментѣ графъ Строгоновъ, который, по малодушію своему, всегда былъ угодникомъ двора и въ дѣла почти не входилъ, а по привычкѣ своей или по умышленной хитрости, при началѣ чтенія оныхъ шутилъ и хохоталъ чему нибудь, а при концѣ, когда надобно было давать резолюцію, закашливался, то и рѣшали дѣла другіе; а онъ, не читая ихъ и не зная, поч-

ти все то, что̀ ему подложутъ, или принесутъ, подписывалъ: но когда онъ чью бралъ сторону и пристрастенъ былъ къ чему либо, по своимъ, а паче по дворскимъ видамъ, то кричалъ изъ всей силы, и не рѣдко превозмогалъ прочихъ своею старостію, знатностію и приближенностію ко двору ([1]); то и по сему дѣлу всѣ взяли несправедливую сторону, отъ истиннаго ли сердца, или будучи канцеляріею обмануты; ибо Жуковъ, бывъ съ природы не дуракъ, но сумашедшій, и дурь на него находила по временамъ, а болѣе подъ ущербъ луны или новомѣсячья, а въ прочіе дни былъ порядоченъ, только пасмуренъ и тихъ, то и представили его Сенату въ такое время, когда онъ на вопросы могъ отвѣчать порядочно, да и вопросы задали ничего незначущіе, на которые отвѣтствовать никакого не надобно было ума, а одну привычку, слѣдовательно и призналъ его Сенатъ не дуракомъ. Но оберъ прокуроръ Кононовъ былъ противнаго мнѣнія; а потому перенесено дѣло въ общее собраніе, гдѣ, какъ не случилось въ присутствіи Державина, то и рѣшили было, въ угожденіе втораго Департамента, согласно съ нимъ, и записали такъ въ журналъ. Обвиняемый Жуковъ, узнавъ противную ему резолюцію, бросился къ Державину и объяснилъ ему всѣ обстоятельства въ подробности; показалъ отцовскія письма, въ которыхъ онъ признавалъ сумашествіе его брата, и опредѣленія согласныя съ тѣмъ опеки; а паче рѣшило Державина въ тяжбѣ сей видимое настоящее дѣйствіе къ противному заключенію Сената, ибо какъ могъ дозволить, будучи не безумнымъ, въ 40 лѣтъ полковникъ увезти себя изъ Москвы 18-лѣтней дѣвушкѣ своей племянницѣ, и подать отъ имени ея письмо къ Императрицѣ, когда онъ могъ и долженъ былъ самъ то сдѣлать, если бъ онъ былъ въ совершенномъ умѣ. Таковыя и другія причины рѣшили Державина быть съ мнѣніемъ Сената несогласнымъ. Въ слѣдствіе чего, въ наступившую пятницу, когда пріѣхалъ онъ въ общее собраніе и подали ему къ подписанію журналъ минувшаго присутствія, то, прочитавъ оный,

---

(1) Тѣмъ не менѣе Державинъ написалъ Гр. Строгонову стихи *Любителю Художествъ.*

объявилъ, что онъ по дѣлу Жукова не согласенъ. Тотчасъ явились возраженія сенаторовъ, подписавшихъ тотъ журналъ, а особливо заспорилъ сенаторъ Алексѣй Логиновичъ Щербачевъ, человѣкъ, хотя не великаго ума и не весьма важный дѣлецъ, но велерѣчивъ и даже дерзокъ, когда видѣлъ себя подкрѣпленнымъ большинствомъ голосовъ, а паче дворскою стороною; слово за слово, всталъ превеликій шумъ, Державинъ не уступалъ и слишкомъ погорячился, однако же ни мало не вышелъ изъ благопристойности и никого какими либо оскорбительными словами не обидѣлъ; сказалъ, что онъ подастъ письменное свое мнѣніе.—Сіе такъ сенаторовъ раздражило, что они сдѣлали противъ него заговоръ, о коемъ, какъ онъ въѣзжалъ въ послѣднюю пятницу въ общее собраніе, оберъ секретарь межеваго департамента Стрижевъ тихонько въ сѣняхъ открылъ, совѣтуя, чтобъ онъ, сколько возможно, былъ остороженъ и не горячился; ибо въ заговорѣ у сенаторовъ положено при чтеніи его мнѣнія, сколько можно, оное оговаривать и его поджигать, дабы онъ по горячему своему нраву вспылилъ и что нибудь сказалъ несоотвѣтственное мѣсту, грубое или обидное, то, записавъ тѣ рѣчи въ журналъ, и войти къ Государынѣ докладомъ, что съ нимъ Державинымъ присутствовать не можно. Словомъ, въ теченіи недѣли Державинъ написалъ свой голосъ, въ которомъ доказалъ правость защищаемой имъ стороны видимыми въ дѣлѣ документами: но тутъ должно было употребить всю тонкость ума, чтобъ не оскорбить втораго Сената Департамента, яко верховнаго правительства Имперіи, что онъ не могъ различить при свидѣтельствѣ дурака отъ умныхъ, слѣдовательно явился бы самъ дуракъ; а потому Державинъ въ голосѣ, различая дурачество отъ сумашествія и бѣшенства, бываемаго по временамъ, вывелъ, что представляемый Сенату къ свидѣтельству могъ быть на то время въ полномъ разсудкѣ, давать порядочные отвѣты, слѣдовательно и не подлежалъ онъ къ свидѣтельству Сената по указу 1722 года, но къ обыску полиціи по показанію отца и къ призору родственниковъ, или содержать въ домѣ сумашедшихъ. Еслибъ по изслѣдованіи Управы Благочинія онъ оказался не бѣшенымъ и съ ума никогда несхо-

дившимъ, тогда можно было допустить его до управленія иміэніемъ на всеобщемъ правѣ благородныхъ. При чтеніи таковаго мнѣнія, начали было его, какъ выше сказано, а особ ливо Щербачевъ, горячить и подстрекать къ возраженіямъ, но онъ остерегся и молчалъ до самаго конца чтенія, а когда кончилъ, то, не говоря ни слова, вышелъ изъ собранія; да и само по себѣ не о чемъ было ему говорить, ибо, что̀ нужно было, то все объяснено было на бумагѣ. Такимъ образомъ, къ стыду гг. сенаторовъ, изчезла ихъ недоброхотная, или лучше сказать, коварная стачка, и дѣло своимъ порядкомъ, по тогдашнимъ законамъ, за разногласіемъ взнесено было на разсмотрѣніе самой Императрицы. Когда поднесъ оное ей оберъ прокуроръ Башиловъ, тогда она сказала: «Положи, я посмотрю, достойно ли было такого содому сіе дѣло, о коемъ я слышала,» ибо ей все пересказано было генералъ прокуроромъ Самойловымъ, что̀ происходило въ Сенатѣ, который былъ на противной сторонѣ Державина, слѣдовательно и надобно думать, что сей послѣдній имѣлъ ожидать себѣ большой непріятности; но Богъ по своему сдѣлалъ и показалъ свой неумытный судъ. Недѣли съ двѣ послѣ сумашедшій Жуковъ, жившій съ племянницею своею въ Милліоной въ одномъ домѣ, выбросился изъ втораго этажа на улицу, и о каменную мостовую разбивъ себѣ голову, на мѣстѣ, скончался.

II. Послѣ кончины князя Потемкина осталось страшное движимое и недвижимое имѣніе. Императрица, изъ уваженія къ памяти, вошла сама въ распоряженіе имущества его: бриллiанты, золото, серебро и прочія дорогія вещи, приказала по безпристрастной оцѣнкѣ взять въ свой кабинетъ и заплатить за него деньги, а недвижимое имѣніе, которое почти все состояло въ Польшѣ, раздѣлить между наслѣдниками по законамъ. Извѣстно, тамъ братья съ сестрами получаютъ равныя доли. Дѣлежъ происходилъ между двоюродными братьями и сестрами, Самойловымъ (генералъ прокуроромъ), Давыдовымъ и Высоцкимъ, генералъ-маіорами, и графинями Браницкою и Литовою, княгинями Голицыною, Юсуповою и сенаторшею Шепелевою. Въ то время былъ генералъ губернаторомъ въ новопріобрѣтенныхъ отъ Польши губерніяхъ

въ Минской, Волынской, Виленской, Подольской, Тимофей Ивановичъ Тутолминъ, который, какъ выше упомянуто, человѣкъ надменнаго, но низкаго духа, угодникъ случаю, то естественно и взялъ онъ сторону генералъ прокурора, и, при росписаніи имѣнія на части, одѣлилъ всѣхъ сонаслѣдниковъ, какъ количествомъ, такъ и добротою имѣнія. Графиня Браницкая, сколько по старшинству своему, столько и по знаменитости при дворѣ, бывъ первою статсъ-дамою, возстала противъ сего пристрастнаго раздѣла; но сколь ни была случайна, не могла однако, ни чрезъ фаворита, ниже чрезъ внушеніе самой Императрицѣ, противъ генералъ прокурора исправить сію несправедливость кроткими средствами; ибо всѣ говорили: пусть дѣло идетъ законнымъ порядкомъ чрезъ обыкновенныя инстанціи въ губерніи. Тщетно она на словахъ объясняла, что тутъ вмѣшался генералъ губернаторъ и чрезъ его притѣсненіе она терпитъ обиду. На словахъ дѣла не рѣшаются. Надобно было въ Сенатъ писать просьбу. Къ кому она ни относилась, всякъ устранялся, чтобъ не поставить противъ себя генералъ прокурора. Не знала, что̀ дѣлать; адресовалась наконецъ къ Державину, по знакомству съ нимъ при дворѣ, въ бытность его статсъ секретаремъ. Онъ, исполняя ея желаніе, написалъ просьбу въ Сенатъ въ третій департаментъ. Произошли разныя мнѣнія, перешло въ общее собраніе. Тутъ единогласно рѣшено въ пользу графини Браницкой и ея соучастниковъ, въ противность выгодъ генералъ прокурора. Онъ весьма этому удивился и говорилъ съ негодованіемъ: кто осмѣлился написать противъ его такую просьбу. «Я», сказалъ Державинъ.—«Какъ?»—«Такъ», отвѣтствовалъ онъ. «Вы око правосудія Государыни и должны оное свято наблюдать, а вы, вмѣсто того, будучи генералъ прокуроромъ, сами оное изпровергаете, подавая собою такимъ неправеднымъ любостяжаніемъ дурные примѣры.» Закраснѣлся онъ; но нечего было дѣлать.

III. Генералъ поручикъ, сенаторъ, бывшій любимецъ императрицы Елисаветы, Никита Аѳанасьевичъ Бекетовъ, жившій въ отставкѣ въ Астраханскихъ своихъ деревняхъ, имъ населенныхъ со многими экономическими заведеніями, виноградными садами и проч., оставилъ послѣ себя знатное бла-

гопріобрѣтенное имѣніе, которое духовною своею дарительною записью завѣщалъ побочнымъ своимъ дочерямъ Всеволожской и Смирновой, а 40,000 р. роднымъ своимъ племянницамъ и племяннику гвардіи Семеновскаго полка офицеру, чтò нынѣ министръ Юстиціи, Ивану Ивановичу Дмитріеву. Всеволожскій, не взирая на то, что толь великое богатство получилъ стороною, которому всему законные были наслѣдники Дмитріевы, началъ опорочивать дарительную запись тѣмъ, что будто она незаконнымъ порядкомъ сдѣлана, т. е. что не всею канцелярскою формою записана въ книгахъ, хотя тѣмъ самымъ опорочивалъ свое право; но Дмитріевъ, знавъ волю дяди своего, былъ столько великодушенъ, что не искалъ болѣе ничего, какъ только то, что дядя ему съ сестрами подарилъ, то есть, 40,000 руб; но Всеволожскій не хотѣлъ.—Дмитріевъ прибѣгнулъ было къ Астраханскимъ присутственнымъ мѣстамъ, но форма производства тяжебнымъ порядкомъ, т. е. вызовы, аппелляціи и тому подобное, представляли ему такія страшные хлопоты, коихъ не могъ бы никогда онъ и во всю жизнь окончить, то и рѣшился онъ кончить свое дѣло совѣстнымъ судомъ въ Петербургѣ, по возвращеніи въ который, уговорилъ онъ къ тому и Всеволожскаго. Явились въ судъ; выбраны посредники, со стороны его двое сенаторовъ: Алексѣй Ивановичь Васильевъ, что послѣ былъ графомъ и министромъ финансовъ и Николай Михайловичь Сушковъ, а со стороны Дмитріева одинъ Державинъ. Нѣсколько было съѣздовъ; но ничего рѣшительнаго за сильными противурѣчіями не сдѣлали; наконецъ въ домѣ Васильева, при всей его фамиліи и нѣсколькихъ постороннихъ людяхъ, удалось Державину уговорить Всеволожскаго на миръ, чтобъ заплатилъ онъ только Дмитріеву тѣ 40,000 руб., которые ему съ сестрами завѣщаны, безъ всякихъ процентовъ и другихъ убытковъ. Всеволожскій самъ охотно на то согласился, только просилъ дать ему сроку до завтра, чтобъ расположить время, въ какіе сроки можетъ заплатить ту сумму, ибо въ одинъ разъ находилъ себя не въ состояніи. Посредникамъ его ничего болѣе не оставалось какъ подтвердить сіе миролюбіе, что они и сдѣлали по пріятельски, не учинивъ письменнаго о томъ жур-

нала, а, словесно только подтвердя, выдали всѣ бумаги Всеволожскому, дабы онъ по нимъ сдѣлалъ расположеніе свое въ заплатѣ въ сроки денегъ; но по утру на другой день, къ незапному удивленію своему, получаетъ Державинъ отъ Васильева записку, которою онъ увѣдомляетъ его, что Всеволожскій подалъ спорную бумагу, и что онъ, принявъ ее, зоветъ его къ себѣ для разсужденія. Державинъ, увидя изъ сего непріязненный со стороны Васильева поступокъ, ибо какъ, послѣ публичнаго желанія отвѣтчикомъ мира, могъ онъ отъ него принимать еще спорную бумагу, когда имѣютъ сіе право посредники и безъ согласія тяжущихся мириться. Въ разсужденіи чего и отвѣчалъ ему Державинъ: когда онъ принялъ отъ Всеволожскаго спорную бумагу, слѣдовательно миръ не состоялся, а потому ему и нечего у него дѣлать, а подавалъ бы въ совѣстный судъ свое мнѣніе, куды и онъ свое подастъ. Нѣсколько мѣсяцовъ прошло, что не получалъ Державинъ отъ Васильева никакого отвѣта и не видался съ нимъ. Но въ самый день торжества свадебнаго Великаго Князя Константина Павловича (1) приносится ему изъ совѣстнаго суда повѣстка, въ которой призывается онъ въ судъ въ самый тотъ часъ, когда должно быть во дворцѣ, для выслушанія опредѣленія по сему дѣлу. Удивился онъ, что призывается къ выслушанію опредѣленія, когда еще не предложено было средствъ посредниками къ примиренію, какъ закономъ предписано, когда безъ согласія его опредѣленію быть не можно, а при томъ и въ такой день, когда въ собраніи судъ быть не могъ. Но изъ любопытства поѣхалъ. Находитъ присутствующимъ совѣстнаго судью сенатора Алексѣя Александровича Ржевскаго, человѣка весьма честнаго, но слабаго, худо законы знающаго и удобопреклоннаго на сторону сильныхъ. Надобно знать, что Всеволожскій пронырствами и подарками своими умѣлъ найти не токмо въ семействахъ Васильева и Ржевскаго, но и при дворѣ: г. Тарсуковъ и Трощинскій и Марья Савишна Перекусихина были на его сторонѣ. Словомъ: Ржевскій засѣ-

---

(1) Константинъ Павловичь женился на Кобургской принцессѣ Аннѣ Өеодоровнѣ 12 Февраля 1796 года.

далъ только съ Васильевымъ и съ Сушковымъ, и никого другихъ судей и канцелярскихъ служителей въ присутствіи, кромѣ одного секретаря, не было. Таковое необыкновенное собраніе странно Державину показалось, а паче когда взглянулъ онъ на лица присутствующихъ, и увидѣлъ въ нихъ нѣкое скрытое намѣреніе, или лучше сказать стачку на что либо ему противное, но, не смотря на то, сѣлъ; секретарь началъ читать опредѣленіе суда, или, лучше сказать, безсовѣстное обвиненіе Дмитріева. Когда прочли, Державинъ сказалъ, что совѣстный судъ имѣетъ только право мирить, а не винить, и того безъ согласія обѣихъ сторонъ посредниковъ сдѣлать не можетъ. « Какъ не можетъ? » закричали со всѣхъ сторонъ съ жаромъ. « Такъ, подтверждалъ онъ, я ссылаюсь на учрежденіе, подай, секретарь, мнѣ оное.» — Но секретарь медлилъ, пересеменивалъ, и не подавалъ учрежденіе, Державинъ просилъ, судьи кричали; и наконецъ, когда учрежденіе подано, Державинъ всталъ со стула и хотѣлъ оное читать на налоѣ; но присутствующіе усугубили свой крикъ, дабы не слышать, что будетъ читать. Тогда усмотрѣвъ, что онъ одинъ, что ни чѣмъ въ порядокъ ихъ привесть не можетъ, когда не слушаютъ законовъ, что запишутъ они въ журналѣ его рѣчи, какъ хотятъ, то, оставя на налоѣ учрежденіе, выбѣжалъ онъ изъ суда вонъ, не говоря ни слова въ отвѣтъ на кричавшихъ ему въ слѣдъ: « ей, объяви, согласенъ, или не согласенъ.» Сего онъ не могъ сдѣлать потому, когда бы сказалъ согласенъ, то обвинили бы тѣмъ Дмитріева, а не согласенъ, то опредѣлилъ бы судъ вѣдаться ему въ судебныхъ мѣстахъ въ Астрахани, гдѣ уже онъ былъ, и скораго рѣшенія не нашелъ. Въ слѣдъ за нимъ въ домъ пріѣхалъ секретарь, и требовалъ выше сказаннаго отзыва, согласенъ или несогласенъ. Онъ отвѣчалъ ему, что ни того ни другаго объявить не можетъ, для того, что это не былъ совѣстный судъ, а знать собраніе противъ него сговорившихся; ибо прочихъ никого присутствующихъ не было. Секретарь подалъ Ржевскому, какъ совѣстному судьѣ, рапортъ съ прибавленіемъ, въ угодность его, рѣчей, что будто Державинъ порочилъ учрежденіе, называя узаконенный въ немъ совѣстный судъ безсовѣстнымъ и прочее. Ржевскій взошедъ

съ своимъ рапортомъ къ Архарову, какъ генералъ губернатору, тогда бывшему въ Петербургѣ, описывая случившееся произшествіе на счетъ Державина самыми черными красками и между прочимъ, что будто онъ бросилъ учрежденіе, когда ему оное подано было, говоря, « что это за законъ » и тому подобныя обидныя выраженія для самой законодательницы. Архаровъ въ подлинникѣ оный представилъ Государынѣ, которая приказала ему противъ онаго взять съ Державина отвѣтъ ([1]). Отвѣчать было не трудно, но не пріятно, потому, что самое читанное въ судѣ опредѣленіе было несоотвѣтственно учрежденію; ибо, какъ выше сказано, въ немъ не повелѣвается винить тяжущихся, а чрезъ представленныя отъ посредниковъ средства примирять только, а когда на миръ не согласятся, тогда отказывать имъ, чтобъ вѣдались въ обыкновенныхъ судахъ: слѣдовательно Державину не для чего было учрежденіе бросать и порочить оное, когда онъ на него ссылался, и просилъ для разрѣшенія спора. А какъ онъ примолвилъ къ тому, что онъ защищалъ сторону слабую и не богатую, не такъ какъ противоборники его, то сіе такъ раздражило, что они всѣ употребили возможныя тайныя и явныя средства разными клеветами возбудить на него гнѣвъ Императрицы. И она, какъ извѣстно, такъ была раздражена, что хотѣла примѣрно наказать пренебрегшаго ея законы. По самую кончину дѣло сіе лежало предъ нею на столѣ. По возшествіи на престолъ Павла брошено оно въ архивъ, а когда воцарился Александръ, и Державинъ сдѣлался генералъ прокуроръ, то Всеволожскій безъ памяти прискакалъ изъ Москвы въ Петербургъ и просилъ, чтобъ помирить ихъ съ Дмитріевыми, на томъ основаніи, какъ Державинъ прежде полагалъ, что и исполнено, и господинъ Дмитріевъ получилъ свое удовольствіе. Хотя сіе дѣло совсѣмъ не принадлежало до Сената; но какъ судили его всѣ сенаторы, и Державинъ противъ оныхъ противоборствовалъ, то и помѣщено оно здѣсь какъ бы кстати между дѣлами сего вышняго судилища, въ

---

(1) Подробное обьясненіе Державина на записку Ржевскаго напечатано въ Смирдинскомъ собраніи его сочиненій, ч. I, стр. 41 – 44.

которомъ желалъ онъ сохранить правосудіе во всей святости его. И для того, когда господа оберъ прокуроры, желая иногда сбить сенаторовъ съ праваго пути, вмѣшивались въ ихъ разсужденія и наклоняли на мысли на ту сторону, куда имъ хотѣлось, то онъ, не взирая ни на какія лица и обстоятельства, сажалъ ихъ на ихъ мѣста, говоря, чтобъ они изволили молчать и не мѣшали разсуждать сенаторамъ; а когда придетъ ихъ время, то бы они представляли свои возраженія, и ежели они явятся согласными справедливости и законамъ, тогда уважены будутъ, съ чѣмъ иногда возвращались и самые господа генералъ прокуроры, когда они приходили въ департаментъ нарочно, по какому нибудь казенному или частному для нихъ занимательному дѣлу. Угождая имъ, ежели иногда канцелярія представляла въ докладныхъ запискахъ обстоятельства не ясно, или наклоняла примѣчаніями своими на поляхъ на тѣ виды, куды ей желалось, или не давала по непозволенію генералъ прокурора на домъ дѣлъ для усмотрѣнія всѣхъ въ тонкости обстоятельствъ; то онъ имѣлъ сшибки не только съ оберъ секретарями, оберъ прокурорами, но и съ генералъ прокурорами, а именно съ графомъ Самойловымъ, а при Павлѣ съ княземъ Куракинымъ, требуя отдачи оберъ секретарей за лживыя примѣчанія въ экстрактахъ подъ судъ, а когда надобно было какое обстоятельство узнать подробнѣе а дѣла на домъ къ нему не отдавали, то онъ по воскресеньямъ и торжественнымъ праздникамъ ѣздилъ самъ въ Сенатъ и тамъ на единѣ прочитывалъ кипы бумагъ, дѣлалъ на нихъ замѣчанія, сочинялъ записки, или и самые голоса, то несносно сіе было крючкотворцамъ, желавшимъ для пользъ своихъ покривить вѣсы правосудія ([1]).

---

(1) Въ 1793 году Державинъ написалъ.

79. *На панихиду Людовика* XVI. I, 447 (напечатано особыми листками)

80. *Помощь Божія*, I, 18 (изъ Псалма 120)

81. *Храповицкому* I, 235, вызывавшему его писать стихи Екатеринѣ:

Но ежели наложенъ долгъ
Мнѣ отъ судебъ и вышня трона,
Чтобъ не лучистый милый богъ
Съ высотъ лазурна Геликона

Въ 1794 году Генваря 1 дня къ сенаторскому достоинству дано ему мѣсто президентское Коммерцъ Коллегіи,—постъ для многихъ завидный и, кто хотѣлъ, нажиточный; но онъ по ревности своей или въ другомъ смыслѣ сказать, по глупому честолюбію, думая, что Императрица возвела его для его вѣрности и некорыстолюбія, хотѣлъ на немъ отправлять свое служеніе по видамъ пользъ государственныхъ и законовъ; но, какъ ниже усмотрится, вышло, совсѣмъ тому противное (1). Императрица, по внушеніямъ князя Потемкина или по собственнымъ своимъ разсужденіямъ, думала,

---

Меня внушалъ,
Но я экстракты бъ сочинялъ....
То какъ Якобія оставить,
Котораго весь міръ тѣснитъ?
Какъ Логинова дать оправить,
Который золотомъ гремитъ?
Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлецъ.

82. *Къ Н. А. Львову* I, 207. (Похвала сельской жизни)

83. Къ *Граціямъ* II, 14 (къ В. Княжнамъ, внучкамъ Екатерины)

84. *Горѣлки* I, 233 (13 Іюля)

85. *Пѣснь брачная четѣ порфирородной* I, 431 (на свадьбу Александра Павл. съ Елиз. Алексѣевной, 27 Сентября.)

(1) Назначеніе въ должность президента Коммерцъ Коллегіи внушило Державину слѣдующіе стихи:

Почто меня отъ Аполлона,
Меркурій! ты ведешь съ собой?
Средь пышнаго торговли трона
Мнѣ кажешь ворохъ золотой?
Сбирать, завидовать изъ млада
Я не привыкъ и не хочу.
Богатство ль старику награда?
Давно съ презрѣньемъ я топчу
Его всю прелесть равнодушно.
Коль я здоровъ, хлѣбъ-соль имѣю,
И даръ мнѣ данъ судьи, пѣвца,
И челобитчиковъ я смѣю
Встрѣчать съ передняго крыльца,
И къ не богатому богатый
За нуждою ко мнѣ идетъ,
За храмъ мои просты палаты,
За золото солому чтетъ:
На что же мнѣ твоя излишность? *и пр.*

(изъ піесы *Меркурію*).

что торговля Имперіи будетъ съ лучшимъ успѣхомъ и пользою управляться по губерніямъ генералъ губернаторами, а не чрезъ Коммерцъ Коллегію по инструкціи Петра Великаго ; и для того, хотя не уничтожила Коммерцъ Коллегію и не издала на то публичнаго указа; но въ угодность помянутаго своего вельможи, Таврическій торгъ, какъ и всѣ доходы Тавриды, онъ единственно завѣдывалъ безотчетно, не сносяся ни съ Государственнымъ Казначействомъ, ни съ Коммерцъ Коллегіею. Сообразно тому желала, чтобъ и С. Петербургская таможня такимъ же образомъ управлялась, то есть, чрезъ нее, ибо она, какъ думала, сама должность Государева намѣстника отправляла по Петербургской губерніи, хотя случались въ то же время и генералъ губернаторы, какъ то Архаровъ и прочіе опредѣляемы ею были. Поелику же въ подробное управленіе таможенъ, не токмо ей, но и генералъ губернаторамъ входить не удобно было, то и заступалъ мѣсто по Петербургу Коммерцъ Коллегіи президента, Санктпетербургскій вице-губернаторъ, хотя ни мало ему подчинены не были таможни другихъ губерній, которыя имѣли сношенія и связь съ С. Петербургскимъ портомъ. На то время былъ въ Петербургѣ вице губернаторомъ Иванъ Алексѣевичь Алексѣевъ, опослѣ бывшій сенаторъ, связанный дружбою съ Трощинскимъ, съ Новосильцовымъ и Торсуковымъ, Перекусихиной и со всею дворскою партіею, противуборствующею Державину. Само по себѣ видно, что нечего ему тутъ было дѣлать; но онъ долженъ былъ исполнить волю Императрицы, которая, сколько догадываться позволено, думала, повѣря ему сей наживной постъ, наградить его за труды и службу по должности статсъ секретаря понесенные; но Державину сего и въ голову не входило, ибо онъ, напротивъ того, предполагалъ сію новую довѣренность наилучшимъ образомъ заслужить возможною вѣрностію, безкорыстіемъ и честностію, какъ выше о томъ сказано. Словомъ, вступивъ въ президенты Коммерцъ Коллегіи, началъ онъ сбирать свѣдѣнія и законы, къ исправному отправленію должности его относящіеся. Въ слѣдствіе чего хотѣлъ осмотрѣть складочные на биржѣ анбары, аленные, пеньковые и прочіе, а по осмотрѣ вещей, Петербург-

скій и Кронштатскій порты; но ему то воспрещено было и таможенные директоры и прочіе чиновники явное стали дѣлать неуваженіе и ослушаніе; а когда прибылъ въ С. Петербургъ изъ Неаполя корабль, на коемъ отъ вышеупомянутаго графа Моценига присланъ былъ въ гостинецъ кусокъ атласу женѣ Державина, то директоръ Даевъ донесъ ему о томъ, спрашивая, показывать ли тотъ атласъ въ коносаментахъ и какъ съ нимъ поступить, ибо таковые цѣновные товары ввозомъ въ то время запрещены были, хотя корабль отплылъ изъ Италіи прежде того запрещенія, и объ ономъ знать не могъ. Но за всѣмъ тѣмъ Державинъ не велѣлъ тотъ атласъ отъ свѣдѣнія таможни утаивать, а приказалъ съ нимъ поступить по тому указу, коимъ запрещеніе сдѣлано, то есть отослать его обратно къ Моценигу. Директоръ, видя, что президентъ не поддался на соблазнъ, чѣмъ бы заслѣпилъ онъ себѣ глаза, и далъ таможеннымъ служителямъ волю плутовать, какъ и при прежнихъ начальникахъ, то и вымыслилъ Алексѣевъ съ тѣмъ директоромъ клевету на Державина, которой бы замарать его въ глазахъ Императрицы, дабы онъ довѣренности никакой у ней не имѣлъ. Донесли Государынѣ, что будто онъ послѣ запретительнаго указа выписалъ тотъ атласъ самъ и приказалъ его ввезти тайно; а какъ таковые тайно привезенные товары велѣно было тѣмъ указомъ жечь, и съ тѣхъ, кто ихъ выписалъ, брать штрафъ, то и получили согласную съ тѣмъ отъ Государыни резолюцію. Державинъ не зналъ ничего, какъ вдругъ сказываютъ ему, что публично съ барабаннымъ боемъ предъ Коммерцъ Коллегіею на площади подъ именемъ его сожжены тайно выписанные имъ товары, и тогда получаетъ директоръ, такъ сказать, ордеръ отъ Алексѣева, въ коемъ требуетъ онъ, чтобъ Державинъ взнесъ въ таможню положенный закономъ штрафъ. Такая дерзость бездѣльническая его какъ громомъ поразила; онъ написалъ на явныхъ справкахъ и доказательствахъ основанную записку, въ которой изобличалась явно гнусная ложъ Алексѣева и Даева, и какъ не допущенъ былъ къ Императрицѣ, то чрезъ Зубова подалъ ту записку и просилъ по ней его ей доложить, но сколько ни хлопоталъ, не могъ получить не токмо никакой

дѣльной ея Величества резолюціи, но и никакого даже отъ самаго Зубова отзыву. Потомъ вскорѣ послѣ того призванъ онъ былъ именемъ Государыни въ домъ генералъ прокурора (Самойлова), который объявилъ ему, что Ея Величеству угодно, дабы онъ не занимался и не отправлялъ должности Коммерцъ Коллегіи президента, а считался бы онымъ такъ, ни во что не мѣшаясь. Державинъ требовалъ письменнаго о томъ указа; но ему въ томъ отказано. Видя таковое угнетеніе, отъ той самой власти, которая бы по правотѣ его сама поддерживать долженствовала, не зналъ чтò дѣлать; а наконецъ, посовѣтавъ съ женою и съ другими, рѣшился подать Императрицѣ письмо о увольненіи его отъ службы. Пріѣхалъ въ Царское Село, гдѣ въ то время Императрица проживала, адресовался съ тѣмъ письмомъ къ Зубову, онъ велѣлъ подать чрезъ статсъ секретарей; просилъ Безбородку, Турчанинова, Попова, Храповицкаго и Трощинскаго; но никто онаго не приняли, говоря, что не смѣютъ; и такъ убѣдилъ просьбою камердинера Ивана Михайлова Тюльпина, который былъ самый честнѣйшій человѣкъ и ему благопріятенъ. Онъ принялъ и отнесъ Императрицѣ. Чрезъ часъ время, въ которой Державинъ, походя по салу, пошелъ въ комнату Зубова, навѣдаться, какой успѣхъ письмо его имѣло, находитъ его блѣднаго, смущеннаго, и сколько онъ его ни вопрошалъ, ничего не говорящаго; наконецъ за тайну Тюльпинъ открылъ ему, что Императрица по прочтеніи письма чрезвычайно разгнѣвалась, такъ что вышла изъ себя, и ей было сдѣлалось очень дурно. Поскакали въ Петербургъ за каплями, за лучшими докторами, хотя и былъ тутъ дежурный. Державинъ, услыша сіе, не остался долѣе въ Царскомъ Селѣ; но, не дождавшись резолюціи, уѣхалъ въ Петербургъ и ждалъ спокойно своей судьбы; но ничего не вышло, такъ что онъ принужденъ былъ опять въ недоумѣніи своего президенства по прежнему шататься. Между тѣмъ, какъ при началѣ своего вступленія въ должность президента, усмотрѣлъ онъ по балансу отъ Коммерцъ Коллегіи, Императрицѣ поданному, что въ 1793 году перевѣсъ торговли 31 милліономъ рублей превышалъ къ нашей сторонѣ противъ иностран-

ныхъ, а курсъ былъ не выше 22-хъ штиверовъ, то и удивился онъ, какъ это могло случиться, что намъ перевели иностранные чистыми деньгами таковую довольно знатную сумму, а курсъ былъ такъ для насъ низокъ, что будто мы имѣли нужду перевесть за иностранные товары въ чужіе краи такое или болѣе количество наличныхъ денегъ; ибо курсъ ничто иное какъ ходъ денегъ въ ту или другую сторону требованіемъ оныхъ усугубляющійся. Въ разсужденіи чего и далъ онъ Коммерцъ Коллегіи предложеніе, чтобъ она сіе обстоятельство въ торговлѣ, какъ можно наивѣрнѣе, по всѣмъ таможнямъ, изслѣдовала и увѣдомила бы его о причинѣ, отъ чего, когда балансъ торга на нашей сторонѣ, а курсъ на иностранной? Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Коллегія доказательнымъ образомъ дала знать, что при упадкѣ курса превосходный балансъ ничто иное есть, какъ плутовство иностранныхъ купцовъ съ сообществомъ нашихъ таможенныхъ служителей, и бываетъ именно отъ того: выпускные наши товары объявляются настоящею цѣною и узаконенныя пошлины въ казну съ той цѣны берутся, а иностранные объявляютъ иногда цѣну ниже 10 процентами, слѣдовательно болѣе десяти частей уменьшаетъ балансъ въ товарахъ, и болѣе 10 процентовъ крадутъ пошлинъ; и такъ, сравнивъ количество отпускныхъ товаровъ нашихъ съ иностранными цѣновными, выходитъ балансъ на нашей сторонѣ, а дѣйствительная выгода торга и курсъ на иностранной: не говоря о уменьшеніи пошлинъ, ибо мы переводимъ денегъ 10, а получаемъ вмѣсто того только 1 процентъ. Державинъ, открывъ таковую государственную кражу, думалъ сдѣлать выслугу для Имперіи и благоугодное Императрицѣ, подалъ о томъ рапортъ, какъ Сенату, такъ и ей краткую, но ясную записку; но что же? Вмѣсто оказательства какого либо ему благоволенія, хладнокровно о томъ замолчали. Послѣ, какъ ниже увидимъ, вышла еще непріятность. Сказываютъ, что будто таковая правда была Императрицѣ непріятною, что въ ея правленіи и при ея учрежденіи могла она случиться, или лучше обнаружиться. Вотъ каково самолюбіе въ властителяхъ міра! И вредъ не вредъ,—и польза не польза, когда только имъ они неблаго-

угодны. — Не будучи Державинъ по прошенію уволенъ отъ службы, долженъ былъ онъ остаться и переносить ея горести.

Іюля 15-го числа 1794 году скончалась у него первая жена ([1]). Не могши быть спокойнымъ о домашнихъ недостаткахъ и по службѣ непріятностяхъ, чтобъ отъ скуки не уклониться въ какой развратъ, женился онъ Генваря 31 дня 1795 года на другой женѣ, дѣвицѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой. Онъ избралъ ее такъ же, какъ и первую, не по богатству и не по какимъ либо свѣтскимъ разсчетамъ, но по уваженію ея разума и добродѣтелей, которыя узналъ гораздо прежде, чѣмъ на ней женился, отъ обращенія съ сестрою ея Марьею Алексѣевною и всѣмъ семействомъ отца ея, бригадира Алексѣя Афанасьевича Дьякова и зятьевъ ея, Николая Александровича Львова, г. Стейнбока и Василья Васильевича Капниста, какъ выше видно, пріятелей его. Причиною наиболѣе было сего союза слѣдующее домашнее приключеніе. Въ одно время, сидя въ пріятельской бесѣдѣ, первая супруга Державина и вторая, тогда бывшая дѣвица Дьякова, разговорились между собою о счастливомъ супружествѣ. Державина сказала, ежели бы она г-жа Дьякова вышла за г. Дмитріева, который всякой день почти въ домѣ Державина и коротко былъ знакомъ, то бы она не была безсчастна. « Нѣтъ, отвѣчала дѣвица, найдите мнѣ такова жениха, каковъ вашъ Гаврила Романовичь, то я пойду за него, и надѣюсь, что буду съ нимъ счастлива. » Посмѣялись, и начали другой разговоръ. Державинъ, ходя близь ихъ, слышалъ отзывъ о немъ дѣвицы, который такъ въ умѣ его напечатлѣлся, что, когда онъ овдовѣлъ и при мысли искать

---

(1) Такъ кратко отмѣчаетъ Державинъ кончину своей Плѣниры. Между тѣмъ мы знаемъ, что эта утрата очень сильно и долго отзывалась въ его сердцѣ. М. А. Дмитріевъ разсказываетъ со словъ *дяди*, что Державинъ, много времени спустя, не могъ удержаться отъ слезъ при воспоминаніи о первой женѣ своей. Похоронивъ ее (въ Невской Лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ), Державинъ написалъ въ память ея превосходное стихотвореніе *Ласточка*. Передъ самою второю свадьбою, въ одѣ на смерть В. Кн. Ольги Павловны (15 Генв. 1795), онъ опять вспоминаетъ Плѣниру. Рѣшимость вступить во второй бракъ выражена въ стихотвореніи *Призываніе и явленіе Плѣниры*.

себѣ другую супругу, она всегда въ воображенiи его встрѣчалась. Когда же прошло почти 6 мѣсяцевъ послѣ покойной, и дѣвица Дьякова съ сестрою своею графинею Стейнбоковою изъ Ревеля прiѣхала въ Петербургъ, то онъ, по обыкновенiю, какъ знакомымъ дамамъ сдѣлалъ посѣщенiе. Они его весьма ласково приняли; онъ ихъ звалъ, когда имъ вздумается, къ себѣ отобѣдать. Но поселившаяся въ сердцѣ искра любви стала разгораться, и онъ не могъ далѣе отлагать, чтобъ не начать самымъ дѣломъ предпринятаго имъ намѣренiя, хотя многiя богатыя и знатныя невѣсты, вдовы и дѣвицы, оказывали желанiе съ нимъ сблизиться; но онъ позабылъ всѣхъ, и въ слѣдствiе того на другой день, какъ у нихъ былъ, послалъ записочку, въ которой просилъ ихъ къ себѣ откушать, и дать приказанiе повару, какiя блюда они прикажутъ для себя изготовить. Симъ онъ думалъ дать разумѣть, что дѣлаетъ хозяйкою одну изъ званныхъ имъ прекрасныхъ гостей, разумѣется, дѣвицу, къ которой записка была надписана. Она съ улыбкою отвѣтствовала, что обѣдать они съ сестрою будутъ, а какое кушанье приказать приготовить, въ его состоитъ волѣ. И такъ они у него обѣдали; но о любви или, простѣе сказать, о сватовствѣ никакой рѣчи не было. — На другой или на третiй день по утру, зайдя посѣтить ихъ, и найдя случай съ одной невѣстой говорить, открылся ей въ своемъ намѣренiи, и какъ не было между ими никакой пылкой страсти, ибо жениху было болѣе 50, а невѣстѣ около 30 лѣтъ, то и соединенiе ихъ долженствовало основываться болѣе на дружествѣ и благопристойной жизни, нежели на нѣжномъ страстномъ сопряженiи. Въ слѣдствiе чего отвѣчала она, что она принимаетъ за честь себѣ его намѣренiе; но подумаетъ, можно ли рѣшиться въ разсужденiи прожитка, а онъ объявилъ ей свое состоянiе, обѣщавъ прислать приходныя и расходныя свои книги, изъ коихъ бы усмотрѣла, можетъ ли она содержать домъ сообразно съ чиномъ и лѣтами. Книги у ней пробыли недѣли двѣ, и она ничего не говорила. Наконецъ сказала, что она согласна вступить съ нимъ въ супружество. Такимъ образомъ совокупилъ свою судьбу съ ней, добродѣтельной и умной дѣвицей, хотя не пламенною романическою любовью,

но благоразуміемъ, уваженіемъ другъ друга, и крѣпкимъ союзомъ дружбы. Она своимъ хозяйствомъ и прилежнымъ смотрѣніемъ за домомъ не токмо доходы нашла достаточными для ихъ прожитка; но, поправивъ разстроенное состояніе, присовокупила въ теченіе 17 лѣтъ недвижимаго имѣнія, считая съ великолѣпными пристройками домовъ, едвали не половину, такъ что въ 1812 году, когда сіи записки писаны, было за ними вообще въ разныхъ губерніяхъ уже около 2000 душъ и два въ Петербургѣ каменные знатные дома (1).

---

(1) Въ 1794 году Державинъ написалъ:

86 *Меркурію* I. 184.

87. *Радость о правосудіи* I. 69 (изъ псалма 74-го):

Пришли, пришли тѣ дни святые,
Да правый судъ я покажу,
Колеблемы столпы земные
Закономъ Божьимъ утвержу.

88. *Къ Красавцу* II. 179 (къ гр. Валер. Алексан. Зубову).

89. *Новоселье молодыхъ* II. 180 (Діалогъ, написанный на свадьбу Дмитрія Львовича Нарышкина съ знаменитой Марьею Антоновною Четвертинской).

90. *Къ Лиръ* I. 196 (Похвала кн. Зубову):

Души всѣ льда холоднѣе.
Въ комъ же я вижу Орфея?
Кто Аристонъ сей младой
Нѣженъ лицемъ и душой,
Нравовъ благихъ преисполненъ?
Кто сей любитель согласья?
Скрытый зиждитель ли счастья,
Скромный смиритель ли злыхъ?
Дней гражданинъ золотыхъ,
Истый любимецъ Астреи.

91. *Буря* I. 251.

92. *Мой истуканъ* I. 213. (Одна изъ лучшихъ піесъ Державина).

93. *Провидѣніе* I. 209 (Марта 31; восхваляется человѣколюбіе Екатерины, которая увидала въ окно утопавшую Охтянку, послала спасти ее и потомъ одарила).

94. *Соловей* I. 228.

95. *Сафо* II. 92 (по случаю смерти первой жены).

96. *Ласточка* I. 223.

97. *Вельможа* I. 198.

Въ теченіи 1795 года онъ пытался еще лично проситься у Государыни, хотя не въ отставку, но въ отпускъ на годъ, для поправленія своей экономіи. Государыня отвѣтствовала ему, что она прикажетъ записать о томъ указъ въ Сенатѣ генералъ прокурору; но вмѣсто того, состоявшимся чрезъ нѣсколько дней указомъ, по случаю открывшагося въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ расхищенія суммъ, до 600,000 рублевъ, опредѣленъ онъ въ Коммисію для изслѣдованія той покражи. Президентомъ оной сдѣланъ главный директоръ того банка графъ Завадовскій; правящій генералъ-губернаторскую должность въ Петербургѣ, генералъ поручикъ Архаровъ; главный директоръ ассигнаціонаго банка сенаторъ—Мятлевъ ([1]); и Комерцъ Коллегіи президентъ и сенаторъ Державинъ. Случай сей достоинъ подробнѣйшаго описанія. Когда объявленъ указъ о томъ слѣдствіи, что было на другой день Рождества, Державинъ былъ во дворцѣ. Г. Терскій, бывшій тогда генералъ рекетмейстеромъ, докладчикъ по тяжебнымъ процессамъ, имѣлъ вліяніе на всѣ дѣла, частію явно и подъ рукою, бывъ близокъ къ Государынѣ. Онъ, подошедъ къ Державину, отвелъ его на сторону и, съ заклятіемъ никому не сказывать, шепнулъ ему

---

98. *Призываніе и явленіе Плѣниры* II, 90.

99. *Мечта* II, 44 (на сговоръ со второю женою).

100. *На взятіе Варшавы* I, 489 (Варшава сдалась 28 Октября). Первые стихи этой оды были тотчасъ же отправлены къ Суворову съ курьеромъ. Какъ высоко цѣнилъ Суворовъ Державина, видно изъ слѣдующихъ словъ П. Н. Ивашева, въ его разсказѣ о пріѣздѣ Суворова въ Петербургъ, въ половинѣ Декабря 1795 года: «во второй день графъ не желалъ никого принимать кромѣ избранныхъ лицъ; перваго онъ дружески принялъ Г. Р. Державина, въ своей спальнѣ, будучи едва прикрытъ одеждою, долго съ нимъ бесѣдовалъ и даже удерживалъ, казалось, для того, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ различія пріемовъ посѣтителямъ. Многія знатныя особы, принадлежащія двору, поспѣшили до его обѣда съ визитомъ, но не были принимаемы: велѣно было принять одного кн. П. А. Зубова. Зубовъ пріѣхалъ въ 10 часовъ. Суворовъ принялъ его въ дверяхъ своей спальни, также точно одѣтый, какъ бывалъ въ лагерной своей палаткѣ въ жаркое вре́мя. Послѣ недолгой бесѣды онъ проводилъ князя до дверей своей спальни и, сказавъ Державину *vice-versa*, оставилъ послѣдняго у себя обѣдать.»

(1) *Петръ Васильевичъ Мятлевъ*, отецъ стихотворца нашихъ временъ.

по дружбѣ, будто отъ себя, что, когда открылась пропажа казны въ банкѣ, то графъ Завадовскій ночью тайно вывезъ къ себѣ въ домъ два сундука, одинъ съ серебромъ, другой съ золотомъ, то чтобъ онъ держалъ ухо востро и былъ остороженъ. Получивъ таковое важное извѣстіе, Державинъ разсуждалъ самъ въ себѣ: нельзя, чтобъ Терскій открылъ ему такую тайну безъ свѣдѣнія Императрицы; а потому и рѣшился также подъ рукою сказать любимцу Зубову, и дабы испытать его, какъ онъ отзовется. Сей молодой временщикъ, хотя по обыкновенію его не сказалъ, ни да, ни нѣтъ; но на лицѣ его написано было, что онъ не безъ удовольствія принялъ сіе извѣстіе. И такъ Державинъ принялъ намѣреніе дѣйствовать по сущей правдѣ и доводить о семъ чрезъ него до свѣдѣнія Государыни; ибо, что̀ ему было извѣстно, то всемѣрно и она знала; но это такъ было искусно скрыто, что никакимъ образомъ участія ея въ чемъ либо дознаться было не возможно. Съ перваго засѣданія Коммисіи, когда поручено было Державину написать вопросные пункты кассиру (Кельбергу) и кассиршѣ банка относительно перваго—неисполненія должности, а второй—покупки и продажи весьма дорогихъ бриліантовыхъ вещей, примѣтилъ онъ, Державинъ, не токмо не равнодушіе, но даже пристрастіе президента къ подсудимымъ: ибо онъ многіе весьма нужные пункты вымарывалъ, а какъ и Архаровъ, будучи короткій пріятель, по связи съ Безбородкою, съ Трощинскимъ и съ графомъ Завадовскимъ, а Мятлевъ по ласкательству къ Зубову, чтобъ не обнаружить его видимаго притѣсненія къ подсудимому, такъ сказать, президенту, молчали, то и Державинъ долженъ былъ на противорѣчія Завадовскаго соглашаться. Поелику жъ таковыми слабыми, или лучше сказать, мало значущими вопросами ничего не открывалось, то и положено было мужа и жену Кельберговыхъ увѣщавать чрезъ священника Когда сей увѣщавалъ кассиршу, стоящую предъ распятіемъ на колѣнахъ, въ виду ея мужа, въ отверстую дверь, бывшаго въ другой комнатѣ наединѣ съ Державинымъ, то сей послѣдній, какъ съ подсудимыми весьма снисходительно обращался и подавалъ даже

надежду заступить ихъ, гдѣ только будетъ возможно, то кассиръ просилъ его убѣдительно сказать ему его судьбину, что удержитъ ли онъ свое званіе, какъ ему нѣкоторые обѣщаютъ. Державинъ отвѣтствовалъ ему скромно и чистосердечно, что онъ человѣкъ умный, самъ знаетъ законы и свое преступленіе, то можетъ рѣшить самъ свою судьбину, а онъ его угнетать не будетъ, зная, что безъ слабости или лучше попущенія начальства въ преступленіе сіе, толь долго продолжавшееся, ему одному впасть было не можно, ибо онъ (кассиръ) мѣсяцевъ чрезъ 6 ходя въ кладовой сундукъ за замками и печатьми прочихъ членовъ, вносилъ съ собою въ карманахъ завернутую простую бумагу въ пакетахъ съ надписами 10,000 рублей и клалъ оные тайно въ сундукъ на мѣсто тѣхъ, въ которыхъ хранились въ томъ сундукѣ настоящіе пакеты, а потому и не почитаетъ онъ его столь виновнымъ, какъ начальниковъ. Сіе ободрило преступника. Державинъ, видя то, просилъ его также пріятельски, чтобъ онъ ему самъ открылся чистосердечно, обѣщая съ клятвою никому не сказать и въ дѣло не вводить тò, что онъ ему по совѣсти скажетъ. А именно—вывезъ ли Завадовскій тайно изъ банка два сундука, какъ выше явствуетъ, съ серебромъ и золотомъ? Кельбергъ отвѣтствовалъ: «вывезъ.»—«Какимъ образомъ?»—«Вотъ какъ: когда надобно было нѣкоторую выдачу денегъ изъ того сундука сдѣлать, и я со дня на день откладывалъ, ожидая взносу отъ кого либо посторонниxъ суммъ, какъ тò не разъ бывало, дабы удовольствовать ту выдачу, потому что въ сундукѣ счисляющіеся 600,000 руб. въ пакетахъ съ надписями, на каждомъ по 10,000, рублей, были всѣ съ пустыми бумагами; но какъ отъ сильнаго настоянія членовъ не возможно уже было не открыть сундука, то съ открытіемъ онаго и обнаружилось давно таившееся похищеніе. Главный директоръ, какъ скоро узналъ объ ономъ, тотчасъ побѣгъ, донесъ Государынѣ, а между тѣмъ по наступившей ночи велѣлъ вывезть помянутые два сундука къ себѣ.» Узнавъ Державинъ отъ кассира Кельберга сію важную тайну, держалъ свое слово, не открывалъ никому оной, пока наконецъ сама по себѣ по производству

дѣла не открылась. По отобраніи отвѣтовъ отъ похитителей, мужа и жены, которая на казенныя похищенныя деньги покупала дорогія бриллiантовыя вещи, дабы дорогою цѣною продавъ оныя, при торжествѣ Шведскаго мира Государынѣ, взнесъ оныя въ банкъ, надобно спросить членовъ банка—соблюдали ли они учрежденія банковыя относительно храненія казны и свидѣтельства оныхъ. Тутъ вышелъ споръ: Завадовскій, Архаровъ и Мятлевъ говорили, что надобно, съ прописаніемъ вопросовъ, послать въ банкъ сообщеніе; но Державинъ настоялъ держаться силы законовъ, кои предписывали о похищеніи казны производить строгое изслѣдованіе, допрашивая подсудимыхъ лично предъ налоемъ, а не чрезъ сообщенія. Долго спорили и рѣшили тѣмъ, чтобъ спросить Государыню. Поелику жъ ей всѣхъ законовъ помнить не возможно было, то Державинъ, вставъ до свѣту, написалъ записку къ Зубову, въ коей прописалъ споръ и законъ, оный разрѣшающій. Въ обыкновенный часъ пришелъ Архаровъ съ докладомъ. Государыня отозвалась ему, что не было никакой нужды докладывать о томъ, на что есть законы. « Поступили бы по онымъ. » Послѣ сего нечего дѣлать! Должно было лично всѣхъ призвать въ Коммисію и дать имъ вопросные пункты; но какъ всѣ за сіе вознегодовали сильно на Державина, то онъ принужденъ былъ всѣми возможными средствами умягчить ихъ ярость, а для того и выдумалъ средство, чтобъ на бумагѣ удовлетворить закону, а на самомъ дѣлѣ, противуборствующей себѣ сторонѣ, въ надеждѣ, что вопрошаемые признаются чистосердечно въ неисполненіи ихъ должностей и въ винахъ своихъ прибѣгнутъ къ милосердію Императрицы, прося у нея прощенія. Въ слѣдствіе чего, давъ имъ каждому вопросные пункты, дозволилъ всѣмъ быть въ одной комнатѣ и, посовѣтовавъ, между собою написать ихъ отвѣты. Они то и сдѣлали; но вмѣсто того, чтобъ признаніемъ винъ или упущенія своихъ должностей учинить слѣдствію конецъ, они отвѣтствовали, что всѣ подробности правилъ банковыхъ относительно храненія и свидѣтельства казны ими свято сохранены были, а какимъ образомъ пропали деньги,

они не знаютъ. Таковое слѣдствіе, что ни денегъ, ни виновныхъ не нашли, смѣшно было всякому; ибо кассиръ не могъ невидимкою дѣлать похищеніе, когда бы члены исполняли по законамъ свою должность, при себѣ его всегда пускали въ сундукъ и въ пакетахъ всякой разъ сами пересчитывали деньги. А потому Державинъ, чтобъ не быть самой Коммисіи виноватой въ слабомъ изслѣдованіи, настоялъ уже, чтобъ банковыхъ членовъ въ другой разъ призвать и лично спросить всякаго порознь, извлекши вопросы изъ показанія Кельберга, жены его, и прочихъ подсудимыхъ, какъ-то: маклеровъ и иностранныхъ купцовъ, которые прикосновенны были къ сему дѣлу переводомъ своихъ суммъ въ банкъ и продажею Кельбергшею и покупкою у ней брилліантовыхъ вещей. Нечего дѣлать; должны были прочіе члены на таковое Державина мнѣніе согласиться; въ слѣдствіе чего вторично призваны были въ Коммисію банковые судьи и прочіе служители. Всякому даны были порознь вопросные пункты; но чтобъ чувствительно не обидѣть ихъ и не допрашивать предъ налоемъ; то разставлены были въ одной комнатѣ въ нѣкоторомъ разстояніи столы, и приказано было имъ всякому на своей бумагѣ писать свои отвѣты; но чтобъ они не стакнулись по прежнему и открыли бы всю истину, то Державинъ ходилъ между столами и надзиралъ за ними. Натурально чрезъ сей способъ невозможно было уже имъ стакнуться. Писали, кто что вѣдалъ, между прочими совѣтникъ Розановъ показалъ, что два сундука съ золотомъ и серебромъ вывезены были главнымъ директоромъ въ его домъ въ самый день открытаго въ банкѣ похищенія, о чемъ объяснится ниже. Коль скоро прочтено сіе, то Державинъ приказалъ ввести въ присутствіе Кельберга и, будто ничего не зная, спросилъ у него: «правда ли, что г. совѣтникъ Розановъ показываетъ»? Кельбергъ отвѣчалъ: «правда». Г. Завадовскій поблѣднѣлъ. Записаны Розанова показаніе и Келберговъ отвѣтъ въ журналъ, которые въ меморіяхъ вседневно чрезъ Трощинскаго подносились Императрицѣ. Завадовскій сказался больнымъ и болѣе двухъ недѣль не присутствовалъ въ Коммисіи. Наконецъ выѣхалъ, и

какъ случилось въ комнатѣ только трое, онъ г. Завадовскій, Архаровъ и Державинъ, то первые двое униженнымъ образомъ послѣднему кланялись почти въ землю, упрашивали его, чтобъ изъ меморій показаніе Розанова вычернить и не доводить оныхъ до свѣдѣнія Императрицы; но какъ это было бы противъ присяги, да и Зубовъ о семъ уже чрезъ него зналъ, то онъ и не могъ на толь измѣнническій поступокъ согласиться. Такимъ образомъ открытъ сталъ главный преступникъ. А какъ Императрица приказала взять съ него объясненіе, что это за сундуки и съ какимъ были золотомъ и серебромъ, то и отвѣтствовалъ онъ чрезъ Архарова, что то былъ ломъ, золотыя старыя табакерки и всякая серебряная посуда, которыя содержаны у него были для лучшаго сохраненія въ кладовыхъ банка, то онъ и приказалъ вывезть, коль скоро приказалъ запечатывать банкъ, яко ему не принадлежащія вещи. Коммисія препоручила Державину о всемъ томъ, что по слѣдствію открыла, написать къ Императрицѣ докладъ. Надобно было сообразить всѣ обстоятельства основательно, не упустя ничего нужнаго и не примѣшать ничего посторонняго, а паче какъ предсѣдатель самъ былъ прикосновенъ къ дѣлу, то, чтобъ не зацѣпить его какъ либо обидно и слишкомъ выразительно, да также и не закрыть, а потому и требовалось великой осторожности, слѣдовательно и время. Но товарищи, а особливо Архаровъ сильно торопили написаніемъ доклада, дабы, можетъ быть, для того, чтобъ не выработать основательно всѣхъ произшествій. Но какъ бы то ни было, докладъ Государынѣ поданъ; она отдала его въ Сенатъ на разсмотрѣніе. Тамъ сильная партія г. Завадовскаго, т. е. генералъ прокуроръ Самойловъ, сенаторы Васильевъ, Колокольцовъ и прочіе уговоренные гг. Безбородкою и Трощинскимъ, постарались слѣдствіе представить будто неяснымъ и нужнымъ пополнить, въ слѣдствіе чего передопрашиваны подсудимые, и записка, представленная въ Коммисію Кельбершею отъ директора Зайцова, которою сей директоръ предостерегалъ кассира, дабы онъ *держалъ ухо востро*, по случаю имѣющаго быть свидѣтельства въ банкѣ, въ слѣд-

ствіе именнаго повелѣнія Императрицы, когда она, узнавъ, что кассирша, чрезъ камердинера Захара Зотова, предлагала ей, не угодно ли будетъ при Шведскомъ мирѣ для подарковъ купить дорогую бриліантовую шпагу, то она, усумнясь, откуда кассиршѣ взять толь драгоцѣнную вещь, приказала главнымъ директорамъ банковъ, а именно: Завадовскому заемный, а Мятлеву ассигнаціонный освидѣтельствовать и ей о цѣлости казны рапортовать. Мятлевъ въ тотъ же часъ то исполнилъ, а Завадовскій поручилъ сіе первому управляющему директору Хатову, который, сколько открывалось по дѣлу, былъ нѣкоторыми вещами задобренъ отъ кассира и къ скорому свидѣтельству не приступилъ, а отложилъ оное до завтра и предувѣдомилъ Зайцова, втораго директора, у котораго въ особливомъ надзираніи была казна, и кассиръ, а сей чрезъ вышепомянутую записку предостерегъ онаго. Симъ образомъ обманули ложнымъ свидѣтельствомъ Хатова, а сей ложнымъ рапортомъ Завадовскаго, или они и сами всѣ знали о употребленіи казенныхъ денегъ на покупку бриліантовыхъ вещей; но только похищеніе казны не открыли, и Завадовскій донесъ Императрицѣ, что казна цѣла. Таковымъ проворствомъ сіе дѣло тогда было затушено; но послѣ того, уже года чрезъ три, когда похищеніе суммъ умножилось, вышеописаннымъ незапнымъ образомъ открылось. Къ самому сему соблазну торговать казенными деньгами поводомъ предполагать никого другаго не можно, какъ графа Завадовскаго, потому что онъ, когда послѣ графа Брюса сдѣланъ главнымъ директоромъ банка и при наступленіи трети требовалъ себѣ жалованья серебромъ; но какъ положенные въ оный банкъ серебромъ капитальныя суммы, ни куда по законамъ въ расходъ не употреблялись, ибо напротивъ того процентами накоплены были, ибо въ расходъ употреблялась мѣдная, то при годовомъ счетѣ и стало недоставать оной нѣсколько тысячь рублей, которые перебралъ себѣ въ жалованье. А потому, чтобъ пополнить оную, и выдумали средство заемщикамъ въ ссуду выдавать деньги, не за указныя 6, а за двѣнадцать и за 15 процентовъ, обращая сей излишекъ въ наполненіе

серебра; но какъ мало сего г. Завадовскому показалось, что онъ жалованье свое получалъ серебромъ, а захотѣлъ еще онымъ пользоваться и сверхъ того чрезъ промѣнъ своихъ ассигнацій безъ всякаго платежа лажа рубль за рубль, то и поставилъ онъ съ своими, или съ князя Голицына суммами вышепомянутые сундуки, одинъ съ серебромъ и золотомъ, а другой съ ассигнаціями, изъ которыхъ изъ одного въ другой и переводили монету безъ всякой огласки, грабя заемщиковъ, какъ выше сказано, лихвою процентовъ; но чтобъ сіе было тайно и не падало на счетъ банка, что онъ излишніе беретъ проценты, то когда требовали заемщики въ ссуду къ себѣ денегъ, то всегда говорили, что денегъ въ кассѣ нѣтъ и совѣтовали пріискать у купцовъ, чтобъ они взнесли въ банкъ потребную имъ сумму, а изъ онаго и производили уже по обыкновенному канцелярскому порядку выдачу. Но какъ купцы (разумѣется большая часть иностранные) не находили своихъ разсчетовъ отдавать въ банкъ свои суммы за указные проценты, то и платили имъ заемщики вышеписанные 12 или 15 процентовъ, которые раздѣляемы были съ тѣми купцами и маклерами и съ банкомъ, или лучше съ главнымъ директоромъ онаго; а заемщики, давая обязательство на серебро, получали мѣдными. Симъ средствомъ серебряная казенная монета была въ банкѣ сохраняема, Завадовскій промѣнивалъ свои ассигнаціи на серебро, купцы, маклеры и банковые служители имѣли свой кормъ; одни заемщики терпѣли, и потому то кассиръ Кельбергъ, бывши употребленъ въ сей оборотъ, былъ у главнаго директора и прочихъ чиновниковъ въ великомъ довѣріи, и на сіе то надѣясь, вошелъ онъ со вторымъ директоромъ Зайцовымъ въ толь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку бриліантовъ, дабы, продавъ ихъ Императрицѣ, съ барышемъ взнести въ казну забранныя ими суммы и сверхъ того имѣть себѣ какой либо прибытокъ. Вотъ истинная причина и развязка сего похищенія, которыя хотя довольно въ докладѣ были видны, но безъ собственнаго виновныхъ признанія и явнаго въ томъ доказательства, какъ не можно было ихъ точно и обвинять;

для того что съ главнаго директора, яко съ предсѣдателя Коммисіи, и отвѣтовъ не брано и брать оныхъ безъ особаго имяннаго повелѣнія было не можно, то и предоставлялось сіе разрѣшенію Императрицѣ. Державинъ же съ своей души упрекъ совѣсти въ слабомъ изслѣдованіи свергнулъ тѣмъ, что сдѣлалъ на все ясныя съ своей стороны примѣчанія и отдалъ ихъ Зубову, для донесенія Государынѣ. Отдалъ ли онъ ихъ ей, того не извѣстно, но только докладъ по самую кончину ея пролежалъ у ней въ кабинетѣ нерѣшеннымъ; а по воцареніи Павла, Безбородка съ Трощинскимъ такъ смастѣрили сіе воровское дѣло, что Зайцову и прочимъ будто за напрасное претерпѣніе даны въ награжденіе деревни, только кассиръ съ женою сосланы въ Сибирь, и то, какъ слышно, просто на житье, а не на каторгу.

Вотъ съ какою вѣрностію служатъ приближенные къ Государю вельможи, то какъ можно ожидать отъ нихъ общаго блага? Но возвратимся еще къ остатку царствованія Екатерины. Въ продолженіи ([1]) 1795 и 1796-го года случились съ Державинымъ еще примѣчательныя событія.

---

(1) Въ 1795 г. Державинъ написалъ:

101. *На кончину В. Кн. Ольги Павловны* I, 498 (13 Января; сама Екатерина была на погребеніи. въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами).

102. *Анжеликѣ Кауфманчѣ* II, 46 (написано на свадьбу со второю женою, 30 Января. Онъ просилъ знаменитую художницу написать ему портретъ жены:

Напиши мою Милену,
Бѣлокурую лицемъ,
Стройну станомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ;
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;
Чтобъ на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце, безотрадно
Въ гробъ съ Пленирой схороня,

Первое. По желанію Императрицы, какъ выше сказано, чтобъ Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей въ томъ свое слово; но не могъ онаго сдержать, по причинѣ разныхъ придворныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда въ близи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями; сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ. Все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цѣховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства. — И такъ не зналъ, что дѣлать; но какъ покойная жена его любила его сочиненія, съ жаромъ и мастерски не рѣдко читывала ихъ при своихъ пріятеляхъ, то изъ разныхъ лоскутковъ собрала она ихъ въ одну тетрадь, (которая хранится нынѣ въ библіотекѣ графа Алексѣя Ивановича Пушкина въ Москвѣ) и переписавъ на чисто своею рукою, хранила у себя; когда же мужъ безпокоился, что не можетъ ничего по обѣщанію своему сдѣлать для Императрицы, то она совѣтывала поднести ей то, что уже написано, въ числѣ коихъ были и такія піесы, кои еще до свѣдѣнія ея не доходили; сказавъ сіе, подала къ удивленію его переписанную ею тетрадь. Не имѣя другаго средства исполнить волю Государыни, обрадовался онъ сему собранію чрезвычайно. Просилъ пріятеля своего

Я нашелъ бы въ ней обратно,
И, плѣнясь ея красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

103. *Скромность* II, 68 (подражаніе Метастазію).

104. *Приглашенію къ обѣду* I, 225 (написано въ Маѣ мѣсяцѣ; къ обѣду были званы гр. Безбородка, кн. Зубовъ и И. И. Шуваловъ).

105. *Богинѣ здравія* I, 232 (съ греческаго по нѣмецкому переводу).

106. *Стрѣлокъ* II, 80 (шутка, написанная на сенатора Алексѣя Владиміровича Щербатова).

Алексѣя Николаевича Оленина нарисовать ко всякой поэмкѣ приличныя картинки (виньеты), и, переплетя въ одну книгу, съ посвятительнымъ письмомъ, поднесъ лично въ Ноябрѣ ([1]) 1795 года. Государыня, принявъ оную, какъ казалось съ благоволеніемъ, занималась чтеніемъ оной сама, какъ камердинеръ ея г. Тюльпинъ сказывалъ, двое сутокъ; но по прочтеніи отдала г. Безбородкѣ, а сей г. Трощинскому, съ какимъ намѣреніемъ неизвѣстно. Недѣли съ двѣ прошло, что никто ни слова не говорилъ; но только, когда по воскресеньямъ пріѣзживалъ авторъ къ двору, то примѣтилъ въ Императрицѣ къ себѣ холодность, а окружающіе ея бѣгали его, какъ бы боясь съ нимъ даже и встрѣтиться, не токмо говорить. Не могъ онъ придумать, что тому была за причина, наконецъ въ третье воскресенье рѣшился онъ спросить Безбородку, говоря: слышно, что Государыня сочиненія его отдала его сіятельству, то съ чѣмъ, и будутъ ли они отпечатаны? Онъ, услышавши отъ него вопросъ сей, побѣжалъ прочь, бормоча что то, чего не можно было выразумѣть. Не зная, что это значитъ и будучи званъ тогда обѣдать къ графу Алексѣю Ивановичу Пушкину, поѣхалъ

---

107. *Павлинъ* I, 230.

108. *Флотъ* I, 302 (написано 2 Іюня, когда отправлялись наши корабли для охраненія нейтральнаго плаванія).

100. *Спящій эротъ* II, 47.

110. *Къ Софіи* II, 50 (на помолвку гр. Софьи Владиміровны Строгоновой).

111. *Анакреонъ у печки* II, 56 (экспромтъ М. А. Нарышкиной).

112. *Другу* II, 71.

113. *Заздравный орелъ* II, 101 (военная пѣсня).

114. *Гостю* II, 70 (написано Петру Лукичу Вельяминову, пріятелю Державина. Вельяминовъ былъ Тамбовскій помѣщикъ. Объ его вѣрномъ и изящномъ вкусѣ свидѣтельствуетъ между прочимъ построенный его заботами соборъ въ городѣ Липецкѣ. Отъ него осталось нѣсколько стихотвореній.

115. *На кончину благотворителя* I, 384 (И. И. Бецкаго; онъ умеръ 31 Августа).

116. *Хариты* II, 16 (при собраніи стиховъ, поднесенныхъ Екатеринѣ 8 Ноября. Превосходное описаніе Русской пляски Великихъ Княженъ, на балу въ тронной залѣ. 25 Декабря).

(1) 8 Ноября, какъ сказано въ объясненіяхъ Львова.

къ нему. Тамъ встрѣтился съ нимъ хорошій его пріятель Яковъ Ивановичь Булгаковъ, что былъ при Екатеринѣ посланникомъ при Оттоманской Портѣ, а при Павлѣ генералъ губернаторамъ въ Польскихъ губерніяхъ. Онъ спросилъ его: «что ты, братецъ, пишешь за Якобинскіе стихи?»—«Какіе?»—«Ты переложилъ псаломъ 81-й, который не можетъ быть двору пріятенъ».—«Царь Давидъ, сказалъ Державинъ, не былъ Якобинецъ, слѣдовательно пѣсни его не могутъ быть никому противными.» Однако заключилъ онъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, что дурно такіе стихи писать. Но гораздо послѣ того Державинъ узналъ отъ француженки Леблеръ, бывшей у племянницъ его Львовыхъ учительницей, что во время Французской революціи въ Парижѣ сей самый псаломъ былъ Якобинцами перефразированъ и пѣтъ по улицамъ, для подкрѣпленія народнаго возмущенія противъ Людовика XVI. Какъ Державинъ тогда совсѣмъ того не зналъ, то и былъ спокоенъ; но, пріѣхавъ отъ графа Пушкина съ обѣда, въ вечеру услышалъ онъ отъ посѣтившаго его г. Дмитріева, того самаго, о коемъ выше сказано, что будто велѣно его секретно (разумѣется чрезъ Шишковскаго) спросить, для чего онъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ такіе стихи? Державинъ почувствовалъ подыскъ вельможъ, ему не доброжелательныхъ, что непріятно имъ видѣть въ одѣ Вельможѣ и прочихъ его стихотвореніяхъ развратныя ихъ лицеизображенія, потомъ сѣлъ за бюро и написалъ анекдотъ, который можно читать въ прозаическихъ его сочиненіяхъ въ V части (1), въ коемъ ясно доказалъ, что тотъ 81 псаломъ перефразированъ имъ безъ всякаго дурнаго намѣренія и напечатанъ въ мѣсячныхъ изданіяхъ подъ именемъ Зеркало Свѣта въ 1786 году (2), присовокупя къ тому свои разсужденія, что, если онъ тогда не произвелъ никакого зла, какъ и подобные ему иные стихи, то и нынѣ не произведетъ. Запечатавъ въ трехъ пакетахъ при краткихъ своихъ письмахъ, послалъ онъ тотъ анекдотъ къ тремъ ближнимъ

---

(1) Остается въ рукописи.

(2) Въ Январьской книжкѣ 1787 года.

въ то время къ Императрицѣ особамъ; а именно: къ князю Зубову (фавориту), къ графу Безбородкѣ, и къ Трощинскому, у котораго на разсмотрѣніи сочиненія его находились. Въ слѣдующее воскресенье по обыкновенію поѣхалъ онъ въ дворецъ, увидѣлъ противъ прежняго благопріятную перемѣну. Государыня милостиво пожаловала ему поцѣловать руку, вельможи пріятельски съ нимъ разговаривали, и словомъ, какъ рукой сняло: всѣ обошлись съ нимъ такъ, какъ ничего не бывало (1). Г. Грибовскій, бывшій у него во Олонецкѣ секретаремъ, а тогда при Императрицѣ статсъ секретарь, всѣмъ ему обязанный, а тогда его первый непріятель, который, какъ слышно было, читалъ предъ Императрицей тотъ анекдотъ, смотря на него съ родомъ удивле-

---

(1) Вотъ эти знаменитые стихи:

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ;
«Доколѣ», рекъ, «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны,
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.»
Не внемлютъ! видятъ и не знаютъ;
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйствы землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.
Цари! я мнилъ, вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И также смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ;
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже, Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ царемъ земли!

нія, только улыбался, не говоря ни слова; но при всемъ томъ сочиненія его Державина въ свѣтъ не вышли, а отданы были еще на просмотрѣніе любимцу Императрицы, князю Зубову, которыя у него хотя не рѣдко въ кабинетѣ на столѣ видалъ; но не слыхалъ отъ него оныхъ ни одного слова, гдѣ они и пролежали цѣлый почти 1796 годъ, то есть по самую Императрицы кончину.—А послѣ оной, въ царствованіе Павла, Державинъ, какъ ниже будетъ видно, бывъ въ Государственномъ Совѣтѣ, имѣлъ случай чрезъ г. статсъ секретаря Нелединскаго, къ себѣ ихъ возвратить. Въ 1810 или 1811 году подарилъ ихъ съ своею надписью въ библіотеку г. Дубровскаго, гдѣ и теперь они должны находиться.

Второе. При раздѣленіи съ Пруссіею и Австріею Польши, имяннымъ указомъ 1795 года, даннымъ Коммерцъ Коллегіи повелѣла таможенную сухопутную стражу перевесть на новую границу, именно съ *старыми таможенными чиновниками*; но, какъ выше видно, что генералъ губернаторы старались всѣми мѣрами присвоить себѣ власть сей Коллегіи по таможеннымъ чиновникамъ и всѣмъ дѣламъ, то будучи тогда намѣстникомъ Польскихъ губерній, упоминаемый уже выше генералъ поручикъ Тимоѳей Тутолминъ, не снесшись ни съ Коллегіею, ни съ президентомъ ея Державинымъ, опредѣлилъ своихъ директоровъ, цолнеровъ, и прочихъ таможенныхъ служителей. Старые, будучи тѣмъ обижены и лишены въ жалованьи своего пропитанія, приступили съ жалобами и воплями своими къ президенту. Сей требовалъ отъ генералъ губернатора по крайней мѣрѣ за извѣстіе списка, чтобъ знать старымъ чиновникамъ, кому ихъ должности отдавать. Но сей, надѣясь на Зубова, которому онъ подлымъ образомъ ласкалъ и угождалъ, пренебрегъ его, ничего не отвѣчалъ, а прислалъ только безъ всякаго своего подписанія имянный реэстръ чиновникамъ, съ отмѣткою противъ каждаго, по чьей рекомендаціи онъ опредѣленъ, въ которыхъ значилось, что тѣ опредѣлены по рекомендаціи князя, другіе графа Валеріана, третьи графа Николая, чет-

вертые графа Дмитрія ([1]) и прочихъ ихъ родственниковъ и пріятелей. Таковаго презрѣнія не токмо личнаго президенту, но и самой Высочайшей волѣ Императрицѣ, изображенной въ сказанномъ указѣ, чтобъ оставить старыхъ чиновниковъ, Державинъ не могъ снесть и, надѣясь сколько на справедливость, столько на вѣрность наперсника къ Высочайшей своей обладательницѣ, что онъ подкрѣпитъ ея волю, пошелъ къ нему и показалъ, какъ тотъ присланный къ нему неподписанный никѣмъ реэстръ, такъ и указъ Государыни, будучи твердо увѣренъ, что онъ возметъ его сторону; но противъ всякаго чаянія онъ сталъ оправдывать Тутолмина, и съ жаромъ выговаривалъ, что онъ напрасно идетъ по слѣдамъ предмѣстника своего графа Воронцова, удерживая таможни и чиновниковъ ихъ подъ своей властію. Державинъ доказывалъ противное указомъ Императрицы, объясняя, что предмѣстникъ, его графъ Воронцовъ, начальствуя таможнями и ихъ чиновниками, поступалъ по своей должности; но любимецъ возражалъ противное, говоря, что князь Потемкинъ, его предмѣстникъ, (ибо тогда онъ Зубовъ былъ Таврическимъ губернаторомъ) опредѣлялъ самъ таможенныхъ чиновниковъ въ ввѣренныхъ ему губерніяхъ, то и онъ также, а равно Тутолминъ долженъ поступать. Державинъ говорилъ, что князь Потемкинъ былъ сильный человѣкъ и вертѣлъ дѣла, какъ хотѣлъ, то и ваша свѣтлость по единому только своему фавору дѣлать можете, что хотите, а онъ напротивъ того, какъ человѣкъ безъ всякой подпоры, то единственно и долженъ исполнять волю Государыни своей и законы, а ни чьего другаго. Словомъ, чрезъ таковыя противорѣчія вышелъ довольно громкій разговоръ, такъ что любимецъ оказалъ свое негодованіе, и Державинъ въ горячности пошелъ прямо въ покои къ Императрицѣ, гдѣ, приказавъ доложить о себѣ, подалъ ей лично помянутый реэстръ о новыхъ таможенныхъ чиновникахъ съ отмѣтками, по чьей рекомендаціи они опредѣлены, донеся при томъ, что по указу ея

---

(1) т. е. Зубовыхъ.

должны оставаться при своихъ мѣстахъ старые чиновники, но она изволитъ увидѣть, что опредѣлены другіе. Она, примѣтивъ, можетъ быть, пасмурную его физіономію, сказала, что она разсмотритъ. И нѣсколько дней спустя, когда онъ случился въ кавалерской, выслала г. Трощинскаго и велѣла ему сказать Державину, чтобъ онъ не безпокоился по дѣламъ Коммерцъ Коллегіи, она велитъ ее уничтожить, и дѣйствительно состоялся указъ, въ 1795 году, что Коммерцъ Коллегіи болѣе не быть, что впредь коммерческія дѣла вѣдать Казеннымъ Палатамъ тѣхъ губерній, гдѣ которыя состоятъ, и что наконецъ для сдачи въ архивъ старыхъ дѣлъ остаться ей только до наступающаго новаго года. Державинъ тогда чрезъ господина Трощинскаго отвѣтствовалъ, что воля ея Величества, можетъ она уничтожить и не уничтожить Коллегію, какъ ей угодно, для него все равно; но только онъ радъ, что избавился чрезъ то такого мѣста, которое много дѣлаетъ ему непріятнаго, и за которое онъ однакоже отвѣтствовать былъ долженъ по законамъ. Были и послѣ сего въ продолженіе остатка 1796 года нѣкоторыя ему по сей Коллегіи непріятности, между прочимъ и по сообщеніямъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что сія послѣдняя отрекалась отъ своего сообщенія въ разсужденіи нейтральной торговли съ Французами, и обратила вину свою на первую; но всѣхъ каверзъ и криводушничества, разными министрами чинимыхъ противъ Державина въ продолженіи царствованія Императрицы Екатерины, описывать было бы весьма пространно; довольно сказать того, что она скончила дни свои, не по чувствованію собственнаго своего сердца, ибо Державинъ ни чѣмъ предъ ней по справедливости не провинился, но по внушеніямъ его недоброжелателей,—нарочито въ неблагопріятномъ расположеніи. Конецъ же ея случился въ 1796 году, Ноября въ 6 день, въ 9 часу утра. Она, по обыкновенію, встала по утру въ 7-мъ часу здорова, занималась писаніемъ продолженія записокъ касательно Россійской Исторіи, напилась кофію, обмакнула перо въ чернилицу и, не дописавъ начатаго рѣченія, встала, пошла по позыву естественной нужды въ отдѣленную камеру, и тамъ отъ

епилептическаго удара скончалась.—Приписываютъ причину толь скоропостижной смерти воспаленію ея крови, отъ досады причиненной упрямствомъ Шведскаго королевича, что онъ отрекся отъ браку съ великою княжною Александрою Павловною; но какъ сія матерія не входитъ своимъ событіемъ въ приключенія жизни Державина, то здѣсь и не помѣщается. (¹) Но что касается до него, то, начавъ ей служить, какъ выше видно, отъ солдатства, слишкомъ чрезъ 35 лѣтъ, дошелъ до знаменитыхъ чиновъ, отправлялъ безпорочно и безкорыстно всѣ возложенныя на него должности, удостоился быть при ней лично, принимать и исполнять ея повелѣнія съ довольною довѣренностію; но никогда не носилъ отличной милости и не получалъ за вѣрную свою службу какого либо особливаго награжденія, какъ прочіе, его собратія, Трощинскій, Поповъ, Грибовскій и иные многіе. Онъ даже просилъ, по крайнему своему недостатку,

---

(1) Въ 1796 году Державинымъ написано:

117. *Безсмертіе души* I, 6. (Начато еще въ Петрозаводскѣ, въ 1785 году.

118. *Молитва* I, 71.

119. *На рожденіе царицы Гремиславы. Нарышкину* I, 614 (21 Апрѣля)

120. *На смерть гр. Ө. Г. Орлова* I, 503 (Орловъ умеръ въ Москвѣ 17 Мая)

121. *На крещеніе В. К. Николая Павловича* I, 504.

122. *Потопленіе* II, 51.

123. *Побѣда красоты* II, 17 (На случай сговора В. Кн. Александры Павловны съ Шведскимъ королемъ Густавомъ)

124. *Крезовъ Эротъ* II, 53.

125. *В—ой* II, 60.

126. *Пчела* II, 58.

127. *На покореніе Дербента* I, 487

128. *Афинейскому витязю* I, 532. (Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову.)

129. *Памятникъ* I, 506.

130 *Надгробная Екатеринѣ* II, I, 583. (Напечатано не ранѣе 1808 года)

обратить жалованье его въ пенсіонъ; но и того не сдѣлано до выпуску его изъ статсъ секретарей. Деревнями, богатыми вещами и деньгами, знатными суммами, кромѣ, какъ выше сказано, пожаловано ему 300 душъ въ Бѣлоруссіи, за спасеніе колоній, съ которыхъ онъ со всѣхъ получалъ доходу серебромъ не болѣе трехъ съ души, то есть 1000 рублей, а ассигнаціями въ послѣднее время до 2000 рублей, да въ разныя времена за стихотворенія свои подарковъ, то есть: за оду Фелицѣ золотую табакерку съ брилліантами и 500 червонцевъ, за оду на взятіе Измаила золотую же табакерку, за тарифъ—съ брилліантами же табакерку, по назначенію на билетѣ ея рукою подписанному: *Державину*, получилъ послѣ уже ея кончины отъ Императора Павла. Но должно по всей справедливости признать за безцѣннѣйшее всѣхъ награжденій, что она, при всѣхъ гоненіяхъ сильныхъ и многихъ непріятелей, не лишала его своего покровительства и не давала, такъ сказать, задушить его; однако же и не давала торжествовать и явно надъ ними, огласкою его справедливости и вѣрной службы: или особливою какою либо довѣренностію, которую она къ прочимъ оказала. Коротко сказать, сія мудрая и сильная Государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться, и вознестись до надлежащаго величія; но если разсуждать, что она была человѣкъ, что первый шагъ ея возшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать можетъ быть и опасалась; ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе года, съ княземъ Потемкинымъ упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скиптру своему новыхъ царствъ Послику же духъ Державина склоненъ былъ всегда

къ морали, то, если онъ и писалъ въ похвалу торжествъ ея стихи, всегда однако обращался аллегоріями, или какимъ другимъ тонкимъ образомъ къ истинѣ, а потому и не могъ быть въ сердцѣ ея вовсе пріятнымъ. Но какъ бы то ни было, да благословенна будетъ память такой Государыни, при которой Россія благоденствовала и которую долго не забудетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Царствованіе Императора Павла.

Ноября 6 дня 1796 года, по утру часу въ 11-мъ, получилъ Державинъ свѣдѣніе отъ служившаго при Кабинетѣ надворнаго совѣтника, бывшаго прежде при немъ Секретаремъ, Маклакова, что Государыня занемогла, (хотя тогда уже она, какъ выше сказано, отъ удара скончалась), и какъ это иногда случалось, то и уваженія большаго сія непріятная вѣдомость не имѣла, но послѣ обѣда, часу въ 6, увѣдомился отъ товарища своего, сенатора Семена Александровича Неплюева, что она отыде сего свѣта, то поѣхали они во дворецъ и нашли ее уже среди спальни лежащую, покрытую бѣлою простынею. Державинъ, имѣвъ входъ во внутренніе чертоги, вошелъ туда и, облобызавъ по обычаю тѣло, простился съ нею съ пролитіемъ источниковъ слезъ. Вскорѣ пріѣхалъ сынъ ея, наслѣдникъ или новый Императоръ Павелъ. Тотчасъ во дворцѣ пріяло все другой видъ, загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ. Но описывать въ подробности всѣхъ произшествій, тогда случившихся, было бы здѣсь излишне, ибо они принадлежатъ до государственной исторіи, а не до частной жизни Державина. Онъ на другой день вообще съ прочими государственными чинами въ Сенатской церкви принесъ присягу, потомъ отправилъ всѣ погребательныя церемоніи, бывъ не одинъ разъ дежурнымъ какъ во дворцѣ при тѣлѣ новопреставльшейся Императрицы, такъ и въ Невскомъ монастырѣ при гробѣ покойнаго Императора Петра III; ибо Павелъ восхотѣлъ соединить тѣла ихъ въ одной могилѣ въ крѣпости Св. Апостола Павла въ Соборной церкви; и наконецъ и при самомъ погребеніи, оставаясь всё сенаторомъ и Коммерцъ-Кол-

легіи президентомъ. Но скоро вышелъ отъ Императора указъ о возстановленіи на прежнихъ Петра Великаго правахъ всѣхъ государственныхъ Коллегій, въ томъ числѣ и Коммерцъ, и въ то же время поутру въ одинъ день рано, придворный ѣздовой лакей привезъ отъ Императора повелѣніе, чтобъ онъ тотчасъ ѣхалъ во дворецъ и велѣлъ доложить о себѣ чрезъ камердинера его Величеству. Державинъ сіе исполнилъ. Пріѣхалъ во дворецъ, еще было темно, далъ знать о себѣ камердинеру Кутайцову, и коль скоро разсвѣло, отворили ему въ кабинетъ двери. Государь, давъ ему поцѣловать руку, принялъ его чрезвычайно милостиво и, наговоривъ множество похвалъ, сказалъ, что онъ знаетъ его со стороны честнаго, умнаго, безъинтереснаго и дѣльнаго человѣка, то и хочетъ его сдѣлать правителемъ своего Верховнаго Совѣта, дозволивъ ему входъ къ себѣ во всякое время, и если что̀ теперь имѣетъ, то чтобъ сказалъ ему, ничего не опасаясь. Державинъ, поблагодаря его, отозвался, что онъ радъ ему служить со всею ревностію, ежели его Величеству угодно будетъ любить правду, какъ любилъ ее Петръ Великій. По сихъ словахъ взглянулъ онъ на него пламеннымъ взоромъ; однако весьма милостиво раскланялся. Это было въ понедѣльникъ. Во вторникъ дѣйствительно вышелъ указъ объ опредѣленіи его не *въ правители Совѣта*, какъ ему Императоръ сказалъ, а въ правители канцеляріи Совѣта, въ чемъ великая есть разница; ибо правитель Совѣта могъ быть какъ генералъ прокуроръ въ Сенатѣ, то есть пропустить или не пропустить опредѣленія, а правитель канцеляріи только управлять оною. Сіе его повергло въ недоумѣніе, и для (того) во вторникъ и въ середу, дѣлая визиты членамъ Совѣта, искренно нѣкоторымъ изъ нихъ открылъ, что онъ, будучи сенаторомъ, не знаетъ, какъ поступить и для того рѣшился попросить у Государя инструкціи. Ему сіе присовѣтовали, тѣмъ паче какъ Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ сказалъ, что въ первую Турецкую войну дана была покойною Императрицею инструкція, но единственно на военныя дѣйствія, а когда та война кончилась, и начали вступать въ Совѣтъ и гражданскія дѣла, то Государыня, первую инструкцію взявъ, хотѣла издать другую; но

по препятствіямъ, оказываемымъ княземъ Вяземскимъ, день отъ дня отлагала.

Настал̾ъ четвергъ, то есть день совѣтскій. Державинъ, пріѣхавъ въ оный, не зналъ, какъ ему себя вести и для того, не садясь ни за столъ членовъ, ни за столъ правителя канцеляріи, слушалъ дѣла, стоя или ходя вокругъ присутствующихъ. По окончаніи засѣданія, князь Александръ Борисовичь Куракинъ ([1]), вставъ, приказывалъ, что когда напишется протоколъ о дѣлахъ, о коихъ разсуждали, то чтобъ оный привезъ онъ къ нему для поднесенія Императору. Сіе его пуще смутило, ибо изустно слышалъ отъ Государя, что онъ ему во всякое время съ дѣлами дозволилъ къ себѣ доступъ; а какъ онъ во всѣ сіи дни имѣлъ счастіе, съ прочими членами Совѣта, приглашаемъ быть къ обѣду и ужину его Величества, то имѣлъ случай говорить и съ самимъ Куракинымъ о своемъ намѣреніи просить инструкціи, давъ ему почувствовать, что ему самому входъ Императоръ къ себѣ дозволилъ. Хотя сей вельможа на то былъ согласенъ, однако, какъ Державинъ опослѣ узналъ, что онъ былъ имъ всѣмъ непріятенъ, ибо по собственному своему выбору, а не по ихъ представленію Государь посадилъ его въ совѣтъ. Въ слѣдствіе чего и нашли они минуты сдѣлать на него разныя неблагопріятныя внушенія, какъ между прочимъ, что Державинъ низкимъ почитаетъ для себя быть изъ сенаторовъ правителемъ канцеляріи Совѣта; что Вейдемееръ, бывшій тогда онымъ, считаетъ тѣмъ себя обиженнымъ. Но какъ бы то ни было, Державинъ, слѣдуя твердо своему намѣренію, пріѣхалъ во дворецъ рано по утру въ пятницу просить инструкціи Его не допустили, потому что все утро занималъ Его канцлеръ Остерманъ, и тутъ, какъ опослѣ слышно было, по направленію другихъ, а именно графа Безбородки (ибо онъ самъ былъ честнѣйшій человѣкъ) вышесказанныя сдѣланы Императору внушенія. По сей причинѣ принужденъ былъ въ пятницу ѣхать ни съ чѣмъ домой; а въ субботу,

---

(1) Кн. А. Б. Куракинъ (1732—1818) братъ генералъ прокурора, воспитывался вмѣстѣ съ Императоромъ Павломъ, былъ его другомъ и принадлежалъ къ числу немногихъ людей, которые постоянно и неизмѣнно пользовались его расположеніемъ.

долго ожидавъ, былъ принятъ, казалось, довольно ласково. Онъ спросилъ: «Что вы, Гавріилъ Романовичь?» Сей отвѣтствовалъ: «По волѣ вашей, Государь, былъ въ Совѣтѣ; но не знаю, что мнѣ дѣлать.» —«Какъ не знаете, дѣлайте, что Самойловъ дѣлалъ.» (Самойловъ былъ при Государынѣ правителемъ канцеляріи Совѣта, счисляясь при дворѣ камергеромъ). «Я не знаю, дѣлалъ ли что онъ; въ Совѣтѣ никакихъ его бумагъ нѣтъ, а сказываютъ, что онъ носилъ только Государынѣ протоколы Совѣта, потому осмѣливаюсь просить инструкціи.»—«Хорошо, предоставьте мнѣ.» Симъ бы кончить должно было; но Державинъ по той свободѣ, которую имѣлъ при докладахъ у покойной Императрицы, продолживъ рѣчь, сказалъ: не знаетъ онъ, что сидѣть ли ему въ Совѣтѣ или стоять, то есть быть ли присутствующимъ, или начальникомъ канцеляріи. Съ симъ словомъ вспыхнулъ Императоръ; глаза его какъ молнія засверкали, и онъ, отворя двери, во весь голосъ закричалъ стоящимъ предъ кабинетомъ Архарову, Трощинскому и прочимъ, изъ коихъ первый тогда былъ въ великомъ фаворѣ: *Слушайте: онъ почитаетъ быть въ Совѣтѣ себя лишнимъ*, и оборотясь къ нему: *поди назадъ въ Сенатъ и сиди у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу*. Державинъ какъ громомъ былъ пораженъ таковымъ царскимъ гнѣвомъ и въ безпамятствѣ, довольно громко сказалъ въ залѣ стоящимъ: « ждите, ... » Послѣ сего выѣхалъ изъ дворца съ великимъ огорченіемъ, размышляя въ себѣ: ежели за то, что просилъ инструкціи, дабы вѣрнѣе отправлять свою должность,—заслужилъ гнѣвъ Государя, то что бы было, когда не имѣя онъ сдѣлалъ какую погрѣшность, а особливо въ толь критическое время , когда всѣ прежнія учрежденія Петра Великаго и Екатерины зачали сумазбродно , безъ всякой нужды, коверкать. Въ таковыхъ мысляхъ пріѣхавъ домой, не могъ удержаться отъ горестнаго смѣха, разсказывая женѣ съ нимъ случившееся. Скоро послѣ того услышалъ, что въ Сенатъ присланъ имянный указъ, въ коемъ сказано, что онъ отсылается назадъ въ сіе правительство за дерзость, оказанную Государю; а кавалергардамъ дано повелѣніе, чтобъ его не впускать во время собранія въ кавалегардскую залу.

Таковое посрамленіе узнавъ, родственники собрались къ нему и съ женою вмѣстѣ осыпавъ его со всѣхъ сторонъ журбою, что онъ бранится съ царями, и не можетъ ни съ кѣмъ ужиться, принудили его искать средствъ преклонить на милость Монарха. Не зналъ онъ, что дѣлать и кого просить. Многіе вельможи, окружавшіе Государя, хотя были ему знакомы и оказывали прежде благопріятность; но не имѣли духа и чувства сострадавія, а жили только для себя; то онъ ихъ и не хотѣлъ безпокоить, а по прославляемымъ столь много добродѣтелямъ и христіанскому житію, казалось ему лучше всѣхъ прибѣгнуть къ князю Николаю Васильевичу Репнину, котораго Государь тогда уважалъ, и что, какъ всѣ говорили, онъ склоненъ былъ къ благотворенію, то онъ и поѣхалъ къ нему поутру рано, когда у него никого еще не было и онъ былъ въ кабинетѣ, или въ спальной своей еще только одѣвался. Приказалъ о себѣ доложить; дожидался въ другой комнатѣ. и какъ они раздѣляемы были одною стѣною, или дверью, завѣшенною сукномъ, то и слышенъ былъ голосъ докладчика, который къ нему вошелъ. Онъ ему сказалъ: Пришелъ сенаторъ и хочетъ васъ видѣть.—Кто такой?—Державинъ.—За чѣмъ?—Незнаю.—Пусть подождетъ.—Наконецъ, послѣ хорошаго часа, вышелъ, и съ надменнымъ весьма видомъ спросилъ: что вы? Онъ ему пересказалъ случившееся съ нимъ происшествіе; онъ показалъ презрѣніе и отворотившись сказалъ, что не мое дѣло мирить васъ съ Государемъ. Съ симъ словомъ Державинъ поклонясь вышелъ, почувствовавъ въ душѣ своей во всей силѣ омерзѣніе къ человѣку, который носилъ на себѣ личину благочестія и любви къ ближнему; а въ сердцѣ адскую гордость и лицемѣріе. Скоро послѣ того низость души сего князя узнали и многіе, и Императоръ его отъ себя отдалилъ. Таковы-то почти всѣ святоши ([1]); но какъ бы то ни было, Державинъ, по ропоту домашнихъ, былъ въ крайнемъ огорченіи и наконецъ вздумалъ онъ, безъ всякой посторонней помощи,

(1) Отзывы Державина о Кн. Н. В. Репнинѣ, безъ сомнѣнія, несправедливы. Не говоря уже о военныхъ и дипломатическихъ заслугахъ этого замѣчательнаго человѣка, припомнимъ, что онъ былъ покровитель Новикова. И. В. Лопухинъ считалъ лучшею для себя похвалою свою дружбу съ Репнинымъ. Самъ Державинъ восхвалялъ его прежде въ піесѣ: *Памятникъ Герою*.

возвратить къ себѣ благоволеніе Монарха посредствомъ своего таланта. Онъ написалъ оду на восшествіе его на престолъ, напечатанную во второй части его сочиненій, подъ надписью: Ода на новый 1797 годъ и послалъ ее къ Императору чрезъ Сергѣя Ивановича Плещеева ([1]). Она полюбилась и имѣла свой успѣхъ. Императоръ позволилъ ему чрезъ адъютанта своего князя Шаховскаго пріѣхать во дворецъ и представиться, и тогда же данъ приказъ кавалергардскому начальнику впускать его въ кавалерскую залу по прежнему.

Между тѣмъ въ тѣ дни, какъ онъ почитался въ Совѣтѣ, непріятели его смастерили выжить изъ Коммерцъ-Коллегіи, которая возстановлена въ превосходнѣйшее достоинство, чѣмъ учреждена была съ самаго начала Петромъ Великимъ, ибо Коллегія отъ Коммерціи и Таможенная Канцелярія, все заключалось въ ней. Президентомъ пожалованъ тайный совѣтникъ Петръ Александровичь Соймоновъ, и Державинъ, по исключеніи его изъ Совѣта, остался только въ Сенатѣ въ Межевомъ Департаментѣ, и тамъ, когда случались спорныя и шумливыя дѣла, то онъ шутя повторялъ императорскія слова: мнѣ велѣно сидѣть смирно, то дѣлайте вы какъ хотите; а я сказалъ уже мою резолюцію. Однакожъ въ сіе время многіе прибѣгали къ нему утѣсненные, прося быть третейскимъ судьею въ ихъ запутанныхъ и долго продолжающихся тяжбахъ, и также отдавали себя и ихъ имѣнія по растроеннымъ отъ долговъ ихъ обстоятельствамъ. Хотя таковая общественная довѣренность къ нему началась еще въ царствованіе Екатерины; но при Павлѣ до такой степени возрасла, что онъ имѣлъ въ управленіи своемъ 8 опекъ, а именно: 1-е, господъ Фирсовыхъ. 2-е, графа Чернышева, 3-е, князя Гагарина, 4-е, графини Брюсовой, 5-е, князя Голицына, 6-е, графини Матюшкиной, 7-е, генерала Зорича, 8-е, госпожи Колтовской, кромѣ постороннихъ, которые требовали отъ него совѣтовъ, какъ то сенаторъ Самаринъ и графъ Апраксинъ, для которыхъ онъ писывалъ нарочито трудныя

---

(1) Статсъ Секретарь *С. И. Плещеевъ* (✝ 1802) былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ Императору Павлу.

бумаги; хотя съ имѣній, состоящихъ въ его попечительствѣ, получалъ онъ ежегоднаго дохода до милліона рублей, но не пользовался опредѣленными по законамъ и пятью процентами, почитая низкимъ служить своему брату изъ за платы. Касательно жъ третейскихъ судовъ важныхъ и не важныхъ, по имянному указу и по обоюдному согласію тяжущихся, съ посредниками и безъ посредниковъ, рѣшилъ близъ сотни; но по именамъ ихъ назвать трудно, а упомяну нѣсколько знаменитѣйшихъ. А именно назову: 1, покойнаго Евдокима Никитича Демидова оставшуюся вдову съ дѣтьми ея, съ имѣніемъ болѣе милліона. 2, графа Матвѣя Өеодоровича Апраксина съ супругою его (1). 3, графа Өедора Григорьевича Орлова съ генеральшею Фирсовою. 4, графа Моценига съ банкиромъ Судерландомъ. 5, Англійскаго купца Ямеса съ компаніею. 6, Анну Александровну Лопухину съ ея деверемъ. 7, графиню Брюсъ съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. 8, многихъ кредиторовъ графа Чернышева и князя Гагарина. 9, графа Алексѣя Ивановича Мусина Пушкина съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ (2). 10, родныхъ братьевъ Александра и Дмитрія Львовичей Нарышкиныхъ въ раздѣлѣ между ими имѣнія. 11, Зятя ихъ Польскаго графа, по фамиліи не упомню. 12, Генералъ-Маіора МарклоВскаго съ генераломъ Прокуроромъ Самойловымъ и прочими наслѣдниками покойнаго князя Потемкина, и другихъ многихъ, какъ выше сказано, о которыхъ неупомню; но за не излишнее почитаю о нѣкоторыхъ изъ нихъ по особливымъ происшествіямъ, въ которыхъ наиболѣе ознаменовался характеръ Державина, объяснить подробнѣе, какъ то:

Первое: графъ Чернышевъ (3) былъ порученъ ему въ опеку въ чрезвычайно-разстроенныхъ обстоятельствахъ, такъ что имѣніе далеко не равнялось количеству его долговъ, изъ коихъ большая часть была не справедлива, а въ томъ числѣ казенныхъ до 200,000 руб. Нечего было дѣлать, какъ от-

---

(1) Этотъ Апраксинъ женатъ былъ на гр. Катеринѣ Ивановнѣ Гендриковой.

(2) По этому случаю въ піесѣ *Урнѣ*, Державинъ говоритъ Шувалову:

Я твой питомецъ и судья.

(3) Графъ Григорій Ивановичъ, Обершенкъ († 1830).

дать все движимое и недвижимое имѣніе по раздѣламъ кредиторамъ, какъ то было предмѣстникъ его, графъ Сиверсъ, уже и сдѣлалъ, но въ такомъ случаѣ толь знатный домъ графовъ Чернышевыхъ долженъ былъ повергнуться въ бѣдственное уничиженіе, мужъ, жена, малыя дѣти, кормиться мірскимъ подаяніемъ. И такъ Державинъ рѣшился Императору послать письмо, въ которомъ объяснилъ несправедливость долговъ и незаконность обязательствъ, не токмо многихъ партикулярныхъ, но и высшаго казеннаго долгу; прося первые приказать разобрать въ судебныхъ мѣстахъ, а во вторыхъ если вовсе не взыскивать, то по крайней мѣрѣ безъ процентовъ. Таковая смѣлая просьба въ Павловы времена, чтобъ опорочивать казенный долгъ, была не шутка. Всѣ думали, что его пошлютъ въ Сибирь; но противъ всякаго чаянія, получилъ удивительный рескриптъ, въ которомъ Государь говорилъ, что, хотя и видитъ онъ представленіе попечителя справедливымъ, но почитаетъ самъ себя банкротомъ, и для того повелѣваетъ государственному казначею, казенный долгъ безъ процентовъ разсрочить на такое время, какъ изъ доходовъ можно будетъ заплатить его, безъ всякаго залога, подъ честное слово Державина; партикулярные долги если сумнительные, отослать на разборъ судебныхъ мѣстъ, а между тѣмъ родительскіе и справедливые долги заплатить, взявъ суммы изъ банка вновь подъ залогъ имѣнія. Такимъ образомъ вдругъ нерѣшимый узелъ всѣхъ долговъ графа Чернышева развязался ([1]): 1-е) Казенный долгъ безъ залогу и безъ процентовъ разсроченъ на 8 лѣтъ, потому что онъ былъ въ самомъ дѣлѣ несправедливъ, ибо нѣкто Диго, конторщикъ банкира Судерланда, взявъ отъ Чернышева вексель на расплату его партикулярныхъ долговъ, не заплатя, взнесъ оный въ кассу банкира на мѣсто полученныхъ имъ изъ казны для пересылки въ чужіе краи, когда открылось вышеписанное банкротство банкира Судерланда, почему и сталъ графъ Чернышевъ въ двойнѣ должнымъ,

(1) Императоръ Павелъ особенно былъ милостивъ къ отцу графа Чернышеву, графу Ивану Григорьевичу, котораго онъ между прочимъ пожаловалъ необыкновеннымъ титуломъ генералъ-фельдмаршала по флоту: графъ Чернышевъ никогда не служилъ ни въ военной, ни въ морской службѣ.

и казнѣ, и партикулярнымъ людямъ. 2-е) Партикулярныхъ кредиторовъ обязательства сумнительныя, велѣлъ препроводить на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ по законамъ. 3-е) Не смотря на запрещеніе, учиненное по симъ обязательствамъ, приказано банку выдать сумму на имѣніе графа Чернышева, доставшееся ему по наслѣдству отъ родителей и заплатить сперва долги родительскіе. а потомъ и сыновніе, которые окажутся не сумнительными. Въ слѣдствіе чего Державинъ разобралъ обязательства молодаго графа Чернышева и, подведя законы, открылъ ихъ истинное достоинство, по какому должны они быть заплаченными или уничтоженными, созвалъ кредиторовъ чрезъ публики и, положа съ одной стороны векселя ихъ съ примѣчаніями на оные, а съ другой положа ассигнаціи, занятыя изъ банка, оставшіяся за платежемъ родительскихъ долговъ, требовалъ ихъ согласія, хотятъ ли они за несправедливые по законамъ получить половинныя суммы, или отосланы быть въ судебныя мѣста для разбирательства по законамъ; поелику жъ обязательства, какъ выше сказано, были беззаконныя и сумнительныя, то большая часть кредиторовъ и согласились съ радостію принять половинныя суммы обязательствъ; но нѣсколько захотѣли подвергнуться судебному разсмотрѣнію, которыхъ оказалось не болѣе, какъ тысячь на сорокъ. И такъ однимъ разомъ масса на два милліона долговъ рѣшилась, кредиторы были всѣ довольны, а Чернышевъ остался въ двадцатипятилѣтній банкъ долженъ только до шести сотъ тысячь, да казнѣ и партикулярнымъ людямъ до 400, которые росписаны платежемъ въ годы, и въ правленіе Державина изъ доходовъ заплачены, оставалось только заплатить княгинѣ Дашковой 18 тысячь рублей, въ то самое время, когда, за платежемъ процентовъ въ банкѣ 50,000, Чернышевъ получалъ доходу около 70,000 рублей. Но при всемъ (томъ), по привычкѣ къ роскоши и къ мотовству, наскучилъ жить въ довольствѣ и покоѣ, пожелалъ быть свободнымъ отъ попечительства. Въ слѣдствіе чего Державинъ, взявъ отъ него квитанцію въ добропорядочномъ управленіи имѣніемъ его и въ полученіи имъ по отчетамъ суммъ, въ 1807 или 1808 годахъ освободилъ его отъ своей опеки, и онъ, послѣ

того, продавъ нѣсколько душъ, за всѣмъ тѣмъ сдѣлался должнымъ не менѣе почти, какъ прежде.

Второе произшествіе по третейскому разбирательству случилось не менѣе примѣчанія достойное, означающее характеръ Императора Павла и Державина. Оно было слѣдующее: князь Потемкинъ имѣлъ у себя въ Польшѣ мѣстечко Дубровку, купленную у князя Любомирскаго, въ которой была устроена имъ прекрасная суконная фабрика, которой управлялъ изъ пріязни, или лучше изъ раболѣпства, армейскій подполковникъ Маркловскій ([1]). Послѣ же смерти князя, вступили въ наслѣдство графъ Самойловъ съ прочими сонаслѣдниками и сонаслѣдницами. Маркловскій пріѣхалъ къ нимъ въ Петербургъ для расчета по фабрикѣ, и какъ въ то время былъ графъ Самойловъ генералъ-прокуроромъ и въ великомъ случаѣ при дворѣ, то натурально и не весьма уважалъ управителя фабрики, и какъ онъ имѣлъ счетъ по неполученію обѣщаннаго жалованья и по прочимъ издержкамъ на князя, то Самойловъ не токмо не заплатилъ ему требуемыхъ имъ суммъ, но, сдѣлавъ притѣсненіе, исходатайствовалъ отъ Императрицы указъ,—чтобъ счесть его въ Могилевской казенной палатѣ, будто по казенному управленію, куды и отосланъ былъ въ кибиткѣ подъ присмотромъ офицера. Натурально, въ угодность сильнаго, можетъ быть, сдѣланы ко вреду его многія натяжки; но какъ бы ни было, онъ считалъ себя обиженнымъ и неудовлетвореннымъ. Въ такомъ положеніи дѣло застала смерть Императрицы. Обстоятельства перемѣнились, Маркловскій сталъ посмѣлѣе говорить и угрожать жалобою Императору. Графъ Самойловъ испугался, и прибѣгли оба къ посредству Державина, чтобъ онъ разобралъ ихъ третейскимъ разбирательствомъ, который потребовалъ отъ нихъ съ каждой стороны объясненіевъ и документовъ, по чему кто себя правитъ. Они представили кратчайшіе, изъ которыхъ однако примѣчались уже со стороны Маркловскаго излишнія требованія, а со стороны

---

(1) Этотъ Маркловскій былъ потомъ пожалованъ въ бароны. Онъ скоро сошелъ со сцены, вмѣстѣ съ многими случайными людьми Павлова царствованія.

Самойлова спѣсь и самоуправство, что не хотѣлось ему и малаго сдѣлать удовлетворенія. Въ такомъ случаѣ не было надежды къ добровольному примиренію, а надобно было рѣшить властію, которою обвиненный всегда почитается не справедливымъ. А потому и требовалъ посредникъ отъ нихъ на законномъ основаніи, отъ крѣпостныхъ дѣлъ, записи, чтобъ безъ всякихъ отговорокъ рѣшеніе его исполнили. Маркловскій на сіе согласился; но графъ Самойловъ не хотѣлъ себя подвергнуть сему обязательству; а говорилъ, что онъ и безъ записи исполнитъ положеніе суда. Державинъ, знавъ его къ колебанію склонный нравъ, не хотѣлъ вотще употреблять труда своего; а для того отъ посредничества отказался. Скоро послѣ того дворъ отправился въ Москву для коронаціи, и графъ Самойловъ туды поѣхалъ. Тамъ снискалъ онъ, по своему старому знакомству и связямъ, придворныхъ пріятелей между приближенными Императору, какъ то: генералъ прокурора тогда бывшаго, князя Куракина и прочихъ; а потому и мало заботился о удовлетвореніи Маркловскаго, который былъ принятъ въ службу и находился въ Твери комендантомъ. При возвращеніи двора въ Петербургъ, снискалъ онъ знакомство у извѣстнаго господина генерала Дибича (1), вступившаго въ Россійскую службу изъ Пруссіи и обучавшаго гвардію строевымъ эволюціямъ на манеръ Прусской, котораго Государь, по пристрастію къ сей націи, подобно какъ и родитель его Петръ третій, очень любилъ. Почему, поруча въ покровительство его и графа Палена, бывшаго тогда военнаго губернатора, жену свою, отправился въ Петербургъ, возобновилъ дѣло съ графомъ Самойловымъ третейскимъ судомъ; ибо по присутственнымъ мѣстамъ, не было способу ни начать, ни продолжать его; ибо у Маркловскаго съ княземъ Потемкинымъ не было никакого письменнаго акта на управленіе фабрикою, ни на положеніе отъ него жалованья, ни на кредитъ дѣлать долги на счетъ его, слѣдовательно только по совѣсти принявъ въ документы нѣкоторыя письма и обстоятельства, что подчиненный волю главнаго своего начальника и толь

(1) Отецъ фельдмаршала, выписанный изъ Берлина.

могущаго вельможи исполнять былъ долженъ по неволѣ, Маркловскій право свое имѣть могъ. По таковымъ обстоятельствамъ опять Маркловскій чрезъ жену свою прибѣгъ къ суду Державина, на что и Самойловъ согласился. Державинъ паки требовалъ по порядку доказательствъ съ обѣихъ сторонъ и записи; но не успѣлъ еще получить оныхъ, какъ Маркловскій пріѣхалъ въ Петербургъ, привезя съ собою для усмотрѣнія Императора мундирные образчики суконъ, которыя съ апробованными не были сходны. Симъ очень онъ угодилъ Государю, и по сей то причинѣ генералъ Кригсъ-коммисаръ князь Сибирскій ([1]) былъ сосланъ почти безъ суда на каторгу въ Сибирь, а Маркловскій получилъ довѣріе, и, будучи у него въ одно время въ кабинетѣ, по предваренію Дибича, а можетъ быть и графа фонъ-деръ Палена, осмѣлился пожаловаться на графа Самойлова о своей ему обидѣ и что онъ не можетъ по своимъ просьбамъ нигдѣ удовлетворенія (получить). Государь приказалъ Палену, чтобъ Самойловъ тотчасъ удовлетворилъ Маркловскаго, а ежели онъ будетъ отговариваться неимѣніемъ на тотъ разъ денегъ, то чтобъ сорвалъ съ жены его бриліанты и отдалъ Маркловскому. Графъ Самойловъ, услыша такое строгое повелѣніе, бросился къ графу Кутайцову, къ любимцу камердинеру или гардеробъ-мейстеру, который былъ въ первыхъ чинахъ и въ Андреевской лентѣ, и также къ возведенному имъ въ генералъ-прокуроры, господину Обольянинову, прося, чтобъ не столь круто поступили съ нимъ, ссылался на зачатый имъ у Державина третейскій судъ. Сіи два любимца упросили Императора, чтобъ онъ отмѣнилъ приказаніе свое, данное графу Палену, и дозволилъ разобраться судомъ посредническимъ; но какъ записи еще не сдѣлано было, то продолжалось дѣло нѣсколько дней безъ производства. Маркловскій въ одно утро просилъ Державина о скорѣйшемъ окончаніи, Державинъ отвѣтствовалъ, что коль скоро запись будетъ, то онъ не умедлитъ рѣшеніе. Маркловскій отъ него поѣхалъ во дворецъ. Тамъ самъ ли Императоръ спросилъ объ удовольствованіи его, или Маркловъ-

(1) Василій Өедоровичь.

скій жаловался на продолженіе; но только въ то же утро, когда Державинъ пріѣхалъ въ Сенатъ, прискакалъ къ нему безъ души адьютантъ императорскій князь Гагаринъ, котораго жена была фавориткой его Величества, и объявилъ ему волю Государя, чтобъ совѣстное дѣло Марклоскаго съ Самойловымъ непремѣнно въ тотъ день рѣшено было въ пользу послѣдняго, а ежели оно такъ не рѣшится, то изъ имѣнія его Державина Маркловскій удовольствованъ будетъ. Державинъ, получивъ такое повелѣніе, изумился и хладнокровно съ огорчительною усмѣшкою отвѣтствовалъ: «донесите Его Величеству, что воля Его исполнена будетъ; но въ случаѣ какой ошибки по скорости, не угодно ли Его Величеству будетъ принять предъ Всевышнимъ Судьею отвѣтственность на себя.» Послѣднихъ съ горечью выговоренныхъ словъ, чаятельно, князь Гагаринъ, будучи весьма благонамѣренный и добрый человѣкъ, не донесъ Императору. Какъ бы то ни было, Державинъ въ крайнемъ былъ смущеніи и не зналъ, какъ въ нѣсколько часовъ столь запутанное совѣстное дѣло, требующее осторожнаго соображенія и въ пользу непремѣнно одного изъ тяжущихся безпогрѣшительно рѣшить; поѣхалъ домой придумать какое либо къ тому удобнѣйше средство. Нашелъ, что военный губернаторъ графъ Паленъ былъ у него и хотѣлъ его видѣть. По тогдашнему строгому и крутому правленію, домашніе перепугались, предполагая быть какому гнѣву Государя; но тогда же получилъ письмо отъ него г. Палена, который объявляетъ ему Императора ту же самую волю, которую объявилъ и адьютантъ Гагаринъ, то есть, чтобъ въ сутки рѣшить дѣло въ пользу Маркловскаго, въ противномъ же случаѣ пожертвуетъ своимъ имѣніемъ. И такъ тотчасъ призываетъ онъ къ себѣ главнаго наслѣдника графа Самойлова и всѣхъ другихъ, бывшихъ наличныхъ въ Петербургѣ, какъ то: князя Юсупова, Дѣйствительныхъ Тайныхъ Совѣтниковъ Петра (Амплеича) Шепелева, по довѣренности супругъ ихъ, Василія Васильевича Енгельгардта и прочихъ, которымъ пересказываетъ словесное повелѣніе Императора и наконецъ письменное, полученное отъ графа Палена, предлагая, чтобъ они или несправедливо рѣшились удовлетворить хотя поло-

виною иска Маркловскаго, котораго было 120 тысячь; то есть, что причиталось ему получить, полагая по 7 тысячь на годъ будто обѣщаннаго ему княземъ жалованья; а другую половину 60 тысячь, т. е. на счетъ князя безъ довѣренности долговъ разнымъ людямъ насчитанныхъ, будетъ стараться имѣющимися у него документами уничтожить. Всѣ они на это согласились. И такъ призвали Маркловскаго, который никакимъ образомъ не соглашался получить половину иска. И такъ, что̀ было дѣлать? Приговорить весь заплатить крайняя была бы несправедливость, которая легла бы вѣчно на совѣсти, а сверхъ того подвергнулся бы стыду и поношенію, что изъ трусости, какъ низкаго духа человѣкъ, предалъ въ жертву безсильныхъ сильному; съ другой же стороны заступить невинность справедливымъ рѣшеніемъ, отказавъ весь искъ Маркловскому, какъ ни чѣмъ недоказанный, было бъ въ правленіе Императора Павла крайнее неблагоразуміе; а потому и придумывалъ способы, какъ бы кончить процессъ миролюбіемъ, а не своимъ приговоромъ, и наконецъ, по тончайшимъ соображеніямъ всѣхъ здѣсь видимыхъ обстоятельствъ, усмотрѣлъ, что предъ тѣмъ за годъ было дѣло у тѣхъ же сонаслѣдниковъ съ княземъ Любомирскимъ, котораго было мѣстечко Дубровка, гдѣ была каменная суконная фабрика и продана князю Потемкину, и какъ деньги были не всѣ заплачены, то происходилъ между тѣмъ княземъ и сонаслѣдниками расчетъ въ суммахъ, который рѣшенъ третейскимъ судомъ и конфирмованъ Императоромъ. Изъ сего рѣшенія видно, что всѣ долги по Дуброзкѣ и фабрикѣ принялъ Любомирскій на себя, а прочіе то есть, по обязательствамъ на имя князя Потемкина, графъ Самойловъ, съ сонаслѣдниками, каковыхъ Дубровинскихъ долговъ насчитывалось тоже до шестидесяти жъ тысячь; слѣдовательно и выходило само по себѣ, когда 60 тысячь наслѣдники согласились заплатить добровольно, а шестьдесятъ тысячь приняты по третейскому суду, утвержденному Императоромъ, княземъ Любомирскимъ, отъ чего онъ и отговориться не можетъ. Обѣ стороны на сіе согласились. Въ слѣдствіе чего и написанъ приговоръ, въ которомъ сказано, что, по предложенію Державинымъ миролюбія, платятъ они

тотъ часъ 60 тысячь, а достальныя предоставляютъ получить съ Любомирскаго по его въ бывшемъ третейскомъ судѣ согласію. Сей приговоръ графомъ Самойловымъ и всѣми сонаслѣдниками подписанъ; но какъ пришло къ подпискѣ Маркловскаго, то онъ началъ насчитывать и требовать 30,000 рублей, говоря, что онъ безъ того не подпишетъ приговора, стращая графомъ Паленомъ. Тутъ Державинъ вышелъ изъ себя, и забывъ строгость императорскаго приказанія и покровительство Маркловскаго Паленомъ и Дибичемъ, сказалъ Маркловскому въ лицо, что онъ бездѣльникъ, что искъ его затѣйный, доказывается сіе собственнымъ его письмомъ, въ которомъ онъ увѣдомляетъ одного своего пріятеля, что онъ въ вѣдомости на имя его показалъ должнымъ князя Потемкина 18-т. р., то чтобъ онъ сіе, когда будетъ спрошенъ, подтвердилъ; но тотъ сего не подтвердилъ и отдалъ письмо его графу Самойлову, а сей Державину, при первомъ еще желаніи разобраться третейскимъ судомъ, про которое онъ Самойловъ и Державинъ совсѣмъ было забыли; но при семъ послѣднемъ разбирательствѣ Державинъ, вспомнивъ, не показалъ его съ умыслу, дабы не показать Маркловскому вида, что онъ противной стороны, и не подать тѣмъ поводу къ какимъ либо клеветамъ и ухищреніямъ, при сильномъ покровительствѣ самаго Императора, отдалить его отъ разбирательства сего дѣла, предоставляя себѣ то письмо показать при самомъ послѣднемъ рѣшеніи и, изобличивъ Маркловскаго неожиданнымъ образомъ въ его плутовствѣ, сдѣлать его безгласнымъ, что онъ и сдѣлалъ. Прочетши то письмо громогласно, спросилъ Маркловскаго, хочетъ ли онъ, чтобъ то письмо показано было Императору; словомъ, ежели онъ не подпишетъ миролюбія, онъ сейчасъ ѣдетъ во дворецъ и увѣренъ въ правосудіи Государя, что онъ Маркловскій не токмо не получитъ своего иска, но будетъ отправленъ въ Сибирь, какъ изобличенный бездѣльникъ. Маркловскій, увидя свое письмо и твердую рѣшимость Державина, защищающаго правдою невинность, затрясся, поблѣднѣлъ и, не говоря ни слова, подписалъ приговоръ. Въ 7 часовъ утра, отправилъ Державинъ чрезъ графа Палена рапортъ Государю и приономъ, за подписаніемъ обѣихъ

сторонъ тяжущихся, приговоръ, также при доношеніи въ Сенатъ, и списки такіе жъ далъ на обѣ стороны. Такимъ образомъ сіе ябедническое дѣло кончено. Государь былъ очень доволенъ, что повелѣніе его въ толь короткое время исполнено, а Державинъ не подвергался никакимъ пересудамъ, ибо миролюбіемъ, а не его однимъ приговоромъ, окончилъ оное.

Въ прошломъ годѣ, предъ симъ дѣломъ, по тайной интригѣ, что долженъ былъ рѣшительный приговоръ послѣдовать въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената о взысканіи съ Тамбовскаго купца Бородина по вышеупомянутому винному откупу 300,000 рублей, по жалобѣ стряпчаго, котораго государственный казначей графъ Васильевъ покровительствовалъ, да и вся партія графа Гудовича и Заводовскаго, и какъ боялись противнаго мнѣнія Державина, по коего приказанію, въ бытность его въ Тамбовѣ губернаторомъ, губернскій стряпчій вошелъ въ искъ на Бородина, то бывши тогда генералъ прокуроромъ князь Лопухинъ, будучи упрошенъ помянутой партіей, хитрымъ образомъ удалилъ Державина въ Бѣлорусію въ имѣніе генерала Зорича, находящемся въ Шкловѣ, якобы по дошедшимъ на него до престола жалобамъ отъ тамошнихъ Евреевъ, или какъ извѣстно всѣмъ было, что любимцу Императора, вышесказанному гардеробъ-мейстеру Кутайцову, чрезвычайно хотѣлось то Зоричево имѣніе за дешевую цѣну себѣ присвоить, а потому Лопухинъ, какъ тесть Кутайцову, благопріятствуя ему въ семъ намѣреніи, и избралъ Державина, какъ человѣка знающаго дѣла и по его мнѣнію жестокаго къ совершенію сего ихъ замысла, въ чаяніи тѣмъ два удара сдѣлать: 1) удалить его отъ суда Бородинскаго дѣла, 2) угодить Кутайцову, который Державина побочнымъ образомъ чрезъ своихъ пріятелей наклонялъ, чтобъ, утѣсня Зорича, имѣніе его ему за дешевую цѣну доставить. И такъ Державинъ долженъ былъ ѣхать въ Бѣлоруссію для слѣдствія по жалобѣ Шкловскихъ Евреевъ на Зорича и для изысканія причинъ возстанія нѣкотораго селенія противу Нижняго Земскаго Суда, по указу Губернскаго Правленія, долженствующаго привесть въ исполненіе приговоръ Гражданской Палаты, относительно ввода

во владѣніе нѣкотораго помѣщика по гражданскому спорному дѣлу. Пріѣхавъ въ Шкловъ, сколько ни старался изыскивать такихъ правильныхъ причинъ притѣсненія Жидовъ Зоричемъ, по коимъ можно было подвергнуть его не только лишенію имѣнія, но и суду обыкновенному; ибо естьли Евреи имѣли какіе либо виды къ жалобамъ владѣльца, то онъ не менѣе на нихъ въ неисполненіи ихъ обязанностей; поелику же приказано было въ повелѣніи Государя относиться въ сумнительныхъ случаяхъ къ его Величеству, то и писалъ Державинъ къ нему о многомъ, а сіе ему тотчасъ наскучило, то чрезъ бывшаго тогда генералъ-прокурора Беклешова (1) велѣно было ему, оставя слѣдствіе, возвратиться въ Петербургъ, что онъ и исполнилъ, учиня изслѣдованіе о показанномъ буйствѣ Нижнему Земскому Суду деревни Березятни, которое произошло ни отъ чего болѣе, какъ отъ несообразности Польскихъ законовъ съ Русскими: напримѣръ, въ Польскихъ не было ни Губернскаго Правленія, ни градской, ни сельской полицій, судная и исполнительная власть заключалась въ главномъ и повѣтовомъ судахъ нераздѣльно, и ихъ только повелѣнія исполнялись; а по Русскому учрежденію о управленіи губерній палаты и уѣздные суды судили, но приводило въ исполненіе рѣшенія ихъ Губернское Правленіе чрезъ капитановъ-исправниковъ и городничихъ, то когда по просроченной записи на деревню Березятню графа Толя, предписало Губернское Правленіе отдать во владѣніе помѣщику, имѣвшему запись; повѣренной или прикащикъ графа, по Польскимъ законамъ, цыдулою своею боронилъ или не допустилъ Нижняго Земскаго Суда до исполненія указа, а отъ того вышла драка, въ которой прибитъ капитанъ-исправникъ и служители сельской полиціи. Изыскавъ сіе, донесъ по пріѣздѣ въ Петербургъ съ подробнымъ объясненіемъ сего неустройства Правительствующему Сенату; но къ крайнему удивленію ничего изъ сего не вышло къ исправленію сего великаго въ землѣ безпорядка, отъ котораго происходило не токмо много ссоръ и тяжбъ, но и самыхъ

(1) *Александръ Андреевичъ Беклешовъ* (1743—1808), въ послѣдствіи Московскій главнокомандующій.

убивствъ. Въ бытность генераломъ-прокуроромъ старался было Державинъ о поправленіи всѣхъ таковыхъ неудобствъ, происходившихъ отъ разности законовъ пріобрѣтенныхъ завоеваніемъ провинцій; но съ сожалѣніемъ или стыдомъ признаться должно, что никто ни о чемъ касательно общаго блага отечества, кромѣ своихъ собственныхъ пользъ и роскоши, не пекся, то и было правленіе, такъ сказать, въ летаргіи или въ параличѣ, и не знаю, что̀ Богъ сдѣлаетъ при наступившемъ теперь несчастіи, или переворотѣ ([1]), одумаются ли правительствующія головы и приложатъ ли всевозможное попеченіе о должномъ во всѣхъ частяхъ правленія порядкѣ и непоколебимости отечества

Въ наступившемъ 1798 году, Державинъ получилъ, по избранію самаго Императора, кромѣ ввѣренныхъ опекъ графини Брюсъ, князя Голицына и госпожи Колтовской, новыя коммиссіи, а именно въ Маѣ мѣсяцѣ велѣно было ему ѣхать въ Вятскую губернію для слѣдованія посыланныхъ туда сенаторовъ Ивана Володимíровича Лопухина и Матвѣя Григорьевича Спиридова, которые въ рапортахъ своихъ Императору донесли о нѣкоторыхъ сдѣланныхъ ими положеніяхъ противъ законовъ и не соотвѣтственно данной имъ власти. Но Державинъ искусно умѣлъ отъ сей хлопотливой посылки отдѣлаться, сказавъ, что онъ сей часъ готовъ ѣхать, но думаетъ, что не будетъ никакой въ томъ пользы, но напротивъ можетъ выйти изъ сего новое слѣдствіе, для того, что одинъ сенаторъ противъ двухъ сенаторовъ вѣроятія правительства не заслужитъ, ежели онъ и дѣйствительно найдетъ какіе ихъ безпорядки, а лучше пусть Правительствующій Сенатъ, сообразивъ сдѣланное ими съ законами и найдя ихъ самыя погрѣшности, ихъ прикажетъ исправить, тогда они не столько могутъ обидиться, какъ тѣмъ, чтобы одинъ равный имъ собрать сдѣлалъ. Уважено было сіе разсужденіе, и посылка безъ всякаго гнѣва Императорскаго отмѣнена. Но только лишь сія исторія прошла, поручена, по имянному же указу, вышеупомянутая опека Г-жи Колтовской, которая была вельми щекотлива,

---

(1) Державинъ писалъ эти записки въ 1812 году, въ самое время войны.

потому что Императоръ ее полюбилъ, и хотѣлъ, по его нраву, круто благосостояніе ея исправить; словомъ опека сія въ послѣдствіи времени, какъ ниже увидимъ, имѣла важное вліяніе на устройство всего государственнаго состава относительно производства дѣлъ. Не успѣлъ сего указа не только выполнить, но и собрать по немъ нужныя свѣдѣнія о имѣніяхъ и дѣлахъ госпожи Колтовской, какъ получилъ еще имянный указъ ѣхать тотчасъ въ Бѣлоруссію и, по оказавшемуся тамъ великому въ хлѣбѣ недостатку, сдѣлать такія распоряженія, чтобъ не умирали обыватели съ голоду. Ни денегъ на покупку хлѣба, ни другихъ какихъ пособій не дано, а велѣно казенныя староства, пожалованныя владѣльцамъ на урочные годы, повѣрить съ ихъ контрактами, и ежели гдѣ оные во всей силѣ не соблюдены, то отобрать тѣ имѣнія по прежнему въ казенное вѣдомство. Но и собственные владѣльческіе крестьяне, ежели гдѣ усмотрѣны будутъ не снабденными отъ владѣльцевъ хлѣбомъ и претерпѣвающіе голодъ, то отобравъ отъ нихъ, отдать подъ опеку. Равно изслѣдовать поведеніе Евреевъ, не изнуряютъ ли они поселянъ въ пропитаніи ихъ обманами, и искать средствъ, чтобъ они, безъ отягощенія послѣднихъ, сами трудомъ своимъ пропитывать себя могли. Державинъ, пріѣхавъ въ Бѣлоруссію, само-лично дознал великій недостатокъ у поселянъ въ хлѣбѣ, или лучше самый сильный голодъ, что питались почти всѣ пареною травою, съ пересыпкою самымъ малымъ количествомъ муки или крупъ. Въ отвращеніе чего, развѣдавъ у кого у богатыхъ владѣльцевъ въ запасныхъ магазейнахъ есть хлѣбъ, на основаніи указа Петра Великаго 1722 года, (велѣлъ) взять заимообразно и раздать бѣднымъ съ тѣмъ, чтобъ, при приближающейся жатвѣ, немедленно такое же количество возвратить тѣмъ, у кого что взято. А между (тѣмъ) проѣзжая деревни г. Огинскаго, подъ Витебскомъ находящіяся, зашелъ въ избы крестьянскія, и увидѣвъ, что они ѣдятъ пареную траву, и такъ тощи и блѣдны, какъ мертвые, призвалъ прикащика и спросилъ, для чего крестьяне доведены до такаго жалостнаго состоянія, что имъ не ссужаютъ хлѣба. Онъ, вмѣсто отвѣта, показалъ мнѣ повелѣніе господина, въ которомъ повелѣвалось

непремѣнно съ нихъ собрать, вмѣсто подводъ въ Ригу, всякой годъ посылаемыхъ, по два рубли серебромъ. Вотъ, сказалъ притомъ, ежели бы и нашлись у кого какія денжонки на покупку пропитанія, то исполнить должно сію господскую повинность. Усмотря таковое немилосердое сдирство, послалъ тотчасъ въ Губернское Правленіе предложеніе, приказалъ сію деревню графа Огинскаго взять въ опеку, по силѣ даннаго ему имяннаго повелѣнія. Услыша таковую строгость, дворянство возбудилось отъ дремучки или, лучше сказать, отъ жестокаго равнодушія къ человѣчеству, употребило всѣ способы къ прокормленію крестьянъ, доставъ хлѣба отъ сосѣдственныхъ губерній. Также свѣдавъ, что Жиды изъ своего корыстолюбія, выманивая у крестьянъ хлѣбъ попойками, обращаютъ оный паки въ вино и тѣмъ оголожаютъ, приказалъ винокуренные заводы ихъ въ деревнѣ Легнѣ запереть, и прочія сдѣлалъ распоряженія, сберегающія и пособляющія къ промыслу хлѣба. А какъ было уже это въ исходѣ Іюня и чрезъ два мѣсяца поспѣвала жатва, то разными способами пробавившись до оной, пресѣкъ голодъ. Въ теченіи сего времени, разъѣзжая по губерніи, далъ приказаніе капитанъ-исправникамъ и повѣтовымъ маршаламъ, переосвидѣтельствовать всѣ казенные староства и повѣрить ихъ съ контрактами; относительно жъ крестьянскаго имущества, угодій, скота и пашенной земли, не остались ли оныя у васъ (у нихъ?) противъ того количества, съ каковымъ приняты изъ казны въ частное содержаніе; а чтобы они сіе сдѣлали безъ всякаго подлога, съ наилучшею вѣрностію, то обѣщалъ репорты ихъ и вѣдомости лично самъ въ селеніяхъ повѣрить съ натурою, что онъ по нѣкоторымъ важнымъ староствамъ и учинилъ дѣйствительно, и тѣмъ самымъ привелъ въ такой страхъ предводителей, исправниковъ, прикащиковъ и самыхъ поселянъ, что никто не смѣлъ ничего солгать. Такъ же, во время сего объѣзда своего, собралъ свѣдѣнія отъ благоразумнѣйшихъ обывателей, отъ Езуитской академіи, всѣхъ присудственныхъ мѣстъ, дворянства и купечества и самыхъ казаковъ, относительно образа жизни Жидовъ, ихъ промысловъ, обмановъ и всѣхъ ухищреній и уловокъ, коими они уловляютъ и оголожаютъ глупыхъ и

бѣдныхъ поселянъ, и какими средствами можно оборонить отъ нихъ несмысленную чернь, а имъ доставить честное и незазорное пропитаніе, водворя ихъ въ собственные свои города и селенія, учинить полезными гражданами. Равнымъ образомъ, какъ поправить въ Бѣлоруссіи хлѣбопашество, которое весьма небрежно отправляется. Всѣ таковыя свѣдѣнія, какъ объ арендахъ, такъ и Евреяхъ велѣлъ себѣ доставить къ 1-му Сентябрю въ Витебскъ, куды къ сему времени пріѣхавъ, сочинилъ о Евреяхъ обстоятельное мнѣніе, основанное на ссылкахъ историческихъ, общежительскихъ свѣдѣніяхъ и канцелярскихъ актахъ; а объ арендахъ—табель, изъ которой ясно видно, въ каждомъ старостве какое число душъ, земли, угодій, скота и прочаго имущества было принято арендаторами изъ казны и дѣйствительно существующихъ.

Въ сіе время получено имянное повелѣніе принять въ свое попечительство вышесказанное Шкловское имѣніе генералъ-маіора Зорича, то между тѣмъ, какъ мнѣніе о Евреяхъ и табель переписывались на бѣло, ѣздилъ въ Шкловское имѣніе для принятія онаго въ свое вѣдомство отъ опекуновъ, графа Толстаго и помѣщика Чаглица. Сдѣлавъ нужное тамъ распоряженіе, поѣхалъ обратно въ Шкловъ, а отъ туда въ Петербургъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Надобно замѣтить, что по симъ тремъ порученіямъ, т. е. прокормленію губерніи, описанію старостъ и описанію Евреевъ, скорое и основательное исполненіе императорскихъ повелѣній доставило Державину въ Августѣ еще мѣсяцѣ не токмо что въ рескриптахъ монаршее благоволеніе, но и чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и орденъ, тогда бывшій въ великой модѣ, Малтійскій Іоанна Іерусалимскаго. Случилась также и непріятность дворянства за то, что велѣлъ онъ имъ кормить своихъ крестьянъ и наложилъ на имѣніе Огинскаго опеку. Сдѣлали комплотъ или стачку и послали на Державина оклеветаніе къ Императору, но согласительныя ихъ письма переловлены и доставлены въ Петербургъ. Императоръ по пылкому своему нраву подумалъ, что замышляютъ на него бунтъ, приказалъ было, по сообщенію Державина, военнымъ начальникамъ, находящимся

съ полками въ Полоцкѣ, дѣйствовать военною рукою, но Державинъ представленіями своими его успокоилъ. Губернскій только предводитель статскій совѣтникъ Зарянко сосланъ былъ въ ссылку въ Тобольскъ; но едва туды доѣхалъ, то былъ освобожденъ по ходатайству Державина, при вступленіи на престолъ Императора Александра.

Исполненіемъ сихъ коммиссій Державинъ пришелъ было у Императора Павла въ великое уваженіе и довѣренность. Не успѣлъ онъ по повелѣнію его возвратиться въ Петербургъ, какъ и сдѣланъ паки президентомъ Коммерцъ-Коллегіи. Въ Августѣ еще мѣсяцѣ, на возвратномъ пути, заѣхалъ въ Гатчино, и остановился, по благопріятству къ нему тогдашняго генералъ-прокурора Петра Хрисанѳича Обольянинова во дворцѣ, въ его покояхъ. Тутъ хозяинъ объявилъ ему, что онъ Президентъ Коммерціи, чего Державинъ до того времени не зналъ. Сей удивился и спросилъ, по какой причинѣ палъ на него сей выборъ Императора? Обольяниновъ отвѣтствовалъ, что предмѣстникъ его князь Гагаринъ подозрѣвается имъ покровительствующимъ Агличанамъ, которыхъ онъ не терпитъ и не имѣетъ къ нему большой довѣренности, то и нашелъ достойнымъ васъ. — Но гдѣ же Гагаринъ? — онъ сдѣланъ Министромъ Коммерціи, а вы Президентомъ съ полною довѣренностью. — Въ чемъ же та состоитъ довѣренность? — Тогда генералъ-прокуроръ показалъ печатную инструкцію, изъ которой Державинъ усмотрѣлъ, что министръ управляетъ Коммерціею, опредѣляетъ и отрѣшаетъ непосредственно чиновниковъ, смотритъ за таможнями, дѣлаетъ предписаніе консуламъ, составляетъ торговые трактаты и тарифъ и предлагаетъ, по конфирмаціи, Коллегіи, которая всѣ его распоряженія исполняетъ, а буде усмотритъ что́ противное законамъ и пользѣ государственной, доноситъ о томъ Сенату. Впрочемъ наблюдаетъ порядокъ въ производствѣ дѣлъ и хранитъ ихъ въ архивѣ. Гдѣ же, Державинъ сказалъ, полная ко мнѣ довѣренность? я ничто иное, какъ рогожное чучало, которое будутъ набивать бумагами, а голова, руки и ноги, дѣйствующіе коммерціею—князь Гагаринъ. — Такъ угодно было Государю, измѣнясь въ лицѣ, отвѣтствовалъ генералъ - прокуроръ. Опослѣ Державинъ узналъ, что

Государь имѣлъ полную довѣренность къ Державину по извѣстному всѣмъ безкорыстію его, и хотѣлъ президента Коллегіи по исполнительной части уважить, а министра учредить для изобрѣтенія лучшихъ средствъ къ распространенію оной; но по придворной интригѣ, что князя Лопухина дочь была любовница императорская, которою посредствовалъ ему, по дружбѣ съ отцомъ, князь Гагаринъ, слѣдовательно и состоялъ подъ покровительствомъ ея, а потому въ угодность ей самъ Императоръ таковую инструкцію велѣлъ сочинить, или генералъ-прокуроръ, въ угодность ей же и Кутайцову, за котораго сыномъ была дочь Лопухина, вмѣстѣ съ Лопухинымъ и Гагаринымъ составили. Или Императоръ, зная строгія правила Державина слѣдовать во всемъ законамъ и не уступать въ томъ никому, то нарочно поставилъ его съ княземъ Гагаринымъ въ такомъ соотношеніи, чтобъ онъ съ нимъ ссорился и выводилъ дѣла его наружу, дабы удобнѣе ему было, по пословицѣ, чужими руками жаръ загребать, а какъ сіе ближе было другихъ причинъ къ истинѣ, то Державинъ, переговоря съ Гагаринымъ, условились не дѣлать ничего прежде публично, пока другъ съ другомъ не согласятся, дабы не быть жертвами такого непріязненнаго замысла. Такимъ образомъ пошло у нихъ дѣло гладко и безссорно. Пространно бы было описывать всѣ несообразныя повелѣнія; но скажу въ кратцѣ о трехъ. *Первое*, приказалъ, въ Коллегіи, въ общемъ собраніи знатныхъ купцовъ и адмирала Кушелева (1), сдѣлать постановленіе о внутреннемъ судоходствѣ, то есть какой конструкціи гдѣ строить суда, къ хожденію по рѣкамъ удобнѣйшія, въ слѣдствіе чего въ собраніи Коллегія объявила свое мнѣніе, адмиралъ свое, а купечество свое, и какъ въ указѣ предположено не было, въ случаѣ разныхъ мнѣній представить Сенату, а поднести прямо Государю: то и вышла его резолюція, надписанная его рукою надъ всѣми тѣми мнѣніями: быть по сему. Никто не осмѣлился

---

(1) Григорій Григорьевичъ Кушелевъ, впослѣдствіи графъ, женатый на кн. Безбородко, былъ одинъ изъ Гатчинскихъ любимцевъ Императора Павла.

спросить объясненія, такъ напечатано и публиковано. *Второе*, приказалъ непремѣнно узнать, въ какое время Англійскихъ капиталовъ болѣе у насъ въ Россіи, нежели нашихъ въ Англіи, для того, чтобъ, какъ опослѣ открылось, въ удобнѣйшее время наложить на ихъ товары амбарго; а какъ таковое же приказаніе прежде дано было и князю Гагарину, и, противъ всѣхъ политическихъ просвѣщенныхъ народовъ правъ, отбираны были и ревизованы иностранныхъ книги, по которымъ истины не нашли, для того, что они настоящія скрыли, и представили поддѣльныя, то Державину и не хотѣлось быть исполнителемъ такого съ одной стороны несообразнаго, а съ другой безполезнаго приказанія; отговорился, но подвергнуть себя вящему гнѣву, нежели подъ какой князь Гагаринъ за то же самое попадалъ, не хотѣлъ, то, безъ всякаго сумнѣнія, чрезъ генералъ прокурора донесъ его Величеству, что онъ сіе тотчасъ исполнитъ. Въ слѣдствіе чего и приказалъ всѣмъ маклерамъ всякой день въ 6-мъ часу поутру являться къ нему и рапортовать объ своихъ записныхъ книгахъ и куды сколько денегъ переведено ими въ чужіе краи, хотя зналъ онъ, что таковою крутою или лучше сказать смѣшною экзекуціею вѣрнаго о капиталахъ баланса узнать не можно было, ибо маклеры съ одной стороны въ книжкахъ своихъ писать могли не всегда правду, а съ другой о переведенныхъ въ Россію суммахъ безъ купеческихъ книгъ и вовсе знать не можно было; но таковымъ шумнымъ дѣйствіемъ Державинъ думалъ, какъ говорится, бросить пыль въ глаза Императору, что приказанія его ревностно исполняются, чѣмъ и былъ онъ безмѣрно доволенъ. Однакоже не выдержалъ нетокмо что ни одного мѣсяца, ниже недѣли, приказалъ наложить амбарго. *Третье*, во время сего захваченія Англійскихъ товаровъ, пожаловался Государю одинъ Лифляндскій дворянинъ, что въ Англіи будто несправедливо у него оставленъ корабль съ товарами, до 700,000 р простирающимися. Государь, не приказавъ ни переписаться ни выправиться ни съ кѣмъ, велѣлъ Англинскимъ купцамъ, здѣсь находящимся, заплатить сію сумму претенденту и поручилъ сіе исполнить въ 24 часа непремѣнно Державину, который, съ возможною

кротостью и снисхожденіемъ, собравъ тѣхъ купцовъ, объявилъ имъ волю Императора; но какъ тогда сильный шелъ ледъ по Невѣ и никоимъ образомъ нельзя было имъ за деньгами переѣхать чрезъ Неву, которыя у нихъ въ конторахъ хранились на Васильевскомъ острову, то они дали честное слово, коль скоро сганетъ рѣка, взнесть деньги. Державинъ репортовалъ, что́ получилъ. Сіе было дошло до Государя, который велѣлъ истребовать ихъ генералъ-прокурору; къ счастію, что въ ночь рѣка остановилась, деньги купцами взнесены, и Державинымъ генералъ-прокурору отосланы. Провидѣніе его берегло во всякихъ таковыхъ случаяхъ; но возвратимся для нѣкоторыхъ не безважныхъ обстоятельствъ, чтобъ соблюсти цѣпь происшествій, къ пріѣзду Державина изъ Бѣлоруссіи въ Гатчино.

Пріѣхавъ, подалъ онъ чрезъ генералъ-прокурора Императору репортъ о исполненіи порученныхъ имъ дѣлъ, приложа къ оному мнѣніе свое о Евреяхъ и табель о повѣркѣ старостинскихъ имѣній болѣе 80,000 душъ, изъ коей, какъ въ зеркалѣ, видно было состояніе каждаго, и какъ они приняты были изъ казеннаго вѣдомства. Государю онъ лично представленъ не былъ, неизвѣстно для какихъ причинъ, а какъ сказывалъ господинъ Обольяниновъ, то для того будто, что Государь отозвался: «Онъ горячь да и Я, то мы опять поссоримся, а пусть чрезъ тебя доклады ко Мнѣ его идутъ». Мнѣніе же и табель приказалъ препроводить для разсмотрѣнія въ Сенатъ. Впрочемъ, хотя объявлено Державину было благоволеніе Императора, за совершеніе сихъ коммиссій, однако примѣчалъ онъ сухость онаго, потому что не отобрано въ казну ни одного староства, чего, кажется, очень хотѣлось, ибо, за раздачею скоровременно и безразсудно, кому ни попало, Россійскихъ казенныхъ дворцовыхъ крестьянъ и Польскихъ арендъ, при восшествіи на престолъ и коронаціи, нечѣмъ уже почти было награждать истинныхъ заслугъ и прямыхъ достоинствъ, то и ожидали наполненіе ущерба отобраніемъ арендныхъ староствъ за неисправное содержаніе по контрактамъ, такъ какъ и по другимъ дѣламъ, за неисполненіе законовъ и

обязанностей, и всякими новыми налогами, за гербовую бумагу, накопляли казенныя имущества. Державинъ могъ рѣшительно отнятіемъ большаго количества имѣній и себѣ достать за труды тысячи двѣ душъ или покрайней мѣрѣ одну, что ему и обѣщано было; но онъ не хотѣлъ взять на свою совѣсть грѣха, чтобъ у кого либо описать староство за несохраненіе контрактовъ, ибо судя строго, никто изъ арендаторовъ оныхъ въ точности не сохранилъ, одни въ той статьѣ, а (другіе въ) другой, а отобрать у всѣхъ около ста тысячь душъ и поднять на себя крикъ и вопль многочисленныхъ, имѣющихъ связи при дворѣ, владѣльцевъ, не рѣшился, но предоставилъ Императору самому, не скрывъ предъ нимъ истины кому либо въ понаровку, а другому въ обиду. Вотъ это-то и не полюбилось. . . . .

Въ сіе же время вышесказанный временщикъ г. Кутайцовъ, бывшій въ покояхъ за генералъ-прокурора, завелъ Державина въ уединенную комнату и убѣдительно просилъ достать ему Шкловское имѣніе господина Зорича, по случаю попечительства его надъ онымъ, такъ же, какъ видно (по), тайному ходатайству учрежденнаго; обѣщалъ ему сію услугу отплатить значительною благодарностью, да и подъ рукою однимъ Евреемъ сказано ему было, что онъ получитъ за осмотръ арендъ двѣ тысячи душъ и орденъ Св. Андрея, въ удостовѣреніе чего и господинъ Перецъ, извѣстный нынѣ славный откупщикъ, неоднократно прихаживалъ къ нему, и Іезуитской генералъ Груберъ прашиванъ отъ Кутайцова; но Державинъ, слѣдуя законному порядку, иначе сего сдѣлать не могъ, какъ испросить продажу имѣнія съ публичнаго торгу, за неплатежъ долговъ Зоричевыхъ, которыхъ простиралось до 2 милліоновъ, а имѣніе было въ Могилевской губерніи, до 14-ти т. душъ, то и надобно прежде чрезъ публики собрать кредиторовъ, а какъ на сіе въ законахъ положены сроки, то скоро сего и исполнить не можно, чѣмъ онъ предъ Кутайцовымъ и предъ Перцомъ всегда и отговаривался, прося подождать, а тамъ зависѣть будетъ отъ нихъ купить имѣніе съ публичнаго торга, котораго однако всѣми крючками и неправдами, при помощи сильной

руки Кутайцова, въ царствованіе Павлово, и иными хоть не законными средствами отнять у Зорича и доставить Кутайцову можно было; но Державинъ противъ совѣсти своей не сдѣлалъ, и Зорича не продалъ, обнадеживая домогающихся со дня на день довести до публичной продажи; но какъ что̀ продалось а равно и въ Сенатѣ разсмотрѣніе объ арендахъ, то и остался Державинъ отъ великихъ обѣщаній по своей богобоязненности ни съ чѣмъ, какъ токмо съ добрымъ именемъ и довѣренностію Государя, въ доказательство которой Ноября 23 дня пожалованъ въ Финансъ-Министры. Весьма удивился, что бывъ Коммерцъ-президентомъ въ дѣйствительномъ служеніи неболѣе двухъ мѣсяцовъ и не успѣвъ еще войти въ познаніе сей части, уже получаетъ новую весьма обширнѣйшую и важнѣйшую первой; но весьма странно казалось ему также и то, что графъ Васильевъ оставался въ прежней должности Государственнымъ Казначеемъ, то не понималъ какъ ему быть Финансъ-Министромъ приономъ, и которое званіе предъ которымъ преимущественнѣе, и кто изъ нихъ начальствовать долженъ былъ; а какъ Васильевъ его и по чину и по службѣ считался старѣе, то и не могъ онъ быть подъ командою у младшаго: Финансъ-Министра званіе было Государственнаго Казначея. Словомъ, въ такой путаницѣ, поѣхалъ обьясниться съ генералъ-прокуроромъ, по котораго докладу писались и выходили Государевы указы. Онъ ему доказалъ, что Финансъ-Министровъ съ самаго начала политическаго образованія Россіи никогда не бывало, а въ другихъ государствахъ, сколько ему извѣстно, въ сей постъ облеченный чиновникъ есть весьма великая особа: онъ изобрѣтатель и распредѣлитель всѣхъ государственныхъ доходовъ, а государственный казначей ни что иное, какъ счетчикъ оныхъ, и тоже самое, что̀ была Ревизіонъ-Коллегія, учрежденная Петромъ Великимъ, и установленіе въ 1772 году Экспедиціи о государственныхъ доходахъ существовавшее; Финансъ-Министръ долженъ имѣть особливую инструкцію, въ которую, какъ въ узелъ, должны входить всѣ источники силъ государственныхъ. Императрица Екатерина отлагала отъ времени до времени оную, или наказъ издать казеннаго управленія, но

не успѣла и такъ скончалась; а для того та Экспедиція о государственныхъ доходахъ и управлялась временнымъ начертаніемъ ея должности, поднесеннымъ княземъ Вяземскимъ, для свѣдѣнія только Императрицы, которое писалъ на скоро Державинъ. Г. Обольяниновъ, внявъ сему объявленію, доложилъ Императору, который, отмѣня прежній свой указъ, коимъ пожалованъ былъ Державинъ въ Финансъ-Министры, наименовалъ его Государственнымъ Казначеемъ, отставя г. Васильева вовсе отъ службы. Таковая на него опала произошла отъ какихъ-то сплетней, что не удовлетворилъ онъ выдачею какой то суммы по желанію и просьбѣ Кутайцова, который за то и наговорилъ Императору, что будто онъ утаиваетъ всегда прямое количество въ казначействѣ денегъ, заставляя терпѣть недостатокъ даже военные департаменты. Сего было уже очень много возбудить гнѣвъ вспыльчиваго и самовластнаго владѣтеля. Велѣно было тотчасъ сочиненную и поднесенную г. Васильевымъ тогда табель росписанія доходовъ и расходовъ на наступавшій годъ разсмотрѣть Державину. Поелику жъ она составляется въ кратцѣ изъ многихъ перечней, взятыхъ изъ вѣдомостей и счетовъ всего государства, то надобно было всѣ просмотрѣть оные, чтобъ удостовѣриться о точности росписанія; но какъ въ скорости сего никакимъ образомъ не можно было сдѣлать, а Императоръ требовалъ, то Державинъ и не зналъ, что̀ дѣлать. Но взглянувъ на перечень Коммерцъ-Коллегіи, показующій пошлинный доходъ, увидѣлъ, что показано онаго было только 8,000000, а въ вѣдомости Коммерцъ-Коллегіи, тогда же отъ него поданной, значилось 10,000000, то посему усумнясь, не могъ взять на свой страхъ неисправности росписанія, въ табели изображеннаго, что̀ и донесъ Императору чрезъ господина Обольянинова. Въ слѣдствіе сего велѣно было графу Васильеву подать Императору счетъ за все время управленія его государственною казною. Помнится, спустя два мѣсяца, онъ подалъ, который тотчасъ велѣно было разсмотрѣть Державину, чего Васильевъ представить себѣ не могъ, полагая, что Государь будетъ онымъ доволенъ, для того, что онъ въ красныхъ линейкахъ и весьма чисто былъ написанъ. Меж-

ду тѣмъ Державинъ, обозрѣвая производство дѣлъ государственныхъ экспедицій, нашелъ чрезвычайную оныхъ обширность, къ отягощенію только служащую, а никакой не приносящую пользы или прямаго дѣла не исполняющую, ибо велѣно было присылать вѣдомости на вѣдомости, какъ то мѣсячныя, третныя и годовыя, и кромѣ того отчеты, которые никто какъ должно не разсматривалъ, откладывая день за день, то и была со дня учрежденія Экспедиціи о государственныхъ (доходахъ) болѣе двадцати лѣтъ вся имперія несчитанною. Въ разсужденіи чего, чтобъ сократить счеты, предложилъ Державинъ собранію всѣхъ экспедицій государственныхъ доходовъ, то есть доходной, расходной, недоимочной и счетной, чтобъ они дали свои мнѣнія, какія вѣдомости, какъ не нужныя и отягощающія прямое дѣло отмѣнить, и какія оставить, а также и изобрѣли бы кратчайшіе и удобнѣйшіе способы, какимъ образомъ каждый годъ непремѣнно, не допуская до другаго, ревизовать окончательно счеты всего государства; ибо безъ сего не можно удостовѣрить верховную власть о цѣлости казны. Собраніе экспедицій объ отмѣнѣ излишнихъ бумагъ дало свои мнѣнія, которыя тщательно разсмотрѣвъ, Государственный Казначей утвердивъ, вошелъ съ репортомъ въ Правительствующій Сенатъ, прося о предписаніи всему государству, какія вѣдомости присылать и какія не присылать, чтó Сенатъ безъ всякой отмѣны и учинилъ. Касательно жъ счетоводства, какимъ образомъ сокращательно ревизовать и оканчивать счеты непремѣнно каждаго году, не откладывая до другаго, тѣхъ способовъ и мѣръ во время отправленія сей должности не успѣлъ еще изложить; а потому и осталось, смѣло сказать можно, до сего дня государство, такъ сказать, безсчетнымъ. Когда же присланный счетъ отъ Императора, поданный ему отъ графа Васильева за время его управленія, сталъ по книгамъ въ государственной экспедиціи повѣрять, то нашелъ не токмо по перечнямъ каждой губерніи, но и по валовой росписательной табели, поднесенной Государю въ томъ году, такія невѣрности и несходства, что никакъ не можно было удостовѣриться о цѣлости казны государственной. Первый самый перечень по счету и табели былъ сборъ съ государ-

ственныхъ дворцовыхъ крестьянъ; въ счетѣ противъ конфирмованной табели было показано менѣе двумя милліонами, и какъ самого Васильева не было, за болѣзнію якобы, при семъ случаѣ въ экспедиціи, то и спросилъ Державинъ старшаго члена, что̀ послѣ былъ самъ Государственнымъ Казначеемъ, отъ чего такое несходство, и на которомъ перечнѣ утвердиться должно. Онъ, замѣшавшись, не нашелся, какъ отвѣтствовать, сталъ жаловаться и говорить, что якобы онъ судитъ экспедицію, чего ему указомъ не предписано, а велѣно только свѣрить счетъ съ росписаніемъ. Державинъ крайне такою дерзкою укоризною былъ тронутъ и вспыхнулъ, схватилъ себя за волосы и сказалъ, что ежели вы хотите быть судимы, то тотъ часъ сіе исполниться можетъ. Въ самомъ дѣлѣ стоило только показать Императору несходство между двумя документами, то есть табелью, конфирмованною Государемъ, и счетомъ, ему поднесеннымъ также самимъ Васильевымъ, то безъ всякаго сумнѣнія отвезены были (бы) и Васильевъ и всѣ его совѣтники въ крѣпость; но Державинъ сего не сдѣлалъ, а между тѣмъ Голубцовъ, оправясь сказалъ, что несходство сіе происходить можетъ отъ того, что въ табели, конфирмованной Государемъ, съ дворцовыхъ крестьянъ доходъ былъ показанъ съ полнаго числа душъ, сколько ихъ тогда дѣйствительно было, но какъ послѣ того въ наступающемъ году пожаловано оныхъ крестьянъ болѣе 300, 000 душъ разнымъ владѣльцамъ, то и сборъ съ нихъ умалился, о чемъ докладовано было Императору, и онъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ тогожъ году сдѣлалъ счисленіе своею рукою карандашемъ на запискѣ, которая ему о томъ поднесена была, то въ счетѣ и выставленъ перечень съ той записки; а потому онъ съ табелью и не сходенъ. Гдѣ же записка? спросилъ Державинъ. Не знаю, гдѣ завалилась, отвѣтствовалъ Голубцовъ. Наконецъ, по многомъ исканіи и суетамъ, нашли оную у него въ домѣ, на коей карандашемъ Императорскою рукою видно исчисленіе о уменьшеніи съ сей статьи доходовъ. По сей причинѣ Державинъ дозволилъ и другія несходства счета съ вѣдомостью, поданной ему отъ экспедиціи, повѣрить и объяснить, отъ чего происходитъ ихъ разность, давъ имъ на то довольно

сроку. Графъ Васильевъ, пріѣхавъ къ нему въ вечеру, благодарилъ сквозь слезы за снисхожденіе. Державинъ, забывъ многія непріятности, дѣлаемыя ему во время Тамбовскихъ дѣлъ, которыя много зависѣли отъ экспедиціи о доходахъ, или паче отъ него Васильева по сильному его вліянію на домъ князя Вяземскаго, припомня только слегка, что за ревностное его желаніе отправлять должность свою съ точностію и не запускать безъ разсмотрѣнія вѣдомостей, выгоняли его изъ службы; а когда (бъ) его представленія приняты были и объ отчетахъ палатъ прилежное исканіе, тогда (бъ) сей напасти съ нимъ не случилось; словомъ, ежелибъ Державинъ по строгому тому времени не спасъ Васильева, то бы онъ конечно погибъ, потому что Кутайцовъ, а въ угожденіе его и Обольяниновъ, на него сильно налегали и желали его совершенно погубить. Симъ самымъ Державинъ навлекъ на себя отъ нихъ подозрѣніе. Они заключили, что Державинъ Васильева покровительствуетъ, и для того исходатайствовали у Императора оберъ-прокурора, для смотрѣнія за дѣлами экспедиціи, чего ни прежде ни послѣ никогда не бывало; но могъ быть учрежденъ государственный контролеръ совсѣмъ на другихъ правилахъ, нежели оберъ-прокуроръ, и быть подъ начальствомъ Финансъ-Министра или Государственнаго Казначея, а не генералъ-прокурора: но Обольяниновъ, по честолюбію своему, хотѣлъ и сію часть прибрать къ себѣ подъ руки. Какъ бы то ни было, но объясненіе несходствъ продолжалось болѣе мѣсяца, такъ что Кутайцовъ и Обольяниновъ зачали о томъ громко поговаривать, и Державинъ боялся, чтобъ, снисходя Васильеву, себя самаго вмѣсто его не управить въ крѣпость. Наконецъ въ Мартѣ мѣсяцѣ объясненія тѣ кончились, и Державинъ въ собраніи всѣхъ экспедицій и оберъ-прокурора оныхъ г. Михайлова, разсмотрѣвъ полученное, поднесъ Императору на основаніи оныхъ рапортъ, что и исполнилъ. Поелику онъ, г. Голубцовъ, убѣдительно его просилъ прежде поданныя ему вѣдомости, изобличавшія невѣрность самихъ ихъ и счетовъ, отдать ему обратно; то Державинъ, подумавъ, чтобъ не сочли его умышленнымъ закрытелемъ какого либо похищенія казны, призвалъ оберъ-прокурора въ собраніе

и спросилъ его, можно ли, и согласенъ ли онъ тѣ неисправныя вѣдомости обратно выдать, въ которыхъ не находитъ никакой надобности, для того, что репортъ Императору о цѣлости казны подавался тогда не удостовѣрительный, а только къ свѣдѣнію, въ какомъ состояніи найдены дѣла экспедиціи и суммы по вѣдомостямъ ея; а когда по циркулярному письму Державина, истребованному Императоромъ и посланному ко всѣмъ губернаторамъ, яко къ хозяевамъ губерній, о повѣркѣ наличныхъ денегъ и высланныхъ (отъ) оныхъ въ казначейства, и о недоимкахъ свѣдѣнія получатъ и счеты къ новому году обревизуютъ, тогда уже новымъ репортомъ о цѣлости казны достовѣрно донесено быть можетъ. Когда же оберъ-прокуроръ на сіе предложеніе согласился и донесъ генералъ-прокурору, тогда онъ прежде, по запискѣ сего обстоятельства въ журналъ, репортъ Государю подалъ, въ которомъ именно изображено, что книгъ записныхъ и бухгалтерскихъ за время князя Вяземскаго совсѣмъ не нашлось, что за Васильева время хотя и есть книги, но такъ многочисленны , пространны и сумнительны, что ихъ въ скоромъ времени ни проревизовать, ни утвердить безъ справокъ до полученія отвѣтовъ отъ губернаторовъ ни какъ не возможно, и что основательно на вѣдомостяхъ и объясненіяхъ, поданныхъ отъ экспедиціи, за которыя они отвѣтствуютъ, повѣрка счетамъ графа Васильева сдѣлана, и которыя оказались другъ съ другомъ сходственны, (потому что они соглашены послѣдними объясненіями) и наконецъ, что многихъ имянныхъ указовъ на отпущенныя въ расходъ суммы не отыскано. Вотъ въ какомъ порядкѣ найдено Державинымъ государственной казны управленіе, что можно видѣть изъ помянутаго его репорта, поданнаго Императору, который и теперь чаятельно въ цѣлости находится въ канцеляріи Государственнаго Совѣта. По оному репорту докладовано было въ Совѣтѣ въ присутствіи Наслѣдника, то есть нынѣ царствующаго Государя Императора Александра Перваго, 11-го Марта, то есть на канунѣ кончины Императора Павла. Наслѣдникъ бралъ сторону Васильева и защищалъ его всевозможнымъ образомъ, не по существу дѣлъ, но по предупрежденію о его исправности; а господинъ

Обольяниновъ выказывалъ его неисправности, но уже слишкомъ по пристрастію угодить обвиненіемъ Императору, или лучше сказать Кутайцову. Державинъ балансировалъ на ту и другую сторону, подкрѣпляя, сколь можно, невинныя ошибки и справедливость; но чѣмъ бы сія исторія въ наступающій день по докладѣ Императору, ежели бы онъ здравствовалъ, кончилась, не извѣстно. Можетъ быть и Державинъ бы пострадалъ. Здѣсь бы должно происшествія случившіяся съ Державинымъ въ царство Императора Павла кончить; но нѣкоторыя, хотя частныя, но примѣчательныя по вліянію на все Кутайцова, заслуживаютъ распространенія.

Первое: производилось въ Сенатѣ въ 1795 году или въ 1796 году дѣло нѣкоего господина Свищова, Шацкаго помѣщика, въ сочиненіи имъ яко бы подложной завѣщательной записи на имѣніе покойной жены его, которую опровергалъ шуринъ его Енгалычевъ, подъ покровительствомъ графа Мусина-Пушкина, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, который носилъ нарочитое благоволеніе покойной Императрицы Екатерины. Онъ по своей ловкости домогся, что велѣно было сіе дѣло разсмотрѣть въ совѣстномъ судѣ. Енгалычевъ или лучше графъ Пушкинъ избралъ съ своей стороны въ посредники Державина и лишь объявилъ о томъ совѣстному суду, то явился къ нему поутру рано графъ Дмитрій Александровичъ (т. е. Зубовъ) и отъ себя и отъ имени брата своего Платона Александровича, любимца Императрицы, просилъ, чтобъ онъ не ходилъ въ посредники по Свищову дѣлу со стороны графа Пушкина. Державинъ отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ отъ того отговориться по учрежденію о губерніяхъ; Зубовъ возразилъ, что ежели не послушаетъ просьбы его, то зналъ бы, что онъ, братъ и вся ихъ фамилія, ему враги. Подумавъ, что навлекать на себя непріязнь такихъ людей, которые ему благопріятны, и что по силѣ ихъ не можетъ онъ, несходно съ благоразуміемъ, помочь одинъ правой сторонѣ, а къ томужъ, что тогда былъ не очень здоровъ, то и послалъ онъ въ судъ отзывъ, что за болѣзнію посредникомъ по сему дѣлу быть не можетъ. Спустя послѣ того года два или три, пришло то

самое дѣло на рѣшеніе Правительствующаго Сената общаго собранія. Стали докладывать; Державинъ тотчасъ усмотрѣлъ несохраненіе законнаго порядка въ дарительной записи, данной Свищову отъ жены его и, по довѣренности отъ нея, безъ собственнаго ея рукоприкладства, записанной человѣкомъ Свищова въ записной крѣпостной книгѣ, и другіе виды, что та запись подложно составлена послѣ смерти госпожи Свищовой, по горячему его характеру тотчасъ началъ прежде другихъ сенаторовъ открывать мнѣніе свое въ пользу Енгалычева. Примѣтя сіе, оберъ-прокуроръ г. Оленинъ тотчасъ, противъ всякаго порядка, пресѣкъ чтеніе сего дѣла, сказавъ, что онъ имѣетъ государственное нужнѣйшее (дѣло) предложить къ слушанію (1). Не зная тому причины, всѣ удивились, тѣмъ паче, что другое дѣло, которое стали докладывать, не имѣло никакой важности. Но тотъ же день въ вечеру, часу въ 12 ночью, пріѣзжалъ къ нему г. Дольской, г. Кутайцова наперсникъ и просилъ отъ имени его, чтобъ былъ со стороны Свищова. Державинъ отговаривался всѣми силами; но Дольской не отставалъ, убѣждая обѣщаніями и угрозами отъ имени временщика, такъ (что) ежели онъ противъ Свищова будетъ, то сей сдѣлается ему непримиримымъ врагомъ. Державинъ часа два бился и наконецъ, не могши отвязаться, сказалъ, что онъ скажется больнымъ и въ Сенатъ не будетъ. Нѣтъ, отвѣтствовалъ Дольской, вы непремѣнно быть должны въ присутствіи, потому что знаетъ Государь, что вы по сему дѣлу убѣждены были Зубовыми нейти въ посредники, то, зная вашу правду, и смотритъ онъ, на чьей сторонѣ вы будете. Видя такое усиліе, отъ котораго отдѣлаться не могъ, не раздраживъ временщика, принужденъ былъ сказать, что онъ послѣдуетъ большинству голосовъ. Съ симъ Дольской и оставилъ его въ покоѣ, послѣ котораго, долго размышляя, не зналъ какъ поступить, чтобъ, не нарушая правды, выйти съ честію изъ сего скареднаго дѣла. Но какъ оно было весьма сумнительно, что по совѣсти могло быть такъ, а по формѣ или по

---

(1) Державинъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ А. Н. Оленинымъ, который между прочимъ рисовалъ ему виньетки къ собранію его сочиненій.

канцелярскому обряду иначе; таковыя сумнительныя дѣла, по указу 1714 года Петра Великаго, велѣно, не рѣша въ Сенатѣ, вносить на рѣшеніе самого Государя; то онъ и положилъ твердо поступать по оному. Въ слѣдствіе чего пріѣхавъ на другой день въ Сенатъ, засталъ уже слушаемымъ, и когда стали сбирать голоса, то онъ приказалъ подать указную книгу, въ которой, пріискавъ вышеупомянутый указъ, прочелъ и увидѣлъ, что онъ послѣдовалъ по дѣлу извѣстнаго и славнаго богатствомъ Сибирскаго губернатора князя Гагарина, который, за лихоимство и вопіющія притѣсненія, казненъ былъ злѣйшею смертною казнью по указу того Великаго Государя, а какъ онъ Гагаринъ въ томъ указѣ самыми грубыми названіями былъ порицаемъ, и къ несчастію на то время сидѣлъ въ присутствіи, противъ самаго Державина, князь Гаврило Петровичъ Гагаринъ, потомокъ казненнаго Гагарина, державшій сторону Свищова, то не могъ онъ отъ стыда глазъ взвести на него, и сослаться на тотъ указъ; а потому, не говоря ни слова, закрылъ книгу, и когда подошелъ къ нему секретарь спрашивать его мнѣнія, то онъ, размысля, что хотя Енгалычевъ доказалъ несохраненіе законнаго порядка при запискѣ въ книгѣ записи, но какъ о томъ, что вѣрющее письмо завѣщательницы, данное человѣку мужа ея, было подписано точно не ея рукою, въ доказательствахъ своихъ нигдѣ не говорилъ ни слова, то онъ, успокоя тѣмъ свою совѣсть, сказалъ секретарю: « Ежели большинство голосовъ будетъ на сторонѣ Свищова, то и онъ съ ними согласенъ. » Чѣмъ самымъ и кончилось сіе дѣло, которое можетъ служить образцомъ, что . . . . гдѣ обладаютъ любимцы, со всею честностію и правотою души и при всемъ желаніи послѣдовать законамъ, не всегда можно устоять въ правдѣ, или по крайней мѣрѣ поднять на себя невинно людей сильныхъ, что̀ не рѣдко съ Державинымъ случалось.

Второе: Виленскій или Минскій губернаторъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ увѣдомилъ дворъ въ 1798 году, что тамошніе обыватели дѣлаютъ потаенныя стачки, неблаго-

пріятныя для Россіи, а полезныя для Французовъ, и что нѣкто Дембровскій, набравъ нѣсколько полковъ Поляковъ, ушелъ и присоединился къ ихъ арміямъ. Императоръ по характеру своему тотчасъ велѣлъ таковыхъ заговорщиковъ ловить и привозить въ Петербургскую крѣпость, гдѣ ихъ въ тайной канцеляріи допрашивали, а по допросѣ присланы на судъ Сенату. Таковые были почти всѣ изъ нижняго разбора людей, то есть попы, стрянчіе и дробная шляхта, которые никакого уваженія не заслуживали, потому что ежели они и были въ чемъ виновны, то не иначе какъ по внушеніямъ или подкупамъ сильныхъ или богатыхъ магнатовъ, которыхъ они, не имѣя на нихъ явныхъ доказательствъ, принуждены были не выводить наружу. Ихъ обвиняли измѣною, потому что они присягали на Русское подданство, и по Россійскимъ законамъ приговаривали, вмѣсто смерти, на вѣчную каторгу въ Сибирь. По очереди пришло и до Державина давать свое о нихъ мнѣніе. Онъ спросилъ г. Макарова, имѣвшаго дирекцію въ тайной канцеляріи: « Виноваты ли были Пожарскій, Мининъ и Палицынъ, что они, желая избавить Россію отъ рабства Польскаго, учинили между собою союзъ и свергли съ себя иностранное иго? » — Нѣтъ, отвѣтствовалъ Макаровъ, они не токмо не виноваты, но всякой похвалы и нашей благодарности достойны. — « Почемужъ такъ строго обвиняются сіи несчастные, что они имѣли нѣкоторые между собою разговоры о спасеніи отъ нашего владѣнія своего отечества, и можно ли ихъ винить въ измѣнѣ и клятвопреступленіи по тѣмъ же самымъ законамъ, по каковымъ должны обвиняться въ подобныхъ заговорахъ природные подданные; по нашимъ, кто вступалъ въ заговоръ или слышалъ о томъ, да не донесъ, подлежитъ смерти. Мнѣ нечего другаго о нихъ сказать, какъ тоже самое; но если и были они когда вѣрные подданные, спросите по совѣсти у всѣхъ вельможъ, которые о нихъ подписали смертный приговоръ, то есть графа Ильинскаго, графа Потоцкаго и прочихъ, которые тогда были сенаторами и присутствовали по сему дѣлу въ общемъ собраніи, не тоже ли и они думаютъ, что̀ сіи осужденные. Придетъ время, что оное узнаете, чтобъ сдѣлать истинно вѣрноподданными

завоеванный народъ, надобно его прежде привлечь сердце правосудіемъ и благодѣяніями, а тогда уже и наказывать его за преступленія, какъ и коренныхъ подданныхъ по патріотическимъ законамъ. И такъ по моему мнѣнію, пусть они думаютъ и говорятъ о спасеніи своего отечества, какъ хотятъ, но только къ самому дѣйствію не приступаютъ, за чѣмъ нашему правительству прилежно наблюдать должно и до того ихъ не допускать, кроткими и благоразумными средствами, а не наказывать и не посылать всѣхъ въ ссылку; ибо всей Польши ни переказнить, ни заслать въ заточеніе не можно. Иное дѣло главныхъ заводчиковъ; посмотрите лучше на Дембровскаго, который выпросилъ у Государя привилегію на сформированіе полковъ, то набравъ ихъ, онъ легко можетъ то сдѣлать, что̀ и братья его, то есть уйти во Францію, или когда подойдутъ Французы, то измѣною присоединиться къ нимъ. Вотъ за чѣмъ надобно неусыпно наблюдать, а не за тѣмъ, что попы и подъячіе между собою въ домахъ своихъ разговариваютъ, и за то ихъ ссылать въ ссылку.» Г. Макаровъ тутъ же въ собраніи при Державинѣ пересказалъ слышанное отъ него генералъ-прокурору князю Куракину. На другой, то есть въ воскресный день, когда Державинъ пріѣхалъ по обыкновенію во дворецъ, Куракинъ, встрѣтя его, улыбнувшись, сказалъ, что Государь приказалъ ему не умничать; а между тѣмъ, сколько слышно было, что судьба преступниковъ облегчена и болѣе не приказано забирать и привозить въ Петербургъ Поляковъ въ тайную канцелярію, а тамъ ихъ за болтовню унимать по законамъ.

Третіе: Покойною Государынею пожалованы Донскимъ козакамъ земли особою дачею отмежеванныя, и планъ на нихъ выданъ, которыя разграничилъ посыланный нарочно, не помню какой, генералъ; но при Императорѣ Павлѣ произошли отъ смежныхъ казенныхъ и частныхъ владѣльцевъ споры, такъ что надобно было нѣкоторыя Русскія крестьянскія селенія отъ нихъ вывести или причислить къ ихъ станицамъ, а какъ сего никто не могъ сдѣлать, кромѣ Государя, то поданъ былъ о семъ отъ Межеваго Департамента

докладъ, съ описаніемъ обстоятельствъ и сумнѣній, по коимъ испрашивалось разрѣшенія. Государь, посреди плана, на всѣхъ спорныхъ мѣстахъ подписалъ своею рукою: быть по сему. Межевая экспедиція, получа, не знала, что̀ дѣлать, кому какое мѣсто отдавать и куды по срединѣ живущихъ поселянъ причислить: къ казакамъ ли, или оставить по прежнему? Державинъ написалъ о семъ краткую записку и отдалъ оберъ-прокурору, чтобъ объяснился съ генералъ-прокуроромъ, который жилъ тогда въ Гатчинѣ, который было обѣщалъ доложить Императору; но послѣ такъ струсился, что далъ погонку и оберъ-прокурору, зачѣмъ онъ отъ Державина принималъ записку. А потому и посланъ былъ безтолковый указъ, по коему не знали, что дѣлать; но послѣ уже при Императорѣ Александрѣ дѣло сіе поправлено, и дана особая грамота войску Донскому на тѣ земли въ 1811 году.

Четвертое: Въ началѣ царствованія Императора Павла, генералъ-прокуроръ князь Куракинъ выпросилъ себѣ и многимъ своимъ пріятелямъ великое количество на выборъ лучшихъ казенныхъ земель, которыя у казенныхъ поселянъ, лишнее сверхъ 8 десятинъ, отбирали даже подъ огородами, не токмо подъ пашнями, а тѣ, кому они были отданы, продавали тѣмъ же самымъ поселянамъ рублевъ по 300 и по 500 десятину; и такимъ образомъ удовлетворяли ненасытную свою алчность; въ то самое время, когда Державинъ чрезъ Лопухина просилъ на обмѣнъ себѣ земли 200 только четвертей на Званку изъ Ямской противулежащей за Волховомъ дачи, у которыхъ было излишнихъ сверхъ 15 десятинъ, то и въ томъ отказано. Когда князь Куракинъ и другіе хищнически набили свои карманы, то будто изъ жалости и изъ состраданія, что у казенныхъ крестьянъ мало земли, исходатайствовали указъ, чтобъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ надѣлить по 15 десятинъ на душу. И тогда пошло притѣсненіе владѣльцевъ при рѣшеніи дѣлъ, что начали отнимать не только примѣрныя земли но и писцовыя, чтобъ набрать недостатокъ въ 15 десятинъ; а гдѣ въ смежности нѣтъ, тѣмъ додавать и въ дальнемъ разстояніи. Видя все сіе, Державинъ, присутствуя въ межевомъ департаментѣ,

не рѣдко шумливалъ противъ генералъ-прокуроровъ, князя Куракина и потомъ князя Лопухина, также и государственнаго казначея Васильева, что они такъ изъ пристрастія и корыстолюбія во зло употребляли щедроту Государя; а какъ они сіе ни во что ставили, то сочинилъ онъ извѣстную въ 3-й части его сочиненій пѣснь.

Что мнѣ, что мнѣ суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Естли свѣтъ за то бранится
Что иду прямой стезей?
Пусть другіе работаютъ,
Много умныхъ есть господъ:
И себя не забываютъ,
И царямъ сулятъ доходъ. (1)

Распустилъ по городу, желая, чтобъ она дошла до Государя и чтобъ его спросили, на чей счетъ оная писана, тогда бы и сказалъ онъ всю правду; но какъ они боялись до сего довести Государя, чѣмъ бы открыться могли всѣ ихъ пакости, то и терпѣли, тайно злобясь, дѣлая между тѣмъ на его счетъ непріятныя Императору внушенія. Въ слѣдствіе чего въ одно воскресенье, проходя Онъ въ церковь, между собравшимися въ прихожей залѣ увидѣвъ Державина, съ гнѣвнымъ взоромъ, по обыкновенію Его, раздулъ ноздри: многіе то примѣтили и думали, что вѣрно отошлютъ Державина въ ссылку или по крайней мѣрѣ вышлютъ изъ города въ деревню; но Державинъ, надѣясь на свою невинность, пошелъ будто ничего не примѣтя въ церковь, помолился Богу и далъ себѣ обѣщаніе, въ хвалу Божію выпросить къ своему гербу надпись: *Силою вышнею держуся*, что̀ на другой день и исполнилъ, подавъ въ Герольдію прошеніе, въ которомъ просилъ себѣ написаніе грамоты съ прибавленіемъ вышесказаннаго девиза, потому что въ гербѣ его изображена рука, держащая звѣзду, а какъ звѣзды держатся вышнею силою, то и смыслъ

(1) Изъ піесы къ самому себѣ.

таковаго девиза былъ ему очень приличенъ, что онъ ни какой другой подпоры не имѣлъ, кромѣ одного Бога; Императору же сіе могло быть не противно, потому что силу Вышняго по самолюбію своему почиталъ онъ въ себѣ. Герольдія поднесла докладъ и съ симъ девизомъ гербъ Державина конфирмованъ.

Пятое: Скоро послѣ того, и помнится въ первый день 1798-го или 1799 года, генералъ-прокуроръ Лопухинъ многимъ сенаторамъ, унижавшимся предъ нимъ или ласкательствующимъ ему, выпросилъ лентъ; Державинъ же, хотя онъ былъ старѣе другихъ и болѣе прочихъ трудился, однако обойденъ. Лишь только разнесся о семъ слухъ въ собраніи при дворѣ, то услышался всеобщій ропотъ на неправосудіе. Кутайцовъ, или кто другой, пересказалъ о томъ Императору. Державинъ между тѣмъ, привыкнувшій почасту сносить таковыя обиды, поѣхалъ изъ дворца равнодушно обѣдать къ графу Строгонову, гдѣ и занялся бостономъ до самаго вечера, не хотя ѣхать во дворецъ на балъ, куды хозяинъ сбирался. Пріѣхавши домой, услышалъ, что пріѣзжалъ придворный ѣздовой и именемъ Императора звалъ его во дворецъ; не зная тому причины, весьма удивился и тотчасъ поѣхалъ. Лишь только входитъ въ Егорьевскую залу, гдѣ уже начался балъ, то многіе, встрѣчая, сказываютъ: « тебя Государь спрашивалъ»; наконецъ, увидя его, генералъ-прокуроръ князь Лопухинъ сказалъ: « вамъ Императоръ намѣренъ надѣть Аннинскую ленту; но теперь уже поздо, то пожалуйте ко мнѣ завтра по утру поранѣе, я васъ ему въ кабинетѣ представлю ». Такъ и сдѣлалось. Я къ нему пріѣхалъ и вмѣстѣ, въ его сѣдши карету, отправились во дворецъ. Онъ началъ, будто по довѣренности, говорить, что Государь давеча было хотѣлъ надѣть на васъ ленту съ прочими; но поусумнился, что вы всеколкіе какіе то пишете стихи; но я уже его упросилъ, и такъ онъ приказалъ васъ представить къ себѣ сегодни. Державинъ поблагодарилъ, зная, что онъ его не рекомендовалъ, а можетъ быть и отговаривалъ; но когда голосъ публики отозвался въ пользу Державина и дошелъ, то онъ самъ

захотѣлъ, какъ изъ нижеслѣдующаго увидимъ, ознаменовать къ нему свою милость. Пріѣхавъ во дворецъ, нѣсколько подождалъ въ кабинетской комнатѣ и скоро позванъ былъ въ кабинетъ: Государь вошелъ изъ противныхъ дверей и набросилъ на него ленту. Державинъ успѣлъ только сказать что ежели онъ чѣмъ виноватъ... но Императоръ, не давъ договорить начатыхъ словъ, отъ него скороподвижно ушелъ. Изъ сего не иное что заключить можно, что Государь къ нему былъ хорошо расположенъ; но злобнымъ наушничествомъ и клеветою былъ отвращаемъ.

Шестое: Когда родился великій князь Михаилъ Павловичь (1), то во время собранія при дворѣ знатныхъ особъ для поздравленія, графъ Заводовскій и господинъ Козадавлевъ, который тогда былъ оберъ-прокуроръ въ Сенатѣ, между радостными разговорами, при таковыхъ случаяхъ бываемыми, говорилъ Державину, чтобъ онъ написалъ па день рожденія царевича стихи. Онъ имъ обѣщалъ и въ первое собраніе привезъ съ собою оду, которой тому и другому отдалъ по письменному экземпляру; а какъ сія піеса имѣла нѣкоторыя въ себѣ рѣзкія выраженія, какъ-то между прочимъ:

Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать враговъ;
Но Богомъ на престолъ вѣнчанну
Любить ихъ должно, какъ сыновъ.

то натурально и стала публика поговаривать, опасаясь, чтобъ сочинителя въ толь смутное время, каково было Павлово, не сослали въ ссылку, либо какого другаго ему огорченія не сдѣлали; Державинъ, въ полномъ удостовѣреніи о своей невинности и будучи готовъ отвѣтствовать, что онъ о *хищникѣ* престола говорилъ, а Императоръ воцарился по наслѣдству законно,—то, не опасаясь ничего, не робѣлъ и, не взирая на разные неблаго-

---

(1) 28 Генваря 1798 года.

пріятные для него слухи, всюду выѣзжалъ. Въ наступившее воскресенье, пріѣхавъ въ придворный театръ, встрѣтился въ дверяхъ съ Козадавлевымъ, то сей, увидѣвъ его, поблѣднѣлъ и бросился отъ него, какъ отъ язвы, опрометью прочь. Въ театрѣ же, увидя его предъ собою на передней лавкѣ сидящаго, тотчасъ вскочилъ и ушелъ въ толь отдаленное мѣсто, что его видѣть не могъ. Державинъ не зналъ, къ чему приписать такое отъ себя пріятеля удаленіе, которому онъ нѣкогда и чинъ статскаго совѣтника выпросилъ у Императрицы Екатерины и всегда считалъ его себѣ привязаннымъ человѣкомъ. Но послѣ узналъ, что страшные разнесшіеся слухи, что будто Императоръ гнѣвенъ за оду, были причиною трусости г. Козадавлева, чтобъ не почли его сообщникомъ въ сочиненіи оной. И такъ, презрѣвъ такую низость души, былъ спокоенъ. Но на первой недѣлѣ великаго поста, когда говѣлъ Державинъ съ своимъ семействомъ, въ середу, видѣлъ непріятный сонъ, и хотя не вѣрилъ никакимъ привидѣніямъ, однако подумалъ, чтобъ не случилось съ нимъ чего, говорилъ женѣ, чтобъ она не пужалась отъ разносящихся слуховъ, а уповала на Бога. Но когда они были въ церкви, то посреди самой обѣдни, входитъ въ церковь фельдъегерь отъ Императора и подаетъ ему толстый свертокъ бумагъ; жена, увидѣвъ, помертвѣла. Между тѣмъ открывъ свертокъ, находитъ въ немъ табакерку, осыпанную бриліантами, въ подарокъ отъ Императора присланную за ту оду, при письмѣ г. статсъ секретаря Нелединскаго, въ коемъ объявлено ему отъ Него Высочайшее благоволеніе. На другой день, поѣхавъ въ Сенатъ, находитъ въ общемъ собраніи г. Козадавлева, показываетъ ему табакерку, который съ радостнымъ восторгомъ бросается ему на шею и поздравляетъ съ государской милостію. Державинъ, отступя отъ него, сказалъ: «Поди прочь отъ меня, трусъ. Зачѣмъ ты намедни отъ меня бѣгалъ, а теперь ищешь».

Седьмое: Въ 1798 году, когда напечатаны были въ Москвѣ въ первый разъ сочиненія Державина, цензура тамошняя по строгому тогдашнему времени усумнилась на-

печатать и не напечатала въ одѣ Изображеніе Фелицы двухъ строкъ, а именно:

Самодержавья скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу.

Могъ только упросить, чтобъ для сихъ стиховъ оставили праздное мѣсто, и писалъ генералъ-прокурору князю Куракину, говоря, что ежели Екатерина, будучи такъ же самодержавная государыня, не токмо не воспретила, но съ благоволеніемъ приняла сей стихъ; то для чего Императору Павлу можетъ быть непріятенъ, когда онъ не менѣе ея позлащаетъ щедротами свой скипетръ. Куракинъ докладывалъ по сему письму, и какъ ни какого не получилъ отвѣта, то во всѣхъ отпечатанныхъ экземплярахъ и написалъ въ пробѣлѣ сіи два стиха своею рукою, не опасаясь толкованія трусовъ.

Осьмое: Когда Державинъ возвратился изъ Бѣлоруссіи, то вскорѣ, по покровительству Кутайцова, котораго тогда задобрили Евреи, подала на него одна Жидовка жалобу Императору, единственно съ тѣмъ, чтобы, оклеветавъ, замарать его въ мысляхъ Государя и лишить довѣренности къ мнѣнію, о нихъ поданному. Въ той жалобѣ Жидовка показывала, что будто Державинъ на вышепомянутомъ винокуренномъ Еврейскомъ заводѣ, смертельно билъ ее палкою, отъ чего она, будучи чревата, выкинула мертваго младенца: но какъ Державинъ, бывъ на томъ заводѣ съ четверть часа, не токмо никакой Жидовки не билъ, но ниже въ глаза не видалъ, то и не зналъ о сей клеветѣ до самой той минуты, когда, при пріѣздѣ его изъ Коммерцъ-коллегіи въ Сенатъ, оберъ-прокуроръ Оленинъ показалъ ему объявленный генералъ-прокуроромъ имянной указъ, чтобъ по той просьбѣ учинить разсмотрѣніе Сенату. Крайне онъ удивился такой странной незапности и не вѣрилъ ей, потому что онъ поутру былъ у генералъ-прокурора, и ни слова отъ него о томъ не слыхалъ. Но прочетши указъ и просьбу, вспыхнулъ и сбѣсился, такъ сказать, до сумашествія. « Какъ, закричалъ онъ во весь голосъ при собраніи, здѣсь не законы управляютъ и не воля Императора; но прихоти Кутай-

цова и слуги его Обольянинова. На меня въ то время внимать клеветамъ Жидовки, когда всѣ мои поступки въ Бѣлоруссіи апробованы уже рескриптомъ Государя, и предавать меня съ ней суду? Нѣтъ, я ѣду къ Императору, и пусть меня посадятъ въ крѣпость, а я докажу глупость объявителя такихъ указовъ, прежде нежели буду отвѣчать на Жидовкину бездѣльничью просьбу.» Оленинъ и прочіе его пріятели, схватя его за полу, дергали и унимали, чтобъ онъ пересталъ горячиться. Онъ, опомнившись, хотѣлъ ѣхать къ генералъ-прокурору, но не могши вдругъ преодолѣть своей запальчивости, просилъ г. сенатора Захарова, попавшагося ему въ глаза на подъѣздѣ Сенатскомъ, чтобъ онъ сѣлъ съ нимъ въ карету и проѣхался нѣсколько по городу. Сей исполнилъ его желаніе и, въ продолженіе ѣзды болѣе двухъ часовъ, разговорами своими нѣсколько его успокоилъ. По-пріѣздѣ пошелъ прямо въ кабинетъ къ генералу-прокурору, но сей, какъ видно, свѣдалъ о его чрезвычайномъ огорченіи, тотчасъ вскочилъ съ мѣста и прибѣжалъ къ нему, цѣловалъ даже его руки, прося успокоиться, доказывая, что указъ, объявленный имъ, никакой важности въ себѣ не составляетъ, что Жидовкина клевета ничего не значитъ. «Нѣтъ, ваше превосходительство, я писалъ указы и знаю, какъ ихъ писать, то когда велѣно разсмотрѣть Жидовкину просьбу, то само по себѣ разумѣется, что съ меня противъ оной взять объясненіе и рѣшить по законамъ, стало судить.» «Но какъ же этому помочь?» сказалъ генералъ-прокуроръ. «Поѣдемте со мною къ Императору, пусть онъ самъ разсудитъ и отмѣнитъ свой неосторожный указъ», сказалъ Державинъ. «На что такъ далеко ходить въ разборъ, говорилъ Обольяниновъ, нѣтъ ли средства самимъ намъ поправить?» «Но записаны ли въ Сенатѣ, спросилъ Державинъ, всѣ вами объявленныя высочайшія повелѣнія и собственноручный рескриптъ государя Императора, которымъ апробованы дѣла мои и поступки, бывшіе въ Бѣлорусской губерніи, по порученнымъ мнѣ коммиссіямъ, а въ томъ числѣ и по Лезинскому винокуренному заводу, на которые болѣе трехъ мѣсяцовъ жалобы ни отъ кого не было? Ежели записаны, то какъ вы могли противъ государскихъ благоволеній повѣ-

рить такой сумазбродной и неистовой жалобѣ, и по ней докладывать?» — «Нѣтъ, онъ сказалъ, благоволенія мною вамъ объявлены, а рескриптъ въ Сенатѣ не записанъ». — «То объявите, говорилъ Державинъ, или я самъ ихъ объявлю прежде, нежели по жалобѣ Жидовки докладывано будетъ, а когда они запишутся, тогда, наведя о нихъ справку, можете или отвергнуть клевету Евреѣки, не требуя отъ меня объясненія на оную, и не подвергая, такъ сказать, меня суду съ нею.» Такъ и сдѣлали, и Еврея, писавшаго ей жалобу, приговорили за дерзость на годъ въ смирительный домъ. Но по восшествіи на престолъ Императора Александра, Державинъ исходатайствовалъ ему свободу изъ онаго.

Девятое: На канунѣ крещенія въ 1801 году, Державину разсудилось съѣздить отобѣдать въ Пажескій корпусъ къ князю Зубову, по возвращеніи его изъ удаленія въ Петербургъ, въ которомъ онъ былъ названъ главнымъ Директоромъ. Просидѣвъ у него до вечера, поѣхали вмѣстѣ во дворецъ, по обыкновенію для поздравленія на канунѣ Императора съ наступающимъ праздникомъ. Едва вступили въ залу собранія, какъ услышалъ, что ищутъ его и зовутъ къ Императору. Онъ удивился, ибо выше сказано, что онъ не хотѣлъ съ нимъ лично видаться, дабы себя и его не разгорячить. По вступленіи въ кабинетъ, Государь, подошедъ и осмотря его съ ногъ и до головы нѣсколько разъ, самъ сѣлъ на софу и велѣлъ противъ себя ему сѣсть на стулъ, смотря прилежно въ глаза. По нѣкоторомъ молчаніи, спросилъ: «Послалъ ли онъ воспрещеніе въ Ригу о невыдачѣ Французскому Королю Людовику XVIII, живущему тамъ, жалованья?» «Послалъ», отвѣтствовалъ Державинъ. «Да полно такъ ли, и будетъ ли остановлено?» «Конечно, Державинъ сказалъ, ибо коль скоро отъ вашего Величества получилъ вчерась чрезъ адьютанта князя Шаховскаго о томъ повелѣніе, то тотчасъ отправилъ по эстафетѣ въ казенную палату повелѣніе, а на другой день еще по почтѣ, то надѣюсь исполнено будетъ.» «Хорошо», сказалъ съ грознымъ видомъ Императоръ, и тотчасъ откланявшись, отпу-

стилъ его отъ себя. Державинъ не зналъ, чтó это значило; но послѣ, какъ время объяснило случившееся происшествіе, то кажется не иное что, какъ Государь, хотя ласкалъ въ то время Зубова, но подозрѣвалъ его себѣ недоброжелателемъ, и былъ онъ у него подъ тайнымъ присмотромъ, а потому, когда свѣдалъ, что Державинъ у него въ тотъ день обѣдалъ, то спросилъ его незапно предъ себя и глядѣлъ пристально въ глаза, не покажетъ ли какого смущенія, а чрезъ то не покажетъ ли своего съ нимъ соучастія. Но какъ бы то ни было, Державинъ всякое воскресенье долженъ былъ ему посылать краткія репортицы о состояніи казны, т. е. отчетъ о приходахъ и расходахъ оной въ прошедшую недѣлю, которая (казна) такъ безмѣрными издержками истощена была и безпрестанно истощалась, что не доставало не токмо означеннаго казначейства суммъ, но самыхъ давнихъ недоимокъ и долговъ казенныхъ, на счетъ коихъ принуждены были печатать новыя ассигнаціи, и удовлетворять Императора, который не хотѣлъ вѣрить, что казна его въ крайнемъ недостаткѣ. Въ два мѣсяца тогда, сверхъ всѣхъ штатныхъ и остаточныхъ суммъ, издержано было болѣе 6 милліоновъ рублей, какъ на посылку въ Индію Донскихъ козаковъ, на строеніе Казанской церкви, и прочія подобныя затѣйливыя издержки, такъ что наконецъ, по невступленію въ полномъ количествѣ ассигнованныхъ доходовъ на военный Департаментъ, стали оказываться въономъ недостатки, которые наполнить ни коимъ образомъ было не откуда. А какъ сіе могло причинить государственному казначею великую бѣду, то въ послѣдній день царствованія сего государя, по неожиданію отъ запрещеній Европейской торговли пошлиннаго доходу, Державинъ рѣшился подать докладъ Императору и подалъ, чтобъ напечатать милліоновъ 40 ассигнацій, скупить или на биржѣ находящіеся купеческіе товары, и тѣмъ ожививъ внутреннюю торговлю, воспользоваться сколько нибудь отъ нихъ пошлинами. Но за смертію Императора, въ ту ночь случившуюся, сего доклада не вышло.

Десятое: Въ навечерье сего страшнаго переворота, Дер-

жавинъ былъ у генералъ-прокурора до 12 часа ночи, и какъ государственный казначей трактовалъ съ нимъ и съ купцомъ Рюминымъ о подрядѣ соли во всѣ Россійскіе города, по отдачѣ оной на откупъ Еврею Перцу, въ полуденныхъ губерніяхъ, изъ Крымскихъ соляныхъ озеръ, и положивъ на мѣрѣ сію операцію, поѣхалъ домой; но часу по утру въ осьмомъ, на другой день, вбѣгаетъ къ нему свояченица его, жена г. Нилова, который послѣ былъ губернаторомъ въ Тамбовѣ, жившая съ мужемъ у него въ домѣ, и сказываетъ, запыхавшись, что Императоръ скончался. . . . . а здѣсь за приличное только почитается сказать, что, вмѣстѣ съ манифестомъ о восшествіи на престолъ Александра, состоялся указъ, что государственнымъ казначеемъ сдѣланъ опять по прежнему графъ Васильевъ, а Державину велѣно только присутствовать въ Сенатѣ.

Онъ получилъ отъ Императора Павла слѣдующіе награжденія: 1, за оду На рожденіе Великаго Князя Михаила Павловича табакеркою съ брилліантами. 2, такую же за оду На Мальтійскій орденъ. 3, крестъ брилліантовый Мальтійскій, за сочиненіе банкротскаго устава, въ которомъ онъ участвовалъ съ бывшимъ генераломъ-прокуроромъ Беклешовымъ и настоящими Обольяниновымъ и княземъ Гагаринымъ. Достойно замѣтить, что сего устава была наиболѣе цѣль воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія сверхъ имѣнія ихъ долговъ, а для того довѣренность къ нимъ въ тѣснѣйшіе сжать предѣлы, нежели прежде, то есть велѣно заемныя письма писать у крѣпостныхъ дѣлъ, а ежели и домовыя могутъ быть письма, но по нихъ взысканіе чинить не иначе какъ по формѣ судомъ, и нескорымъ исполненіемъ; купеческая довѣренность по векселямъ оставлена въ прежней силѣ. Державинъ же предполагалъ не иначе дворянину дѣлать довѣренность какъ по открытому листу, отъ правительства засвидѣтельствованному, гдѣ у кого какое недвижимое есть имѣніе, такимъ образомъ, чтобъ всякой заимодавецъ подписывался, сколько подъ какое имѣніе кого ссудилъ, дабы послѣдующій заимодатель могъ видѣть, не бе-

зопасно ли ему еще подъ то же имѣніе заимобрателя ссудить. Ибо напримѣръ, кто въ банкѣ заложилъ по 40 рублей душу, или домъ въ третьей части настоящаго капитала, а онъ несравненно дороже стоитъ, то по продажѣ и можетъ безъ сумнѣнія свои получить деньги; кто же недвижимыхъ имѣній не имѣетъ, тотъ можетъ какого извѣстнаго капиталиста упросить подписать за него свое поручительство, и тотъ уже порука за него своимъ имѣніемъ отвѣтствовать. Такимъ способомъ всѣ бы тяжбы долговыя пресѣклись, ибо довѣренность была имѣнію, а не лицу дворянскому; но купеческая довѣренность, душа торговли, распространяясь, оставалась бы въ своей силѣ. Но опослѣ сей (уставъ) разными толкованіями и каверзами ослабленъ, такъ что ни довѣрія ни скораго взиманія кредиторамъ не доставлено.— Наконецъ получилъ Державинъ еще награжденіе за поднесеніе росписанія доходовъ на 1801 годъ, за что̀ прежде государственнымъ казначеямъ, предшественникамъ его, жаловалось по 100,000 рублей, которые и тогда Императоръ приказалъ было выдать; но окружающіе увѣрили Государя, что по недавнему вступленію Державина въ сію должность много такого награжденія, и дано ему только 10,000 рублей, а остальныя 90,000 рублей, раздѣлили по себѣ, какъ то: Обольянинову 30,000 руб. адмиралу Кушелеву 30,000, князю Гагарину 30,000; но Державинъ никогда ни отъ кого̀ никакого не получалъ награжденія и тѣмъ былъ доволенъ, хотя и чувствовалъ обиду; но скрылъ въ своемъ сердцѣ.

Царствованіе Императора Александра.

Какъ выше явствуетъ, на 12-е Марта 1801 года Императоръ Александръ вступилъ на престолъ Всероссійской Имперіи. Первый манифестъ его былъ о вступленіи на престолъ, въ которомъ торжественно обѣщано было, что царствовать будетъ по закону и по сердцу Екатерины. Въ то же самое время со-

стоялся указъ, чтобъ по прежнему государственнымъ казначеемъ быть графу Васильеву, а Державину только присутствовать въ Сенатѣ. По нѣсколькихъ дняхъ, по дружбѣ съ Трощинскимъ, Васильевъ получилъ всемилостивѣйшій рескриптъ, въ которомъ, не смотря на то, что не могъ дать вѣрнаго отчета казнѣ, расхвалялся онъ чрезвычайно за исправное управленіе государственными доходами. Васильевъ, внеся сей рескриптъ въ первый Сената Департаментъ, хотѣлъ потщеславиться онымъ, въ укоризну Державину сказавъ: «Вотъ многіе говорятъ, что у меня плохо казна управлялась! Вмѣсто того сей рескриптъ противное доказываетъ.» Державинъ отвѣтствовалъ: «На что вамъ, графъ, грѣшить на другихъ; а я вамъ говорю въ глаза, что вы въ такомъ болотѣ безотчетностію вашею, изъ коего вамъ во вѣкъ не выдраться.» Онъ закраснѣлся и замолчалъ. Послѣдствіе доказывало и понынѣ доказываетъ Державина правду, что часть сія въ такомъ безпорядкѣ, котораго въ благоустроенномъ государствѣ предполагать никакъ бы не долженствовало.

Въ дни царствованія своего Императоръ Александръ возстановилъ Дворянскую Грамоту, нарушенную отцемъ его, — совершенно уничтожилъ Тайную Канцелярію, даже велѣлъ не упоминать ея названіе и производить секретныя дѣла въ обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстахъ, и присылать на обревизованіе въ первый Сената Департаментъ. И какъ въ то время случилось, что одного въ Тамбовской губерніи раскольника духоборской секты судили въ неповиновеніи верховной власти, который не признавалъ совсѣмъ Государя, то Уголовная Палата и присудила его къ смертной казни и на мѣсто оной къ жестокому наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ Сибирь на вѣчную каторжную работу; но какъ въ угожденіе милосердію Государя, Сенатъ не хотѣлъ его осуждать такъ строго, то и не знали, что съ нимъ дѣлать, дабы съ одной стороны не потакнуть ненаказанностію неуваженія высшей власти, а съ другой не наказать и не обременить выше мѣры преступленія точнымъ исполненіемъ закона. Державинъ сказалъ: «Поелику Императрица Екатерина въ Наказѣ своемъ совѣтовала наказаніе извлекать изъ естества преступленія,

и какъ сущность вины его состоитъ въ томъ, что не признаетъ онъ надъ собою никого, то и отправить его одного на пустой островъ, чтобъ жилъ тамъ безъ правительства и безъ законовъ, подобно звѣрю.» Всѣ на мнѣніе сіе согласились, такъ и сдѣлано.

Какъ при самомъ восшествіи новаго Императора, генералъ прокуроръ Обольяниновъ смѣненъ и опредѣленъ на мѣсто его г. Беклешовъ, Трощинскій же занималъ мѣсто перваго статсъ-секретаря, и всѣ дѣла шли чрезъ него, то и обладали они Императоромъ по ихъ волѣ; и какъ скоро потомъ вызванъ изъ деревень своихъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, бывшій съ покойнымъ Безбородкою въ одной связи, то, для усиленія своего, и его къ себѣ присовокупили ([1]). Словомъ, они ворочали государствомъ; а чтобъ Державинъ имъ ни въ чемъ не препятствовалъ, то они выключили его изъ Государственнаго Совѣта, подъ видомъ новаго его преобразованія. Нѣкоторый подлый стиходѣй, въ угодность ихъ, не оставилъ на счетъ его пустить по свѣту эпиграму слѣдующаго содержанія:

Тебя въ совѣтѣ намъ не надо:
Паршивая овца
Все перепортитъ стадо.

Державину злобная глупость сія, хотя сперва показалась досадною; но снесъ равнодушно и послѣ утѣшился тѣмъ, когда избранными въ Совѣтъ членами, послѣ его отставки, доведено стало государство до близкой въ 1812 году погибели. Началось неуваженіе законовъ и самые безпорядки въ Сенатѣ; охуждая правленіе Императора Павла, зачали безъ разбора, такъ сказать, все коверкать, что̀ имъ ни сдѣлано. Первѣе всего разрушили контрактъ о Крымской

---

(1) Вызванный изъ деревни гр. А. Р. Воронцовъ представилъ Государю замѣчательную записку о тогдашнемъ состояніи Россіи. Записка эта напечатана въ Чтеніяхъ общества Исторіи Древностей 1859 г., кн. I. Воронцовъ былъ человѣкъ весьма просвѣщенный и начитанный. Намъ случилось видѣть каталогъ рукописей изъ его библіотеки, находившейся въ селѣ Андреевскомъ (недалеко отъ Владиміра): тамъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи XVIII вѣка.

соли откупщика Перца, разсматриванный въ Правительствующемъ Сенатѣ и утвержденный собственно-ручно Императоромъ. Державинъ, соблюдая святость законовъ, сильно противорѣчилъ противъ сего насилія въ общемъ собраніи, состоящемъ около 40 человѣкъ, говоря, что при первомъ шагѣ нововоцарившагося Государя весьма опасно нарушать общественную довѣренность. Но какъ генералъ-прокуроръ съ одной стороны былъ человѣкъ самовластный и наглый и дерзкой крикунъ, а съ другой подлый ласкатель политическихъ видовъ, коими желалъ помрачить предъ тѣмъ бывшее правленіе, и предложеніе свое, заготовленное для Сената, объявилъ апробованнымъ уже Государемъ, то все собраніе согласилось съ нимъ, и контрактъ былъ уничтоженъ. Хотя Державинъ доказывалъ, что таковое предложеніе было не въ законномъ порядкѣ, ибо когда было сказано, что оно апробовано Государемъ, то кто могъ вызваться противъ онаго съ своимъ мнѣніемъ? Словомъ, Беклешовъ и Трощинскій, бывшіе тогда приближенные къ Государю чиновники, и имѣющіе, такъ сказать, всю власть въ своихъ рукахъ, оказывали себя по прихотямъ своимъ всѣхъ выше законовъ, а какъ они между собою поссорились и, противоборствуя другъ другу, ослабили свою въ Государѣ довѣренность, то и сбили его съ твердаго пути, такъ что онъ не зналъ, кому изъ нихъ вѣрить. Подоспѣлъ тутъ графъ Воронцовъ, и приставъ къ Трощинскому, по внушенію котораго онъ изъ деревни вызванъ, пошелъ противъ Беклешова, а какъ злоупотребленіемъ законовъ генералъ-прокуроръ присвоилъ себѣ всю власть, такъ сказать, самодержавную, то и Державинъ былъ согласенъ съ графомъ Воронцовымъ на воздержаніе самовластительства генералъ-прокурора (1). При открывшемся случаѣ онъ обнаружилъ о томъ свое мнѣніе, а именно: вышеупомянутое дѣло госпожи Колтовской, какъ не было окончено по поданному мнѣнію Державина и по голосу противному г. Гагарина, то и было предложено оно въ общемъ

(1) Въ оригиналѣ противъ этого мѣста съ боку рукою Державина написано: «Не забыть о пріобрѣтеніяхъ что былъ въ нихъ несчастливъ, что особо надо написать. О сенаторѣ Глинкѣ.»

собраніи къ слушанію. Г. Беклешовъ, какъ и прежде, пристрастно держалъ сторону мужа ея, и по домогательству сего послѣдняго избраны были въ опекуны сенаторъ Алябьевъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Шіюзъ, угнетавшіе г-жу Колтовскую; но по просьбѣ ея Императора Павла, по словесному его указу, генералъ-прокуроромъ объявленному, перемѣнены были тѣ опекуны Державинымъ; то Беклешовъ въ общемъ собраніи и желалъ возстановить прежнее свое предложеніе, говоря, что прежняя опека утверждена письменнымъ указомъ Императора Павла, а послѣдняя его словеснымъ, то по силѣ законовъ послѣдняя противъ первой и не можетъ имѣть своеіі силы. Державинъ, хотя соглашался, что записной указъ предъ письменнымъ былъ бы не дѣйствительнымъ, но какъ принятъ уже былъ Сенатомъ въ отмѣну перваго, и притомъ первый лишалъ Колтовскую всего имѣнія въ противность коренныхъ законовъ, безъ разсмотрѣнія дѣлъ Колтовской съ мужемъ въ нижнихъ инстанціяхъ, то и настоялъ, чтобы съ прописаніемъ сихъ запутанныхъ обстоятельствъ былъ поднесенъ докладъ Императору, и о семъ хотѣлъ подать свой голосъ; но къ удивленію его, дни чрезъ три подаютъ прочесть конфирмованый докладъ Государя безъ включенія его мнѣнія, такъ что и имя его совсѣмъ было умолчано. А какъ сіе было противъ коренной привилегіи Сената или законовъ Петра Великаго и Екатерины, въ коихъ одинъ голосъ имѣлъ равносильное право прочимъ, а разрѣшала споръ единственно самодержавная власть Государя, то натурально презрѣніе такое, учиненное ему генералъ-прокуроромъ, его безмѣрно огорчило; и для того онъ тотчасъ написалъ письмо къ бывшему тогда статсъ-секретаремъ Михайлѣ Никитичу Муравьеву, человѣку самому честнѣйшему и его пріятелю, въ которомъ просилъ его доложить Государю Императору, чтобъ пожалована была ему аудіенція для объясненія по должности сенатора. Сіе ему на другой день позволено, и когда онъ впущенъ былъ въ кабинетъ его, то вопрошенъ былъ: «Что̀ надобно?» «Государь, Державинъ сказалъ, "Ваше Императорское Величество манифестомъ своимъ о восшествіи на престолѣ *обѣщали царствовать по законамъ и по сердцу Екатерины;* законы

же Петра Великаго, на коихъ основанъ Сенатъ, и сей Государыни давали всякому сенатору то преимущество, что голосъ каждаго имѣлъ право доставлять спорное дѣло на разсмотрѣніе самого монарха, не смотря на мнѣніе прочихъ, которые бы были съ нимъ не согласны; а нынѣ г. генералъ прокуроръ Беклешовъ, по дѣлу г-жи Колтовской, поднесъ докладъ Вашему Величеству, не упомянувъ о моемъ противномъ прочимъ мнѣніи, чѣмъ и учинилъ мнѣ по должности презрѣніе, то и осмѣливаюсь испрашивать соизволенія вашего, на какомъ основаніи угодно вамъ оставить Сенатъ? Ежели генералъ-прокуроръ будетъ такъ самовластно поступать, то нечего сенаторамъ дѣлать, и всеподданнѣйше прошу меня изъ службы уволить.» Государь сказалъ: «Хорошо, я разсмотрю.» Въ слѣдъ за симъ чрезъ нѣсколько дней послѣдовалъ имянной указъ, которымъ повелѣвалось разсмотрѣть права Сената и какимъ образомъ оныя сочинены, подать Его Величеству мнѣніе Сената. Вотъ первоначальный источникъ, отъ куда произошли министерства и разныя установленія Сената, которыя, хотя по сіе время къ народному исполненію совершенно не изданы, но произвели, какъ въ послѣдствіи увидимъ, много шуму и замѣшательствъ въ общихъ дѣлахъ имперіи, которыхъ привесть въ прежній порядокъ едва ли безъ сильнаго переворота возможно будетъ. Возвратимся на стезю свою. При слушаніи сего указа въ общемъ Сената собраніи произошли разныя мнѣнія. Графы Воронцовъ и Заводовскій весьма въ темныхъ выраженіяхъ или такъ сказать тонкихъ жалобахъ на прежнее (разумѣется Павлово) правленіе словами Тацита, что «говорить было опасно, а молчать бѣдственно,» хотѣли ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества Сенату, какъ то: чтобъ доходами располагать и свершать смертную казнь безъ конфирмаціи Государя и прочее. Господинъ Захаровъ толковалъ грамматическій смыслъ нѣкоторыхъ словъ въ должности Сената. Державинъ, хотя раздѣлялъ обязанность правленія, согласно учрежденію о губерніяхъ, на 4 власти, то есть, на законодательную, судную, исполнительную и оберегательную, но соединялъ ихъ, яко въ центрѣ, въ единственной воли Монарха. Но какъ, по словамъ Петра

Великаго, Государь не ангелъ, не можетъ одинъ вездѣ и все управить, то и распорядилъ на 4 должности, возложивъ ихъ на лица министровъ, какъ то: просвѣщенія или законодательнаго, суднаго или юстиціи, внутреннаго или исполнительнаго, оберегательнаго или генералъ-прокурора. Государю мнѣніе его лучше всѣхъ прочихъ полюбилось, да и вышеупомянутымъ графамъ, желавшимъ присвоить себѣ власть Государя, не противно было, для чего они его и одобрили; ибо они, какъ со временемъ открылось, думали раздѣлить оную по министерствамъ, до чего они, какъ въ послѣдствіи увидимъ, разными коварными хитростями почти и достигли и привели государство въ такое бѣдственное состояніе, въ которомъ оно нынѣ, то есть въ 1812 году, находится. Сіе объяснится ниже по самымъ дѣламъ. Словомъ: Государь приказалъ Державину, чрезъ князя Зубова. написать организацію или устройство Сената. Оно и написано въ духѣ Екатерины, то есть сообразно ея учрежденію о управленіи губерній; ибо регламенты Петра Великаго смѣшивали въ себѣ всѣ вышеупомянутыя власти, то они и не могли дѣлать гармоническаго состава въ управленіи имперіи. Хотя не удостоилась сія организація письменной конфирмаціи Государя и не обнародована; но Державинъ получилъ въ Москвѣ при коронаціи за нее Св. Александра Невскаго.

Составъ сей организаціи былъ самый простой. Раздѣлялся на двѣ главныя части, на правительствующую и судную. Первая называлась Правительствующій Сенатъ или Имперскимъ правленіемъ и заключала въ себѣ все то, что при Екатеринѣ первый департаментъ, а для успѣшности дѣлъ онъ подраздѣлялся еще на три отдѣла, какъ то: на исполнительный департаментъ или благочинія, на казенное управленіе, или финансы, на просвѣщеніе или призрѣніе и воспитаніе народное. Вторая или судная для успѣшности также подраздѣлена на три отдѣла, какъ то: на гражданскій, уголовный и межевой департаменты; въ случаѣ разногласія, каждые три составляли изъ себя общее собраніе, и единогласныя ихъ рѣшенія были равносильны. По протестамъ или жалобамъ, хотя могли ихъ опредѣленія пе-

ресуживаться, но не иначе какъ по имянному повелѣнію Императорскаго Величества въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ, то есть правительствующихъ и судныхъ. Завѣдывали они: первый департаментъ или имперское правленіе полицейскія дѣла и всѣ вообще исполнительныя, скораго рѣшенія требующія, какъ то̀ въ губерніи губернское правленіе; второй или хозяйственный приходы и расходы, ревизіи счетовъ, коммерцію, банки, горныя дѣла, мануфактуру и словомъ все, что̀ завѣдывается въ губерніяхъ казенною палатою. Третій департаментъ просвѣщенія и народнаго призрѣнія завѣдывалъ въ себѣ все то, что̀ по губерніямъ приказы общественнаго призрѣнія. Четвертый департаментъ, оберегательный, состоитъ изъ всѣхъ оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ. Первый департаментъ или имперское правленіе долженъ былъ состоять подъ надзоромъ исполнительнаго или внутренняго министерства; второй судной—юстицъ-министра; третій, просвѣтительный, подъ министромъ просвѣщенія; четвертый подъ вѣдомствомъ генералъ-прокурора, которые министры, каждый по своей части, не иначе были какъ опекуны только и надзиратели за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ и понудители оныхъ, имѣющіе власть предлагать только своему департаменту и по утвержденіи его входить съ докладомъ къ Императорскому Величеству, и ничего сами собою вновь постановляющаго и рѣшительнаго не дѣлать, ни наказывать, ни награждать. Оберъ-прокуроры на нихъ могли протестовать къ генералъ-прокурору, а тотъ по важности дѣла собирать общее собраніе всѣхъ департаментовъ, и по разсмотрѣніи дѣла указомъ Императорскаго Величества перерѣшать постановленіе департаментовъ. Словомъ, каждому министру была возложена обязанность пещись о лучшемъ устройствѣ и исправности части его посредствомъ сената, а никому не дано самому собою самовластно дѣйствовать, и всѣ тѣ власти изъ министерствъ стекаются къ одному ихъ центру, къ Государю, посредствомъ генералъ-прокурора. За сію организацію получилъ Державинъ въ Москвѣ при коронаціи орденъ Александра Невскаго, какъ выше сказано.

Едва же пріѣхалъ изъ Москвы, а именно въ Ноябрѣ мѣ-

сяцѣ 23-го числа ввечеру, Державинъ былъ позванъ чрезъ ѣздоваго къ Государю. Онъ предложилъ ему множество извѣтовъ, отъ разныхъ людей къ нему дошедшихъ о безпорядкахъ, происходящихъ въ Калужской губерніи, чинимыхъ Калужскимъ губернаторомъ Лопухинымъ, приказывая, чтобъ ѣхалъ въ Калугу и открылъ злоупотребленія сіи формально обозрѣніемъ своимъ какъ сенаторъ, сказывая, что по тѣмъ извѣтамъ нарочно посланными отъ него подъ рукою уже ощупаны, такъ сказать, всѣ слѣды, и остается только открыть ихъ офиціально. Державинъ, прочетши сіи бумаги и увидѣвъ въ нихъ наисильнѣйшихъ вельможъ замѣшанныхъ, на которыхъ губернаторъ надѣясь чинилъ разныя злоупотребленія власти своей, а они его покровительствовали, просилъ у Императора, чтобъ онъ избавилъ его отъ сей коммиссіи, объясняя, что изъ слѣдствія его ничего не выдетъ, что труды его напрасны будутъ, и онъ только вновь прибавитъ враговъ и возбудитъ на себя ненависть людей сильныхъ, отъ которыхъ клеветъ и такъ онъ страждетъ. Императоръ съ неудовольствіемъ возразилъ: «Какъ, развѣ ты мнѣ повиноваться не хочешь?» — «Нѣтъ, Ваше Величество, я готовъ исполнить волю Вашу, хотя бы мнѣ жизни стоило, и правда предъ Вами на столѣ семъ будетъ. Только благоволите умѣть ее защищать; ибо всѣ дѣла дѣлаются чрезъ бояръ. Екатерина и родитель вашъ бывали ими безпрестанно обмануты, такъ что я по многимъ порученіямъ отъ нихъ (о которыхъ выше сказано) хотя все, что̀ честь и вѣрность требовали, дѣлалъ, но правда всегда оставалась въ затмѣніи, и я презираемъ.» — «Нѣтъ! съ увѣрительнымъ видомъ возразилъ Императоръ, я тебѣ клянусь поступать какъ должно.» Тогда отдалъ онъ ему извѣты и всѣ бумаги отъ посланныхъ отъ него потаенно для развѣдыванія и повѣрки извѣтовъ къ нему доставленныя, примолвивъ: «Еще получишь въ Москвѣ отъ коллежскаго совѣтника Каразина. А между тѣмъ заготовь и принеси ко мнѣ завтра указъ къ себѣ и къ кому должно объ открытіи краткимъ обозрѣніемъ злоупотребленій въ Калужской губерніи.» Державинъ безъ огласки сіе на другой день исполнилъ; принесъ къ нему для подписанія къ себѣ указъ, въ которомъ было приказано

отправиться ему секретно подъ предлогомъ отпуска въ Калугу, и тамъ сперва повѣрить извѣтъ съ гласомъ народа, и когда они явятся сходны, тогда открыть формальное свидѣтельство губерніи.

Въ слѣдствіе чего на другой день, т. е. Генваря 5 дня 1802 года, отправился онъ безъ огласки въ Калугу и уже съ мѣста увѣдомилъ чрезъ генералъ-прокурора, для объявленія сенату, что онъ высочайше отпущенъ въ отпускъ, будто для обозрѣнія графини Брюсовой деревень, которыя находились у него въ опекѣ. Такимъ образомъ прибылъ онъ въ Москву, гдѣ получилъ отъ упомянутаго Каразина нарочито важныя бумаги, между прочимъ и подписку секретно именемъ Государя истребованную отъ Калужскаго помѣщика и фабриканта Гончарова, въ томъ, что губернаторъ Лопухинъ у него Гончарова выпросилъ сперва заимообразно денегъ 30,000 рублей, въ которыхъ на годъ далъ ему вексель и послѣ, поѣхавъ будто осматривать губернію, заѣхалъ къ нему въ деревню, и придравшись къ слухамъ, что будто у него въ домѣ происходитъ запрещенная карточная игра, грозилъ ему ссылкою въ Сибирь. Хотя бѣдный Гончаровъ съ клятвою увѣрялъ, что у него азартныхъ игръ никакихъ не бывало, а игрывалъ онъ съ женою и съ домашними иногда въ банкъ для препровожденія времени по вечерамъ, на мелкія деньги, но ничто не помогло: и велѣлъ онъ ему для допросовъ и слѣдствія непремѣнно явиться къ себѣ въ ближайшій городъ Мосальскъ; а между тѣмъ чрезъ приверженнаго къ себѣ, находяшагося при немъ, секретаря Гужова, велѣлъ ему сказать, что, ежели онъ помянутый вексель уничтожитъ и не будетъ отъ него денегъ требовать, то онъ слѣдствіе производить не прикажетъ. Бѣдный Гончаровъ, будучи человѣкъ съ природы честной жизни, богатый и видя себя въ такой напасти, во время Павлово, когда по навѣтамъ сплошь многіе люди подвергались разнымъ несчастіямъ, и зная при томъ, что губернаторская свойственница, генералъ-прокурора Лопухина дочь, Анна Петровна, была Императорская фаворитка, обробѣлъ, не зная ни отъ кого себѣ противъ толь сильнаго врага защиты и покровительства; согласился на требованіе и, возвратясь домой изъ Мо-

сальска, отослалъ вексель съ прикащикомъ своимъ въ Калугу губернатору, который послѣ того, при вступленіи на престолъ Императора Александра, отправляясь въ Петербургъ и имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, занялъ еще у него Гончарова 3,000 руб., и далъ въ оныхъ вексель. Гончаровъ все сіе въ помянутой секретной подпискѣ, писанной его собственною рукою, подъ присягой объявилъ Каразину; а сей отдалъ оную въ Москвѣ для обличенія преступника Державину, какъ равно и другія бумаги, доказывающія преступленія губернатора.

Снабденный таковыми отъ Императора и Каразина, пріѣхавъ въ Калугу, остановился на квартирѣ, Каразинымъ пріисканной, въ домѣ у купца Бородина, градскаго головы, человѣка честнаго и великую довѣренность въ городѣ имѣющаго. Отъ него и отъ прочихъ, приходящихъ къ нему, развѣдалъ онъ о всѣхъ поступкахъ и злоупотребленіяхъ губернаторскихъ, сказывая о себѣ, что онъ отправился въ отпускъ, ѣдетъ въ деревню графини Брюсовой и намѣренъ въ Калугѣ нѣсколько дней отдохнуть. Такъ онъ сказывалъ о себѣ губернатору, вице-губернатору, архіерею и прочимъ чиновникамъ, пріѣзжавшимъ къ нему съ обыкновенными визитами, и между тѣмъ, какъ слухи городскіе сходными явились съ извѣтами, то изъ имѣющихся у него бумагъ приготовилъ онъ, кому куда слѣдовало, вопросы и предложенія, и отплатя всѣхъ визиты, приступилъ къ дѣлу. Пріѣхавъ въ губернское правленіе, велѣлъ позвать губернатора, и когда онъ прибылъ, то объявилъ ему указъ о свидѣтельствѣ дѣлъ въ губерніи, и какъ уже у него заблаговременно о всемъ, чтò нужно къ открытію истины, то есть о людяхъ и бумагахъ потребныхъ, заготовлены были предложенія губернскому правленію, то и не теряя нимало времени на канцелярскую проформу, велѣлъ онъ, приведши къ себѣ, тотчасъ представить и дѣла и чиновниковъ, произведшихъ оныя. Тотчасъ все исполнено, даны вопросы, по коимъ и отвѣты должны были дать на разставленныхъ столахъ, не выходя изъ комнаты, въ которой самъ онъ, расхаживая, наблюдалъ, чтобъ не было какихъ стачекъ и канцелярскихъ уловокъ. Таковое быстрое слѣдствіе не могло не обнаружить истины. Открылись зло-

употребленія губернатора въ покровительствѣ смертоубійства, за взятки, помѣщикомъ Хитровымъ брата своего роднаго, за что онъ въ подарокъ давалъ губернатору на 75 тысячъ ломбардныхъ билетовъ; въ отнятіи имѣнія безденежно у помѣщицы Хвостовой въ пользу городничаго Батурина; въ требованіи взятокъ себѣ и въ разореніи чугуннаго завода купца Засыпкина, и въ прочихъ неистовыхъ, мерзкихъ и мучительскихъ поступкахъ, въ согласіи съ архіереемъ, о чемъ подробно описывать было бы здѣсь пространно. Каковыхъ, какъ то важныхъ уголовныхъ и притѣснительныхъ дѣлъ открыто, слѣдующихъ до рѣшенія Сената и высочайшей власти, 34, не говоря о безпутныхъ, изъявлящихъ развращенные нравы, буйство и неблагопристойные поступки губернатора, какъ то: что напивался пьянъ и выбивалъ по улицамъ окны, ѣздилъ въ губернскомъ правленіи на раздьяконѣ верхомъ, приводилъ въ публичное дворянское собраніе въ торжественный день зазорнаго поведенія дѣвку, и тому подобное, каковыхъ распутныхъ дѣлъ открылось 12-ть, да безпорядковъ по теченію дѣлъ, около ста. Но какъ злоупотребитель власти губернаторъ былъ самъ въ губерніи и управлялъ оною, то и не смѣли сельской и градской полиціи чиновники доводить въ точности на своего начальника; что они повелѣнія его исполняли, то само по себѣ затмѣваетъ нѣкоторыя истины; а потому Державинъ, пославъ нарочнаго курьера въ Петербургъ, испросилъ у Императора позволеніе удалить губернатора отъ должности и препоручить оную до указу вице-губернатору. Не былъ безъ дѣйствія съ своей стороны и губернаторъ. Онъ отправилъ тайно нарочнаго курьера къ своимъ покровителямъ и къ генералъ-прокурору Беклешову, князю Лопухину, Трощинскому, Тарсукову и прочимъ его пріятелямъ съ письмомъ къ Императору, въ которомъ въ защищеніе свое возводилъ разныя клеветы на Державина, говоря, что будто онъ завелъ у себя тайную канцелярію и жестокими пытками домогался на губернатора отъ разныхъ лицъ обвиненія; въ числѣ коихъ вышеупомянутаго Гончарова такъ мучилъ, что онъ, не стерпя пытокъ, умеръ. Надобно знать, что въ сіе время сей въ самомъ дѣлѣ скоропостижно отъ апоплексическаго

удара кончилъ жизнь. Причина чему была слѣдующая. Когда Державинъ пріѣхалъ въ Калугу, то чрезъ нѣсколько дней явился къ нему Гончаровъ, былъ представленъ отъ Демидова и Крупенникова, тамошнихъ дворянъ, кои были въ числѣ скрытыхъ извѣтчиковъ Государю Императору о происходимыхъ злоупотребленіяхъ въ Калугѣ. Державинъ, показавъ вышеупомянутую его руки секретную подписку, взятую отъ него Каразинымъ, спросилъ, подлинно ли его руки оная писана. Гончаровъ отвѣтствовалъ, что онъ ту бумагу писалъ. « Чего жъ онъ хочетъ? » Онъ отвѣтствовалъ: « Взысканія съ губернатора суммъ, насильствомъ отъ него взятыхъ. » Державинъ сказалъ, что хотя бы онъ и по той подпискѣ могъ учинить изслѣдованіе; но поелику она Каразинымъ взята у него именемъ Государя по секрету, то и непріятно ему такимъ инквизиціоннымъ, средствомъ безславить кроткое царствованіе владѣющаго Государя; а потому и желательно бы было, ежели онъ только намѣренъ производить искъ на губернатора, чтобъ подалъ ему формальное прошеніе съ доказательствами; ибо могъ онъ по секрету чрезъ Каразина объвить Императору за тайность поступокъ, учиненный имъ губернаторомъ, но не хочетъ иначе производить на немъ иску денегъ. Гончаровъ на сіе согласился и въ самомъ дѣлѣ недѣлю спустя привезъ прошеніе, въ его домѣ человѣкомъ его писанное и подписанное его рукою, въ которомъ ссылался на свидѣтелей, жаловался на губернатора въ ругательствѣ за мнимую, чинимую якобы имъ картежную игру, и въ домогательствѣ у него помянутой суммы, которую просилъ взыскать. Державинъ, принявъ отъ него сію бумагу, будучи занятъ тогда отправленіемъ почты, просилъ его обождать, чтобъ объясниться о свидѣтеляхъ, въ просьбѣ упомянутыхъ, вышелъ въ другую комнату. Гончаровъ, сѣдши на стулъ, дожидался, и чрезъ нѣсколько минутъ стала у него изъ рукъ выпадать шляпа, что̀ видѣли сидѣвшіе въ той же комнатѣ за столомъ канцелярскіе служители; онъ раза два поднялъ ее, садился по прежнему на стулъ, наконецъ въ третій разъ поднявъ вышелъ въ сѣни, и тутъ случился ему ударъ, такъ что онъ чрезъ весьма короткое время, не могши выговорить ни

слова, скончался. И такъ сей незапный и довольно странный и поразительный случай непріятели Державина умыслили обратить ему въ обвиненіе, по доносу губернаторомъ къ Императору, который удостовѣрялъ, что будто онъ произошелъ отъ жестокости допросовъ, учиненныхъ Гончарову. Съ возвратившимся нарочно посланнымъ къ Императору курьеромъ съ помянутымъ донесеніемъ объ открывавшихся подозрѣніяхъ на губернатора, по коимъ требовалось его отъ должности отлученія, прислалъ Императоръ и подлинную жалобу губернатора, столь нелѣпыми клеветами наполненную. Государь, хотя приказалъ удалить губернатора отъ должности, но съ удивленіемъ требовалъ объясненія противъ жалобы его. Державинъ, благодаря за довѣренность, отвѣтствовалъ, что въ обвиненіи его, какъ по своему собственному дѣлу, оправдываться самъ не будетъ, а предоставитъ вице-губернатору, вступившему въ должность губернатора, собрать подсудимыхъ въ губернское правленіе и спросить въ присутствіи председателей палатъ, какимъ образомъ они были при допросѣ изнуряемы, и что̀ покажутъ, записавъ въ журналъ, донести прямо Государю. Такимъ образомъ сіе исполнено. Но къ великому удивленію Державинъ получилъ тотъ журналъ, изъ котораго онъ усмотрѣлъ, что совсѣмъ другимъ образомъ учинено исполненіе. Вмѣсто призыва подсудимыхъ и освѣдомленія, какими они муками и истязаніями при допросахъ принуждаемы были къ оклеветанію невинности, опредѣлено было въ томъ, о чемъ уже они опрашиваны, вновь передопросить и дополнить другими людьми ихъ показанія, то есть съизнова слѣдствіе переслѣдовать. Сіе было сдѣлано вице-губернаторомъ изъ трусости, отъ угрозъ изъ Петербурга сильныхъ людей, что онъ хотѣлъ дѣло запутать. Но Державинъ далъ другое предложеніе правленію, объяснивъ, что ему должно призвать только бывшихъ у него въ допросѣ людей, и спросить, чѣмъ и какъ они имъ были угнетаемы, а не вновь производить и оканчивать слѣдствіе, что̀ не его есть дѣло, а уголовной палаты, когда высочайшее на то повелѣніе послѣдуетъ. И такъ наконецъ сдѣлано. Державинъ между тѣмъ, собравъ сколько возможно поспѣшнѣе показанія допрашиванныхъ,

за скрѣпою ихъ по листамъ собственными руками, и уклонясь отъ новыхъ доносовъ и просьбъ ѣдущихъ просителей изъ уѣздовъ, ибо были безконечны, отправился чрезъ 6 недѣль своего слѣдствія изъ Калуги въ Москву и тамъ, остановясь недѣли на двѣ или на три, изготовилъ по каждому дѣлу порознь для Государя Императора докладныя записки, а также и обстоятельное объясненіе противъ жалобъ губернатора, доведенныхъ пріятелями его до Государя, которое кратчайшимъ образомъ доказывало лжи и клеветы, на него взведенныя. Съ симъ запасомъ прибылъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ Апрѣля. Пріѣхавъ во дворецъ, приказалъ доложить; но не былъ принятъ, а приказано пріѣзжать на другой день. Будучи допущенъ, увидѣлъ суровую встрѣчу Государя, который сердито сказалъ ему: «На васъ есть жалобы.» «Я знаю, Государь, сказалъ Державинъ, вы мнѣ изволили прислать ихъ подлинникомъ». «Для чего же это?» —«Я васъ теперь, отвѣтствовалъ Державинъ, пространнымъ объясненіемъ не обезпокою, которое извольте прочесть со временемъ, не торопясь, а теперь смѣю только представить подлинный къ вашему величеству репортъ губернатора отъ 31-го Генваря, въ которомъ онъ вамъ доноситъ, что жестокими моими поступками, въ заведенной мною тайной канцеляріи, губернія вся встревожена, и что онъ ожидаетъ дурныхъ послѣдствій отъ народа.»—«Такъ, Государь сказалъ, я этотъ репортъ видѣлъ и послалъ его къ вамъ. Что вы мнѣ на него скажете?»—«Я ничего не скажу, сказалъ Державинъ; а вотъ другой такой же репортъ губернатора ко мнѣ отъ того же самаго мѣсяца и числа, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, какъ повседневно то дѣлалъ, что въ губерніи все обстоитъ благополучно».—«Какъ!» вскричалъ Государь, взглянувъ на тотъ и на другой репорты. «Такъ онъ бездѣльникъ! Напиши указъ, чтобъ судить его.»—«Нѣтъ, Государь! возразилъ смѣло Державинъ, позвольте мнѣ теперь не повиноваться.»—«Какъ?»—«Такъ, когда вы изволили во мнѣ усумниться, то не угодно ли будетъ вамъ лучше удостовѣриться во мнѣ и приказать пересмотрѣть мое слѣдствіе, нѣтъ ли въ немъ какихъ натяжекъ къ обвиненію невинности.»—«Хорошо», и въ ту же минуту приказалъ соста-

вить Комитетъ, назначивъ въ него членами графа Александра Романовича Воронцова, графа Валеріана Александровича Зубова, графа Николая Петровича Румянцова и его, Державина, для объясненій въ случаѣ какихъ неясностей, сказавъ, чтобъ, разсмотря въ подробности всѣ бумаги, вошли бы къ нему съ докладомъ за общимъ всѣхъ подписаніемъ и заготовя при томъ и проэкты указовъ, кому и куды какіе слѣдуютъ. Таковымъ разсмотрѣніемъ Комитетъ занимался слишкомъ 4 мѣсяца; каждаго дѣла порознь слѣдствіе и каждую бумагу наиприлежнѣе прочитывалъ и повѣрялъ съ подлинными показаніями подсудимыхъ, и за подписаніемъ правителя Комитета г. Постникова, который послѣ былъ оберъ-прокуроромъ Сената въ 3-мъ Департаментѣ, опредѣлялъ журналомъ, какое дѣло должно быть уважено и замѣшанные въ ономъ какіе преступники должны быть подвержены суду, и какое оставить безъ уваженія. Таковыхъ важныхъ дѣлъ нашлось 34; а признанныхъ не важными, какъ выше сказано, 12, въ томъ числѣ признано таковымъ же, по просьбѣ Державина, и ложный репортъ на него Государю, который, по строгости законовъ, хотя долженъ бы быть наказанъ смертію; но онъ, какъ въ собственной обидѣ, не хотѣлъ производить иску. Словомъ, по разсмотрѣніи всего слѣдствія, не найдено, не токмо притѣсненій или домогательствъ подсудимымъ, тѣмъ паче какихъ истязаній, но даже вездѣ и ко всѣмъ великое снисхожденіе, такъ что и недоброжелательные къ нему члены пришли въ удивленіе. Графъ Воронцовъ, какъ старшій членъ, поднесъ докладъ Комитета и просилъ указовъ, которые дѣйствительно состоялись въ Сенатѣ 16 Августа, коими велѣно было губернатора Лопухина и соучастниковъ его, дополня, буде гдѣ нужно, слѣдствіе, судить по законамъ.

Въ продолженіи сего разсмотрѣнія, Державинъ получилъ довольно не безважное порученіе отъ Императора. Вышеупомянутый Каразинъ, будучи человѣкъ умный и расторопный, хотя впрочемъ не весьма завидной честности, имѣлъ доступъ къ Государю. Онъ показывалъ въ Москвѣ къ нему писанные такіе благосклонные, или лучше сказать, дружескіе рескрипты, что могли всякаго привести въ удивленіе

довѣренностію къ нему Монарха. Пріобрѣлъ онъ сіе живучи въ Москвѣ, увѣдомляя его о Московскихъ всякаго рода происшествіяхъ и о вышесказанныхъ Калужскихъ злоупотребленіяхъ, какъ выше явствуетъ, по извѣтамъ безъименныхъ лицъ, къ свѣденію Императора дошедшихъ. Между тѣмъ какъ производилъ Державинъ, по его развѣдываніямъ, въ Калугѣ слѣдствіе, успѣлъ онъ изъ Москвы прежде его пріѣхать въ въ Петербургъ и тутъ узнать о тяжебномъ важномъ дѣлѣ, находящемся уже въ Государственномъ Совѣтѣ, между нѣкоторою госпожею Надаржинскою и Кондратьевымъ. Сей послѣдній опровергалъ ея бракъ и дочь внѣ брака зачатую, чѣмъ онъ пріобрѣталъ послѣ ея мужа, а своего дяди, великое недвижимое и движимое имѣніе, въ Малороссіи находящееся. Разныя были мнѣнія на той и на другой сторонѣ, а сильнѣшая партія тогдашняго времени, то есть вскорѣ по восшествіи на престолъ Императора Александра, какъ то: г. Зубова, была на сторонѣ Кондратьева. Каразинъ свѣдалъ о семъ дѣлѣ, и хотя онъ прежде былъ на сторонѣ племянника, но узнавъ, что вдова имѣетъ дочь лѣтъ 13-ти, которая, по утвержденіи законности ея рожденія, могла быть богатая невѣста, имѣющая въ приданное болѣе 5000 душъ, то и вознамѣрился ходатайствовать за нее, съ тѣмъ, чтобъ получить ее себѣ въ замужество ([1]). Онъ подольстился къ матери, и хотя чрезъ переписку, весьма ласкательную, не получилъ точнаго обѣщанія о полученіи руки ея, но весьма великую надежду, съ тѣмъ, что ежели онъ ея дѣло исходатайствуетъ и пріобрѣтетъ ея склонность. Въ такомъ намѣреніи умѣлъ онъ внушить Государю, чтобы ежели дѣло Надаржинской, въ которой онъ, какъ сговоренной невѣстѣ, беретъ участіе, по запутанности обстоятельствъ и пристрастію членовъ Совѣта, поручитъ разсмотрѣнію г. Лагарпа, учителя Государя, который былъ тогда въ Петербургѣ, и Державина, какъ людей совѣстныхъ и знающихъ юриспруденцію, то они ему удобнѣе представятъ наилучшее мнѣніе.

---

(1) Это предположеніе Державина не исполнилось, да и врядъ ли было основательно. Василій Назарьевичъ Каразинъ († 1842) женатъ былъ на дѣвицѣ Бланкеннагель, родной внукѣ Голикова, собирателя извѣстій о Петрѣ Великомъ.

Императоръ на сіе соизволилъ, и графъ Валеріанъ Александровичь Зубовъ, который, какъ выше явствуетъ, былъ за Кондратьева, привезъ къ Державину, когда онъ совсѣмъ не ожидалъ, сіе дѣло, при запискѣ Каразина съ Высочайшимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе, хотя одинъ, для того, что Лагарпъ уже уѣхалъ во Францію. Поелику сіе дѣло такого было щекотливаго содержанія, что съ одной стороны по гражданскому закону, то есть уложенію, строго воспрещено выблядкамъ вступать въ наслѣдство и принимать фамилію отцовъ; а по духовнымъ правиламъ позволено привѣнчивать при совершеніи браковъ незаконныхъ дѣтей или такъ сказать усыновлять, какъ извѣстно, что многимъ таковымъ Императоръ далъ фамилію родителей и право послѣ нихъ наслѣдства, да и знатный примѣръ былъ въ Россіи, что Императрица Елизавета Петровна привѣнчана была при совершеніи брака Петра І-го и почиталась законною, а при томъ судя по совѣсти, что когда новорожденная, спустя послѣ брака два мѣсяца только, произошла на свѣтъ и отецъ призналъ ее своею дочерью, и братъ его, а ей дядя при жизни отца не оспоривалъ законности ея произхожденія, каковыхъ дѣтей юристы по многимъ примѣрамъ не отрицали права отцовскаго, то, поговоря съ Синодальными членами и основался на духовныхъ законахъ, ими показанныхъ и что крайне бы безчеловѣчно было обезчестить благородную женщину, и невинную ни въ чемъ дочь ея лишить на вѣкъ и имени и имѣнія, отцовскаго, тѣмъ паче, что, при жизни его, дядя ея называлъ публично своею племянницею. А потому далъ Державинъ свое мнѣніе въ пользу сей несчастной сироты. И какъ онъ прежде отозвался такимъ образомъ только словесно, то между тѣмъ графъ Валеріанъ Зубовъ, котораго Государь очень любилъ и уважалъ, принесъ было къ нему заготовленный уже, по его приказанію, указъ въ пользу Кондратьева, то и хотѣлъ Государь подписать и взялъ уже перо, но сей молодой вельможа, хотя интересовался за Кондратьева, но столько былъ благороденъ и честенъ, что остановя руку Его, совѣтовалъ ему потребовать прежде отъ Державина письменнаго заключенія, и когда оно несправедливымъ

покажется, тогда уже заготовленный имъ конфирмовать указъ, на что Императоръ согласился, и по поднесеніи Державинымъ подробныхъ объясненій и доказательствъ правости дѣвицы, состоялся указъ въ ея пользу.

Послѣ того въ томъ же году, въ Августѣ мѣсяцѣ, поднесенъ былъ чрезъ графа Воронцова отъ вышеупомянутаго Калужскаго Комитета о губернаторѣ Лопухинѣ докладъ и просилъ указовъ какъ о немъ губернаторѣ, такъ и о прочихъ чиновникахъ, съ нимъ соучаствовавшихъ и о прикосновенныхъ къ тѣмъ дѣламъ. Сколько члены Комитета по связи съ прочимъ министерствомъ, благопріятствующимъ Лопухину, найти его невиннымъ и открыть притѣсненіе ему Державинымъ, при слѣдствіи учиненныя, ни старались, но не могли, а напротивъ того весьма удивлялись вездѣ снисхожденію ему оказываемому. И такъ найдено было 34 дѣла достойныхъ уваженія, какъ то въ смертоубивствѣ, въ отнятіи собственности, въ тиранствѣ и взяткахъ; а 12 такихъ, которыя, за первыми, уже не считались достойными уваженія, потому что означали болѣе шалость и непристойность въ поступкахъ, нежели зловредное намѣреніе, какъ то напримѣръ: ѣздилъ губернаторъ въ Губернскомъ Правленіи при всѣхъ служителяхъ на раздьяконѣ, присланномъ отъ архіерея, для отсылки въ военную службу за вины его, верьхомъ, приговаривая разныя прибаутки и похабныя слова; вводилъ въ государской праздникъ, во время торжественнаго благороднаго собранія, публичную распутную дѣвку, Француженку, давая ей мѣсто между почтенными дамами и приглашая съ собою и прочими кавалерами танцовать; пьянствовалъ вмѣстѣ съ Архіереемъ по ночамъ, ходя по улицамъ, выбивая въ домахъ окны, какъ то: у господина Демидова, отъ чего все и дѣло началось, и прочее, чего описывать здѣсь было бы подробно; а оставленъ присемъ экстрактъ и копія съ дѣла, которые любопытному не худо прочесть для узнанія нравовъ, въ семъ дѣлѣ замѣшанныхъ, и производства правосудія. Словомъ, сказанныя 34, уваженія достойныя дѣла, отосланы въ Сенатъ при указѣ отъ 16 Августа, въ коемъ повелѣно губернатора и соучастниковъ его судить, взявъ съ нихъ, въ чемъ нужно, дополнительные отвѣты, а 12-ть дѣлъ,

признанныхъ шалостію, отосланы къ господину Трощинскому для храненія въ кабинетской архивѣ. Хотя изъ нихъ ложный губернатора рапортъ, оклеветательный Державина, отъ 30 Генваря, о коемъ выше сказано, заслуживалъ по законамъ смерть; но Державинъ, какъ въ личной его обидѣ, просилъ членовъ Комитета оставить оный безъ уваженія, что̀ по просьбѣ его и исполнено. Симъ дѣло сіе не кончилось, но ниже по порядку продолженіе его объяснится.

Въ семъ же 1802 году, Октября 8 дня, состоялся Высочайшій манифестъ о министерствахъ, въ которомъ, въ числѣ прочихъ 8-ми, сдѣланъ Державинъ, Юстицъ министромъ, съ названіемъ купно генералъ-прокурора. Въ сей день въ вечеру, когда случились у Державина гости, пріѣхалъ къ нему господинъ Новосильцовъ и привезъ тотъ манифестъ, который отозвалъ его въ другую комнату, прочелъ ему по повелѣнію, какъ онъ сказалъ, Государя Императора, съ тѣмъ, чтобъ онъ ему далъ свое мнѣніе, примолвя, что онъ назначался было въ Финансъ-министры, а г. Васильевъ въ генералъ прокуроры; но какъ сей послѣдній не хотѣлъ принять на себя, невѣдомо почему, сего названія, а убѣдительно просилъ сдѣлать его Финансъ-министромъ, то Державину и судила судьба быть Юстицъ министромъ, а Васильеву Финансовъ. Поелику Державинъ уже видѣлъ указъ о министерствахъ подписаннымъ, къ сочиненію котораго онъ приглашенъ не былъ, а сочиняли его, сколько опослѣ извѣстнымъ учинилось, графъ Воронцовъ и г. Новосильцовъ, или лучше сказать тогда составляющіе партикулярный или дружескій совѣтъ Государя Императора, съ помянутыми двумя, князь Черторижскій и и г. Кочубей, люди, ни государства ни дѣлъ гражданскихъ основательно не знающіе, то хотя бы можно было въ немъ важные недостатки замѣтить, о которыхъ ниже, при удобности, помянется; но какъ уже было дѣло сдѣлано, то Державинъ и отозвался, что онъ ничего противъ подписанной Его Величества воли сказать не можетъ. Министрами были сдѣланы: Иностранныхъ дѣлъ графъ Воронцовъ, помощникомъ его князь Черторижскій, Финансъ-министръ графъ Васильевъ, помощникъ г. Гурьевъ, Коммерцъ-коллегіи графъ Румянцовъ, Внутреннихъ Дѣлъ г. Кочубей, Военныхъ и Су-

хопутныхъ силъ г. Вязмитиновъ, Морскихъ силъ г. Мордвиновъ, помощникъ у него г. Чичаговъ, Просвѣщенія графъ Заводовскій, помощникъ его г. Новосильцовъ, который отправлялъ должность и правителя канцеляріи сего комитета; Юстицъ министромъ Державинъ. На другой день было собраніе сего министерскаго комитета у графа Воронцова, яко старшаго члена. Оно было, такъ сказать, для пробы, какимъ образомъ заниматься ему производствомъ дѣлъ въ личномъ присутствіи Государя Императора. Державинъ тутъ же открылъ свое мнѣніе, что безъ основательныхъ инструкцій или наставленій для каждаго министра, по его должности, не будетъ отъ сего комитета въ государственныхъ дѣлахъ никакой пользы, ни успѣха, а напротивъ будутъ впадать въ обязанности одинъ другаго, перессорятся, и все пойдетъ въ безпорядокъ, что̀ къ несчастію и случилось, о чемъ далѣе объяснится; но господа сочлены всѣ возстали, а особливо графъ Воронцовъ противъ сего мнѣнія, сказавъ, что въ инструкціяхъ на первый случай нѣтъ нужды, и что со временемъ оныя можно дать И такъ вскорѣ послѣ того на семъ основаніи открытъ министерскій комитетъ въ личномъ присудствіи Государя Императора, который собирался, какъ и нынѣ, по два раза въ недѣлю, и именно, по вторникамъ, и пятницамъ, во дворцѣ, во внутреннихъ комнатахъ Государя. Въ первое самое собраніе Державинъ то же самое, какъ выше, объявилъ, что безъ инструкцій не можно съ пользою дѣйствовать сему комитету, что̀ и записано по просьбѣ его въ журналъ; но прочіе господа сочлены объявили то же, чтобъ по времени сочинить ихъ. Державинъ въ непродолжительномъ времени и еще напомнилъ о томъ. Какъ Государь уже говорилъ, что въ томъ почти нужды нѣтъ, говоря, что онъ тѣмъ своимъ манифестомъ никакой отмѣны не сдѣлалъ въ производствѣ дѣлъ, Державинъ тотчасъ противное доказалъ, такъ что всѣ напримѣръ коллегіи только именемъ однимъ существуютъ, а не дѣломъ, ибо безъ всякаго разсужденія должны исполнять министерскія предложенія, или повелѣнія, даже такъ; что ежели бы было что явно отъ министра предложено противъ законовъ и пользъ государственныхъ, то коллегіи и никто изъ чле-

новъ ни куда не могутъ протестовать противъ онаго, но записать только у себя въ журналахъ. Противъ сего никто не могъ ни чего говорить, то Государь приказалъ подать каждому министру свое мнѣніе, на какомъ основаніи быть ихъ инструкціи, или что они въ себѣ содержать должны, дабы не впадать во власть другаго. Державинъ отвѣтствовалъ, что поелику въ манифестѣ о министерствахъ именно сказано, чтобъ Юстицъ-министру поступать по должности генералъ-прокурора, то онъ въ сей должности и имѣлъ свою инструкцію, и ни въ какой другой не имѣлъ надобности, пока другихъ министровъ должности или инструкціи изданы не будутъ; а когда оныя издадутъ, тогда онъ и увидитъ предъ собою свои обязанности, а равно и другихъ, до какой степени чья власть простирается. Поелику же по должности генералъ-прокурора, о коей въ манифестѣ сказано, власть и обязанность его простирается, яко око государево, на всѣ дѣла гражданскія и государственныя, то онъ и будетъ дѣйствовать до изданія новыхъ по оной; а между тѣмъ, чтобъ въ дѣлахъ замѣшательства не было и господа прокуроры не входили бы до нихъ въ непринадлежащее, то нужнымъ онъ находитъ дать ордеры прокурорамъ, какимъ образомъ имъ относительно министровъ поступать, которые, съ апробаціи Его Величества въ присутствіи министерскаго комитета, учинены и даны были отъ 26 Октября 1802 года, и разосланы къ исполненію по всей Имперіи. Такимъ образомъ и пошло кое какъ теченіе дѣлъ относительно правленія государственныхъ, чрезъ министерскій комитетъ; но какъ Сенатъ отмѣненъ не былъ и повидимому оставался не токмо въ прежней формѣ, но и силѣ, то и пошла путаница день отъ дня болѣе. Напримѣръ законъ Петра Великаго и Екатерины II говоритъ, что Сенатъ не имѣлъ власти самъ собою распоряжать государственными суммами сверхъ 10,000 рублей; но тутъ, безъ всякаго уваженія какого либо Государственнаго члена или Совѣта, и остереженія прокуроровъ, подавали сами отъ себя министры доклады Государю о милліонахъ, который ихъ и конфирмовалъ, и уже сего исправить не можно было, а потому, и зачали министры тащить казну всякой по своему желанію.

Державинъ первый таковой докладъ усмотрѣлъ, поданный отъ господина Кочубея и остановилъ было его въ Сенатѣ; но какъ на то благоволеніе Императора не послѣдовало, то и долженъ былъ замолчать съ непріятностью. Равнымъ образомъ зачали заключать министры контракты, сверхъ власти имъ данной, на превосходныя суммы, безъ уваженія Сената, какъ то г. Чичаговъ на поставку провіанта въ морской флотъ съ купцомъ Косиковскимъ сдѣлалъ контрактъ безъ торговъ и публикацій на нѣсколько милліоновъ; противъ чего также спорилъ Державинъ, но и на то Государь не соизволилъ, то и стали сами по себѣ приходить законы въ неуваженіе день отъ дня болѣе, и правительство не только ослабѣвать и различаться, какъ и отъ того, что прежде важныя мѣста занимались и награждались знатными чинами по представленію Герольдіи и по докладу Сената Государю, а тутъ все то пошло по прихотливой волѣ каждаго министра, въ коего распоряженіи не токмо по Генеральному Регламенту никто не долженъ былъ вмѣшиваться, но и генералъ-прокуроръ, то и спала съ господъ министровъ всякая обузданность, а потому и забота. Стали дѣлать, что кому захотѣлось. Хотя въ министерскихъ комитетахъ и докладывано было дѣло, но безъ всякихъ справокъ и соображеній; а потому въ присутствіи Императора заводить споры безъ точнаго освѣдомленія было не ловко, да и не пристойно о томъ говорить, о чемъ достовѣрно не знаешь, то также всѣ дѣла пошатнули ко вреду государства, а не къ пользѣ. Напримѣръ.

I-е. Предложено было отъ Финансъ-министра по лѣсной части, чтобъ казенныя лѣса измѣривъ, привести просѣками въ геометрическія фигуры, а годныя деревья для корабельнаго строенія перечислить, какъ во Франціи и другихъ иностранныхъ земляхъ. Державинъ, судя по пространству Россійской имперіи, говорилъ, что этого сдѣлать не можно; сверхъ того при производствѣ произойдетъ отъ того множество споровъ и разоренія крестьянамъ, а болѣе казеннымъ отъ взятокъ, какъ то болѣе, чѣмъ при генеральномъ межеваніи случалось, а со временемъ, когда умножится народонаселеніе, то это само по себѣ выдетъ; споры будутъ

отъ того, что захотятъ подъ лѣса отводить, дабы сдѣлать правильную геометрическую фигуру, пахотныя земли, другіе будутъ до того не допускать, и въ семъ случаѣ непремѣнно произойдутъ срывы и взятки; что пересчитывать деревья почти нѣтъ возможности, да и пользы отъ того не будетъ; что измѣреніе сіе продолжиться можетъ нѣсколько лѣтъ и едва ли въ жизнь нашу окончится, а удобоисполнительнѣе и полезнѣе будетъ держаться въ семъ случаѣ постановленій Петра Великаго, и что казенные лѣса отвести къ однимъ мѣстамъ при судоходныхъ рѣкахъ и окопать ихъ валомъ, назвавъ заповѣдными рощами, которыя пріумножить въ удобныхъ мѣстахъ насадкою при казенныхъ же селеніяхъ; заклеймя отдать сберегать лѣса самимъ крестьянамъ, обязать ихъ подпискою и штрафомъ за вырубку, а именно отдачею виновныхъ въ рекруты, а вахтмейстеровъ отмѣнить, потому что извѣстно, какъ злоупотребленіемъ ихъ болѣе изводятся лѣса, нежели сберегаются; для партикулярныхъ деревьевъ, годныхъ для корабельнаго строенія, назначить порядочныя цѣны, то будутъ сами помѣщики для прибыли своей ихъ беречь. Словомъ по сему спору, положено сдѣлать пробу сперва только по одной Новогородской губерніи, что измѣрить и привесть лѣса въ правильныя геометрическія фигуры, то есть въ циркули, квадраты, треугольники и прочее, что̀ и предписано; однако же по сіе время чрезъ 10 лѣтъ и одного уѣзда не сдѣлано по неудобности, что въ сей губерніи лѣса почти всѣ на болотахъ, изъ чего выходитъ, что надобно прежде осушать болота, а потомъ уже приступить къ измѣренію и описи.

II-е. Внутренній министръ предложилъ, чтобъ дозволить Іезуитамъ вводить католическую вѣру и даже преклонять въ оную чрезъ миссіонеровъ магометанскіе и идолопоклонническіе народы, обитающіе въ Астраханской, Оренбургской и Сибирскихъ губерніяхъ. Державинъ говорилъ, что довольно терпимости вѣръ, какова оная существуетъ теперь въ имперіи, а дѣлать католическую владычествующею неприлично достоинству имперіи, что̀ можетъ потрясти духъ народа и произвести со временемъ мятежъ и возмущеніе, каковы были во Франціи и въ Нѣмецкой землѣ. Но лучше бы приложить

стараніе о посылкѣ миссіонеровъ къ иновѣрнымъ идолопоклонническимъ и магометанскимъ народамъ, дабы ихъ привесть въ религію Греческаго исповѣданія, какъ дѣлалъ Царь Иванъ Васильевичъ, и пріучить ихъ къ хлѣбопашеству и прочимъ обычаямъ и правамъ коренныхъ Русскихъ подданныхъ, что бы умножило силу и твердость имперіи, и какъ къ мнѣнію Державина присталъ графъ Румянцевъ, то Кочубеево по сей матеріи и не принято къ производству.

III-е. Отъ Иностраннаго министра графа Воронцова предложено было объявить Шведамъ войну за то, что чрезъ пограничную рѣку Тюмень выкрасили они весь мостъ не пестрыми красками, какъ у насъ всѣ казенные зданія красятся, черною и бѣлою шахматно, но одною своею; но Державинъ и графъ Румянцовъ противуполагали, чтобъ прежде переписаться съ министромъ, чѣмъ открывать вдругъ военныя дѣйствія за такую бездѣлицу, можетъ быть, съ недоумѣнія нижнихъ чиновъ происшедшую, съ чѣмъ и согласились, приказавъ однако до полученія отвѣта приготовиться нѣкоторымъ полкамъ къ походу, а нѣкоторымъ и сдѣлать движеніе.

IV-е. Державинъ настоялъ, чтобъ по государственному казначейству приложено было стараніе о скорѣйшемъ окончаніи годовыхъ отчетовъ, какъ то Бергъ-Коллегія въ отпускаемыхъ къ ней на содержаніе горныхъ машинахъ за нѣсколько лѣтъ, болѣе чѣмъ въ 15 милліоновъ рублей, не считана была; и съ откупщиками по винокуреннымъ откупамъ болѣе нежели 120,000 дѣлъ разсчетныхъ не кончено было, то бы оныя скорѣе кончить и обозначить казнѣ принадлежащія великія суммы, которыя годъ за годъ длятся и подходятъ подъ милостивые манифесты, или по выбытію заложенныхъ имѣній въ другія руки къ взысканію казенному становятся неудобными. Но Финансъ-министръ на сіе весьма не рѣшался, и даже препятствовалъ разными образами и увертками. Каковыя злоупотребленія по непопеченію министровъ и по нынѣ во всей своей силѣ существуютъ, по сей причинѣ, что казенныя палаты и сената первый департаментъ самъ устанавливалъ кондиціи, исполнялъ ихъ и взысканіе чинилъ недоборамъ, а нынѣ еще хуже, что все

то дѣлаетъ одинъ министръ, то натурально, что откупщики задабриваютъ казенныя палаты, сенатскихъ производителей и министра, которые потаеннымъ образомъ, подъ чужими именами, съ ними входятъ въ доли откупа, и потому мирволятъ имъ разными образами въ полномъ взносѣ въ срокъ въ казну откупныхъ суммъ, такъ что къ послѣднему, то есть къ четвертому году откупа, всегда остается нарочитая недоимка, а по всему государству нѣсколько милліоновъ, которые, за неокончаніемъ, изъ году въ годъ, разсчетовъ не взыскивается, а наконецъ остается такъ сказать въ забвеніи; ибо тѣ, на которыхъ возложено попеченіе о томъ, будучи интересованы, не заботятся, а другіе государственные чины и сенаторы до себя не принадлежащимъ почитаютъ дѣломъ, если генералъ-прокуроръ, какъ государства око, не вступитъ и не будетъ отправлять своей должности по законамъ Петра Великаго и Екатерины II-й. Поелику же Державинъ говорилъ о семъ какъ Финансъ-министру, такъ и прочимъ по ихъ частямъ, какъ-то Морскому министру г. Чичагову, что онъ заключилъ контракты на нѣсколько милліоновъ, безъ порядку, въ законахъ постановленнаго, и не хотѣлъ быть ни у кого подъ отчетомъ, то господа министры и пошли всѣ противу Державина, стараясь его разными способами очернить въ мысляхъ Императора, въ чемъ чрезъ нѣсколько времени и успѣли, какъ то ниже усмотрится. Хотя же Императоръ и самъ желалъ, чтобъ министры каждогодно всякій по своей части подавали отчеты сенату, о чемъ и въ манифестѣ о министерствахъ сказано, но какъ не было инструкціи, какою процедурою, чрезъ кого и кому тѣ отчеты въ сенатѣ разсматривать, то Державинъ и настоялъ у Императора, чтобъ непремѣнно и въ первый годъ министерства отчеты были поданы, хотя того и требовать отъ нихъ не можно было, ибо они не вошли еще въ достаточное познаніе всего того, чѣмъ управляютъ; что въ сенатѣ не было еще ни сенаторовъ, ни производителей, знающихъ въ подробности государственныя части, на примѣръ коммерческую, бергколлежскую, финансовую, военную, сухопутную и морскую и прочія, то и не кому было доказывать министровъ въ случаѣ ихъ погрѣшностей и въ напрасномъ ущербѣ

казенныхъ суммъ; а потому опъ Державинъ и подалъ Императору записку, чтобъ на первый случай, покудова установится порядокъ, для разсмотрѣнія отчетовъ выбрать трехъ, или четырехъ человѣкъ сенаторовъ, придавъ имъ по каждой части по оберъ-секретарю, которые, предварительно предъ докладомъ общему собранію, вникли подробно въ каждую часть и, сдѣлавъ свои примѣчанія, докладывали прежде своему комитету, а потомъ уже и общему собранію, по внесеннымъ откуда слѣдуетъ справкамъ изъ подлинныхъ документовъ. Но какъ сенаторы были выбраны слабые и части государственныя почти или вовсе не свѣдущіе, то и было разсмотрѣніе сего перваго отчета, такъ сказать, одна проформа, или епанча, подъ которою министры могли крыть свои небреженія и самыя злоупотребленія безнаказанно. Но какъ, въ бытность Державина министромъ юстиціи, первые отчеты были не окончены, а по окончаніи никакъ ни въ въ чемъ не исправлены, то въ такомъ положеніи и остались и понынѣ, то есть болѣе игрушкою, нежели государственнымъ дѣломъ; ибо, сколько по слухамъ было извѣстно, министръ морскихъ силъ г. Чичаговъ и отвѣчать не хотѣлъ въ общемъ собраніи и вышелъ изъ него съ грубостію и презрѣніемъ, когда у него спросили, по какой причинѣ онъ флотъ, бывшій при Екатеринѣ, истребилъ, а новаго не сдѣлалъ. Словомъ по таковымъ съ одной стороны министровъ безпорядкамъ, а съ другой, то есть Державина безпрестаннымъ возраженіямъ и непріятнымъ Государю докладамъ, и сталъ онъ скоро приходить часъ отъ часу у Императора въ остуду, а у министровъ во вражду.

Наконецъ нижеслѣдующее приключеніе обнаружило первое ихъ противъ него покушеніе. Министръ Военныхъ силъ г. Вязмитиновъ докладывалъ по волѣ Государя Императора, что унтеръ-офицеры изъ дворянъ, и особливо изъ Поляковъ, никакъ не хотятъ служить, всячески отбывая отъ службы, именно едва успѣютъ вступить въ оную, то уже просятся въ отставку. Положено было, чтобъ подтвердить указъ Императора Петра III и потомъ Екатерины II, чтобъ дворянъ, недослуживших оберъ-офицерскаго чипа, прежде 12 лѣтъ службы ихъ, въ отставку не увольнять. О семъ состоялся

указъ, помнится въ Декабрѣ мѣсяцѣ, который въ сенатѣ безъ всякаго сумнѣнія или замѣчанія прочтенъ и записанъ. 9 дней прошло, какъ о томъ никто не говорилъ; наконецъ въ пятницу, какъ въ день общаго собранія, поднесъ Державину оберъ-секретарь мнѣніе графа Потоцкаго, по тому указу послѣдовавшее, сказывая, что онъ его принять безъ его повелѣнія не смѣетъ, какъ по самому его содержанію, такъ и потому, что уже въ общемъ собраніи дѣло сіе кончено, то есть указъ принятъ и отосланъ въ военную Коллегію для исполненія. Державинъ, разсмотрѣвъ мнѣніе и увидя, что оно написано не токмо дерзко противъ сената, который непристойными выраженіями разруганъ, но и противъ Государя неприлично, который какъ бы въ какомъ народномъ правленіи сравненъ со всѣми гражданами, и тому подобная нелѣпица, не соотвѣтствующая законамъ, то Державинъ, не приказавъ его записывать, оставилъ у себя. Въ слѣдующее воскресенье, какъ въ день докладной, представя то мнѣніе Государю, доложилъ, что онъ таковой непристойной и законамъ нашимъ противной бумаги принять не можетъ, то какъ Онъ соизволитъ. Государь, какъ видно, зналъ о семъ мнѣніи, и едва ли не съ позволенія его оно написано, ибо тогда всѣ окружающіе его были набиты конституціоннымъ Французскимъ и Польскимъ духомъ, какъ то графъ Черторижскій, Н..........., К......, С......... и паче всѣхъ, какъ атаманъ ихъ, графъ В........, который, какъ уже выше сказало, въ сенатѣ при разсужденіи о правахъ онаго, вводилъ мнѣнія аристократическія или ослабляющія единодержавную власть Государя; но не былъ же тому противнымъ, сколько видно было, и графъ В....... З....., бывшій тогда въ совѣтѣ и въ уваженіи Императора, то Онъ и отвѣчалъ на докладъ Державина весьма рѣзко, сими точно словами: « Что же мнѣ не запретить мыслить, кто какъ хочетъ! пусть его подаетъ, и сенатъ пусть разсуждаетъ. » Державинъ докладывалъ, что таковыя мнѣнія приводятъ особу Его и правительство въ неуваженіе, что можно подавать мнѣніе, но въ свое время и согласно законамъ. Государь отвѣтствовалъ: « Сенатъ это и разсудитъ, а Я не мѣшаюсь. Прикажите доложить въ слѣдующую пят-

ницу.» Докладывано, и какь вся партія, хотѣвшая ослабить власть самодержавнаго Императора и привесть ее къ министерству и сенату, то и возсталъ такой крикъ, что и слышать было не можно; словомъ, что всѣ одобряли мнѣніе графа Потоцкаго, сказавъ, чтобъ противъ имяннаго указа, принятаго уже сенатомъ, во опроверженіе его, подать Государю докладъ, чтобъ дворянство служило или не служило, отдать ему на волю. Одинъ только сенаторъ Шепелевъ, будучи хорошій пріятель Державину, подошедъ къ нему, спрашивалъ тихонько, что дѣлать, которому онъ шепнулъ, чтобъ онъ не соглашался съ революціонными мыслями, а держался бы старыхъ законовъ, который такъ и сдѣлалъ; да опослѣ, по совѣту Державина же, сенаторъ Аникѣевскій при подпискѣ журнала объявилъ, что онъ отступаетъ отъ прежняго своего мнѣнія, а присоединяется къ Шепелеву. Державинъ въ наступившій его докладной день донесъ о томъ Государю, что сенатъ весь противъ его. Онъ такъ сильно встревожился, что поблѣднѣлъ и не зналъ, что сказать; но Державинъ успокоилъ его, сказавъ, чтобъ онъ не изволилъ смущаться, а позволялъ ему отправлять его должность, какъ законы повелѣваютъ. Государь согласился, и генералъ-прокуроръ долженъ былъ дать предложеніе сенату, въ которомъ разныя мнѣнія сенаторовъ соглашались на точную силу законовъ; но къ несчастію занемогъ простудою, такъ что не могъ писать, а правитель его канцеляріи, и прочіе письмоводцы, или не хотѣли понимать его мыслей, боясь сильной противной партіи, или не умѣли изобразить ихъ по его желанію. Болѣзнь, сколько сама собою, и из отъ чрезвычайной чувствительности и потрясенія всѣхъ нервъ, что Россійскій сенатъ не токмо позволяетъ унижать себя пришельцу и врагу отечества, но еще, защищая его, идетъ противъ своего Государя и тѣмъ самымъ кладетъ начальное основаніе несчастію государства, допуская засѣвать сѣмя мятежей или революціи, подобной Французской,—такъ умножилась, что Державинъ не могъ написать мнѣнія, но неоднократнымъ присылкамъ графа Валеріана Александровича Зубова, князя Александра Николаевича Голицына и наконецъ Новосильцова, изъ которыхъ первый былъ сперва на

сторонѣ Потоцкаго, но когда Державинъ объяснилъ ему, что это Поляки хотятъ разорить нашу военную силу, дабы, изнѣживъ дворянство, сдѣлать его неспособнымъ къ военной службѣ, слѣдовательно къ защитѣ отечества; ибо безъ офицеровъ и генераловъ-дворянъ военная наша сила изчезнетъ, а мы рано или поздно, таковымъ ухищреніемъ, будемъ добычею враговъ нашихъ. Что же касается до того, что отцы и матери ропщутъ, что дѣти ихъ должны будутъ служить 12 лѣтъ въ унтеръ-офицерахъ, и что это для нихъ унизительно и несносно, то онъ ему объяснилъ прямую силу указа, въ которомъ сказано, что недослужившихся до оберъ-офицерскаго чина унтеръ-офицеровъ прежде 12 лѣтъ не отставлять, но кто будетъ оберъ-офицеромъ, тѣхъ позволено отпускать изъ службы чрезъ годъ, и какъ чрезъ все царствованіе Екатерины сей законъ не отмѣнялся и дворянство себя утѣсненнымъ не считало, и выходило изъ службы подъ видомъ болѣзней, когда хотѣло, и нужды въ томъ не имѣло, ибо гораздо прежде 12 лѣтъ дослуживались до оберъ-офицерскихъ чиновъ, а особливо въ гвардіи; да ежели и чрезъ 12 лѣтъ кто получилъ офицерское достоинство, то никакого въ томъ притѣсненія нѣтъ, ибо въ самые высшіе чины государства довольно еще время остается дослужить, какъ то̀ своимъ собственнымъ опытомъ доказалъ Державинъ, что, служа 12 лѣтъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ, дошелъ до генералъ-прокурорскаго чина; то графъ Зубовъ, по таковомъ объясненіи, и отступилъ отъ прежняго своего мнѣнія и былъ согласенъ съ Державинымъ. Какъ онъ, по облегченіи своемъ, написалъ кое-какъ свое предложеніе сенату; но не могъ еще самъ выѣзжать, то пріѣзжалъ къ нему онъ, графъ Зубовъ, отъ Государя и требовалъ заготовленное его предложеніе прежде отсылки въ сенатъ, на разсмотрѣніе Его Величества. А какъ оное было хотя справедливо, но слишкомъ горячо написано противу Потоцкаго, то и получилъ обратно, съ почерненіемъ нѣкоторыхъ строкъ, съ такимъ приказаніемъ, чтобы предложеніе было поскорѣе дано сенату, дабы унять молву народную, разсѣвающуюся по сему случаю съ разными толками; но какъ Державинъ не совершенно еще отъ болѣзни оправился, и доктора ему не позволяли выѣзжать, ибо къ

простудѣ отъ чрезвычайнаго огорченія на подлый поступокъ сената, разлилась желчь, то чуть было не умеръ. А потому и нашелся онъ въ необходимости препоручить предложеніе свое представить сенату, какъ старшему оберъ-прокурору перваго департамента, князю Александру Николаевичу Голицыну. Между тѣмъ въ продолженіи сего времени мнѣніе графа Потоцкаго дошло въ Москву, которое тамъ знатное и можно сказать глупое дворянство приняло съ восхищеніемъ, такъ что въ многолюдныхъ собраніяхъ клали его на голову и пили за здоровье графа Потоцкаго, почитая его покровителемъ Россійскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія; а глупѣйшія, или подлѣйшія души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодѣевъ, выставить на перекресткахъ, замаравъ ихъ дермомъ для поруганія, не проникая въ то, что попущеніемъ молодаго дворянства въ праздность, нѣгу и своевольство безъ службы, подкапывались враги отечества подъ главную защиту государства. Голицынъ представилъ сенату предложеніе генералъ-прокурора, которымъ онъ соглашалъ давшихъ разныя мнѣнія на единомысліе, но будучи человѣкъ молодой и неопытный, не умѣлъ сберечь совершенно порядка законнаго, то есть не приказавъ сбирать голосовъ съ младшихъ, тѣмъ допустилъ возвысить свой голосъ или напередъ вызваться господина Трощинскаго, какъ главнаго предводителя противной партіи, своимъ мнѣніемъ, прежде нежели было разсуждаемо и прежде нежели было ему должно, чѣмъ безголовыхъ или лучше бездушныхъ сенаторовъ, то есть глупцовъ и трусовъ, привелъ въ смятеніе и безгласность, которые потомъ пристали къ тѣмъ, которые себя объявили съ Трощинскимъ согласными, кромѣ однако двухъ, Шепелева и Аникѣевскаго и третьяго Гурьева, который отозвался ни въ ту, ни въ другую сторону. Министры всѣ, сколько можно было догадаться, ни чѣмъ не отозвались изъ политическихъ видовъ, потому что съ одной стороны ихъ согласіе было уже на представленіе Вязмитинова въ министерскомъ комитетѣ, а съ другой главнѣйшіе изъ нихъ, какъ выше объяснено, жили аристократическимъ правленіемъ, то есть, чтобъ усиля сенатъ, воономъ господствовать. Поелику же

таковое разногласіе сенаторовъ и послѣ согласительное предложеніе генералъ-прокурора по силѣ законовъ требовало особой процедуры, то есть, чтобъ вносились мнѣнія сенаторовъ и предложеніе генералъ-прокурора, безъ всякого приговора, на разсмотрѣніе Императорскаго Величества, а потому, по выздоровленіи, Державинъ выѣхалъ въ наступающую пятницу въ сенатъ, и какъ по обыкновенію стали подписывать журналъ прошедшаго собранія, то и требовали сенаторы противной партіи, разумѣется, горланы или крикуны, Алексѣевъ и прочіе, чтобъ былъ написанъ приговоръ по ихъ мнѣнію, и даже давали о томъ приказаніе оберъ-секретарю; но какъ по законамъ канцелярія сената непосредственно состояла подъ управленіемъ генералъ-прокурора, безъ апробаціи котораго не могли приговоры быть ни поднесены къ подписанію сенаторовъ, ни послѣ подписки отданы къ исполненію, то оберъ-секретарь, не могши самъ собою исполнить приказанія сенаторовъ, докладывалъ генералъ-прокурору предъ всѣми вслухъ, что онъ прикажетъ, писать ли приговоръ. Державинъ отвѣтствовалъ: поступить по законамъ, внести дѣло безъ приговора для представленія Его Величеству. Такъ отвѣтствовалъ Державинъ. « Нѣтъ », закричали нѣсколько сенаторовъ : « мы приказываемъ, пиши приговоръ. » « Этого нельзя », возразилъ Державинъ. Тутъ Алексѣевъ и Строгановъ возопили безъ всякой пристойности: « Какъ насъ не слушать ! мы вамъ приказываемъ написать приговоръ. » Державинъ, видя таковое неистовство и несвѣдѣніе законовъ, возвыся голосъ, сказалъ: « Его Величество изволилъ приказать взнести все дѣло безъ приговора на Его разсмотрѣніе. » — « Какъ Его Величество? » закричали Строгановъ и Алексѣевъ, « клевета ! клевета ! » — « Нѣтъ не клевета », съ твердымъ голосомъ сказалъ Державинъ протоколисту: « запиши все происшествіе въ журналъ. » Послѣ сего всѣ оробѣли и замолкли. Державинъ на сей непредвидимый случай, хотя не имѣлъ точнаго имяннаго повелѣнія Государя Императора ; но какъ законъ именно повелѣвалъ вносить таковыя спорныя дѣла, безъ приговоровъ , къ Императорскому Величеству , то чтобъ устрашить мятежъ сенаторовъ, онъ, опершись на сказанный

законъ, объявилъ волю Императора самъ собою, поелику ей инаковой не признавалъ быть, какъ согласной съ закономъ, что̀ онъ все послѣ и пересказалъ Государю и получилъ отъ него благоволеніе. Подобное сему малодушіе и несвѣдѣніе законовъ показалъ сенатъ и при семъ первоначальномъ предположеніи генералъ-прокуроромъ мнѣнія графа Потоцкаго.

Не излишне почитаю, какъ нѣсколько смѣшное приключеніе, распространить сіе подробнѣе. Когда назначено было собраніе для выслушанія того мнѣнія, то сказано было въ повѣсткахъ, что сзывается Сенатъ для выслушанія нѣкотораго государственнаго дѣла. Почему и велѣлъ Державинъ приготовиться канцеляріи Сената съ возможнымъ уваженіемъ и припасти нужное, а между прочимъ и молотокъ деревянный Петра Великаго, хранящійся въ ящикѣ на генералъ-прокурорскомъ столѣ и песочные часы, которые онъ употреблялъ, во время слушанія важныхъ дѣлъ. Таковымъ образомъ, когда начали читать дѣло, то онъ ударялъ по столу молоткомъ, давая чрезъ то знать, чтобъ обращено было вниманіе къ выслушанію читаемаго и никакихъ бы постороннихъ разговоровъ во время чтенія не происходило; а когда оканчивалось чтеніе, то онъ приказывалъ секретарю, который производилъ дѣло, сбирать голоса, начиная съ младшаго, которые давали сенаторы письменные или словесные; по собраніи коихъ читались оные въ слухъ, и, если открывалось несогласіе, тогда онъ, по Генеральному Регламенту, давалъ часъ на разсужденіе, или на диспутъ, и для того то поварачивалъ часы верхнею скляночкою на низъ и смотрѣлъ, покудова изъ верхней въ нижнюю перекатится весь песокъ, что̀ означало часъ,—тогда ударялъ молоткомъ по столу, давая тѣмъ знать, чтобъ перестали спорить, садились бы на мѣста свои и давали бы рѣшительные голоса, которые протоколистомъ записывались, и буде были согласны, то такимъ образомъ и рѣшалось дѣло; ежели жъ были разные, то его голосъ или имянный указъ совершенно оканчивалъ дѣло. Такъ поступалъ и бывшій при немъ (1) ге-

---

(1) Т. е. при Петрѣ Великомъ.

нералъ-прокуроромъ графъ Ягужинскій, когда не присутствовалъ Государь въ Сенатѣ. Было ли послѣ его такое употребленіе молотка и песочныхъ часовъ—неизвѣстно; многіе однако говорили, что не было. Державину разсудилось оные употребить, дабы придать болѣе уваженія дѣлу, коимъ, такъ сказать, боролось монархическое правленіе съ аристократическимъ. Первое защищалъ генералъ-прокуроръ, удерживая единодержавную власть при Государѣ, а вторую сенатъ, присвоявшій нѣкоторую часть власти себѣ, въ томъ разумѣ, что ежели онъ въ правѣ всегда будетъ на имянные указы дѣлать цензуру, или свои примѣчанія, и входить о томъ съ докладомъ къ Императорскому Величеству, ибо хотя законами Петра Великаго и Екатерины второй и позволено Сенату входить съ докладомъ къ государю въ сомнительныхъ случаяхъ, когда какой законъ или указъ не ясенъ или неудобоисполнителенъ или вреденъ государству; но иначе сего не дѣлывалось, какъ чрезъ генералъ-прокурора, съ докладу Императорскаго Величества, собрать коллегіи и трактовать съ возможною осмотрительностью и уваженіемъ предстоящихъ сумнѣній, а потомъ, что положено будетъ, входить съ докладомъ и испрашивать повелѣнія, которое уже безопасно исполнено, а не такъ чтобъ одному сенату самому собою, не чрезъ генералъ-прокурора, дана была власть подавать таковые доклады. Сіе было уже почти аристократія. Словомъ: когда было предложено помянутое мнѣніе Потоцкаго и данъ былъ часъ на диспутъ, то сдѣлался великій шумъ, сенаторы встали съ своихъ мѣстъ и говорили между собою съ горячностію, такъ что едва ли другъ друга понимали, и прошелъ часъ на диспутъ данный. Державинъ нѣсколько разъ показывалъ часы, просилъ, чтобъ садились на ихъ мѣста и давали свои голоса; но его не внимали. Тогда, сѣдши на свое мѣсто за генералъ-прокурорскій столъ, ударилъ по оному молоткомъ. Сіе какъ громъ поразило сенаторовъ, поблѣднѣли, бросились на свои мѣста, и сдѣлалась чрезвычайная тишина. Не знаю, что было этому причиною, не показалось ли имъ, что Петръ Великій всталъ изъ мертвыхъ и ударилъ своимъ молоткомъ, къ которому, по смерти его, никто не смѣлъ прикоснуться.

И по городу были о семъ простомъ и ничего не значущемъ случаѣ многіе и различные толки; по обыкновенію недоброжелатели толковали въ невыгодную Державина сторону, говоря, что будто онъ на сіе не имѣлъ права, и что тѣмъ присвоилъ себѣ право Государя; но какъ Державинъ никакихъ противъ Императорскаго Величества намѣреній не имѣлъ, а напротивъ того защищалъ его самодержавную власть и молоткомъ ударилъ только для того, чтобъ разбредшихся сенаторовъ и шумящихъ усадить скорѣе на ихъ мѣста и побудить къ дачѣ ихъ голосовъ, то сами по себѣ всѣ пустые толки исчезли. При докладѣ Государю о всемъ происходившемъ по сему дѣлу въ сенатѣ, Державинъ нѣсколько разъ внушалъ ему, что, защищая Его права, какъ генералъ-прокуроръ, много онъ себѣ новыхъ надѣлалъ злодѣевъ, и что не приминутъ его всячески очернивать и приводить къ Нему въ немилость; но Государь всегда увѣрялъ его, что онъ его не выдастъ и чтобъ онъ отправлялъ свою должность, не боясь никого, по законамъ. Но противная сторона, какъ то окружавшіе Государя Поляки и Польки, сильнымъ образомъ и непрестанно работали, по сему дѣлу, покудова оно производилось въ Сенатѣ, уменьшая его важность и оправдывая Потоцкаго и сенаторовъ, противъ его власти возстававшихъ, такъ что Державинъ примѣтилъ Его гораздо умягченнымъ противъ нихъ и перемѣнившимъ Его мнѣнія противъ того, когда Ему онъ первоначально доложилъ, что всѣ согласились съ мнѣніемъ Потоцкаго; тогда Онъ съ негодованіемъ сказалъ: « Я имъ дамъ себя знать. » Такимъ образомъ внесено было дѣло сіе съ разными мнѣніями безъ приговора къ Государю. Долго онъ его одинъ, или съ кѣмъ либо изъ ближайшихъ ему совѣтниковъ, какъ то: Черторижскимъ, Новосильцовымъ, Кочубеемъ и Строгоновымъ, разсматривалъ, не говоря съ генералъ-прокуроромъ ни одного слова, изъ чего и познавалъ онъ, что противная сторона взяла перевѣсъ. Наконецъ на Ѳоминой уже недѣлѣ позволено было предстать депутаціи сената для объясненія сего дѣла предъ Государемъ, какъ о томъ въ правѣ сего правительства, при министерскомъ манифестѣ изданномъ, узаконено было, которое при преемникѣ Державина, князѣ Лопухинѣ отмѣнено. Со стороны сената

избранъ былъ для объясненія сего дѣла г. Трощинскій, который въ то время отправлялъ должность статсъ секретаря, и графъ Строгоновъ, а Державинъ одинъ защищалъ сторону генералъ-прокурора. При вступленіи въ кабинетъ къ Его Величеству, часу въ 7-мъ ввечеру, хотя еще свѣтло было, но неизвѣстно для чего гардины у оконъ были завѣшаны, и горѣли свѣчи. Великая вездѣ была тишина, и Государь одинъ дожидался; принялъ весьма важно самъ, при письменномъ столѣ, и депутаты садились, не говоря никому ни одного слова. Потомъ приказалъ Трощинскому читать бумаги, то есть мнѣніе Потоцкаго, резолюцію Сената, предложеніе согласительное Державина, и наконецъ послѣднее сенатское мнѣніе. По выслушаніи всталъ, весьма сухо сказалъ, что онъ дастъ указъ и откланялся. Предполагаемо было, что при таковыхъ депутаціяхъ Государь будетъ входить во всѣ подробности дѣлъ, то есть съ тою и другою стороною объясняться; но какъ этого тогда, да и послѣ, какъ слухи носились, никогда ничего не было, то и весьма хорошо, что онѣ отмѣнены, ибо никакой пользы не приносили и истины не могли въ полномъ ея свѣтѣ открывать Государю, которая по большей части зависитъ отъ чистосердечія и безпристрастія докладчика.

Дѣла текли по прежнему, и хотя съ тѣхъ поръ не примѣчалъ Державинъ въ Государѣ прежняго къ себѣ уваженія, однакоже не видалъ и недовѣренности. Спустя нѣкоторое время, къ великому всѣхъ удивленію, состоялся по Потоцкому дѣлу неожиданный указъ, которымъ не токмо сдѣлано уваженіе Сенату и законамъ, согласно предложенію генералъ-прокурора, но вовсе у него отнято право входить съ докладомъ къ Императорскому Величеству, по его въ состоящихся указахъ сумнѣніямъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ докладывалъ Державинъ Государю правила третейскаго совѣстнаго суда, имъ сочиненныя, надъ которыми трудился нѣсколько лѣтъ по многимъ опытамъ третейскаго судопроизводства, и посылалъ по многимъ своимъ пріятелямъ, знающимъ законы, для примѣчанія. Государь, выслушавши оныя правила, вскочилъ съ восторгомъ со стула и сказалъ: «Гавріилъ Романовичь! Я очень доволенъ, это весьма важное

дѣло.» Однако же тѣ правила и по сіе время не выданы къ исполненію. Слышно было, что г. Новосильцовъ ихъ не одобрилъ, по недоброхотному отзыву окружавшихъ его подъячихъ, Дружинина и прочихъ, для того, что они пресѣкали взятки и всякое лихоимство, что̀ было имъ не по мыслямъ; ибо тогда бы царство подъяческое прошло. Однако же при прощаніи съ Державинымъ, какъ ниже о томъ увидимъ, Государь побожился, что онъ тѣ правила введетъ въ употребленіе. Въ Маѣ мѣсяцѣ въ томъ году, то есть 1803-мъ путешествовалъ Государь въ Лифляндскія губерніи, а съ нимъ г. Новосильцовъ и графъ Черторижскій, и какъ они были враги Державина, то будучи съ Государемъ не малое время, такъ сказать, въ уединеніи, и довершили они Державину свое недоброжелательство, разными клеветами, какими именно—неизвѣстно; но только изъ того оное разумѣть можно было, что Державинъ, будучи, во время отсутствія Императора, отпущенъ въ Новогородскую свою деревню Званку на мѣсяць, не могъ за болѣзнію къ пріѣзду Государя возвратиться, то писалъ къ князю Голицыну, прося доложить, что замедленіе его происходитъ отъ болѣзни; но что онъ однако скоро будетъ. На что по пріѣздѣ получилъ отзывъ, что Ему нѣтъ въ немъ нужды, хотя бы онъ и вовсе не пріѣзжалъ. Державинъ, хотя почувствовалъ симъ отзывомъ неблаговоленіе себѣ Государя, но терпѣливо снесъ оное, стараясь, сколько силъ его было, исполнять наилучшимъ образомъ свою должность.

Съ того времени примѣтнымъ образомъ холоднѣе обращался Государь съ Державинымъ. Однакоже дѣла шли своимъ порядкомъ, имъ учрежденнымъ въ сенатѣ, весьма поспѣшно и безпристрастно, что̀ можетъ засвидѣтельствовать и нынѣ вся публика, такъ что онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что въ общемъ собраніи иногда въ одно засѣданіе по 4 дѣла рѣшено было. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, на Каменномъ острову, въ министерскомъ комитетѣ, читано было по Внутреннему министерству графомъ Кучубеемъ сочиненное господиномъ Сперанскимъ образованіе Внутренняго министерства, и какъ оно писано было, кажется, болѣе для того, чтобъ показать большое свѣдѣніе въ старинныхъ учрежденіяхъ разныхъ

нашихъ присутственныхъ мѣстъ, приказовъ и конторъ; а не съ тѣмъ, чтобъ принесть государственную пользу, какъ тò и оказалось послѣ, что все учреждаемое господиномъ Кочубеемъ и господиномъ Сперанскимъ—было несобразица съ настоящимъ дѣломъ,—то и было оно пространное сочиненіе, чтеніемъ котораго занимались болѣе 4-хъ часовъ; но какъ никто никакого толку не понялъ, чтò и для чего предполагалось, то и просили Государя, чтобы позволено было каждому министру на домъ взять и разсмотрѣть сіе сочиненіе. Императоръ позволилъ; такимъ образомъ пошло оно по рукамъ министровъ и наконецъ, чрезъ нѣсколько недѣль, дошло до Державина, Іюля 22-го числа, то есть въ день рожденія Государыни Императрицы Марьи Ѳедоровны, поутру, когда сбирался онъ къ ней для поздравленія въ Павловскомъ. Тамъ, увидавшись съ нимъ, г. Кочубей спросилъ, получилъ ли онъ учрежденіе его Департамента. « Получилъ ».—« Пожалуйте, пришлите мнѣ его на часъ нѣчто поправить, я тотчасъ къ вамъ возвращу. »—« Хорошо ». Въ слѣдствіе чего возвратясь изъ Павловска, при краткомъ письмѣ, въ которомъ сказалъ, что онъ еще его не разсмотрѣлъ въ подробности какъ должно, по требованію его возвращаетъ, съ таковымъ только по краткости времени замѣчаніемъ, что если ни одинъ архитекторъ безъ основанія или фундамента не строитъ зданія, то кажется ему, что безъ основанія или инструкціи—и учрежденія Департамента писать не можно; но когда онъ ему пришлетъ, то не оставитъ онъ подробныхъ сдѣлать примѣчаній. Спустя недѣли двѣ, вдругъ въ министерскомъ комитетѣ неожиданнымъ образомъ, въ присутствіи Государя, читаютъ то письмо, съ таковымъ тономъ, что будто я не хотѣлъ разсматривать сочиненіе г. Кочубея, и негодую на то, что толь долгое время не даются инструкціи министрамъ. Государь, по прочтеніи письма, съ неудовольствіемъ отозвался: « Что вы меня побуждаете такъ скоро дать вамъ инструкціи, когда вы сами чрезъ полгода не могли подать мнѣ своихъ мнѣній, чтò по каждой части надобно. » Державинъ всталъ и доложилъ Государю, что онъ отнюдь не съ тѣмъ намѣреніемъ писалъ къ г. Кочубею, чтобъ побуждать Ваше Величество, писать

инструкціи, а думаетъ, что безъ нихъ никакихъ Департаментовъ министерства учредить не можно. Государь сухо отвѣтствовалъ: « я дамъ инструкціи »; однакоже и по сію пору, можно сказать, ихъ основательныхъ или подробныхъ нѣтъ.

Такимъ образомъ гг. министры подыскивались во всякихъ бездѣлкахъ подъ Державина и его оклеветывали, а особливо графъ Кочубей, потому что должность Внутренняго министра по судебнымъ мѣстамъ, а особливо по губернскому правленію, непрестанно сталкивалась съ генералъ-прокурорскою обязанностію, или шли, такъ сказать, смѣшенно, съ прямаго пути сбиваясь, перешагая другъ друга пронырствомъ и ухищреніями.

Выше видно, что мнѣніе о Евреяхъ Державина, сочиненное имъ во время посылки его въ Польшу, отданное при Императорѣ Павлѣ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, приказано было разсмотрѣть, съ начала почти самаго министерства Державина, учрежденному особому Комитету, составленному изъ графа Черторижскаго, графа Потоцкаго, графа Валеріана Зубова и Державина, которое и разсматривалось чрезъ продолженіе всего его Державина министерство; но по разнымъ интригамъ при немъ окончанія не получило. Оно заслуживаетъ, чтобъ объ немъ сказать подробнѣе. Первоначально положено было, чтобъ призвать изъ нѣкоторыхъ губерній нѣсколько старшинъ изъ кагаловъ и рабиновъ знаменитѣйшихъ для объясненія съ ними всѣхъ обстоятельствъ, въ томъ Державина мнѣніи изображенныхъ. Оно достойно, чтобъ его съ прилежаніемъ прочесть, и войти во всѣ его подробности, дабы узнать прямое мнѣніе сочинителя, къ благоустройству государства и самыхъ Евреевъ служащее. Продолжались ихъ съѣздъ, явки и ихъ представленія во всю почти зиму; тутъ пошли съ ихъ стороны, чтобъ оставить ихъ по прежнему, разные происки. Между прочимъ г. Гурко, Бѣлорусскій помѣщикъ, доставилъ Державину перехваченное имъ отъ кого-то въ Бѣлоруссіи письмо, писанное отъ одного Еврея къ повѣренному ихъ въ Петербургѣ, въ которомъ сказано, что они на Державина, яко на гонителя

по всѣмъ кагаламъ въ свѣтѣ, наложили херимъ или проклятіе, что они собрали на подарки по сему дѣлу 1, 000, 000 и послано въ Петербургъ, и просятъ приложить всевозможное стараніе о смѣнѣ генералъ-прокурора Державина, а ежели того не можно, то хотя посягнуть на его жизнь, на что̀ и полагаетъ сроку до трехъ лѣтъ, а между тѣмъ убѣждаетъ его, чтобы, сколько можно, продолжить дѣло, ибо при Державинѣ не чаять, чтобъ въ пользу ихъ рѣшено было. Польза же ихъ состояла въ томъ, чтобъ не было имъ воспрещено по корчмамъ въ деревняхъ продавать вино, отъ чего все зло происходило, что они спаиваютъ и приводятъ въ совершенное разореніе крестьянъ; а чтобъ удобнѣе было продолжать дѣло, то онъ будетъ доставлять ему изъ чужихъ краевъ отъ разныхъ мѣстъ и людей мнѣнія, какимъ образомъ лучше учредить Евреевъ, которыя, скоро послѣ того, самымъ дѣломъ начинали вступать, то на Французскомъ, то на Нѣмецкомъ языкѣ, и доставлялись въ Комитетъ, при повелѣніи Государя Императора разсмотрѣть оныя, то чрезъ графа Черторижскаго, то Кочубея, то Новосильцова. Между тѣмъ Еврей Нотко, бывшій у Державина въ довѣренности, якобы по ревности его къ благоустроенію Евреевъ, соглашаясь съ его Державина мнѣніемъ, подававшій разные проэкты о учрежденіи фабрикъ и прочее, пришелъ въ одинъ день къ нему, и подъ видомъ доброжелательства, что ему одному Державину не перемочь всѣхъ его товарищей, которые всѣ на сторонѣ Еврейской,—принялъ бы сто, и ежели мало, то и двѣсти тысячь рублей, чтобы только былъ съ прочими его сочленами согласенъ. Державинъ, сочтя сіе важнымъ и разсуждая, что ежели на его убѣжденіе согласиться и принять деньги, то измѣнить присягѣ и дѣйствовать вопреки воли Государя, что, оставя въ прежнемъ не устройствѣ Евреевъ, оставить имъ прежніе способы, чрезъ винную по корчмамъ продажу, грабить поселянъ и лишать ихъ насущнаго хлѣба; ежели жъ не согласиться на подкупъ и остаться одному въ противуборствѣ всѣхъ, безъ подкрѣпленія Государя, то успѣху во всѣхъ его трудахъ и стараніяхъ ожидать не можно. И такъ онъ рѣшился о семъ подкупѣ сказать Государю и подкрѣпить сію истину Гур-

кинымъ письмомъ, въ которомъ видно, что на подкупъ собрана знатная сумма, что на него умыселъ и прочее, какъ выше видно; а при томъ, что чрезъ князя Черторижскаго и Новосильцова вступили уже въ Комитетъ, по волѣ Государя, два проэкта о устройствѣ Евреевъ, одинъ на Французскомъ, а другой на Нѣмецкомъ языкѣ, то все сіе сообразя и представя Императору, надѣялся онъ, что Государь удостовѣрится въ его вѣрной службѣ и приметъ его сторону. Правда, сначала Онъ поколебался жестоко, и когда Державинъ Его спросилъ, принять ли деньги, предлагаемые Ноткою 200 т. руб., то Онъ въ замѣшательствѣ отвѣчалъ: « Погоди, я тебѣ скажу, когда что надобно будетъ дѣлать», а между тѣмъ взялъ къ себѣ Гуркино письмо, чтобъ удостовѣриться о всемъ, въ немъ написанномъ, чрезъ другіе каналы. Державинъ думалъ, что возымѣетъ дѣйствіе такое сильное доказательство, и Государь остережется отъ людей, его окружающихъ и покровительствующихъ Жидовъ. Между тѣмъ, по связи и дружбѣ съ графомъ Валеріаномъ Александровичемъ Зубовымъ, пересказалъ все чистосердечно ему случившееся, не знавъ, что онъ въ крайней связи съ господиномъ Сперанскимъ, бывшимъ тогда директоромъ канцеляріи Внутренняго министерства, г. Кочубея, котораго онъ водилъ за носъ и дѣлалъ изъ него, что̀ хотѣлъ. Сперанскій совсѣмъ былъ преданъ Жидамъ, чрезъ извѣстнаго откупщика Переца, котораго онъ открытымъ образомъ считался пріятелемъ и жилъ въ его домѣ. И такъ, вмѣсто того, чтобъ выйти отъ Государя какому строгому противъ проныровъ Евреевъ приказанію, при первомъ собраніи Еврейскаго Комитета, открывалось мнѣніе всѣхъ членовъ, чтобъ оставить винную продажу въ уѣздахъ по мѣстечкамъ по прежнему у Евреевъ; но какъ Державинъ на сіе не согласился, а графъ Зубовъ въ присутствіи не былъ, то сіе дѣло (осталось) въ нерѣшеніи. Государь между тѣмъ сдѣлался къ Державину отъ часу холоднѣе, и никакого по вышесказанному Гуркину письму не токмо распоряженія, ниже словеснаго отзыву не сдѣлалъ. . . . . .

Теперь за нужное почитается сказать не менѣе Жидовскаго о важномъ дѣлѣ. Извѣстно, что въ Польшѣ великое мно-

жество есть свободныхъ людей, почти никакому состоянію не принадлежащихъ, то есть, ни къ дворянамъ, ни къ поселянамъ, ни къ купечеству, ни къ духовенству, ни къ мѣщанству, хотя они почитаются происходящими изъ дворянъ и принадлежащими къ военнымъ людямъ. Эти люди называются чиншевое и панцырное дворянство; ихъ во всей Польшѣ навѣрное можетъ быть не одинъ милліонъ; и въ части Россійской считается до 500,000. Они большею частію собственныхъ земель не имѣютъ, а живутъ у помѣщиковъ, платя имъ чиншъ или оброкъ съ земель по условіямъ. Ихъ магнаты Польскіе употребляли всегда на ихъ сеймахъ, при народныхъ выборахъ въ чиновники и даже въ самые короли; ими-то бывали они сильны, и для того ласкали ихъ и почти съ нихъ ничего не брали, дабы на сеймахъ чрезъ нихъ имѣть свой могущественнѣе голосъ. Но когда Польша стала раздѣлена между Россіею, Австріею и Пруссіею, то у пановъ, не хотѣвшихъ быть подъ скипетромъ Россіи, многія мѣстечки и селенія отобраны и розданы Государынею Императрицею Екатериною въ вѣчное потомственное Россійское владѣніе, хотя безъ исключенія тѣхъ панцырныхъ дворянъ и чиншевой шляхты, однако же безъ отъятія ихъ правъ и вольностей, какъ они подъ Польскимъ владѣніемъ находились. Изъ каковыхъ мѣстечекъ и селеній между прочимъ пожаловано нѣсколько тысячь душъ въ Могилевской губерніи Александру Петровичу Ермолову, а онъ продалъ нѣкоему коллежскому или надворному совѣтнику, что̀ былъ виннымъ въ Херсонѣ откупщикомъ, Янишину. Сей, не имѣя нужды, какъ Польскіе магнаты, при выборахъ, такой сволочи въ голосахъ, и будучи хорошимъ хозяиномъ, управляя самъ своими деревнями, сталъ налагать на живущую у него чиншевую шляхту оброкъ, за владѣемыя ими земли, болѣе того, какъ они прежде платили, или ссылалъ ихъ съ своихъ земель, если они требуемое имъ не соглашались платить. Они заупрямились; онъ домогался, и дошла отъ нихъ жалоба Государю, который приказалъ чрезъ губернское правленіе то̀ изслѣдовать и удовлетворить притѣсненныхъ и обиженныхъ. Трудно было рѣшить сіе дѣло и удовлетворить по справедливости обоимъ спорящимъ сторонамъ; ибо чиншевая шлях-

та, панцырные дворяне и всѣ прочія состоянія, при забраніи Польскаго края, оставлены Всемилостивѣйшимъ манифестомъ на всѣхъ Польскихъ правахъ и привилегіяхъ, а съ другой стороны грамотами пожалованы Россійскимъ подданнымъ Польскія мѣстечки и селенія, со всѣми землями, угодьями и жителями, къ нимъ принадлежащими. То Державинъ, собравъ о всемъ нужныя къ дѣлу справки и узнавъ, что покойная Императрица имѣла намѣреніе выселить тѣхъ дворянъ и шляхту, по политическимъ видамъ, на порожнія земли въ полуденныя свои губерніи, согласно чему Державинъ сочинилъ проэктъ или докладную записку о выселеніи тѣхъ праздныхъ людей въ Херсонскую, Астраханскую, Саратовскую, Уфимскую и Сибирскую губерніи, дабы тѣмъ самымъ: 1) очистить земли владѣльческія въ Польшѣ, и прекратить тѣмъ самымъ споры ихъ съ тою шляхтою, 2) чтобъ отнять способы у Польскихъ вельможъ въ безпокойное время усиливать ихъ партіи симъ своевольнымъ народомъ, который всегда готовъ на всякія неистовства и возмущенія, 3) чтобъ населя ихъ по окружной чертѣ имперіи, укрѣпить тѣмъ самымъ ея границы, и оградить коренныхъ жителей, и наконецъ 4, чтобъ дать способъ доказывать имъ свое дворянство, котораго они безпрестанно, съ великими хлопотами и издержками, доискивались, службою, когда изъ нихъ учредить такіе ландмилицкіе полки, каковые были въ Польской Украинѣ и по Оренбургской линіи. Словомъ такое полезное дѣло изъ сей шляхты сдѣлать, которое бы въ нынѣшнее время оказало уже свои плоды, и Польскіе вельможи измѣнники не могли бы изъ сей шляхты формировать новыхъ полковъ для Бонапарта. Государь, выслушавъ сію записку, былъ чрезвычайно доволенъ и приказалъ внесть ее на уваженіе Еврейскаго Комитета, съ таковымъ повелѣніемъ, чтобъ поданъ отъ него немедленно Ему о томъ докладъ; но дѣло сіе и по сіе время, то есть по 1812 годъ, осталось безъ всякаго движенія, по причинѣ той, что члены Еврейскаго Комитета большею частію изъ Польскихъ вельможъ, какъ то: князя Черторижскаго и графа Потоцкаго; а хотя послѣ Державина, заступилъ мѣсто его князь Лопухинъ, но онъ и графъ Зубовъ, состоявшій членомъ того Комитета

послѣ Державина. имѣли всѣ въ Польшѣ большія маетности и мѣстечки, населенныя разнаго рода шляхтою и Жидами, то и была бы знатная потеря ихъ доходамъ, ежели-бъ Жидовъ и шляхту вывесть изъ Польши въ другія губерніи, какъ то̀ въ помянутомъ Еврейскомъ мнѣніи Державина и сей запискѣ о шляхтѣ Державинымъ предполагалось. Словомъ, надобно прочесть внимательно то мнѣніе и записку, дабы увидѣть всю пользу и выгоды для Россійской Имперіи; но частная польза помянутыхъ вельможъ перемогла государственную. Евреи, послѣ выбытія Державина изъ министерства, остались въ прежнемъ ихъ безпорядкѣ, а о шляхтѣ и думать не хотѣли.

Хотя по теченію всѣхъ дѣлъ видно было истиннымъ сынамъ отечества недоброжелательство Польскихъ вельможъ, окружавшихъ Государя; но явное ихъ и низкое поведеніе ко вреду Россіи свидѣтельствуется симъ. Господинъ Барановъ, что̀ нынѣ оберъ прокуроръ въ Сенатѣ, бывшій въ министерскомъ комитетѣ производителемъ дѣлъ, по увольненіи изъ службы Державина, расказывалъ ему: что когда онъ принесъ въ комитетъ, объявленный генералъ-прокуроромъ, словесный имянный указъ о шляхтѣ и вышеозначенную докладную записку объ оной, то г. Черторижскій, прочтя оную и указъ, бросилъ въ каминъ съ презрѣніемъ, которую Барановъ подхватя спасъ отъ огня. О Жидахъ написанный имъ проэктъ, согласный съ мнѣніемъ Державина, велѣно было отдать г. Сперанскому, который передѣлалъ по своему, не упомянувъ даже и о томъ, что онъ послѣдовалъ по разсмотрѣнію мнѣнія Державина, какъ бы онаго совсѣмъ не было, о которомъ ни однимъ словомъ и въ указѣ не упомянуто. Державинъ, узнавъ отъ него Баранова о рѣшеніи такимъ образомъ Еврейскаго дѣла, шутя сказалъ: «Іуда продалъ Христа за 30 сребрениковъ, а вы за сколько Россію?» Онъ съ смѣхомъ такъ же отвѣтствовалъ: «По 30,000 червонныхъ на брата, кромѣ де меня, ибо проэктъ, мною написанный, передѣлалъ Сперанскій»; но кто же именно взялъ червонцы, онаго не объявилъ. Не думаю, чтобъ Русскіе вельможи сдѣлали такую подлость, кромѣ Сперан-

скаго, котораго гласно подозрѣвали и въ корыстолюбіи, а особливо по сему дѣлу, по связи его съ Перцомъ.

Выше уже видно, что Государь около сего времени часъ отъ часу холоднѣе становился къ Державину; но началось внутреннее Его къ нему неблагорасположеніе сперва обнаруживаться тѣмъ. *Первое:* въ одно время, при докладѣ по какому-то частному письму, увидѣвъ число на немъ прошедшаго мѣсяца, сказалъ, «что у васъ медленно дѣла идутъ.» Державинъ отвѣтствовалъ: «онъ смѣетъ удостовѣрить, что въ сенатѣ ни при одномъ генералъ-прокурорѣ такъ скоро и осмотрительно дѣла не шли, какъ нынѣ, что ихъ въ общемъ собраніи въ одно присутствіе иногда рѣшали по 4, и жалобъ на оныя нѣтъ.» «Но вотъ это письмо доказываетъ, что такъ замедлилось,» возразилъ Государь съ неудовольствіемъ. «Что касается до частныхъ писемъ, сказалъ Державинъ, то это не его дѣло.»—«Какъ не твое дѣло?» съ негодованіемъ спросилъ Императоръ.—«Такъ, Государь! это дѣло статсъ-секретаря: они, по частнымъ письмамъ собравъ справки или сдѣлавъ съ кѣмъ надлежитъ сношенія, должны докладывать Вашему Величеству и писать по нихъ ваши указы, а генералъ-прокурорская обязанность состоитъ прилежно смотрѣть за сенатомъ и за подчиненными ему мѣстами, чтобъ они рѣшали дѣла и поступали по законамъ: такъ при покойной вашей бабкѣ было. Я былъ самъ статсъ секретаремъ, и очень это знаю, что не затрудняли такими мелочами генералъ-прокурора.»—«Но при родителѣ моемъ такъ учреждено было.»—«Я знаю, но родитель вашъ поступалъ самовластно, съ однимъ генераломъ-прокуроромъ безъ всякихъ справокъ и соображенія съ законами, дѣлалъ, что̀ ему было только угодно; но вы, Государь, въ манифестѣ вашемъ при вступленіи на престолъ, объявили, что вы царствовать будете по законамъ и по сердцу Екатерины, то мнѣ не можно иначе ни о чемъ докладывать вамъ, какъ по собраніи справокъ и по соображеніи съ законами, а потому и не могу я и сенатскія и частныя дѣла вдругъ и поспѣшно, какъ бы желалось, обработывать и вамъ докладывать; не угодно ли будетъ приказать частныя письма раздать по статсъ-

секретарямъ.» —«Ты меня всегда хочешь учить», Государь съ гнѣвомъ сказалъ. «Я самодержавный Государь и такъ хочу». *Второе:* въ одинъ день говоритъ: «Какъ это у васъ дѣла исполняются, а канцелярія ваша объ нихъ не знаетъ?»—«Не понимаю, и не знаю Государь, сказалъ Державинъ, позвольте о томъ мнѣ справиться, какія бы то были дѣла, которыя исполнены, прежде нежели канцелярія о нихъ знала.» Державинъ справился и нашелъ, что въ самой вещи нѣсколько было такихъ дѣлъ, которыя уже, по исполненіи ихъ, отданы были къ запискѣ въ регистратуру канцеляріи, напримѣръ доносы о похищеніи казначеями казны, о заговорахъ и умыслахъ на особу Государя и о прочемъ, по которымъ, съ докладу Его Величества, писано было секретно къ кому надлежало собственною рукою Державина, чтобъ взяты были подлежащія мѣры, къ захваченію похищенія казны и заговорщиковъ, прежде нежели узнала о томъ канцелярія, для того, что имѣли они опять въ городѣ или губерніи пріятельскія связи, чрезъ которыя происходила преждевременно разгласка, и виновные могли укрываться. Державинъ объяснилъ сіи обстоятельства Государю, и онъ оправдалъ его поступки. *Третье:* министерскія канцеляріи имѣли между собою пріятельскія связи, и какъ большая часть производителей дѣлъ были изъ семинаристовъ, выбранные и пристрастные къ нихъ мѣстамъ чрезъ господина Сперанскаго, который всѣми ими, какъ скрытою, такъ сказать, машиною, двигалъ и руководствовалъ, такъ что какое у котораго министра, а особливо у Державина, было приготовлено къ докладу дѣло или апробованное и положенное въ портфель, онъ уже зналъ, а потому, буде оно изложено не по его мыслямъ или, лучше сказать, того тріумвирата приближенныхъ тайныхъ совѣтниковъ, Черторижскаго, Новосильцова, Кочубея, и Строгонова и прочихъ . . . . , то и предварясмъ былъ Государь заблаговременно тайными побочными внушеніями противъ справедливости и истиннаго существа тѣхъ дѣлъ; а потому, когда Державинъ, а можетъ быть и другіе, когда приходили тѣ дѣла къ Государю, то Онъ, выслушавъ и не говоря никакой резолюціи, приказывалъ оставлять тѣ дѣла у Себя на столѣ, которыя одинъ

или съ тѣми совѣтниками разсматривалъ или пересматривалъ, но выходили не сообразны съ законами и съ пользою государственныхъ законовъ и учрежденій, а другія остались и по сіе время безъ движенія. Для тогожъ, чтобъ все знать происходившее у министровъ въ канцеляріяхъ, подкуплены были изъ самыхъ ихъ служителей, людьми, которые доводили до свѣденія Сперанскаго и прочихъ все, что узнали. Такимъ образомъ внушено было Государю и вышеписанное обстоятельство, что извѣстны были нѣкоторыя бумаги въ канцеляріи министра юстиціи прежде исполненія оныхъ. Словомъ помянутые не доброжелательствующіе Державину министры сами или ихъ угодники употребляли всѣ низкія, подлыя и коварныя средства въ чемъ нибудь подловить Державина, такъ что выкрадывали бумаги изъ канцеляріи, какъ тò, на примѣръ, г. Трощинскій стащилъ къ нему подписный имянный указъ о произведеніи въ чинъ одного служившаго подъ начальствомъ его въ почтовомъ департаментѣ чиновника. Державинъ, получа оный, по заведенному порядку, отдалъ для записки и отсылки въ сенатъ директору его канцеляріи Колосову. Сей дурной человѣкъ, или прямѣе сказать бездѣльникъ, неумышленно его потерялъ, или, по открывшимся послѣ дурнымъ его поступкамъ, соглашусь лучше вѣрить, что нарочно его уничтожилъ, дабы (не смотря на то, что предательски) выказать лучше безпорядокъ канцеляріи, хотя оный наиболѣе отъ него зависилъ, и неисправность канцеляріи, въ которой, какъ выше видно, Государю хотѣлось Державина обличить. Нѣсколько недѣль спустя, Трощинскій пишетъ Державину, что онъ не видитъ исполненія помянутому указу. Державинъ справляется, не находитъ онаго, спрашиваетъ директора: онъ отрицается, говоря, что не полученъ. Дежурный канцелярскій служитель уличаетъ его, что онъ подносилъ пакетъ министру, а сей, раскрывъ пакетъ, отдалъ его директору, у котораго онъ въ рукахъ его видѣлъ; но сей съ клятвами отрицается, что ни отъ кого не получалъ и не видалъ, и такъ могъ бы онъ его предать суду; но какъ рекомендованъ онъ былъ не токмо отъ графа Валеріана Зубова, котораго Державинъ любилъ и считалъ себѣ другомъ, но и отъ самого Государя, то онъ

о семъ происшествіи докладывалъ ему, объясняя и прочее его дурное поведеніе, что онъ обращается безпрестанно въ карточной игрѣ и въ пирахъ, а къ должности ни мало не прилеженъ, то не мудрено и канцеляріи быть неисправной, потому что директоръ вовсе должностію своею не занимался, и просилъ, чтобъ позволилъ перемѣнить его; но Государь промолчалъ на то и подписалъ другой указъ—о помянутомъ чиновникѣ; потомъ сказалъ, чтобъ онъ ему сдѣлалъ выговоръ. Изъ сего понялъ Державинъ, что онъ Колосова покровительствуетъ, а можетъ быть и нарочно ему его рекомендовали такого, чтобъ чрезъ него такимъ образомъ Сперанскому и прочимъ видѣть, что̀ происходитъ въ канцеляріи министра юстиціи, какъ о томъ выше явствуетъ. Таковъ же былъ Колосовымъ рекомендованный управленію по юстицкой части нѣкто Лавровъ, который нынѣ дѣйствительный Статскій совѣтникъ, кавалеръ и директоръ тайной канцеляріи. Онъ выкралъ важныя бумаги, которыя, при смѣнѣ Державина съ министровъ, не могли найти по дѣлу Лазаревича о драгоцѣнномъ бриліантѣ, находившемся въ скиптрѣ Императора, что онъ обманомъ присвоенъ былъ Лазаревичемъ отъ нѣкоторыхъ Персіянъ, по наслѣдію отъ своей матери получившихъ сей камень, отъ времени Шаха Надира, ей доставшійся, у тѣхъ Персіянъ нагло отнялъ тотъ камень, давъ имъ другой поддѣльный, изъ чего происходило дѣло по нижнимъ правительствамъ, а наконецъ и въ самомъ сенатѣ, гдѣ всѣ доказательства и улики бѣдныхъ Персіянъ, по выбытіи Державина изъ министерства, и уничтожены. Лазаревичь оправданъ, а они едвали куды въ кибиткахъ не отосланы. Сіе вопіющее дѣло Богъ разсудитъ; но когда бы былъ Державинъ министромъ, то не допустилъ бы онъ утѣснить сильной сторонѣ людей безсильныхъ. Какъ бы то ни было, подобныя дѣла и обстоятетьства дѣлали много недоброжелателей Державину, и, внушеніями на него разными, Государя къ нему остужали, что̀ онъ и самъ съ своей (стороны) добавлялъ, держась сильно справедливости, не отступая отъ нея ни на черту, даже въ угодность самаго Императора. Скажемъ нѣсколько тому примѣровъ. Государь, въ угодность своей фаворитке Нарышкиной, которая покровительствовала графа

Сологуба, противъ законовъ, приказалъ отъ жены его отобрать имѣніе, отданное имъ ей записью, и наложить опеку на оное безъ всякаго въ судебныхъ мѣстахъ о томъ производства. Какъ это было противъ коренныхъ законовъ и самого Его о министерствѣ манифеста, которымъ запрещено въ сенатѣ производить дѣлъ, не бывшихъ въ сужденіи нижнихъ инстанцій, а такъ же имѣній, кромѣ малолѣтныхъ и безумныхъ, въ опеку не брать, то Державинъ выписалъ тѣ законы и представилъ Государю, сказавъ, что онъ долгомъ своимъ поставилъ оберегать не токмо его законы, но и славу. Но Государь, оставя дѣло у себя, далъ нѣсколько спустя дней о томъ указъ; но Державинъ не контросигновалъ его, такъ какъ не контросигновалъ указовъ по упомянутому Потоцкому дѣлу, по отрѣшенію Нижегородской Уголовной Палаты председателя отъ должности и безъ суда, по вольнымъ хлѣбопашцамъ, и прочимъ; но о сихъ послѣднихъ двухъ дѣлахъ за нужное почитается упомянуть пространнѣе.

Г. Кочубей сообщилъ волю Государя, чтобъ отрѣшить отъ должности предсѣдателя Нижегородской Уголовной Палаты, не помню его фамиліи, за то, что ассессоръ той палаты съ кѣмъ-то поссорился на улицѣ, взятъ въ полицію, и губернаторъ приказалъ его палками, или не помню какъ наказать. Предсѣдатель отозвался, что это не его дѣло, что когда дѣло дойдетъ по Уголовному суду до него, тогда онъ опредѣлитъ виновному наказаніе, по законамъ. Губернаторъ за это прогнѣвался и представилъ Внутреннему министру на предсѣдателя якобы въ непослушаніи. Между тѣмъ предсѣдатель просилъ о своей защитѣ министра юстиціи. Сей не успѣлъ еще ничего по сей просьбѣ сдѣлать, какъ господинъ Кочубей докладывать, безъ всякихъ справокъ и сношенія съ министромъ юстиціи, Государю, и получилъ отъ него повелѣніе отрѣшить предсѣдателя отъ должности, о чемъ и объявилъ Внутренній министръ сообщеніемъ своимъ волю Государя. Державинъ, сообразя жалобу предсѣдателя съ представленіемъ губернатора и нашедъ послѣдняго поступокъ несообразнымъ ни справедливостію, передоложилъ Государю неосновательный докладъ Кочубея. Государь симъ былъ доволенъ; но чрезъ нѣсколько дней опять получено

государево повелѣніе, чтобъ онъ непремѣнно заготовилъ указъ объ отрѣшеніи предсѣдателя и поднесъ бы къ подписанію Его Величества. Тогда Державинъ, заготовивъ указъ и поднося къ подписанію, еще объяснилъ невинность предсѣдателя; но Государь, не внявъ его представленію, и не говоря ни слова, подписалъ. Державинъ, принявъ сей указъ, и не контросигнировавъ оный, отослалъ его при письмѣ г. Кочубею, въ которомъ сказалъ, какъ по его докладу и ходатайству сей состоялся указъ, то чтобъ и изволилъ онъ его контросигнировать, а онъ не можетъ, видя невинность предсѣдателя. Кочубей представилъ письмо Государю, которое онъ прочетши, указъ изодралъ. Но неизвѣстно почему и какъ сіе могъ сдѣлать господинъ Кочубей, что онъ чрезъ нѣсколько дней (объявилъ) означенное имянное повелѣніе въ Сенатѣ объ отрѣшеніи того предсѣдателя. Хотя бъ Сенату и не слѣдовало его принять, первое потому, что Кочубей его объявилъ не по своей части, а по части министра юстиціи, а второе, что предсѣдатели палаты опредѣляются на ихъ мѣста собственноручнымъ подписомъ докладовъ сенатскихъ Императорскимъ Величествомъ; то объявленные словесные имянные указы и не имѣли по законамъ противъ подписныхъ никакой силы. Но однако изъ подлой трусости принятъ тотъ указъ и предсѣдатель отъ должности отрѣшенъ, который одинъ годъ спустя послѣ уже министерства Державина, пріѣхалъ самъ въ Петербургъ, подавалъ письмо Императору, доказывая свою невинность и незаконное его отрѣшеніе: отдана ему справедливость, и по желанію его дано полное жалованье, и онъ отъ службы уволенъ. Вотъ большею частію какъ молодыми министрами производились дѣла.

Касательно вольныхъ хлѣбопашцевъ, то сіе такимъ образомъ случилось: Румянцовъ выдумалъ, смѣю сказать, изъ подлой трусости Государю угодить, средства, какимъ образомъ сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ. Какъ это любимая была мысль Государя, внушенная при воспитаніи его нѣкоторымъ его учителемъ Лагарпомъ, то Румянцовъ, чтобъ подольститься къ Государю, стакнувшись напередъ, смѣю сказать, съ якобинскою шайкою Черториж-

скихъ, Новосильцовыхъ и прочими, подалъ проэктъ, чтобъ дать свободу крестьянамъ отъ господъ своихъ откупаться, хотя сего никогда запрещено не было, и на семъ основаніи, отпустилъ своихъ крестьянъ до 200 душъ, которые, какъ послѣ слышно стало, никогда не были его крѣпостными людьми, но вольные отцомъ его покойнымъ фельдмаршаломъ, съ условіемъ какого платежа или изъ милости на его земляхъ, вновь отъ Порты пріобрѣтенныхъ, поселенные. Государь проэктъ сей, одобренный его молодыми тайными совѣтниками, принялъ весьма милостиво, или лучше сказать съ радостію, что нашлося средство привести его любимѣйшую мысль къ исполненію, передалъ оный государственному совѣту на разсмотрѣніе, или лучше сказать на исполненіе. Всѣ господа члены совѣта, хотя находили сей проэктъ не полезнымъ, перешептывали между собою о томъ, но согласно всѣ одобрили, какъ и указъ заготовленный о томъ апробовали. Державинъ только одинъ далъ свой голосъ, что всѣмъ владѣльцамъ по манифесту 1775 года отпущать людей и крестьянъ своихъ позволено, а по указу царствующаго Государя 1801 году и снабжать отпущенныхъ людей землями можно, слѣдовательно никакой нужды нѣтъ въ новомъ законѣ. Румянцовъ можетъ отпустить хотя всѣхъ своихъ людей и крестьянъ по тѣмъ указамъ (однако же онъ того ни тогда, ни послѣ не сдѣлалъ), и новымъ особымъ указомъ разтверживать о мнимой вольности и свободѣ простому, еще довольно не просвѣщенному народу, опасно, и только такое учрежденіе надѣлаетъ много шуму, а пользы никакой ни крестьянамъ, ни дворянамъ. Это мнѣніе его записано въ журналѣ совѣта; но не смотря на то Государь далъ указъ извѣстный о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Когда къ генералъ-прокурору онъ присланъ былъ, то не посылая онаго въ сенатъ, поѣхалъ во дворецъ и представилъ Государю со всею откровенностію и чистосердечіемъ о неудобности указа. Онъ вопросилъ, почему же онъ безполезенъ? Не говоря о политическихъ видахъ, что нашей непросвѣщенной черни опасно много твердить о вольности, которой она въ прямомъ ея смыслѣ не понимаетъ и понять не можетъ, отвѣтствовалъ Державинъ, но и по самому своему

содержанію онъ неудобо-исполнителенъ. Почему? Потому что условливаться рабу съ господиномъ въ цѣнѣ о свободѣ почти невозможно, это такая вещь, которая цѣны не имѣетъ, требуя со стороны господина только всего великодушія, а со стороны раба благодарности, а иначе всякія условія будутъ тщетны; натурально рабъ за свою свободу будетъ обѣщать все, что̀ отъ него ни потребуютъ; а помѣщикъ, лишаясь крестьянъ и съ ними своего доходу, или лучше сказать своего существованія, захочетъ имѣть такой капиталъ за сію свободу, чтобъ не только не разстроить, но и улучшить свое благосостояніе. Изъ сего выдутъ неустойки въ платежѣ условленныхъ суммъ, изъ неустойки дѣла и тяжбы, которыхъ такое великое множество по долгамъ; сверхъ того, какъ правосудіе въ Россійской имперіи большею частью въ рукахъ дворянства, то дворянинъ, судя дѣло своего собрата, будетъ осуждать самъ себя; изъ того другаго ничего не выдетъ, какъ беззаконіе, — будутъ обвинены крестьяне и обращены по этому указу въ прежнее ихъ крѣпостное состояніе, или тягчайшее рабство, потому что помѣщикъ за причиненные ему хлопоты и убытки будетъ мстить. Сверхъ того и государственное хозяйство не минуемо отъ сего учрежденія потерпитъ какъ въ сборѣ рекрутъ, такъ и денежныхъ повинностей, ибо крестьяне, продавъ взятую ими у помѣщиковъ землю, могутъ переселиться на другія въ отдаленнѣйшія страны имперіи, гдѣ ихъ сыскать скоро не можно, или по своевольству своему и лѣности разбредутся, куда глаза глядятъ, чтобъ только не ставить рекрутъ и не платить никакой повинности, въ чемъ они единственно свободу свою (полагаютъ). Нижніе земскіе суды или сельская полиція, по пространству въ имперіи мѣстъ нежилыхъ и пустыхъ, удержать ихъ отъ разброду не могутъ безъ помѣщиковъ, которые суть наилучшіе блюстители или полиціймейстеры за благочиніемъ и устройствомъ поселянъ въ ихъ селеніяхъ Ежели же по доходящимъ иногда къ Государю жалобамъ отъ крестьянъ на тиранскіе помѣщиковъ ихъ поступки, на угнѣтенія поборами и разныя насилія, какъ милосердому отцу невозможно не обратить вниманія своего и не оказать правосудія, то къ предупрежденію

таковыхъ жалобъ совѣтовалъ Державинъ Государю, пригласить не вдругъ изъ всей имперіи, а по частямъ изъ нѣсколькихъ губерній губернскихъ предводителей дворянства, которымъ дать милостивые рескрипты, похваля съ одной стороны древнюю и новую службу дворянъ, а съ другой изобразивъ дурные поступки съ своими подданными нѣкоторыхъ помѣщиковъ, доходящіе до престола, приложа онымъ и экстрактъ изъ дѣлъ имѣющихся въ сенатѣ, приказавъ имъ найти средство и положить ихъ мнѣніе, какія въ которыхъ губерніяхъ и уѣздахъ могутъ собираемы быть денежныя или продуктами подати или отправляемы работы, потому что они не могутъ быть по положенію различныхъ мѣстъ одинаковы; а такъ же и наказанія тѣлесныя, какія дома чинить и для какихъ отсылать въ градскія и сельскія полиціи. Предводители сіе должны непремѣнно будутъ сдѣлать, слѣдовательно они на себя сами сдѣлаютъ постановленіе, а не Государь; ропоту не будетъ, и такимъ образомъ и крестьяне облегчатся въ ихъ участи, и правительство не будетъ имѣть опасности отъ которой либо стороны ропоту или неудовольствія. Государь, выслушавъ сіе представленіе отъ Державина, казался довольнымъ, приказалъ указъ свой отдать въ совѣтъ, дабы вновь былъ пересмотрѣнъ. Касательно же созыва дворянскихъ предводителей, то сказалъ, что онъ о семъ подумаетъ, а изъ всѣхъ вдругъ губерній сдѣлать многолюдный вызовъ онъ находитъ неудобнымъ и не безопаснымъ. Державинъ едва отъ Государя возвратился домой, располагаясь на другой день представить указъ въ государственный совѣтъ, какъ является къ нему г. Новосильцовъ съ повелѣніемъ отъ Государя, чтобъ указа не отдавать въ совѣтъ, а отослать въ сенатъ для непремѣннаго исполненія. Державинъ крайне симъ огорчился и не зналъ, какъ тому помочь, то пришло ему въ голову, что въ правахъ сената, напечатанныхъ при министерскомъ манифестѣ, и по коренньмъ Петра Великаго и Екатерины II-й законамъ позволено сему правительству входить съ докладомъ къ Императорскому Величеству, когда какой ново-изданный законъ покажется теменъ, неудобоисполнителенъ и вреденъ государству, то и желалъ пріятельски о томъ сдѣлать вну-

шеніе кому либо изъ господъ сенаторовъ, чтобъ онъ, при запискѣ того указа сената въ общемъ собраніи, подалъ мысли прочимъ сенаторамъ взойти въ докладъ къ Государю, представя Ему неполезность указа. Обращаясь мыслями на того и на другаго сенаторовъ, показался ему всѣхъ способнѣе, по престарѣлымъ лѣтамъ своимъ и по знанію законовъ и пользъ государственныхъ, Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцовъ, котораго онъ тотъ же день пригласилъ къ себѣ на вечеръ, сообщилъ на единѣ свои мысли. Онъ, понявъ всю важность предложенія, охотно согласился оное исполнить. Державинъ остался спокоенъ, уповая, что въ понедѣльникъ, при объявленіи указа въ общемъ собраніи, положатъ войти съ докладомъ о неудобности сего новаго закона. Въ сихъ мысляхъ во вторникъ, яко въ докладной день, бывъ у Государя, поѣхалъ въ сенатъ, въ полномъ удостовѣреніи, что г. Колокольцовъ поступилъ, какъ обѣщалъ. Вмѣсто того на вопросъ отвѣтствуютъ ему, что указъ въ общемъ собраніи принятъ, записанъ и отосланъ въ первый департаментъ для исполненія. Весьма онъ сему удивился. Подходитъ къ Колокольцову, спрашиваетъ его потихоньку: « Какъ, указъ принятъ? » — « Такъ, отвѣчаетъ онъ пересѣменивая, къ несчастію я сдѣлался боленъ вчерась и не могъ въ сенатѣ быть. » Поговоря положили, что будто, по разнорѣчію въ исполненіи, внести паки въ общее собраніе. Какъ разсужденіе было о томъ при оберъ-прокурорѣ, князѣ Голицынѣ, посаженномъ въ сіе мѣсто, можно сказать, болѣе не для соблюденія законовъ и настоящаго дѣла, а для тайнаго увѣдомленія Государя, что въ Сенатѣ дѣлается, и какъ онъ вѣрно отправлялъ возложенную на него должность, обѣдая всякой день во дворцѣ, то разсужденія Державина о семъ указѣ,—которыя онъ говорилъ о безполезности и неудобности сего указа, сожалѣя о Государѣ, что онъ приведенъ на такое дѣло, которое не принесетъ ему ни пользы, ни славы, натурально, что Голицынымъ слушаныя,— поѣхавъ обѣдать во дворецъ, пересказалъ Императору; а какъ по вторникамъ всякую недѣлю, послѣ обѣда часу въ 7-мъ, былъ во дворцѣ въ присутствіи Императора министерскій Комитетъ, то Государь, посидѣвъ въ немъ не болѣе

часа, не очень весело кончилъ присутствіе, и лишь только начали министры разъѣзжаться, то одинъ изъ камердинеровъ Государя, подошедъ къ Державину, сказалъ тихо, что Императоръ зоветъ его къ себѣ въ кабинетъ. Вошедъ въ оный, нашелъ его одного. Онъ тотчасъ началъ говорить: «Какъ вы, Гаврила Романовичь, противъ моихъ указовъ идете въ Сенатѣ и критикуете ихъ; вмѣсто того ваша должность подкрѣплять ихъ и наблюдать о непремѣнномъ исполненіи». Державинъ отвѣчалъ, что не критиковалъ указовъ, а признается, что, при разсужденіи объ исполненіи, какъ и Его Величеству докладывалъ, сумнѣвался о удобности и пользѣ, что̀ и теперь по присягѣ своей подтверждаетъ, удостовѣряя, что Его Величество симъ способомъ не достигнетъ своего намѣренія, чтобъ сдѣлать свободными владѣльческихъ крестьянъ, да ежели бъ и достигъ, то въ нынѣшнемъ состояніи народнаго просвѣщенія не выдетъ изъ того никакого блага государственнаго, а напротивъ того вредъ, что чернь обратитъ свободу въ своевольство и надѣлаетъ много бѣдъ. Но какъ Государь учителемъ своимъ Французомъ Лагарпомъ упоенъ былъ и прочими его окружавшими ласкателями, сею мыслію, по ихъ мнѣнію великодушною и благородною, чтобъ освободить отъ рабства народъ, то остался неколебимъ въ своемъ предразсудкѣ, и приказалъ объявить имянное свое повелѣніе, чтобъ по разногласію въ первомъ Департаментѣ не обращать того указа въ общее собраніе, а исполнить бы его непремѣнно, что̀ онъ безпрекословно уже и исполнилъ, негодуя въ размышленіи на трусость г-на Колокольцова, каковы почти и всѣ были господа сенаторы его времени, что̀ доказываетъ и нижеписанное еще приключеніе.

Въ первыхъ еще мѣсяцахъ его министерства, помнится въ Ноябрѣ, когда финансъ-министръ приготовлялъ обыкновенныя росписанія свои разнымъ губерніямъ, въ одинъ день на вечерѣ, во время собранія у Державина оберъ-прокуроровъ для консультаціи, пріѣзжаетъ къ нему государственный казначей, господинъ Голубцовъ, родной племянникъ финансъ-министра графа Васильева, и проситъ его въ ка-

бинетъ для переговора наединѣ. Державинъ исполняетъ его просьбу. Голубцовъ начинаетъ ему жаловаться на его дядю, говоря, что въ крайнемъ безпорядкѣ казенное управленіе, что онъ не знаетъ, какъ посылать росписанія о доходахъ, которыхъ никакого счету нѣтъ и прочее тому подобное. Державинъ удивляется тому и говоритъ, что не его дѣло. Нѣтъ, Голубцовъ съ жаромъ и настоятельностію возражалъ, онъ пріѣхалъ къ генералъ-прокурору и доводитъ ему до свѣденія о крайнемъ разстройствѣ казны и что онъ, принимая теперь на себя сію должность (ибо онъ тогда только пожалованъ въ государственные казначеи), не можетъ отвѣтствовать за могущій быть ущербъ казны, а паче, за ассигнаціи суммъ, на которыя финансъ-министръ объявляетъ или выноситъ имянные Императора указы. Державинъ поусумнился было доводить до Государя таковые доносы, не имѣя въ рукахъ у себя ничего письменнаго; но какъ Голубцовъ ему подалъ въ то же время письмо, въ которомъ онъ проситъ генералъ-прокурора о исходатайствованіи одному казначею чина, говоря, что онъ, по извѣстнымъ ему причинамъ, не можетъ о томъ просить финансъ-министра по своей командѣ, то прибѣгаетъ къ нему. Державинъ еще сумнѣвался; но Голубцовъ увѣрялъ, ежелибъ онъ не имѣлъ важнѣйшей причины для своей безопасности прибѣгать къ генералъ-прокурору въ толь государственномъ интересномъ дѣлѣ, чтобы онъ на роднаго своего дядю и благодѣтеля не сталъ клеветать по напрасну. Державинъ, разсудя, что онъ имѣетъ у себя въ рукахъ письмо государственнаго казначея, изъ котораго видно неудовольствіе его на финансъ-министра, рѣшился доложить Государю, что̀ на другой день и исполнилъ. Императоръ тоже усумнился было, не видя ничего отъ Голубцова письменнаго, но когда показано ему письмо отъ казначея, то взялъ вѣру и обѣщалъ о томъ переговорить съ финансъ-министромъ. Это былъ вторникъ, докладный день Державина, то онъ и поѣхалъ прямо изъ дворца въ Сенатъ; тамъ нашелъ въ первомъ департаментѣ финансъ-министра графа Васильева, помощника его Гурьева, котораго онъ подозвавъ, нарочно въ слухъ при всѣхъ сказалъ

ему,—давъ почувствовать, что онъ, не духомъ тайной клеветы какой водимъ и пронырствомъ, докладывалъ Государю то, о чемъ его Голубцовъ просилъ,—и объявилъ государевъ указъ о пожалованіи казначея въ слѣдующій чинъ. Голубцовъ поблѣднѣлъ и ни слова на это ему не отвѣтствовалъ. Васильевъ пристально на это всмотрѣлся, также ничего не говорилъ. Но на другой день, то есть въ середу, въ его докладное время, какъ видно, объяснился съ Голубцовымъ, а сей, чтобъ вывернуться изъ своего сквернаго противъ дяди поступка, далъ совсѣмъ другой оборотъ дѣлу, сказавъ, что будто Державинъ призывалъ его къ себѣ, упрашивалъ и даже угрaживалъ, домогаясь, чтобъ онъ доносилъ на неисправность дяди, изъ той будто злобы, что Державинъ, тотчасъ по восшествіи на престолъ Императора Александра, смѣненъ изъ государственныхъ казначеевъ Васильевымъ, то Васильевъ и жаловался яко бы на нападки Державина Государю и просилъ отъ него защиты, а тѣмъ самымъ и ослабилъ вѣроятіе доносовъ Голубцова, внушенныхъ Государю чрезъ Державина. Сіе все въ слѣдующій докладной день, т. е. въ воскресенье, самъ пересказалъ Императоръ за тайну Державину, спрося напередъ его, какъ онъ призывалъ къ себѣ Голубцова и принуждалъ его доносить на Васильева? Державинъ отвѣтствовалъ: да какъ же могъ онъ его принудить написать письмо къ нему о казначеѣ? Тогда Государь сказалъ: « А! вижу теперь плутни, хорошо-жъ, я посажу теперь Голубцова въ министерскій Комитетъ, пусть онъ тамъ сидя уличаетъ финансъ-министра въ несправедливыхъ его докладахъ, и препятствуетъ распоряжать ему государственными суммами ко вреду казны.» Но ничего не бывало. Голубцовъ, такимъ образомъ втершись въ министерскій Комитетъ, былъ всегда противъ финансъ-министра безгласнымъ, иногда и въ такихъ дѣлахъ, которыя, со стороны видно было, не только хозяйственны, но даже и вредны. Послѣ по ихъ поступкамъ можно было подумать, что не съ намѣреніемъ ли они согласясь, сыграли сію хитрую штуку. Для того 1-е, чтобъ жалобою въ притѣсненіи вселить въ Государѣ нѣкоторое подозрѣніе на Державина, что онъ, докладывая о безпо-

рядкахъ казеннаго управленія, подкапывается на Васильева. 2-е, что Голубцовъ, не бывъ въ министерскомъ Комитетѣ, считалъ себѣ за обиду, когда Гурьевъ, будучи помощникомъ министра, въ ономъ присутствовалъ, то чтобь ему въ оный сею хитростію втереться, куда ни Васильевъ, ни онъ самъ не могли и не смѣли, не имѣвъ причины о томъ просить Императора. 3-е, чтобъ, сидя вмѣстѣ, въ Комитетѣ, могли другъ друга лучше подкрѣплять, ибо Гурьевъ всегда былъ несогласенъ съ Васильевымъ и всегда искалъ его мѣста, котораго онъ со временемъ, разными интригами и происками, наконецъ чрезъ Сперанскаго домогся. Вотъ таковыми то людьми и средствами въ сіе несчастное время большею частью управлялось государство. Но оставимъ описывать въ подробности подобныя сплетни и каверзы, противъ Державина употребляемыя; а скажемъ, какимъ образомъ онъ отъ службы уволенъ.

Въ началѣ Октября мѣсяца 1803 году, въ одно воскресенье, противъ обыкновенія, Государь его не принялъ съ докладами, приказавъ сказать, что ему недосугъ, хотя и былъ у развода. Въ понедѣльникъ прислалъ къ нему письмо или рескриптъ, въ которомъ, хотя оказываетъ удовольствіе свое ему за отправленіе его должности, но тутъ же говоритъ, чтобъ отнять неудовольствіе, доходящее къ нему на неисправность его канцеляріи, проситъ очистить постъ министра юстиціи, а остаться только въ Сенатѣ и Совѣтѣ присутствующимъ. Державинъ не зналъ, что̀ подумать и чѣмъ по должности могъ онъ прослужиться, отправляя ее со всѣмъ своимъ усердіемъ, честностію, всевозможнымъ прилежаніемъ и безкорыстностіемъ; но разсудя, что таковыми качествами или добродѣтелями найти совершенное благоволеніе не можно, написалъ ему письмо, въ которомъ напомянулъ слишкомъ 40-лѣтнюю ревностную службу, и то, что онъ при бабкѣ его и при родителѣ всегда былъ недоброхотами за правду и истинную къ нимъ приверженность притѣсняемъ и подвергаемъ подъ судъ, но, по непорочности, оправдыванъ, и получалъ большее возвышеніе и довѣренность, такъ что удостоенъ былъ и приближеніемъ къ ихъ престолу; и

что и ему служа, шелъ по той же стезѣ правды и законовъ, не смотря ни на какія сильныя лица и противныя противъ его партіи; напомянувъ свои ему при дѣлѣ Потоцкаго предваренія, что его будутъ предъ нимъ оклеветывать и прочая, заключилъ, что ежели такой юстицъ-министръ, который слѣдуетъ законамъ и справедливости не угоденъ, то чтобъ отпустилъ его съ честію, какъ предмѣстника его г. Беклешова; ибо онъ не признаетъ себя виновнымъ или прослужившимся. Покодѣ не получилъ на сіе письмо резолюціи, получилъ отъ нѣкоторой женщины, довольно порядочной, или по крайней мѣрѣ не сумасшедшей, доносъ, изъявляющій умыслъ на жизнь Его, въ который вмѣшивала она весьма важныя лица, такъ что онъ не смѣлъ приступить даже къ письменнымъ допросамъ, а поговоря съ нею наединѣ, примѣтилъ, что она сбивчива и сумазбродно пересказывала обстоятельства, которыя давали подозрѣніе, что она ли не совсѣмъ въ здравомъ разсудкѣ или какъ нибудь коварно научена затѣять такія сплетни, которыя разпутывать было бы и трудно и непріятно, по касательству такихъ особъ, коихъ оскорбленіе было бы уже съ его стороны преступленіемъ, то онъ и рѣшился послать къ Нему краткую записку ([1]), что онъ имѣетъ нужду видѣться съ Нимъ по секретному дѣлу, то и проситъ назначить часъ, когда онъ можетъ къ Нему пріѣхать. Онъ отвѣчалъ ему также запиской, что онъ можетъ къ Нему пріѣхать на другой день, то есть въ четвертокъ, въ обыкновенное докладное время, то есть въ 10 часу поутру, что и было исполнено. Тутъ было престранное и довольно горячее объясненіе со стороны Державина, въ которомъ онъ спрашивалъ Его, въ чемъ онъ предъ Нимъ прослужился. Онъ ничего не могъ сказать къ обвиненію его, какъ только: *ты очень ревностно служишь.* «А какъ такъ, Государь! отвѣчалъ Державинъ, то я иначе служить не могу. Простите.» — «Оставайся въ Совѣтѣ и Сенатѣ»—«Мнѣ нечего тамъ дѣлать.»—«Но подавайже просьбу,

---

(1) Сія переписка въ подлинникѣ прилагается. *Прим. Держ.* Однакоже не приложена. *Ред.*

подтвердилъ Государь, о увольненіи отъ должности юстицъ-министра.»—«Исполню повелѣніе.» Тутъ выпросилъ онъ многимъ подкомандующимъ своимъ чины и другія милости, растаяся, а между тѣмъ поколь онъ не подавалъ просьбы, то доводили до него, чрезъ его ближнихъ, внушенія, что, ежели онъ пришлетъ уничижительное прошеніе о увольненіи его отъ должности юстицъ-министра, по ея трудности, и останется въ Сенатѣ и Совѣтѣ, то оставлено будетъ ему все министерское жалованье, 16,000 рублей, и въ вознагражденіе за труды дастся Андреевская лента: но какъ онъ цѣнилъ истинныя достоинства не по деньгамъ, не по лентамъ, а по довѣренности государской и совѣстному разбирательству своихъ поступковъ, то когда лишился онъ первой, по самонравію счастья или лучше сказать Государя, которому служилъ онъ всею душею и сердцемъ, не щадя ни здоровья своего, ни трудовъ, и не можетъ также упрекать себя въ нарушеніи второй, то и не хотѣлъ принять предлагаемыхъ выгодъ и награжденій, а написалъ просто по формѣ просьбу, въ которой весьма кратко сказалъ, чтобъ Государь его отъ службы *своей уволилъ*. Въ слѣдствіе чего, на другой или третій день состоялся 8 Октября 1803 году въ Сенатѣ указъ, коимъ онъ отъ службы вовсе уволенъ, съ пожалованіемъ ему 10,000 рублей каждогоднаго пансіона, который онъ и теперь получаетъ. Здѣсь прилично сказать, какія онъ въ продолженіи своей службы, разумѣется уже въ знаменитыхъ чинахъ, оказалъ ревностныя услуги въ статской службѣ, за которыя имѣлъ бы право быть вознагражденнымъ, но напротивъ того претерпѣлъ разныя непріятности и гоненія, о коихъ выше сказано.

1-е, за то, что, будучи въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ совѣтникомъ, желалъ точно исполнить узаконенія и повѣрять по мѣсячнымъ мѣстамъ суммы ассигнованныя, точно ли они тѣми мѣстами получены были, куда назначены, получилъ неудовольствіе отъ князя Вяземскаго и едва удержался въ службѣ.

2-е, за то, что не хотѣлъ обмануть Императора и окле-

ветать начальниковъ губерніи, будто отъ нихъ никакихъ въ полученіи нѣтъ вѣдомостей, по которымъ бы можно изъясненіе сдѣлать въ пріумножившихся доходахъ отъ новой ревизіи и прибавки оброку на государственныхъ крестьянъ по рублю на душу, отъ него же Вяземскаго вознагражденъ гоненіемъ.

3-е, за то, что не рѣшился принять отъ Тутолмина къ исполненію вздорныхъ его учрежденій въ предосужденіе Императорской власти, великія имѣлъ непріятности, и хотя тогда ничего ни сдѣлали, кромѣ что перевели изъ Олонецкой въ Тамбовскую губернію; но никакого ободренія не получилъ къ ревностной службѣ, но, напротивъ того, всякое притѣсненіе и неудовольствіе по службѣ отъ генералъ-прокурора и Сената, въ продолженіи трехъ лѣтъ; сколько помнится, имѣлъ за такія дѣла, за которыя бы похвалить должно было, выговоры.

4-е, за выдачу въ Тамбовѣ ассигнованныхъ провіантскихъ и коммисаріатскихъ суммъ коммиссіонеру князя Потемкина, на продовольствіе Очаковской арміи, которая терпѣла голодъ, получилъ отъ Сената выговоръ, вмѣсто того, чтобъ за расторопность и усердіе имѣлъ право быть вознагражденнымъ.

5-е, за удержаніе сложности по винному откупу 240 тысячь въ 4 года въ той же губерніи и за открытіе казенныхъ похищеній до 500 душъ—подъ предлогомъ, будто дѣлалъ помѣшательство въ выборахъ дворянскихъ, отрѣшенъ отъ должности губернаторской и отданъ подъ судъ, по которому оправдался и не получилъ за невинное претерпѣніе никакого по законамъ удовлетворенія, кромѣ личнаго уваженія отъ Императрицы, что приглашаемъ былъ въ эрмитажъ и къ комнатнымъ забавамъ, и то, если правду сказать, не за отличную службу, а за стихотворческій талантъ; ибо желалось похвалъ.

6-е, будучи статсъ секретаремъ, и за окончаніе весьма труднѣйшихъ важныхъ дѣлъ, которыя по большей части

выше описаны, не токмо не получилъ никакихъ наградъ, но политически отдаленъ отъ Императрицы и пожалованъ въ Сенаторы, гдѣ также, хотя имѣлъ уваженіе, но съ великими непріятностями и противуборствомъ за истину.

7-е, за то, что попросилъ у Императора Павла инструкціи, будучи опредѣленъ въ правители Верховнаго Совѣта, прогнанъ отъ него чрезъ три дни обратно въ Сенатъ съ выговоромъ.

8-е, за коммиссіи въ Польшѣ, хотя получилъ отъ него чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденъ Малтійскій; но въ подкрѣпленіе недостаточнаго состоянія своего, какъ многимъ тогда, Богъ знаетъ за что, роздаваны крестьяне, ни чѣмъ не награжденъ.

9-е, при Императорѣ Александрѣ, за Калужскую трудную экспедицію, не токмо ни чѣмъ не пожалованъ, но претерпѣлъ великія непріятности, и будучи генералъ-прокуроромъ, хотя оказалъ отлично усердные подвиги къ благоденствію имперіи, но ничто прямаго уваженія не имѣло, а именно:

10-е, прежде генералъ-прокуроры не токмо не дозволяли свободы сенаторамъ узнавать прямо существо рѣшимыхъ ими дѣлъ; но Вяземскій скрывалъ оныя, дабы никто не вѣдалъ истины. Но Державинъ исходатайствовалъ узаконеніе и ввелъ въ обычай, что теперь лежатъ дѣла на столѣ открыто, съ замѣтками важныхъ въ нихъ обстоятельствъ, и сочиняются для облегченія ихъ краткія записки, и разсылаются къ нимъ за двѣ недѣли до докладу, такъ что они свободное имѣютъ время вникать во всѣ обстоятельства, дабы видѣть безпристрастно.

11-е, введены консультаціи, чтобъ по возможности соображать всѣ обстоятельства и законы, генералъ-прокуроръ могъ предложенія свои давать о соглашеніи разныхъ мнѣній сенаторскихъ, какъ можно наилучшимъ, безпристрастнымъ образомъ; но сіи полезныя и спасительныя заведенія лѣностію, или лучше сказать, небреженіемъ или нелюбленіемъ истины, преемниковъ его, юстиціи министровъ, князя Лопу-

хина и г. Дмитріева, обращены въ сущій вредъ, потому что, когда они престали прилежно надзирать за сочиненіемъ докладныхъ краткихъ записокъ, то подьячіе, или лучше сказать, секретари, не стали пещися о краткомъ и ясномъ сочиненіи ихъ, но подлинникомъ почти дѣла или огромные изъ нихъ экстракты вписывали въ тѣ докладныя записки, то по огромности и не внятному ихъ слогу отняли всю возможность у г. г. сенаторовъ внятно прочитывать ихъ и проразумѣть существо дѣлъ, а давали свои резолюціи какъ ни попало, и отъ того не рѣдко выходитъ несогласіе двухъ сторонъ, но даже къ удивленію бываетъ по одному дѣлу до 7 разныхъ мнѣній. На консультацію же присланныя по лѣности генералъ-прокуроровъ, а особливо г. Дмитріева, такъ умножились, что сдѣлался изъ множества ихъ особый такъ сказать Департаментъ, къ тяжкой проволочкѣ тяжущихся и къ обидѣ сенаторовъ, потому что г. Дмитріевъ рѣдко самъ при оныхъ присутствовалъ, то и писаны были отъ него только предложенія по внушеніямъ его канцеляріи, кои не уважали иногда оберъ-прокурорскихъ и консультантовъ мнѣній, а потому и отняли у сенаторовъ всякое уваженіе и охоту къ безпристрастному суду. Державинъ исходатайствовалъ указъ въ 1803 году объ избраніи чиновниковъ для службы въ имперіи, съ нижняго до самаго вышняго мѣста, прежде по губерніи при выборѣ на губернскія мѣста, а послѣ оныхъ на всѣ государственныя должности такимъ образомъ, чтобъ списки тѣхъ чиновниковъ, которые въ губерніи для службы государственной, отсылали въ Герольдію, а Герольдія-бъ, избравъ изъ нихъ кандитатовъ, по соображенію съ послужными списками, представляла бы Сенату, который бы зависящихъ отъ него чиновъ и утверждалъ по тѣмъ представленіямъ, а которые зависятъ отъ Императорскаго Величества, о тѣхъ бы къ нему входилъ, выбравъ трехъ человѣкъ, своихъ кандидатовъ, дабы опредѣленіе на мѣста чиновниковъ сперва по общему въ государствѣ выбору, а потомъ по Герольдіи и Сената удостоенію, было, сколько возможно, безпристрастно и осмотрительно; а не такъ, какъ прежде и нынѣ дѣлается, что по проискамъ, взяткамъ и рекоменда-

ціямъ камердинеровъ и метресъ недостойныхъ людей (опредѣляютъ). Но по выходѣ Державина изъ министерства сей указъ никакого исполненія не имѣлъ.

12-е, Державинъ исходатайствовалъ также указъ о судимыхъ въ уголовныхъ палатахъ за преступленіе должностей чиновникахъ, что бы, по рѣшеніи объ нихъ дѣлъ въ палатахъ, когда прочтутся при открытыхъ дверяхъ имъ опредѣленія, ихъ обвиняющія, то чтобъ давали имъ сроку двѣ недѣли на тѣ рѣшенія дѣлать ихъ примѣчанія, которыя, въ случаѣ ихъ неудовольствія, отсылать бы вмѣстѣ съ дѣломъ на ревизію Сената; ибо прежде симъ бѣднымъ подсудимымъ, иногда свыше мѣры ихъ винъ утѣсненнымъ отъ губернскихъ начальниковъ, не давалось почти никакого способа къ ихъ оправданію; но по взятіи отъ нихъ отвѣтовъ, нерѣдко случалось притѣснителямъ и вельможамъ дѣлать о нихъ несправедливыя опредѣленія, и, не объявляя оныхъ имъ, лишали ихъ мѣстъ, жалованья, а иногда и самыхъ чиновъ, такъ что они послѣ не могли добиться нигдѣ защиты и лишались пропитанія. Сей указъ, хотя исполняется, но не совсѣмъ иногда, а по домогательству генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ отсылаются въ Сенатъ о нихъ несправедливыя рѣшенія и безъ объявленія имъ.

13-е, имъ же исходатайствованъ указъ, о взятчикахъ, чтобъ не подвергать единой строгой участи, какъ тѣхъ, которые берутъ взятки, такъ и тѣхъ, которые, по необходимости иногда, чтобъ избавиться несносной волокиты и притѣсненія въ производствѣ и напрасно, ходя за дѣлами, не проживаться, даютъ подарки, и чтобъ не имѣть необходимости канцелярскимъ служителямъ, для содержанія своего, впадать въ лихоимство, прибавить имъ жалованья, изобрѣтя оное отъ самаго производства дѣлъ, что̀ Державинъ и сдѣлалъ, написавъ докладъ, дабы, пріумножа сенатскую типографію, и продавая изъ оной всѣ законы и выходящіе указы, продавать и обращать вырученныя деньги въ прибавокъ по трудамъ къ жалованью канцелярскимъ сенатскимъ

служителямъ, что̀ послѣ него хотя и сдѣлано, но вырученныя за продажу указовъ и сенатскихъ вѣдомостей деньги, которыхъ въ годъ поступаетъ болѣе ста тысячь рублей, употребляются не въ жалованье сенатской канцеляріи, а отсылаются въ государственное казначейство. Касательно же о взяткахъ указа, чтобъ различить зловреднаго лихоимца отъ принимателя изъ крайней нужды какой либо безделки, о томъ послѣ Державина никакого сужденія не дѣлано, и сей указъ лежитъ теперь 10-ть лѣтъ безъ малѣйшаго движенія.

14-е, выше сказано, что Державинъ сочинилъ правила третейскаго суда, которыя могли бы прекратить и взятки и доставить государству скорое и безпристрастное правосудіе; но никакого къ нимъ вниманія не сдѣлано; и какъ заботливая его попечительность, какъ вѣрнаго сына отечества, и служба потоптана, такъ сказать, въ грязи, а потому онъ, какъ выше явствуетъ, и оставилъ оную въ 1803 году Октября 8 го числа, бывъ генералъ-прокуроромъ одинъ только годъ и одинъ мѣсяцъ.

Упражненіе его послѣ отставки отъ службы.

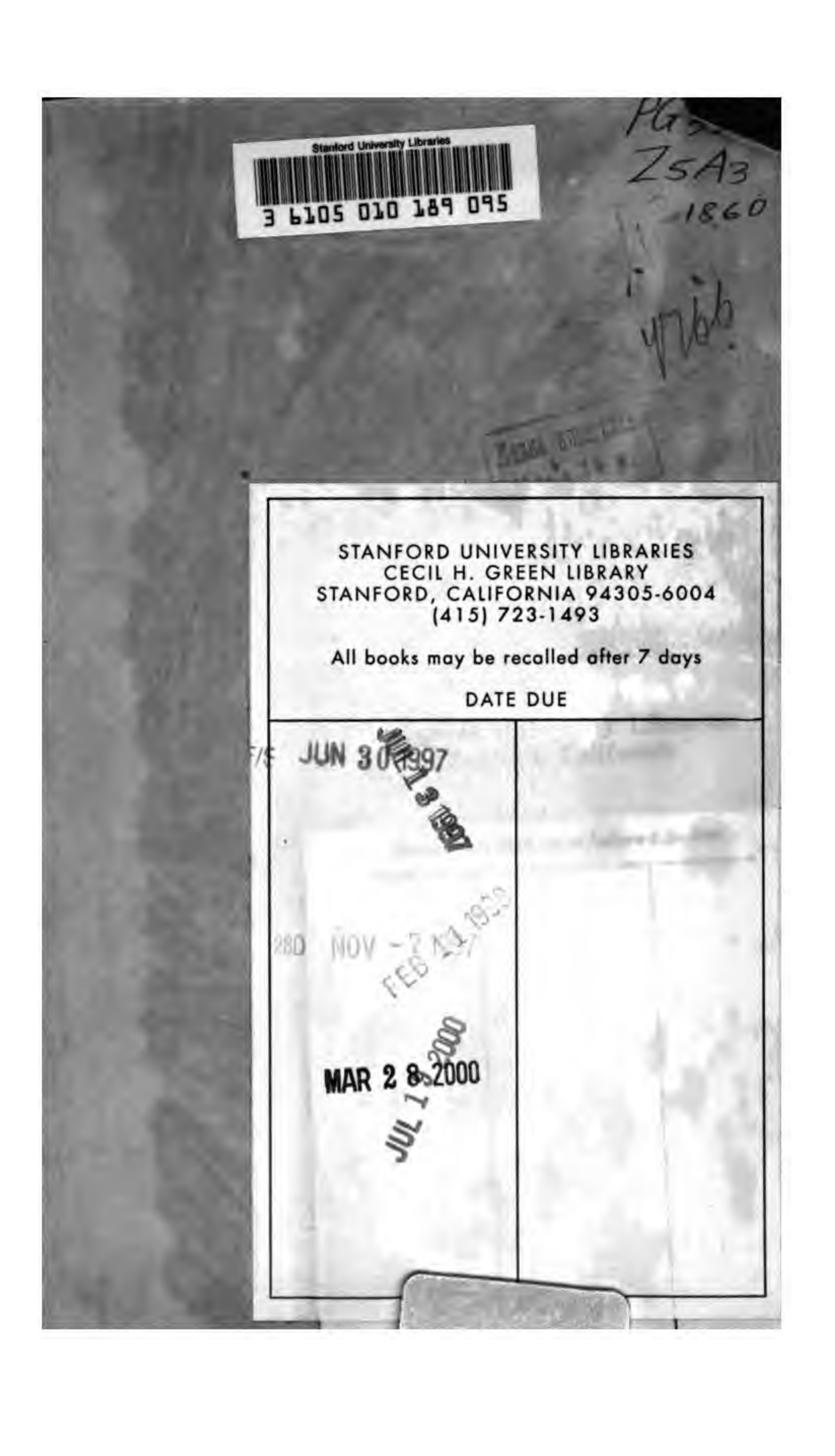
Привыкши къ безпрестаннымъ трудамъ, не могъ онъ быть безъ упражненія, и для того занимался литературою, писалъ нѣсколько лирическихъ сочиненій, которыхъ вышло 4 части, и еще наберется, можетъ быть, одна; сочинялъ трагедіи, какъ то 1-е), Иродъ и Маріямна, 2-е), Евпраксія, 3-е), Темнаго, да перевелъ Федру, Зельмиру. Комическую написалъ оперу, бездѣльныхъ двѣ: Дурачки умнѣе умныхъ, и Женская дружба, нѣсколько прозаическихъ сочиненій, надписей, эпиграммъ и разсужденіе о лирической поэзіи. Но въ 1806 и въ началѣ 1807 году, въ то время, какъ вошли Французы въ Пруссію, не утерпѣлъ, писалъ Государю двѣ записки о мѣрахъ, какимъ образомъ укротить наглость Французовъ, и оборонить Россію отъ нападенія Бонапарта, которое явно предвидѣлъ, о чемъ съ Нимъ и словесно объ-

яснялся, прося позволенія сочинить проэктъ, къ которому у него собраны мысли и начертанъ планъ, только требовалось нѣкоторыхъ справокъ отъ военной коллегіи и прочихъ мѣстъ относительно народа, военныхъ крѣпостей, оружія и тому подобное. Государь принялъ сіе предложеніе съ благосклонностію, хотѣлъ призвать его къ себѣ, но поѣхавъ въ Мартѣ мѣсяцѣ къ арміи подъ Фридландъ и возвратясь оттуда, перемѣнилъ съ нимъ прежнее милостивое обхожденіе, не кланялся уже и не говорилъ съ нимъ; а напротивъ того чрезъ князя А. Н. Голицина, за псаломъ 101, переложенный имъ въ стихи, въ которомъ изображалось Давыда сѣтованіе о бѣдствіи отечества, сдѣлалъ выговоръ, отнеся смыслъ онаго на Россію, и говоря: Россія не бѣдствуетъ; о чемъ яснѣе можно видѣть изъ анекдота, написаннаго о семъ случаѣ. Нужно припомнить, что когда Державинъ вышелъ въ отставку и увидѣлъ, что указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ не исполняется, и исполниться не можетъ, и будучи тогда очень нездоровымъ, написалъ завѣщаніе о своемъ мнѣніи, въ которомъ сдѣлалъ распоряженіе относительно свободы его крестьянъ, въ которомъ ограничилъ съ одной стороны самовластіе владѣльцевъ, его наслѣдниковъ, надъ людьми и крестьянами, а съ другой не далъ имъ никакого поводу къ своеволію и перехожденію на мѣста; въ 1808 или 1809 году просилъ чрезъ господина Молчанова о подтвержденіи Государемъ того его завѣщательнаго распоряженія; но не удостоился его благоволенія, а сказано было, чтобъ просилъ о томъ въ судебныхъ мѣстахъ по законамъ, чего безъ воли императорской никому не можно было сдѣлать. Съ тѣхъ поръ оставилъ Державинъ всячески Дворъ, и не безпокоилъ его никакими на пользу отечества усердными представленіями, кромѣ что въ 1812 году, во время вторженія Французовъ внутрь имперіи, при случаѣ воззванія манифестомъ всеобщаго ополченія, писалъ изъ Новагорода Іюля 14 дня, о нѣкоторыхъ къ оборонѣ служащихъ мѣрахъ, но что̀ по нимъ сдѣлано, ни отъ Императора и ни отъ кого не имѣлъ никакого извѣстія, и дошла ли та бумага до рукъ Его Величества, не получилъ ни отъ кого никакого свѣде-

нія, ибо отдана она была лично въ Новѣгородѣ Его Высочеству принцу Георгію Ольденбурскому для доставленія Его Величеству. Также по пріѣздѣ тогда въ Петербургъ, когда всѣ были въ крайней тревогѣ, собирались и укладывались уѣхать неизвѣстно куды, и капиталы партикулярныхъ людей изъ ломбарда не хотѣли выдавать, то онъ чрезъ госпожу ([1]) довелъ ропотъ народный до вдовствующей Императрицы, подъ управленіемъ которой состоялъ тотъ ломбардъ, что̀ было весьма непріятно Императрицѣ; но однако дано было повелѣніе, чтобъ выдать капиталы ихъ требующимъ обратно, то и прекратилось тѣмъ народное неудовольствіе. Сіе оканчивается 1812 годомъ.

---

(1) Въ подлинникѣ пробѣлъ


Stanford University Libraries
3 6105 010 189 095
PG
Z5A3
1860
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
JUN 30 1997
MAR 28 2000